90

237 792

Fu 1098

УЧЕБНИКЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ

(систематическій курсъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія)

СОСТАВИЛЪ

К. А. Ивановъ,

Директоръ СПБ. 12-й гимназіи.

БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Изданіе 3-е,

СЪ РИСУНКАМИ, СНИМКАМИ СЪ ПОЧЕРКОВЪ, ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТАВЛИЦАМИ.

Цѣна 1 р. 40 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ въ книгоиздательствѣ „Петербургскій Учебный Магазинъ".

Петербургская сторона, Большой просп., 10.

1909.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги того же автора:

1) Средневѣковой замокъ и его обитатели, изд. 3-е, съ 37 рисунками. Ц. 75 к.

2) Средневѣковой городъ и его обитатели, изд. 2-е, съ 22 рисунками. Ц. 75 к.

3) Средневѣковой монастырь и его обитатели, изд. 2-е, съ 31 рис. Ц. 1 р.

4) Средневѣковая деревня и ея обитатели, изд. 2-е, съ 31 рис. Ц. 75 к.

5) Трубадуры, труверы и миннезенгеры, съ 43 рис. Ц. 1 р. 50 к.

6) Исторія древняго міра, изд. 6-е, съ 64 рис. Ц. 80 к.

7) Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ учебный), изд. 8-е, съ 50-ю рис. Ц. 80 к.

8) Новая исторія, изд. 5-е, съ рис. Ц. 80 к.

9) Сокращенный курсъ исторіи древняго міра (для реальныхъ училищъ), изд. 5-е, съ рис. Ц. 60 к.

10) Сокращенный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ (для реальн. училищъ и женскихъ гимназій), изд. 4-е, съ рис. Ц. 60 к.

11) Сокращенный курсъ новой исторіи, съ рис. Ц. 75 к.

12) Востокъ и миѳы (курсъ 3-го класса гимназій), изд. 4-е, съ 76 рис. Ц. 75 к.

13) Учебникъ русской исторіи (систематическій курсъ), со многими рисунками, генеалогическими и хронологической таблицами, изд. 3-е, съ рис. Ц. 1 р. 40 к.

14) Стихотворенія (историческія поэмы, мелкія стихотворенія, драмы), роскошное изданіе на веленевой бумагѣ. Ц. 2 р.

15) Очерки по методикѣ исторіи. Ц. 1 р.

16) Учебникъ новѣйшей исторіи для школы и самообразованія. Ц. 80 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Бесѣды съ дѣтьми по русской исторіи.

Складъ изданій въ книгоиздательствѣ „Петербургск. Учебн. Магазинъ“ въ Спб., Петербургская стор., Большой пр., 10.

УЧЕБНИКЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ

(систематическій курсъ для старшихъ классовъ
среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія)

СОСТАВИЛЪ

К. А. Ивановъ,

Директоръ СПБ. 12-й гимназіи.

БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
13765

Изданіе 3-е,

СЪ РИСУНКАМИ, СНИМКАМИ СЪ ПОЧЕРКОВЪ,
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМИ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦАМИ.

Цѣна 1 р. 40 к.

Складъ изданія въ „Петербургскомъ Учебномъ Магазинѣ“.
С.-Петербургъ, Петербургская стор., Большой пр., 6.
1909.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

Объ источникахъ русской исторіи.

Основнымъ источникомъ для изученія событій русской исторіи до XVII вѣка являются лѣтописи. Подъ именемъ лѣтописи разумѣется погодное описаніе событій. Подъ одними годами мы находимъ подробное изложеніе событій, подъ другими — краткое; нерѣдко лѣтопись только отмѣчаетъ совершившееся событіе; встрѣчаются годы съ характерною записью „мирно бысть“ или и просто безъ всякой записи. Всѣ сохранившіеся до нашего времени списки лѣтописей (а сохранилось ихъ очень много) представляютъ сборники или своды извѣстій и сказаній, скомпилированные изъ нѣсколькихъ трудовъ. Такими компилятивными сводами являются и древнѣйшія лѣтописи. Наша первоначальная лѣтопись „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ также не представляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Въ составъ ея вошли: греческая хроника Георгія Амартолы, русскія монастырскія записи и даже цѣлая повѣсть о крещеніи Руси, принадлежащая перу неизвѣстнаго автора XI вѣка; на общемъ фонѣ рельефно выдѣляются народныя преданья.

Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ, въ составъ которыхъ вошла „Повѣсть временныхъ лѣтъ“,—такъ называемая Лаврентьевская лѣтопись. Свое названіе этотъ лѣтописный сводъ получилъ отъ имени монаха Лаврентія, который списалъ его въ 1377 году, что видно изъ его приписки. За „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, заканчивающеюся 1110 годомъ, въ Лаврентьевскомъ сводѣ слѣдуютъ извѣстія, касающіяся главнымъ образомъ сѣверо-восточной, точнѣе—Суздальской Руси. Къ концу того же XIV или къ началу XV вѣка относится Ипатьевская лѣто-

пись, названная такъ отъ того мѣста, въ которомъ она хранилась, отъ Костромского Ипатьевскаго монастыря. Въ началѣ Ипатьевскаго свода находится та же „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, а за нею слѣдуютъ очень подробныя извѣстія, касающіяся юго-западной Руси. Изъ лѣтописныхъ сводовъ, сосредоточивающихъ въ себѣ извѣстія, касающіяся преимущественно того или другого края земли русской, наиболѣе выдаются Новгородскія, Псковскія и Литовскія лѣтописи.

Съ XV столѣтія, когда историческій процессъ объединенія Руси совершался съ особенной интенсивностью, появились аналогичныя попытки и въ области лѣтописанія: лица, особенно интересовавшіяся этою областью, стали собирать въ одно цѣлое матеріалы, разбросанные по разнымъ лѣтописнымъ сводамъ. Появившіеся въ результатѣ этой дѣятельности новые лѣтописные своды извѣстны подъ именемъ Московскихъ. Наиболѣе раннимъ изъ нихъ является Софійскій Временникъ. Свое наименованіе онъ получилъ отъ Софійскаго Новгородскаго собора, какъ отъ мѣста своего составленія или храненія. Софійскій Временникъ представляетъ чисто внѣшнее, механическое соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей. Такимъ же характеромъ отличается и Воскресенская лѣтопись, появившаяся въ XVI в. Около того же времени возникаютъ Степенныя книги, представляющія первый опытъ систематизаціи лѣтописнаго матеріала. Подобный, уже переработанный матеріалъ заключаетъ въ себѣ и Никоновская лѣтопись.

Лѣтописи въ Московскомъ государствѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтали значеніе оффиціальныхъ документовъ. Одному изъ лѣтописцевъ начала XI в. кажется, что и первыя наши лѣтописи появленіемъ своимъ были обязаны „властодержцамъ“, которые будто бы приказывали писать обо всемъ совершавшемся, какъ хорошемъ, такъ и дурномъ. Изъ этого можно заключить, что въ его время уже появилась правительственная лѣтопись. Въ лѣтописи такого рода заносились какъ дворцовыя, такъ и политическія событія. Къ числу такихъ лѣтописей принадлежитъ, напримѣръ, такъ наз. Царственная книга[1]),

[1]) Царственная книга, то есть Лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061.

въ которой мы находимъ описаніе (какъ бы дневникъ) поѣздки великаго князя Василія III въ Троицкую Лавру, хода его болѣзни, осады и покоренія Казани и т. под. Постепенно лѣтописи, пріобрѣтая все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ, превратились въ такъ называемыя Разрядныя книги, куда заносились всѣ назначенія, перемѣщенія, мѣстническія дѣла, походы, отписки воеводъ и т. под.

Въ XVI в. рядомъ съ лѣтописями появляется новый видъ историческихъ произведеній, а именно хронографы; такъ назывались труды, заключавшіе въ себѣ обзоръ событій изъ исторіи библейской, византійской, славянской и русской.

Еще въ лѣтописи мы встрѣчаемся съ повѣстями и сказаніями. Очень многія изъ нихъ дошли до насъ и въ отдѣльномъ видѣ; другія, хотя и сохранились до нашего времени только въ текстѣ лѣтописей, но, по всей вѣроятности, существовали отдѣльно. Сказанія подробно описываютъ или какое-либо историческое событіе (напр. Сказаніе о побоищѣ вел. князя Дмитрія Ивановича съ Мамаемъ), или жизнь какого-либо лица, прославленнаго подвигами или святостью (напр. „О благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ и храбрости его“). Сказанія, описывающія жизнь людей, прославившихся своею святостью, извѣстны подъ названіемъ Житій святыхъ.

Съ XVI столѣтія появляются въ нашей исторической литературѣ такъ называемыя записки. Авторы послѣднихъ обыкновенно были современниками описываемыхъ ими событій. Они описывали ихъ или какъ участники, или какъ люди, слышавшіе о событіяхъ отъ очевидцевъ ихъ. Разница между записками и сказаніями заключается въ томъ, что въ запискахъ выступаетъ на первый планъ самъ авторъ со своими симпатіями, антипатіями и взглядами. Записки представляютъ чрезвычайно цѣнный историческій матеріалъ. Изображая рядомъ съ крупными событіями и мелочи повседневной жизни, онѣ какъ бы вводятъ читателя въ кругъ описываемаго ими времени. Но пользоваться ими можно лишь при соблюденіи величайшей осторожности. Предварительно необходимо твердо установить фактъ освѣдомленности автора, опредѣлить его точку зрѣнія и степень его правдивости. Рядъ записокъ открывается знаменитымъ трудомъ князя А. М. Курбскаго,

„Исторіей князя великаго Московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими“. Не смотря на такое заглавіе, какъ бы предрасполагающее читателя вѣрить талантливому автору, трудомъ его приходится пользоваться очень осторожно. Князь Курбскій приступилъ къ своей работѣ съ опредѣленною, предвзятою мыслью. Онъ задался цѣлью доказать, что отступленіе великихъ князей Московскихъ отъ старины, выразившееся въ униженіи боярства, навлекло на русскую землю бѣдствія, и мрачно рисуетъ время, послѣдовавшее за удаленіемъ отъ двора Іоанна Грознаго Сильвестра и Адашева. Среди записокъ встрѣчаются и такія, въ которыхъ совершенно нѣтъ политическаго элемента. Таковы, напримѣръ, записки артиллеріи маіора Данилова, жившаго въ XVIII вѣкѣ. Въ запискахъ этихъ изображается бытъ и воспитаніе средняго дворянства того времени. Чрезвычайно цѣнный матеріалъ для бытовой исторіи того же XVIII столѣтія даютъ и записки Болотова.

Кромѣ записокъ, большой интересъ для изслѣдователя представляютъ и частныя письма какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ людей. Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для эпохи Іоанна Грознаго по справедливости считается переписка царя съ княземъ Курбскимъ. Историческими источниками являются и письма совершенно неизвѣстныхъ лицъ, какъ напримѣръ: письмо неизвѣстнаго о Потемкинскомъ праздникѣ, о кончинѣ Екатерины, о первомъ днѣ царствованія императора Павла I, и т. под.

Съ возникновеніемъ письменности послѣдняя прилагается къ потребностямъ гражданской и государственной жизни народовъ: появляются записи частныхъ сдѣлокъ, писаные законы, международные трактаты и т. под. юридическіе и государственные акты. Съ развитіемъ общественныхъ отношеній и политической жизни народа число актовъ значительно увеличивается, и самые акты становятся все болѣе и болѣе разнообразными. Значеніе памятниковъ этого рода было признано на Руси уже давно. Уже въ царствованіе Іоанна Грознаго въ Москвѣ существовалъ царскій архивъ, какъ ихъ мѣстохранилище. Несмотря на пожары и нашествія непріятелей до нашего времени дошло и сохраняется въ нашихъ архивахъ огромное количество историческихъ памятниковъ

этого рода. Акты государственные составляютъ одну изъ основъ историческаго повѣствованія. Юридическіе акты знакомятъ историка со взглядами, господствовавшими въ данную эпоху, со степенью культурнаго развитія въ обществѣ, съ его строемъ.

Большое значеніе при изученіи бытовой исторіи имѣютъ и памятники словесности, какъ напр., пѣсни, сказки, преданія, заговоры, загадки, пословицы, поговорки и былины, и памятники литературные. Изъ памятниковъ литературныхъ первое мѣсто по времени занимаютъ въ нашей исторіи произведенія богословскія, цѣнныя для историка главнымъ образомъ поучительнымъ и обличительнымъ элементами. Изъ литературныхъ произведеній этого рода историкъ знакомится съ уровнемъ нравственныхъ понятій, съ недостатками и пороками, съ тѣми или другими умственными направленіями, выражавшимися въ различныхъ ересяхъ и толкахъ. Въ произведеніяхъ изящной литературы проявляются нравственные идеалы общества и степень его культурности вообще. Столь же дороги для историка и произведенія литературы научной, хотя бы они и утратили давнымъ-давно всякую научную цѣнность или даже не имѣли таковой никогда. Наивны и смѣшны съ нашей точки зрѣнія космологическія воззрѣнія византійскаго писателя VI в. Козьмы Индикоплова, но русскіе переводы этого труда весьма цѣнны съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ именно изъ этого труда наши предки долгое время почерпали свои географическія и космографическія представленія. Естественно-историческія познанія, свѣдѣнія о природѣ они заимствовали изъ любимыхъ сборниковъ, подобныхъ „Луцидарію“, средневѣковой энциклопедіи, переведенной на русскій языкъ въ XVI столѣтіи.

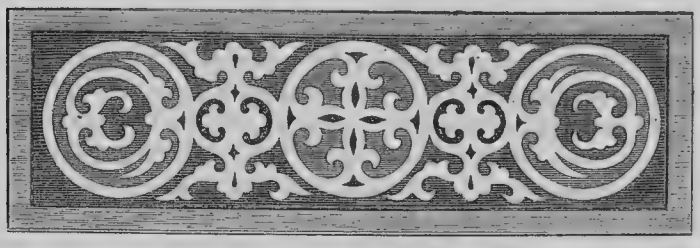
Большое значеніе для изученія русской исторіи имѣютъ сказанія иностранцевъ. Цѣнныя извѣстія о предкахъ нашихъ сообщаютъ ранѣе другихъ византійскіе историки, начиная съ писателя VI в. Прокопія. Много свѣдѣній, касающихся древней Руси, сообщаютъ писатели мусульманскаго востока (какъ напр., Ибнъ-Фодланъ и мног. др.). Наконецъ, чрезвычайно цѣнный матеріалъ для исторіи древней и новой Россіи мы находимъ у писателей западно-европейскихъ. Съ XV в.

число пишущихъ о Россіи европейцевъ значительно увеличивается. Изъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVI в., особенно цѣнны: Сигизмундъ Герберштейнъ, посолъ императоровъ Максимиліана I и Карла V, и Джильсъ Флетчеръ, посолъ англійской королевы Елизаветы. Однимъ изъ важнѣйшихъ иностранныхъ источниковъ для изученія нашего XVII в. являются сочиненія Олеарія и Мейерберга; альбомъ рисунковъ, составленный послѣднимъ,—одно изъ лучшихъ пособій для изученія русскихъ древностей. Начиная съ XVIII столѣтія, кромѣ записокъ иностранцевъ о Россіи, обильный матеріалъ для изученія ея исторіи представляютъ донесенія иностранныхъ пословъ [1]).

Среди историческихъ памятниковъ особое мѣсто занимаютъ памятники вещественные, представляющіе матеріальные остатки былого времени. Таковы: курганы, древнія зданія, фрески, мозаики, иконы, миніатюры, печати, монеты, одежды, вооруженіе и т. под.

---

[1]) Желающіе заняться изученіемъ кого-либо изъ указанныхъ писателей, начиная съ Герберштейна, могутъ осуществить свое желаніе безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ ихъ сочиненія существуютъ въ русскихъ переводахъ.



Страна и ея древнѣйшіе обитатели.

1. **Природа страны.** Государство наше образовалось на восточно-европейской равнинѣ и долгое время ограничивалось ея предѣлами. Восточно-европейская равнина или Европейская Россія во многомъ несхожа съ Западной Европой. Послѣдняя своими природными свойствами сильно благопріятствовала сравнительно быстрому развитію народовъ, поселившихся въ ней. Къ числу этихъ свойствъ относятся: разнообразіе въ устройствѣ поверхности и замѣчательная извилистость морского побережья. Многочисленные горные хребты дѣлятъ Западную Европу на многія, небольшія, хорошо защищенныя государственныя области, очень удобныя для болѣе быстраго развитія ихъ населенія, смягчаютъ климатъ, дѣлаютъ его болѣе разнообразнымъ, а слѣдовательно содѣйствуютъ и большему разнообразію въ дѣятельности человѣка. Богатство и разнообразіе естественныхъ произведеній вызвали сношенія и обмѣнъ между народностями Западной Европы. Этимъ сношеніямъ особенно много способствовала и замѣчательная извилистость морского побережья. Сношенія же между народами, вызываемыя торговыми интересами, содѣйствуютъ не только матеріальному, но и духовному благосостоянію этихъ народовъ. Наконецъ, Западная Европа отстояла далеко отъ азіатскихъ степей съ ихъ кочевниками и варварствомъ, только отчасти коснувшимся и ея, и обладала такимъ превосходнымъ путемъ во всѣ концы міра, какъ омывающій ее океанъ.

Совсѣмъ не то встрѣчаемъ мы на востокѣ Европы. Восточная Европа представляетъ громадную равнину, соприкасающуюся лишь на окраинахъ своихъ съ Ледовитымъ океаномъ и морями—Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ, изъ которыхъ только Балтійское и Черное могли служить путями для сношенія съ другими европей-

скими народами. Территорія нашего государства была съ самаго начала обширной, что, при рѣдкости населенія, сильно препятствовало народному развитію. Удаленность морей, континентальный характеръ восточно-европейской равнины поставили русскій народъ въ условія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя благопріятствовали сравнительно быстрому развитію народовъ Западной Европы. Третьимъ крупнымъ неудобствомъ является близость степей: южныя и юго-восточныя степи нынѣшней Европейской Россіи сливаются съ азіатскими степями, откуда непрерывно выходили орды кочевниковъ, нарушавшихъ мирный трудъ земледѣльца и вносившихъ въ нашу землю огонь и разрушеніе. Много силъ суждено было потратить русскому народу на безпощадную борьбу съ варварами различныхъ наименованій. Не имѣя естественной защиты отъ нападеній восточныхъ варваровъ, государство русское было открыто и для нападеній враговъ западныхъ.

Едва только Россія начала справляться съ Востокомъ, какъ на Западѣ появились враги болѣе опасные по своимъ средствамъ. Наша многострадальная Москва, основанная въ срединѣ земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее съ двухъ сторонъ, съ запада и востока, боронить отъ латинства и бесерменства, по старинному выраженію, и должна была принимать бѣды съ двухъ сторонъ: горѣла отъ татарина, горѣла отъ поляка. Такимъ образомъ бѣдный, разбросанный на огромныхъ пространствахъ народъ долженъ былъ постоянно съ неимовѣрнымъ трудомъ собирать свои силы, отдавать послѣднюю тяжело добытую копѣйку, чтобы избавиться отъ враговъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ сохранить главное благо, народную независимость; бѣдная средствами сельская, земледѣльческая страна должна была постоянно содержать большое войско (Соловьевъ).

Большая часть Европейской Россіи была въ незапамятныя времена морскимъ дномъ. Доказательствомъ этого служатъ различнаго рода остатки, находимые въ наносныхъ почвенныхъ слояхъ, представляющихъ смѣсь песка и глины. Здѣсь находятъ стволы деревьевъ, остовы допотопныхъ животныхъ, а въ степныхъ пространствахъ и раковины. Границами этого обширнаго моря служили Карпатскія и Уральскія горы. Оттого-то горы эти и богаты залежами каменной соли. Вода убывала постепенно и образовала наконецъ Каспійское озеро-море. Убыль воды вызывалась все большимъ и большимъ пониженіемъ дна Каспійскаго водоема. Раньше освободилось отъ воды пространство, заключенное между 55° сѣв. широты и линіей Общаго Сырта. Пространство, ранѣе освободившееся отъ воды, а также и расположенное къ сѣверу отъ него, представляло громадную лѣсную полосу, остатки которой сохранились и до настоящаго времени. Въ промежуткѣ между 55° с. ш. и линіей Общаго Сырта раскинулась полоса чернозема, образовавшагося здѣсь отъ продолжительнаго

гніенія богатой растительности, когда-то покрывавшей весь этотъ край. Позже освободилось отъ воды то пространство Европейской Россіи, которое расположено къ югу отъ линіи Общаго Сырта. Отошедшее море оставило здѣсь песчаный солончаковый грунтъ, успѣвшій покрыться лишь тонкимъ растительнымъ слоемъ. Здѣсь раскинулись огромныя травянистыя степи. Приближаясь къ Каспійскому морю, степь мѣняетъ свой характеръ: тутъ солончаки выступаютъ наружу, и пропадаетъ всякая растительность, кромѣ той, которая свойственна солончакамъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что восточно-европейская равнина имѣетъ наклонъ по направленію къ югу. Вообще, она не представляетъ совершенно ровной поверхности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

Рис. 1. Александропольскій курганъ (близъ Днѣпровскихъ пороговъ).

она поднимается то въ видѣ плоскихъ возвышенностей, то въ видѣ холмистыхъ грядъ. Высота ихъ довольно умѣренная и, за немногими исключеніями, достигаетъ въ наивысшихъ мѣстахъ не болѣе 220 саж. надъ уровнемъ моря. Внутреннія возвышенности Европейской Россіи слѣдуютъ болѣе меридіональному, чѣмъ широтному направленію. Таковы возвышенности: Среднерусская, Приволжская, Донецкій кряжъ и Авратынская. Среднерусская возвышенность начинается въ нынѣшней Новгородской губерніи и тянется до Харьковской губерніи и земли войска Донского. Здѣсь она сливается съ Донецкимъ кряжемъ, идущимъ по Сѣверному Донцу до самаго Дона. Сѣверной своею частью Среднерусская возвышенность образуетъ Валдайскія горы (поднимающіяся до 800, 900 и мѣстами даже 1000 ф.) и Алаунское плоскогоріе. Приволжская возвы-

шенность слѣдуетъ, начинаясь отъ Нижняго-Новгорода, по правому берегу Волги. Наконецъ, Авратынская возвышенность начинается въ Галиціи, проходитъ нѣсколькими вѣтвями по Волынской и Подольской губерніямъ, наполняетъ своими развѣтвленіями сосѣднія губерніи и образуетъ Днѣпровскіе пороги.

Эти возвышенности своими развѣтвленіями служатъ водораздѣлами нашихъ главнѣйшихъ рѣчныхъ бассейновъ. Особенное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи Среднерусская возвышенность. По низменностямъ, которыя расположены между возвышенностями и отдѣляютъ ихъ другъ отъ друга, тянутся наши главныя рѣки. Ихъ змѣевидные изгибы объясняются ихъ медленнымъ теченіемъ, а послѣднее зависитъ отъ того, что онѣ зарождаются на сравнительно невысокомъ водораздѣлѣ; встрѣчая на пути своемъ рыхлую почву, онѣ легко размываютъ ее. Расходясь по всѣмъ направленіямъ, рѣки Европейской Россіи образуютъ какъ бы одну колоссальную водную сѣть. Протекающія по огромнымъ пространствамъ, многоводныя, онѣ еще за 400 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр. поразили греческаго историка Геродота, посѣтившаго южныя окраины Россіи. Описывая Скиоію, т. е. нынѣшнюю южную Россію, Геродотъ отмѣчаетъ наши родныя рѣки, ее орошающія, какъ необыкновенное явленіе природы.

Рѣки эти сослужили русскому народу большую службу. По нимъ, какъ по естественнымъ дорогамъ, расходилось въ различныя стороны населеніе, пока не заселило всей равнины. На рѣкахъ строились города. Близость рѣчныхъ бассейновъ способствовала тому, что разбросанное на огромномъ пространствѣ населеніе не обособлялось, не теряло своего народнаго единства. Народное же единство повлекло за собою и единство государственное.

2. **Древнѣйшіе обитатели Европейской Россіи**. Первыя извѣстія о древнѣйшихъ обитателяхъ Европейской Россіи даетъ греческій историкъ Геродотъ. Еще за 500 лѣтъ до Р. Хр. въ южныхъ предѣлахъ Европейской Россіи процвѣтали уже греческія колоніи. Грековъ заставляли переселяться сюда торговые интересы. Страны, расположенныя къ сѣверу отъ Чернаго моря, доставляли въ Грецію скотъ, рабовъ, строевой лѣсъ, медъ, воскъ, соленую рыбу и др. предметы. Изъ Греціи же привозились сюда растительныя масла, вино, изящная посуда, различныя произведенія искусства и всякаго рода дорогія бездѣлушки. Особенно много колоній было основано по берегамъ Чернаго моря жителями города Милета. Изъ греческихъ колоній, лежавшихъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, наиболѣе извѣстны: Ольвія (въ устьяхъ Буга), Херсонесъ (близъ нынѣшняго Севастополя) и Пантикапея (у Керченскаго пролива).

Поселившись здѣсь, греки вступили въ оживленныя торговыя сношенія съ племенами, жившими къ сѣверу отъ Чернаго моря.

Рис. 2. Никопольская или Чертомлыцкая ваза (въ Импер. Эрмитажѣ).

Геродотъ оставилъ намъ обстоятельный разсказъ объ этихъ племенахъ, которыхъ онъ называетъ скиѳами. Называя ихъ однимъ народомъ, онъ подраздѣляетъ ихъ, однако, на нѣсколько племенъ и даетъ каждому изъ послѣднихъ отдѣльное названіе.

Ближайшее къ греческой колоніи Ольвіи скиѳское племя Геродотъ называетъ Каллипидами, считая ихъ племенемъ, смѣшаннымъ изъ скиѳовъ и грековъ; къ сѣверу отъ нихъ жили, по его словамъ, скиѳы Алазоны, засѣвавшіе хлѣбъ для своего собственнаго потребленія; еще сѣвернѣе ихъ онъ помѣщаетъ скиѳовъ-пахарей, засѣвавшихъ хлѣбъ не только для употребленія, но и для продажи. Къ востоку отъ скиѳскихъ племенъ, занимавшихся земледѣліемъ, жили, по разсказу Геродота, скиѳы-кочевники, совершенно не занимавшіеся имъ. Земли, населенныя скиѳами-кочевниками, простирались на востокъ до самой р. Донца, а за Донцомъ и по низовьямъ р. Дона и далѣе—даже до Таврическихъ горъ на югѣ жили царскіе скиѳы, господствовавшее скиѳское племя, смотрѣвшее на остальныхъ скиѳовъ, какъ на своихъ рабовъ.

Геродотъ называетъ и другіе народы, обитавшіе на нашей равнинѣ, но сообщаетъ о нихъ свѣдѣнія баснословнаго характера. Очевидно, его свѣдѣнія не шли дальше свѣдѣній греческихъ колонистовъ, а послѣдніе могли знать хорошо только тѣ племена, съ которыми находились въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ, только тѣ мѣста, которыя посѣщали сами. Такъ, напримѣръ, Геродотъ не получилъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о бассейнѣ р. Волги, а направленіе Днѣпра достовѣрно извѣстно ему только до пороговъ.

Дѣлая общую характеристику всѣхъ скиѳовъ, Геродотъ изображаетъ ихъ храбрыми и воинственными, любящими родину и вѣрными ея обычаямъ. Ихъ нравы представляются намъ, по описанію его, не только суровыми и жестокими, но даже кровожадными. Верховнымъ божествомъ ихъ былъ богъ войны. Его изображеніемъ служилъ старый желѣзный мечъ, который ставился обыкновенно на высокой грудѣ хвороста. Ежегодно ему приносились кровавыя жертвы; для закланія употребляли не только животныхъ, но и военноплѣнныхъ, кровью которыхъ поливали божественный мечъ. На войнѣ скиѳы пили кровь перваго убитаго ими врага, скальпировали противниковъ и скальпами ихъ украшали, какъ трофеями, конскую узду, колчаны обтягивали кожей, снятой съ непріятельскихъ рукъ, изъ верхней части вражескихъ череповъ изготовляли пиршественныя чаши. Пролитіе крови считалось у скиѳовъ необходимымъ при заключеніи договоровъ: договаривающіеся пускали себѣ кровь и заставляли ее стекать въ большую чашу съ виномъ, куда опускали предварительно и свое оружіе; по совершеніи этого обряда обѣ стороны выпивали вино, смѣшанное съ кровью. Много и другихъ обычаевъ скиѳовъ описываетъ Геродотъ въ четвертой

книгѣ своей исторіи. Археологія, все болѣе и болѣе развиваясь за послѣднія десятилѣтія, проливаетъ много свѣта на Геродотовы разсказы. Такъ, напримѣръ, благодаря археологическимъ раскопкамъ, до насъ дошли прекрасно исполненныя изображенія скиѳовъ. Эти изображенія находятся на двухъ древнихъ вазахъ. Обѣ эти вазы,— серебряная Никопольская или Чертомлыцкая и золотая Куль-Обская,— принадлежатъ къ замѣчательнымъ сокровищамъ Императорскаго Эрмитажа.

Въ концѣ II в. до Р. Хр. южныя окраины нынѣшней Европейской Россіи были вовлечены въ событія, имѣвшія міровое зна-

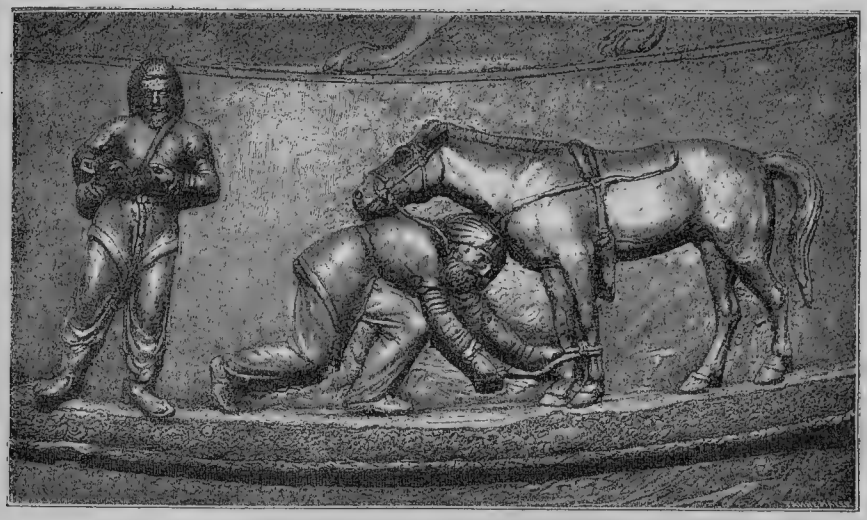


Рис. 3. Скиѳы (третья группа съ фриза Никопольской вазы).

ченіе. Понтійскій царь Митридатъ VI, подчинившій себѣ цвѣтущую колонію Херсонесъ, а за нею почти весь сѣверный берегъ Чернаго моря, поднялъ оружіе противъ могущественнаго въ ту пору Рима. Флотъ Помпея появился у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и уничтожилъ торговлю боспорцевъ [1]). Когда Митридатъ задумалъ вторгнуться въ самую Италію, греческіе города (и въ ихъ числѣ Херсонесъ) отложились отъ него, а въ Пантикапеѣ поднялось противъ него возстаніе съ его сыномъ, Фарнакомъ, во главѣ. Митридатовы войска перешли на сторону Фарнака; тогда несчастный Ми-

[1]) Въ эпоху греко-персидскихъ войнъ здѣсь возникло Боспорское царство, простиравшееся по берегамъ Керченскаго пролива и далѣе съ одной стороны — до Ѳеодосіи, съ другой — приблизительно до устьевъ Дона.

тридатъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Такимъ образомъ со времени Помпея Боспорское царство было поставлено въ зависимость отъ Рима. Но тотъ же Фарнакъ поднялъ оружіе противъ Юлія Цезаря. Цезарь разбилъ его. Послѣ этого еще не разъ происходили здѣсь волненія и смуты. Риму приходилось неоднократно усмирять эти волненія, и въ греческихъ городахъ, расположенныхъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, были поставлены римскіе гарнизоны.

Греческіе и римскіе писатели, жившіе около нашей эры, называютъ племена, обитавшія въ нашихъ южныхъ степяхъ, общимъ именемъ сарматовъ, давая, впрочемъ, отдѣльныя названія отдѣльнымъ племенамъ, не имѣющія, однако, ничего общаго съ названіями Геродота. Сарматы упоминаются и у Геродота, но онъ помѣщаетъ ихъ къ востоку отъ р. Дона и Азовскаго моря, «гдѣ нѣтъ уже Скиѳіи». Отмѣчая, какъ особенно характерную черту, воинственность сарматскихъ женщинъ [1]), онъ считаетъ сарматовъ родственными скиѳамъ. Такъ же смотритъ на сарматовъ знаменитый греческій географъ Страбонъ [2]). Онъ даже называетъ ихъ частью скиѳовъ и отожествляетъ ихъ нравы съ нравами скиѳовъ. Но большинство писателей ставитъ сарматовъ въ родство съ мидянами.

Во II и III вв. послѣ Р. Хр. на югѣ Европейской Россіи произошли выдающіяся событія. Готы, народъ германскаго племени, жившіе на южномъ берегу Балтійскаго моря (къ востоку отъ нижней Вислы), во второй половинѣ II в. послѣ Р. Хр. стали передвигаться на югъ, къ берегамъ Чернаго моря. Въ началѣ III в. ихъ владѣнія простирались уже отъ нижняго Дуная до р. Дона. Утвердившись здѣсь, готы распались на нѣсколько народностей, изъ которыхъ наиболѣе значительными были остготы и вестготы. Народности эти управлялись своими конунгами или королями; иногда надъ многими племенами стоялъ одинъ конунгъ. Готы оказались безпокойными сосѣдями для Римской имперіи, на которую совершали частые набѣги, то пробираясь по Черному морю въ Малую Азію, то проникая сухимъ путемъ въ Мезію и Ѳракію.

Въ IV в. надъ готами царствовалъ доблестный король Германарихъ, владѣнія котораго простирались на значительную часть нынѣшней Европейской Россіи. Въ числѣ другихъ племенъ, ему подвластныхъ, находились и венеды или славяне, наши отдаленные предки. Какъ ни было могущественно готское царство, но гунны разгромили его. Вестготы спаслись въ предѣлахъ Балканскаго полу-

---

[1]) Сарматскія дѣвушки, по словамъ Геродота, не прежде выходили замужъ, какъ убивъ хотя бы одного непріятеля.

[2]) Писатель I вѣка до и послѣ Р. Хр.

Рис. 4. Общій видъ Куль-Обской вазы (находится въ Импер. Эрмитажѣ).

острова, а остготы еще оставались нѣкоторое время подъ владычествомъ гунновъ. Владычество это признали и славяне. Но, такъ какъ осѣдлые славяне стояли въ культурномъ отношеніи выше кочевниковъ гунновъ, то послѣдніе, повинуясь неизбѣжному закону исторіи, подпали подъ сильное вліяніе славянъ. Сами же гунны были истыми монголами. Помимо гуннскихъ обычаевъ, о которыхъ до нашего времени сохранились опредѣленныя извѣстія, самая наружность гунновъ, согласно описанная различными историками древности, изобличаетъ въ нихъ монголовъ. Они были невысокаго роста, широкоплечіе, коренастаго сложенія; у нихъ была короткая и толстая шея, широкое и плоское лицо, приплюснутый носъ, узкіе глаза и скудная растительность.

Когда въ VI в. гуннская держава, достигшая апогея своего величія при Аттилѣ, окончательно разрушилась, славяне снова подпали чужеземному господству: на этотъ разъ они подчинились а в а р а м ъ или обрамъ. Авары, родственные гуннамъ, поселились сперва на сѣверномъ прибрежьи Каспійскаго моря и на Дону, но вскорѣ проникли на Дунай въ Дакію, а затѣмъ въ Панноніо. Тамъ они вели неудачную для себя борьбу съ Карломъ Великимъ, потомъ сдѣлались данниками моравовъ и наконецъ — при появленіи мадьяръ или венгровъ—совершенно исчезли. Память о нихъ сохранилась и у нашихъ отдаленныхъ предковъ, среди которыхъ сложилась извѣстная, упоминаемая лѣтописью поговорка: «погибоша, аки обры».

Такова въ главныхъ чертахъ своихъ древнѣйшая исторія восточно-европейской равнины.

3. Славянское племя; его разселеніе и древнѣйшій бытъ. Славяне, какъ и другія племена, поселившіяся въ Европѣ, пришли сюда изъ Азіи. Первоначальнымъ мѣстомъ жительства славянъ въ Европѣ былъ край прикарпатскій. Отсюда уже они разошлись въ разныя стороны. По положенію заселенныхъ ими мѣстностей славяне дѣлятся на южныхъ, западныхъ и восточныхъ. Главнѣйшими представителями западныхъ славянъ являются чехи и поляки, южныхъ — сербы и болгары, восточные же славяне слились въ одинъ великій народъ русскій.

Въ IX в. послѣ Р. Хр. восточные славяне далеко не занимали всей территоріи восточно-европейской равнины. Они разселились по Днѣпру и его притокамъ, по Западному Бугу, по верховью Оки, по верховьямъ трехъ рѣкъ — Днѣпра, Западной Двины и Волги и наконецъ, у озера Ильменя и по рѣкѣ Волхову. На правомъ берегу средняго Днѣпра жило славянское племя п о л я н ъ. Къ сѣверо-западу отъ нихъ въ лѣсистой странѣ, орошаемой правыми притоками Припети, поселились д р е в л я н е. Еще западнѣе

древлянъ по Западному Бугу осѣли волыняне (или дулѣбы). По другую сторону Днѣпра жили, въ сосѣдствѣ съ полянами, по рр. Деснѣ и Сулѣ сѣверяне. Къ сѣверу отъ нихъ заняли мѣста радимичи, а къ востоку отъ радимичей по верховьямъ Оки — вятичи. Мѣстности, орошаемыя верховьями трехъ рѣкъ — Днѣпра, Волги и Западной Двины, были заселены обширнѣйшимъ племенемъ кривичей. Славянское же племя, осѣвшее у озера Ильменя и по р. Волхову, такъ и сохранило свое имя славянъ; такъ какъ главнымъ городомъ у нихъ былъ Новгородъ, они получили въ исторіи названіе славянъ новгородскихъ.

Рис. 5. Сцена совѣщанія съ Куль-Обской вазы.

Такимъ образомъ въ IX в. послѣ Р. Хр. наши отдаленные предки жили племеннымъ бытомъ, жили большими союзами, причиною образованія которыхъ было именно водвореніе данной группы въ данной мѣстности. Однородныя занятія и однородные интересы, обусловливаемые характеромъ заселенной мѣстности, служили тою связью, которая соединяла водворившихся въ данной мѣстности людей въ отдѣльную группу, въ отдѣльное племя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что племенному быту предшествовалъ бытъ родовой, когда, по словамъ лѣтописца, каждый жилъ со своимъ родомъ, т. е. со своими родственниками («живяху кождо

съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»). Родовыя традиціи и въ пору племенного быта еще не исчезли совсѣмъ и передавались преемственно отъ одного поколѣнія другому. Не исчезли нѣкоторые слѣды родового быта и по настоящее время. Но въ IX в. славянъ соединяли въ отдѣльныя группы или племена интересы хозяйственные и необходимость обороны противъ вражескихъ нападеній. Если родовые союзы обладаютъ долговѣчностью, то племенные сравнительно скоро уступаютъ мѣсто новымъ формамъ быта. Въ началѣ лѣтописи мы встрѣчаемъ названія полянъ, кривичей и др. имъ подобныя. Но вскорѣ послѣ этого племенныя названія исчезаютъ безслѣдно, а мѣсто ихъ заступаютъ новыя, производимыя отъ названій городовъ. Дѣло въ томъ, что городъ въ короткое время пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, какъ средоточіе религіозныхъ, торговыхъ и военныхъ интересовъ своего племени. Самое племя совершенно стушевывается, а на первый планъ выступаетъ территорія, имъ занимаемая. Эти территоріи или области начинаютъ называться волостями, при чемъ къ этому слову присоединяется прилагательное, образованное отъ имени главнаго города волости. Если раньше говорили, что на правомъ берегу средняго Днѣпра жили поляне, а по притокамъ Припети — древляне, то новыя условія жизни заставили выражаться иначе, а именно: по правому берегу Днѣпра и по притокамъ Припети расположена Кіевская волость; территорія, которую заняли сѣверяне и вятичи, стала называться Черниговскою волостью; значительная часть кривичей вошла въ этнографическій составъ Новгородской волости и т. под. Приведенные примѣры показываютъ еще, что границы территоріи, которую заселяло то или другое племя, не совпадаютъ съ границами волости.

Еще въ эту пору у нашихъ предковъ было два органа власти. Однимъ изъ этихъ органовъ и очень сильнымъ было вѣче. Вѣчемъ называлось собраніе, состоявшее изъ свободнаго населенія города. Власть вѣча, управлявшаго городомъ, простиралась и на населеніе, жившее внѣ городовъ. Какъ народныя собранія въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ, вѣчевые сходы не были установлены какимъ-либо лицомъ, не существовали въ силу какого-либо распоряженія, но являлись отвѣтомъ на требованія жизни. Необходимо было сговориться по поводу того или другого вопроса, одинаково затрогивавшаго всѣхъ, и вотъ всѣ — но, конечно, только свободные, — люди собирались на вѣче. Невозможно установить и времени его возникновенія: по словамъ Владимірской лѣтописи, вѣче было «изначала». Но рядомъ съ вѣчемъ существовала уже и княжеская власть. Одни изъ князей стояли во главѣ всего

племени, были князьями племенными, другіе служили только интересамъ своихъ городовъ, играли роль городскихъ охранителей. Князья выбирались вѣчемъ, которое, въ случаѣ недовольства, и свергало ихъ.

Города возникали постепенно, по мѣрѣ развитія торговыхъ сношеній. Времени возникновенія многихъ изъ самыхъ старыхъ городовъ не знаетъ и лѣтописецъ. Такъ напримѣръ, совершенно неизвѣстно время возникновенія Кіева, Новгорода, Чернигова, Смоленска и друг. городовъ.

Рис. 6. Зубной врачъ (съ Куль-Обской вазы).

Огромное значеніе въ развитіи внѣшней торговли имѣлъ такъ наз. великій водный или греческій путь. Путь этотъ шелъ главнымъ образомъ по Днѣпру и велъ изъ Балтійскаго моря въ Черное. Изъ Финскаго залива проникали Невою въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ попадали въ озеро Ильмень, изъ Ильменя продолжали путь до верховьевъ р. Ловати. Здѣсь водный путь прерывался: лодки вытаскивали на сушу и волокли ихъ за собою (такія мѣста назывались волоками), пока не добирались до Днѣпра. Спустивъ лодки въ Днѣпръ, безпрепятственно плыли до его пороговъ, вдоль которыхъ снова тянули лодки волокомъ, а потомъ уже безъ труда выплывали въ море. Можно было достигнуть Днѣпра и

изъ нынѣшняго Рижскаго залива при посредствѣ Западной Двины. Вся эта водная дорога называлась «путемъ изъ варягъ въ греци». Расположеніе древнѣйшихъ городовъ какъ нельзя лучше показываетъ, что главною причиною ихъ возникновенія и дальнѣйшаго развитія была внѣшняя торговля. Торговали наши предки мѣхами, медомъ и воскомъ, т. е. тѣмъ, что дарила имъ заселенная ими лѣсная полоса нашей равнины. Великій водный путь былъ тою дорогой, по которой легко проникало въ нашу страну вліяніе культурной Византіи.

4. Сосѣди восточныхъ славянъ. На сѣверѣ славянскія земли граничили съ финскими. Послѣднія занимали весь сѣверъ восточно-европейской равнины и значительную часть Приволжья почти до границы съ полосою степей. Предки наши называли финновъ чудью, откуда, по всей вѣроятности, произошли наши слова чудить, чудной, чудакъ и т. под. Названіе же ихъ финнами принадлежитъ не нашему, а германскому языку и впервые встрѣчается у Тацита. Дѣйствительно, много въ жизни финновъ могло казаться нашимъ предкамъ страннымъ. Такъ напр., объ одномъ финскомъ племени, обитавшемъ между Волгою и Окою [1]), мы знаемъ, что среди него было въ обычаѣ ѣздить въ санкахъ, запряженныхъ собаками. Про то же племя одинъ арабскій писатель разсказываетъ, что во главѣ его войска никогда не бываетъ главнокомандующаго. Среди финскихъ племенъ было много колдуновъ и чародѣевъ. Не сохранилось рѣшительно никакихъ извѣстій о борьбѣ славянъ съ финнами; славяне занимали ихъ земли постепенно, путемъ колонизаціи; стоявшіе по своему развитію ниже нашихъ предковъ, финны скоро утрачивали основныя черты своего племени и славянизировались.

Къ западу отъ восточныхъ славянъ обитали литовскія племена, принадлежащія къ семьѣ арійской, а слѣдовательно, родственныя славянамъ. Жили они долго, подобно финнамъ, разбросанно въ своей лѣсной и болотистой мѣстности, въ бассейнѣ р. Нѣмана.

На востокѣ и юго-востокѣ нынѣшней Европейской Россіи жили народы тюркскаго происхожденія. Изъ нихъ особенно выдѣлились и играли видную роль болгары и хазары.

Такъ называемые волжскіе болгары жили въ углу, образуемомъ р. Волгою при впаденіи въ нее Камы. Мѣстность, занятая болгарами съ незапамятныхъ временъ, изобиловала дремучими лѣсами. Судоходныя рѣки открывали имъ пути въ разныя стороны. Совершая по нимъ свои походы и подчиняя другія племена, бол-

[1]) О буртасахъ.

гары пользовались рѣками главнымъ образомъ ради торговыхъ интересовъ. Торговали болгары не только съ населеніемъ нынѣшней Европейской Россіи, но и со средней Азіей. Они проникали туда Волгою и Каспійскимъ моремъ. Кромѣ того, Хиву и Бухару соединяли съ болгарами и прямые караванные пути, которые вели на Оренбургскую линію, а отсюда уже черезъ башкирскія земли приводили въ страну болгаръ. Болгары вывозили въ Азію разнаго рода мѣха, мамонтовы кости и моржевые клыки, кожи, невольниковъ и др. товары. Арабы привозили имъ въ обмѣнъ на эти предметы драгоцѣнные камни, бисеръ, золотыя и серебряныя издѣлія, ткани, пряности, оружіе и т. п. Еще до принятія христіанства нашими предками болгары приняли магометанскую вѣру. Столицей ихъ былъ городъ Болгаръ (на Волгѣ).

Рис. 7. Каменная баба изъ приднѣпровскихъ степей.

Южнѣе болгаръ обитали хазары. Они обитали еще во II в. послѣ Р. Хр. между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Временно они покорились гуннамъ, но, освободившись отъ нихъ, стали все болѣе и болѣе усиливаться. Расцвѣтомъ ихъ исторической жизни было VII столѣтіе. Въ это время они подчинили себѣ волжскихъ болгаръ и покорили себѣ большую часть Таврическаго полуострова. Продолжительная борьба, которую вели они съ персами (въ союзѣ съ Византіей) и арабами, не ослабила ихъ. Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что имъ подчинились и несли дань вятичи, радимичи, сѣверяне и даже поляне. Хазары вели полукочевой, полуосѣдлый образъ жизни, проводя зимнюю пору въ городахъ и удаляясь въ степи съ наступленіемъ весны. Первое мѣсто среди хазарскихъ городовъ занималъ Итиль, лежавшій въ устьѣ Волги вблизи того мѣста, гдѣ находится теперь Астрахань. Хазары пользовались положеніемъ своей страны на большомъ торговомъ пути и взимали пошлины съ тѣхъ товаровъ, которые провозились черезъ ихъ земли. Высшимъ представителемъ верховной власти былъ

у нихъ каганъ или хаканъ. Онъ пользовался неограниченною властью и замѣчательнымъ почтеніемъ. Если бы онъ приказалъ кому-либо убить себя, и это приказаніе было бы исполнено безпрекословно. Каждый, проѣзжавшій мимо надгробнаго памятника кагана, обязанъ былъ сойти съ коня и поклониться этому памятнику до земли. Кагану безпрекословно повиновалось превосходно устроенное и хорошо вооруженное войско.

Но и хазарамъ суждено было встрѣтиться съ врагомъ, противъ котораго необходимо было принимать серьезныя оборонительныя мѣры. Этимъ врагомъ были печенѣги, новые выходцы изъ Азіи, стремившіеся утвердиться въ Европѣ. Въ первой половинѣ IX вѣка они прорвались за р. Донъ и разошлись по нашимъ южнымъ степямъ. Со стороны этихъ новыхъ пришельцевъ грозила нашимъ предкамъ серьезная опасность. Ихъ хищническіе набѣги уничтожали все, что насаждала культура. Съ этого времени степь и стала проявлять то огромное значеніе, которое имѣла она въ нашей родной исторіи.

Степь заключала въ себѣ и важныя историческія неудобства: вмѣстѣ съ дарами она несла мирному сосѣду едва-ли не болѣе бѣдствій. Она была вѣчной угрозой для древней Руси и нерѣдко становилась бичемъ для нея. Борьба со степными кочевниками—самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзіи. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ азіатомъ—это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни. (Ключевскій).

Другихъ враговъ насылало на насъ Балтійское море, враговъ, которые были знакомы и Западной Европѣ. То были наводившіе на нее ужасъ норманны. Наша лѣтопись называетъ ихъ варягами. Греческіе писатели называли варангами наемныя дружины, состоявшія изъ норманновъ. Варяги появлялись у насъ то въ качествѣ такихъ дружинниковъ, то вооруженныхъ купцовъ, отправлявшихся въ Византію ради выгодныхъ торговыхъ сдѣлокъ, то отважныхъ шаекъ, цѣлью которыхъ былъ грабежъ. По дорогѣ они подчиняли сѣверныя племена восточныхъ славянъ и заставляли ихъ платить дань.

Таковы были разнородные сосѣди нашихъ давнихъ предковъ, когда во второй половинѣ IX вѣка, по сказанію лѣтописи, возникло Русское государство.

Преданіе о началѣ Русскаго государства и первые князья.

5. Лѣтописный разсказъ о началѣ Русскаго государства. Свѣдѣнія о древнѣйшихъ временахъ историческаго существованія каждаго народа отличаются характеромъ легендарнымъ. Въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія и наша родная исторія.

Новгородскіе славяне и кривичи находились подъ властью варяговъ и платили имъ дань. Чужеземное господство вывело ихъ изъ терпѣнія, и они прогнали враговъ за море. Но скоро обнаружились печальныя послѣдствія переворота. Начались усобицы и непорядки. Междоусобія были такъ тяжелы, что новгородскіе славяне, кривичи и чудь рѣшили снова призвать варяговъ, чтобы возстановить потрясенный порядокъ. „Поищемъ себѣ князя, который владѣлъ бы нами и судилъ по правдѣ“ — таково было рѣшеніе ихъ. Избранные ими послы направились за море къ варяжскому племени русь и сказали такъ: „земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами“. И выбрали варяги трехъ братьевъ. Послѣдніе пошли на призывъ со своими родами и увлекли за собою все племя русь. И старшій изъ трехъ братьевъ, Рюрикъ, утвердился въ издавна существовавшемъ Новгородѣ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, а Труворъ—въ Изборскѣ. „Отъ тѣхъ-то варяговъ—продолжаетъ лѣтописецъ—и прозвалась земля русскою“. Два года спустя младшіе братья умерли. Рюрикъ сталъ владѣть одинъ и посадилъ по разнымъ городамъ своихъ дружинниковъ: одному далъ во владѣніе Полоцкъ, другому Ростовъ, третьему Бѣлоозеро и т. д. Двое изъ дружинниковъ Рюрика отпросились у него со своими близкими въ Царьградъ (Константинополь). Когда они плыли по Днѣпру, то увидѣли городокъ и спросили у мѣстныхъ жителей, кому онъ принадлежитъ. Жители отвѣчали имъ, что этимъ городомъ владѣли три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ, которые и основали его, но вотъ они погибли, а теперь жители Кіева и вообще поляне подчинены хазарамъ и платятъ имъ дань. Аскольдъ и Диръ (такъ звали двухъ дружинниковъ) остановились въ Кіевѣ со своими людьми и стали владѣть всѣми полянами. Все это произошло, по разсказу лѣтописца, въ 862 году послѣ Р. Хр.

Спустя три года Аскольдъ и Диръ собрали всю свою дружину, чтобы совершить набѣгъ на Византію, гдѣ въ это время царствовалъ императоръ Михаилъ III. Императоръ былъ въ отсутствіи, ушелъ въ походъ на арабовъ. На пути онъ получилъ изъ покинутой столицы извѣстіе о прибытіи руси, убивающей многихъ жителей и обложившей городъ двумя стами судовъ. Императоръ поспѣшно вернулся и проникъ въ городъ съ большимъ трудомъ. Онъ рѣшилъ обратиться къ небесной помощи и отправился вмѣстѣ съ патріархомъ Фотіемъ во Влахернскій соборъ Богоматери. Здѣсь они провели въ молитвѣ цѣлую ночь, а потомъ направились съ крестнымъ ходомъ къ рѣкѣ, въ которую окунули высокочтимую святыню — ризу Божіей Матери. До этого море было совсѣмъ спокойно, но, лишь только они

погрузили въ воду ризу Богоматери, поднялась страшная буря, которая погубила много русскихъ людей. „Мало ихъ — говоритъ лѣтописецъ — избѣгло этой бѣды и вернулось во-свояси".

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Рюрикъ померъ, поручивъ опеку надъ маленькимъ сыномъ своимъ Игоремъ своему родственнику Олегу. Такъ сталъ Олегъ владѣть новгородскими славянами, кривичами, варягами и нѣкоторыми финскими племенами. Вскорѣ онъ собралъ большую дружину изъ подвластныхъ ему народовъ и двинулся на югъ. Дойдя до Смоленска, онъ посадилъ въ немъ своихъ дружинниковъ, а затѣмъ такъ же поступилъ и съ Любечемъ. Когда же онъ доплылъ до Кіевскихъ высотъ и узналъ, что городомъ владѣютъ Аскольдъ и Диръ, то прибѣгнулъ къ хитрости. Часть своей дружины онъ укрылъ на судахъ, другой велѣлъ слѣдовать за собою, а самъ поплылъ впереди съ малюткой Игоремъ на рукахъ. Когда они пристали къ берегу, Олегъ, спрятавъ дружинниковъ, послалъ сказать Аскольду и Диру: „мы — гости (купцы), идемъ въ Грецію, а послалъ насъ Олегъ и княжичъ Игорь; придите къ намъ, своимъ соплеменникамъ". Лишь только появились на берегу Аскольдъ и Диръ, спрятанные воины повыскакали изъ лодокъ. Олегъ же обратился къ Аскольду и Диру со словами: „вы не князья и не княжескаго рода, я — изъ княжескаго рода, а вотъ и сынъ Рюрика". Тутъ принесли маленькаго Игоря, Аскольда и Дира убили. Олегъ не захотѣлъ вернуться въ Новгородъ, а остался въ Кіевѣ и объявилъ его столицей — матерью городовъ русскихъ — (метрополіей), а новгородцевъ заставилъ нести дань, которую и платили они варягамъ, по словамъ лѣтописи, до самой смерти Ярослава.

Такъ разсказываетъ наша лѣтопись о началѣ Русскаго государства. Разсказъ этотъ написанъ въ XII вѣкѣ на основаніи преданія о событіяхъ IX вѣка. Такимъ образомъ *о возникновеніи нашего государства мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы считать достовѣрными, подобно тому, какъ не имѣемъ такихъ свѣдѣній ни объ одномъ изъ существующихъ государствъ.*

Разсказъ лѣтописца о призваніи князей вызвалъ въ нашей исторіографіи цѣлый рядъ изслѣдованій и породилъ такъ называемый варяго-русскій вопросъ. Одинъ изъ первыхъ нашихъ академиковъ *Байеръ* высказалъ мнѣніе, что варяги — норманны, жители Скандинавіи и Даніи. Онъ же первый сгруппировалъ и тѣ доводы въ пользу норманнскаго происхожденія руси, которые приводились и приводятся до сихъ поръ сторонниками такъ называемой норманнской теоріи: скандинавскія имена первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ, двойныя названія Днѣпровскихъ пороговъ — славянскія и скандинавскія и т. п. Онъ же ссылался на то мѣсто Бертинскихъ лѣтописей, гдѣ разсказывается о посольствѣ, отправленномъ императоромъ византійскимъ Ѳеофиломъ къ императору Людовику Благочестивому; въ посольствѣ этомъ были люди, называвшіе себя именемъ *Росъ* и происходившіе изъ Швеціи.

Но, кромѣ норманнской теоріи, высказывались и другія. *Ломоносовъ* стоялъ за славянское происхожденіе руси и выводилъ послѣднюю изъ древней Пруссіи. Важнѣйшею заслугой ученыхъ,

возставшихъ противъ норманнской теоріи, считается то, что они отдѣлили русь отъ варяговъ и объявили русь лѣтописца исконнымъ названіемъ южной Руси, Руси Кіевской. Въ своихъ выводахъ они опирались на свидѣтельство арабскихъ писателей, говорящихъ о многочисленномъ народѣ русь, живущемъ у Чернаго моря, на подобныя же свидѣтельства писателей византійскихъ, наконецъ на свидѣтельства двухъ греческихъ житій (изданныхъ покойнымъ русскимъ ученымъ Васильевскимъ), говорящихъ о руси до призванія князей. Но доказать славянское происхожденіе руси, въ виду извѣстія Бертинскихъ лѣтописей и другихъ источниковъ, пока еще невозможно.

Историкъ С. М. Соловьевъ считаетъ варяговъ и русь названіями не народовъ, а разноплеменныхъ дружинъ, искавшихъ счастія на моряхъ или въ чужихъ странахъ.

Изъ разсказа лѣтописца можно, однако, сдѣлать слѣдующіе выводы. Племенной бытъ уже отживалъ свое время. Значеніе городовъ сильно выросло. Образовались волости, зависѣвшія отъ своихъ городовъ на столько, что все случавшееся съ городомъ сейчасъ же отзывалось и на его волости. Олегу, по словамъ лѣтописца, достаточно было завладѣть Смоленскомъ, чтобы его власть признали и всѣ кривичи. Аскольдъ и Диръ, захвативши Кіевъ, стали владѣть всѣми полянами. Не доставало только серьезнаго повода къ тому, чтобы нѣсколько волостей соединились подъ одною властью, образовавъ такимъ образомъ одно государство. Такимъ поводомъ могла послужить и большая внѣшняя опасность: этою опасностью могли грозить и печенѣги, пробившіеся сквозь хазарскія владѣнія и утвердившіеся въ южно-русскихъ степяхъ [1]). Во всякомъ случаѣ, первая попытка объединенія большей части племенъ, первая попытка создать сильное славянское государство сказалась въ образованіи Кіевскаго княжества, и первымъ исторически достовѣрнымъ княземъ русскимъ былъ Олегъ.

6. Олегъ. Игорь. Подчинивъ своей власти всѣхъ кривичей завоеваніемъ Смоленска, Олегъ утвердился въ Кіевѣ, сдѣлавшись благодаря этому и повелителемъ полянъ. Новгородъ занялъ послѣ этого второстепенное положеніе. Но объединительное движеніе не ограничилось этимъ. Олегъ сталъ подчинять своей верховной власти славянскія племена, жившія по обѣ стороны Днѣпра. Сначала онъ покорилъ древлянъ, а за ними сѣверянъ и радимичей. Два послѣднихъ племени платили до этого дань хазарамъ. Олегъ сталъ собирать съ нихъ дань въ свою пользу, частью мѣхами, частью деньгами,

[1]) При этомъ могли воспользоваться подходящимъ положеніемъ дѣлъ и предводители тѣхъ варяжскихъ дружинъ, которыхъ было не мало въ городахъ русскихъ.

или же обязывалъ покоренныя племена (угличей и тиверцовъ) выставлять войско. Не довольствуясь этимъ, воинственный и талантливый князь задумалъ въ 907 году большое предпріятіе — походъ на грековъ. Часть войска, составленнаго Олегомъ изъ подчиненныхъ племенъ, двинулась въ путь на коняхъ, часть на судахъ; послѣднихъ было 2000. Олегъ подошелъ къ самому Константинополю и довелъ грековъ до такого отчаяннаго состоянія, что они запросили мира. Олегъ получилъ богатую добычу и вернулся въ Кіевъ. Нѣсколько лѣтъ спустя былъ заключенъ между Олегомъ и греками договоръ, являющійся древнѣйшимъ памятникомъ русскаго права. Договоръ этотъ имѣлъ въ виду поддержать торговыя сношенія Руси съ греками.

Кромѣ указанной дѣятельности по объединенію славянскихъ племенъ и установленію правильныхъ сношеній съ Византіей, Олегъ прославился построеніемъ городовъ («се же Олегъ нача городы ставити», говоритъ о немъ лѣтописецъ). Олегъ былъ одною изъ тѣхъ богато одаренныхъ личностей, которыя вѣрно схватываютъ потребности даннаго времени и собственною дѣятельностью какъ бы начертываютъ программу дѣйствій для своихъ преемниковъ. Не даромъ образъ его запалъ въ народную душу. Народъ прозвалъ его вѣщимъ, т. е. мудрымъ, и передавалъ память о немъ изъ поколѣнья въ поколѣнье. Такъ сложились сказочныя подробности его похода на Царьградъ, такъ сложилось поэтическое преданіе объ его смерти, художественно воплотившееся въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» Пушкина.

Преемникомъ Олега былъ его воспитанникъ Игорь, который еще при жизни великаго князя женился на псковитянкѣ Ольгѣ. Въ дѣятельности Игоря не было ничего новаго, по сравненію съ предшествующимъ княженіемъ. Олегъ началъ собирать славянскія племена; Игорь подчинялъ своей власти стремившихся освободиться отъ нея: такъ онъ поступилъ съ древлянами, задумавшими отложиться отъ него; снова покоривъ ихъ, онъ наложилъ на нихъ дань, превышавшую ту, которая была установлена Олегомъ. Олегъ ходилъ походомъ на грековъ; Игорь сдѣлалъ то же, совершивъ два похода противъ нихъ. Первый походъ Игоря, начавшійся благопріятно для насъ, кончился полною неудачей; греки съ трудомъ, правда, одолѣли насъ на сушѣ, но зато нанесли намъ страшное пораженіе на морѣ. Греческій полководецъ Ѳеофанъ напалъ на русскія суда и началъ бросать въ нихъ, при посредствѣ трубъ, такъ называемый греческій огонь. Изъ страха передъ нимъ русскіе люди сами кидались въ море, предпочитая утопленіе огненной смерти. Этотъ огонь произвелъ на нихъ страшное впечатлѣніе; именно ему они и приписывали свою неудачу, о немъ разсказывали своимъ по возвращеніи домой. Игорь,

однако, не упалъ духомъ и послалъ за море за варяжскими дружинами, чтобы пополнить убыль въ своемъ войскѣ и предпринять новый походъ на Византію. Вскорѣ онъ двинулся на грековъ. Корсунскіе греки и болгары, прослышавъ о походѣ русскаго великаго князя, послали въ Грецію извѣстіе о новомъ нашествіи руси. Императоръ рѣшилъ предупредить тяжелыя послѣдствія войны предложеніемъ даровъ и обѣщаніемъ дани. Игорь, уже добравшійся до Дуная, получилъ эти предложенія и созвалъ свою дружину, чтобы разрѣшить вопросъ въ ту или другую сторону. Дружина высказалась за миръ. Игорь согласился съ нею и повернулъ назадъ, взявши обѣщанные греками дары. Въ слѣдующемъ году былъ написанъ новый договоръ съ греками, менѣе выгодный, чѣмъ договоръ Олеговъ, такъ какъ въ новомъ договорѣ есть цѣлый рядъ ограниченій, каковыхъ не было въ договорѣ Олега съ греками. Раньше русскіе купцы могли покупать въ Греціи любые товары; теперь имъ запрещено было вывозить изъ Константинополя дорогія ткани. Купленныя ткани необходимо было предъявить греческому чиновнику, который ставилъ на нихъ клейма. Русскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Византію, должны были теперь предъявлять удостовѣрительныя грамоты; въ случаѣ неимѣнія такихъ грамотъ, греки выговорили себѣ право задерживать нашихъ купцовъ до удостовѣренія ихъ личностей при посредствѣ сношенія съ княземъ; въ случаѣ сопротивленія со стороны задержанныхъ греки выговорили право убивать ихъ безъ отвѣтственности за убійство. Въ Олеговомъ договорѣ примѣнялось право русское, въ Игоревомъ выступаетъ со своими притязаніями греческое право: отъ вора постановлено было не только отбирать украденное съ избыткомъ, но и подвергать его сильному наказанію; если грекъ обидитъ русскаго, то сами русскіе не имѣютъ права подвергать его наказанію: наказаніе налагается греческимъ правительствомъ и т. п. Наконецъ, въ договорѣ Игоря мы находимъ интересное указаніе на то, что среди княжескихъ дружинниковъ были и христіане («иже помышляютъ отъ страны Русъскія разрушити такую любовь, елико ихъ крещеніе пріяли суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя, осуженіе на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій; а елико ихъ некрещены суть, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими и отъ стрѣлъ и отъ инаго оружія своего и да будутъ рабы и въ сій вѣкъ и въ будущій»).

Другое цѣнное свѣдѣніе о томъ же передаетъ намъ лѣтописецъ въ самомъ повѣствованіи. Игоревы послы, заключившіе договоръ, вернулись въ Кіевъ съ греческими послами. Греческіе послы объяснили Игорю и цѣль своего прибытія — привести къ присягѣ самого великаго князя и его дружинниковъ. На слѣдующее утро Игорь

призвалъ пословъ къ тому холму, на которомъ возвышалось изображеніе бога Перуна: здѣсь присягнула некрещеная русь («заутра призва Игорь послы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ и покладоша оружье свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси»). Дружинники же, бывшіе христіанами, приносили клятву въ соборной церкви Св. Иліи, мѣсто которой въ лѣтописи указывается совершенно точно. Одаривъ греческихъ пословъ, Игорь отпустилъ ихъ на родину.

Княженіе Игоря ознаменовалось печальною новостью: земли, подвластныя ему, стали безпокоить своими набѣгами печенѣги. Первое лѣтописное извѣстіе о появленіи печенѣговъ записано подъ 915 годомъ. Черезъ пять лѣтъ Игорь уже воевалъ съ печенѣгами. Въ греческомъ походѣ Игоря печенѣги были его союзниками.

Смерть Игоря произошла при трагическихъ обстоятельствахъ. Дружина князя начала жаловаться ему на свою бѣдность и приводила ему въ примѣръ благосостояніе дружинниковъ воеводы Свѣнельда («отроці Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази»). Игорь послушался своихъ дружинниковъ и пошелъ съ ними собирать дань съ древлянъ. Собравши дань, что не обошлось безъ насилія, Игорь возвращался въ Кіевъ, но вдругъ пришла ему въ голову мысль вернуться обратно, чтобы учинить дополнительный сборъ. Онъ отпустилъ уже съ набранною данью большую часть своей дружины домой, а самъ съ незначительнымъ отрядомъ пошелъ опять въ страну древлянъ. Прослышавъ объ этомъ, древляне надумали со своимъ княземъ Маломъ убить Игоря («аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и сей, аще не убьемъ его, то вся ны погубить»). Скоро они и осуществили свой умыселъ. Лѣтописцу еще было извѣстно мѣстонахожденіе Игоревой могилы.

7. Св. Ольга. Святославъ. Послѣ Игоря остались вдова его Ольга и малолѣтній сынъ Святославъ. По обычному праву жена, какъ ближайшее лицо къ своему мужу, должна была отомстить за него. Лѣтописецъ подробно разсказываетъ объ этой мести съ видимымъ сочувствіемъ къ Ольгѣ. Не удовольствовавшись неоднократнымъ избіеніемъ древлянскихъ пословъ, вѣрная жена, по разсказамъ лѣтописца, пошла въ походъ на древлянъ, захвативъ съ собою и маленькаго Святослава. Передъ началомъ битвы Святослава посадили на коня и дали ему копье. Мальчикъ кинулъ копье; оно пролетѣло между ушами коня и упало ему въ ноги («бѣ бо дѣтескъ»). То было знакомъ къ битвѣ. Древляне потерпѣли пораженіе и обратились въ бѣгство. Ольга двинулась за ними слѣдомъ и подошла къ затворившейся столицѣ ихъ Искоростѣню, вблизи котораго былъ убитъ ея мужъ. Искоростѣнь былъ сожженъ; много древлянъ было

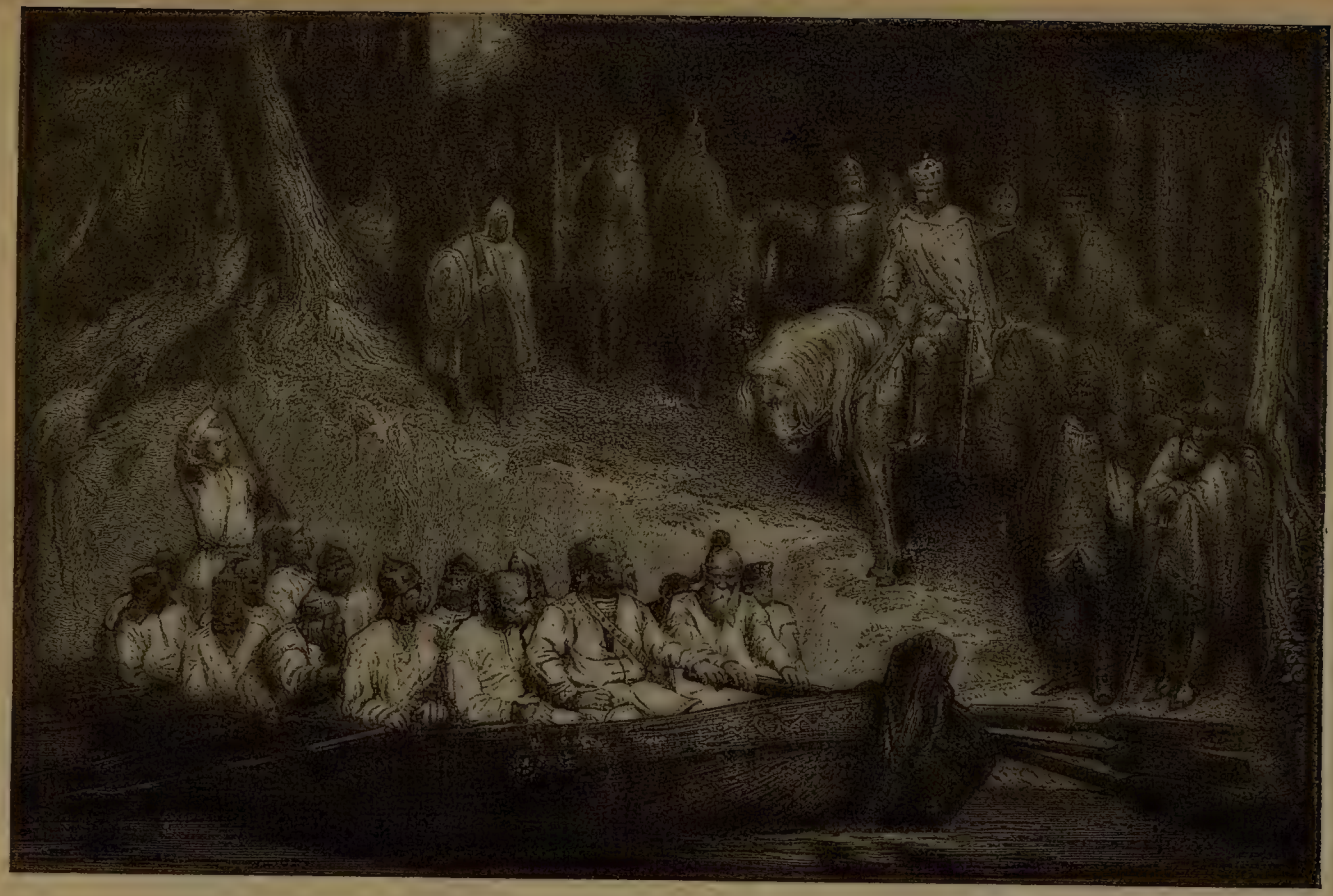


Рис. 8. Свиданіе Святослава съ имп. Іоанномъ Цимисхіемъ (Рис. В. Васнецовъ).

перебито; много попало въ плѣнъ и было обречено на рабство. Ольга наложила послѣ этого на древлянъ большую дань: двѣ части этой дани шли на Кіевъ, а третья на Вышгородъ, бывшій собственнымъ владѣніемъ Ольги.

Въ лѣтописи отмѣчена хозяйственная дѣятельность правительницы Ольги. Отомстивъ древлянамъ, она объѣхала со своимъ сыномъ и дружиною всю древлянскую страну, всюду дѣлала необходимыя распоряженія по устройству судебно-административному и установила повинности («уставляющи уставы и уроки»). Съ тою же цѣлью она посѣтила вскорѣ землю Новгородскую. Ея «становища» и «ловища», т. е. мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывались еще во времена лѣтописца; много ихъ было въ земляхъ древлянской и Новгородской (здѣсь по р. Мстѣ она строила погосты, по Лугѣ установила дани и оброки). Во Псковѣ во времена лѣтописца хранились ея сани, по Днѣпру и Деснѣ были связанныя съ ея именемъ «перевѣсища» (мѣста, гдѣ устраивались перевѣсы—силки для птицъ); лѣтописецъ упоминаетъ и село Ольжичи, названное по имени Ольги.

Но Ольга оставила по себѣ прочную память въ народѣ не только, какъ прекрасная, по тогдашнимъ понятіямъ, жена и хозяйка, но и какъ первая христіанка въ великокняжеской семьѣ. Въ 957 г. она совершила путешествіе въ Константинополь. Приняла ли она крещеніе тамъ, какъ разсказываетъ съ большими подробностями нашъ лѣтописецъ, или крестилась раньше этого въ Кіевѣ, гдѣ существовалъ уже соборный храмъ во имя Св. Иліи, и ѣздила въ Константинополь лишь для того, чтобы получить благословеніе отъ патріарха и поклониться цареградскимъ святынямъ, рѣшить трудно [1]). Одно несомнѣнно: она, какъ принявшая христіанство до утвержденія его на Руси, была, по выраженію лѣтописца, подобна утренней звѣздѣ, предвѣстницѣ солнца, зарѣ—предвѣстницѣ свѣта, сіяла, какъ луна ночью.

Какъ любящая мать, Ольга склоняла къ принятію христіанской вѣры и своего сына Святослава, но послѣдній не внялъ ея увѣщаніямъ.

Возмужавъ, Святославъ принялъ власть въ свои руки. Онъ представлялъ типъ истаго дружинника съ ясными чертами чисто рыцарскаго благородства. Онъ собралъ вокругъ себя храбрую и многочисленную дружину. Если предыдущіе князья собирали войско въ помощь дружинѣ, призывая служить въ ратномъ дѣлѣ подвластныя имъ племена, которыя и перечисляются въ такихъ случаяхъ лѣтопис-

[1]) Сомнѣнье въ точности лѣтописнаго извѣстія появилось на томъ основаніи, что Константинъ Багрянородный въ сочиненіи своемъ о церемоніяхъ двора, разсказывая о пріемѣ Ольги при дворѣ, ничего не говоритъ объ ея крещеніи.

цемъ, то Святославъ совершалъ свои походы съ помощью одной своей дружины. Очевидно, слава его привлекала къ нему удальцовъ, сходившихся съ разныхъ сторонъ и сплотившихся въ одно цѣлое вокругъ его выдающейся личности. По словамъ лѣтописца, онъ ходилъ въ походы легко, какъ барсъ, возовъ за собою не возилъ, мяса не варилъ, питался тонкими ломтями конины, говядины или звѣрины, изжаренными на угольяхъ. Походнаго шатра у него не было, а спалъ онъ на землѣ, разостлавъ на ней конскій потникъ и положивъ подъ голову сѣдло. Каковъ былъ вождь, такова была и его дружина. Собравшись въ походъ на враговъ, онъ заранѣе предупреждалъ ихъ («хочю на вы ити»).

Святославъ продолжалъ объединительную дѣятельность Олега. Вятичи еще не признавали власти великаго князя Кіевскаго. «Кому платите дань?» спросилъ онъ вятичей, прибывъ на Оку; они отвѣчали «хазарамъ» и отмѣтили размѣръ дани—по шлягу (монетѣ) съ каждаго плуга. Тогда воинственный князь пошелъ на Волгу, разгромилъ волжскихъ болгаръ, а затѣмъ спустился по рѣкѣ и направился противъ хазаръ. Хазары встрѣтили его, имѣя во главѣ самого кагана, но потерпѣли пораженіе. Съ низовьевъ Волги Святославъ пошелъ на Кавказъ и побѣдилъ ясовъ и касоговъ. Только послѣ этого онъ покорилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань. Слава о воителѣ разнеслась далеко, и византійскій императоръ Никифоръ Фока, владѣніямъ котораго непрестанно грозили дунайскіе болгары, призвалъ противъ нихъ Святослава. Онъ одолѣлъ враговъ Византіи, завоевалъ города, лежавшіе по Дунаю, и утвердился, было, въ Переяславцѣ, сдѣлавъ и грековъ своими данниками; вѣроятно, здѣсь разумѣются тѣ суммы, которыя обѣщалъ Святославу, въ случаѣ помощи, императоръ, тѣснимый одновременно болгарами и арабами.

Во время отсутствія Святослава совершилось вторженіе въ его владѣнья печенѣговъ. Княгиня Ольга заперлась въ Кіевѣ со своими внучатами—Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Враги обступили городъ такъ плотно, что, по выраженію лѣтописца — «не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати». Люди помирали съ голоду и отъ недостатка воды. На противоположной сторонѣ Днѣпра собрались ратные люди, были у нихъ и лодки, но они ничего не знали объ отчаянномъ положеніи осажденныхъ. Они могли продержаться только одинъ день, но не имѣли возможности подать вѣсть о себѣ русскимъ воинамъ. Въ эту-то критическую минуту, по словамъ предковъ, нашелся одинъ молодой человѣкъ, который взялся исполнить опасное порученіе. Взявъ съ собою уздечку, онъ вышелъ изъ города, пришелъ въ станъ печенѣговъ и, умѣя говорить по-печенѣжски, сталъ спрашивать у враговъ, не видалъ ли кто-нибудь изъ нихъ его лошади. Печенѣги приняли его за своего. Добравшись до рѣки,

юноша раздѣлся и пустился вплавь на другую сторону рѣки. Поняли печенѣги хитрость, стали пускать въ него свои стрѣлы, но уже не могли повредить ему. Юноша исполнилъ порученіе. Воевода Прѣтичъ рѣшилъ прорваться въ городъ, чтобы спасти оттуда мать и внуковъ великаго князя, не разсчитывая на что-нибудь большее. Онъ приказалъ поутру своимъ воинамъ трубить въ трубы, кіевляне отвѣчали на это также трубными звуками. Смутились печенѣги, вообразили, что пришла спасать свою столицу сила Святослава, и отступили отъ города. Преданіе даже заставляетъ нашего воеводу и печенѣжскаго князя обмѣняться подарками: печенѣжскій князь подарилъ воеводѣ коня, саблю и стрѣлы, воевода одарилъ его бронею, щитомъ и мечомъ. Послѣ этого жители Кіева отправили къ Святославу пословъ съ заслуженными упреками. Упреки, по разсказу лѣтописи, подѣйствовали на великаго князя: онъ понесся съ дружинниками въ Кіевъ и, повидавшись съ матерью и дѣтьми, напалъ на печенѣговъ, стоявшихъ въ недалекомъ разстояніи отъ города и, разгромивъ, прогналъ ихъ обратно въ степи.

Но не сидѣлось въ Кіевѣ великому князю Святославу. «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ средина земли моей; туда привозятъ отовсюду всякое добро: отъ грековъ золото, паволоки, вина и разные овощи, отъ чеховъ и венгровъ—серебро и кони, изъ Руси—мѣха и воскъ, медъ и рабовъ». Своею землею онъ называлъ здѣсь, очевидно, завоеванную имъ Болгарію; въ такомъ случаѣ понятно и названіе Переяславца серединою земли. Ольга, слыша подобныя рѣчи, ссылалась на свою старость, на близость смерти. «Похоронивъ меня, — сказала она,—иди, куда хочешь». Черезъ три дня она и умерла, предоставивъ такимъ образомъ своему безпокойному сыну полную свободу дѣйствій.

Святославъ и послѣ смерти матери остался вѣрнымъ себѣ. Онъ подѣлилъ русскую землю между своими сыновьями: Ярополка посадилъ въ Кіевѣ, Олегу далъ древлянскую землю, Владиміра послалъ въ Новгородъ, а самъ снова уѣхалъ въ Переяславецъ. Но здѣсь ждали его большія испытанія. Сперва пришлось для упроченія своей власти биться съ болгарами, а потомъ съ греками, во главѣ которыхъ стоялъ уже новый императоръ — Іоаннъ Цимисхій. Цимисхій боролся съ нимъ и силой, и хитростью. Русскіе обнаруживали поразительную отвагу, но должны были покориться силѣ, превышающей ихъ собственныя силы.

Кончилъ свою жизнь воинственный князь Святославъ очень печально. Отправляясь на родину, Святославъ ѣхалъ съ дружинниками на лодкахъ къ Днѣпровскимъ порогамъ. Свѣнельдъ, опытный воинъ, рекомендовалъ великому князю сѣсть съ дружиною на ко-

ней и объѣхать пороги, такъ какъ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ порогахъ стояли печенѣги. Но Святославъ не послушался совѣта. Въ то же время жители Переяславца предупредили печенѣговъ о томъ, что по Днѣпру плыветъ Святославъ съ малою дружиною и большой добычей. Отправивъ Свѣнельда степью за подмогой, Святославъ сталъ зимовать въ Бѣлобережьѣ. Подмога не пришла во время. Тогда Святославъ рѣшилъ пробиться съ тѣми малыми силами, которыя были у него подъ рукой, но на него напали печенѣги. Битва была неравная. Самъ Святославъ палъ въ ней. Печенѣжскій князь велѣлъ сдѣлать изъ его черепа пиршественную чашу.

Послѣ трагической смерти Святослава началъ княжить старшій сынъ его Ярополкъ. Первый же раздѣлъ земли повлекъ за собою первыя смуты. Братъ Ярополка Олегъ убилъ на охотѣ Свѣнельдова сына. Свѣнельдъ, горя местью за убитаго сына, подстрекалъ Ярополка къ борьбѣ съ Олегомъ. Часто онъ говорилъ великому князю: «пойди противъ своего брата и отними у него волость». Кончилось тѣмъ, что Ярополкъ пошелъ въ древлянскую землю противъ Олега и разбилъ его войско. Олегъ бѣжалъ съ остатками своего войска къ городу Овручу. Въ городскія ворота велъ мостъ. На этомъ мосту скопилась масса бѣгущихъ, такъ что очень многіе, тѣснимые этой массой, попадали въ ровъ. Въ ихъ числѣ былъ и Олегъ. Вступивъ въ Овручъ, Ярополкъ первымъ долгомъ спросилъ о братѣ. Когда ему донесли объ участи Олега, онъ приказалъ извлекать изо рва всѣхъ низринувшихся туда людей. Былъ извлеченъ и трупъ Олега. Смотря на бездыханное тѣло брата, Ярополкъ невольно обратился къ Свѣнельду съ вопросомъ: «Такъ вотъ чего хотѣлъ ты?» и горько заплакалъ. Сохранилось преданіе, что Ярополкъ и Олегъ были христіанами. Мы знаемъ изъ лѣтописи, что Ярополкъ былъ женатъ на прекрасной гречанкѣ, ранѣе бывшей монахинею.

Прослышавъ о трагической смерти Олега, младшій братъ его Владиміръ бѣжалъ за море къ варягамъ. Тогда Ярополкъ послалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ и такимъ образомъ правилъ всею русскою землею. Но его правленіе не было продолжительнымъ. Владиміръ вернулся изъ-за моря съ варяжскою дружиной, прибылъ въ Новгородъ, прогналъ оттуда посадниковъ Ярополка и велѣлъ имъ передать послѣднему: «Владиміръ идетъ противъ тебя, готовься биться съ нимъ». Еще до похода противъ Ярополка Владиміръ отправилъ пословъ къ полоцкому князю Рогвольду, чтобы просить у него руки его дочери Рогнѣды. Получивъ гордый отказъ Рогнѣды, Владиміръ пошелъ на Рогвольда съ войскомъ, въ которомъ были и варяги, и новгородскіе славяне, чудь и кривичи. Рогвольдъ былъ убитъ, а Рогнѣду, готовившуюся сдѣлаться женою Ярополка, Владиміръ насильно взялъ себѣ въ жены. Вскорѣ послѣ этого Влади-

міръ подступилъ къ Кіеву. Воевода Ярополка, Блудъ, измѣнилъ своему князю и предалъ его Владиміру. Ярополкъ былъ убитъ, а Владиміръ, завладѣвъ Кіевомъ, сдѣлался великимъ княземъ всей земли русской.

8. Языческій бытъ нашихъ предковъ. Въ языческихъ вѣрованіяхъ нашихъ предковъ ярко выступаютъ два культа—культъ видимой природы и культъ предковъ.

Божество неба, носившее у грековъ названіе Урана, а у индусовъ — Варуны, наши предки называли Сварогомъ [1]). То было древнѣйшее божество, которому славяне поклонялись, можетъ быть, въ ту пору, исторіи неизвѣстную, когда вели кочевой образъ жизни, когда небо со своими свѣтилами и дня, и ночи имѣло для нихъ, какъ для кочевниковъ, особенное значеніе, руководя ими при ихъ передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто. Сварогъ считался у всѣхъ славянъ отцомъ солнца и огня; потому-то огонь у нашихъ языческихъ предковъ назывался сварожичемъ. Собственно солнцу поклонялись подъ различными названіями. Божествами солнца были и Дажь-богъ [2]), и Хорсъ, и Волосъ или Велесъ. Подъ именемъ Дажь-бога поклонялись солнцу, какъ производительной силѣ природы; оттого и русскіе люди названы въ Словѣ о полку Игоревѣ внуками Дажь-бога. Если Дажь-богъ считался дѣдомъ людей, то, по всей вѣроятности, именно къ нему слѣдуетъ отнести извѣстный припѣвъ, уже давно утратившій свой смыслъ и передающійся до сихъ поръ по преданію,— ой-Дидъ (т. е. дѣдъ) Ладо. Другой столь же древній припѣвъ—Люль, Лель (ай—люли!) также означаетъ дѣда. Хорсъ—названіе иранское, по значенію тожественное слову Дажь-богъ.—Волосъ или Велесъ напоминаетъ греческаго Аполлона. Аполлонъ, богъ солнца, по греческому миѳу, пасъ стада царя Адмета; его же считали своимъ богомъ-покровителемъ поэты. Нашъ Велесъ былъ богомъ солнца, «скотьимъ» богомъ, т. е. богомъ стадъ, а также богомъ поэтовъ: въ Словѣ о полку Игоревѣ пѣвецъ Баянъ названъ Велесовымъ внукомъ.—Но уже въ VI в. по Р. Хр., по свидѣтельству византійскаго источника Прокопія, верховнымъ божествомъ восточныхъ славянъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи. Какъ божество вѣтровъ почитался Стрибогъ: въ Словѣ о полку Игоревѣ вѣтры названы внуками Стрибога.

Темныя, вредныя человѣку силы природы также приняли у нашихъ предковъ извѣстныя формы, сохранившіяся до настоящаго времени въ нашихъ народныхъ сказкахъ: таковы—Кощей безсмерт-

---

[1]) Слово Сварогъ происходитъ отъ санскритскаго корня sur — блистать и очень близко къ санскритскому же слову swarga—богъ солнца.

[2]) Слово Дажь-богъ происходитъ отъ санскр. корня dag (горѣть, жечь). Отсюда происходитъ и нѣмецкое слово der Tag (день).

ный, олицетвореніе зимней стужи; Баба-Яга, разъѣзжающая въ ступѣ, погоняющая пестомъ, заметающая свой слѣдъ помеломъ, художественное изображеніе вьюгъ и метелицъ, и т. под.

Окружающая природа представлялась такимъ образомъ имъ населенной живыми, по своему разумными существами: въ лѣсахъ жили лѣшіе, въ рѣкахъ — русалки [1]).

Въ тѣсной зависимости отъ явленій природы находились и религіозныя празднества. Въ концѣ декабря, когда сила солнца становится замѣтнѣе, наши предки совершали праздникъ К о л я д ы. Въ настоящее время сохранилось имя праздника, самый же праздникъ, конечно, видоизмѣнился. Теперь онъ совпадаетъ съ праздникомъ Рождества Христова.

Существенную часть праздника составляетъ славленіе, сопровождаемое сборомъ подаяній. Въ глубокой древности славили бога солнца и дѣлали сборы на общую жертву. Удержался до настоящаго времени и другой языческій праздникъ, а именно — м а с л е н и ц а. И этотъ праздникъ былъ посвященъ богу солнца. Совершался онъ въ началѣ весны. Не уничтоживъ его, христіанство лишь поставило его, по отношенію къ времени, въ зависимость отъ Пасхи. Праздникомъ, дошедшимъ до нашего времени въ видѣ масленицы, язычники встрѣчали весну. И до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ сожигается на масленой соломенная кукла, повидимому, изображающая зиму или смерть. Третій языческій праздникъ, удержавшійся кое-гдѣ и до нашего времени, извѣстенъ подъ именемъ Ивана Купалы и совершается 23 іюня. Такимъ образомъ онъ совпадаетъ съ лѣтнимъ солноворотомъ. Въ эту пору солнце достигаетъ наивысшей силы. Естественно сложилось представленіе, что и травы, произрастающія благодаря ему, также достигаютъ высшей силы. Вотъ почему этотъ праздникъ сопровождается собираніемъ цѣлебныхъ травъ. Ночью ищутъ цвѣтокъ папоротника. Есть повѣрье, что цвѣтокъ папортника только и расцвѣтаетъ въ эту ночь. Ему приписываютъ волшебное свойство указывать на мѣста зарытыхъ кладовъ. Сохранились и другіе обряды, бывшіе принадлежностью праздника Ивана Купалы.

Много было и другихъ праздниковъ въ честь божествъ видимой природы. Но рядомъ съ культомъ видимой природы существовалъ культъ предковъ. Среди божествъ домашняго очага первое мѣсто занималъ Д ѣ д у ш к а Д о м о в о й. Домовому поклонялись, какъ олицетворенію души предка, какъ римляне поклонялись своимъ ларамъ и пенатамъ. Домовой, по представленіямъ нашихъ предковъ,

---

[1]) Слово русалка происходитъ отъ санскр. корня r u s (блистать). Слѣдовательно, русалки были блистающими, небесными существами, но съ теченіемъ времени народное воображеніе перенесло ихъ изъ небесныхъ водъ въ воды земныя.

покровительствовалъ только своимъ, только своему роду, если послѣдній былъ достоинъ этого. По отношенію къ чужимъ домовой позволялъ себѣ различныя проказы, для нихъ непріятныя. Вѣра въ дѣдушку домового не умерла и до сихъ поръ. И теперь еще кое-гдѣ въ деревняхъ при переѣздѣ въ новую избу хозяйки кладутъ уголья въ новый горшокъ, приговаривая: «милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье». Соблюдаются и другіе обряды, подобные этому.

Но всѣ эти языческія вѣрованія не развились въ достаточно сильной степени. Не было храмовъ, не было спеціальнаго класса жрецовъ. Существовали лишь отдѣльныя лица, имѣвшія, по мнѣнію вѣрующихъ, таинственныя сношенія съ богами, творившія чудеса и предсказывавшія будущее. Такихъ людей называли у насъ волхвами или кудесниками. Были грубо изваянные идолы. Ихъ ставили обыкновенно на открытыхъ мѣстахъ, преимущественно на холмахъ. Передъ ними приносились въ жертву животныя и даже люди. Въ Кіевѣ, напримѣръ, пользовался особымъ почитаніемъ идолъ Перуна.

Тѣла умершихъ наши предки или зарывали въ землю, или же сожигали, при чемъ послѣдній обрядъ преобладалъ надъ первымъ.

Если умиралъ человѣкъ женатый, съ нимъ сожигалась и его жена. На могильномъ холмѣ совершалась тризна или поминки.

Что касается обычаевъ, господствовавшихъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ, лѣтопись отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое разнообразіе. Каждое изъ племенъ, по словамъ лѣтописи, держалось преданія, обычаевъ своихъ отцовъ, каждое имѣло свой нравъ. Преимущество передъ другими лѣтописецъ даетъ полянамъ; ихъ обычаи онъ называетъ кроткими, тихими и отмѣчаетъ у нихъ наличность «стыдѣнья». У нихъ былъ упорядоченный брачный обычай. За невѣсту платили ея родителямъ по уговору («приношаху по ней, что вдадуче») извѣстный выкупъ, называвшійся вѣномъ. У древлянъ дѣло обстояло иначе; они, по словамъ лѣтописи, «живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски; убиваху другъ друга, ядяху все нечисто». Брака у нихъ не было вовсе, какъ опредѣленнаго установленія, но они умыкали, т. е. похищали дѣвушекъ у воды. Умычка производилась у воды, т. е. у рѣки, какъ у единственно удобнаго въ то время пути сообщенія. Похищенную дѣвушку сажали на лодку и такимъ образомъ затрудняли преслѣдователей. Такъ же жили и другія племена, разселившіяся по лѣсамъ,—радимичи, вятичи и сѣверяне; къ этой же категоріи относитъ лѣтописецъ и кривичей, а про вятичей говоритъ, что они сохраняли свои грубые обычаи еще въ ту пору, когда писалась лѣтопись. Всѣ они, подобно древлянамъ, жили, какъ звѣри, ѣли все нечистое, отличались срамословіемъ. Брака у нихъ также

не было. Они сходились для игръ на мѣста, расположенныя между ихъ селами, и здѣсь похищали дѣвушекъ, по предварительному уговору съ ними. Среди этихъ племенъ было развито многоженство.

Принятіе христіанства.

9. Принятіе христіанской вѣры при Владимірѣ Святомъ. Сдѣлавшись единодержавнымъ правителемъ Русскаго государства, Владиміръ поселился въ Кіевѣ, а въ Новгородъ отправилъ въ качествѣ посадника своего родственника Добрыню. И Добрыня, и Владиміръ были ревностными язычниками. Добрыня сейчасъ же по прибытіи въ Новгородъ поставилъ надъ Волховомъ кумира, передъ которымъ жители Новгорода приносили жертвы. Владиміръ, совершивъ нѣсколько удачныхъ походовъ на поляковъ, вятичей и ятвяговъ, отблагодарилъ боговъ торжественными жертвоприношеніями. Бояре и старѣйшины предложили ему бросить жребій, чтобы узнать у боговъ, кто изъ юношей и дѣвицъ будетъ наиболѣе угоденъ имъ, какъ жертва. Жилъ въ то время въ Кіевѣ варягъ, переселившійся изъ Византіи и исповѣдывавшій христіанскую вѣру. Лѣтописецъ указываетъ точно и самое мѣсто, гдѣ стоялъ его домъ. У этого варяга былъ сынъ, прекрасный и тѣломъ, и душою. Жребій палъ на прекраснаго юношу («по зависти дьяволи»). Отрядили посланныхъ, которые должны были извѣстить несчастному отцу волю боговъ. Варягъ отвѣтилъ посланнымъ, что кумиры не боги, что они сдѣланы изъ дерева, сегодня еще существуютъ, а завтра уже сгніютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ исповѣдывать передъ посланными Единаго Бога, Которому служатъ и кланяются греки, Который сотворилъ и небо, и землю, звѣзды, луну, солнце и людей. Посланные пошли къ тѣмъ, кто послалъ ихъ, и передали имъ вдохновенныя слова варяга. Тогда народъ вооружился и повалилъ къ его дому. Несмотря на то, что разъяренная толпа язычниковъ разметала околицу его двора, варягъ продолжалъ стоять въ открытыхъ сѣняхъ дома со своимъ юнымъ сыномъ. Толпа снова потребовала выдачи сына, но варягъ посмѣялся надъ нею: «коли кумиры ваши боги, пусть пришлютъ кого-либо изъ своей среды за моимъ сыномъ; вы-то чего волнуетесь?» Толпа зашумѣла въ отвѣтъ, подрубила столбы, на которыхъ стояли сѣни, и такимъ образомъ умертвила и отца, и сына.

Объединенныя властью великихъ князей кіевскихъ, отдѣльныя племена, очевидно, сносили эту власть съ неудовольствіемъ и пытались свергнуть ее. Такъ, Владиміру пришлось ходить войною про-

тивъ радимичей. Но война эта была нетрудною, и Владиміръ скоро справился съ возставшими.

Походъ на камскихъ болгаръ также увѣнчался успѣхомъ, но, очевидно, при затратѣ большихъ силъ. Во всякомъ случаѣ, Добрыня— какъ говоритъ лѣтописецъ — сказалъ Владиміру: «я поглядѣлъ на плѣнныхъ (болгаръ); они всѣ въ сапогахъ, они не станутъ платить намъ дани,— поищемъ лапотниковъ» («съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапосѣхъ; симъ дани намъ не даяти, пойдемъ искать лапотниковъ»). Интересна одна подробность этого похода: Русь поѣхала на лодкахъ, берегомъ же слѣдовали на коняхъ союзные съ нею торки: такимъ образомъ конницу въ русскомъ войскѣ составляли мелкіе степные народцы. Любопытны и выраженія договора, заключеннаго Владиміромъ съ болгарами; болгары заявили, что нарушатъ миръ съ русскими только въ томъ случаѣ, когда камни начнутъ плавать, а хмель тонуть. Воевалъ Владиміръ еще съ поляками и отнялъ у нихъ города Перемышль, Червень и друг., совершилъ удачный походъ и на ятвяговъ.

Но Владиміръ былъ исключительною, высоко одаренною личностью. Религіозное чувство, присущее человѣку, было развито въ немъ въ высшей степени. Онъ ревностно служилъ своимъ богамъ, но, какъ человѣкъ высокодаровитый, долженъ былъ вскорѣ почувствовать всю недостаточность языческой вѣры. О случаѣ съ варягами—христіанами, отцомъ и сыномъ, онъ не могъ не знать. Ему, конечно, передали и все то, что говорилъ варягъ передъ своею мученическою кончиной. Горячая вѣра варяга, его увѣренность въ своей правотѣ должны были поразить великаго князя. Сказанныя отъ глубины души слова варяга, самая картина смерти отца и сына должны были приходить ему на память и смущать его покой. Но одно отрицаніе прошлаго не могло удовлетворить его: такое отрицаніе можетъ удовлетворить только пустого и обыкновенно самодовлѣющаго человѣка. Неудовлетворенный старою вѣрой, онъ искалъ новой. Приходили ему, можетъ быть, на память и образъ его бабушки Ольги, и ея рѣчи, рѣчи женщины-христіанки. Во всякомъ случаѣ, только колебаніемъ Владиміра, только стремленіемъ его къ новой вѣрѣ можно объяснить себѣ то, что разсказываетъ по поводу перемѣны Владиміромъ вѣры наша лѣтопись. А лѣтопись разсказываетъ, что въ 986 году пришли къ Владиміру послы отъ камскихъ болгаръ съ предложеніемъ своей вѣры. «Ты, князь,—человѣкъ мудрый, разумный, а закона не знаешь; прими нашу вѣру, нашъ законъ, поклонись Магомету»; съ такими словами обратились къ нему болгарскіе послы. Познакомившись съ основами ислама, Владиміръ отринулъ его. Также отрицательно отнесся онъ и къ посламъ, присланнымъ римскимъ папою. Хотя въ ту пору еще не произошло

формальнаго раздѣленія Церкви Христовой, но различіе между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ рѣзко бросалось въ глаза. Еще слишкомъ за сто лѣтъ до этого высокомѣріе папы Николая I обострило отношенія между Римомъ и Византіей и оттолкнуло отъ папы болгаръ. Чуждый востоку Европы языкъ богослуженія, считавшійся обязательнымъ, съ точки зрѣнія римской куріи, былъ точно также большою помѣхой къ подчиненію папѣ восточныхъ славянъ. Наконецъ, папы X вѣка своею личною жизнью унижали свой санъ, и вообще папство переживало въ эту пору періодъ своего упадка. Такимъ образомъ, если лѣтописецъ передаетъ только одно смутное преданіе, то преданіе это представляется вполнѣ правдоподобнымъ. Когда хазарскій каганъ узналъ о безплодности убѣжденій посольствъ, пріѣзжавшихъ къ Владиміру, то отправилъ къ нему своихъ пословъ съ предложеніемъ принять іудейскую религію. Поговоривъ съ послами, Владиміръ спросилъ у нихъ: «гдѣ ваше отечество?» Они отвѣчали ему: «въ Іерусалимѣ». «Такъ ли?» переспросилъ Владиміръ, какъ бы не довѣряя имъ. Тогда іудеи отвѣчали: «разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ по разнымъ странамъ изъ-за грѣховъ нашихъ, а землю нашу предалъ въ руки христіанъ». На это Владиміръ отвѣтилъ, что не желаетъ, принявъ ихъ вѣру, подвергнуться ихъ участи. Слова лѣтописца о томъ, что Палестина была отдана христіанамъ, цѣнны, какъ указаніе на время написанія лѣтописи—послѣ перваго крестоваго похода, когда въ Сиріи было основано крестоносцами Іерусалимское королевство, такъ какъ во времена Владиміра Святого Палестина находилась еще въ рукахъ магометанъ. Но это обстоятельство еще не позволяетъ намъ считать однимъ сплошнымъ вымысломъ весь разсказъ лѣтописи о томъ, какъ различные народы пытались обратить Владиміра — каждый въ свою вѣру. Разумная рѣчь греческаго миссіонера—философа, какъ называетъ его лѣтопись, произвела на Владиміра сильное впечатлѣніе. Болѣе всего поразилъ его разсказъ о загробной жизни, неодинаковой для грѣшныхъ и праведныхъ людей. На это философъ отвѣчалъ ему, что единственнымъ путемъ къ блаженной жизни является принятіе христіанства.

Далѣе лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ подѣлился своими впечатлѣніями какъ со старѣйшими дружинниками, такъ и съ городскими старѣйшинами. Старшіе дружинники и старѣйшины отвѣчали ему, что никто своей вѣры хулить не станетъ, но хвалить ее, что для провѣрки всего сказаннаго Владиміру послами отъ разныхъ народовъ необходимо отправить къ этимъ народамъ разумныхъ людей, которые посмотрѣли бы на то, какъ каждый изъ этихъ народовъ служитъ Богу. Владиміръ снарядилъ посольство изъ десяти человѣкъ. Лучше всего понравилось имъ богослуженіе у грековъ.

Но и это еще не уничтожило колебаній Владиміра; человѣкъ, такъ горячо служившій богамъ своихъ предковъ, не могъ такъ скоро порвать всѣ связи съ прежнею религіей. Не доставало какого-либо повода, чтобы окончательно сломить всѣ колебанья, и такой поводъ представился въ новомъ походѣ Владиміра—на греческую колонію Корсунь (Херсонесъ).

Корсунцы заперлись въ городѣ. Владиміръ обложилъ городъ настолько, что корсунцы стали изнемогать. Владиміръ предложилъ имъ сдаться, грозясь, въ случаѣ ихъ упорства, простоять три года. Корсунцы отказали. Но среди нихъ нашелся человѣкъ, рѣшившій предать городъ въ руки Владиміра. Звали его Анастасомъ. Онъ начерталъ на стрѣлѣ посланіе, въ которомъ извѣщалъ великаго князя о мѣстонахожденіи источниковъ, снабжавшихъ горожанъ водою при посредствѣ водопровода. Владиміръ, получивъ это извѣстіе, обратилъ—по словамъ лѣтописи—свои взоры къ небу и сказалъ: «если это сбудется, я крещусь». Извѣстіе Анастаса и было желаннымъ поводомъ. Владиміръ перенялъ воду и такимъ образомъ принудилъ жителей города, изнемогавшихъ отъ жажды, къ сдачѣ. Вступивъ въ Корсунь со своею дружиною, великій князь отправилъ къ византійскимъ царямъ, Василію и Константину, требованіе выдать за него замужъ сестру ихъ Анну; въ противномъ случаѣ, онъ погрозился поступить съ Константинополемъ такъ же, какъ поступилъ съ Корсунемъ. Это требованіе опечалило царей; они выставили Владиміру на видъ все неудобство выдачи христіанки замужъ за язычника и предлагали ему креститься, если онъ такъ желаетъ получить руку ихъ сестры («не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя»). Владиміръ заявилъ, что крестится, такъ какъ уже позналъ сущность христіанскаго ученія. Пріятны были слова эти правителямъ Византіи, но не обрадовали они сестры ихъ. «Какъ въ плѣнъ иду,— говорила она — лучше было бы мнѣ умереть здѣсь». Но братья старались поставить ее на ту точку зрѣнія, что отъ ея согласія зависитъ обращеніе русскихъ къ Богу и покаянью, а также избавленіе Византіи отъ лютой рати, натворившей грекамъ столько зла. Съ плачемъ сѣла царевна на корабль, крѣпко цѣловала своихъ родныхъ и отправилась въ Корсунь. Крещеніе, по словамъ лѣтописи, было совершено въ церкви св. Василія, стоявшей на торговой площади Корсуня и во время лѣтописца. Послѣдній настаиваетъ на вѣрности своего извѣстія, точно указываетъ на мѣсто жительства великаго князя и царевны Анны во время пребыванія ихъ въ Корсуни и объявляетъ невѣрными показанія тѣхъ лицъ, которыя считали мѣстомъ крещенія Владиміра Кіевъ, Васильевъ и

Рис. 9. Крещеніе русскаго народа. (Рис. А. Шарлемань).

другіе пункты. Въ память своего обращенія въ христіанство Владиміръ повелѣлъ построить въ Корсуни храмъ, который существовалъ еще и во время лѣтописца.

Послѣ крещенія Владиміръ съ Анною, Анастасомъ и корсунскими священниками пріѣхалъ въ Кіевъ. Они взяли съ собою изъ Корсуни мощи, иконы, церковные сосуды и нѣкоторыя произведенія свѣтскаго искусства. Корсунь же онъ вернулъ грекамъ въ качествѣ вѣна за жену. Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ приказалъ ниспровергнуть идоловъ, однихъ изрубить, другихъ сжечь. Изображеніе же Перуна, имъ самимъ ранѣе поставленное, велѣлъ привязать къ конскому хвосту и стащить его съ горы въ Днѣпръ; при этомъ приставленные для этого люди должны были бить изображеніе палками; язычники бѣжали за нимъ и проливали горькія слезы. Такъ доволокли изображеніе Перуна до самаго Днѣпра и столкнули его въ воду. Владиміръ отдалъ приказаніе, чтобы проводили идола до самыхъ пороговъ, не давая ему возможности приткнуться гдѣ-либо у берега и такимъ образомъ снова сдѣлаться предметомъ поклоненія. Послѣ этого Владиміръ потребовалъ, чтобы всѣ кіевляне пришли на слѣдующее утро къ рѣкѣ, заявивъ, что неисполненіе этого приказа будетъ признано сопротивленіемъ его власти.' Сюда же пришелъ въ указанное время и Владиміръ въ сопровожденіи священниковъ, состоявшихъ въ штатѣ великой княгини и корсунскихъ. Собралось необозримое множество людей, чтобы исполнить волю своего государя. Въ Кіевѣ уже давно жили христіане, Кіевъ находился въ постоянномъ общеніи съ христіанской Византіей, на прямомъ пути въ нее; понятно, поэтому, почему желаніе великаго князя не встрѣтило здѣсь сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Въ водахъ Днѣпра и было совершено массовое крещеніе язычниковъ, жившихъ въ Кіевѣ (988). На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли кумиры, великій князь сталъ строить церкви. Послѣ этого обрядъ крещенія былъ совершаемъ и въ другихъ городахъ и селахъ, и тамъ на мѣстахъ, освященныхъ языческими традиціями, ставились христіанскіе храмы. Христіанство привнесло съ собою и книжное ученье. Владиміръ собиралъ дѣтей и отдавалъ ихъ въ основанныя имъ школы; матери этихъ дѣтей — по словамъ лѣтописца — плакали при этомъ, какъ плачутъ объ умершихъ. Построеніе церквей, снабженіе ихъ иконами, сосудами и всѣмъ необходимымъ еще болѣе оживили сношенія Руси съ Византіей, открыли широкій путь въ нашу землю византійскому искусству.

10. Борьба Владиміра со степняками. Одною изъ двухъ главныхъ задачъ первыхъ нашихъ князей была объединительная дѣятельность ихъ, связывавшая въ одно цѣлое различныя племена, на которыя распадались тогда восточные славяне. Другою задачей ихъ, не менѣе важной, была борьба со степью, такъ близко под-

ходившей къ Кіевской Руси. Ея врагами были все тѣ же печенѣги, отъ которыхъ погибъ отецъ Владиміра, Святославъ. Лѣтопись сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ этой борьбѣ. Въ 992 году вторгнулись печенѣги изъ-за р. Сулы. Владиміръ выступилъ противъ нихъ

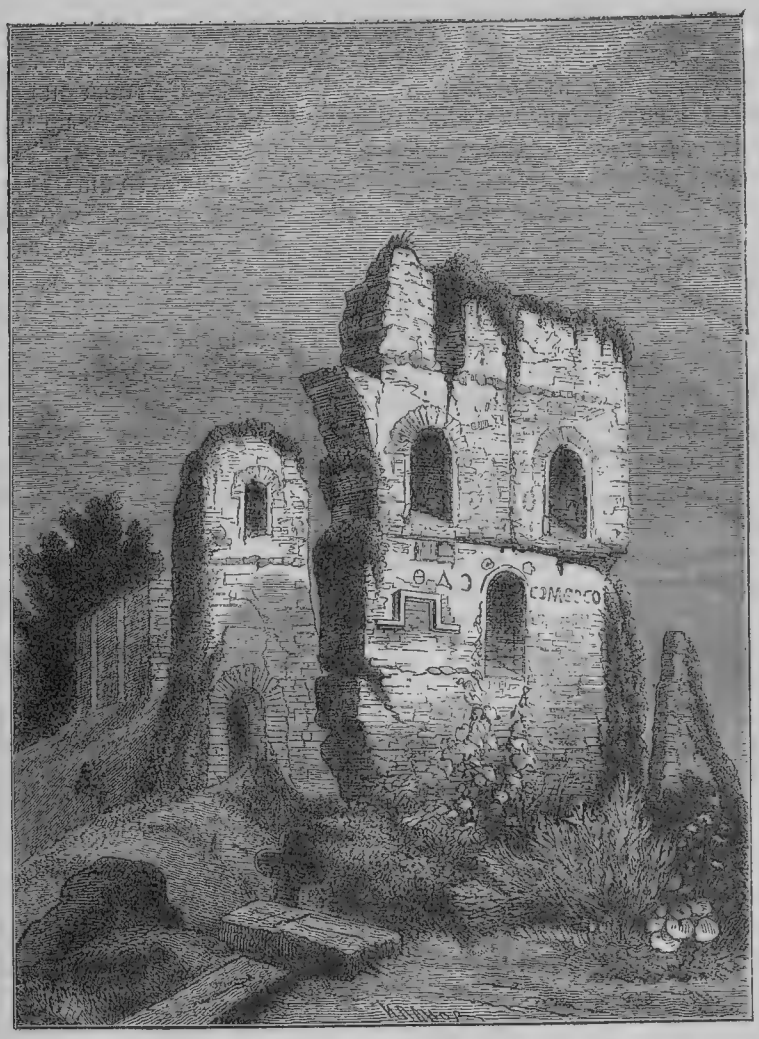


Рис. 10. Развалины древней Десятинной церкви (до срытія).

и встрѣтился съ ними на берегахъ Трубежа у Переяславля. Владиміръ не переходилъ на ту сторону рѣки; продолжали стоять на своихъ мѣстахъ, на другомъ берегу рѣки, и печенѣги. Наконецъ

князь печенѣжскій выдѣлился изъ среды своихъ, подъѣхалъ къ рѣкѣ и сталъ кричать оттуда Владиміру: «выпусти своего мужа, а я выпущу своего; пусть они вступятъ въ борьбу между собою; если одолѣетъ твой моего, не будемъ нападать на васъ въ продолженіе трехъ лѣтъ; если же нашъ побѣдитъ твоего, будемъ воевать 3 года». Владиміръ вернулся къ товарищамъ—какъ говоритъ лѣтописецъ, — и сталъ кликать кличъ, не найдется ли изъ его людей кого-либо, кто вступилъ бы въ борьбу съ печенѣгомъ. Отклика не было. Печенѣги уже выставили своего борца, а у насъ такого не находилось. И затужилъ Владиміръ. Но вотъ пришелъ къ нему старикъ и разсказалъ ему о своемъ меньшемъ сынѣ, котораго еще никто не могъ одолѣть въ борьбѣ. «Разъ я бранилъ его, говорилъ старикъ, когда онъ мялъ кожу, онъ разсердился на меня и разорвалъ ее руками». Пошли за сыномъ старика, испытали его силу: разъярили раскаленнымъ желѣзомъ быка, а когда тотъ мчался мимо юноши, послѣдній схватилъ его своею мощной рукою и вырвалъ у него кожу съ мясомъ. Само собою разумѣется, что нашъ богатырь побѣдилъ печенѣга. Враги бѣжали. Старикъ съ сыномъ были награждены великимъ княземъ («Володимеръ же великимъ мужемъ сотвори того и отца его»). На мѣстѣ борьбы Владиміръ заложилъ городъ, который назвалъ Переяславлемъ, потому что на этомъ мѣстѣ русскій богатырь перенялъ славу («перея славу») у печенѣга.

Въ другой разъ, воспользовавшись отъѣздомъ великаго князя изъ Кіева печенѣги подошли къ Бѣлгороду (Кіевскому). Большія полчища враговъ обложили городъ со всѣхъ сторонъ такъ, что горожане стали испытывать голодъ. Владиміръ не могъ помочь городу, такъ какъ у него не было войска. Горожане собрались на вѣче и здѣсь порѣшили сдаться печенѣгамъ. Не было на вѣчѣ — говоритъ преданіе, занесенное на страницы лѣтописи,—одного старика. Узнавъ о рѣшеніи вѣчевой сходки, онъ посовѣтывалъ городскимъ старѣйшинамъ продержаться въ продолженіе трехъ дней, обѣщая выручить всѣхъ изъ бѣды. Послѣ этого онъ собралъ, гдѣ было можно, по горсти овса, пшеницы, отрубей, а женщины должны были сдѣлать изъ этой смѣси кисельный растворъ. По указанію старика, выкопали колодецъ, вставили въ него кадку и наполнили ее этимъ растворомъ. Выкопали другой колодецъ, вставили кадку и туда. Старикъ сталъ искать меду и нашли его только лукошко (лукно) въ княжеской медушѣ. По совѣту старика, медъ разсытили и влили его во вторую кадку. На утро старикъ послалъ къ печенѣгамъ нѣсколькихъ горожанъ. Тѣ пришли къ врагамъ, оставили у нихъ заложниковъ и предложили десятку печенѣговъ войти въ Бѣлгородъ—посмотрѣть, что творится въ городѣ. Обрадовались печенѣги, думая, что бѣлгородцы сдаются. Когда выборные отъ печенѣговъ пришли въ городъ, граждане сказали имъ: „зачѣмъ вы губите себя? развѣ вы можете перестоять насъ? Стойте хоть 10 лѣтъ, но что вы можете сдѣлать намъ, когда насъ сама земля кормитъ? Если не вѣрите, посмотрите сами“. Они подвели печенѣговъ къ кадкамъ, поѣли сами, угостили печенѣжскихъ пословъ. Послы сказали: „не повѣрятъ намъ князья наши, если не попробуютъ сами“. Бѣлгородцы дали имъ по горшку мѣсива и меду.

Тѣ пришли къ своимъ. Когда печенѣги сварили себѣ киселя, то рѣшили, что съ бѣлгородцами и въ самомъ дѣлѣ ничего не подѣлаешь, очень удивлялись, обмѣнялись заложниками („поимше тали своя и онѣхъ пустивше"), отошли отъ города и отправились во-свояси. Изъ лѣтописнаго преданія можно сдѣлать выводъ, что предки наши въ борьбѣ съ кочевниками побѣждали не только силой, но и хитростью. Съ другой стороны, въ преданіи этомъ ясно сквозитъ насмѣшливое отношеніе нашихъ предковъ къ печенѣгамъ, какъ высшей расы къ низшей.

Постоянное опасеніе печенѣжскихъ набѣговъ побудило Владиміра озаботиться о постройкѣ укрѣпленныхъ мѣстъ. Владиміръ хорошо понималъ, что въ Кіевской Руси слишкомъ мало городовъ. «Это не доброе дѣло, — сказалъ онъ, по словамъ лѣтописи, — что такъ мало городовъ около Кіева». Вотъ почему онъ усердно занялся градостроительствомъ. Благодаря его неустаннымъ заботамъ, появились новые города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Заселялъ онъ ихъ лучшими людьми изъ новгородскихъ славянъ, кривичей, чуди и вятичей.

Велика заслуга русскаго народа въ борьбѣ со степью. Онъ борьбою этой не только защищалъ свое собственное существованіе, но и принималъ на себя удары варваровъ, ослаблялъ ихъ; въ противномъ же случаѣ эти варварскія орды могли бы создать серьезныя опасности для Западной Европы.

11. Владиміръ-христіанинъ. Неизмѣримо велико значеніе Владиміра Святого въ дѣлѣ распространенія христіанства среди русскихъ племенъ. Если государственный порядокъ распространялся по великому водному пути съ сѣвера на югъ, то христіанство по тому же пути направлялось съ юга на сѣверъ. Конечнымъ пунктомъ былъ на этомъ пути Новгородъ. Благодаря удаленности его отъ Византіи, въ немъ сильнѣе сохранились языческіе обычаи и преданія. Прослышавъ о томъ, что воевода Добрыня идетъ въ ихъ сторону, чтобы обратить населеніе въ христіанскую вѣру, новгородцы рѣшили воспротивиться ему. Они поклялись на вѣчѣ не пускать Добрыню въ городъ, не допускать ниспроверженія идоловъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда прибылъ Добрыня, новгородцы встрѣтили его съ оружіемъ въ рукахъ. Ихъ подстрекалъ къ упорному сопротивленію какой-то волхвъ Богомилъ, получившій за свое краснорѣчіе прозваніе Соловья. Такимъ образомъ Добрынѣ и тысяцкому Путятѣ пришлось употребить силу. Когда сопротивленіе новгородцевъ было сломлено, надъ ними былъ совершенъ обрядъ крещенія. И до сихъ поръ сохранилась поговорка, указывающая на тѣ затрудненія, которыя встрѣтило въ Новгородѣ введеніе христіанства: «Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ».

Затѣмъ христіанство, по всѣмъ вѣроятіямъ, проникло въ область верхней Волги и дошло до Ростова.

Высокое христіанское ученіе не могло не смягчить суровой, но искавшей правды, души Владиміра. Въ этомъ отношеніи въ нашей лѣтописи находится много цѣнныхъ указаній. На него, какъ разсказываетъ лѣтопись, произвели сильное впечатлѣніе слова Св. Писанія: «продайте имѣнія ваши и дайте нищимъ», «не скрывайте сокровищъ на земли», «блажены милостивые, ибо тѣ помилованы будутъ» и т. п. Онъ хотѣлъ примѣнять эти высокія правила къ жизни. Каждое церковное празднество онъ ознаменовывалъ добрыми дѣлами: кормилъ нищихъ и убогихъ, разрѣшалъ имъ приходить на княжескій дворъ и брать здѣсь все, что имъ необходимо, а для тѣхъ, кто по болѣзни своей не могъ пользоваться милостями его, приказывалъ развозить съѣстные припасы, при чемъ лица, сопровождавшія ихъ, обязаны были громко спрашивать: «гдѣ больной?» и немедленно удовлетворять его. Лѣтописецъ отмѣчаетъ умноженіе разбоевъ и говоритъ, что епископы обращались къ великому князю съ просьбами казнить злодѣевъ. Но Владиміръ отвѣчалъ имъ на это, что не казнитъ изъ опасенія грѣха. Епископы возражали ему, что грѣха въ этомъ не будетъ, если онъ станетъ казнить тѣхъ, кто, по разслѣдованіи дѣла, окажется достойнымъ казни, что онъ поставленъ отъ Бога на милость добрымъ и для наказанія злыхъ. Тогда Владиміръ отмѣнилъ, было, денежные штрафы (виры) за преступленія и сталъ подвергать преступниковъ казни. Но тѣ же епископы стали совѣтывать ему вернуться къ прежнему порядку. При этомъ они указывали князю на то обстоятельство, что виры, собираемыя съ виновныхъ, могутъ принести ему большую пользу, такъ какъ на эти деньги онъ можетъ пріобрѣтать оружіе и содержать войско. Такимъ образомъ, Владиміръ Святой жилъ въ добромъ согласіи съ высшими представителями церкви и совѣщался съ ними по вопросамъ государственнаго характера. Въ такомъ же добромъ согласіи жилъ онъ и со своею дружиною. На одномъ изъ великокняжескихъ пировъ, которыми прославилось время Владиміра, которые нашли свое отраженіе и въ нашихъ былинахъ, дружина выпила лишнее и стала роптать на великаго князя за то, что онъ заставляетъ ее ѣсть деревянными ложками, а не серебряными. Услышавъ это, Владиміръ повелѣлъ выковать для своей дружины серебряныя ложки и сказалъ дружинникамъ: «серебромъ и золотомъ я не могу пріобрѣсти дружины, а съ дружиною пріобрѣту и золото, и серебро; и дѣдъ, и отецъ мой добыли съ помощью дружины и то, и другое». Великій князь любилъ свою дружину и совѣщался съ нею объ устроеніи своего государства, о военномъ дѣлѣ, о земельномъ уставѣ. Миръ соблюдалъ онъ и съ другими народами—съ чехами и венграми. Онъ пересылался послами и съ римскимъ папою. Въ Никоновской лѣтописи подъ 992 годомъ отмѣчено: «того же лѣта пріидоша къ Владиміру

послы изъ Рима, отъ папы, съ любовію и съ честію». Въ ней же подъ 1000 годомъ записано: «того же лѣта пріидоша послы отъ папы римскаго и отъ королей чешскихъ и угорскихъ». Подъ 1001 годомъ читаемъ: «того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ, и въ Египетъ, и въ Вавилонъ съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ».

Если ко всему, сказанному о Св. Владимірѣ, мы присоединимъ слова лѣтописи о томъ, что онъ любилъ книги («бѣ бо любя словеса книжныя»), а также обратимъ вниманіе на то изображеніе его, которое находится въ нашихъ былинахъ, мы получимъ довольно полное представленіе объ этомъ замѣчательномъ русскомъ государѣ.

Умеръ Владиміръ 15 іюля 1015 года, какъ разъ въ то время, когда собирался пойти войною на своего непокорнаго сына Ярослава. Умеръ онъ въ Берестовѣ, а схоронили его въ Десятинной церкви, имъ построенной во имя Пресвятой Богородицы.

12. Слѣдствія принятія христіанской вѣры. Однимъ изъ первыхъ слѣдствій принятія Русью христіанской вѣры было распространеніе просвѣщенія на Руси. Въ этомъ отношеніи мы безконечно обязаны первоучителямъ славянскимъ, свв. Кириллу и Меѳодію. Въ ту пору, когда почти во всей Европѣ господствовалъ языкъ латинскій, они создали славянскую азбуку, положили прочное начало славянской письменности. Они же перевели на славянскій языкъ богослужебныя книги. По смерти Кирилла Меѳодій неутомимо продолжалъ дѣло, начатое совмѣстно съ братомъ, а послѣ кончины Меѳодія ученики его перенесли свою просвѣтительную дѣятельность въ Болгарію, на Балканскій полуостровъ, гдѣ были гостепріимно встрѣчены царемъ болгарскимъ Симеономъ. Однимъ словомъ, благодаря свв. Кириллу и Меѳодію, а также ихъ ученикамъ, наши предки услышали богослуженіе и проповѣдь на понятномъ имъ, родномъ языкѣ. Съ принятіемъ христіанства они получили и извѣстную литературу, и письменный языкъ, средство для созданія своей собственной литературы. Кромѣ письменности христіанство положило на Руси начало искусствамъ — архитектурѣ и живописи. Первые храмы строились по образцамъ греческимъ и даже греческими мастерами. Съ помощію грековъ появились у насъ фрески и мозаическія изображенія. Хотя различнаго рода предметы, имѣющіе мѣсто въ домашнемъ быту, проникали къ намъ задолго до Владиміра Св., но принятіе христіанства, значительно оживившее мирныя сношенія съ Византійской имперіей, содѣйствовало, конечно, еще большему распространенію ихъ.

Школы, появившіяся со времени Св. Владиміра, поученія духовенства, самое богослуженіе, совершаемое на понятномъ народу языкѣ, необходимо должны были содѣйствовать нравственному

обновленію русскаго общества. Несомнѣнно, что и до принятія христіанства совершались добрыя дѣла, оказывались услуги ближнему, но все это дѣлалось почти исключительно изъ расчета. Даже въ XII вѣкѣ великій князь русскій Владиміръ Мономахъ, хорошо понимавшій ученіе Христа, свято соблюдавшій все, чего требовала церковь, рекомендуя своимъ дѣтямъ быть гостепріимными, обнаружилъ опредѣленно утилитарную точку зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія необходимо принимать и чествовать, по мѣрѣ возможности, гостей и странниковъ по той причинѣ, что они, посѣщая различныя земли, разносятъ по этимъ землямъ и добрую, и худую славу. Мораль такого рода была господствующею въ языческомъ обществѣ. Христіанская религія требовала добрыхъ дѣлъ, основываясь на заповѣди Христа, требовала помощи человѣку, какъ ближнему, какъ брату во Христѣ.

Стремленіе къ нравственному совершенствованію было причиною возникновенія монастырей на Руси. Монашество явилось у насъ въ очень скоромъ времени послѣ крещенія Руси. Есть преданіе, что первый кіевскій митрополитъ Михаилъ основалъ первый монастырь, построивъ его на горѣ противъ того холма, на которомъ возвышался ранѣе идолъ Перуна. Но монастыри, возникшіе до Кіево-Печерскаго монастыря, не удовлетворяли своему назначенію. Они строились въ городахъ и не основывались строгими отшельниками, «не были—по выраженію лѣтописца—поставлены слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ». Самую большую славу изъ монастырей, основанныхъ отшельниками, собиравшими вокругъ себя горячихъ послѣдователей ихъ чистой жизни, пріобрѣлъ монастырь Кіево-Печерскій, основанный уже во второй половинѣ XI в. преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

Но, кромѣ просвѣщенія и нравственнаго совершенствованія, христіанство оказало еще другія существенныя услуги русскому народу. Его вліяніе затронуло какъ общественный, такъ и политическій бытъ древней Руси. Однимъ изъ явленій, сложившихся въ до-христіанскую эпоху, было рабство. Рабъ считался собственностью своего владѣльца, его вещью. Христіанство, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, высказалось противъ рабства, но, конечно, не въ силахъ было сразу же уничтожить его. Монастыри сами поневолѣ становились рабовладѣльцами, такъ какъ благочестивые люди охотно отказывали имъ земли, населенныя рабами. Владѣя ими, представители церкви только улучшали положеніе несчастныхъ рабовъ. Они заключали съ ними особые договоры, въ силу которыхъ рабы превращались въ арендаторовъ тѣхъ земельныхъ участковъ, на которыхъ они жили. Такое улучшеніе въ положеніи рабовъ, жившихъ на земляхъ церковныхъ, неминуемо

повлекло за собою улучшеніе этого положенія и на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Церковь взяла въ свое вѣдѣніе, подъ свое непосредственное покровительство, и другой обездоленный классъ людей, именно—изгоевъ. Такъ, напримѣръ, неграмотный сынъ священника, выкупившійся холопъ и рабъ, задолжавшій купецъ вступали въ разрядъ изгоевъ. Сюда же относились и тѣ князья, отцы которыхъ умирали, не достигнувъ старшаго, великокняжескаго престола. Тогдашнее общество выбрасывало этихъ людей изъ своей среды. Имъ-то, не покровительствуемымъ никѣмъ, и стала покровительствовать церковь.

Принявъ этихъ людей подъ свою защиту, церковь создала новую среду, стоящую выше разрозненныхъ интересовъ отдѣльныхъ общинъ и основанную на иномъ началѣ, чѣмъ княжеская дружина; выше интересовъ личныхъ, племенныхъ, практическихъ поставила она общечеловѣческій интересъ — начало нравственное (Бестужевъ-Рюминъ).

Не остался внѣ церковнаго вліянія и политическій порядокъ, сложившійся на Руси. То раздробленіе государственной территоріи, которое окончательно восторжествовало по смерти Владимірова сына Ярослава, казалось духовенству, даже и русскому, но воспитанному въ понятіяхъ византійскихъ, явленіемъ ненормальнымъ, отрицаніемъ государственности. Власть императора Византіи основывалась на двухъ началахъ: съ одной стороны, византійскій императоръ представлялся прямымъ наслѣдникомъ власти римскихъ императоровъ; съ другой стороны, церковь учила о божественномъ происхожденіи верховной власти. Взглядъ церкви на нее выражался конкретно въ обрядѣ вѣнчанія на царство, при чемъ и всѣ императорскія регаліи получали символическое значеніе. Такимъ образомъ, церковь, представляя себѣ верховную власть не иначе, какъ воплощенною въ личности монарха, естественно содѣйствовала установленію на Руси единодержавія, содѣйствовала ея политическому объединенію. Само собою разумѣется, что для осуществленія византійско-римскаго представленія о верховной власти необходимо было время. Зато, когда обстоятельства сложились благопріятно для осуществленія этой идеи на Руси, представители церкви приняли въ этомъ историческомъ процессѣ самое дѣятельное участіе.

Церковь облагородила и семейныя отношенія. До принятія христіанства у насъ на ряду съ единоженствомъ существовало и многоженство. «Имяху же по двѣ и по три жены», говоритъ лѣтописецъ о племенахъ восточно-славянскихъ, выдѣляя изъ ихъ среды только однихъ полянъ («брачный обычай имяху»). Церковь освятила начало единоженства. Но, конечно, такой порядокъ не могъ установиться сразу. Съ другой стороны, дѣла семейныя вошли въ область церковнаго суда. Область церковнаго права, законы

церкви были изложены въ такъ называемой «Кормчей книгѣ». Кормчая книга ничто иное, какъ византійскій Номоканонъ. Этотъ законодательный сборникъ былъ переведенъ на болгарскій языкъ въ IX вѣкѣ, когда среди дунайскихъ болгаръ окончательно утвердилась христіанская вѣра. Изъ Болгаріи этотъ сборникъ распространился вмѣстѣ съ другими книгами на Руси и сталъ здѣсь общеизвѣстнымъ подъ именемъ Кормчей книги.

Расцвѣтъ и упадокъ Кіевской Руси.

13. Кіевская Русь при Ярославѣ Мудромъ. Какъ послѣ смерти Святослава, такъ и послѣ кончины Св. Владиміра произошли на Руси междоусобія.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ умиралъ Владиміръ. Передъ самою смертельною болѣзнью онъ приготовлялся къ походу противъ непокорнаго сына своего Ярослава. Въ то же время приспѣли слухи о томъ, что печенѣги вторгнулись въ русскіе предѣлы. Великій князь еще успѣлъ послать противъ степняковъ своего любимаго сына Бориса, но уже не дождался его возвращенія.

По смерти Владиміра великимъ княземъ сдѣлался его сынъ Святополкъ. Онъ, повидимому, пытался снискать расположеніе кіевлянъ («нача даяти имъ имѣнье»). Кіевляне не отказывались отъ его милостей, но не были расположены къ нему. Они уносились мысленно въ степь, куда ушелъ Борисъ съ людьми, близкими ихъ сердцамъ. Святополкъ почуялъ въ лицѣ Бориса опаснаго соперника, опаснаго не своею кроткою личностью, но великимъ сочувствіемъ народа. Вотъ почему онъ подослалъ наемныхъ убійцъ къ Борису, возвращавшемуся въ родной Кіевъ, такъ какъ слухъ о вторженіи печенѣговъ оказался ложнымъ. Борисъ былъ убитъ. За первою жертвою послѣдовали другія. Мученически погибъ отъ руки Святополковыхъ убійцъ и другой братъ его, Глѣбъ. Та же участь постигла и третьяго брата, Святослава, бѣжавшаго отъ Святополка къ венграмъ и убитаго гдѣ-то у Карпатскихъ горъ. У Святополка—по словамъ лѣтописца — явился замыселъ убить всѣхъ братьевъ, чтобы самому овладѣть всею землею русскою. Но, противъ его ожиданій, его братъ Ярославъ, правившій въ Новгородѣ, избѣгнулъ его преступнаго умысла. Предупрежденный о неминуемой опасности своею сестрою, Предславой, онъ помирился съ новгородцами, съ которыми незадолго до того серьезно разссорился, и, собравъ большое войско, пошелъ съ нимъ противъ Святополка. Въ борьбѣ, происшедшей между братьями, взялъ верхъ Ярославъ. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а

Рис. 11. Кіевскій Софійскій соборъ (съ вост. стороны).

Ярославъ завладѣлъ Кіевомъ. Но не сразу утвердился онъ на Кіевскомъ престолѣ. Ему пришлось выдержать тяжелую борьбу съ польскимъ королемъ Болеславомъ, приведеннымъ на Русь Святополкомъ, и съ печенѣгами, поднятыми имъ же. Окончательная побѣда осталась за Ярославомъ. Святополкъ бѣжалъ и послѣ тяжкихъ душевныхъ страданій умеръ на чужбинѣ. Прекрасными словами заканчиваетъ лѣтописецъ свой разсказъ о трагической борьбѣ братьевъ: «Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ». Произошло это въ 1019 году, когда Ярославу пошелъ 32-й годъ.

Но борьбою со Святополкомъ дѣло не ограничилось. Ярославу пришлось еще вступить въ борьбу со своимъ братомъ Мстиславомъ, княжившимъ въ Тмутороканской области (у Азовскаго моря). Только пять лѣтъ спустя ему удалось заключить миръ съ этимъ воинственнымъ княземъ. По договору, состоявшемуся между ними, земля Русская была раздѣлена на два владѣнія по Днѣпру: земли, расположенныя по правую сторону Днѣпра, остались подъ властью Ярослава; земли же лѣвобережныя перешли къ Мстиславу. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ примиреніи братьевъ съ видимымъ удовольствіемъ: «и начаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли». Спустя нѣсколько лѣтъ оба брата совокупили свои войска, ходили противъ поляковъ и снова отвоевали у нихъ города Червонной Руси (Галиціи), которые были завоеваны нами при Владимірѣ Св., но снова отняты Болеславомъ, воспользовавшимся междоусобіями, наступившими по смерти Владиміра. Въ 1036 году Мстиславъ, отправившись на охоту, разболѣлся и умеръ. Послѣ смерти его власть надъ всею Русскою землей перешла въ руки Ярослава.

Другіе походы, предпринятые уже однимъ Ярославомъ, были направлены противъ ятвяговъ, литвы, мазовшанъ и чуди. При немъ же совершился послѣдній и неудачный походъ на Византію подъ руководствомъ его старшаго сына Владиміра. Наконецъ и Ярославу, какъ его предшественникамъ, приходилось вести борьбу съ печенѣгами. Онъ одержалъ надъ ними замѣчательную побѣду. Хотя послѣ этой побѣды имя печенѣговъ не исчезло совершенно на страницахъ лѣтописи, но ихъ нападенія прекратились.

Задачи внутренней политики Ярослава опредѣлялись дѣятельностью великаго князя Владиміра Святого. И прежде всего на долю Ярослава выпало дальнѣйшее распространеніе христіанской вѣры. По выраженію лѣтописца, при Ярославѣ христіанская вѣра стала расширяться и плодиться. Онъ любилъ церковныя службы, оказывалъ уваженіе духовенству, особенно же монашествующему, строилъ церкви и богато украшалъ ихъ. Изъ храмовъ, имъ построенныхъ,

отличались особеннымъ великолѣпіемъ два Софійскихъ храма, изъ которыхъ одинъ былъ возведенъ въ Кіевѣ, а другой въ Новгородѣ. Подобно Владиміру Св., онъ любилъ просвѣщеніе, усматривая въ немъ по справедливости могучее средство къ распространенію и утвержденію христіанства. И онъ, подобно Владиміру, отбиралъ дѣтей у лучшихъ гражданъ для школы, гдѣ ихъ учили грамотѣ и догматамъ новой религіи. Просвѣтительная дѣятельность Владиміра коснулась главнымъ образомъ Кіева; Ярославъ основалъ училище и въ Новгородѣ. Любя книги, Ярославъ сгруппировалъ вокругъ себя многихъ переводчиковъ и переписчиковъ, которые переводили книги съ греческаго языка на славянскій и переписали множество книгъ. При Кіево-Софійскомъ соборѣ было устроено книгохранилище.

Слѣдующія прекрасныя строки о пользѣ книгъ находятся въ нашей лѣтописи: „Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходяща мудрости, книгамъ бо есть неіцетная глубина, сими бо в печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанію. Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши велику пользу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуетъ с Богом, или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды и евангельская ученья и апостолская, и житья святыхъ отець, въспріемлеть души велику пользу". Эти чудныя строки указываютъ съ одной стороны на содержаніе книгъ того времени, распространявшихся по Руси, и свидѣтельствуютъ съ другой стороны о томъ крупномъ переворотѣ, который совершился у насъ въ княженіе Владиміра Святого и сына его Ярослава.

Ярославъ построилъ много городовъ, продолжая въ этомъ отношеніи дѣятельность своихъ предшественниковъ. Онъ ставилъ города по рѣкѣ Роси, основалъ въ землѣ Чуди городъ Юрьевъ, Ярославль на Волгѣ и др.

Заселенію пустынныхъ мѣстъ много содѣйствовали и монастыри, число которыхъ замѣтно увеличилось въ княженіе Ярослава. Лѣтопись говоритъ, что при немъ «черноризьцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти». Лучшимъ памятникомъ дѣятельности Ярослава въ этомъ направленіи считается не безъ основанія Кіево-Печерская лавра, начало которой было положено въ это княженіе.

Вотъ что разсказывается въ сказаніи объ основаніи Кіево-Печерской лавры, помѣщенномъ въ лѣтописи подъ 1051 годомъ. Ярославъ очень любилъ Берестовъ, мѣсто кончины своего отца, и находившуюся тамъ церковь во имя Святыхъ Апостоловъ. Среди священниковъ, состоявшихъ при этой церкви, особенно выдѣлялся своею образованностью и благочестіемъ пресвитеръ Иларіонъ. Нерѣдко Иларіонъ удалялся изъ Берестова на лѣсистый берегъ Днѣпра. Здѣсь онъ выкопалъ себѣ небольшую пещеру, всего въ 2 сажени, сюда и уединялся для совершенія молитвы. Ярославу, хорошо знавшему и уважавшему Иларіона, запала въ душу мысль сдѣлать его митрополитомъ. Когда Иларіонъ сдѣлался митрополитомъ (а онъ

былъ первымъ митрополитомъ изъ русскихъ), пещерка его оспротѣла. Немного спустя одинъ изъ жителей города Любеча совершилъ путешествіе на Аѳонскую гору. Ему понравились тамошніе монастыри, давно влекла къ себѣ монашеская жизнь; вотъ почему онъ обратился къ мѣстному игумену съ просьбою совершить надъ нимъ обрядъ постриженія. Принимая монашескій санъ, онъ получилъ имя Антонія. Вскорѣ игуменъ посовѣтовалъ Антонію вернуться въ Русскую землю, чтобы и тамъ содѣйствовать развитію монашества. Антоній вернулся на родину, добрался до Кіева, посѣтилъ бывшіе здѣсь монастыри, но ни одинъ изъ нихъ не привлекъ его къ себѣ. Тогда онъ сталъ бродить по горамъ и дебрямъ, отыскивая мѣсто, въ которомъ могъ бы уединиться. Во время своихъ поисковъ онъ набрелъ на забытую пещерку Иларіона; она ему очень понравилась, и онъ, углубивъ ее, поселился въ ней. Скоро молва о его подвижнической жизни широко распространилась, и къ нему стали приходить люди разнаго званія за благословеніемъ. Послѣ смерти Ярослава, когда великимъ княземъ былъ его сынъ Изяславъ, Антоній сдѣлался извѣстнымъ уже по всей Русской землѣ. Наслышавшись о немъ, Изяславъ посѣтилъ его пещеру вмѣстѣ со своею дружиною. Нашлись благочестивые люди, пожелавшіе подражать Св. Антонію. Скоро вокругъ него собралось 12 человѣкъ, не желавшихъ покидать его, онъ постригъ ихъ въ монахи. Новые иноки общими усиліями выкопали большую пещеру; здѣсь была у нихъ церковь, здѣсь были расположены ихъ кельи. Послѣ того, какъ они устроились, Св. Антоній поставилъ во главѣ ихъ игуменомъ Варлаама, а самъ, благословивъ ихъ, удалился въ другую уединенную пещеру, въ которой впослѣдствіи и почилъ. Когда число иноковъ сильно увеличилось, и пещера оказалась тѣсной для нихъ, они, съ благословенія еще бывшаго въ живыхъ Антонія, построили надъ пещерой небольшую церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Въ скоромъ времени число иноковъ увеличилось еще болѣе, и они задумали основать настоящій монастырь. По просьбѣ Св. Антонія, радовавшагося мысли иноковъ, великій князь Изяславъ подарилъ имъ ту гору, которая находилась надъ ихъ пещерою. Они выстроили на горѣ, надъ пещерою уже большую церковь, поставили себѣ на ней же кельи и огородили все мѣсто, пошедшее подъ монастырь, большою оградою. Вотъ отчего новый монастырь и получилъ названіе Печерскаго. Но скоро братія лишилась своего игумена. Великій князь Изяславъ основалъ монастырь Св. Дмитрія и перевелъ туда печерскаго игумена Варлаама. По указанію Св. Антонія, печерскіе иноки избрали себѣ въ игумены Ѳеодосія, человѣка послушливаго, кроткаго, смиреннаго. Съ Ѳеодосіемъ, повидимому, вернулась прежняя строгость монастырской жизни. Это не мѣшало росту монастырской братіи, такъ что число печерскихъ иноковъ дошло до сотни. Предшественникъ Ѳеодосія, игуменъ Варлаамъ, способствовалъ улучшенію матеріальной обстановки печерскихъ иноковъ; Ѳеодосій далъ имъ уставъ, списавъ его съ устава, которымъ руководились аѳонскіе иноки. Здѣсь было указано, какъ пѣть, какъ править поклоны, какъ читать, однимъ словомъ— былъ опредѣленъ весь церковный порядокъ, а сверхъ того находились указанія по вопросу о томъ, какъ сидѣть въ трапезной, чѣмъ питаться въ тотъ или другой день. Этотъ уставъ былъ принятъ и остальными русскими монастырями.

Наконецъ, долгое время неразрывно связывалось да связывается отчасти и до сихъ поръ имя великаго князя Ярослава съ Русской Правдой, замѣчательнымъ памятникомъ, оставленнымъ намъ древней

Русью. Въ его княженіе было положено начало этому сборнику, а потомъ вошли въ него и постановленія послѣдующихъ князей. По своему содержанію сборникъ, извѣстный подъ именемъ Русской Правды, заключаетъ въ себѣ понятія и статьи, относящіяся къ праву государственному, гражданскому, уголовному и къ судопроизводству. Въ основаніи Русской Правды, какъ главный источникъ, положено русское обычное право. Кромѣ того въ составъ ея вошли законо-

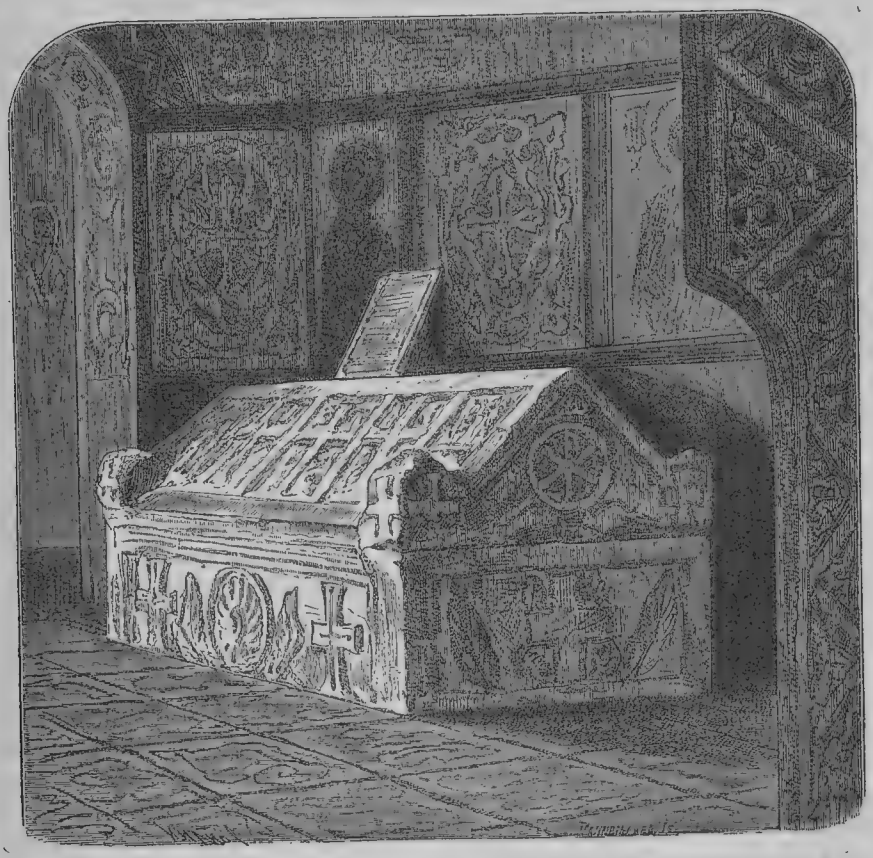


Рис. 12. Ярославова гробница въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

дательныя постановленія князей, ихъ судебные приговоры и законодательные проекты духовенства, принятые князьями.

„Русская Правда“ дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: краткой („Правда Росьская“) и пространной („Правда Роуская“). Краткая состоитъ изъ 43 статей, изъ которыхъ первыя 17 слѣдуютъ другъ за другомъ въ логической системѣ. Нов-

городская лѣтопись, содержащая въ себѣ этотъ текстъ „Правды“, выдаетъ ее за законы, изданные Ярославомъ. Краткая редакція „Правды“ многимъ отличается отъ нѣсколькихъ пространныхъ редакцій этого памятника. Она, несомнѣнно, древнѣе ихъ и отражаетъ въ себѣ кіевское общество въ древнѣйшую пору его развитія. Пространныя редакціи „Правды“, состоящія уже болѣе, чѣмъ изъ 100 статей, заключаютъ въ своемъ текстѣ указанія на то, что возникли онѣ въ цѣломъ составѣ въ XII в., не ранѣе; онѣ заключаютъ въ себѣ законоположенія князей именно XII вѣка (Владиміра Мономаха) и рисуютъ намъ общество кіевской Руси уже въ полномъ его развитіи. Разнообразіе текста разныхъ редакцій „Правды“ затрудняетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого памятника. Старые историки (Карамзинъ, Погодинъ) признавали „Русскую Правду“ за оффиціальный сборникъ законовъ, составленный Ярославомъ Мудрымъ и дополнявшійся его преемниками. Въ позднѣйшее время такого же мнѣнія держится изслѣдователь „Правды“ Ланге. Но большинство ученыхъ (Калачевъ, Дювернуа, Сергѣевичъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.) думаютъ, что „Правда“ есть сборникъ, составленный частными лицами, желавшими для личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, „Русская Правда“ возникла въ средѣ церковной, гдѣ была нужда знать мірской законъ; здѣсь и записали этотъ законъ. Частное происхожденіе „Русской Правды“ всего вѣроятнѣе потому, что, во-первыхъ, въ текстѣ „Русской Правды“ можно указать статьи не юридическаго, а хозяйственнаго содержанія, имѣвшія значеніе только для частнаго быта, и, во-вторыхъ, внѣшняя форма отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ редакцій „Правды“ имѣетъ характеръ частныхъ записей, составленныхъ какъ бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной дѣятельности (Платоновъ).

Главное мѣсто въ «Русской Правдѣ» занимаетъ исчисленіе правонарушеній и преступленій, а также и наказаній, налагаемыхъ за нихъ. Наказаніе, собственно говоря, одно, а именно—денежная пеня или вира въ пользу князя, но размѣры его измѣняются сообразно съ характеромъ обиды, нанесенной однимъ лицомъ другому. Каждая вира измѣряется тѣмъ или другимъ количествомъ гривенъ кунъ. Подъ гривнами разумѣлись фунты, подъ кунами—деньги. Такимъ образомъ, подъ гривной серебра разумѣли фунтъ серебра. Гривну кунъ представлялъ продолговатый слитокъ серебра, бывшій у насъ въ обращеніи до XIV в.; его вѣсъ въ разное время бывалъ различный; сперва гривна кунъ (въ XI и началѣ XII в.) вѣсила полфунта, а затѣмъ (въ концѣ XII в.)—только четверть фунта. За убійство члена старшей княжеской дружины взималась двойная вира въ 80 гривенъ, за простого свободнаго человѣка—простая вира (въ 40 гривенъ), за убійство женщины взималось полъ-виры (20 гривенъ). Кромѣ виры въ пользу князя взималось вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, такъ называемое головничество. Князь не лишался виры и въ томъ случаѣ, если убійца убѣгалъ: въ такомъ случаѣ платили князю виру всѣ жители верви или округа, гдѣ было совершено убійство; такая пеня называлась дикою вирою. «Правда» различаетъ обычное убійство

(въ гнѣвѣ, во враждѣ и т. п.) отъ убійства, совершаемаго разбойникомъ. За убійство, совершенное разбойникомъ, жители того мѣста, гдѣ оно совершилось, виры не платили.

Разбойника съ его женою и дѣтьми отдавали на потокъ (изгнаніе), а его домъ подвергался разграбленію.

За убійство полагались пени въ тѣхъ случаяхъ, когда не было мстителя въ средѣ родственниковъ, когда не совершалось кровной мести. Въ «Правдѣ» установлены и степени родства, которымъ принадлежитъ обычное право отомстить кровью за пролитую кровь. Въ случаяхъ увѣчья можно было отвѣтить также увѣчьемъ или же получить соотвѣтственное вознагражденіе (урокъ); при этомъ взималась и пеня въ пользу князя (продажа).

Ярославъ, по заслугамъ прозванный Мудрымъ, находился въ сношеніяхъ почти со всѣми государями Европы [1]). Въ правленіе Ярослава Русское государство стояло значительно высоко въ культурномъ отношеніи.

14. Ближайшіе преемники Ярослава Мудраго. Чувствуя приближеніе смерти, престарѣлый Ярославъ созвалъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: «вотъ я ухожу, дѣти мои, изъ этого свѣта; имѣйте любовь между собою, такъ какъ вы братья отъ одного отца и одной матери. Если вы будете жить другъ съ другомъ въ любви, съ вами будетъ Богъ, и вы покорите себѣ враговъ своихъ и станете жить мирно. Если же будете питать другъ къ другу ненависть, и будутъ между вами распри и ссоры, то погибнете и сами и погубите «землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ». Такъ живите-же мирно, пусть братъ слушается брата». Затѣмъ онъ раздѣлилъ между ними землю Русскую слѣдующимъ образомъ: старшаго сына своего Изяслава онъ поставилъ надъ остальными братьями и далъ ему Кіевъ и Новгородъ—два конца торговаго пути, Святославу—Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Вячеславу—Смоленскъ и Игорю — Владиміръ Волынскій. «Если кто захочетъ обидѣть своего брата, — прибавилъ Ярославъ, обращаясь къ Изяславу, — ты помогай обиженному».

Схоронивъ отца въ Кіевѣ, въ храмѣ Св. Софіи, сыновья Ярослава стали править волостями, распредѣленными между ними по-

---

[1]) По скандинавскимъ преданіямъ, самъ Ярославъ былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олофа. Польскій король Казиміръ женился на сестрѣ Ярослава Доброгнѣвѣ-Маріи, а сынъ Ярослава Изяславъ—на сестрѣ Казиміра. Сохранились извѣстія о бракахъ—норвежскаго короля Гаральда на дочери Ярослава Елизаветѣ, венгерскаго короля Андрея — на другой дочери Ярослава Анастасіи, французскаго короля Генриха I—на третьей дочери Ярослава Аннѣ, а также о бракахъ Ярославова сына Всеволода на Византійской царевнѣ, дочери Константина Мономаха, и двухъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярослава на какихъ-то нѣмецкихъ княжнахъ.

койнымъ отцомъ. Старшій сынъ Ярослава, Владиміръ умеръ еще при жизни своего отца. Сыну этого Владиміра, Ростиславу, дѣдъ не далъ при раздѣлѣ Русской земли никакой волости. Ярославичи, правда, не оставили его совсѣмъ безъ владѣній. Но изгой Ростиславъ, недовольный тѣмъ, что ему давали, набралъ себѣ дружину изъ удальцовъ и выгналъ съ помощью ея изъ Тмуторокани князя Глѣба, сына Святославова, своего двоюроднаго брата. Утвердившись здѣсь, онъ собиралъ дань съ касоговъ и другихъ сосѣднихъ народовъ. Онъ сдѣлался такимъ могучимъ, что могущества этого серьезно стали опасаться греки и порѣшили погубить его. Съ коварною цѣлью они отправили къ нему корсунскаго начальника (котопана), который и отравилъ предпріимчиваго и воинственнаго Ростислава. Мѣсто послѣдняго снова занялъ Глѣбъ Святославичъ.

Первое время Ярославичи соблюдали завѣщаніе своего мудраго отца. Когда умеръ смоленскій князь Вячеславъ, они передали власть надъ Смоленскою волостью слѣдующему брату Игорю, а по смерти послѣдняго подѣлили его волость на три части. Согласно дѣйствовали трое Ярославичей и противъ полоцкаго князя Всеслава [1]), воспользовавшагося тѣмъ, что вниманіе князей было отвлечено, благодаря Ростиславу, вскорѣ такъ трагически погибшему, на югъ, и напавшаго на Новгородъ. Согласно выработали они важное постановленіе, воспрещавшее кровную месть и замѣнявшее ее денежною пеней. Казалось, что смерть изгоя Ростислава устраняла такое лицо, которое всегда могло внести въ отношенія князей смуту, что отнынѣ миръ и согласіе можно уже было считать обезпеченными надолго. Но, къ несчастью, обстоятельства сложились иначе, и между Ярославичами поднялась вражда.

Въ 1068 году напали на Русскую землю половцы, кочевой народъ, родственный печенѣгамъ. Ярославичи вышли противъ нихъ, но потерпѣли пораженіе («грѣхъ же нашихъ ради пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша Русськыи князи, и побѣдиша Половьци»).

Слѣдующій отрывокъ изъ лѣтописи знакомитъ насъ съ міровоззрѣніемъ ея автора: „Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменницы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрешивши которѣй либо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ,

[1]) Владиміръ Святой послѣ покушенія на его жизнь Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Рогвольда, удалилъ ее отъ себя вмѣстѣ съ сыномъ ея Изяславомъ и далъ ему и его потомкамъ во владѣніе Полоцкое княжество. По смерти Изяслава владѣли Полоцкимъ княжествомъ другъ за другомъ два его сына, Всеславъ и Брячиславъ. Уже Брячиславъ совершалъ нападеніе на Новгородъ. Ту же политику продолжалъ и Брячиславовъ сынъ Всеславъ (упоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ).

ли наведеніемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, в немже ны Богъ велитъ жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ"... Далѣе лѣтописецъ укоряетъ своихъ современниковъ за ихъ упорство въ грѣхѣ. Если мы покаемся, — продолжаетъ онъ—то Господь „акы чадомъ своимъ дасть намъ вся прошенья, и отодождитъ намъ дождь ранъ и позденъ, и наполнятся гумна наша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масльная"... Онъ совѣтуетъ не воздавать зломъ за зло, клеветою за клевету, не называться только христіанами, но и жить по — христіански. Современниковъ лѣтописецъ укоряетъ въ томъ, что они называются христіанами, а живутъ, какъ язычники. „Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то возвращается, ли единець [1]), ли свинью; то поганьскы ли се есть? Се бо дьяволю наученью кобь сию держать; друзни же и закыханью (по друг. варіанту „зачиханью") вѣрунть, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сими дьяволъ лстить и другими нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы гуслми и русальи [2]). Видимъ бо игрища утолочена [3]), и людій много множьство на нихъ, яко уніхати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни приемлемъ отъ Бога всяческыя и нахожденье ратныхъ, по Божью повелѣнью приемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ".

Потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, Изяславъ и Всеволодъ прибѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне собрались на вѣче на торговой площади и, сговорившись здѣсь, отправили къ Изяславу посланцевъ со словами: «вотъ половцы разсыпались по землѣ; дай намъ, князь, оружіе и коней: хотимъ биться съ ними». Изяславъ не исполнилъ ихъ просьбы. Отказъ этотъ поссорилъ Изяслава съ кіевлянами: домъ его былъ разграбленъ, а самъ онъ бѣжалъ въ Польшу. Между тѣмъ, половцы продолжали разорять Русскую землю, и, когда приблизились къ Чернигову, Святославъ вышелъ противъ нихъ, обратилъ враговъ въ бѣгство, а князя ихъ забралъ въ плѣнъ.

Въ томъ же году Изяславъ вернулся въ Кіевъ и былъ принятъ его жителями [4]). Но вскорѣ Святославъ и Всеволодъ соединились противъ старшаго брата и заставили его бѣжать изъ Кіева за границу. Кіевскій престолъ захватилъ Святославъ. Тщетно Изяславъ искалъ себѣ союзниковъ, обращаясь за помощью къ папѣ Григорію VII и императору Священной Римской имперіи Генриху IV. Изяславъ обѣщался въ г. Майнцѣ признать зависимость отъ императора; въ Римъ онъ отправилъ своего сына, который долженъ былъ

---

[1]) Единець — дикій кабанъ.

[2]) Игры русальи сопровождали чествованіе душъ умершихъ предковъ и правились около Троицына или Духова дня.

[3]) Т. е. притоптанныя (отъ множества людей).

[4]) Во время отсутствія Изяслава Кіевъ былъ въ рукахъ Всеслава.

обѣщать папѣ подчиненіе Руси папской власти. Однако, серьезныхъ послѣдствій эти попытки вернуть Кіевъ съ помощью названныхъ лицъ не имѣли.

Такимъ образомъ Святославъ удержалъ кіевскій престолъ до самой своей смерти. По смерти Святослава, главнаго виновника ссоры между братьями, кіевскій столъ занялъ, было, Всеволодъ, но въ это время двинулся на Русскую землю Изяславъ съ поляками. Всеволодъ вышелъ къ нему на встрѣчу; свиданіе между ними произошло на Волыни, гдѣ и былъ заключенъ между братьями миръ. Изяславъ, два раза изгонявшійся изъ Кіева, снова занялъ его. Всеволодъ утвердился въ Черниговѣ.

Братья Ярославичи устранили отъ участія во владѣніи Русскою землею сыновей Святослава и другихъ племянниковъ. Это обстоятельство вызвало новыя междоусобія, въ которыхъ приняли участіе и половцы. Послѣ смерти великаго князя Изяслава въ Кіевѣ утвердился Всеволодъ. Черниговскую волость онъ отдалъ своему старшему сыну Владиміру (Мономаху), Святославичей же окончательно лишилъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія, считая ихъ изгоями: хотя отецъ ихъ и занималъ великокняжескій престолъ, но занималъ его не по праву, при жизни старшаго брата. Начались новыя смуты. Племянники безпрестанно предъявляли свои требованія на ту или другую волость. Всеволодъ все время старался примирить ихъ и раздавалъ имъ волости. («Сь же Кыевѣ княжа, быша ему печали больши паче неже сѣдящу ему въ Переяславли; сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же други; сей же, омиряя ихъ, раздаваше власти (т. е. волости) имъ»). Подошла тяжелая старость. Всеволодъ полюбилъ молодыхъ дружинниковъ, съ ними совѣтовался, а молодая дружина стала оговаривать старую. Такимъ образомъ несогласія проникли въ самую дружину, окружавшую великаго князя. Въ довершеніе бѣдствій въ судахъ водворилась неправда, намѣстники стали притѣснять населеніе, а больной князь думалъ, что все идетъ, какъ слѣдуетъ. Въ 1093 году его не стало.

По смерти отца своего Владиміръ могъ бы утвердиться въ Кіевѣ, но онъ не захотѣлъ возбуждать новыхъ волненій. «Если я сяду на престолъ отца своего,—размышлялъ Владиміръ—то будетъ у меня война со Святополкомъ, потому что Кіевскій столъ принадлежалъ его отцу». Вотъ почему онъ уступилъ великокняжескій престолъ старшему изъ двоюродныхъ братьевъ, Святополку Изяславичу.

Княженіе Святополка II Изяславича было очень смутнымъ. Изъ князей Святославичей, добивавшихся Чернигова, особенно много горя причинилъ Русской землѣ Олегъ Святославичъ, который при-

водилъ съ собою орды половецкія, чтобы съ ихъ помощью добиться своей цѣли. Женитьба Святополка на дочери половецкаго князя не остановила ихъ губительныхъ набѣговъ. Къ довершенію бѣдствій и самая личность Святополка не сулила ничего добраго. Это былъ слабый правитель, коварный и корыстолюбивый человѣкъ. По словамъ Печерскаго Патерика [1]) много насилія дѣлалъ онъ людямъ, безъ вины искоренилъ до основанія дома сильныхъ, у многихъ отнялъ имѣнія, забралъ въ свои руки продажу соли и продавалъ ее по очень высокой цѣнѣ. Между тѣмъ, земля Русская страдала отъ неурожаевъ, вызванныхъ налетами саранчи.

Въ это тяжелое время замѣтно выдвинулась благородная личность Владиміра Мономаха, князя Черниговскаго. Когда неугомонный Олегъ Святославичъ выгналъ его съ помощью половцевъ изъ Чернигова и утвердился въ немъ самъ, Святополкъ и Мономахъ стали звать Олега въ Кіевъ, чтобы составить здѣсь договоръ, имѣющій своей цѣлью оборону Русской земли отъ половцевъ. «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ». Гордый Олегъ отвѣтилъ на этотъ призывъ, очевидно, исходившій главнымъ образомъ отъ Мономаха: «неприлично мнѣ на судъ передъ епископами и чернью». Святополкъ и Мономахъ отвѣтили ему: «вотъ ты не идешь на враговъ, и не ѣдешь на совѣтъ къ намъ; ты мыслишь на насъ зло и хочешь помогать половцамъ. Богъ будетъ судьею между нами». Оба князя пошли послѣ этого на Черниговъ. Олегъ бѣжалъ оттуда въ Стародубъ, но и здѣсь былъ доведенъ своими двоюродными братьями до необходимости смириться. Въ отвѣтъ на просьбу о мирѣ Святополкъ и Мономахъ приглашали его съ братомъ (Давидомъ) прибыть въ Кіевъ, такъ какъ въ Кіевѣ, стольномъ городѣ отцовъ и дѣдовъ, всего приличнѣе собраться и сдѣлать соотвѣтствующія постановленія.

Въ 1097 году, когда западно-европейское рыцарство совершало первый крестовый походъ, русскіе князья съѣхались въ Любечѣ (подъ Кіевомъ) и постановили здѣсь, чтобы князья владѣли своими отчинами, т. е. тѣми волостями, которыми владѣли ихъ отцы. Согласно съ этимъ постановленіемъ за Святополкомъ II оставался Кіевъ, за Мономахомъ — Переяславль, за Святославичами — Черниговъ; кромѣ того за Давидомъ Игоревичемъ и за дѣтьми Ростислава, Володаремъ и Василько, оставались тѣ города, которые были даны этимъ князьямъ — изгоямъ Всеволодомъ I («И на томъ цѣловаша

[1]) Въ Патерикѣ находится рядъ прекрасно написанныхъ повѣствованій о жизни, подвигахъ и чудесахъ древнихъ иноковъ Кіево-Печерской Лавры.

кресть: «да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и кресть честный»; рекоша вси: «да будетъ на нь хрестъ честный и вся земля Русьская»; и цѣловавшеся поидоша всвояси»).

Но сейчасъ же послѣ договора князей начались новыя смуты. Виновникомъ былъ изгой Давидъ Игоревичъ. Онъ оклеветалъ передъ великимъ княземъ Василько Ростиславича, и несчастный Василько былъ варварски ослѣпленъ. Не вытерпѣлъ теперь и благородный Мономахъ. Онъ пошелъ со Святославичами на коварнаго Святополка. Послѣдній хотѣлъ было убѣжать, но кіевляне удержали его. Они выслали въ лагерь Мономаха его мать, вдову Всеволода, и митрополита. «Князь,—сказали посланцы,—молимъ тебя и братьевъ твоихъ, не погубите Русской земли; если начнете рать между собою, то половцы станутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, которую отцы наши и дѣды стяжали трудами великими, поборая по Русской землѣ; они пріискивали чуждыя земли, а вы хотите погубить и Русскую». Мономахъ заплакалъ. Онъ понялъ всю правду упрека, все значеніе просьбы и согласился на миръ. Но справедливость требовала наказанія Давида. Примирившіеся со Святополкомъ князья возложили исполненіе этого дѣла на него. Начались новыя смуты, въ которыхъ принимали участіе поляки, венгры и все тѣ же половцы. На новомъ съѣздѣ въ гор. Витичевѣ (въ Кіевской землѣ), происходившемъ въ 1100 году, былъ заключенъ между князьями союзъ для установленія мира на Руси. Спустя три года умеръ великій князь Святополкъ II. На слѣдующій же день послѣ смерти его кіевляне собрались на вѣче и постановили на немъ — просить на великокняжескій столъ Владиміра Мономаха. Мономахъ согласился только тогда, когда кіевляне пригрозили ему большими безпорядками и смутами, какъ неминуемымъ слѣдствіемъ его отказа.

15. Владиміръ Мономахъ (1113—1125). Владиміръ Мономахъ выдвинулся благодаря своей дѣятельности еще въ княженіе Святополка II. Мономахъ былъ однимъ изъ лучшихъ князей древняго періода русской исторіи. Лѣтописецъ называетъ его «братолюбцемъ, нищелюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за Русскую землю». Но лучше всего отразилась его личность въ его «Поученіи», написанномъ имъ для своихъ сыновей. Въ этомъ «Поученіи« онъ изобразилъ идеалъ князя древней Руси. Говоря объ обязанностяхъ князя, онъ подтверждаетъ свои наставленія указаніями на свой собственный образъ дѣйствій. Прежде всего онъ требуетъ отъ князя самодѣятельности: «еже было творити отроку моему, то самъ есмь творилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ (т. е. на охотѣ), ночь и день, на зною и на зимѣ недая соби упокоя»... Благодаря такой самодѣятельности, Мономахъ былъ въ состояніи не давать въ обиду сильнымъ ни худого смерда, ни убогой вдовицы. Кромѣ дѣятель-

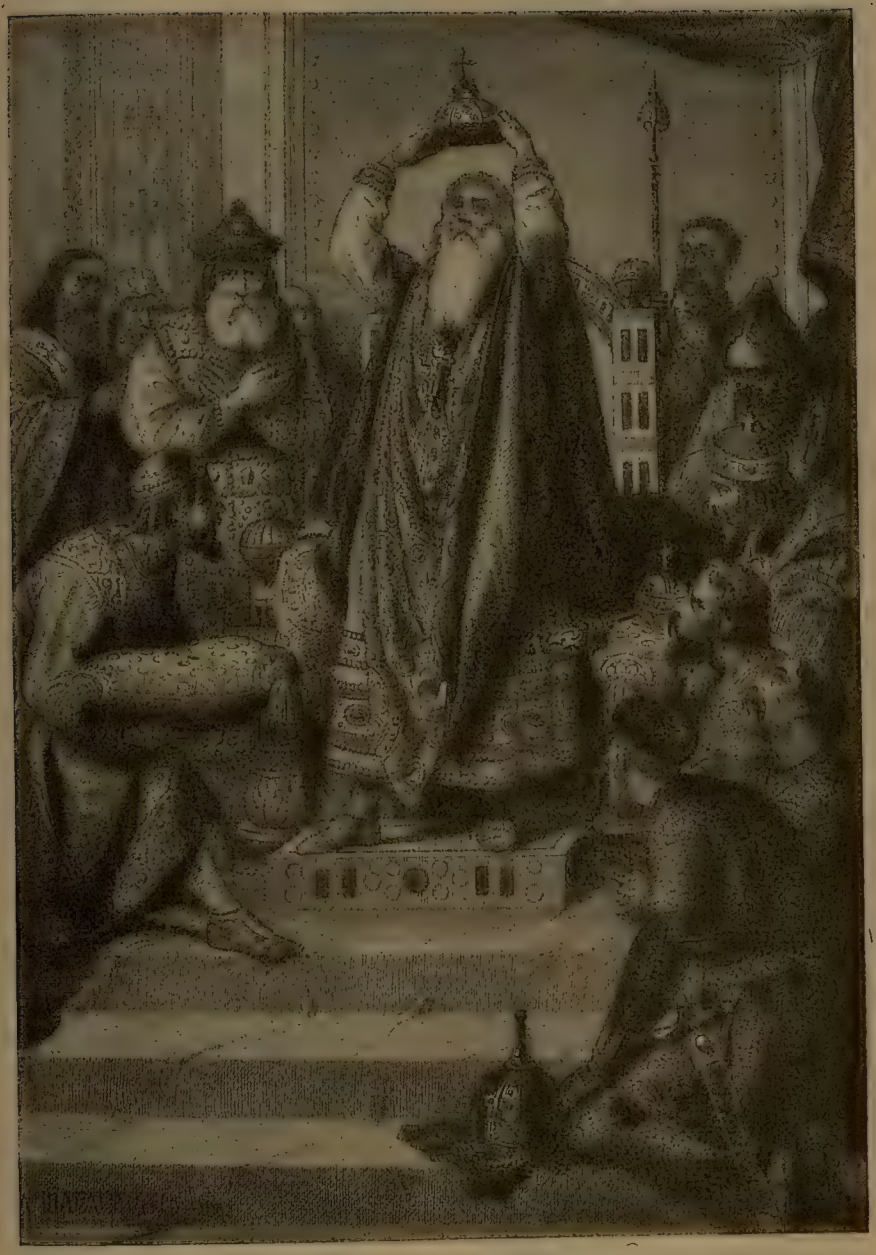


Рис. 13. Вѣнчаніе Владиміра Мономаха. (Рис. А. Шарлемань)

ности и правосудія, Мономахъ отличался своею религіозностью. Совѣтуя дѣтямъ помогать убогимъ, защищать вдовъ и сиротъ, не давать сильнымъ міра сего губить людей, онъ настойчиво призываетъ ихъ къ молитвѣ. Съ его точки зрѣнія дѣйствительность молитвы не зависитъ ни отъ мѣста, гдѣ она произносится, ни отъ размѣра ея. Особенно рекомендуетъ онъ краткую молитву «Господи, помилуй». Эта молитва, по его словамъ, лучше всѣхъ другихъ. Отличаясь дѣятельностью и высокими качествами души, князь, по понятіямъ Мономаха, долженъ быть въ высшей степени осторожнымъ, какъ въ домашнемъ своемъ обиходѣ, такъ и на войнѣ. Изъ совѣтовъ Мономаха особенно замѣчательны для той бурной эпохи клятвонарушеній и убійствъ два, а именно—не нарушать клятвы, не убивать ни праваго, ни виноватаго и не повелѣвать убивать. Въ противоположность Святополку II Мономахъ отличался своимъ безкорыстьемъ и совѣтовалъ дѣтямъ не зарывать сокровищъ въ землю, не копить ихъ. Онъ не жилъ въ себя, какъ Святополкъ, но радѣлъ объ общемъ благѣ, страдалъ за Русскую землю. Разница между обоими великими князьями заключалась еще и въ томъ, что Мономахъ отличался твердымъ характеромъ.

Особенно привлекалъ къ себѣ сердца русскихъ людей и привлекаетъ до сихъ поръ Владиміръ Мономахъ тѣмъ, что онъ былъ «добрымъ страдальцемъ за Русскую землю». Еще въ княженіе Святополка II, въ 1103 году, Святополкъ и Владиміръ съѣхались со своими дружинами у Долобскаго озера, чтобы порѣшить вопросъ о походѣ противъ половцевъ. И князья, и дружинники собрались въ одномъ шатрѣ. Святополкова дружина была противъ того, чтобы походъ состоялся тою же весною. Они объясняли свое мнѣніе тѣмъ, что весенній походъ помѣшаетъ смердамъ пахать, что весною смердамъ нужны лошади, и лишать смерда въ такую пору лошади значитъ погубить его. Мономахъ отвѣтилъ на это: «дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете (т. е. жалѣете), еюже кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и пріѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли?» Дружина Святополка не могла ничего возразить на это. Самъ Святополкъ, очевидно, ранѣе раздѣлявшій мнѣніе своей дружины, сразу перешелъ на сторону Мономаха и выразилъ свое согласіе на походъ. Драгоцѣнными словами встрѣтилъ его готовность Мономахъ: «то ти, брате, велико добро твориши землѣ Русскѣй». Взглядъ Мономаха оправдался на дѣлѣ: половцы потерпѣли полное пораженіе.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Владиміръ Мономахъ издалъ нѣсколько постановленій, вошедшихъ и въ «Русскую Правду».

Особенно извѣстно его постановленіе о законной нормѣ процента. Постановленіе это состоялось въ совѣтѣ изъ тысяцкихъ отъ нѣкоторыхъ городовъ и въ присутствіи Олегова «мужа». Талантъ правителя Мономахъ обнаружилъ въ умѣньи держать въ повиновеніи другихъ князей, при чемъ непокорныхъ подвергалъ наказанію. При немъ большая часть земли Русской сосредоточилась въ рукахъ его семьи. Подобно Владиміру Святому и Ярославу Мудрому, Владиміръ Мономахъ строилъ церкви и основывалъ города. Съ его же именемъ связана постройка въ Кіевѣ перваго моста черезъ Днѣпръ.

Время правленія Мономаха было относительно спокойнымъ по сравненію съ предшествовавшимъ временемъ, но и его великое княженіе не обошлось совсѣмъ безъ смутъ. Такъ, Мономаху пришлось выдержать борьбу съ полоцкимъ княземъ Глѣбомъ, сыномъ Всеслава, унаслѣдовавшимъ отъ отца и дѣда непокорный духъ и вражду къ Ярославичамъ. Борьба окончилась побѣдой Мономаха. Другія усобицы происходили на Волыни, гдѣ княжилъ сынъ Святополка, Ярославъ. Вступая въ борьбу съ Мономахомъ, Ярославъ заключилъ тѣсный союзъ съ поляками. Мономахъ не сразу выступилъ войною противъ Ярослава. Сперва онъ уговаривалъ его, затѣмъ приглашалъ на судъ князей и, только послѣ полной неудачи разрѣшить вопросъ мирно, пошелъ противъ Ярослава съ войскомъ. И эта борьба разрѣшилась успѣхомъ Мономаха.

Владиміръ Мономахъ, сдѣлавшись великимъ княземъ, неутомимо продолжалъ борьбу со степью. Онъ умѣлъ привлекать къ этому великому дѣлу и другихъ князей. Рядъ удачныхъ походовъ противъ половцевъ ослабилъ силы послѣднихъ. Ослабленіемъ половцевъ воспользовались другіе кочевники, находившіеся въ зависимости отъ нихъ, и возставали противъ нихъ съ цѣлью освобожденія. Благодаря этому въ нынѣшнихъ южнорусскихъ степяхъ начались кровопролитныя сѣчи, въ которыхъ отчаянно бились другъ съ другомъ различные народы, населявшіе степь. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали въ русскіе предѣлы, но уже не для опустошеній, а въ поискахъ за спокойнымъ убѣжищемъ. Эти народности были поселяемы на окраинахъ государства. Но, такъ какъ онѣ не могли сразу отстать отъ своихъ старыхъ привычекъ къ грабежамъ и разбоямъ, то Владиміру Мономаху приходилось дѣйствовать оружіемъ и противъ нихъ. Такъ же удачна была дѣятельность Мономаха по отношенію къ врагамъ, жившимъ къ сѣверо-западу и къ сѣверо-востоку отъ Кіевской Руси. Полнымъ успѣхомъ увѣнчались походы противъ чуди, ями и камскихъ болгаръ. Побѣду надъ болгарами одержалъ младшій сынъ Мономаха Юрій, котораго отецъ посадилъ въ Ростовско-Суздальской области.

Съ Византіей и при Мономахѣ продолжали существовать то

враждебныя, то мирныя отношенія. Когда на византійскомъ престолѣ утвердился Алексѣй Комненъ, то сынъ бывшаго византійскаго императора Діогена Леонъ, женатый на дочери Мономаха Маріи, не безъ совѣта и помощи великаго князя Кіевскаго поднялъ противъ Алексѣя возстаніе. Возстаніе началось удачно для Леона: нѣсколько дунайскихъ городовъ уже сдались ему. Но Алексѣй подослалъ къ Леону двухъ сарацинъ, которые коварно умертвили Мономахова зятя. Мономахъ два раза посылалъ войско, чтобы удержать для своего внука города, завоеванные Леономъ. Есть извѣстіе, что византійскій императоръ, желая избавиться отъ войны съ русскими, прислалъ къ Владиміру Мономаху ефесскаго митрополита и другихъ знатныхъ лицъ съ мирными предложеніями и дарами. Дары эти заключались въ крестѣ изъ Животворящаго Древа, въ царскомъ вѣнцѣ, сердоликовой чашѣ, золотыхъ цѣпяхъ и проч.

16. Политическое устройство волостей. Составъ общества. Въ Кіевской Руси господствовалъ совмѣстный родовой порядокъ владѣнія всею Русскою землею. Кіевская область считалась главною, и правившій въ ней великій князь былъ главнымъ среди остальныхъ князей. Каждый изъ остальныхъ князей владѣлъ временно тою или другою волостью и мѣнялъ ее на новую, когда князь послѣдней умиралъ или, въ свою очередь, переходилъ на освободившееся мѣсто правителя въ другой области. Такова была теорія. На самомъ же дѣлѣ обстоятельства далеко не всегда слагались согласно съ нею. Одни князья стремились къ старѣйшему столу, чтобы занять его внѣ очереди, другихъ приглашали на престолъ сами жители, не обращая никакого вниманія на право старшинства. Великій князь Кіевскій пользовался наибольшимъ почетомъ сравнительно съ другими князьями. Въ этомъ и заключалась разница между великими князьями и князьями прочихъ волостей. Когда же на Кіевскомъ престолѣ появлялась энергичная личность, то она становилась настоящимъ авторитетомъ, силою, сознававшей и проявлявшей себя. Такимъ правителемъ былъ великій князь Владиміръ Мономахъ. Онъ требовалъ повиновенія и встрѣчалъ его, а непокорныхъ умѣлъ смирять силою. Но совершенно не имѣлъ вліянія, хотя и занималъ великокняжескій столъ, предшественникъ Мономаха Святополкъ II. Въ своихъ волостяхъ князья дѣйствовали совершенно независимо другъ отъ друга. Они относились другъ къ другу, какъ самостоятельные правители: вели другъ съ другомъ войны, заключали договоры и т. под. Только въ исключительныхъ случаяхъ они собирались на с ъ ѣ з д ы. Предметами совѣщаній были: установленіе началъ прочнаго порядка на Руси, вопросъ объ оборонѣ земли отъ враговъ или о походѣ противъ нихъ.

Жили князья доходами, состоявшими изъ дани, платимой населеніемъ, изъ пошлинъ судныхъ и таможенныхъ; послѣднія собирались съ товаровъ, какъ привозимыхъ въ княжество, такъ и обра-

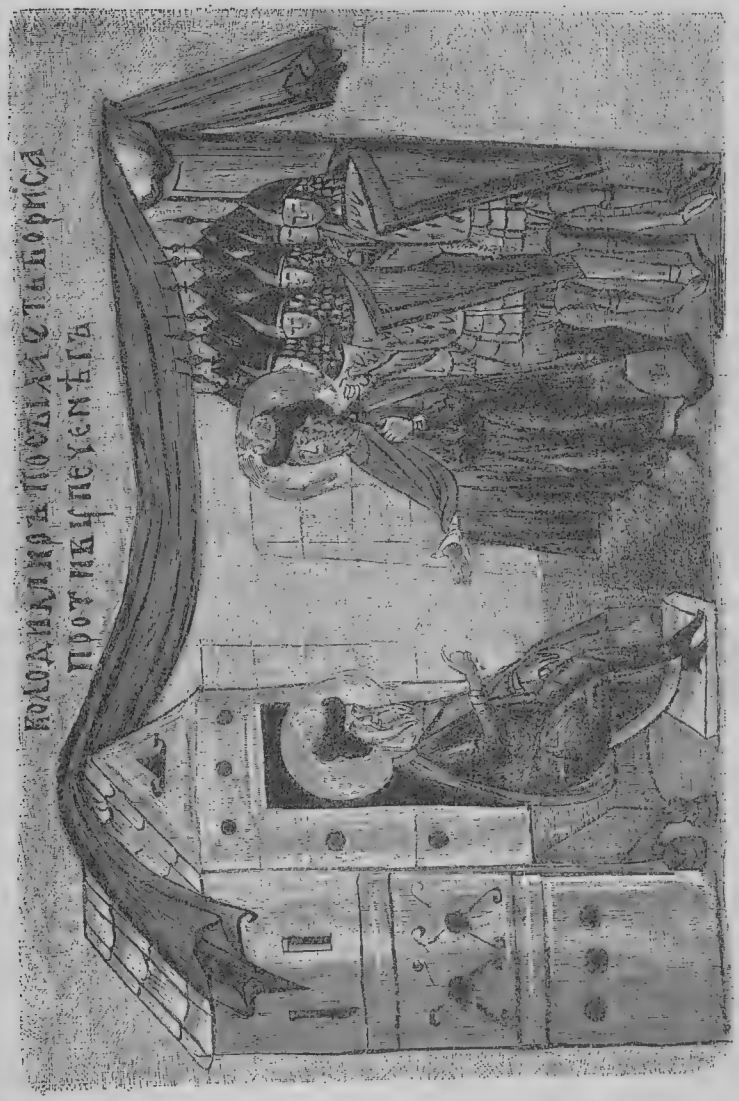


Рис. 14. Князь и дружина (миніатюра изъ рукописи XIV в.).

щавшихся въ предѣлахъ даннаго княжества. Кромѣ того, князья владѣли селами, иногда очень богатыми.

При рожденіи князю давалось два имени: одно старо русское, языческое, другое—христіанское. Надъ малюткой-княземъ (въ возрастѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ)

совершался обрядъ, называвшійся постригами или пострѣгами [1]). Такъ назывался обычай перваго стриженія волосъ. Совершался онъ въ церкви съ чтеніемъ особо установленной молитвы. Постриженнаго мальчика сажали на коня въ присутствіи епископа, бояръ и народа („всаженіе на конь"). За молодымъ княземъ ухаживалъ приставленный къ нему „кормилецъ" или дядька. Рано сажались князья на столъ (престолъ), рано женились. Всѣ князья были, повидимому, людьми грамотными. Отецъ Владиміра Мономаха, Всеволодъ, зналъ 5 языковъ. „Поученіе" Мономаха свидѣтельствуетъ объ его просвѣщенномъ умѣ и о грамотности его сыновей, которымъ онъ даетъ совѣтъ почаще читать его „Поученіе": „аще забывайте всего, а часто прочитайте: и мнѣ будить бе-сорома, и вамъ будетъ добро. Его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль". Князья творили судъ и расправу, совѣщались съ дружиной, предводительствовали войскомъ, а мирное время разнообразили охотой и пирами. „Да не застанетъ васъ солнце на постели, говоритъ Мономахъ въ „Поученіи" своимъ дѣтямъ; тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженый и вси добрые мужи свершеніи; заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: „Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявъся, отправдивъ животъ, тако похвалю Бога; и сѣдше думати съ дружиною, или люди оправдивати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати; спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чинъ бо почиваетъ и звѣрь, и птицы, и человѣци". Разсказавъ о походахъ, Мономахъ передаетъ дѣтямъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя испыталъ на охотѣ. Охота въ тѣ времена была опаснѣе, чѣмъ теперь, и представляла собою не только развлеченіе, но и дѣло. „Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и Богъ неврежена мя съблюде". О пирахъ княжескихъ даетъ представленіе слѣдующее мѣсто Печерскаго Патерика: „Во единъ же отъ дней пріиде къ нему преподобный,—рѣчь идетъ о посѣщеніи Святослава Ярославича Св. Ѳеодосіемъ — и яко вниде въ храмъ (т. е. въ комнату), идѣже сѣдяше князь, и видѣ многихъ играющихъ предъ нимъ: овыхъ гусльныя гласы испущающихъ, иныхъ органныя писки гласящихъ, иныхъ же иныя мусікійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть предъ княземъ. Преподобный же подлѣ князя сѣдя, зряше долу поникъ. Таже мало восклонся, рече къ нему: будетъ ли сицѣ во оный вѣкъ грядущій? Князь же отъ слова Преподобнаго умилився, прослезися мало и повелѣ абіе престати играющимъ. И оттолѣ аще когда повелѣваше тѣмъ игры творити, и услышалъ бы пришествіе Преподобнаго, то всегда повелѣваше имъ паки тихо стати и молчати".

Князя окружала дружина, дѣлившаяся на старшихъ дружинниковъ (бояръ), составлявшихъ его думу, съ которою онъ совѣщался

[1]) Вотъ какъ разсказываетъ о немъ лѣтопись. „В лѣто 6700, мѣсяца іюля въ 28 день, на память святаго мученика Евъстафья въ Анкюрѣ Галатійстѣй, быша постригы у великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимера Мономаха, сыну его Георгеви, въ градѣ Суждали; того же дни и на конь его всади, и бысть радость велика в градѣ Суждали, ту сущю блаженному епископу Іоану".

о дѣлахъ правленія, и младшихъ (гридней, отроковъ, дѣтскихъ). Членовъ своей дружины князья назначали на разныя правительственныя должности.

Но рядомъ съ княжескою властью въ городахъ продолжали существовать вѣча. Въ каждомъ изъ большихъ городовъ, по именамъ которыхъ стали называться и самыя волости, собиралось изъ горожанъ вѣче, имѣвшее законодательную власть для всей волости. Рѣшенія, постановленныя на вѣчевомъ сходѣ главнаго города волости, были обязательными и для другихъ городовъ волости. Но и въ этихъ городахъ собирались по вопросамъ, касавшимся ихъ, свои вѣчевые

Рис. 15. Погребеніе князя (миніатюра изъ рукописи XIV в.).

сходы. Въ вѣчевыхъ собраніяхъ могли принимать участіе всѣ свободные жители города. Они называются въ лѣтописяхъ просто словомъ людіе, безъ обозначенія ихъ общественнаго положенія. Но кромѣ этого общаго термина, въ лѣтописяхъ встрѣчаются указанія и на участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Такъ напр., въ Кіевѣ отмѣчается участіе князей и митрополита, въ Новгородѣ — не только «лучшихъ людей», т. е. бояръ и купцовъ, но и «меньшихъ», «черныхъ», «смердовъ», даже «худыхъ мужиковъ».

Вѣчевыя сходки не были періодическими собраніями, а созывались по мѣрѣ надобности. Созывалось вѣче или княземъ, или кѣмъ-либо изъ сановниковъ, или же просто группою гражданъ. Собира-

лись участники вѣча или на звонъ вѣчевого колокола (въ Новгородѣ и Псковѣ), или на приглашенія, распространявшіяся при посредствѣ особыхъ разсыльныхъ. Происходили вѣчевые сходы обыкновенно на просторныхъ площадяхъ, подъ открытымъ небомъ. Въ Новгородѣ чаще всего происходило вѣче у Св. Софіи или на Ярославовомъ дворѣ. Засѣданіе вѣча открывалъ своею рѣчью тотъ, кто собиралъ его. Главная роль на вѣчевыхъ сходахъ принадлежала «лучшимъ людямъ», боярамъ и старцамъ. Но могли говорить на вѣчѣ и простые люди. Счета голосовъ при рѣшеніи поставленнаго вопроса не практиковалось. Требовалось или единогласное рѣшеніе, или же такое большинство, которое очевидно и безъ счета голосовъ. При такомъ раздѣленіи мнѣній, когда не выяснялось мнѣнія большинства, обѣ стороны прибѣгали къ борьбѣ, являвшейся своего рода «Божьимъ судомъ». Вѣчевые сходы собирались по поводу различныхъ вопросовъ — по вопросу объ избраніи князя, о заключеніи договора или ряда съ нимъ, о войнѣ и мирѣ; иногда вѣче вмѣшивалось въ самый порядокъ веденія военныхъ дѣйствій. Значеніе вѣча то уменьшалось, то увеличивалось. Особенно усиливалось оно въ періоды княжескихъ усобицъ и смутъ.

Общество древней Руси, за разсмотрѣнный періодъ ея жизни, состояло изъ трехъ главныхъ слоевъ. Верхній слой составляли княжи мужи, средній — люди и нижній — холопы. Княжихъ мужей представляла княжеская дружина; существенное отличіе ихъ заключается въ томъ, что они несли князю службу [1]). Являясь первенствующимъ сословіемъ, княжи мужи не были, однако, такою средой, въ которую не могъ попасть человѣкъ, принадлежавшій къ сословію «людей». Сословіе «людей» состояло изъ горожанъ (купцовъ и ремесленниковъ) и сельскихъ жителей; послѣдніе, въ свою очередь, распадались на два класса: на смердовъ и закуповъ или наймитовъ; подъ смердами разумѣлись свободные сельчане, обладавшіе своимъ собственнымъ хозяйствомъ; подъ ролейными закупами или наймитами разумѣлись такіе крестьяне, которые, поселившись на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, пользовались ихъ сѣменами, орудіями и скотомъ. Сословіе «людей» платило князю дань, образуя городскія и сельскія податныя общества. Если особенность верхняго слоя общества заключалась въ его службѣ князю, то осо-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Русской Правды“ называется еще первенствующій общественный классъ огнищанъ; въ другихъ это названіе замѣняется терминомъ княжи мужи. Профессоръ Ключевскій, основываясь на употребленіи въ древней славяно-русской письменности слова огнище въ смыслѣ челяди, считаетъ огнищанъ рабовладѣльцами. Первоначальнымъ основаніемъ сословнаго дѣленія русскаго общества, до призванія князей, по мнѣнію профессора Ключевскаго, было рабовладѣніе; въ ту пору главнымъ видомъ собственности были рабы, а не земля.

бенность «людей» состояла въ томъ, что отношеніе ихъ къ князю заключалось въ несеніи дани. Холопами или челядью назывались рабы. Если положеніе верхняго и средняго сословія опредѣлялось отношеніемъ ихъ къ княжеской власти, то положеніе холоповъ основывалось на отношеніи ихъ къ своему хозяину. Со словомъ холопъ нерѣдко соединялись слова полный, обельный (обельный — то же, что облый, т. е. круглый), отмѣчавшія отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ свободы у тѣхъ лицъ, для обозначенія которыхъ они употреблялись.

Совершенно въ сторонѣ отъ поименованныхъ общественныхъ слоевъ стояло церковное общество. Въ составъ его входили не только лица духовныя и церковнослужители, но изгои, жившіе на церковныхъ земляхъ холопы, а также и призрѣваемыя церковью лица — старые, увѣчные, больные.

17. Упадокъ Кіевской Руси въ исходѣ XII вѣка. По смерти Владиміра Мономаха на Кіевскомъ престолѣ утвердился его старшій сынъ, Мстиславъ I. Онъ былъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Важнѣйшимъ дѣломъ его княженія была все та же борьба съ половцами. Послѣдніе, прослышавъ о смерти Мономаха, вторгнулись, было, въ русскіе предѣлы, но были разбиты братомъ Мстислава, княземъ переяславскимъ Ярополкомъ.

Послѣ Мстислава I великимъ княземъ Кіевскимъ сдѣлался его братъ Ярополкъ. На время задержанная духовенствомъ усобица разразилась теперь со страшною силой.

Пользуясь раздорами, возникшими среди Мономаховичей, захватилъ великое княженіе Кіевское Всеволодъ II Ольговичъ, но Ольговичамъ не удалось закрѣпить кіевскій престолъ за своимъ родомъ. Кіевляне не любили его, не любили Ольговичей вообще. Дѣла не пошли лучше и въ то время, когда снова стали великими князьями Кіевскими Мономаховичи, хотя кіевляне и возлагали на нихъ большія надежды. Когда въ 1146 году Кіевомъ завладѣлъ сынъ Мстислава I, Изяславъ II, его поступокъ вооружилъ противъ него двухъ родныхъ дядей, изъ которыхъ наиболѣе прославился въ исторіи Юрій Долгорукій, князь Суздальскій. Послѣдній вступилъ съ племянникомъ въ упорную борьбу изъ-за Кіева. Изяславъ II былъ мужественнымъ и въ высшей степени энергичнымъ человѣкомъ. Онъ хорошо сознавалъ свои личныя достоинства и не безпокоился о томъ, поступаетъ ли по праву или нѣтъ, когда говорилъ: «не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту». Въ борьбѣ Юрія съ Изяславомъ II принимали участіе и венгры, принявшіе сторону Изяслава. Послѣдній неоднократно изгонялся изъ Кіева, но снова завладѣвалъ имъ и умеръ великимъ княземъ. Только послѣ его смерти Кіевъ перешелъ въ руки Юрія Долгорукаго, прокняжившаго въ немъ всего три года.

Когда въ Кіевѣ сѣлъ на престолъ сынъ Изяслава II, Мстиславъ II, произошла новая борьба за Кіевъ. На этотъ разъ поднялъ оружіе противъ великаго князя Кіевскаго его дядя, Суздальскій князь Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго. Онъ составилъ противъ Мстислава союзъ изъ 11 князей; союзнымъ войскомъ руководилъ сынъ его Мстиславъ. Кіевъ былъ взятъ и подвергнутъ разграбленію. Были разграблены церкви и монастыри: добычею побѣдителей были, между прочимъ, иконы, книги и ризы. Мстиславъ II бѣжалъ во Владиміръ. На кіевскомъ престолѣ Андрей посадилъ своего младшаго брата Глѣба. Самъ же, сохраняя вліяніе на Южную Русь, остался жить въ своемъ Суздальскомъ княжествѣ.

Всѣ эти усобицы, въ которыхъ принимали участіе многочисленные князья земли Русской, были главною причиной упадка Кіевской Руси. Къ этому времени уже забылось древнее племенное дѣленіе, и русскіе жители всѣхъ волостей считали себя русскими людьми, слѣдовательно, національное самосознаніе, національное единство существовали. Наиболѣе замѣчательнымъ выразителемъ національнаго самосознанія изъ князей былъ Владиміръ Мономахъ. Національное самосознаніе побудило и лѣтописца приняться за свой трудъ лѣтописанія. Но несчастіе заключалось въ томъ, что, при единствѣ національномъ, не было единства государственнаго, не было одной сильной власти, которой бы всѣ подчинялись. Эти безконечныя смуты приносили народу большія бѣдствія.

Другою причиной паденія Кіевской Руси были опустошительные набѣги дикихъ обитателей степи. Эти набѣги оставляли по себѣ страшные слѣды; сельскіе жители подъ страхомъ постоянной опасности забрасывали поля, пустѣли и разрушались цѣлые города. Сильно пострадала и торговля, благодаря которой земли, омываемыя среднимъ теченіемъ Днѣпра и его притоками, были ранѣе населеннѣйшими мѣстами. Ущербъ, наносимый торговлѣ, сознавался русскими людьми XII вѣка, но, при тогдашнихъ условіяхъ, почти немыслимо было измѣнить положеніе дѣлъ.

Оба эти обстоятельства, дѣлавшія Кіевское княжество ареной почти непрерывной и кровавой борьбы, вызвали отливъ мѣстнаго населенія въ болѣе безопасныя земли. Эта колонизація направлялась на сѣверо-востокъ, въ пространство, расположенное между верхнею Волгой и Окою, въ Суздальскую землю. Отливъ южнорусскаго населенія въ этотъ край, въ свою очередь, много содѣйствовалъ упадку Кіевской Руси.

Суздальская Русь.

18. Суздальская земля. Юрій I Долгорукій и Андрей Боголюбскій. Природныя условія Суздальской земли совсѣмъ иныя, чѣмъ Приднѣпровья. Климатъ здѣсь значительно суровѣе. Надъ почвой приходилось много и упорно работать, осушать болота, вырубать первобытные лѣса. И все-таки она далеко не такъ плодородна, какъ почва Южной Руси. Зато рѣки и рѣчки образовали здѣсь

Рис. 16. Видъ г. Владиміра отъ рѣки Клязьмы.

цѣлую сѣть, разбѣгаясь въ различныхъ направленіяхъ. Несомнѣнно привлекательную сторону края составляли эти удобные природные пути, столь цѣнные въ торговомъ отношеніи. Туземнымъ населеніемъ Суздальскаго края были финны, а именно—финскія племена Меря и Мурома. Племена эти стояли на низкой ступени развитія; огромную роль играли въ ихъ жизни жрецы; у исконныхъ обитателей этого края не только не было политической организаціи, но даже не существовало и городовъ. Такимъ образомъ въ культурномъ отношеніи и меря, и мурома стояли неизмѣримо ниже

славянъ. Что исконное населеніе Суздальскаго края было финскимъ, можно заключить, кромѣ археологическихъ данныхъ, изъ множества сохранившихся здѣсь до сихъ поръ географическихъ названій, объяснимыхъ только при помощи финскаго языка.

Славянская колонизація проникла въ этотъ край съ незапамятныхъ временъ. Уже давнымъ-давно существовали здѣсь русскіе города Ростовъ и Суздаль. Есть предположеніе, что первыми славянскими колонистами этого края были новгородцы. Колонизація могла, кромѣ того, направляться и изъ страны вятичей, такъ какъ ей чрезвычайно благопріятствовали прекрасные природные пути — Ока и впадающія въ нее рѣки. Но въ послѣдующее время главный притокъ колонистовъ шелъ несомнѣнно изъ Кіевской Руси. Краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ названія многихъ городовъ Суздальской земли, занесенныя съ юга: такъ напр., и здѣсь были города: Переяславль, Стародубъ, Галичъ и др. Такимъ образомъ колонисты, покидавшіе родную Кіевскую Русь, строившіе города на новыхъ мѣстахъ своего поселенія, давали этимъ городамъ старыя названія, такъ много говорившія сердцу переселенцевъ. Южно русскія былины сохранились на сѣверѣ, куда онѣ были занесены, конечно, переселенцами изъ Кіевской Руси. Результатомъ переселенія сюда славянъ было сильное о б р у с ѣ н і е края: стоявшіе въ культурномъ отношеніи ниже русскихъ колонистовъ, финны сравнительно скоро утратили свои племенныя особенности. Другимъ результатомъ было вполнѣ естественное смѣшеніе славянскаго и финскаго элементовъ. Слѣдствіемъ этого факта было возникновеніе новаго русскаго племени — в е л и к о р у с с о в ъ.

Со времени св. Бориса въ Суздальской землѣ не было особаго князя до Юрія Долгорукаго, котораго посадилъ на Суздальскій престолъ отецъ его Владиміръ Мономахъ. Съ этого времени Суздальскій край, управлявшійся ранѣе княжескими намѣстниками, пріобрѣлъ въ лицѣ своихъ собственныхъ князей разумныхъ и дѣятельныхъ хозяевъ. Первымъ хозяиномъ—устроителемъ и былъ Юрій Долгорукій. Онъ поселился въ г. Суздалѣ и отсюда управлялъ всею своею вотчиной. Въ лѣтописи осталась о немъ память, какъ объ основателѣ многихъ городовъ, строителѣ церквей и монастырей. Строя новые города, Юрій заселялъ ихъ переселенцами съ безпокойнаго юга. Уже въ то время, когда Юрій вполнѣ увлекся событіями, происходившими въ Южной Руси, онъ перенесъ на новое мѣсто Суздальскій городъ Переяславль Залѣсскій. Но Южная Русь неудержимо влекла его къ себѣ. Послѣ продолжительной борьбы онъ завладѣлъ Кіевомъ и утвердился въ немъ, предоставивъ Суздальскую землю своимъ младшимъ сыновьямъ. Въ Кіевѣ онъ въ скоромъ времени (1157) и умеръ. Жители Кіева, къ обладанію которымъ онъ такъ страстно стремился,

не любили его. Прослышавъ объ его смерти, они разграбили дворецъ и домъ его за Днѣпромъ, а также домъ сына его (Василька),

Рис. 17. Золотыя ворота во Владимірѣ на Клязьмѣ.

пограбили имущество суздальскихъ бояръ и многихъ изъ нихъ умертвили.

Старшій сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій, не былъ похожъ на своего отца. Какъ Юрія, князя старорусскаго, кіевскаго типа, привлекала къ себѣ Южная Русь, такъ Андрей Боголюбскій стремился къ сѣверу. Сдѣлавшись великимъ княземъ Кіевскимъ, Юрій Долгорукій посадилъ Андрея въ Вышгородѣ, недалеко отъ Кіева. Но Андрей еще при жизни отца бѣжалъ изъ Вышгорода въ Суздальскій край, гдѣ онъ родился, гдѣ правилъ ранѣе, по указанію своего отца, въ молодомъ пригородѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ. Убѣгая на сѣверъ, онъ захватилъ съ собою икону Божьей Матери, писанную, по преданію, Евангелистомъ Лукою; эта икона сдѣлалась величайшей святыней Суздальской земли подъ именемъ Владимірской иконы Божьей Матери.

Андрей появляется на югѣ впервые не раньше 1148 года, когда Юрій, восторжествовавъ надъ племянникомъ, сѣлъ на кіевскомъ столѣ. Съ тѣхъ поръ и заговорила объ Андреѣ Южная Русь, и южная лѣтопись сообщаетъ нѣсколько разсказовъ, живо рисующихъ его физіономію. Андрей скоро выдѣлился изъ толпы тогдашнихъ южныхъ князей своими личными особенностями, своеобразнымъ характеромъ. Онъ въ удали не уступалъ своему удалому сопернику Изяславу, любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, залетать въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сбивали шлемъ. Все это было очень обычно на югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ. Но совсѣмъ необычно было умѣніе Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьяненія. Тотчасъ послѣ боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, мирнымъ распорядителемъ. У Андрея всегда все въ порядкѣ, его нельзя было застать врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы во время переполоха. Несмотря на свою боевую удаль, онъ не любилъ войны; послѣ удачнаго боя первый подступалъ къ отцу съ просьбою мириться съ побитымъ врагомъ. Южнорусскій лѣтописецъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ немъ эту черту характера, говоря: „не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, но ждалъ похвалы лишь отъ Бога“. (Ключевскій).

Андрей Боголюбскій былъ истымъ великоруссомъ. Отличаясь храбростью, подобно южнорусскимъ князьямъ, онъ обладалъ разсчетливымъ умомъ и твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Властолюбіе было его выдающеюся чертою. Если его, какъ уроженца сѣвера, манили къ себѣ лѣса Суздальскаго края, манили сѣверныя зори, то, съ другой стороны, пребываніе въ этомъ краю представлялось его властолюбивому характеру болѣе пріятнымъ, чѣмъ жизнь въ Южной Руси. Судьба князей Кіевской Руси слишкомъ сильно зависѣла отъ своенравія дружинниковъ и горожанъ; постоянныя притязанія со стороны другихъ князей также дѣлали ее мало привлекательной. Сосѣдство половецкихъ степей, постоянное сближеніе съ половцами честолюбивыхъ и отважныхъ князей не могли содѣйствовать установленію твердаго порядка. Князю, обладавшему талантомъ хозяина-устроителя, трудно было установить на югѣ прочное хозяй-

ство. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что, до появленія своего на югѣ (въ 1148 году), Андрей правилъ нѣсколько лѣтъ, по указанію отца своего, въ Суздальскомъ краю, во Владимірѣ на Клязьмѣ. Тамъ у него уже было налицо свое собственное, любимое хозяйство. Все это, вмѣстѣ взятое, и побудило Андрея покинуть Вышгородъ самовольно, «безъ отнѣ (отцевы) волѣ», по выраженію лѣтописца. Икону, вывезенную изъ Вышгорода, Андрей помѣстилъ во Владимірѣ, въ построенной имъ самимъ церкви Богородицы, и украсилъ ее бога-

Рис. 18. Успенскій соборъ во Владимірѣ.

тымъ окладомъ, который сіялъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ.

Такъ Андрей Боголюбскій снова появился на сѣверѣ. Въ скоромъ времени отецъ его умеръ. Тогда ростовцы и суздальцы порѣшили призвать на опустѣлый княжескій столъ Андрея Боголюбскаго. Сдѣлавшись Ростовско-Суздальскимъ княземъ, онъ остался жить въ молодомъ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ. Онъ намѣтилъ его въ качествѣ стольнаго города, увеличилъ его размѣры, построилъ въ немъ новую, каменную церковь во имя Богородицы и далъ на содержа-

ніе этого храма (Успенскаго) много земель и денегъ («торгъ десятый»). О великолѣпіи новаго храма свидѣтельствуетъ лѣтописецъ: «и украси ю дивно многоразличными иконами, и драгимъ каменьемъ бес числа, и ссуды церковными, и верхъ ея позлати; по вѣрѣ же его и по тщанью его к святѣй Богородицѣ приведе ему Богъ изъ всѣхъ земль мастеры и украси ю паче инѣхъ церквий». Впрочемъ, настоящей его резиденціей былъ не Владиміръ, а расположенное близъ него село Боголюбово, объ украшеніи котораго онъ особенно много заботился.

Властолюбіе Андрея Боголюбскаго проявилось въ скоромъ времени послѣ его водворенія въ Суздальскомъ княжествѣ. Онъ изгналъ оттуда (въ 1160 году) своихъ младшихъ братьевъ, которымъ покойный отецъ передалъ это княжество, а также подвергъ изгнанію или заключенію въ темницы старыхъ совѣтниковъ своего отца, «хотя единъ быти властель по всей Ростовской и Суждальской землѣ». Но до 1169 года онъ жилъ интересами, не выходившими за предѣлы собственнаго княжества. Въ этомъ же году недовольный великимъ княземъ Кіевскимъ Мстиславомъ II за то, что тотъ посадилъ въ Новгородѣ княземъ своего сына, считая Новгородъ входящимъ въ область вліянія Суздальскаго князя, онъ отправилъ противъ великаго князя огромное войско. Неоднократно жертвовавшій собою въ бояхъ, Андрей Боголюбскій не пошелъ на этотъ разъ въ походъ, а поставилъ во главѣ войска своего сына Мстислава. Войско обступило Кіевъ. Горожане сопротивлялись нѣсколько недѣль, но среди нихъ нашлись измѣнники, которые вступили въ тайныя сношенія съ вождями вражескаго войска и дѣлали имъ указанія къ скорѣйшему взятію города. Кіевъ былъ взятъ и подвергнутъ страшному разграбленію. Мстиславъ II бѣжалъ, а на престолъ Кіевскій Андрей Боголюбскій посадилъ своего младшаго брата Глѣба. Онъ не изгналъ изъ предѣловъ Южной Руси и своихъ ближайшихъ родственниковъ, смоленскихъ князей Ростиславичей. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на подручныхъ, подвластныхъ ему князей, и, живя въ Суздальской землѣ, носилъ титулъ великаго князя всей Русской земли. Такимъ образомъ, онъ порвалъ ту крѣпкую связь, которая существовала между титуломъ великаго князя и Кіевомъ. Вскорѣ послѣ смерти Глѣба Андрей поссорился съ Ростиславичами и отдалъ имъ грозный приказъ уйти изъ городовъ, которые они занимали въ свою Смоленскую волость и подѣлить ее между собою, какъ имъ заблагоразсудится. («И рече Андрей Романови: «не ходиши в моей воли съ братьею своею, а пойди с Кіева, а Давыдъ исъ Вышгорода, и Мьстиславъ из Бѣлагорода; ато вы Смоленескъ, а темь ся подѣлите»). Ростиславичи отвѣчали ему: «правда, мы назвали тебя своимъ отцомъ и крестъ тебѣ цѣловали, и остаемся вѣрными крестному цѣло-

ванью, желая тебѣ добра: ты же теперь вывелъ изъ Кіева нашего брата Романа и намъ указываешь путь изъ Русской земли безъ всякой вины съ нашей стороны: но за всѣми Богъ и сила крестная».

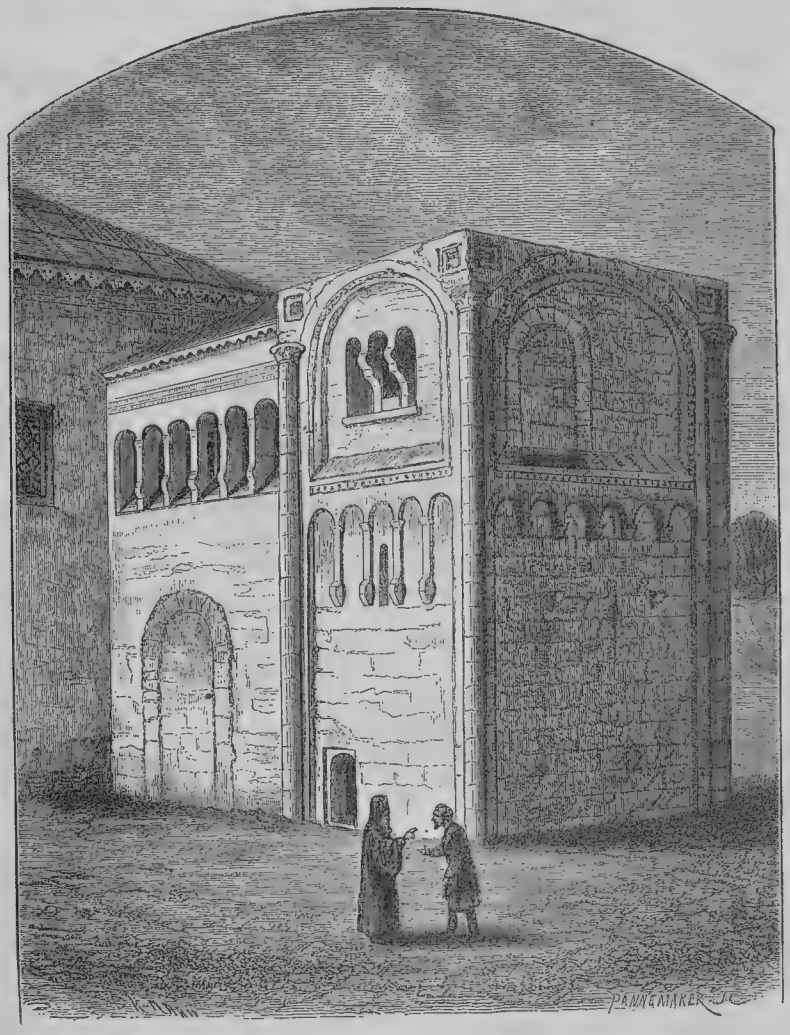


Рис. 19. Сѣни и переходы палатъ князя Андрея въ Боголюбовомъ монастырѣ.

Андрей Боголюбскій не далъ никакого отвѣта. Дѣло дошло до открытой борьбы, въ которой войско Андрея потерпѣло пораженіе отъ сына Романа, Мстислава Храбраго.

Такъ кончилось вліяніе Андрея Боголюбскаго на дѣла Южной Руси. Зато въ Сѣверной Руси онъ, несмотря на временныя неудачи, имѣлъ успѣхъ. Онъ помирился со своими сосѣдями, новгородцами. Походъ суздальцевъ на Новгородъ окончился неудачно для нихъ. Но Андрей остановилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ и тѣмъ смирилъ его свободолюбивое населеніе.

Изъ другихъ военныхъ предпріятій Андрея Боголюбскаго обращаютъ на себя особенное вниманіе его походы противъ камскихъ болгаръ. Эти походы имѣли характеръ походовъ крестовыхъ. Они являются однимъ изъ моментовъ въ имѣющей всемірно-историческое значеніе борьбѣ христіанства съ исламомъ. Въ первомъ походѣ принялъ личное участіе самъ великій князь («и поможе имъ Богъ и святая Богородица на Болгары, самѣхъ шѣкоша множьство, а стяги (т. е. знамена) поимаша, и едва въ малѣ дружинѣ утече князь Болгарьскый до Великаго города»... Въ побѣдѣ надъ болгарами лѣтопись видитъ новое чудо Богородицы. Во второмъ походѣ Андрея не было, начальствовалъ же надъ русскимъ войскомъ его сынъ. Второй походъ не былъ столь удачнымъ, какъ первый. Русскіе радовались и тому, что удалось вернуться благополучно во-свояси.

Жестоко обращавшійся съ боярами, не довѣрявшій имъ, окружавшій себя инородцами, Андрей Боголюбскій вызвалъ противъ себя боярскій заговоръ и палъ его жертвой въ 1174 году.

19. Суздальская земля послѣ Андрея Боголюбскаго. Установленіе удѣльнаго порядка. Бояре и жители стараго Ростова были недовольны образомъ дѣйствій Андрея Боголюбскаго. Они рѣшили выбрать въ князья двоихъ племянниковъ покойнаго великаго князя, тѣхъ самыхъ Ростиславичей, которыхъ когда-то Андрей Боголюбскій изгналъ изъ Кіевской Руси. Они согласились, но выборъ этотъ оскорбилъ братьевъ покойнаго великаго князя и повлекъ за собою междоусобную борьбу.

Одинъ изъ братьевъ Андрея Боголюбскаго (Михаилъ) былъ призванъ въ качествѣ законнаго князя жителями города Владиміра. Ростиславичи пошли на Михаила войною и осадили Владиміръ. Владимірцы оборонялись нѣсколько недѣль, но, съ наступленіемъ въ городѣ голода, заявили своему князю о своемъ нежеланіи поддерживать его долѣе („мирися, а либо, княже, промышляй о себѣ“). Владимірцы и боролись въ сущности не противъ Ростиславичей, а противъ Ростова [1]), жители котораго смотрѣли на Владиміръ, какъ на свой пригородъ и грозились поставить въ немъ своего посадника („посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопи каменьщици“) [2]). Дальнѣйшее сопротивленіе уже грозило

[1]) „Не противу же Ростиславичема бьяхутся Володимерци, но не хотяще покорится Ростовцемъ“.

[2]) Названіе владимірцевъ каменьщиками намекаетъ на непрерывную строительную дѣятельность во Владимірѣ и употреблено ростовцами въ презрительномъ смыслѣ.

Рис. 20. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

ихъ независимости. Вотъ почему они примирились съ Ростиславичами: одинъ изъ нихъ сѣлъ въ Ростовѣ, а другого владимірцы посадили „съ радостью“ на своемъ княжескомъ столѣ, исполнивъ при этомъ всѣ необходимые обряды. Но скоро новый князь обнаружилъ свойства, возбудившія противъ него подданныхъ. Ихъ князь окружилъ себя выходцами изъ Южной Руси, которые творили всякія обиды населенію Владиміра. Новый князь и близкіе ему люди ограбили, напримѣръ, храмъ Богородицы, выстроенный и украшенный Андреемъ Боголюбскимъ, забравъ оттуда все золото и серебро. Жители Владиміра, возмущенные, помимо сказаннаго, и тѣмъ, что князь, ими принятый, держитъ себя какъ будто въ своей волости, обратились съ жалобами къ ростовцамъ и суздальцамъ, но тѣ, конечно, не помогли имъ. Тогда владимірцы обратились снова къ тому князю (Михаилу), котораго ранѣе отказались поддерживать, вынуждаемые къ тому голодомъ. Ростиславичи снова пошли противъ него, но на этотъ разъ потерпѣли пораженіе: во Владимірѣ утвердился такимъ образомъ одинъ изъ братьевъ Андрея Боголюбскаго, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ сѣлъ другой (Всеволодъ). Въ скоромъ времени Владимірскій князь умеръ.

Междоусобная борьба закончилась тѣмъ, что жители Владиміра присягнули брату Андрея Боголюбскаго, Переяславскому Всеволоду Юрьевичу. Старые города Суздальскаго княжества не хотѣли, было, подчиниться ему, но онъ принудилъ ихъ къ подчиненію. Съ 1176 года онъ сдѣлался правителемъ всей Суздальской земли и, оставшись жить во Владимірѣ, окончательно утвердилъ первенство этого новаго города надъ городами старыми. Лѣтописецъ сочувствуетъ владимірцамъ; по его мнѣнію, они стояли за правду Божію, принявъ сторону братьевъ Андрея Боголюбскаго и дѣйствуя такимъ образомъ противъ старыхъ городовъ и боярства, тянувшаго къ старинѣ.

Всеволодъ III (1176—1212) усилилъ еще болѣе значеніе Суздальскаго княжества. Не вмѣшиваясь въ раздоры другихъ русскихъ князей, онъ пользовался этими раздорами, чтобы подчинять себѣ князей. Такимъ образомъ онъ подчинилъ себѣ княжество Рязанское, а также князей Кіевской Руси и ставилъ князей Новгороду. Стремясь къ достиженію своей цѣли, онъ не пренебрегалъ никакими средствами, дружилъ съ половцами, хотя тѣ же половцы совершали иногда свои набѣги на Рязанское и въ южные предѣлы Суздальскаго княжества. Подобно двумъ своимъ предшественникамъ, Юрію I Долгорукому и Андрею Боголюбскому, и Всеволодъ III совершалъ походы на камскихъ болгаръ.

Характеризуя Всеволода, отмѣчая его храбрость и сдержанность при удачахъ, говоря объ его религіозности и нищелюбіи, лѣтописецъ прибавляетъ, что онъ судилъ судомъ истиннымъ и нелицемѣрнымъ, «не обинуяся лица силныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и роботящихъ сироты и насилье творящихъ». Южнорусскій поэтъ, авторъ «Слова о полку Игоревѣ», сознавалъ могущество великаго князя Всеволода. Художественно изобразивъ пора-

женіе, понесенное русскими князьями отъ половцевъ, онъ обращается къ великому князю Всеволоду III съ такими словами: «Великій княже Всеволоде! Не мыслію ти прилетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти».

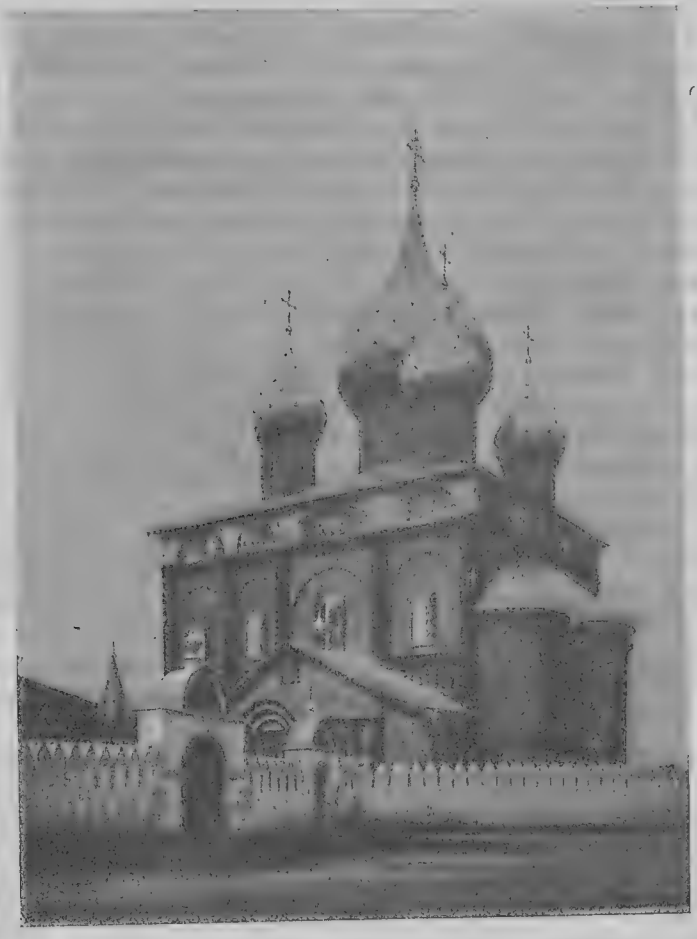


Рис. 21. Соборъ Рождества Богородицы въ Суздалѣ (осн. въ 1222 г.).

Такое усиленіе Суздальскаго княжества было прямымъ послѣдствіемъ колонизаціи, увлекавшей массы русскаго населенія съ береговъ средняго Днѣпра на сѣверо-востокъ.

Скоро послѣ смерти Всеволода III обнаружилось и другое слѣдствіе этой колонизаціи. Въ скоромъ времени Владиміръ на Клязьмѣ окончательно занялъ то мѣсто столицы земли Русской, которое принадлежало раньше древнему Кіеву. Собственно владимірскій столъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія на основаніи того, часто нарушавшагося порядка, который господствовалъ въ Кіевской Руси. По-очереди сидѣли на немъ въ порядкѣ старшинства сыновья Всеволода III, затѣмъ въ томъ же порядкѣ его внуки. Какъ въ Кіевской Руси, такъ и здѣсь бывали отступленія, но они бывали лишь исключеніями изъ того правила, которое жило въ сознаніи людей, хотя и не было записано ими. Но въ той же Суздальской землѣ, кромѣ Владимірскаго—старшаго, были и другія — младшія княжества. Если въ обладаніи княжествомъ Владимірскимъ наблюдалось старшинство князей, то въ основѣ обладанія второстепенными княжествами появился уже новый порядокъ. Каждое изъ этихъ княжествъ было уже не волостью, т. е. временнымъ владѣніемъ даннаго князя, а его наслѣдственною собственностью, его отчиной или вотчиной. Каждое изъ нихъ переходитъ по завѣщанію отъ отца къ дѣтямъ и т. д. по прямой нисходящей линіи. Очень скоро рядомъ съ великимъ княземъ Владимірскимъ появляются и другіе великіе князья, какъ напр. Тверской, Рязанскій и т. д. Такимъ образомъ государственное единство почти совершенно исчезаетъ. Этотъ порядокъ установился, начиная съ XIII столѣтія. Небольшія княжества, на которыя распалась Русская земля, стали называться удѣлами; самое слово удѣлъ появляется лишь съ XIII вѣка. Отсюда и новый порядокъ, установившійся на Руси, принято называть удѣльнымъ.

Вопросъ о происхожденіи этого порядка относится уже къ области университетскаго курса исторіи. Проф. Ключевскій остроумно устанавливаетъ связь между возникновеніемъ удѣловъ и колонизаціей, направлявшейся изъ Приднѣпровской Руси на сѣверо-востокъ: „такъ дѣйствовавшій между Ярославичами въ Кіевской Руси совмѣстный родовой порядокъ владѣнія всей Русской землей по очереди старшинства уступилъ мѣсто на суздальскомъ сѣверѣ въ потомствѣ Всеволода III раздѣльному наслѣдственному владѣнію частями земли на правѣ полной личной собственности, принадлежавшемъ каждому князю-владѣльцу. Новый порядокъ утверждался въ Сѣверной Руси одновременно съ ея русской колонизаціей, которая и была главною причиною этой перемѣны. Сѣверные князья, руководя этой колонизаціей, заселяя и устрояя свои владѣнія, привыкали смотрѣть на нихъ, какъ на дѣло рукъ своихъ, т. е. какъ на свое личное достояніе“.

Такимъ образомъ и Русской землѣ до наступленія ея нормальнаго роста и могущества пришлось пережить періодъ разложенія государственнаго единства, періодъ пережитый и западно-европейскими государствами и извѣстный тамъ подъ именемъ феодальной системы.

20. Татарское нашествіе. Въ 1223 году впервые появились въ южнорусскихъ степяхъ пришедшіе изъ Азіи т а т а р ы. Лѣтописецъ нашъ, отмѣчая это явленіе, прибавляетъ, что о нихъ никто хорошенько не знаетъ, ни кто они, ни откуда пришли, не знаетъ ни ихъ языка, ни племени, ни вѣры.

До XIII в. татары или монголы, обитавшіе къ сѣверо-западу отъ Китая, жили отдѣльными ордами. Постоянно перекочевывая съ мѣста на мѣсто, они занимались разведеніемъ стадъ, питались кониной и кумысомъ; жилищами имъ служили кибитки, которыя съ другими домашними предметами хозяина перевозились на его верблюдахъ. Религія ихъ стояла еще на низкой ступени развитія. Они поклонялись небу, его свѣтиламъ, огню, идоламъ и душамъ предковъ. Жрецовъ у нихъ не было; ихъ замѣняли шаманы-гадатели. Долгое время монголо-татары дробились на орды, во главѣ которыхъ стояли старшины. Послѣдніе нерѣдко враждовали другъ съ другомъ. Но въ XII в. изъ среды ихъ выдвинулся геніальный Темучинъ. Онъ въ короткое время соединилъ всѣ орды въ одну великую орду, назвалъ себя великимъ ханомъ или Чингисъ-Ханомъ и повелъ свое огромное войско на опустошеніе Китайской имперіи.

Оставивъ часть войска для окончательнаго покоренія сѣверныхъ владѣній Китая, страшный завоеватель пошелъ на Бухару. Отсюда часть своего войска онъ послалъ на западъ; татарскій отрядъ, обогнувъ южные берега Каспійскаго моря и пройдя Кавказъ, вторгнулся въ южнорусскія степи, заселенныя половцами. Мстиславъ Удалой и другіе южнорусскіе князья двинулись на защиту половцевъ, сразились съ татарами на берегахъ рѣчки Калки, впадающей въ Азовское море, и потерпѣли полное пораженіе («бысть побѣда на всі князи Рускыя, такоже не бывало никогда же»). Главною причиной такого пораженія было несогласіе русскихъ князей.

Темучинъ Чингисъ-Ханъ вскорѣ умеръ. Еще при жизни онъ подѣлилъ свои владѣнья между своими сыновьями. Одинъ изъ нихъ, именно—Угедей былъ провозглашенъ великимъ ханомъ. Нѣсколько лѣтъ татарскіе князья оставались при немъ, что вызывалось необходимостью окончательно упрочить свое владычество въ сѣверномъ Китаѣ и борьбою съ южнымъ. Только въ 1235 году Угедей направилъ своего племянника Батыя съ другими князьями на покореніе Европы. Въ 1223 году русскіе князья имѣли дѣло съ татарскимъ войскомъ. Теперь, кромѣ войска, двигались страшными массами женщины, дѣти, старцы. Это новое нашествіе было великимъ переселеніемъ народовъ. Въ 1223 году татары проникли въ Русскую землю съ юга, теперь ихъ грозныя силы двигались съ востока. «Того же лѣта (1237),—говоритъ лѣтопись—на зиму, пріидоша отъ

восточныя страны на Рязаньскую землю, лѣсомъ, безбожніи татарове со царемъ Батыемъ»... Въ Рязанскую землю они вступили, уже разгромивъ камскихъ болгаръ. Татары отправили къ рязанскимъ князьямъ своихъ пословъ («жену чародѣйцу и два мужа с нею»), которые потребовали десятины во всемъ—«во князѣхъ, и в людѣхъ, и в конехъ, десятое и белыхъ, десятое и вороныхъ, десятое в бурыхъ, десятое в рыжихъ, десятое въ пѣгихъ». Рязанскіе князья мужественно отвѣтили: «когда насъ не станетъ, все будетъ ваше». Предвидя, что борьба предстоитъ серьезная, рязанскіе князья стали просить помощи у великаго князя Владимірскаго Юрія II. Но Юрій не подалъ имъ помощи. Татары между тѣмъ подошли къ самой Рязани и крѣпко обложили ее. Черезъ нѣсколько дней городъ былъ взятъ; въ скоромъ времени были убиты татарами и князь, и княгиня; та же участь постигла и другихъ князей Рязанской области, подвергшейся страшному разоренію (1237). Изъ Рязанской области татары направились въ область Суздальскую. Взявъ Москву, они подступили къ Владиміру на Клязьмѣ [1]). Великаго князя не было въ городѣ; вдали отъ него онъ собиралъ войско для борьбы съ татарами. Городъ не въ силахъ былъ устоять противъ враговъ, былъ взятъ ими и зажженъ. Семейство великаго князя укрылось съ епископомъ Митрофаномъ въ церкви Богородицы, на полатяхъ. Татары выломали двери церкви, ограбили ее, навалили кругомъ нея лѣсу и зажгли его; всѣ бывшіе въ храмѣ или были убиты, или сгорѣли, или задохлись отъ дыма. Отсюда татары разбрелись въ разныя стороны Суздальской области и повсюду оставляли слѣды своего страшнаго погрома. Съ великимъ княземъ Юріемъ II они встрѣтились на берегахъ рѣки Сити (1238): въ битвѣ, разгорѣвшейся здѣсь, наши войска потерпѣли пораженіе, а самъ великій князь палъ.

Изъ Суздальской области татары пошли, было, по направленію къ Новгороду, но, не дойдя только 100 верстъ до него, своротили на юго-востокъ: по нѣкоторымъ извѣстіямъ, они побоялись приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ и таянія болотъ. По дорогѣ въ степь Батый былъ задержанъ на семь недѣль жителями города Козельска. Здѣсь княжилъ одинъ изъ Ольговичей, молодой князь Василій. На требованіе сдачи жители Козельска отвѣчали татарамъ: «хотя князь нашъ и молодъ, но положимъ животъ свой за него; и здѣсь славу, и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ». Послѣ неимовѣрныхъ усилій татары разбили таранами городскія стѣны и взобрались на валъ; жители Козельска встрѣтили ихъ здѣсь съ ножами въ рукахъ, не желая пускать враговъ въ городъ. Но

---

[1]) Лѣтописецъ сравниваетъ татаръ съ саранчею. „Тогда пріидоша множество кровопроливецъ крестіяньскихъ, бес числа, аки прузи, к Володимерю“.

Рис. 22. Татары, пирующіе послѣ битвы на Калкѣ. (Рис. Н. Кошелевъ).

враги одолѣли. Раздраженный сопротивленіемъ жителей города, Батый велѣлъ всѣхъ ихъ убить, не исключая и грудныхъ младенцевъ. «А о князи Василіи—продолжаетъ лѣтопись—невѣдомо есть, иніи же глаголаху, яко въ крови утопе, понежѣ бо младъ бѣ». Испытавъ подъ Козельскомъ всю мощь патріотическаго одушевленія, татары не любили произносить самое имя этого города, а стали звать его просто злымъ городомъ. Отсюда они направились въ половецкія степи. Какъ разъ въ это время на великокняжескій престолъ во Владимірѣ на Клязьмѣ вступилъ братъ Юрія II, Ярославъ Всеволодовичъ.

Въ слѣдующіе два года татары разоряли главнымъ образомъ Южную Русь. Въ 1240 году, въ Николинъ день (6 декабря) они взяли и разорили самый Кіевъ. Изъ подъ Кіева Батый направился на Волынь, а отсюда къ венгерскимъ границамъ. Вѣсти о татарахъ, объ ихъ страшной для европейцевъ наружности, объ ихъ свирѣпости распространились по Западной Европѣ. Въ это время въ Священной Римской имперіи царствовалъ гогенштауфенъ Фридрихъ II. Онъ обратился къ своимъ подданнымъ съ воззваніемъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ вооружиться противъ общаго врага. «Время — писалъ онъ — пробудиться отъ сна, открыть глаза душевные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасность отдаленною, между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго непріятеля». Но воззваніе не имѣло желаемыхъ результатовъ. Во Франціи царствовалъ въ это время святой король Людовикъ IX. На рѣчь своей матери, исполненную ужаса, онъ отвѣчалъ: «мать моя, да поддержатъ насъ утѣшенія неба; если народъ этотъ пойдетъ противъ насъ, мы — или заставимъ татаръ, какъ ихъ называютъ, вернуться во свояси, откуда они пришли, или всѣ вознесемся на небо (т. е. погибнемъ)». Самъ онъ не поднялъ оружія противъ нихъ. Такимъ образомъ, не германо-романскому, а славянскому племени выпало на долю бороться съ татарами и, испытавъ всѣ ужасы этой борьбы, спасти Европу отъ жестокихъ поработителей.

Вѣсти о татарскихъ разгромахъ всполошили и сарацинъ, съ которыми воевала Западная Европа, и самую Западную Европу. Сарацины отправляли посольства къ королямъ Франціи и Англіи, прося помощи противъ общаго врага. Населеніе западноевропейскихъ странъ было такъ встревожено, что скандинавскіе и фрисландскіе рыбаки, ѣздившіе въ то время къ берегамъ Англіи на ловлю сель-

дей, въ 1238 году не совершили обычной поѣздки изъ опасенія оставить свои семьи въ добычу татарамъ, въ случаѣ ихъ появленія.

Разоренію подверглись Польша и Венгрія. Дальнѣйшее движеніе татаръ было остановлено мужественной защитой отъ нихъ города Оломуца чешскимъ княземъ Ярославомъ и ополченіемъ, состоявшимъ подъ начальствомъ чешскаго короля и герцоговъ Австрійскаго и Каринтійскаго. Послѣ этого татары повернули назадъ и расположились на кочевья въ южнорусскихъ степяхъ; главною стоянкою ихъ, гдѣ пребывалъ и ханъ, былъ основанный ими городъ Сарай (въ Астраханской губерніи, близъ нынѣшняго Царева).

21. Золотая или Кипчакская орда. Батыева орда, расположившаяся въ Поволжскихъ и Придонскихъ степяхъ, стала называться Золотой или Кипчакскою ордою. Жившіе здѣсь до татаръ степные народы (остатки печенѣговъ, половцевъ, торковъ) были обращены ими въ рабство; скоро, впрочемъ, они слились со своими поработителями. Поселившись на югѣ Россіи, пришельцы сохранили свой кочевой бытъ: въ лѣтнее время орда кочевала въ сѣверныхъ частяхъ степи, въ зимнее — придвигалась къ Черному и Каспійскому морямъ.

Пока государство, основанное Чингисъ-Ханомъ, не распадалось, верховная власть надъ нимъ принадлежала великому хану, жившему въ глубинѣ Монголіи. Но, когда изъ нея выдѣлились отдѣльныя государства, эта власть перешла въ руки отдѣльныхъ хановъ. Путешественникъ Плано-Карпини [1]) изображаетъ ее, какъ власть деспотическую. Безъ разрѣшенія хана никто изъ его подданныхъ не могъ избрать себѣ мѣста жительства. Какъ бы ни были тяжелы для нихъ ханскія приказанія, они безпрекословно исполняли ихъ. «Если ханъ—говоритъ Плано-Карпини—потребуетъ у кого-либо незамужнюю дочь или сестру, тотъ безпрекословно отдаетъ ее. Ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ собираетъ ханъ дѣвицъ изъ всѣхъ владѣній татарскихъ; изъ нихъ онъ оставляетъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ своимъ людямъ, какъ ему заблагоразсудится». На подданныхъ лежала тяжелая обязанность доставлять лошадей и пропитаніе ханскимъ гонцамъ, сколько бы ихъ ни было. Ту же повинность несли они и по отношенію къ посламъ различнаго рода, приходившимъ къ хану.

У татаръ было выработано замѣчательное военное устройство, установленное Чингисъ-Ханомъ. Каждые 10 человѣкъ имѣли своего начальника, десятника; надъ десятью десятниками начальствовалъ

---

[1]) Плано-Карпини, монахъ-миноритъ, родился въ Италіи приблизительно въ 1220 году. Въ 1246 году онъ былъ отправленъ папою Иннокентіемъ IV въ глубь азіатскихъ степей для предложенія мира татарамъ и проповѣди среди нихъ христіанской религіи. Его записки представляютъ замѣчательный историческій памятникъ.

сотникъ, надъ десятью сотниками—тысячникъ; надъ десятью тысячниками — темникъ. Сторожевые отряды носили названіе карауловъ. Если бѣгство не было всеобщимъ, а бѣжали отдѣльныя лица, ихъ подвергали смертной казни; она грозила и тѣмъ изъ десяти, кто бился недостаточно храбро или не выручалъ товарища, попавшаго въ плѣнъ. У каждаго татарскаго воина былъ лукъ и колчанъ, заполненный стрѣлами, а также топоръ и веревки—для постройки и передвиженія осадныхъ машинъ. У богатыхъ были сверхъ того кривыя сабли, копья, брони и шлемы; они покрывали бронею и своихъ лошадей. Оборонительнымъ оружіемъ служили щиты, сплетенные изъ прутьевъ. Слѣдуя завѣту Чингисъ-Хана, татары не щадили ни имѣнія, ни жизни своихъ враговъ, вѣруя въ то положеніе, что плодомъ пощады бываетъ сожалѣнье.

Если у татаръ существовало естественное раздѣленіе людей на классы богатыхъ и бѣдныхъ, то такимъ же естественнымъ явленіемъ было и дѣленіе сословное. Надъ всѣми сословіями возвышалось родовитое дворянство, освобождавшееся отъ обязательной службы, а въ случаѣ несенія ея, занимавшее начальственныя мѣста. Дворянство имѣло и внѣшній знакъ своего достоинства — гербы (тамгу). Ниже дворянства стояло сословіе тархановъ, освобождавшееся только отъ податей. Но, конечно, и лица привилегированныхъ сословій, при наличности деспотизма, были въ сущности рабами своего повелителя.

Не измѣнивъ политическаго строя земли Русской, не затронувъ религіи русскаго народа, татары обложили его поголовною данью. Для этого необходимо было произвести ревизію, исчислить количество покоренныхъ. Съ этою цѣлью посылались въ покоренную страну особые чиновники или численники («численици»), по необходимости, люди грамотные. Сами татары почти не знали ни просвѣщенія, ни грамотности; обязанности же писцовъ исполняли у нихъ грамотные люди, набираемые изъ покоренныхъ народовъ. Перепись производилась безжалостно. Пытки и смерть грозили тѣмъ, кто вздумалъ бы укрыться или укрыть своихъ. Сборъ дани производили въ покоренныхъ земляхъ баскаки. Баскаковъ сопровождали военные отряды; за непослушаніе имъ совершенно уничтожались цѣлые города и села. Само собою разумѣется, что правильный сборъ дани не могъ установиться сряду же послѣ покоренія нашей земли. Дань взималась не только подъ видомъ денегъ и имущества, но и людьми: у кого было три сына, одного изъ нихъ брали въ орду, забирали туда же холостыхъ мужчинъ и незамужнихъ женщинъ. Только одно духовенство было изъято отъ обязанности нести дань. Язычники-татары отличались вѣротерпимостью. «Мы, татары,—говорилъ одинъ изъ ихъ хановъ — вѣруемъ въ Единаго Бога, Которымъ живемъ и

умираемъ, но, какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути къ спасенію; вамъ Богъ далъ писаніе (рѣчь была обращена къ монаху-миноріту Рубруквису) и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ то, что они намъ говорятъ, и живемъ въ мирѣ».

Но, если татары и оставили намъ неприкосновенною христіанскую религію, все же они заставляли князей нашихъ, обязанныхъ являться въ орду на поклоненіе хану, поклоняться идоламъ, находившимся тамъ; все же они заставляли ихъ исполнять тѣ обряды, которымъ сами придавали особенное значеніе. Такъ, напримѣръ, всѣ, желавшіе видѣть хана, подвергались въ ордѣ обряду очищенія. Обрядъ этотъ заключался въ томъ, что татары заставляли пройти такого человѣка между двухъ огней. Они такъ истолковали путешественнику Плано-Карпини и его спутникамъ значеніе обряда: «Ступайте смѣло, если съ вами нѣтъ яду или чего-нибудь вреднаго для хана, а если есть ядъ, то огонь его очиститъ». Одинъ изъ русскихъ князей, Михаилъ Черниговскій, видя въ исполненіи требуемыхъ татарами обрядовъ непримиримое противорѣчіе долгу христіанина, отказался исполнить ихъ и палъ за это въ ордѣ мученическою смертью.

Велика была бѣда, которая нежданно-негаданно стряслась надъ Русскою землею. Въ „Софійскомъ Временникѣ“ подъ 1240 годомъ помѣщенъ плачъ земли Русской о гибели сыновъ своихъ: „сыны, сыны русскіе!.. вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я-же безъ васъ, монхъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездомная. Но кого мнѣ прежде оплакивать—мужа-ли, чадъ-ли любимыхъ? Вдовство мое — опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, хищеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа“.

22. Ярославъ Всеволодовичъ и Св. Александръ Невскій. Во время Батыева разоренія вокняжился во Владимірѣ на Клязьмѣ братъ Юрія II, Ярославъ Всеволодовичъ. Онъ очистилъ церкви отъ труповъ, собралъ оставшихся въ живыхъ послѣ татарскаго погрома людей и, какъ старшій, распредѣлилъ другія суздальскія княжества между другими князьями; такъ, напримѣръ, одному своему брату онъ отдалъ Суздаль, другому Стародубъ на Клязьмѣ и т. п. Распредѣленіе княжествъ совершалось такъ, что въ каждомъ изъ нихъ утверждалась извѣстная линія князей.

Но особенно важно было для всей Русской земли, какія отношенія установитъ великій князь къ ея поработителямъ. Такъ какъ татары оставляли въ покоѣ только тѣ народы, которые покорялись имъ, то великій князь рѣшилъ исполнять всѣ ихъ повелѣнія, не возбуждать ихъ противъ земли Русской, оказывать имъ всякій почетъ. Съ этою цѣлью Ярославъ отправился къ Батыю, въ его становище, расположенное на Ахтубѣ. Здѣсь онъ исполнилъ требуемые

обряды: прошелъ между двухъ огней и поклонился тѣни Чингисъ-Хана, за неисполненіе которыхъ пострадалъ св. Михаилъ Черниговскій. Батый былъ доволенъ покорностью Ярослава и, отпуская его, сказалъ ему: «будь ты старшимъ между всѣми князьями въ русскомъ народѣ». Примѣру Ярослава послѣдовали и другіе князья, его родственники. Его сынъ Константинъ съѣздилъ даже къ великому хану. Вскорѣ послѣ возвращенія сына поѣхалъ туда же и Ярославъ Всеволодовичъ.

По отношенію къ восточнымъ врагамъ великій князь Ярославъ слѣдовалъ политикѣ покорности. Но у Руси были въ это время другіе враги—западные. Сряду послѣ занятія великокняжескаго престола Ярославу пришлось дѣйствовать противъ литовцевъ, грозившихъ самому Смоленску. Походъ окончился очень удачно для русскихъ. Ярославъ не только побѣдилъ литовцевъ, но и многихъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ. Но, само собою разумѣется, это пораженіе не могло ослабить Литвы. Положеніе Руси было тѣмъ тяжелѣе, что, кромѣ литовцевъ, ея сѣверо-западнымъ предѣламъ грозили еще другіе, сильные враги: то были шведы и нѣмцы (ливонскіе рыцари).

Мудрой политикѣ своего отца слѣдовалъ доблестный князь русскій Александръ Ярославичъ Невскій. При жизни отца своего онъ княжилъ въ Новгородѣ. Новгороду грозили въ это время шведы, а «младшему брату» его, Пскову — нѣмцы и литовцы. Въ борьбѣ съ этими тремя врагами Руси и проявились великія доблести Александра Невскаго.

И до этого времени у новгородцевъ со шведами бывали неоднократныя столкновенія изъ-за Финляндіи. Но въ 1240 году Новгороду грозила со стороны шведовъ страшная сила. Во главѣ шведскаго войска стоялъ уже прославившійся своими подвигами Биргеръ, основатель города Стокгольма. Походъ Биргера имѣлъ характеръ крестоноснаго предпріятія. Поводомъ къ нему послужили тѣ неистовства, которыя совершали надъ шведскими миссіонерами финны-язычники, жившіе на восточныхъ границахъ Финляндіи. Неистовства эти были отвѣтомъ на тѣ насильственные поступки, которыми ознаменовалъ свою дѣятельность абоскій епископъ Томасъ, поставленный во главѣ тѣхъ финновъ, которые совсѣмъ недавно были обращены въ христіанство. Тогда папа Григорій IX издалъ въ 1237 году буллу, возвѣщавшую крестовый походъ противъ язычниковъ-финновъ и русскихъ. Глубоко убѣжденный въ томъ, что не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ, Александръ въ 1240 году разбилъ крестоносное шведское воинство на голову, на берегу Ижоры (при впаденіи ея въ Неву). За эту славную побѣду Александръ Ярославичъ и получилъ въ потомствѣ прозвище Невскаго. Чудная легенда о видѣніи Пелгусія, украсившая сказаніе объ этой побѣдѣ, указываетъ на то, что

Рис. 23. Шлемъ Александра Невскаго.

ей уже наши отдаленные предки придавали большое значеніе. Лѣтопись говоритъ, что Александръ «изби множество безчисленное римлянъ». Въ этомъ выраженіи инстинктъ народный вѣрно опредѣлилъ историческій смыслъ событія, такъ какъ на берегахъ Невы русскій народъ далъ первый, славный отпоръ движенію народа германскаго племени, который, въ случаѣ своей побѣды, повлекъ бы за собою подчиненіе римскому папѣ.

Въ 1242 году Александръ Невскій одержалъ другую замѣчательную побѣду надъ ливонскими рыцарями. Эти рыцари (нѣмцы) поселились въ началѣ XIII столѣтія въ низовьяхъ Западной Двины, гдѣ основали городъ Ригу (1201), а затѣмъ распространили отсюда свое господство на тѣ земли, которыя образуютъ теперь три наши губерніи—Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую. Утвердившись здѣсь, рыцари-крестоносцы обратили туземцевъ (финскія и литовскія племена) въ крѣпостное состояніе, силою распространили среди нихъ христіанство по римско-католическому обряду, а потомъ стали грозить и городу Пскову. Несмотря на то, что враги Руси были рыцарями опытными въ военномъ дѣлѣ, Александръ Невскій пошелъ противъ нихъ. Подъ 1242 годомъ лѣтописецъ нашъ кратко записалъ это выдающееся событіе: «ходи Александръ Ярославичь с Новъгородци на Нѣмци, и бися съ ними на Чудьскомъ озерѣ, у Вороніа камени, и побѣди Александръ, и гони по леду 7 верстъ, сѣкучи ихъ».

Такъ же энергично бился Александръ Невскій съ литовцами, но, подобно отцу своему, совсѣмъ иначе относился къ восточнымъ врагамъ Руси, къ татарамъ.

Въ 1252 году онъ утвердился на великокняжескомъ владимірскомъ столѣ послѣ смерти своего дяди Святослава. Какъ разъ вскорѣ послѣ вступленія Александра на престолъ состоялось рѣшеніе хана Берке (брата Батыя) произвести новую перепись русскаго народа. Александръ урядился съ татарами, и они благополучно переписали населеніе земель Суздальской, Муромской и Рязанской, за исключеніемъ духовенства чернаго и бѣлаго и причетниковъ; въ то же время они поставили въ указанныхъ мѣстностяхъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ. Труднѣе было вести дѣло съ вольными новгородцами. Одна вѣсть о переписи вызвала здѣсь большія и продолжительныя волненія. Сперва мало помогало и присутствіе самого Александра, пріѣзжавшаго въ Новгородъ. Противъ переписи былъ и князь новгородскій, сынъ Александра Невскаго, Василій. Александръ вынужденъ былъ изгнать его. Ни изгнаніе Василія, ни тяжкія наказанія его совѣтниковъ не прекратили народныхъ волненій. Послѣднія прекращались лишь тогда, когда татары не повторяли своихъ требованій. Но тѣмъ не менѣе съ этими требованіями приходилось считаться великому князю. Когда онъ

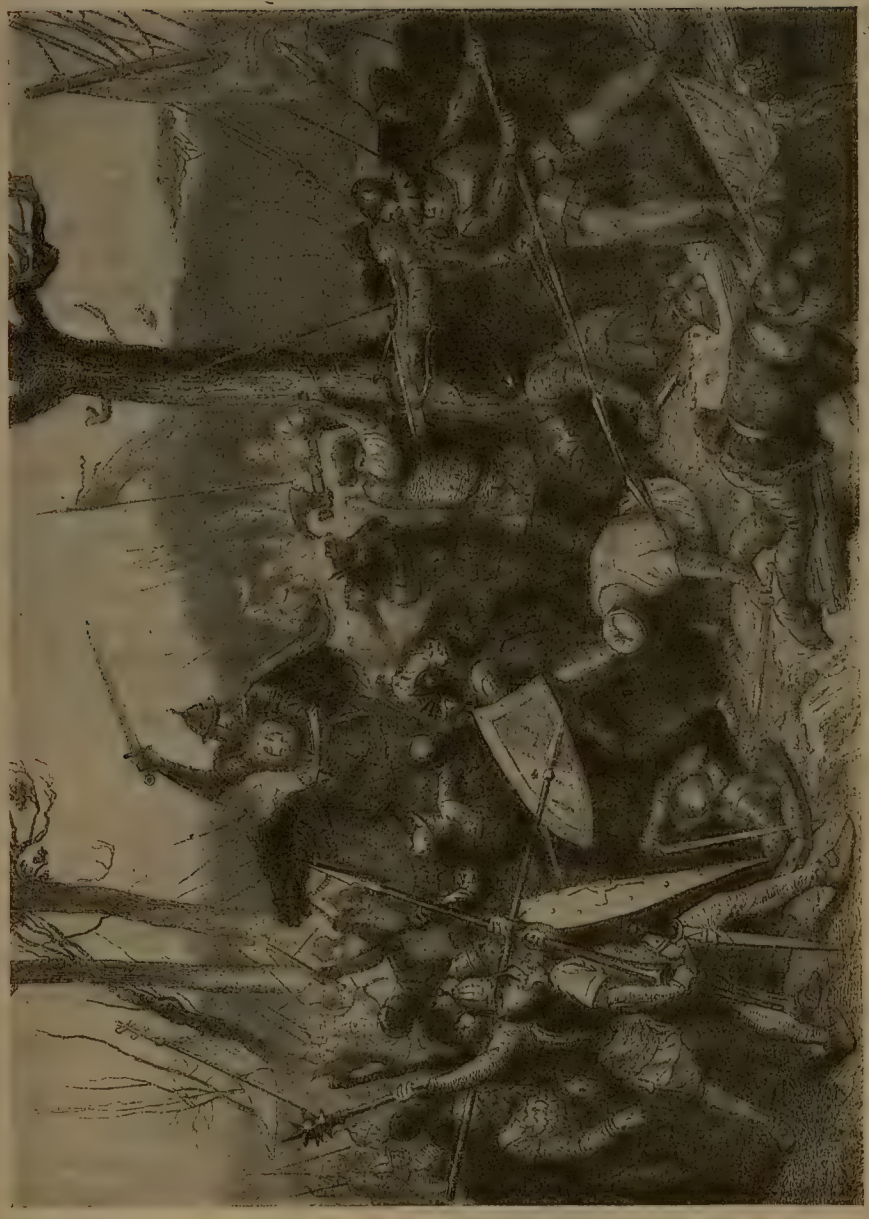


Рис. 24. Битва князя Александра Невскаго со шведами на Невѣ. (Рис. В. Васнецовъ).

снова пріѣхалъ въ Новгородъ въ сопровожденіи численниковъ, здѣсь поднялся цѣлый мятежъ, такъ что татары просили у великаго князя охраны. Наконецъ, населеніе окончательно раздѣлилось по вопросу о переписи на двѣ партіи: одна соглашалась на перепись, другая выражала свою готовность умереть съ честью, лишь-бы только «окаянные» татары не производили переписи. Не безъ стараній Александра первая партія осилила наконецъ вторую, и перепись состоялась [1]).

Но лишь только окончились волненія въ Новгородѣ, какъ поднялись въ другихъ мѣстахъ: въ Ростовѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ и Ярославлѣ. Населеніе этихъ городовъ собиралось на вѣче и выгоняло ханскихъ сборщиковъ. Отношенія къ ордѣ обострились на столько, что слѣдовало ожидать новаго татарскаго погрома. Въ четвертый разъ поѣхалъ Александръ Невскій въ орду, чтобы лично уладить дѣло. Цѣль была, дѣйствительно, достигнута, но, возвращаясь изъ своей поѣздки, Александръ заболѣлъ въ дорогѣ и скончался въ 1263 году въ Городцѣ на Волгѣ.

И Александръ Невскій, подобно своимъ предшественникамъ, начиная съ Андрея Боголюбскаго, не былъ похожъ на отважныхъ и неразсчетливыхъ князей южной Руси. Онъ былъ отваженъ, но съ отвагою соединялъ искусство полководца и строгую послѣдовательность въ своихъ дѣйствіяхъ, вытекавшую изъ ихъ обдуманности. Готовый на временныя уступки для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть намѣченной цѣли, обладая извѣстной гибкостью характера, онъ былъ выдающимся государственнымъ дѣятелемъ.

Потомки оцѣнили по заслугамъ дѣятельность Александра Невскаго. Церковь причислила его къ лику святыхъ.

Новгородская Русь.

23. Торговля Великаго Новгорода. Кромѣ Суздальскаго княжества другимъ замѣчательнымъ центромъ исторической жизни въ Сѣверной Руси былъ Новгородъ. Самый Новгородъ занималъ выгодное мѣсто на великомъ водномъ пути, раскинувшись по обоимъ берегамъ р. Волхова, близъ озера Ильменя. Такимъ образомъ городъ дѣлился Волховомъ на двѣ части или «стороны», изъ которыхъ одна, расположенная по правому берегу Волхова, называлась Торговою отъ находившейся здѣсь торговой площади, а другая — на противоположномъ берегу — Софійскою отъ храма

[1]) Можно предполагать, что эти волненія вызывались какими-либо несправедливостями. Въ одномъ изъ лѣтописныхъ сводовъ читаемъ по отношенію къ этимъ событіямъ такое выраженіе: „творяху бо себѣ бояре легко, а меншимъ бѣ зло“.

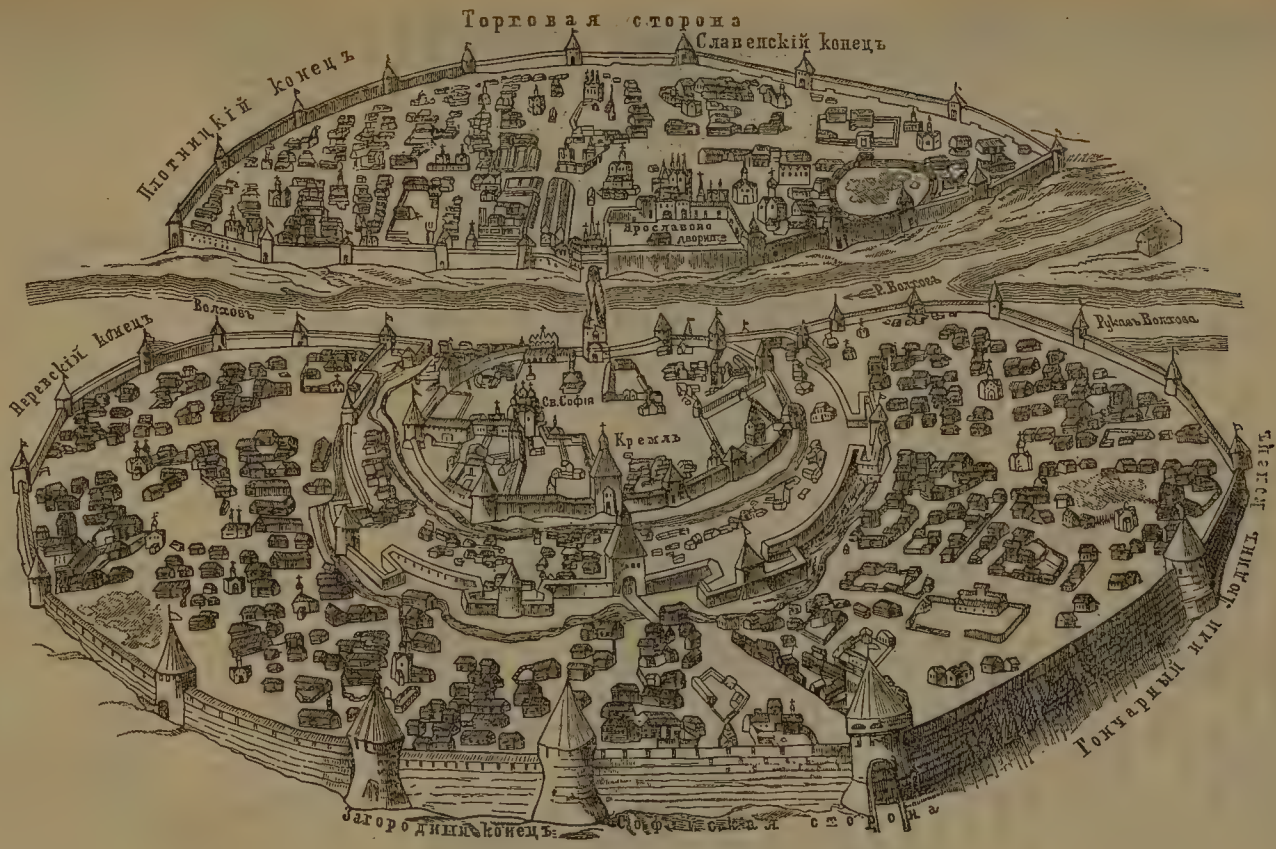


Рис. 25. Древній планъ Великаго Новгорода.

Св. Софіи, выстроеннаго по повелѣнію Ярослава Мудраго. Софійскій соборъ былъ лучшимъ украшеніемъ «дѣтинца» или Новгородскаго кремля. Каждая изъ сторонъ дѣлилась на «концы». Всѣхъ концовъ было пять; изъ нихъ два приходились на Торговую сторону [1]) и три на Софійскую [2]). Такъ какъ концы эти сохранили свое особое управленіе и нерѣдко вступали другъ съ другомъ въ борьбу, предполагаютъ, что первоначально они были отдѣльными селеніями или слободами и только естественно притягиваемые центромъ слились наконецъ съ нимъ въ одинъ большой городъ, называемый своими жителями Великимъ Новгородомъ. Подобно тому, какъ дѣтинецъ не принадлежалъ ни къ одному изъ концовъ, представляя собою религіозное средоточіе Великаго Новгорода, такъ и на торговой сторонѣ Ярославовъ дворъ съ прилегающею къ нему торговою площадью имѣлъ свое особое управленіе, хотя и занималъ часть Славянскаго конца. Вокругъ города раскинулись большія пространства земли, принадлежавшія новгородцамъ и называвшіяся землею Св. Софіи. Эта земля дѣлилась на ближайшія территоріи или пятины и на волости или земли, владѣнія болѣе отдаленныя отъ Новгорода и позднѣе пріобрѣтенныя имъ. Какъ городъ дѣлился на пять концовъ, такъ и ближайшая часть — земля Св. Софіи дѣлилась на пять территорій, называвшихся пятинами [3]). Въ пятинахъ были расположены пригороды Великаго Новгорода: Псковъ, Изборскъ, Ладога, Великіе Луки, Старая Русса и др. Изъ пригородовъ только одинъ Псковъ достигъ въ XIV вѣкѣ политической самостоятельности, называясь «младшимъ братомъ Новгорода». Кромѣ пятинъ, въ составъ земли Св. Софіи входили еще волости или земли. Онѣ были расположены на сѣверо-востокъ отъ Новгорода, такъ какъ при распространеніи своего господства въ сторону Финляндіи онъ встрѣтилъ серьезныя препятствія. Не говоря уже о томъ, что самая природа этого края, а также его бѣдное и свирѣпое населеніе не благопріятствовали Великому Новгороду въ этомъ отношеніи, большое препятствіе встрѣтили новгородцы со стороны шведовъ, не разъ угрожавшихъ захватомъ свободнаго выхода въ море —береговъ Невы и устья Волхова. Ближайшею волостью было Заволочье или Двинская земля [4]), къ востоку отъ нея простиралась земля Перм-

[1]) Славянскій и Плотницкій.

[2]) Людинъ, Загородскій и Неревскій.

[3]) Къ сѣверо-западу отъ Новгорода лежала пятина Вотьская (между рр. Волховомъ и Лугой); по обѣ стороны Онежскаго озера, начинаясь справа отъ Волхова и направляясь далеко къ Бѣлому морю, находилась пятина Обонежская; къ юго-востоку отъ Новгорода (между рр. Мстой и Ловатью) была пятина Деревская; по обѣимъ сторонамъ р. Шелони раскинулась пятина Шелонская; и наконецъ—далеко на юго-востокъ простиралась Бѣжецкая пятина.

[4]) Она называлась Заволочьемъ, такъ какъ лежала за волокомъ, за обширнымъ водораздѣломъ между бассейнами Онего-Двинскимъ и Волжскимъ.

ская (по Вычегдѣ съ притоками и Камѣ), далѣе на сѣверо-востокъ лежала волость Печора, расположенная на рѣкѣ того же имени, еще далѣе—по ту сторону Сѣвернаго Урала—область Югра, а по берегамъ Бѣлаго моря находилась область Тре или Терскій берегъ. Таковы были главныя новгородскія волости; ихъ управленіе нѣсколько отличалось отъ пятиннаго.

То обстоятельство, что Новгородъ лежалъ на великомъ водномъ пути и притомъ въ чрезвычайно удобной части его, способствовало

Рис. 26. Видъ на Софійскую сторону Новгорода.

развитію среди новгородцевъ торговой дѣятельности. Главнымъ занятіемъ у нихъ и была торговля. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ находимыя въ предѣлахъ бывшей Новгородской территоріи восточныя монеты, объ этомъ говорятъ иностранные писатели и наша родная лѣтопись. Разсказывая о захватѣ Кіева Олегомъ, лѣтописецъ сообщаетъ, что князь новгородскій назвалъ себя гостемъ или купцомъ («и посла ко Аскольду и Дирови, глаголя: «яко гость есмь, и идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича»). Новгородскіе гости были на столько обычнымъ явленіемъ, что не могли возбуждать ни въ комъ никакого подозрѣнія. Въ данномъ мѣстѣ лѣтописи находится и опредѣленное указаніе на торговлю Новгорода съ Византіей. Кромѣ этого торговаго пути на югъ новгородская тор-

говля направлялась и другими путями. Около Новгорода найдены древнія арабскія монеты; такія же монеты найдены и въ Помераніи. Это обстоятельство указываетъ на торговыя сношенія между Новгородомъ и Прибалтійскими славянами. Торговля, начатая славянскими городами, преемственно продолжалась, когда на южномъ побережьи Балтійскаго моря возникали города нѣмецкіе. Существуютъ точныя указанія и на торговлю Новгорода со Скандинавіей. Черезъ руки новгородскихъ купцовъ скандинавы получали драгоцѣнные камни, азіатскія ткани, персидскіе и арабскіе ковры, а также и византійскія произведенія. Центромъ торговли во всемъ Балтійскомъ бассейнѣ сдѣлался въ XII вѣкѣ островъ Готландъ со своимъ городомъ Висби. Торговыя сношенія съ Новгородомъ перешли тогда къ нему. Торговля съ Новгородомъ въ значительной степени содѣйствовала благосостоянію готландской купеческой компаніи, въ составъ которой входили какъ туземцы готы, такъ и нѣмцы. Новгородцы посѣщали Готландъ и поселялись на немъ ради торговыхъ интересовъ; тамъ была построена ими православная церковь. Съ другой стороны, готы имѣли въ Новгородѣ свою факторію (готскій дворъ) и свою «варяжскую» церковь. То соперничество готскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, которое происходило на островѣ Готландѣ, отразилось и на Новгородѣ: въ XII в. появилась въ Новгородѣ отдѣльная нѣмецкая факторія. Обѣ факторіи, готская и нѣмецкая, зависѣли отъ готско-нѣмецкой купеческой компаніи, имѣвшей свое пребываніе въ г. Висби. Въ XIII вѣкѣ въ Германіи господствовали большіе безпорядки. Безпорядки эти, усплившіеся во время междуцарствія, были очень вредны для торговли. Еще до междуцарствія нѣкоторые города образовали союзъ съ цѣлью самообороны. Во главѣ Ганзейскаго союза сталъ нѣмецкій городъ Любекъ. Въ Западной Европѣ окончательно восторжествовала благодаря этому торговля нѣмецкая надъ готскою. Восторжествовала она и въ Новгородѣ. Подлѣ «варяжской» церкви была построена нѣмецкая; нѣмецкій дворъ сбросилъ съ себя зависимость отъ Готланда, а въ XIV в. готскій дворъ уже былъ подчиненъ нѣмецкому двору. Нѣмцы торговали не только въ Новгородѣ, но и въ его пригородахъ — Псковѣ и Ладогѣ. Отношенія иностранныхъ купцовъ къ Новгороду опредѣлялись особыми договорами.

Нѣмцы старались держаться въ Новгородѣ особою колоніею и составлять отдѣльную корпорацію, которая управлялась собственными правилами. Внутреннія дѣла нѣмецкаго двора ни въ какомъ случаѣ не подлежали разсмотрѣнію и вмѣшательству новгородскаго правительства. Нѣмцы могли свободно пріѣзжать въ Новгородъ и проживать въ своемъ нѣмецкомъ дворѣ на извѣстныхъ для нихъ условіяхъ: Новгороду до этого не было дѣла. Изъ многихъ ганзейскихъ конторъ, находившихся въ разныхъ городахъ Европы, ни одна не была настолько изоли-

рована отъ мѣстнаго общества, какъ новгородская. Тогда какъ въ Лондонѣ и Брюгге встрѣчались случаи, когда торгующіе члены союза могли обращаться къ посредству мѣстной управы по своимъ дѣламъ, въ новгородской конторѣ такихъ случаевъ не представлялось. Новгородскій подвойскій и бирчь не смѣли войти въ нѣмецкій дворъ. Если новгородецъ имѣлъ дѣло до нѣмца, онъ долженъ былъ обращаться къ начальству нѣмецкаго двора, выборному альдерману, и только тогда, когда былъ недоволенъ судомъ его, обращался къ своему правительству, но не иначе, какъ къ высшимъ правителямъ, посаднику и тысяцкому; второстепенные судьи и правители не могли рѣшать тяжбу новгородца съ нѣмцемъ (Костомаровъ).

Рис. 27. Видъ черезъ Волховъ на Торговую сторону Новгорода.

Какъ ни старалась новгородская нѣмецкая контора вытѣснять всякое соперничество другихъ иностранцевъ въ Новгородѣ, но не могла достигнуть этого вполнѣ. Въ Новгородъ пріѣзжали купцы изъ Фландріи и даже Ломбардіи.

Такимъ образомъ перевѣсъ въ торговлѣ Новгорода съ Западомъ принадлежалъ нѣмцамъ. Зато Новгородъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю со всею нынѣшнею Европейскою Россіею. Новгородскіе купцы направлялись на сѣверъ—въ Корелію и на Онегу (такъ наз. обонежскіе купцы). Другіе ѣздили на Сѣверную Двину и въ Пермь. Третьи постоянно вращались ради торговыхъ оборотовъ въ Суздалѣ

и Владимірѣ на Клязьмѣ. Новгородскіе купцы, называвшіеся купцами низовскими, ѣздили съ товарами по Волгѣ: въ Болгаріи и Хозаріи они торговали тѣми мѣхами, которые вывозили съ сѣвера. Много новгородскихъ купцовъ было и въ Кіевѣ: здѣсь они даже выстроили свою церковь во имя Св. Михаила. Когда возникло великое княжество Литовское, новгородскіе купцы появились и тамъ.

Изъ Западной Европы ввозили въ русскую землю сукна, полотна, вина, металлическія издѣлія, пергаментъ, писчую бумагу и друг. предметы; въ случаѣ голода въ Новгородѣ или войнъ его съ Суздальскимъ княжествомъ привозились изъ за-границы и съѣстные припасы. Главнѣйшимъ богатствомъ Новгорода были шкуры и мѣха, которыми Русь снабжала Западную Европу. Кромѣ мѣховъ, новгородцы получали съ сѣвера китовое и моржовое сало, деготь и поташъ. Изъ Перми и Югры новгородцы вывозили серебро, которое неразсчетливо направлялось ими въ Западную Европу, тогда какъ нѣмцы за товары новгородскихъ купцовъ старались платить не деньгами, а товарами Западной Европы. Вывозились еще кожи, ленъ, конопля и воскъ. Хлѣбъ новгородцы получали для собственнаго потребленія сначала изъ Кіевской Руси, затѣмъ изъ Суздальской, съ Поволжья. Хлѣбная торговля доставляла новгородскому купечеству большіе барыши. Столь же прибыльной была и торговля рыбой.

Торговля была главнымъ занятіемъ новгородцевъ. Ихъ эпическій герой — Садко, богатый гость.

24. **Новгородская колонизація.** Другимъ важнѣйшимъ фактомъ въ исторической жизни Великаго Новгорода была колонизація нашего сѣвера. Колонизація проявлялась у насъ въ различныхъ формахъ. Человѣкъ, бросавшій міръ, искавшій спасенія вдали отъ людей, въ пустынѣ, становился піонеромъ колонизаціи. Избравъ себѣ облюбованное мѣсто, онъ устраивалъ на немъ свое жилище. Слава объ его подвигахъ разносилась въ отдаленные концы. Отовсюду сходились къ нему люди, желавшіе поселиться вмѣстѣ съ нимъ, подражавшіе ему. Строилась церковь, строились кельи, возникалъ монастырь. Къ нему притекало населеніе. Такимъ образомъ въ пустынномъ дотолѣ мѣстѣ появлялось человѣческое общество, возникала колонія. Намъ уже извѣстно, какъ заселялась Суздальская Русь колонистами, выходившими изъ Руси Кіевской. Большую роль въ заселеніи дотолѣ пустынныхъ мѣстъ играли князья со своими дружинниками: они основывали поселенія, рубили города и заселяли ихъ. Мѣста, удобныя въ торговомъ отношеніи, находившіяся большею частію при сліяніи судоходныхъ рѣкъ, издавна сдѣлались торговыми центрами, гдѣ производилась мѣна товаровъ. Конечно, и такія мѣста постепенно заселялись и превращались нерѣдко въ настоящіе города. Особенно же много содѣйствовали заселенію сѣвера нынѣш-

ней Европейской Россіи люди, почему-либо не уживавшіеся на родинѣ, порывавшіе съ нею связи и становившіеся вольными людьми, повольниками.

Движеніе новгородцевъ на сѣверо-востокъ, за волокъ (водораздѣлъ) озернаго бассейна, началось рано. Новгородцы являлись сюда въ качествѣ сборщиковъ дани съ финскихъ племенъ, въ качествѣ отважныхъ звѣролововъ, добывавшихъ шкуры и дорогіе мѣха, являлись буйными толпами ушкуйниковъ. Отдѣльные смѣльчаки доходили чуть не до самаго Урала еще въ XI столѣтіи. Но до

Рис. 28. Соборъ Св. Софіи въ Новгородѣ (общій видъ съ площади).

конца XII вѣка господство Новгорода къ востоку отъ Сѣверной Двины было еще очень непрочнымъ. Это господство выражалось въ сборѣ дани, которую очень неохотно платили имъ мѣстные инородцы, нерѣдко поднимавшіеся противъ сборщиковъ и убивавшіе ихъ. Не сопровождалось колонизаціей до самой середины XII столѣтія и господство новгородцевъ къ западу отъ Двины. Ушкуйники же заставили говорить о себѣ лишь въ XIV вѣкѣ. Такъ назывались новгородскіе удальцы отъ употреблявшихся ими лодокъ особой постройки. Это были люди, которымъ было тѣсно въ условныхъ рамкахъ исторически сложившагося быта. На родинѣ все стѣсняло ихъ. Они жаждали простора, шли охотно навстрѣчу опасностямъ, стреми-

лись къ подвигамъ на раздольи обширныхъ пространствъ нашего сѣвера, заселенныхъ финнами. Ушкуйники не ограничивались только сѣверомъ нынѣшней Европейской Россіи, но совершали свои разбойничьи набѣги на Норвегію, грабили купцовъ на Волгѣ и доходили до нынѣшней Астрахани. Чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ, до которыхъ доходили эти буйныя ватаги, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ одномъ изъ набѣговъ приняло участіе до 2.000 удальцовъ, имѣвшихъ въ распоряженіи до 70 ушкуевъ. Новгородскіе ушкуйники были русскими норманнами. Но, если одна часть новгородской вольницы предпочитала полную опасностей бродячую жизнь разбойниковъ, другая, бросая родныя мѣста и, подобно первой, идя навстрѣчу всякаго рода опасностямъ, селилась вдали отъ родины, основывала колоніи. Именно такимъ образомъ была основана въ XII в. Вятка.

Рис. 29. Покровская церковь въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ (XIV в.).

Эпическимъ героемъ новгородской удали является Василій Буслаевичъ.

25. Государственное устройство Великаго Новгорода. Сословія. Государственный бытъ Великаго Новгорода представлялъ

Рис. 30. Грамота вел. кн. Андрея Александровича, данная имъ въ Новгородѣ Ганзейскому союзу (около 1301 года).

свои значительныя особенности. Наиболѣе замѣчательною изъ нихъ было вѣче, которое достигло здѣсь большаго значенія, чѣмъ гдѣ-либо

въ иномъ мѣстѣ на Руси. Компетенція Новгородскаго вѣча была очень обширная: ему принадлежала законодательная власть, право объявлять войну и заключать миръ, избирать князей и заключать съ ними договоры, избирать посадниковъ и владыкъ; кромѣ того, вѣче устанавливало приговоры по управленію и въ извѣстныхъ случаяхъ пользовалось судебною властью. Присутствовать на вѣчевомъ сходѣ имѣли право всѣ граждане безъ различія по происхожденію и экономическому положенію, жители какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ. Вѣче созывалось звономъ колокола. Созвать гражданъ на вѣче могъ и князь, и посадникъ, и даже любой человѣкъ изъ черныхъ людей. Обычнымъ мѣстомъ собранія былъ такъ называемый Ярославовъ дворъ на Торговой сторонѣ, но собиралось оно и у св. Софіи. Съ возвышенія произносились рѣчи. Правильнаго голосованія не было: брало верхъ то мнѣніе, за которое кричало большинство, крикуны брали верхъ. Съ теченіемъ времени здѣсь возникъ особый типъ «худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ», своего рода повольниковъ-самовласцевъ. Эти «худые мужики-вѣчники» иногда рѣшали судьбу и князя, и посадника. Если вѣче по тому или другому вопросу разбивалось на партіи, сильнѣйшая принуждала остальныя партіи принять ея мнѣніе. Иногда собиралось заразъ два вѣча, одно на Торговой, другое на Софійской сторонѣ: явно враждебныя другъ другу, они вступали въ открытую борьбу между собою, которая разрѣшалась на Волховскомъ мосту. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось на особой грамотѣ, которую составлялъ вѣчный дьякъ, т. е. секретарь вѣча. Къ грамотѣ привѣшивалась на шнуркахъ свинцовая печать съ надписями «печать новгородская» или «печать Великаго Новгорода». Трудно представить себѣ, чтобы на вѣчевыхъ сходахъ могли быть составляемы законопроекты или подвергаться правильному обсужденію тѣ или другіе вопросы. Теперь доказано, что въ Новгородѣ существовало особое правительственное учрежденіе, которое разрабатывало важнѣйшіе вопросы, подлежавшіе рѣшенію вѣчевыхъ сходовъ. Этимъ учрежденіемъ былъ совѣтъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ должностныхъ лицъ и получившій у нѣмцевъ названіе совѣта господъ (Herren).

На ряду съ вѣчемъ въ Великомъ Новгородѣ существовала и княжеская власть. Это древнее установленіе было необходимо новгородцамъ, и они хорошо чувствовали его необходимость. Лишивъ князя власти, новгородцы задерживали его у себя, нерѣдко подъ стражею, до прибытія новаго избранника. Оттого лѣтописецъ тщательно отмѣчаетъ, какъ фактъ необычный, тѣ случаи, когда «сѣдѣша новгородци безъ князя». Призванный князь цѣловалъ крестъ Великому Новгороду, т. е. приносилъ ему присягу. Новгородцы заключали съ нимъ извѣстный договоръ, которымъ старательно ограждали себя

какъ отъ него, такъ и отъ его дружины. Князь не имѣлъ, напримѣръ, права посылать своихъ дружинниковъ правителями новгородскихъ волостей: таковыми могли быть только новгородцы. Но этого мало: князь можетъ назначать и смѣнять этихъ властителей лишь съ согласія посадника, выбиравшагося вѣчемъ и бывшаго какъ бы его представителемъ; князь не можетъ нарушать торговые договоры, которые новгородцы заключили съ иностранцами; если вздумаетъ принять участіе въ торговлѣ самъ, долженъ вести ее черезъ какого-либо новгородца; ни самъ князь, ни лица, составлявшія его дворъ,

Рис. 31. Церковь Св. Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ (XIV в.).

не имѣли права ни покупать, ни принимать въ даръ селъ, расположенныхъ въ новгородскихъ волостяхъ; князь не могъ судить никого безъ участія въ судѣ посадника («безъ посадника ти, княже, суда не судити») и т. п. Въ случаѣ разногласія князя и посадника, вѣче судило ихъ.

Посаднику принадлежала главная исполнительная власть. Опредѣленнаго срока, на который избирались бы посадники, не было. Они оставались во власти, пока вѣче не дѣлало приговора о замѣнѣ одного посадника другимъ. Посадникъ Степанъ Твердиславичъ исполнялъ свою высокую должность въ продолженіе цѣлыхъ 13-ти

лѣтъ. Избирались посадники только изъ извѣстныхъ боярскихъ фамилій. Безъ посадника князь не могъ ни судить, ни назначать волостелей. Когда князь отсутствовалъ, посадникъ вполнѣ замѣнялъ его. За свою должность посадники не получали опредѣленнаго жалованія, но пользовались особыми доходами съ волостей, такъ называемымъ поральемъ. Посадники, сохранявшіе свою власть, были извѣстны подъ именемъ степенныхъ; отставныхъ посадниковъ называли старыми. Нѣмцы въ своихъ грамотахъ называли новгородскихъ посадниковъ бургомистрами.

Слѣдующимъ за посадникомъ сановнымъ лицомъ былъ тысяцкій. И русское названіе «тысяцкій» (начальникъ войсковой тысячи), и нѣмецкое «герцогъ» (предводитель войска), прилагавшееся нѣмцами къ новгородскимъ тысяцкимъ, показываетъ, что эта должность была по преимуществу военною. Въ вѣдѣніи тысяцкаго находился простой и черный народъ. Подобно посадникамъ и тысяцкіе кормились отъ волостей и дѣлились на степенныхъ и старыхъ. Свои особые суды были какъ у посадника, такъ и у тысяцкаго, съ тѣмъ различіемъ, что въ судѣ посадника присутствовалъ представитель князя, а въ судѣ тысяцкаго его не было.

Ниже тысяцкаго стояли подчиненные ему сотскіе. Древнѣйшею изъ новгородскихъ должностей была должность старостъ, правившихъ городскими концами, имѣвшими въ своемъ управленіи значительную самостоятельность.

Новгородская церковь составляла часть общей русской церкви: новгородскіе архіепископы зависѣли отъ кіевскаго митрополита. Но уже довольно рано стало проявляться стремленіе новгородской церкви къ независимости. Съ 1168 года церковные владыки мѣстной церкви стали называться въ Новгородѣ архіепископами. Незадолго до этого времени они стали избираться на вѣчевыхъ сходахъ и только послѣ акта избранія получали посвященіе отъ митрополита. Послѣ установленія татарскаго ига Новгородъ не испытывалъ владычества азіатовъ въ такой степени, въ какой испытывали его другія русскія области. Это обстоятельство отозвалось и на мѣстной церкви. Въ то время, какъ и митрополитъ, и епископы другихъ земель русскихъ не разъ ѣздили въ орду испрашивать ханскихъ милостей, новгородскіе владыки не были вынуждены къ этому ни разу. Это обстоятельство, конечно, подняло авторитетъ представителей новгородской церкви. Бывали случаи, когда уже не архіепископы ѣздили къ митрополитамъ на посвященіе, а сами митрополиты пріѣзжали въ Новгородъ для совершенія этого акта на мѣстѣ служенія владыкъ. Вѣче, на которомъ должны были происходить выборы архіепископа, собиралось во дворѣ Св. Софіи, въ Дѣтинцѣ. Обыкновенно вѣче избирало трехъ кандидатовъ. Имена ихъ записывались на жребіяхъ,

и эти жребіи полагались на жертвенникъ въ храмѣ Св. Софіи. Затѣмъ туда входилъ слѣпецъ или мальчикъ и бралъ одинъ изъ жребіевъ съ именемъ избранника. Только впослѣдствіи священникъ бралъ два жребія, а считался избраннымъ тотъ кандидатъ, имя котораго

Рис. 32. Церковь Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ.

находилось на оставленномъ въ алтарѣ жребіи. Владыки, избиравшіеся по волѣ народа, подобно князьямъ, зависѣли отъ нея. Въ исторіи новгородской церкви извѣстны два случая изгнанія владыкъ. Новгородскіе владыки были верховными правителями церковнаго порядка и судьями въ духовныхъ дѣлахъ. Но значеніе владыки не ограничивалось только церковною сферою. Его вѣдѣнію подлежало

все, что по своему положенію требовало защиты, призрѣнія, попеченія. Судъ его простирался на всю семейную жизнь. Онъ рѣшалъ дѣла о наслѣдствѣ. Договоры и важныя постановленія заключались съ благословенія архіепископа и съ его совѣта. Иногда владыки ѣздили приглашать отъ имени Новгорода князей и участвовали въ посольствахъ, посылаемыхъ съ цѣлью заключенія мира.

Хотя все свободное населеніе Великаго Новгорода пользовалось широкими политическими правами, но все же, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, вызываемыхъ самою жизнью, оно раздѣлилось на сословія. Населеніе распадалось на двѣ группы—л у ч ш и х ъ («вятшихъ») и м е н ь ш и х ъ людей. Основою этого дѣленія было экономическое неравенство. Борьба лучшихъ людей съ меньшими вызывалась условіями экономическими, т. е. условіями богатства и бѣдности. Кромѣ этого группового дѣленія новгородскихъ гражданъ, въ Новгородѣ существовали и сословныя названія б о я р ъ, ж и т ы х ъ л ю д е й, к у п ц о в ъ, ч е р н ы х ъ л ю д е й и друг. Значеніе новгородскихъ бояръ обусловливалось тѣмъ, что они были крупными земельными собственниками. Всѣ сановники Великаго Новгорода избирались изъ среды бояръ, пользовавшихся вообще большимъ почетомъ. Бояре составляли такимъ образомъ высшій слой новгородскаго общества. Относительно житыхъ людей въ наукѣ не установилось опредѣленнаго мнѣнія; по мнѣнію однихъ, такъ назывались новгородскіе земле-владѣльцы; по другому мнѣнію, это были средніе капиталисты, жившіе процентами со своихъ капиталовъ (то, что французы разумѣютъ подъ словомъ rentier). Во всякомъ случаѣ житые люди и купцы составляли средній слой общества. Наконецъ, низшимъ слоемъ были черные люди.

26. Псковъ. Псковъ, бывшій однимъ изъ пригородовъ Великаго Новгорода, расположенъ на берегу двухъ рѣкъ — Великой и Псковы, впадающей въ Великую въ самомъ городѣ. Псковъ былъ расположенъ на границахъ Руси и Литвы, въ близкомъ сосѣдствѣ съ нѣмцами. Этимъ опредѣлилось и его историческое назначеніе — быть оплотомъ Руси, сдерживать напоръ нѣмцевъ на русскія земли.

И во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, былъ свой Дѣтинецъ. Онъ былъ построенъ на холмѣ, надъ рѣкою Великою. У псковичей была своя величайшая святыня—соборъ Троицы, расположенный въ Дѣтинцѣ. У Пскова, какъ и у Новгорода, были свои пригороды, но населеніе ихъ не имѣло тѣхъ политическихъ правъ, которыми располагало населеніе пригородовъ новгородскихъ. Подобно Новгороду, и Псковъ раздѣлялся на концы. Ихъ было 6; они представляли особыя общины. Между ними были подѣлены и пригороды, чего не было у новгородцевъ: такимъ образомъ, псковскіе пригороды были въ двойной зависимости — отъ вѣча и отъ концовъ города.

Территорія, принадлежавшая Пскову, была не велика; уже одно это обстоятельство объясняетъ ту болѣе сильную зависимость земли отъ города, которая отличаетъ Псковъ отъ Новгорода.

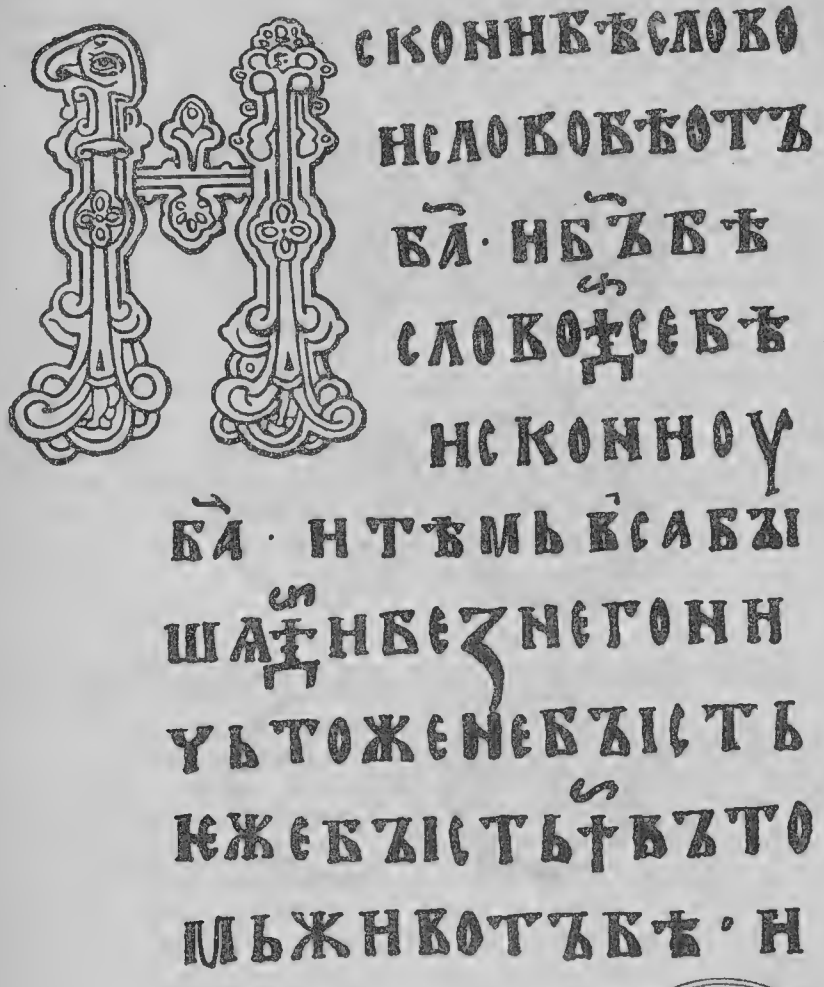


Рис. 33. Остромирово Евангеліе (написано въ 1056 — 1057 годахъ дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира; превосходно сохранилось; находится въ Имп. Публ. Библ. въ Петербургѣ).

Псковъ также управлялся вѣчемъ, подобнымъ новгородскому. Собиралось оно близъ Дѣтинца по звуку вѣчеваго колокола, висѣвшаго на башнѣ у Св. Троицы. Главная исполнительная власть и

во Псковѣ была въ рукахъ посадника, имя котораго писалось въ грамотахъ вмѣстѣ съ именемъ князя. Впослѣдствіи во главѣ Пскова стояли одновременно два посадника. Сословное дѣленіе жителей Пскова было однородно съ таковымъ же дѣленіемъ новгородцевъ. Въ церковномъ отношеніи Псковъ зависѣлъ отъ Новгородскаго архіепископа. До XII столѣтія Псковъ не имѣлъ своего собственнаго

Рис. 34. Новгородскія печати.

князя. Первымъ княземъ у псковичей былъ Всеволодъ-Гавріилъ, бывшій князь новгородскій, въ изгнаніи котораго (въ 1132 году) изъ Новгорода вмѣстѣ съ новгородцами участвовали и псковичи. Послѣ этого псковское вѣче призвало Всеволода-Гавріила во Псковъ. Всеволодъ-Гавріилъ создалъ главный храмъ Пскова, былъ благочестивъ и благорасположенъ къ духовенству. Причисленный послѣ смерти къ лику святыхъ, первый псковскій князь превратился въ

главнаго покровителя Пскова. Когда между Псковомъ и Новгородомъ начались раздоры, вызывавшіеся стремленіемъ Пскова къ полной самостоятельности, сложилась слѣдующая характерная легенда. Новгородцы, раскаявшись въ своемъ поступкѣ съ Всеволодомъ-Гавріиломъ, рѣшились загладить его перенесеніемъ Всеволодова тѣла въ Новгородъ. Но, какъ ни бились, они не могли сдвинуть его съ мѣста. Въ знакъ примиренія съ новгородцами, Всеволодъ-Гавріилъ дозволилъ имъ взять только свой ноготь.

Будучи передовымъ военнымъ постомъ въ борьбѣ Руси съ нѣмцами, Псковъ имѣлъ немалое значеніе и въ торговомъ отношеніи. Кромѣ главнаго воднаго пути (черезъ Неву, Ладожское озеро и Волховъ) существовали и другіе торговые пути, которыми иностранные купцы могли направляться въ Новгородъ. Ихъ суда доходили до Пернова или до Нарвы (древнее названіе ея Ругодивъ); товары шли въ послѣднемъ случаѣ или р. Наровой (древн.—Неровой), или же перевозились сухимъ путемъ до р. Эмбаха; по этимъ рѣкамъ товары довозились до Чудского озера, а отсюда приходили во Псковъ, становившійся такимъ образомъ передаточнымъ пунктомъ одного изъ новгородскихъ торговыхъ путей. Во Псковѣ также была нѣмецкая торговая контора, но послѣдняя не имѣла самостоятельнаго значенія, а слѣдовала указаніямъ конторы новгородской. Псковичи имѣли въ Новгородѣ свой торговый дворъ съ лавками и амбарами.

Юго-Западная Русь и ея подчиненіе Литвѣ.

27. Юго-западная Русь послѣ татарскаго погрома. Тяжело было состояніе юго-западной Руси послѣ татарскаго разгрома. Путешественникъ Плано-Карпини, проѣхавшій черезъ Кіевскую Русь въ 1245 году, говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ о ней и бывшемъ центрѣ ея—Кіевѣ: «татары обложили Кіевъ, столицу Россіи, и послѣ долговременной осады взяли ее и умертвили жителей. Оттуда идучи далѣе съ мечомъ въ рукахъ, погромили всю землю Русскую такъ, что, когда мы проѣзжали чрезъ нее, то видѣли безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ по степи. Сей городъ былъ очень великъ и многолюденъ, а теперь обратился почти въ ничто, потому что осталось въ немъ едва-ли 200 домовъ, жителей коихъ держатъ они въ величайшемъ рабствѣ». Онъ же говоритъ, что во все продолженіе пути испытывалъ постоянный страхъ передъ литовцами, которые стали теперь совершать опустошительные набѣги на Приднѣпровье, такъ какъ уже некому было болѣе защи-

щать его. Такимъ образомъ ослабленной южной Руси грозила серьезная опасность съ Запада. Многотрудное и великое дѣло защиты независимости южной Руси не могло уже оставаться въ рукахъ кіевскихъ князей. Первенство надъ южно-русскими областями перешло къ богатой прикарпатской области, бывшей отчиною великаго князя Изяслава II Мстиславича, внука Владиміра Мономаха, къ землѣ Галицкой или Червонной Руси. Но вмѣстѣ съ первенствомъ въ эту землю перешла и страшная вражда Мономаховичей съ Ольговичами. Представителемъ первыхъ былъ Даніилъ Романовичъ, вторыхъ — Ростиславъ Черниговскій. Во время Батыева погрома оба эти князя жили въ Польшѣ. То обстоятельство, что Даніилъ, отправившись въ Польшу, захватилъ съ собою только своего сына (Льва), а семейство свое оставилъ въ Галичѣ [1]), не позволяетъ смотрѣть на его удаленіе въ Польшу, какъ на бѣгство: его могли вызвать туда два дѣла, общественное и семейное—заключеніе союза съ польскимъ королемъ противъ татаръ и сватовство сына. Князья же черниговскіе скрывались въ Польшѣ отъ татаръ.

Когда Даніилъ Романовичъ вернулся въ Галицію, онъ долженъ былъ испытывать тяжелыя чувства. Онъ встрѣтилъ старое неповиновеніе бояръ и увидѣлъ своими глазами страшныя послѣдствія татарскаго разоренія: намѣстникъ одного изъ городовъ отказался открыть Даніилу ворота своего города; изъ Бреста нельзя было выйти въ поле отъ смрада разлагающихся труповъ; во Владимірѣ не осталось ни одного живого человѣка и т. под. А, между тѣмъ, Ростиславъ Черниговскій, также вернувшійся изъ Польши, затѣвалъ противъ Даніила борьбу, самъ желая утвердиться въ Галичѣ. Борьба между Даніиломъ и Ростиславомъ окончилась въ 1249 году: побѣдителемъ [2]) остался Даніилъ, разбившій Ростислава съ его союзниками, венграми и поляками. Окончившаяся такимъ образомъ борьба была тѣмъ опаснѣе для Даніила, что сильные галицкіе бояре признавали власть своихъ князей только по имени. Лѣтописецъ имѣлъ полное основаніе сказать про нѣкоторыхъ изъ нихъ, «яко полны суть льсти и не хотятъ по волѣ его (т. е. Даніила) ходити и власть его иному предати».

Въ 1250 году съ низовья Волги пришло къ Даніилу требованіе Батыево: «дай Галичъ!» Это краткое, но грозное напоминаніе о тяжелой наличности татарскаго ига застало Даніила врасплохъ. Города земли его не были укрѣплены; о сопротивленіи, слѣдовательно, нечего было и думать. Посовѣтовавшись со своимъ братомъ, Даніилъ Романовичъ поѣхалъ къ Батыю, напередъ усердно помолившись.

---

[1]) Галичъ — бывшая столица Галицкаго княжества, въ настоящее время — незначительный городъ Галиціи.

[2]) При Ярославлѣ на рѣкѣ Санѣ.

Лѣтописецъ разсказываетъ о милостивомъ пріемѣ у хана, но описаніе свое заканчиваетъ характерными словами: «о, злѣе зла честь Татарьская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си, инѣми странами: нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь Татарьская!» Утвержденный ханомъ въ правѣ обладать Галицкою землею, Даніилъ вернулся домой; его встрѣтили братъ и сыновья, много радовались оба его здоровью и много плакали объ обидѣ, имъ понесенной.

Даніилъ все-же не хотѣлъ подчиняться татарамъ и замыслилъ свергнуть ненавистное иго. Съ этою цѣлью онъ сталъ укрѣплять свои города и заселять ихъ. Особенно много заботъ приложилъ онъ къ усиленію своего любимаго мѣстопребыванія, города Холма. Для болѣе плотнаго заселенія его онъ призывалъ колонистовъ отовсюду, не разбирая ни племенныхъ, ни религіозныхъ отличій. Призывались и сюда, и въ другіе галицкіе города и нѣмцы, и русскіе, и поляки, и армяне съ евреями. Все это были мастера, разбѣжавшіеся во время татарскаго погрома: кузнецы, сѣдельники, лучники, тульники. Не подозрѣвалъ Даніилъ тогда, что эти иноплеменные элементы принесутъ его землѣ больше вреда, чѣмъ пользы.

Не довѣряя своимъ собственнымъ силамъ, Даніилъ Романовичъ искалъ союза съ королемъ венгерскимъ (Белою IV) [1]) и помогалъ ему въ его борьбѣ съ чешскимъ королемъ (Вячеславомъ I Одноглазымъ) за австрійское наслѣдство. Съ тою же цѣлью Даніилъ вошелъ въ сношенія съ папою Иннокентіемъ IV, изъявляя свое согласіе на унію. (Въ это же самое время соглашался на унію и возстановитель Византійской имперіи Михаилъ Палеологъ). Папа обѣщалъ Даніилу Романовичу вызвать крестовый походъ западноевропейскихъ народовъ противъ татаръ и прислалъ галицкому князю королевскій вѣнецъ. Даніилъ принялъ королевскій титулъ и былъ вѣнчанъ папскимъ легатомъ въ 1255 году.

Но напрасно разсчитывалъ Даніилъ Романовичъ на иноплеменную помощь: венгерскій король былъ побѣжденъ чехами, а папѣ не удалось созвать крестоваго похода противъ татаръ. Видя это, король галицкій прервалъ сношенія съ Римомъ, за что упрекалъ его въ своей буллѣ преемникъ Иннокентьевъ, Александръ IV, и задумалъ свергнуть татарское иго безъ помощи тѣхъ, на кого разсчитывалъ. Заключивъ союзъ съ литовскимъ княземъ Миндовгомъ, онъ началъ воевать съ татарами. Дѣло началось удачно, но, съ назна-

---

[1]) Бела IV выдалъ свою дочь Гертруду замужъ за Даніилова сына Романа. Послѣднему, въ случаѣ успѣха борьбы, досталась бы Австрія, а Белѣ — Штирія.

ченіемъ на должность темника въ Южную Русь Бурундая, обернулось рѣшительно въ пользу татаръ. Бурундаю удалось поссорить Даніила съ литовцами. Пришлось подчиниться, разрушить всѣ укрѣпленные города, кромѣ Холма, и вступить въ борьбу съ Литвою. Въ этой борьбѣ погибъ сынъ Даніила, Романъ. Миръ былъ желаннымъ, и только побѣда, одержанная надъ литовцами вѣрнымъ союзникомъ и братомъ Даніила, Василько, принудила Миндовга прекратить борьбу. Изъ внѣшнихъ предпріятій Даніила всего удачнѣе былъ его походъ противъ ятвяговъ, которыхъ онъ нѣсколько разъ разбилъ и принудилъ платить дань. Король галицкій Даніилъ Романовичъ, современникъ св. Александра Невскаго, умеръ въ 1264 году. Галиція была подѣлена на части между его сыновьями, а Волынь осталась за его братомъ Василько.

По смерти Даніила еще сохранялось нѣкоторое время единство дѣятельности князей Галицкой и Волынской земель; внукъ его Юрій снова соединилъ въ своихъ рукахъ всю юго-западную Русь, но въ томъ же XIV в., по прекращеніи дома Даніила Романовича, Волынская земля перешла подъ власть Литвы, а Галиціей (въ 1349 году) завладѣлъ польскій король Казиміръ III Великій, послѣдній представитель дома Пястовъ. Много способствовало утратѣ Галиціи мѣстное боярство, которое не разъ продавало интересы родины чужеземцамъ ради личныхъ интересовъ. Съ тѣхъ поръ Галиція остается и по настоящее время отторгнутой отъ Россіи.

28. Литва и ея объединеніе. То великое историческое дѣло объединенія юго-западной Руси, которое, казалось, выпало на долю галицкихъ князей, перешло отъ нихъ къ Литвѣ.

Литовцы, составляющіе вѣтвь арійскаго племени, близкую славянамъ, издавна поселились на Балтійскомъ поморьѣ, между рѣками Западной Двиной и Вислой; къ востоку они разселились почти по всему бассейну р. Нѣмана, а на югѣ достигали средняго теченія Западнаго Буга. По извѣстіямъ, относящимся къ X—XI вв., опредѣляютъ слѣдующія отдѣльныя народности, изъ которыхъ слагалось все литовское племя. На крайнемъ сѣверѣ территоріи, имъ занятой, по правому берегу Западной Двины жила летгола (нын. латыши); къ югу отъ нея, по лѣвому берегу той же рѣки, поселилась жемгола или семигола; отъ низовья Западной Двины до самаго Балтійскаго моря на западъ жили корсь (по русскимъ лѣтописямъ) или куроны (у западно-европейскихъ писателей); къ юго-западу отъ нихъ—между устьями рр. Нѣмана и Вислы—обитали пруссы [1]),

[1]) Пруссы раздѣлялись на 10 колѣнъ. Названія двухъ изъ этихъ колѣнъ встрѣчаются еще у Птоломея, писателя II в. по Р. Хр., который помѣщаетъ ихъ на томъ же мѣстѣ, которое они занимали впослѣдствіи. На основаніи этого ученые склоняются къ мысли объ очень раннемъ водвореніи литовцевъ на Балтійскомъ поморьѣ.

въ бассейнѣ р. Нѣмана имѣли свое мѣстопребываніе жмудь (по нижнему теченію) и собственно литва (по среднему теченію Нѣмана); по р. Нареву жили ятвяги, съ которыми такъ удачно воевалъ король галицкій Даніилъ.

Литовцы были язычниками; религія ихъ заключалась въ поклоненіи различнымъ силамъ природы. Замѣчательнымъ вліяніемъ пользовался у нихъ главный жрецъ — криве. Долгое время они жили отдѣльными родами, руководимыми своими старшинами; долгое время въ Литвѣ не проявлялось признаковъ политической жизни. До второй половины XIII столѣтія власть этихъ старшинъ простиралась лишь на незначительные сельскіе округи. Между округами не было политической связи. Весьма часто, не сознавая своихъ общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ чужимъ народамъ, вожди этихъ округовъ дѣйствовали независимо другъ отъ друга, каждый по свему усмотрѣнію. Если иногда они заключали другъ съ другомъ союзы, зато въ другіе разы дѣйствовали не только врозь, но и во вредъ одинъ другому. Такимъ образомъ естественною связью между ними было тожество происхожденія, языка, быта и религіозныхъ воззрѣній. Развиваясь постепенно, безъ сильнаго давленія извнѣ, литовцы образовали бы теократическое государство, которое представляло бы союзъ болѣе или менѣе крупныхъ племенъ и округовъ, подъ верховною властью криве. Но внѣшнія историческія условія вызвали усиленное объединеніе литовцевъ въ одно политическое цѣлое подъ властью воинственныхъ князей, которые только и могли отстоять самобытность всего племени. Явленіе это было вызвано грозною опасностью со стороны нѣмецкихъ рыцарей.

Земли, расположенныя по Балтійскому поморью, отъ Финскаго залива до р. Нѣмана, издавна находились въ сношеніяхъ съ Русью. По разсказу лѣтописца, чудь (эстонская) уже принимала участіе въ призваніи князей. Ярославъ Мудрый основалъ здѣсь городъ Юрьевъ. Новгородскіе и полоцкіе князья совершали въ эти земли походы, результатомъ которыхъ было установленіе извѣстной зависимости сѣверныхъ округовъ отъ Новгорода, а болѣе южныхъ отъ Полоцкаго княжества. Православные князья относились съ полною терпимостью къ языческимъ вѣрованіямъ туземцевъ и довольствовались тою данью, которую получали съ нихъ. Между тѣмъ, выгодное въ торговомъ отношеніи приморское положеніе страны рано или поздно должно было обратить на себя вниманіе нѣмецкихъ купцовъ. Съ другой стороны, язычество, такъ долго удержавшееся въ этомъ краю, неизбѣжно должно было привлечь сюда католическихъ миссіонеровъ.

Существуетъ преданіе о томъ, что нѣмецкіе купцы совершенно

случайно познакомились съ Литовскимъ краемъ. Во второй половинѣ XII в. буря занесла въ устье Западной Двины корабль съ бременскими купцами. Съ тѣхъ поръ они стали наѣзжать сюда ежегодно. Въ скоромъ времени вмѣстѣ съ купцами прибылъ сюда священникъ Мейнгардъ; онъ построилъ церковь и началъ обращать туземцевъ въ христіанство. Для защиты новообращенныхъ отъ язычниковъ былъ построенъ съ помощью прибывшихъ сюда нѣмцевъ замокъ. На слѣдующій годъ послѣ своего водворенія здѣсь Мейнгардъ былъ возведенъ въ санъ епископа. Эта новая епархія была поставлена въ зависимость отъ Бременскаго архіепископа. Такъ было положено здѣсь начало нѣмецкой колоніи. Настоящимъ виновникомъ нѣмецкаго господства въ этой землѣ былъ второй преемникъ Мейнгарда, епископъ Альбертъ. Онъ привелъ сюда крестоносное ополченіе, набранное съ благословенія папы, и положилъ въ 1201 году основаніе существующему до сихъ поръ городу Ригѣ, который онъ сдѣлалъ мѣстомъ своего пребыванія. Въ томъ же самомъ году онъ основалъ духовно-рыцарскій орденъ, на подобіе тѣхъ, которые образовались въ Палестинѣ. Новый орденъ, получившій уставъ ордена тампліеровъ, сталъ называться «братствомъ воинства Христова» (fratres militiae Christi), а затѣмъ и орденомъ «меченосцевъ» (gladiferi) или Ливонскимъ. Члены его получили отъ папы право владѣть покоренными землями въ лэнной зависимости отъ епископа. Туземцы, утратившіе свободу и насильственно обращаемые въ христіанство, возставали противъ порабoтителей, но были не въ силахъ свергнуть съ себя нѣмецкаго ига.

Въ то же время на южномъ побережьи Балтійскаго моря, въ странѣ пруссовъ, поселился другой нѣмецкій духовно - рыцарскій орденъ, основанный въ Палестинѣ послѣ третьяго крестоваго похода, орденъ Тевтонскій. Въ началѣ XIII в. (1225) одинъ изъ удѣльныхъ польскихъ правителей, герцогъ мазовецкій Конрадъ, тѣснимый даже въ собственныхъ владѣніяхъ опустошительными набѣгами пруссовъ, призвалъ противъ нихъ изъ Палестины тевтонскихъ рыцарей, которые въ теченіе XIII в. покорили всю страну, обративъ ихъ въ христіанство. Тогда же началась и германизація пруссовъ, и страна ихъ покрылась мало-по-малу нѣмецкими колоніями и городами.

Въ 1237 году оба ордена соединились и стали дѣйствовать противъ литовцевъ съ двухъ сторонъ. Литовцы, встревоженные этими жестокими сосѣдями, вступили съ ними въ отчаянную борьбу, защищая отъ нихъ и свою языческую вѣру, и свою народность. Но силы орденовъ были неистощимы. Рыцари были лучше вооружены и лучше знали военное дѣло. Литовцамъ пришлось по необходимости подвигаться на Западную Русь. Это вынужденное движеніе

литовцевъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ еще болѣе ускорило образованіе Литовско-русскаго государства.

Сильнѣйшій изъ литовскихъ князей Миндовгъ (или Мендовгъ) положилъ первыя начала этому государству. Онъ принадлежалъ къ типу основателей государствъ въ варварскія времена, не останавливался ни передъ какими средствами, не зналъ ни дружбы, ни родства. Наша лѣтопись рисуетъ его слѣдующими чертами: «бысть княжащу ему в земьли Литовьской, и нача избивати братью свою и сыновцѣ своі, а другия выгна изъ землѣ, и нача княжити одинъ во всей землѣ Литовьской; и нача гордѣти велми, и вознесося славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никого же». Миндовгъ основалъ Литовско-русское государство, въ составъ котораго входили и литвины, и русскіе, и столицею котораго былъ городъ Новогродокъ. Кромѣ литовскихъ земель Миндовгъ владѣлъ тѣмъ пространствомъ Бѣлоруссіи, которое ограничивается рѣками— Двиной, Днѣпромъ и Припетью (сюда вошло Полоцкое княжество и страна Припети).

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ преемниковъ Миндовга былъ Гедиминъ (или Гедыминъ, 1316 — 1341). При этомъ князѣ сильно возросло могущество новаго Литовско-русскаго государства. Оно вело удачную борьбу съ наступавшими на него сосѣдями, остановивъ завоевательное движеніе рыцарскихъ орденовъ. Съ этого времени замѣчается большая перемѣна, происшедшая съ литовцами. Раньше военныя силы ихъ заключались въ нестройныхъ ополченіяхъ, которыя вторгались въ непріятельскую страну главнымъ образомъ ради грабежа. Теперь у литовцевъ появилось хорошо дисциплинированное войско, которое стало наносить серьезные удары какъ крестоносцамъ, такъ и полякамъ; оно стало располагаться правильнымъ лагеремъ, имѣло стѣнобитныя машины, брало города или приступомъ, или правильною осадой. Раньше границы земли Литовской имѣли только естественную защиту въ видѣ дремучихъ лѣсовъ, болотъ и озеръ; теперь былъ воздвигнутъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ замковъ и городовъ. Этой перемѣнѣ, этому культурному росту содѣйствовалъ сильный приливъ русской народности, вошедшей въ составъ новаго государства. Еще до Гедимина, при Витенѣ, въ составъ литовскихъ войскъ вошли русскіе, а во главѣ войскъ появились русскіе военачальники [1]). Значеніе русскихъ сказалось не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ

---

[1]) Съ самаго начала княженія Витеня, польскіе и нѣмецкіе лѣтописцы, разсказывая объ его походахъ, постоянно называютъ сопровождавшія его ополченія не „литовцами“, какъ прежде, а „литовцами и русскими“. Среди сподвижниковъ Витеня и Гедимина единственно выдающеюся личностью, занимавшею видное мѣсто на ряду съ самими князьями, былъ русскій человѣкъ, Давидъ, староста гродненскій. Такъ говорятъ литовскіе источники.

дипломатическомъ. Литовцы воспринимали не только русскій языкъ, русскіе обычаи, но и православіе. Вліяніе русское выразилось и въ титулѣ Гедимина, который называлъ себя «королемъ литвиновъ и русскихъ» (rex Litwinorum Rhutenorumque). Средоточіемъ этого государства въ концѣ правленія Гедимина сталъ г. Вильна. Гедиминъ оказывалъ большое вліяніе на Новгородскую и Псковскую общины. Самъ оставаясь язычникомъ и придавая языческой вѣрѣ литовцевъ значеніе государственной религіи, Гедиминъ относился вѣротерпимо къ христіанамъ и римско-католическаго, и православнаго вѣроисповѣданій. Онъ даже оказывалъ христіанамъ возможное покровительство, о чемъ свидѣтельствуютъ его грамоты. При немъ были въ Вильнѣ два католическихъ монастыря. Православное населеніе пользовалось полною свободою, и полоцкій владыка безъ стѣсненія сносился съ митрополитомъ и принималъ участіе въ помѣстныхъ соборахъ русскаго духовенства. Поселившіеся въ Вильнѣ русскіе построили свою церковь во имя Святителя Николая. Почти всѣ сыновья Гедимина были женаты на русскихъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ (Глѣбъ-Наримундъ) принялъ христіанство по православному обряду еще при жизни своего отца. По смерти Гедимина семь сыновей его раздѣлили между собою, въ качествѣ удѣловъ, земли Литовско-русскаго княжества.

Вскорѣ послѣ смерти Гедимина великимъ княземъ Литовско-русскимъ былъ провозглашенъ способнѣйшій изъ сыновей его — Ольгердъ. Ольгердъ по своимъ симпатіямъ былъ чисто русскимъ княземъ. Подобно отцу своему онъ оказывалъ вліяніе на многія русскія земли — на Псковъ, Новгородъ, Смоленскъ и др. Онъ значительно расширилъ территорію своего государства присоединеніемъ къ нему такихъ владѣній, какъ Новгородъ-Сѣверскій, Кіевъ [1]), Подолія и Волынь. Въ то же время въ продолженіе всего своего княженія онъ велъ непрерывную борьбу съ нѣмецкими рыцарями. Въ борьбѣ съ крестоносцами литовцы у нихъ же переняли способъ веденія войны: за опустошеніе литовской территоріи они отвѣчали разореніемъ прусскихъ областей и разрушеніемъ рыцарскихъ замковъ.

Въ годъ смерти Ольгерда (1377) границы его государства простирались отъ Балтійскаго моря до Чернаго въ одну сторону, отъ Угры, Оки и истоковъ Сейма до Западнаго Буга — въ другую. На этомъ обширномъ пространствѣ, среди многихъ земель, заселенныхъ русскими людьми, сдѣлался едва замѣтнымъ тотъ клочекъ земли, который былъ заселенъ литовцами и составилъ ядро всего государства. Кругомъ этого ядра собрались постепенно всѣ южныя и запад-

[1]) Занятіе Кіева произошло даже безъ борьбы. Ольгердъ смѣстилъ княжившаго здѣсь подручника Орды, князя Ѳедора, и отдалъ Кіевъ въ управленіе своему сыну Владиміру.

ныя русскія земли. Русскія земли и русская народность сильно преобладали. Благодаря своему культурному превосходству русская народность занимала въ это время первенствующее положеніе въ государствѣ, которое, хотя и продолжало называться великимъ княжествомъ Литовскимъ, но на самомъ дѣлѣ было великимъ княжествомъ Западно-русскимъ.

29. Унія Литовско-русскаго великаго княжества съ Польшей при Ягайлѣ. Вся предшествующая исторія подготовляла обрусѣніе литовцевъ. Но рядомъ съ вліяніемъ культуры русской литовцы испытывали и вліяніе культуры западно-европейской, которая передавалась имъ черезъ посредство нѣмцевъ и поляковъ. Мы знаемъ, что въ Вильнѣ была православная церковь, но тамъ же были и два католическихъ монастыря—доминиканскій и миноритовъ. Третій католическій монастырь находился въ прежней столицѣ великихъ князей, Новогродкѣ. Правда, въ Трокахъ былъ въ XIV в. православный монастырь, но католическіе монахи пользовались почетомъ при дворѣ великаго князя Гедимина и призывались для участія въ его совѣтѣ.

Историческій процессъ полнаго обрусѣнія литовцевъ встрѣтилъ роковое препятствіе въ соединеніи великаго княжества Литовскаго съ Польскимъ королевствомъ. Совершилось это соединеніе въ 1386 году по поводу брака великаго князя литовскаго Ягайлы съ польскою королевой Ядвигой.

Ягайло вступилъ на великокняжескій престолъ по смерти отца своего Ольгерда. Воспитанный своею матерью, тверской княжной Юліаніей, Ягайло, по преданію, крещенный по обряду православной церкви, чувствовалъ влеченіе къ христіанской культурѣ. Между тѣмъ, его дядя Кейстутъ (братъ Ольгерда) упорно стоялъ на сторонѣ язычества, которое сливалось въ его представленіи съ народною самобытностью литовцевъ. Негодованіе Кейстута было возбуждено въ высшей степени, когда Ягайло вошелъ въ тайныя сношенія съ тевтонскими рыцарями, старинными и непримиримыми врагами Литвы. Между этими представителями двухъ различныхъ направленій возгорѣлась война. Съ помощью тевтонскаго ордена, желавшаго истощенія и паденія Литвы, Ягайло побѣдилъ Кейстута. Затѣмъ онъ заманилъ своего дядю какъ будто для переговоровъ, заключилъ его въ темницу, гдѣ престарѣлый герой Литвы былъ, по повелѣнію вѣроломнаго племянника, скоро задушенъ. Его жена Бирута была утоплена. Но мстителемъ за эти жертвы явился сынъ Кейстута, знаменитый Витовтъ. Онъ былъ заключенъ въ то-же замковое подземелье, въ которомъ былъ умерщвленъ его отецъ. Но скоро онъ убѣжалъ оттуда, переодѣвшись въ платье одной изъ служанокъ своей жены,

которой было дозволено навѣщать его. Бѣглецъ нашелъ убѣжище у тевтонскихъ рыцарей, которымъ было выгодно поддерживать въ Литвѣ междоусобія или содѣйствовать ея распаденію. Изъ своего убѣжища Витовтъ сталъ сноситься со Жмудью, желая привлечь эту литовскую народность на свою сторону. Великій магистръ ордена обратился къ Ягайлѣ съ письменной просьбой, въ которой указывалъ на необходимость дать часть литовскихъ владѣній покровительствуемому имъ Витовту. Ягайло не соглашался, и дѣло дошло въ скоромъ времени до войны тевтоновъ съ Ягайломъ. Витовтъ прикинулся другомъ рыцарей, даже принялъ католичество съ именемъ Виганда. По договору, заключенному имъ съ рыцарями, орденъ обязывался помогать ему въ завоеваніи отчины, а Витовтъ ставилъ себя въ лѣнную зависимость отъ ордена и обѣщалъ послѣднему уступить часть Литвы и Жмудь. Но черезъ нѣсколько дней послѣ подтвержденія этого договора Витовтъ измѣнически убилъ нѣсколько рыцарей и, завладѣвъ нѣкоторыми изъ ихъ крѣпостей, открыто перешелъ на сторону Ягайлы. Съ одной стороны, онъ хорошо понялъ, что орденъ имѣетъ намѣреніе пользоваться имъ, какъ удобнымъ орудіемъ, для ослабленія Литвы. Съ другой стороны, внезапная перемѣна въ отношеніяхъ Ягайлы, Витовта и ордена объясняется событіями, происходившими въ Польшѣ.

Послѣ смерти венгерско-польскаго короля Людовика поляки (1382) избрали на престолъ его дочь Ядвигу. Тринадцатилѣтняя Ядвига была еще слишкомъ молода, чтобы править Польскимъ королевствомъ. Магнаты (бояре), окружавшіе ее, рѣшили воспользоваться ею, какъ орудіемъ для осуществленія своего плана — соединенія съ Польскимъ королевствомъ Литовско-русскаго великаго княжества. Обманувшись въ надеждахъ своихъ на польско-венгерскій союзъ, они предпочли соединить свою родину съ тѣмъ государствомъ, съ которымъ связывала ихъ общая опасность со стороны тевтонскаго ордена, отнявшаго у Польши Поморье. Желательнымъ женихомъ съ этой точки зрѣнія былъ великій князь литовскій Ягайло. Кромѣ политическихъ соображеній польскіе паны руководились и своими сословными разсчетами. Они были увѣрены, что Ягайло, обязанный имъ своимъ избраніемъ, еще болѣе расширитъ ихъ права и привилегіи. Духовенство, съ своей стороны, вѣрно разсчитывало, что этотъ бракъ повлечетъ за собою обращеніе Литвы въ католичество.

Ягайло, которому польскіе паны предложили руку своей юной королевы, очень охотно пошелъ на встрѣчу ихъ плану. Онъ, съ своей стороны, отправилъ спеціальное посольство въ Краковъ, чтобы торжественно просить руки Ядвиги. Послы дали при этомъ обѣщанія, что литовцы примутъ христіанство, будутъ помогать полякамъ вернуть земли, когда-либо и кѣмъ-либо отнятыя у нихъ, освободятъ плѣн-

ныхъ поляковъ, присоединятъ къ Польшѣ навсегда Литовско-русское великое княжество и др.

Бракъ между Ягайло и Ядвигой состоялся въ 1386 году, а не задолго до него Ягайло принялъ христіанство по римско-католическому обряду, получивъ при крещеніи имя Владислава (въ ряду польскихъ королей онъ извѣстенъ подъ именемъ Владислава II). Ягайло послѣ этого остался жить въ Польшѣ. Въ Литвѣ управляли родные братья Ягайло и Витовтъ, каждый своимъ удѣломъ. Вильна не была отдана никому, и великаго князя назначено не было. Такимъ положеніемъ многіе были недовольны. Особенно не по душѣ было тѣсное соединеніе съ католической Польшей православнымъ князьямъ. Между тѣмъ Ягайло явился въ скоромъ времени съ Ядвигой въ Вильну для исполненія своего перваго обѣщанія. Обѣщаніе было исполнено, и язычники-литовцы стали христіанами-католиками: обрядъ крещенія былъ совершенъ сперва въ Вильнѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ. Къ принятію католичества принуждались и тѣ литовцы, которые были православными. Двое изъ нихъ за отказъ принять католичество поплатились жизнью. Свобода исповѣдывать православіе была оставлена только русскимъ, составлявшимъ огромное большинство населенія. Послѣ крещенія литовцевъ, Ягайло снова уѣхалъ въ Краковъ.

Это событіе имѣло важныя историческія слѣдствія. Въ Литовско-русскомъ государствѣ появились теперь два вѣроисповѣданія: православное и католическое. Католическое властолюбивое духовенство пыталось обратить въ свое вѣроисповѣданіе и православныхъ. Не достигнувъ своей цѣли, оно относилось къ православнымъ съ большою, нескрываемою враждою. Отъ духовныхъ лицъ вражда эта перешла и на мірянъ. Такимъ образомъ событіе 1386 г., унія Польши съ Литовско-русскимъ государствомъ, поселило въ послѣднемъ еще небывалую рознь въ средѣ населенія. Литовскіе вельможи были недовольны умаленіемъ своего значенія, что было также естественнымъ послѣдствіемъ уніи 1386 года. Вообще литовскій народъ былъ недоволенъ тѣмъ предпочтеніемъ, которое ихъ государь оказывалъ Польшѣ. Этимъ недовольствомъ рѣшилъ воспользоваться Витовтъ и послѣ долгой войны съ Ягайломъ-Владиславомъ добился того, что король согласился на отдѣленіе Литовско-русскаго великаго княжества отъ Польши (въ 1392 году), съ тѣмъ, однако, чтобы оно оставалось въ вассальной зависимости отъ Польскаго королевства.

30. Витовтъ. Событіе 1392 года не было для Литовско-русскаго великаго княжества простою перемѣною князя; оно было началомъ новой эпохи въ его исторической жизни. При гордомъ Витовтѣ это княжество достигаетъ высшей степени своего могу-

щества. Слабость его обусловливалась, между прочимъ, раздробленіемъ на удѣлы. Витовтъ уничтожилъ удѣлы, лишивъ удѣльныхъ князей всякаго значенія. Слабость его государства заключалась и въ разнородности населяющихъ его племенъ, отличавшихся другъ отъ друга не только національностью, но и вѣроисповѣданіемъ, что имѣло въ то время особенно большое значеніе. Чтобы сгладить эту разнородность, Витовтъ уравнивалъ права католиковъ и православныхъ, давалъ льготы и православнымъ, и католическимъ церквамъ, оказывалъ покровительство евреямъ, благожелательно относился и къ сохранившимъ языческую вѣру. Такимъ образомъ Витовтъ энергично стремился къ водворенію въ своемъ государствѣ внутренняго порядка. Если бы на мѣстѣ Витовта былъ православный великій князь, онъ могъ-бы, опираясь на большую, православную часть населенія, достигнуть болѣе цѣнныхъ и болѣе прочныхъ результатовъ. Только съ помощью русскаго, сильнѣйшаго элемента Витовтъ могъ создать независимое и крупное государство, но русскіе люди не питали къ нему довѣрія, смотрѣли на него въ концѣ концовъ, какъ на своего врага. Русская лѣтопись хорошо отмѣчаетъ это враждебное отношеніе. Объясняя вторженіе татаръ въ государство Витовта Божіимъ наказаніемъ Витовту, лѣтописецъ говоритъ: «тако бо Богъ навелъ поганыхъ татаръ на землю Литовскую грѣхъ ради крестьяньскыхъ: былъ убо князь Витовтъ преже крестьянъ (т. е. христіаниномъ), имя ему Александръ, и отвержеся правовѣрныа вѣрѣ и хрестьянства и пріятъ Лятьскую вѣру, княженія ради великаго... а помыслилъ тако, хотѣлъ плѣнити Рускую землю и Новгородъ и Пьсковъ». Въ томъ фактѣ, что Витовтъ не могъ сдѣлаться національнымъ государемъ Западно-русскаго великаго княжества, заключается причина, по которой его государство, достигнувъ при немъ своего высшаго могущества и славы, лишилось ихъ послѣ его смерти. Самъ Витовтъ не понималъ, въ чемъ могла бы заключаться истинная сила и прочность его государства и не предвидѣлъ того, что произошло послѣ него.

Между тѣмъ, помыслы Витовта инстинктивно направлялись въ сторону Новгорода, Пскова, Смоленска и другихъ, еще не вошедшихъ въ составъ его государства, русскихъ областей. Заключая отдѣльный отъ Польши договоръ съ тевтонами, Витовтъ уступилъ ордену Жмудь и не принадлежавшій ему Псковъ; заявлялъ притязанія на Великій Новгородъ; завоевалъ Смоленскъ (1395). Но завоевательные замыслы Витовта были остановлены тяжелымъ для него событіемъ. Изгнанный изъ Золотой Орды ханъ Тохтамышъ обратился къ нему съ просьбою о помощи. Витовтъ обѣщалъ утвердить его въ Сараѣ, если онъ, въ свою очередь, поможетъ ему завладѣть Москвою. Съ огромнымъ войскомъ онъ двинулся въ 1399 году про-

тивъ новаго хана Золотой Орды. На встрѣчу ему выступилъ Эдигей, предводительствовавшій войсками сарайскаго хана. Еще не одержавъ побѣды надъ Эдигеемъ, Витовтъ гордо предъявилъ ему требованіе покорности [1]). Отвѣтомъ на это было страшное пораженіе Витовта на берегахъ р. Ворсклы. Изъ-за этого пораженія Витовтъ поторопился заключить миръ съ новгородцами и утратилъ на время Смоленскъ. Сказалось оно и на отношеніяхъ Витовта къ Польшѣ: пришлось заключить съ нею договоръ, напоминавшій объ уніи 1386 года и объявлявшій Витовта лишь пожизненнымъ правителемъ Литовско-русскаго княжества, которое по смерти его должно было перейти къ Ягайлѣ; за это поляки обѣщали поддерживать Витовта. Послѣ этого Витовтъ снова завладѣлъ Смоленскомъ и, вторгнувшись въ область Пскова, подвергъ его опустошенію. Такія посягательства на русскія земли вовлекли Витовта въ новыя войны съ великимъ княземъ Московскимъ, закончившіяся договоромъ на Угрѣ, не лишившимъ Витовта завоеваннаго имъ Смоленска.

Союзъ съ Польшей былъ необходимъ Витовту не только для осуществленія плановъ, направленныхъ противъ сѣверо-восточной Руси, но и для борьбы съ тевтонами. Жмудины, отданные имъ тевтонскимъ рыцарямъ, были крайне недовольны своимъ положеніемъ. Положеніе ихъ было въ высшей степени тяжелымъ: рыцари обременили ихъ поборами и непосильной работой, насильственно отбирали у нихъ дѣтей и женъ. Желая освободиться отъ рыцарей, жмудины подняли противъ нихъ возстаніе, которое тайно поддерживалось Витовтомъ, сохранявшимъ съ орденомъ кажущуюся дружбу. Дѣло дошло до войны съ орденомъ. На этотъ разъ Витовтъ дѣйствовалъ въ тѣсномъ союзѣ съ Ягайломъ. Рѣшительная битва произошла въ 1410 году при Танненбергѣ (въ Пруссіи), гдѣ рыцари потерпѣли полное пораженіе. Въ польскихъ рядахъ сражался чешскій рыцарь Жижка, будущій герой гуситскихъ войнъ. Слава этой знаменитой побѣды принадлежитъ русскимъ полкамъ и главнымъ образомъ—Смоленскому. Рыцари лишились Жмуди.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ рыцарями представители Литвы и Польши подписали новый договоръ въ Городлѣ [2]). Договоръ этотъ еще тѣснѣе сближалъ другъ съ другомъ оба государства. Ягайло и Витовтъ объявлялись взаимными наслѣдниками; въ Литвѣ учреждались сеймы, и вводились должности подобныя польскимъ; литовское дворянство пріобрѣтало права польскаго дворянства. По собствен-

---

[1]) „Богъ покорилъ мнѣ всѣ земли,—говорилъ онъ Эдигею, по словамъ нашей лѣтописи—покорися и ты мнѣ и буди мнѣ сынъ, и азъ тебѣ отецъ, и давай ми на всяко лѣто оброки, ащели нехощеши тако, да будеши ми рабъ, и азъ орду твою всю мечу предамъ".

[2]) Въ нын. Люблинской губерніи, на р. Бугѣ.

ному выраженію Ягайла, онъ снималъ съ литвиновъ цѣпи рабства и даровалъ имъ полную свободу. Договоръ давалъ права только тѣмъ, кто исповѣдывалъ католичество. Городельскій договоръ углублялъ еще болѣе ту пропасть, которая образовалась со временъ уніи 1386 года между католиками и православными, такъ какъ ставилъ первыхъ въ положеніе господъ, а послѣднихъ — въ положеніе подневольныхъ. Послѣдніе могли добиться правъ, лишь измѣнивъ православію. Высшая духовная власть для большинства населенія Литовско-русскаго княжества, т. е. православныхъ, находилась въ рукахъ Московскаго митрополита. Литовскіе князья также желали уничтожить зависимость своихъ подданныхъ отъ митрополита, имѣвшаго пребываніе въ другомъ государствѣ. Еще внукъ Даніила Галицкаго, великій князь Юрій Львовичъ, «восхотѣ — по словамъ лѣтописи — Галичскую епископію въ митрополію претворити». Вотъ почему Витовтъ пожелалъ возстановить Кіевскую митрополію (перенесенную въ 1299 году во Владиміръ, а затѣмъ въ Москву). Въ 1415 году Витовтъ созвалъ епископовъ Западной Руси въ Новогродокъ и поручилъ имъ избрать себѣ митрополита. Былъ избранъ Григорій Самвлакъ. Послѣдующія событія показали, что Витовтъ, кромѣ желанія избавить своихъ подданныхъ отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, руководился и другою мыслью: онъ думалъ о соединеніи церкви, объ уніи подъ главенствомъ папы. То было время распространенія гуситства, время Констанцскаго собора. Гуситство представлялось Витовту очень удобнымъ переходомъ отъ православія къ католичеству, такъ какъ заключало въ себѣ черты, присущія тому и другому. Во всякомъ случаѣ онъ былъ въ сношеніяхъ съ Іеронимомъ Пражскимъ. Имѣя въ виду осуществленіе своей цѣли, онъ послалъ Григорія съ нѣсколькими епископами и русскими боярами въ Констанцъ на соборъ. Но Григорій оказался вѣрнымъ поборникомъ православія. Эта неудача имѣла то послѣдствіе, что послѣ смерти Григорія, вскорѣ случившейся, Витовтъ бросилъ мысль о Кіевской митрополіи и примирился съ московскимъ митрополитомъ Фотіемъ.

Къ двадцатымъ годамъ XV столѣтія Витовтъ достигъ вершины своего могущества. Его государство простиралось отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Западнаго Буга до Оки, а вліяніе его простиралось еще далѣе, на сѣверо-восточную Русь. При такомъ положеніи Витовтъ тяготился вассальною зависимостью отъ Польши. Если поляки постоянно напоминали ему какъ объ этой зависимости, такъ и объ уніи, соединяющей оба государства, Витовтъ не могъ ждать отъ соединенія съ Польшей ничего хорошаго, такъ какъ соединеніе это предоставляло Литовско-русскому государству второстепенную роль. Недовольство политической уніей поддерживалъ въ

немъ орденъ, постоянно стремившійся къ разрыву ея. Полнымъ единомышленникомъ рыцарей былъ императоръ Священной Римской имперіи Сигизмундъ, погубившій Гуса. Сигизмунду не нравились сношенія Витовта съ гуситами, та поддержка, которую онъ оказывалъ имъ: гуситы даже предложили Витовту чешскую корону. Тогда императоръ, съ своей стороны, предложилъ престарѣлому Витовту замѣнить свой великокняжескій титулъ королевскимъ. Витовтъ весь отдался мысли о королевскомъ вѣнцѣ. Но противъ ея осуществленія рѣшительно высказались поляки, а затѣмъ перехватили и пословъ императора, ѣхавшихъ къ Витовту съ королевскими регаліями. Эта неудача была послѣднею въ жизни Витовта; онъ умеръ въ 1430 году.

Начало и развитіе Московской Руси.

31. Начало Москвы. Преданія говорятъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ раскинулась теперь Москва, находились Кучковы села, что они принадлежали боярину Кучко, котораго казнилъ за какую-то вину Юрій I Долгорукій. Мѣстность такъ понравилась Юрію, что онъ основалъ здѣсь городъ, назвавъ его Москвою. Но преданія эти недостовѣрны.

На самомъ дѣлѣ, Москва, какъ городъ, упоминается въ лѣтописи, со всѣми признаками достовѣрности, позднѣе, послѣ смерти Юрія Долгорукаго, а именно подъ 1176 годомъ (въ Ипатьевской лѣтописи) [1]).

То обстоятельство, что лѣтописецъ называетъ Москву то ея настоящимъ именемъ, то Кучковымъ, даетъ основаніе видѣть въ Москвѣ 1176 года городъ, возникшій еще незадолго до того времени. Новое имя этого города еще не стало общеупотребительнымъ, его еще мѣшали со старымъ названіемъ мѣстности, въ которой онъ недавно возникъ.

Если одни города возникаютъ и быстро развиваются, благодаря удобству своего положенія въ торговомъ отношеніи, то причиною возникновенія другихъ является выгодное стратегическое положеніе (удобное положеніе въ военномъ отношеніи). Возникно-

---

[1]) Въ слѣдующемъ году лѣтопись уже прямо называетъ Москву городомъ. Встрѣчающееся подъ 1147 годомъ названіе „Московъ“ говоритъ скорѣе о княжеской вотчинѣ или дворѣ, но не о городѣ. Извѣстію объ основаніи Москвы въ 1156 году трудно повѣрить, такъ какъ Юрій въ это время окончательно поселился на югѣ, да и появляется оно уже въ позднемъ лѣтописномъ сборникѣ (XVI вѣка). Рекомендуемъ прочитать статью проф. С. Ѳ. Платонова въ его книгѣ „Статьи по русской исторіи“.

веніе города Москвы во второй половинѣ XII в. объясняется второю причиной. Москва была основана въ качествѣ самаго южнаго укрѣпленнаго пункта Суздальско-Владимірскаго княжества. Дорога на Владиміръ съ юга, изъ Черниговскаго княжества, шла черезъ Москву. Таково же было значеніе Москвы и по отношенію къ Рязанскому княжеству. Къ этому главному обстоятельству присоединялись еще и другія, способствовавшія заселенію города Москвы. Для колонистовъ, покидавшихъ Приднѣпровскую Русь, Москва была первымъ этапнымъ пунктомъ, гдѣ они могли отдохнуть и собраться съ силами для дальнѣйшаго пути. Но многіе изъ нихъ и не шли далѣе, а поселялись въ самой Москвѣ.

Блѣдные слѣды усиленнаго осадка колонизаціи въ области р. Москвы находимъ въ родословныхъ росписяхъ старинныхъ боярскихъ фамилій, которыя дѣйствовали въ Москвѣ. Эти росписи начинаются обыкновенно сказаніемъ о томъ, какъ и откуда родоначальники этихъ фамилій пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдѣльныя генеалогическія преданія, мы получаемъ важный историческій фактъ: съ конца XIII вѣка, еще прежде, чѣмъ городъ Москва начинаетъ играть замѣтную роль въ сѣверной Руси, въ нее со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди: изъ Мурома, Нижняго, Ростова, Чернигова, даже изъ Кіева и съ Волыни. Знатные слуги шли по теченію народной массы. Генеалогическія сказанія боярскихъ родословныхъ отразили въ себѣ лишь общее движеніе, господствовавшее въ тогдашнемъ русскомъ населеніи. Въ Москву, какъ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами, стекались народныя силы... (Ключевскій).

Такое положеніе Москвы естественно должно было содѣйствовать съ теченіемъ времени и ея промышленно-торговому развитію. Рѣка Москва была въ старину важною торговою дорогой. Ею пользовались предпріимчивые новгородцы.

Москва возникла позднѣе другихъ городовъ Суздальско-Владимірскаго княжества; поэтому она могла сдѣлаться стольнымъ городомъ особаго (Московскаго) княжества позже другихъ городовъ и должна была сдѣлаться удѣломъ младшаго изъ князей. Вотъ почему Москва остается долгое время городомъ-крѣпостью Суздальскаго княжества и только около начала послѣдней четверти XIII вѣка является политическимъ центромъ новаго Московскаго княжества. Въ это время ея княземъ былъ младшій сынъ Александра Невскаго, Даніилъ. Но, въ свою очередь, и это, на первый взглядъ незавидное, положеніе младшаго члена большой семьи оказалось очень выгоднымъ для Москвы, посодѣйствовавъ ея возвышенію. Въ Москвѣ утвердилась одна изъ младшихъ линій многолюднаго потомства Всеволода III Большого Гнѣзда. Трудно было князю московскому надѣяться дожить до того момента, когда и для него придетъ очередь утвердиться на великокняжескомъ Владимірскомъ столѣ. Отбросивъ

Рис. 35. Основаніе Москвы. (Рис. Н. Кошелевъ).

въ сторону такую надежду, князьямъ московскимъ приходилось волей-неволей «промышлять о себѣ» и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, устраивать судьбу своего маленькаго княжества. Чтобы возвысить Москву на ту высоту, на которую она была впослѣдствіи возведена, московскимъ князьямъ по-неволѣ приходилось быть политиками, ловить всѣ выгоды данной минуты и не слишкомъ стѣсняться въ тѣхъ средствахъ, которыя безошибочно приводили къ намѣченной цѣли. Къ счастію для русскаго народа, потомки Всеволода III, за самыми незначительными исключеніями, обладали, какъ наслѣдственною собственностью, всѣми тѣми чертами, которыми рѣзко опредѣляется характеръ сѣверно-русскихъ князей.

Всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ лицахъ трудно уловить исторіку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Соловьевъ).

Князьямъ своимъ, Даніилу Александровичу и его сыну Юрію Даниловичу, Московское княжество обязано первымъ расширеніемъ своей территоріи. Даніилъ получилъ по наслѣдству и сумѣлъ удержать за собою г. Переяславль-Залѣсскій, а при Юріѣ Даниловичѣ Московское княжество обогатилось еще двумя важными городами— Можайскомъ и Коломной. Значеніе этихъ городовъ обусловливалось тѣмъ, что первый изъ нихъ находится на верхнемъ теченіи р. Москвы, а второй — при впаденіи ея въ Оку. Такимъ образомъ, обладаніе этими городами отдавало въ распоряженіе московскихъ князей все теченіе р. Москвы. Во всякомъ случаѣ все Московское княжество по пространству своему было менѣе нынѣшней Московской губерніи. Несмотря на свое положеніе младшихъ князей, чувствуя свою силу и сознавая, что они могутъ взять верхъ только силой — при отсутствіи права, московскіе князья втянулись въ началѣ XIV вѣка въ упорную борьбу со старшими, тверскими князьями. И тѣ, и другіе стремились добиться великокняжескаго титула и завладѣть Владиміромъ на Клязьмѣ. Борьбу эту началъ Юрій Даниловичъ, дѣйствуя противъ тверского князя Михаила Ярославича. Когда Михаилъ уѣхалъ въ Орду за ярлыкомъ на великое княженіе, то и Юрій Даниловичъ задумалъ сдѣлать то же самое. Въ бытность его во Владимірѣ митрополитъ (Максимъ) уговаривалъ его не ѣздить въ Орду и не тягаться съ Михаиломъ, которому старшинство принадлежитъ по праву. Юрій отвѣчалъ, что ѣдетъ въ Орду не за ярлыкомъ, а по своимъ личнымъ дѣламъ. Когда Юрій прибылъ въ Орду, татарскіе князья сказали ему: «оже (если) ты даси выходъ (т. е. дань) больши князя Михаила Тверьскаго, и мы тебѣ княженіе ве-

ликое дадимъ».—Юрій пообѣщалъ дать больше Михаила, Михаилъ надбавилъ еще со своей стороны; тогда Юрій отказался, и ярлыкъ былъ данъ Михаилу.—Такимъ образомъ татарамъ не было никакого дѣла до права, они руководствовались совершенно иными основаніями: съ ихъ точки зрѣнія преимущество должно было принадлежать болѣе богатому. Слова татарскихъ князей ясно указывали Юрію и его преемникамъ на необходимость обогащать, усиливать себя, чтобы одержать верхъ надъ соперниками.

Съ этого времени началась ожесточенная борьба Москвы съ Тверью.

32. Іоаннъ I Калита и сыновья его. Преемникомъ Юрія былъ его братъ Іоаннъ Даниловичъ, прозванный Калитою. Въ первые годы его княженія произошло событіе, имѣвшее весьма большое значеніе въ дѣлѣ усиленія Москвы, а именно — перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву.

Рис. 36. Печать вел. князя Іоанна Калиты.

Въ 1299 году покинулъ запустѣвшую Кіевскую Русь митрополитъ Максимъ. Онъ перенесъ свою митрополію туда же, куда направлялось населеніе Кіевской Руси, ища себѣ болѣе безопаснаго и удобнаго мѣста жительства. Но, поселившись во Владимірѣ на Клязьмѣ, митрополитъ не покинулъ совсѣмъ своей паствы и часто посѣщалъ южнорусскую епархію. При проѣздѣ въ Южную Русь и возвращеніи оттуда, онъ останавливался въ Москвѣ. Такъ поступалъ и преемникъ Максима, митрополитъ Петръ. Онъ подолгу живалъ въ Москвѣ и, очевидно, оцѣнилъ хозяйственную дѣятельность московскихъ князей. Во всякомъ случаѣ, онъ очень полюбилъ Москву и ея князя Іоанна Даниловича. Митрополитъ Петръ посовѣтовалъ Іоанну выстроить въ Москвѣ каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. «Яко аще мене, сыну, послушаеши, — говорилъ святитель князю московскому — и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнеши и мене упокоиши въ своемъ градѣ, и самъ прославишися паче инѣхъ князей, и сынове и внуцы твои въ роды, и градъ сей славенъ будетъ въ всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плеща (т. е. на плечи) врагъ его, и прославится Богъ въ немъ, еще же

и мои кости въ немъ положени будутъ». Князь съ радостью слушалъ эти слова, рисовавшія предъ нимъ свѣтлое будущее Москвы. Святитель, принимавшій живое участіе въ сооруженіи храма, скончался въ Москвѣ и былъ погребенъ въ томъ мѣстѣ собора, которое самъ приготовилъ себѣ. Его преемникъ, митрополитъ Ѳеогностъ, уже окончательно переселился изъ Владиміра на Клязьмѣ въ Москву. Только пребываніе митрополитовъ во Владимірѣ придавало значеніе этому городу, такъ какъ князья, добивавшіеся великокняжескаго стола, теперь уже не поселялись во Владимірѣ, а оставались жить въ своихъ собственныхъ городахъ. Съ перенесеніемъ митрополіи Москва стала церковною столицею всей Руси, такъ какъ Русь управлялась однимъ митрополитомъ. Москва стала съ этого времени средоточіемъ, куда стремились со всѣхъ сторонъ русскіе люди, имѣвшіе нужду въ митрополитѣ. Сюда стали стекаться богатыя пожертвованія. Наконецъ, благодаря водворенію митрополіи въ Москвѣ, самая дѣятельность ея князей представлялась народу русскому какъ бы благословляемой митрополитами и вызывала къ себѣ сочувствіе его.

Въ то время, какъ Іоаннъ Калита былъ занятъ дѣломъ перенесенія митрополіи, въ Твери произошло событіе, посодѣйствовавшее въ скоромъ времени еще большему возвышенію Москвы. По смерти Михаила Тверского ярлыкъ на великое княженіе Владимірское получилъ его сынъ Александръ (1326—1328). Вскорѣ послѣ этого ханъ Узбекъ прислалъ въ Тверь своего двоюроднаго брата Шевкала съ какимъ-то порученіемъ. Большая татарская свита, съ которою появился Шевкалъ въ Твери, сильно обижала тверитянъ и наконецъ вызвала народное возстаніе. Тверитяне убили Шевкала и перебили почти всѣхъ татаръ.

Просто и вполнѣ естественно разсказана сцена возмущенія въ такъ наз. Тверской лѣтописи. „Въ 15 день мѣсяца августа, въ полуутра, како торгъ снимается, нѣкто діаконъ, Тверитинъ, прозвище ему Дюдко, поведе кобылищу младу и зѣло тучна поити на Волзѣ воды“. Татары увидали дьякона съ лошадью и стали отнимать ее у него. Дьякону было жалко разстаться съ хорошею лошадью, и онъ сталъ призывать горожанъ на помощь. „Тверитяне! не выдайте!“ кричалъ онъ. Сбѣжался народъ. Завязалась драка съ татарами. Татары, — по выраженію лѣтописи — „надѣющеся на самовластіе, начаша сѣчи“, т. е. стали дѣйствовать ножами. „Смятошася людіе, и ударища въ колоколы, и сташа вѣчіемъ“. Жители Твери пришли въ необычайное возбужденіе и бросились избивать татаръ, гдѣ только ихъ находили. Убили Шевкала и почти всѣхъ татаръ, такъ что не осталось, какъ говоритъ лѣтописецъ, и вѣстоноши. Спаслись только пастухи, пасшіе коней въ полѣ. Они умчались на лучшихъ лошадяхъ въ Москву, а оттуда поѣхали въ Орду, чтобы извѣстить хана о случившемся.

Узнавъ о происшествіи, Узбекъ послалъ свои войска и поручилъ Іоанну Калитѣ совмѣстно съ ними наказать непокорныхъ.

Войско нагрянуло на Тверское княжество и разорило его, при чемъ была опустошена и Новоторжская волость, принадлежавшая къ владѣніямъ Великаго Новгорода. Самъ Новгородъ уцѣлѣлъ только потому, что уплатилъ татарскимъ воеводамъ большую сумму денегъ и поднесъ имъ дары. Еще заслышавъ о приближеніи татаръ, Александръ думалъ, было, бѣжать въ Новгородъ, но новгородцы не захотѣли подвергаться опасности изъ-за Александра и приняли намѣстниковъ Калиты. Тогда несчастный Александръ бѣжалъ во Псковъ. Между тѣмъ, Іоаннъ Калита отправился въ Орду. Узбекъ далъ ему великое княженіе (1328) и приказалъ розыскать Александра. Іоаннъ Калита, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе князья отправили къ Александру своихъ пословъ, чтобы побудить его ѣхать къ Узбеку. Псковичи не выдавали Александра, грозились поголовно стать за него и выражали даже надежду на нѣмецкую помощь. Тогда Іоаннъ Калита уговорилъ митрополита московскаго Ѳеогноста, чтобы онъ пришелъ и отлучилъ псковичей отъ церкви, если они не отрекутся отъ князя Александра. Князь удалился въ Литовско-русское государство. Скоро онъ примирился съ татарами и былъ снова посаженъ въ Твери, но не надолго. Хану наклеветали на него, и Александръ Михайловичъ погибъ въ Ордѣ. Его погибель была выгодна Іоанну Калитѣ. Послѣдній вывезъ изъ Твери ея вѣчевой колоколъ, какъ бы принижая этимъ Тверь и ставя ее въ зависимость отъ Москвы.

Іоаннъ Калита пользовался большимъ расположеніемъ хана Узбека. Какъ ханскіе чиновники, такъ и откупщики не безпокоили при немъ земли Русской. Ханъ поручилъ сборъ дани великому князю московскому. Собирая дань для отправленія ея въ Орду, Калита удерживалъ часть этой дани у себя и такимъ образомъ обогащалъ свою казну. По свидѣтельству лѣтописца, Русская земля отдохнула за это время отъ татарскаго насилія. Само собою разумѣется, что обогащеніе Москвы и сравнительное спокойствіе, которое она обезпечивала своему населенію, должны были содѣйствовать приросту послѣдняго. Шелъ сюда и рабочій людъ, шли и бояре. Одинъ изъ такихъ бояръ, перешедшихъ въ Москву изъ Кіева, привелъ съ собою 1,700 человѣкъ. Рабочій людъ шелъ въ Москву, привлекаемый заработкомъ: благодаря замѣтному росту московской торговли и промышленности, въ Москвѣ было нетрудно найти подходящую для себя и хорошо оплачиваемую работу. Боярамъ же было и выгоднѣе, и почетнѣе служить великому князю московскому, чѣмъ другимъ князьямъ. Увеличеніе народонаселенія, ростъ промышленности и торговли, сборъ выхода въ Орду доставляли Калитѣ немалыя денежныя средства. Великій князь тратилъ ихъ на покупку земли у тѣхъ лицъ, которыя вслѣдствіе своего обѣднѣнія не могли уже болѣе вести земельное хозяйство; Калита покупалъ не только деревни

и села, но даже и города (Бѣлозерскъ, Галичъ, Угличъ). Такъ постепенно, но постоянно росла территорія Московскаго государства.

Отъ Іоанна Калиты дошли до насъ два духовныхъ завѣщанія. Любопытно, что первое изъ нихъ было написано по случаю его поѣздки въ Орду. Изъ этого можно заключить, какъ небезопасны были путешествія этого рода. Интересно и содержаніе духовныхъ грамотъ. Здѣсь дѣлятся завѣщателемъ между его сыновьями не только недвижимое имущество—села и города, но и движимое—люди, обручи (браслеты), ожерелья, мониста, одежда, сосуды и т. под. Каждому изъ трехъ сыновей (Симеону, Іоанну и Андрею) Калита завѣщалъ по нѣскольку городовъ и селъ, въ общей сложности около 70-ти, княгинѣ съ малыми дѣтьми—26. Къ старшему сыну Симеону перешли, между прочимъ, такіе города, какъ Можайскъ и Коломна. Москва была оставлена всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ. («Приказываю сынамъ своимъ отчину свою Москву»), такъ что каждый изъ нихъ поочередно пользовался доходами съ этого города. Старшій сынъ по отношенію къ остальнымъ членамъ семьи долженъ былъ замѣстить отца («А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ»). Умеръ Іоаннъ Калита въ 1341 году.

Преемниками Калиты были, княжившіе другъ за другомъ, сыновья его — Симеонъ Гордый и Іоаннъ II.

Симеонъ Гордый (1341—1353) по пріѣздѣ въ Орду былъ объявленъ здѣсь великимъ княземъ, а всѣ остальные русскіе князья должны были подчиняться ему («подъ руцѣ его даны»). Первымъ дѣломъ по возвращеніи изъ Орды Симеонъ сѣлъ торжественно на великокняжескій столъ во Владимірѣ. Съ братьями онъ заключилъ особый договоръ, по которому всѣ они обязывались дѣйствовать за одно; младшіе обязывались почитать старшаго, какъ отца, имѣть съ нимъ общихъ друзей и враговъ; виновный въ поселеніи вражды долженъ быть подвергнутъ наказанію, но послѣ разсмотрѣнія дѣла («а кто иметь насъ сваживати... исправа ны учинити, а нелюбья не держати, а виноватого казнити по исправѣ»). Въ этой грамотѣ Симеонъ Гордый названъ великимъ княземъ «всея Руси». Если титулъ этотъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности, зато точно опредѣляетъ ту цѣль, къ которой была направлена дѣятельность великихъ князей московскихъ. Другіе князья слушались Симеона Гордаго, Новгородъ былъ отъ него въ зависимости, а Золотая Орда дружила съ нимъ, какъ дружила съ его отцомъ. Москва продолжала заселяться перебѣжчиками изъ другихъ мѣстъ и даже изъ Литовской Руси.

Послѣ Симеона былъ великимъ княземъ Іоаннъ II (1353—1359), «кроткій, тихій и милостивый». При немъ значеніе великаго князя,

созданное Калитой, стало замѣтно колебаться: не всѣ князья его слушались, стали снова безпокоить Русь и татары. Въ самой Москвѣ происходили волненія и смуты. Къ счастью, руководителями малоспособнаго и физически слабаго Іоанна II были опытные московскіе бояре и митрополитъ Св. Алексѣй, слѣдовавшій завѣту св. митрополита Петра, такъ горячо и сознательно желавшаго наивысшаго процвѣтанія Москвѣ. Еще не будучи митрополитомъ, Алексѣй пользовался огромнымъ вліяніемъ. Высокія нравственныя качества его и знаніе греческаго языка обратили на себя особенное вниманіе митрополита Ѳеогноста, который поручилъ иноку Алексѣю управленіе церковными судами. Симеонъ Гордый въ своей духовной, въ общемъ схожей съ духовными грамотами Іоанна Калиты, рекомендовалъ братьямъ слушаться Св. Алексѣя, уже смѣнившаго Ѳеогноста на митрополичьей каѳедрѣ. («А по отца вашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, тако же и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы есте людей не слушали, а хто имѣть васъ сваживати, слушали бы есте вашего Владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ»). Необычайно миролюбивый, проповѣдникъ истинной Евангельской любви, о чемъ свидѣтельствуютъ его окружныя посланія и наставленія, митрополитъ Алексѣй не могъ не желать усиленія Московскаго княжества, въ чемъ видѣлъ залогъ внутренняго мира въ землѣ Русской. Митрополитъ Алексѣй пріобрѣлъ большое значеніе въ Ордѣ съ тѣхъ поръ, какъ исцѣлилъ отъ слѣпоты жену хана Джанибека, Тайдулу.

33. Дмитрій Іоанновичъ Донской. По смерти Іоанна II ярлыкъ на великое княженіе получилъ отъ хана князь суздальскій Дмитрій Константиновичъ, «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», какъ выражается лѣтопись. Дмитрій Константиновичъ поѣхалъ во Владиміръ и, чтобы удержать за собою великокняжескую власть, остался жить въ немъ. Сыну Іоанна II, Дмитрію Іоанновичу, было только одиннадцать лѣтъ, и самъ онъ не могъ, конечно, предпринять что-либо въ свою пользу. Но московскіе бояре, привыкшіе служить сильнѣйшему изъ князей, не пожелали уступить суздальскому князю. Они поѣхали съ молодымъ своимъ княземъ въ Орду, чтобы купить тамъ для него желаемый ярлыкъ. Но на этотъ разъ въ Ордѣ нельзя было добиться какого-либо толку. Тамъ ясно обнаружились признаки разложенія: одинъ ханъ свергалъ другого, и происходили смуты. Наконецъ, Орда распалась на двѣ части, съ двумя ханами во главѣ, Абдуломъ и Мюридомъ (или Муратомъ). Тогда московскіе бояре отправили пословъ ко второму изъ названныхъ хановъ, и онъ далъ Дмитрію Московскому ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Но этого было недостаточно: пришлось пойти противъ суз-

дальскаго князя съ войскомъ; тогда Дмитрій Константиновичъ уступилъ. Распоряженіе одного хана не понравилось другому, и онъ, съ своей стороны, далъ великое княженіе суздальскому князю. Москва продолжала борьбу, пока не удалось ей посадить на великокняжескій столъ своего князя. Дѣло кончилось тѣмъ, что соперники примирились, побѣда осталась на сторонѣ Москвы, а Дмитрій Іоанновичъ даже помогъ своему сопернику въ борьбѣ его съ братомъ (Борисомъ) за Нижній-Новгородъ и женился на его дочери.

Въ княженіе Дмитрія Іоанновича, прозваннаго впослѣдствіи Донскимъ, сила Москвы развернулась въ борьбѣ съ Новгородомъ, Тверью, Литвою, Рязанью и татарами.

Столкновеніе съ Новгородомъ произошло изъ-за ушкуйниковъ. Пробравшись на Волгу, они пограбили торговыхъ людей въ Нижнемъ-Новгородѣ, а отсюда направились въ р. Каму, гдѣ также надѣлали не мало бѣдъ населенію. Дмитрій Іоанновичъ послалъ въ Новгородъ запросъ, порвалъ съ новгородцами миръ и вызвалъ изъ Новгорода московскихъ намѣстниковъ. Новгородцы уступили, чему, можетъ быть, содѣйствовало извѣстіе о томъ, что великій князь вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ «замыслиша ставити городъ Москву каменъ». Съ новгородцами снова былъ заключенъ миръ, и въ Новгородѣ поставленъ великокняжескій намѣстникъ.

Борьба съ Тверью была болѣе серьезной и продолжительной, такъ какъ въ нее вмѣшивались и Литва, и татары. Сначала Ольгердъ нанесъ московскимъ войскамъ пораженіе, а потомъ и самъ потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ отказался на время отъ вмѣшательства въ тверскія дѣла, примирился съ великимъ княземъ и выдалъ свою дочь замужъ за Владиміра Андреевича. Князю тверскому (Михаилу Александровичу) оставалось ждать поддержки отъ татаръ. Татары выдали ему ярлыкъ на великое княженіе. Тогда Дмитрій Іоанновичъ привелъ по всѣмъ городамъ къ присягѣ бояръ и черныхъ людей, которые должны были поклясться, что не будутъ держаться тверского князя. Рѣшивъ не пускать своего соперника во Владиміръ, онъ приготовилъ противъ него войско. Когда вздумалъ, было, вмѣшаться въ это дѣло посолъ Золотой Орды, Дмитрій сказалъ ему: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Володимерское не пущу, а тебѣ, послу, путь чистъ». Однако, немедленно послѣ этого онъ зазвалъ татарина въ Москву и здѣсь такъ одарилъ его, что посолъ татарскій превратился изъ врага Дмитрія въ его ревностнаго защитника. Личная поѣздка московскаго князя въ Орду, передъ которою онъ, подобно своему дѣду, написалъ духовное завѣщаніе, еще болѣе возвысила его въ глазахъ татаръ. Ему опять вручили ярлыкъ на великое княженіе, а его сопернику отказали въ помощи. Тверской князь вынужденъ былъ отказаться отъ непосильной борьбы.

Труднѣе для Москвы была борьба съ рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ. Хотя Дмитрію и удалось изгнать изъ Рязани Олега и посадить на его мѣсто другого князя, но энергичный Олегъ снова завладѣлъ Рязанью. Борьба Москвы съ Рязанью окончилась уже въ послѣдніе годы великаго княженія Дмитрія Іоанновича. Для окончательнаго примиренія съ упорнымъ Олегомъ Дмитрій обратился къ духовной силѣ. Онъ направилъ въ Рязань великаго подвижника Св. Сергія. Послѣдній достигъ того, чего не удалось достигнуть посламъ московскимъ. Тихія, кроткія рѣчи Сергія умягчили суровую душу Олега, и онъ заключилъ съ московскимъ княземъ «вѣчный» миръ, скрѣпленный брачнымъ союзомъ между сыномъ Олега и дочерью Дмитрія.

Въ борьбѣ крѣпло могущество Москвы, но эта борьба была страшно тяжелой для народа. Враги не щадили владѣній другъ друга, и разсказъ лѣтописца часто прерывается подобными словами: «и много зла учинився», «и скорбь бысть не мала», «и посадъ весь пожгоша, и власти (т. е. волости) и села повоеваша и пожгоша, и имѣніе ихъ все взяша, а самѣхъ инѣхъ избиша, а иныхъ въ полонъ поведоша многое множество» и т. п. Еще тяжелѣе была народу эта междоусобная брань потому, что совпадала съ общенародными бѣдствіями—голодомъ и моромъ. («Быша знои велицы и жары, и дожда сверху ни едина капля не бывала въ все лѣто, а на кони, и на коровы, и на овцы, и на всякъ скотъ былъ моръ великъ. Потомъ же пріиде и на люди моръ великъ по всей землѣ Русской»).

Но ни одна изъ войнъ, которыя велъ Дмитрій Іоанновичъ, не прославила его въ такой степени, какъ война съ татарами. Въ то время разные татарскіе князья дѣлали набѣги на нашу землю и страшно разоряли ее. Въ борьбѣ съ ними русскіе то терпѣли пораженія, то одерживали верхъ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе та побѣда, которую одержало русское войско подъ личнымъ предводительствомъ Дмитрія Іоанновича, заступившагося за разоряемое татарами Рязанское княжество, на берегахъ р. Вожи (1378). Но неизмѣримо славнѣе ея была побѣда Куликовская.

Мамай не могъ простить Дмитрію Іоанновичу пораженія татаръ на берегахъ р. Вожи и сталъ собирать противъ него грозное ополченіе, въ составъ котораго, кромѣ наличныхъ татарскихъ силъ, должны были войти наемники изъ генуезцевъ, черкесовъ и ясовъ. Кромѣ того, Мамай заключилъ союзъ съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ, владѣнія котораго еще совсѣмъ недавно были опустошены московскими войсками.

Дмитрій, съ своей стороны, получивъ отъ рязанскаго князя Олега Ивановича извѣстіе о приготовленіяхъ Мамая, сталъ дѣятельно

готовиться къ встрѣчѣ страшнаго врага. Къ своему собственному войску онъ присоединялъ войска подручныхъ князей русскихъ, назначивъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ г. Коломну. Олегъ Ивановичъ не присоединился къ Дмитрію. Онъ, повидимому, былъ увѣренъ въ томъ, что Москва потерпитъ пораженіе отъ соединенныхъ силъ Орды и Литвы. По крайней мѣрѣ, онъ, предупредивъ Дмитрія о грозящей ему опасности, велъ тайные переговоры съ его врагами. Сохранилось извѣстіе о томъ, что Олегъ и Ягайло условились между собою о раздѣлѣ московскихъ владѣній.

Предъ отправленіемъ въ походъ, Дмитрій посѣтилъ подвижника Св. Сергія въ созданной имъ обители, впослѣдствіи столь прославившейся подъ именемъ Троицко-Сергіевской Лавры. Преподобный Сергій благословилъ его, предрекъ ему побѣду и, въ знакъ особеннаго благоволенія своего къ предпринимаемому дѣлу и его руководителю, отпустилъ съ нимъ двухъ своихъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, бывшихъ воинами до принятія иноческаго сана.

По указанію лѣтописи, у Дмитрія было около 200,000 воиновъ. Ближайшимъ участникомъ предпріятія былъ его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ. Кромѣ того, къ нему явились на поклонъ и службу два Ольгердовича (Андрей и Дмитрій) въ то время, когда уже онъ приближался къ р. Дону. Когда русскіе полки подошли къ этой рѣкѣ, отъ Св. Сергія пришла грамота съ вторичнымъ благословеніемъ на бой съ татарами. По переправѣ черезъ р. Донъ, русскія войска расположились въ той мѣстности, гдѣ р. Непрядва впадаетъ въ Донъ. Здѣсь и произошла 8 сентября 1380 г. достославная Куликовская битва. Побѣдѣ надъ татарами много помогъ Владиміръ Андреевичъ, уловившій удобное время для нападенія на полчища Мамая съ тылу со своимъ засаднымъ отрядомъ [1]). Истиннымъ героемъ велъ себя и Дмитрій, сражавшійся въ рядахъ своихъ славныхъ воиновъ. Татары потерпѣли полное пораженіе и въ безпорядкѣ бѣжали съ Куликова поля. Бѣжалъ съ ними и самъ гордый Мамай. Русскіе преслѣдовали ихъ до р. Мечи. Ягайло почти дошелъ до мѣста битвы; оставался только одинъ день пути; но, прослышавъ о бѣгствѣ Мамая, и Ягайло счелъ за лучшее поскорѣе вернуться во-свояси. Куликовская побѣда дала Дмитрію Іоанновичу почетное прозвище Донского.

Куликовская побѣда имѣетъ огромное значеніе въ исторіи Восточной Европы, какъ событіе, являющееся гранью между двумя періодами: до нея Азія наступала на Восточную Европу, съ нея же начи-

[1]) Кромѣ Владиміра Андреевича въ засадномъ полку находился Дмитрій Михайловичъ Волынскій.

нается наступательное движеніе Восточной Европы на Азію. Сильно подняла она духъ русскаго народа, угнетенный успѣхами татаръ. Должно было вырости въ сознаніи русскихъ людей значеніе Москвы и ея князя. Куликовская побѣда была первымъ національнымъ подвигомъ.

Правда, вскорѣ произошло новое татарское нашествіе, виновникомъ котораго былъ преемникъ убитаго Мамая Тохтамышъ. Дмитрій Донской былъ застигнутъ этимъ нашествіемъ врасплохъ, такъ какъ ратники, сражавшіеся въ Куликовской битвѣ, разошлись по домамъ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду два обстоятельства: татары завладѣли Москвою хитростью, заставивъ князя ея снова платить дань; съ другой стороны, впечатлѣніе Куликовской побѣды осталось неизгладимымъ.

Дмитрій Донской скончался въ 1389 году. Москва пріобрѣла настолько первенствующее положеніе среди другихъ княжествъ Руси, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи Дмитрій могъ сказать: «се благословляю сына своего князя Василья отчиною Великимъ княженіемъ».

34. Василій I. Дмитрію Донскому наслѣдовалъ его сынъ Василій I (1389—1425). Въ томъ же году ханскій посолъ возвелъ его на великокняжескій столъ во Владимірѣ. По существу татары уже не имѣли такого значенія, какое имѣли раньше, но все-же сохранились въ своей неприкосновенности формы, напоминавшія русскимъ князьямъ и даже князьямъ московскимъ объ ихъ вассальной зависимости отъ Золотой Орды. Спустя три года послѣ вступленія на престолъ Василій Дмитріевичъ счелъ необходимымъ совершить поѣздку въ Орду, въ которой былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ. Тамъ его встрѣтили очень любезно. Любезность эта объясняется двумя обстоятельствами. Съ одной стороны хану Тохтамышу грозила въ эту пору опасность со стороны великаго завоевателя Тамерлана, который постепенно подвигался къ владѣніямъ Золотой Орды. Съ другой стороны, золото великаго князя московскаго произвело на татаръ свое дѣйствіе. Лѣтописецъ говоритъ, что великій князь Василій «умзди князей царевыхъ, чтобы печаловалися о немъ царю Тахтамышу; они же взяша многое злато и сребро и великіе дары, такоже и ханъ ихъ Тахтамышь взя многое злато и сребро и великіа дары». Щедро растрачивая въ Ордѣ золото и серебро и всякіе подарки, Василій I хлопоталъ у хана о посаженіи его на нижегородскій столъ въ качествѣ наслѣдственнаго нижегородскаго князя. Хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Хотя тѣ же татары совсѣмъ недавно выдали ярлыкъ на Нижегородское княжество другому лицу (Борису Константиновичу), Тохтамышъ объявилъ Василія

наслѣдственнымъ нижегородскимъ княземъ и присоединилъ къ этому пожалованію еще нѣсколько городовъ. Изъ Орды былъ отправленъ въ Русскую землю посолъ, которому было приказано возвести Василія на нижегородскій столъ. Не въ первый разъ русскіе люди были свидѣтелями грубаго произвола.

Подобно предшественникамъ своимъ Василій I велъ борьбу и съ Великимъ Новгородомъ. На этотъ разъ она возгорѣлась изъза стремленія новгородцевъ уничтожить церковную зависимость свою отъ московскаго митрополита и нежеланія ихъ платить пошлины великому князю московскому. Борьба кончилась побѣдой Москвы. Такъ постепенно подготовлялось дѣло окончательнаго присоединенія Великаго Новгорода къ Москвѣ. (Сотрудникомъ великаго князя въ этомъ дѣлѣ былъ митрополитъ Кипріанъ).

Но, кромѣ Москвы, заявлялъ притязанія на Новгородъ, требуя покорности отъ него, литовско-русскій князь Витовтъ. Его замыслы были остановлены только тѣмъ пораженіемъ, которое онъ потерпѣлъ отъ Эдигея на берегахъ р. Ворсклы. Но все-таки его стремленія обладать и частью сѣверо-восточной Руси отчасти осуществились, такъ какъ онъ удержалъ за собою Смоленское княжество. По миру, заключенному между Витовтомъ и Василіемъ I, границею между ихъ владѣніями стала р. Угра.

Въ княженіе Василія Дмитріевича Русь испытала два татарскихъ нашествія. Первое совершилъ страшный Тамерланъ. Тохтамышъ, бывшій подручникомъ этого завоевателя, возсталъ противъ него, но потерпѣлъ пораженіе. Тамерланъ завладѣлъ Сараемъ, а отсюда двинулся въ русскіе предѣлы. Къ счастію, онъ дошелъ только до Ельца. Великій князь московскій выслалъ противъ Тамерлана войско, которое ожидало врага на берегахъ Оки. Въ то же время, по совѣту митрополита, Василій I приказалъ торжественно перенести изъ Владиміра въ Москву историческій образъ Божіей Матери, когда-то вывезенный Андреемъ Боголюбскимъ съ юга Россіи. Торжественное перенесеніе иконы естественно подняло упавшій духъ московскаго населенія. Сохранилось извѣстіе, что Тамерланъ покинулъ русскіе предѣлы въ тотъ самый день, когда жители Москвы встрѣчали прославленную чудесами икону. Икона эта такъ и осталась въ Москвѣ. Москва, получивъ въ обладаніе высокочтимую икону, бывшую главной святыней прежней столицы, конечно, возвысилась еще болѣе въ глазахъ народа.

Послѣ удаленія Тамерлана въ Ордѣ начались смуты. Только что избавившись отъ грозной опасности, Москва загордилась: тамъ стали посмѣиваться надъ татарами, а великій князь началъ отказываться отъ платежа дани. Управлявшій въ Ордѣ именемъ хана Эдигей, побѣдитель Витовта, совершенно неожиданно двинулся на

Москву, продержалъ ее цѣлый мѣсяцъ въ осадѣ, взялъ съ нея окупъ, разорилъ города Московскаго княжества и возстановилъ подданническія отношенія Москвы къ Ордѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ прислалъ къ великому князю грамоту, въ которой сильно упрекалъ его за нарушеніе вѣрности.

35. Василій II Темный. Василію Васильевичу было только 10 лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Хотя со времени Дмитрія Донского сталъ утверждаться новый взглядъ на старшинство, все-же старинныя понятія о старшинствѣ не были вытѣснены новыми. При такихъ условіяхъ борьба въ потомствѣ Калиты сдѣлалась неизбѣжной. Еще за 6 лѣтъ до своей смерти Василій I хотѣлъ утвердить старшинство своего сына въ новомъ смыслѣ и подчинить сыну своего брата Константина или, какъ выражались въ то время, «привести въ цѣлованіе подъ Василья». Но Константинъ не могъ признать законнымъ новаго взгляда, отдавшаго племянникамъ предпочтеніе передъ дядями. Онъ отказался исполнить желаніе великаго князя и былъ за это лишенъ своего удѣла. Но кромѣ Константина, у Василія I былъ еще слѣдовавшій непосредственно за нимъ братъ Юрій, слѣдовательно, старшій сравнительно съ Константиномъ. Въ духовной грамотѣ Василія Дмитріевича совершенно не упомянуты ни тотъ, ни другой братъ. Не упоминая о нихъ, онъ совершенно устранилъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ великокняжескою властью. Сына Василія, на случай своей смерти, онъ поручаетъ въ духовной опекѣ матери его, Софьѣ Витовтовны, а послѣднюю вмѣстѣ съ будущимъ великимъ княземъ оставляетъ на попеченіе великаго князя литовско-русскаго Витовта и еще двухъ своихъ братьевъ, которымъ, очевидно, онъ довѣрялъ вполнѣ.

Между тѣмъ, Юрій Дмитріевичъ выступилъ теперь претендентомъ на великокняжескій столъ. Юрій опирался при этомъ не только на старыя понятія о старшинствѣ, но и на духовную грамоту Дмитрія Донского. Въ грамотѣ своей Дмитрій Донской сдѣлалъ такую оговорку: «а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжь Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т. е. удѣломъ князя Василія) подѣлитъ ихъ моя княгиня». Распоряжаясь такъ, Дмитрій Донской имѣлъ въ виду устраненіе отъ притязаній на верховную власть брата своего, Владиміра Андреевича, и какъ бы устанавливалъ права второго сына своего Юрія Дмитріевича. Въ то время, когда Дмитрій дѣлалъ эту оговорку, Василій Дмитріевичъ былъ холостъ. Теперь обстоятельства совершенно измѣнились. По новымъ понятіямъ, понятіямъ самого Дмитрія Донского, законнымъ наслѣдникомъ великокняжеской власти являлся Василій Васильевичъ. Но Юрію не было дѣла до внутренняго смысла духовной грамоты:

стремленія свои онъ оправдывалъ ея буквой. Хотя, вынужденный обстоятельствами, Юрій въ началѣ великаго княженія своего племянника и подписалъ договоръ, въ силу котораго отказывался отъ притязаній на великокняжескій столъ, но на самомъ дѣлѣ онъ и не думалъ отказываться отъ нихъ.

Борьба началась по смерти Витовта. Началась она съ интереснаго состязанія сторонъ въ Золотой Ордѣ. Юрій требовалъ стола, ссылаясь на право; бояринъ, сопровождавшій Василія II и говорившій отъ его имени въ Ордѣ, объявилъ основою рѣшенія ханскую волю и милость. («Государь волныи царю!—сказалъ онъ хану Улу-Махмету, — освободі молвить к тебѣ мнѣ холопу великого князя. Нашъ государь великіи князь Василеи Васильевичъ ищетъ стола своего великого княжения, а твоего улусу по твоему цареву жалованию и по твоимъ девтеремъ [1]) и ярлыкомъ, а се твое жалование передъ тобою; а господинъ нашъ князь Юрьи Дмитриевичъ дядя его хочетъ взять великое княженіе по умертвыи и грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волнаго царя»). Вопросъ былъ поставленъ такъ ловко, что въ рѣшеніи хана нечего было и сомнѣваться. Василій II одержалъ верхъ.

Тогда Юрій сталъ искать разрѣшенія вопроса въ силѣ. Обстоятельства еще болѣе подстрекали его рвеніе. Бояринъ, такъ умно хлопотавшій за Василія II, разссорился съ нимъ и отъѣхалъ къ Юрію. Чувство личной мести къ великому князю, не исполнившему обѣщанія жениться на его дочери, должно было оказать свое вліяніе на борьбу, обусловливаемую прежде всего причинами политическими. Кромѣ того, двое сыновей Юрія Дмитріевича, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, были оскорблены на свадебномъ пиру великаго князя Софіей Витовтовной, приказавшей снять съ Василія Косого драгоцѣнный поясъ, который, какъ ей сказали, принадлежалъ ея тещѣ, супругѣ Дмитрія Донского. Все это вмѣстѣ взятое и нравы эпохи сообщили борьбѣ тяжелый, жестокій характеръ. Юрій умеръ вскорѣ послѣ начала борьбы въ Москвѣ, гдѣ онъ утвердился, изгнавъ Василія II. Но смерть Юрія не прекратила борьбы. Василій, старшій сынъ Юрія, утвердился, было, въ Москвѣ, но былъ изгнанъ, разбитъ войсками великаго князя и ослѣпленъ, почему и получилъ прозвище Косого. На время Дмитрію Шемякѣ и меньшимъ его братьямъ пришлось покориться.

Въ 1437 году Улу-Махметъ, присудившій въ свое время ярлыкъ на великое княженіе Василію II, былъ изгнанъ изъ Золотой Орды и искалъ со своими приверженцами убѣжища на Руси. Василій II не только не пріютилъ его, но и послалъ противъ него свое войско.

---

[1]) Турецко-татарское слово; означаетъ — опись.

Послѣднее потерпѣло пораженіе. Послѣ этого Улу-Махметъ двинулся въ область Волги и поселился со своею ордою недалеко отъ Нижняго-Новгорода, откуда и началъ разорять своими вторженіями московскія земли. Великій князь постоянно мѣнялъ мѣсто жительства: то жилъ во Владимірѣ, то въ Костромѣ, чтобы въ данное время нанести надлежащій ударъ татарамъ. Положеніе Василія II становилось еще болѣе затруднительнымъ вслѣдствіе враждебныхъ дѣйствій со стороны Литвы, не оставлявшей своихъ притязаній на Великій Новгородъ. Необходимо было давать отпоръ и Литвѣ, и татарамъ. Между прочимъ, въ одной битвѣ съ татарами, проигранной нами, великій князь былъ взятъ ими въ плѣнъ. Чтобы оповѣстить о случившемся, сыновья Улу-Махмета отправили въ Москву татарина, которому, въ качествѣ вещественнаго доказательства, дали тѣльникъ (крестъ) Василія II. Это извѣстіе произвело въ Москвѣ страшный переполохъ: ждали нападенія татаръ на столицу, семейство великаго князя, его бояре и много жителей покинули Москву. Порядокъ былъ установленъ «черными людьми», которые стали жестоко наказывать бѣглецовъ и укрѣплять городъ. Но страхи были напрасные: татары не тронули Москвы. Въ это время они вступили въ переговоры съ Дмитріемъ Шемякой о выкупѣ Василія II. Великій князь получилъ свободу за страшно дорогую цѣну, но вскорѣ былъ арестованъ сторонниками Шемяки, свезенъ въ Москву и тамъ ослѣпленъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется его прозваніе Темнымъ.

Василія Темнаго Дмитрій Шемяка приказалъ отправить въ заключеніе въ Угличъ, а самъ занялъ его мѣсто. Одни изъ бояръ, приверженцевъ Василія II, бѣжали въ Литву, другіе стали дѣйствовать въ пользу низвергнутаго великаго князя. Ревностнымъ сторонникомъ его былъ и епископъ Іона. По просьбѣ приверженцевъ низвергнутаго великаго князя, Дмитрій Шемяка освободилъ его изъ заключенія и далъ ему въ удѣлъ Вологду. Василій II далъ клятвенную запись, въ которой обѣщалъ не искать великаго княженія. Но, по пріѣздѣ въ Вологду, Василій II отправился въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастыръ, игуменъ котораго снялъ съ него клятву. Тогда Василій II сталъ собирать союзниковъ для завоеванія Москвы и скоро нашелъ таковыхъ: то были — тверской князь, служилые татары и бѣжавшіе въ Литву бояре. Обстоятельства благопріятствовали Василію: Дмитрія Шемяку въ Москвѣ не любили. Готовъ былъ на защиту Василія и татарскій отрядъ. Въ происшедшей снова борьбѣ Шемяка проигралъ и, въ свою очередь, далъ клятвенное обѣщаніе не искать великаго княженія. Когда же Шемяка снова обнаружилъ стремленіе къ нарушенію договора, духовенство прислало ему обличительную грамоту. Окончательно смирить Шемяку

не могло и это посланіе. Онъ покорился только силѣ. Потерпѣвъ пораженіе отъ войска великаго князя московскаго, онъ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Въ смутное время великаго княженія Василія II во Флоренціи шла рѣчь о соединеніи церкви подъ главенствомъ римскаго папы. Представителемъ Москвы на Флорентійскомъ соборѣ былъ митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ. Вопросъ объ уніи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о крестовомъ походѣ противъ османскихъ турокъ, грозившихъ уже самому Константинополю. Руководясь своимъ національнымъ чувствомъ, Исидоръ подписалъ унію и воротился въ Москву съ опредѣленнымъ намѣреніемъ распространять ее. Василій II отвергъ унію, низложилъ Исидора и подвергъ его заключенію, изъ котораго тотъ, правда, скоро бѣжалъ. По низложеніи Исидора, великій князь предоставилъ выбрать митрополита русскимъ епископамъ. Выбранъ былъ ревностный защитникъ интересовъ Москвы и горячій приверженецъ Василія, епископъ Іона. Великій князь удовольствовался только тѣмъ, что извѣстилъ о состоявшемся выборѣ византійскаго императора, Константина Палеолога.

Образованіе Великорусскаго государства и его дальнѣйшее развитіе.

36. Общая характеристика великаго княженія Іоанна III. Владѣнія одного изъ первыхъ московскихъ «князей-собирателей Руси», Іоанна I Калиты, были меньше нынѣшней Московской губерніи и простирались самое большее на 500 квадратныхъ миль. Если очертить окружность тѣхъ владѣній великаго князя московскаго, которыя перечислены въ духовной грамотѣ Василія II Темнаго, то получится пространство по меньшей мѣрѣ въ 15,000 квадратныхъ миль. Такимъ образомъ Московское княжество менѣе, чѣмъ въ полтора вѣка, увеличилось въ тридцать разъ. Эти цифры—краснорѣчивый показатель дѣятельности великихъ князей московскихъ. Онѣ ясно указываютъ, въ чемъ заключалась дѣятельность и историческое призваніе этихъ князей. Они служили великому дѣлу собиранія Руси, созданія Русскаго государства въ области, населенной великорусскимъ племенемъ, послѣ неудачныхъ попытокъ положить прочныя начала такому государству въ области Великаго водного пути.

Великое княженіе Іоанна III и было прежде всего замѣчательно успѣшнымъ продолженіемъ и

почти полнымъ завершеніемъ процесса собиранія Руси. При Іоаннѣ III къ Московскому княжеству присоединились, слившись съ нимъ въ одно государство, Великій Новгородъ со всѣми своими «землями» и почти всѣ удѣльныя княжества сѣверо-восточной Руси — Тверь, часть Рязани и друг. болѣе мелкія. Сыну Іоанна III, Василію III, выпало на долю лишь добрать остальныя территоріи, присоединеніе которыхъ было неминуемымъ послѣдствіемъ

Рис. 37. Іоаннъ III.

присоединеній Іоанна III, — Псковъ и остальную часть Рязанскаго княжества. Онъ какъ бы добиралъ колосья, оставшіеся на нивѣ, по которой прошелъ со своимъ серпомъ его отецъ, Іоаннъ III. Если княженіе Іоанна III естественно примыкаетъ къ дѣятельности предшествовавшихъ князей, то оно неразрывно связано и почти сливается съ княженіемъ его сына, Василія III.

При Іоаннѣ III довершился и другой историческій процессъ — Русь освободилась отъ татарскаго ига. Народъ русскій поневолѣ понесъ на себѣ тяжкое та-

тарское иго, но никогда не мирился со своимъ подневольнымъ положеніемъ. Многимъ князьямъ русскимъ приходилось не только увѣщаніемъ, но и силою сдерживать народъ, возстававшій противъ своихъ порабoтителей. Но Дмитрій Донской и Василій I считали уже возможнымъ уничтожить свою зависимость отъ Золотой Орды. Съ другой стороны, сама Золотая Орда уже обнаружила въ эту пору ясные признаки своего близкаго разложенія. Около половины XV вѣка, въ княженіе Василія II Темнаго, разложеніе это стало уже совершившимся фактомъ. Сынъ Улу-Махмета, бѣжавшаго со своими приверженцами изъ Золотой Орды, (Мамутекъ) положилъ основаніе новому татарскому царству—Казанскому. Въ то же приблизительно время возникло и другое татарское государство—Крымъ. Между Крымомъ и остаткомъ Золотой Орды установилась вражда. Такимъ образомъ, обстоятельства слагались вполнѣ благопріятно для уничтоженія двухвѣкового ига.

Задолго до Іоанна III между Москвою и Литвою враждебныя отношенія преобладали надъ мирными. Великіе князья Литовско-русскаго государства, соединивъ юго-западную Русь въ одно политическое цѣлое, стремились распространить свою власть и на Русь сѣверо-восточную. Москва еще до Іоанна III боролась противъ этихъ стремленій. Самое принятіе московскими князьями титула великихъ князей «всея Руси» указывало на то, что правители наиболѣе сильнаго изъ княжествъ сѣверо-восточной Руси не только не думали объ уступкѣ какихъ-либо земель Литвѣ, но и считали себя законными государями Руси Западной. Такъ смотрѣлъ на дѣло Іоаннъ III, отъ имени котораго московскіе бояре заявляли посламъ Литвы: «вся Русская земля, Божьею волею, изъ старины наша вотчина». Великое княженіе Іоанна III ознаменовалось отторженіемъ нѣкоторыхъ русскихъ областей отъ Литвы и присоединеніемъ ихъ къ Руси сѣверо-восточной. И въ этомъ отношеніи княженіе Василія III тѣсно примыкаетъ къ княженію его отца. Но процессъ возсоединенія Руси юго-западной съ сѣверо-восточной былъ продолжительнымъ и труднымъ процессомъ и завершился только въ концѣ XVIII в. въ царствованіе Екатерины Великой. До сихъ поръ осталась невозсоединенной только Галиція.

При Іоаннѣ III возобновились сношенія Руси съ Западною Европой, что должно было имѣть важныя послѣдствія въ культурномъ отношеніи.

Наконецъ, крупнымъ явленіемъ во внутренней дѣятельности великаго князя Іоанна III было изданіе Судебника.

37. Покореніе Великаго Новгорода и его земель. Еще со времени Іоанна Калиты московскіе князья боролись съ Новгородомъ,

нерѣдко одерживали верхъ надъ нимъ и брали съ него большія деньги, но до Іоанна III имъ не удавалось окончательно подчинить его своей власти. Кромѣ князей московскихъ на Новгородъ имѣла притязанія Литва. Новгородцы, конечно, дорожили своей свободой. Когда вступилъ на престолъ Іоаннъ III (1462—1505), новгородцы стали дѣйствовать рѣшительнѣе и проявили наибольшую враждебность къ Москвѣ. Постепенно въ Новгородѣ народилась среди бояръ и торговыхъ людей политическая партія, которая была готова подчиниться скорѣе Литвѣ, чѣмъ московскимъ князьямъ. Вожатыми этой партіи были Борецкіе, дѣти умершаго посадника, вдохновляемыя своею матерью Марѳою. Они были люди богатые и посредствомъ золота безъ особеннаго труда вербовали себѣ сторонниковъ на вѣчѣ. Но большинство новгородцевъ смущала самая мысль о подданствѣ литовско-русскимъ иновѣрнымъ государямъ. Главою этой партіи былъ только что избранный владыка Ѳеофилъ [1]). Великій князь зналъ обо всемъ происходившемъ въ Новгородѣ, но, занятый борьбою съ казанскими татарами, долгое время не принималъ по отношенію къ новгородцамъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Только въ 1470 году онъ послалъ псковичамъ требованіе, чтобы они готовились къ походу противъ Новгорода. Вѣсть объ этомъ быстро прилетѣла изъ Пскова въ Новгородъ. Псковичи думали, что возможно будетъ избѣжать войны, и предлагали для устраненія ея свое посредничество. Извѣстія о намѣреніяхъ Іоанна вызвали въ Новгородѣ настоящую бурю. Посредничество было отвергнуто. На вѣчѣ осилила литовская партія, которая настояла на необходимости отправить посольство къ польско-литовско-русскому королю Казиміру IV. Посольство было отправлено съ предложеніемъ подданства. Результатомъ было заключеніе договора между Новгородомъ и Казиміромъ. Унія должна была совершиться подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не потерпѣло отъ нея православіе: новгородцы на основаніи договора могли посылать своего архіепископа на ставленіе, куда имъ заблагоразсудится; король не имѣетъ права ставить католическихъ церквей ни въ Новгородѣ, ни въ его пригородахъ, ни во всей землѣ Новгородской. Договоръ охранялъ не только православіе, но и старыя пошлины новгородскія. Если бы королю удалось помирить новгородцевъ съ Москвою, то онъ имѣлъ право собрать въ свою пользу съ новгородскихъ волостей такъ наз. черный боръ [2]), но только одинъ разъ, «а въ иные годы чернаго бора ему не надобно». Въ договорѣ нѣтъ условія о правѣ короля раздавать волости, о правѣ

---

[1]) Однако, литовская партія имѣла своего кандидата, архіепископскаго ключника Пимена.

[2]) Подъ словомъ боръ разумѣлись въ древней Руси поборъ, подать. Чернымъ же онъ назывался по той причинѣ, что собирался съ черныхъ людей. Черный боръ собирали въ Новгородской землѣ въ пользу великаго князя.

брать даръ со всѣхъ волостей новгородскихъ. Отношенія между Новгородомъ и Псковомъ должны были оставаться неизмѣнными. Король обязывался относиться къ новгородцамъ, какъ къ людямъ «вольнымъ» [1]) и приносить присягу всему Великому Новгороду; присягу онъ долженъ принять за себя и Литву; о Польшѣ ни слова. Такимъ образомъ, договоромъ этимъ Великій Новгородъ тщательно ограждалъ свои права. Главнымъ, положительнымъ обязательствомъ Казиміра договоръ ставитъ защиту Новгорода отъ Москвы: «Пойдетъ великій князь московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую землю подниметъ на Великій Новгородъ, королю садиться на коня за Новгородъ, со всею радою (въ данномъ случаѣ— ополченіемъ) литовскою; если же король, не помиривъ Новгорода съ московскимъ княземъ, поѣдетъ въ польскую землю или нѣмецкую, и безъ него пойдетъ Москва на Новгородъ, то рада литовская садится на коня и обороняетъ Новгородъ». Любопытно одно условіе, рисующее аристократическій характеръ партіи, заключавшей договоръ, «а холопъ или раба, или смердъ почнетъ на осподу (т. е. на господъ) вадити, а тому ти, честны король, вѣры не нять». Этимъ сопоставленіемъ смерда съ рабомъ новгородская аристократія изрекла сама себѣ смертный приговоръ.

Въ 1471 году Іоаннъ III отправился на Новгородъ съ большимъ войскомъ; въ походѣ этомъ участвовали и Тверь, и Псковъ. Передъ отправленіемъ въ походъ великій князь молился въ Успенскомъ соборѣ. Предпріятіе приняло характеръ религіозный. Лѣтопись сравниваетъ его съ походомъ Гедеона на мадіанитянъ и Дмитрія Донского на татаръ. Московскій воевода, князь Холмскій, нанесъ новгородцамъ рѣшительное пораженіе на берегахъ р. Шелони. Іоаннъ казнилъ одного изъ Борецкихъ, попавшагося въ плѣнъ. Но вскорѣ принялъ челобитье архіепископа Ѳеофила и согласился на миръ. Новгородъ обязался не подчиняться Литвѣ и посылать владыкъ своихъ на ставленіе въ Москву. Кромѣ того, онъ заплатилъ Іоанну контрибуцію (въ 15,500 р.).

Но событіе 1471 года не послужило Новгороду спасительнымъ урокомъ. Партійная борьба не прекратилась. Сторонники Литвы проявляли насиліе не только противъ простого народа, но и противъ видныхъ представителей Новгорода, которые стояли на сторонѣ Москвы. Они совершали набѣги на дома бояръ и даже на цѣлыя улицы; убивали людей и грабили имущество. Дѣятельное участіе принимали въ такихъ возмутительныхъ поступкахъ даже лица, стоявшія на очень высокой степени (какъ напр., степенный посадникъ

[1]) Выраженія „вольные люди“, встрѣчающагося не разъ въ договорѣ съ Казиміромъ, совершенно нѣтъ въ прежнихъ договорахъ съ русскими князьями.

Ананьинъ). Съ жалобами на знатныхъ насильниковъ потерпѣвшіе обращались къ великому князю и получали у него требуемое удовлетвореніе.

Въ виду непрекращавшихся въ Новгородѣ волненій Іоаннъ задумалъ наконецъ совершенно порѣшить съ его старымъ строемъ. Въ 1477 году онъ предпринялъ второй походъ. Съ московскимъ войскомъ были снова войска Твери и Пскова. Но на этотъ разъ дѣло не дошло до столкновенія. Новгородцы смирились и согласились выполнить требованія великаго князя. Ослабляемая постоянными внутренними раздорами и угнетеніемъ низшихъ классовъ высшими, община Новгородская уже не была въ силахъ постоять за себя съ оружіемъ въ рукахъ. Правда, въ ту пору, когда войска Іоанна уже обложили городъ, въ немъ была партія, требовавшая отчаянной борьбы, но перевѣсъ остался за стороною, требовавшей уступокъ великому князю. Воля Іоанна была ясно выражена новгородскимъ посламъ словами бояръ великаго князя: «онъ хочетъ государствовать въ Новгородѣ, какъ на Москвѣ». Спустя два дня, данные для размышленія, послы новгородскіе явились съ предложеніемъ своихъ условій. Но бояре отвѣчали имъ въ томъ смыслѣ, что государствованіе и условія— понятія несовмѣстимыя. «Государство наше таково (продолжали они): вѣчу и посаднику въ Новгородѣ не быть, все государство намъ держать, имѣть намъ въ Новгородской области села и земли; судъ сохранимъ по старинѣ, вывода не бойтеся». Послы новгородскіе просили еще, чтобы великій князь или кто-либо отъ его имени цѣловали крестъ, т. е. дали клятву на вѣрность договору. Въ этой просьбѣ имъ было отказано.

Вѣче было уничтожено. Вѣчевой колоколъ, символъ новгородской вольности, сняли и увезли въ Москву. Туда же была отправлена и Марѳа Борецкая [1]) съ внукомъ. Въ пользу великаго князя были взяты волости изъ монастырскихъ и архіепископскихъ земель. Совершая секуляризацію церковныхъ имуществъ, Іоаннъ III сдѣлалъ значительную уступку сравнительно со своими первоначальными требованіями [2]). Такая же уступка была сдѣлана имъ и по отношенію къ размѣру поземельной дани: она была уменьшена на половину сравнительно съ тѣмъ размѣромъ, который былъ установленъ ранѣе. По извѣстіямъ литовскихъ лѣтописцевъ, Іоаннъ вывезъ изъ Новгорода 300 возовъ «перелъ, злата и сребра и каменій многоцѣнныхъ».

Новгородъ не могъ, понятно, сразу забыть о своей прежней воль-

---

[1]) Предполагаютъ, что она умерла въ Старицѣ.

[2]) Сначала Іоаннъ хотѣлъ взять себѣ половину всѣхъ монастырскихъ архіепископскихъ вотчинъ и всю Новоторжскую область, а потомъ потребовалъ половину земли лишь отъ шести самыхъ богатыхъ монастырей; у владыки же взялъ только 10 волостей.

ности. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда у Іоанна обострились отношенія съ Золотой Ордой, новгородцы снова завязали сношенія съ Казиміромъ, но великій князь быстро смирилъ ихъ. Чтобы уничтожить окончательно литовскую партію, онъ переселилъ много новгородскихъ семей въ Московскія области—на низъ, какъ выражались въ то время.

Новгородъ былъ включенъ въ московскія владѣнія со всѣми своими землями.

38. Уничтоженіе удѣловъ при Іоаннѣ III и Василіи III. Важнѣйшимъ изъ удѣльныхъ княжествъ, соединенныхъ при Іоаннѣ III съ Москвою, было Тверское, когда-то соперничавшее съ нею. Великіе князья тверскіе уже объединили свое княжество, лишивъ власти его удѣльныхъ князей, но настала пора самимъ великимъ князьямъ покориться Москвѣ. Удѣльные князья тверскіе предпочитали служить болѣе сильнымъ и богатымъ великимъ князьямъ московскимъ и уходили въ Москву. Такимъ выходцемъ изъ Твери былъ и знаменитый полководецъ Іоанна III холмскій князь Даніилъ Дмитріевичъ.

По вступленіи на престолъ Іоаннъ III, женатый на сестрѣ великаго князя тверского, Михаила Борисовича, заключилъ съ нимъ договоръ, основанія котораго были изложены въ двухъ договорныхъ грамотахъ. Одна написана отъ лица великаго князя тверского, другая — великаго князя московскаго. Грамоты охраняютъ право великаго князя тверского надъ его землею. Оба великихъ князя даютъ обѣщаніе дѣйствовать совмѣстно противъ татаръ, поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ. Рѣчь идетъ не только о выставленіи войска, но и о томъ, чтобы каждый изъ нихъ кормилъ свое войско. Каждый изъ нихъ обѣщаетъ не принимать къ себѣ недруговъ другого; не искать съ помощью татаръ земель, принадлежащихъ другому: одному — не искать Москвы и Новгорода, другому—дома св. Спаса [1]); сообщать другъ другу все, что придется слышать о взаимномъ благѣ или злѣ. Но въ обоихъ договорахъ устанавливается право каждой изъ сторонъ на самостоятельное сношеніе съ Ордою. Однимъ словомъ, обѣ грамоты носятъ на себѣ характеръ договора, заключеннаго двумя равноправными сторонами.

Но равенство это было только кажущимся. Болѣе сильная Москва продолжала усиливаться съ помощью Твери. Такъ, въ обоихъ походахъ на Новгородъ, окончившихся присоединеніемъ къ Москвѣ всей богатой земли Новгородской, усердно помогала Москвѣ Тверь. Помогала Тверь и сверженію ига. По первому требованію Москвы, великій князь тверской посылалъ ему свое войско. Очень

---

[1]) Подъ домомъ Св. Спаса разумѣется здѣсь Тверское княжество, называвшееся такъ отъ соборной церкви Св. Спаса, находившейся въ Твери. Оттого и Псковъ назывался домомъ Св. Троицы.

многіе служилые люди «отъѣзжали» изъ Твери къ великому князю московскому, и послѣдній принималъ ихъ. Однимъ словомъ, на самомъ дѣлѣ Тверь и Москва были величинами далеко не равными: первая была въ зависимости отъ второй.

Пока Михаилъ Борисовичъ былъ еще очень молодъ, а Новгородъ еще не былъ покоренъ Москвою, великій князь тверской исполнялъ безпрекословно всѣ требованія Москвы. Когда же Новгородъ сталъ достояніемъ Москвы, когда московскія владѣнія охватили Тверское княжество, а князь возмужалъ, во взаимныхъ отношеніяхъ Москвы и Твери произошла перемѣна. Михаилъ Борисовичъ только теперь понялъ, что скоро очередь дойдетъ до него самого, что скоро и его владѣнія будутъ поглощены Москвою. Въ немъ заговорило чувство самосохраненія. По примѣру другихъ враговъ Москвы онъ вошелъ въ сношенія съ Литвою. Въ 1483 году онъ заключилъ съ Казиміромъ IV договоръ, въ силу котораго они обязывались взаимно помогать другъ другу противъ всѣхъ враговъ безъ исключенія. Само собою разумѣется, что главнымъ врагомъ для той и другой стороны была Москва.

Іоаннъ III, узнавъ о сношеніяхъ Твери съ Литвою, отправилъ въ Тверскую область войско, которое и разорило ее. Казиміръ IV, не помогшій Новгороду, не пришелъ на помощь и къ Михаилу Борисовичу. Послѣднему оставалось покориться и бить челомъ, что онъ и сдѣлалъ. Но осторожный Іоаннъ не присоединилъ сразу же Тверского княжества къ своимъ владѣніямъ, а удовольствовался миромъ на условіяхъ, имъ самимъ продиктованныхъ. Условія эти были изложены въ двухъ новыхъ договорныхъ грамотахъ, значительно отличающихся отъ прежнихъ. Теперь Михаилъ Борисовичъ отказался отъ равенства съ великимъ княземъ московскимъ и называетъ себя въ грамотѣ младшимъ братомъ не только самого Іоанна III, но и старшаго сына его. Тверь не только отказалась отъ союза съ Литвой, но приняла обязательство не посылать пословъ ни въ Литву, ни въ Орду безъ вѣдома и согласія Москвы. О посольствѣ, прибывшемъ изъ Литвы, тверской князь обязывался оповѣстить Іоанна III. Такъ рушилась и та кажущаяся самостоятельность, которою еще обладала Тверь. Послѣ этого начался усиленный отъѣздъ тверскихъ князей и бояръ въ Москву. Своимъ образомъ дѣйствій Іоаннъ III содѣйствовалъ усиленію этихъ отъѣздовъ: когда возникали предусмотрѣнныя всѣми договорами межевыя ссоры, то обыкновенно получали удовлетвореніе москвичи, безъ отношенія къ тому, правы они или нѣтъ; тверичи же, обижаемые московскими землевладѣльцами, тщетно искали правосудія. Москва, поступая такимъ образомъ, явно нарушала одну изъ договорныхъ статей. Обстоятельства эти и надежда спасти себя побудили Михаила Бори-

совича вступить, вопреки договору, въ новыя сношенія съ Казиміромъ IV. Когда же Іоаннъ узналъ объ этомъ, то пошелъ на Тверь походомъ, въ которомъ приняли участіе и новгородцы. Не будучи въ состояніи сопротивляться, Михаилъ Борисовичъ захватилъ съ собою казну и съ малою дружиною бѣжалъ въ Литву. Такъ, безъ всякаго кровопролитія, совершилось присоединеніе великаго княжества Тверского въ Москвѣ (1485).

Уже при отцѣ Іоанна III Рязань очутилась въ зависимости отъ Москвы. Василій II взялъ къ себѣ на воспитаніе малолѣтняго рязанскаго великаго князя Василія, а для управленія Рязанью поставилъ въ ней своихъ намѣстниковъ. Въ началѣ своего правленія Іоаннъ III отпустилъ молодого князя Василія въ Рязань, но Василій вскорѣ снова пріѣхалъ въ Москву, чтобы жениться на сестрѣ Іоанна. Послѣ смерти князя Василія осталось двое сыновей, изъ которыхъ младшій передъ смертью отказалъ треть своего удѣла по наслѣдству Іоанну III (1503). По смерти же его старшаго брата (1500), оставившаго малолѣтняго сына Ивана, Рязань очутилась въ полной зависимости отъ Іоанна III: не хватало лишь формальнаго присоединенія ея.

Умирая, Іоаннъ III оставилъ духовную грамоту, въ которой оставлялъ старшему изъ сыновей, Василію, 66 городовъ, самыхъ значительныхъ, а остальнымъ четыремъ сыновьямъ—всего 30 городовъ. Василію были оставлены двѣ трети города Москвы, остальнымъ сыновьямъ одна треть, да и въ этой трети старшій братъ имѣлъ свою часть. Старшій братъ становился теперь для младшихъ «господиномъ».

Василій III (1505—1533) во всемъ слѣдовалъ политикѣ своего отца. Въ 1510 году онъ покончилъ съ вѣчевою общиною Псковомъ. Поводомъ къ уничтоженію вѣчевого уклада и присоединенію Пскова къ Москвѣ были тѣ жалобы, съ которыми обратились, при посредствѣ своихъ выборныхъ, псковичи къ Василію III на поставленнаго имъ во Псковѣ намѣстника. Выборные люди были арестованы въ Новгородѣ, а во Псковъ былъ посланъ великокняжескій дьякъ (Далматовъ). Дьякъ потребовалъ уничтоженія вѣча и «старой пошлины». Псковичи выслушали это требованіе на вѣчѣ и попросили ночь на размышленіе, а на слѣдующее утро отдались на волю великаго князя, заявивъ при этомъ о своей постоянной вѣрности великому князю московскому. Затѣмъ совершилось то, о чемъ говорилъ дьякъ. И изъ Пскова, какъ изъ Новгорода, былъ увезенъ вѣчевой колоколъ. Посѣтивъ лично Псковъ, Василій III приказалъ вывезти изъ него многихъ бояръ, а во Псковѣ поселить на ихъ мѣста бояръ московскихъ, а во главѣ Пскова поставилъ своихъ намѣстниковъ.

Въ сказаніи о паденіи Пскова („Псковское взятіе, како взятъ его князь великій Василій Ивановичъ"), занесенномъ въ Псковскую первую лѣтопись, читаемъ слѣдующія строки: „О, славнѣйшій граде Пскове великій! почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? прилетѣлъ бо на мя многокрылный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене трп кедра Ливанова, и красоту мою и богатество и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша..., а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестра наша въ поруганіе даша... А иные во градѣ мнози постригахуся въ черньцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града въ иные грады. Нынѣ же се, братіе, видяще, убоимся прещенія сего страшнаго, припадемъ ко Господу своему, исповѣдающеся грѣховъ своихъ, да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горше первой; а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не покаяхомся, но на большій грѣхъ превратихомся, на злыя поклепы и лихія дѣла, и у вѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дому строити, а градомъ содержати хощемъ. Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны".

Съ Рязанью было покончено также очень легко. Когда великій князь рязанскій, освободившись отъ опеки своей матери, задумалъ освободиться и отъ опеки Москвы, Василій III заманилъ его въ свою столицу и заключилъ здѣсь въ темницу (1520), а его земли включилъ въ свои владѣнія.

39. Литовскія отношенія при Іоаннѣ III и Василіи III. Въ первые годы великаго княженія Іоаннъ III жилъ въ мирѣ съ великимъ княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ Казиміромъ IV. Тогда не было и поводовъ къ столкновенію между ними, такъ какъ ихъ владѣнія раздѣлялись землями Новгорода и Твери. Но вскорѣ, силою обстоятельствъ, возникли между ними соперническія отношенія. Казиміръ, обѣщая помощь Новгороду и Твери, не думалъ, что Іоаннъ такъ просто и легко справится съ ними. Казиміръ поднималъ противъ Іоанна Золотую Орду, старался поссорить его съ Крымомъ, но не имѣлъ успѣха ни въ одномъ изъ своихъ намѣреній. Причина этого лежала частію въ нерѣшительности и неискусности его дѣйствій, частью въ томъ, что его вниманіе постоянно отвлекали отъ Москвы Чехія и Венгрія, на престолы которыхъ онъ стремился посадить своихъ сыновей, что ему въ концѣ концовъ и удалось. Іоаннъ III не уступалъ, конечно, своему сопернику: поднималъ на Литву и Польшу Крымъ и другихъ враговъ Казиміра, переманивалъ на свою сторону мелкихъ князей, сохранившихъ свою самостоятельность и живших на границахъ московскихъ владѣній и Литвы.

Прямыя враждебныя отношенія между Москвою и Литвой возникли только послѣ смерти Казиміра IV, въ 1492 г. Съ его смертью Польское королевство и великое княжество Литовско-русское раздѣлились. Поляки выбрали себѣ въ короли старшаго Казимірова сына, Яна Альбрехта, а Литва—второго сына, Александра. Тогда Іоаннъ III началъ сильно безпокоить Александра, поднялъ противъ него крымскаго хана Менгли-Гирея и отправилъ свое собственное войско. Московское войско дѣйствовало удачно, и Александръ первый поднялъ вопросъ о мирѣ, присоединивъ къ этому просьбу о выдачѣ за него замужъ дочери Іоанна, Елены. Миръ былъ заключенъ послами Александра въ Москвѣ. По договорной грамотѣ, въ которой Александръ именуетъ Іоанна государемъ «всеа Русіи», великій князь литовско-русскій («Великой князь Литовскій, и Русскій») обязывается дѣйствовать съ Іоанномъ заодно. («А кто будетъ мнѣ другъ, то и ему другъ, а кто мнѣ недругъ, то и ему недругъ. А кто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ, а кто будетъ ему недругъ, то и мнѣ недругъ...» и т. д.). Въ томъ же договорѣ Александръ призналъ право уже перешедшихъ къ Москвѣ служилыхъ князей. Наконецъ, въ случаѣ ранней смерти одного изъ лицъ, участвующихъ въ договорѣ, другое лицо обязуется не заявлять своихъ притязаній на вотчины умершаго.

Послѣ подписанія договора Іоаннъ далъ согласіе на бракъ своей дочери Елены, но взялъ съ Александра запись, которою тотъ обязывался не принуждать своей жены къ переходу въ католичество («и намъ его дочери ненудити къ Римскому закону, держати свой Греческій законъ»).

Между тѣмъ, въ томъ бракѣ, въ которомъ Александръ усматривалъ залогъ мира, скрывались искры новаго и на этотъ разъ болѣе сильнаго раздора. Еленѣ не было позволено устроить во дворцѣ православную церковь подъ тѣмъ предлогомъ, что великій князь и не вправѣ дать свое согласіе на это, да и православная церковь находится недалеко отъ дворца. Александръ отослалъ обратно въ Москву пріѣхавшихъ оттуда съ Еленою бояръ и боярынь, ссылаясь на то, что и своихъ слугъ у него довольно. Наконецъ, Александръ пересталъ титуловать своего тестя государемъ «всеа Русіи». Все это должно было еще болѣе обострять отношенія, такъ какъ не прекратился переходъ князей литовскихъ на сторону Москвы. Іоаннъ даже продолжалъ переманивать ихъ, продолжалъ также подстрекать крымскаго хана къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Литвы. Много содѣйствовали рѣшительности дѣйствій Іоанна и слухи о принужденіи Елены къ католичеству, о гоненіи на православныхъ въ Литвѣ. Извѣстивъ Александра въ 1500 году о переходѣ на сторону Москвы нѣсколькихъ князей, состоявшихъ въ литовскомъ подданствѣ и своимъ

переходомъ отдавшихъ Москвѣ такіе города, какъ Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій и другіе, Іоаннъ III направилъ къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ и «складную грамоту», т. е. объявленіе войны. Героемъ этой войны былъ тотъ же полководецъ Іоанна Даніилъ Холмскій, который нанесъ новгородцамъ рѣшительное пораженіе на берегахъ Шелони. На этотъ разъ онъ разбилъ [1]) литовское войско, предводимое гетманомъ Константиномъ Острожскимъ, и взялъ послѣдняго въ плѣнъ. Но послѣ этой битвы война затянулась. Іоанну помогалъ крымскій ханъ Менгли-Гирей, посылавшій своихъ татаръ для опустошенія Литвы и Польши. Изъ союзниковъ Александра болѣе дѣятельнымъ оказался магистръ Ливонскаго ордена Плеттенбергъ. Отношенія между Московскимъ государствомъ и Ливоніей были, по-прежнему, враждебны. Еще за нѣсколько лѣтъ до начала послѣдней войны съ Александромъ, войска Іоанна опустошали Ливонію [2]). Магистръ Плеттенбергъ разбилъ русское войско подъ г. Изборскомъ, но самаго города отобрать у насъ не могъ. Іоаннъ отвѣтилъ Плеттенбергу новымъ опустошеніемъ Ливоніи. Во всякомъ случаѣ, и на этотъ разъ Александръ запросилъ мира первый. Между сторонами было заключено перемиріе въ 1503 году, когда Александръ былъ не только великимъ княземъ литовскимъ, но и королемъ польскимъ (по смерти Яна-Альбрехта). За Іоанномъ III, несмотря на препятствія и продолжительное несогласіе Александра, остались всѣ сдѣланныя имъ пріобрѣтенія, а король Александръ былъ вынужденъ снова титуловать его государемъ всей Руси. Тогда же Москва заключила перемиріе и съ Ливоніей.

Вскорѣ послѣ окончанія борьбы съ Александромъ Іоаннъ III скончался. Александръ обрадовался этому событію и даже извѣстилъ о немъ ливонскихъ рыцарей, приглашая ихъ готовиться къ совмѣстной войнѣ съ Москвою. Въ то же время онъ отправилъ въ Москву посольство съ требованіемъ возвращенія городовъ, которыми завладѣлъ Іоаннъ III. Но сынъ и преемникъ Іоанна, Василій III, отвѣтилъ посланнымъ рѣшительнымъ отказомъ. Отвѣтъ подѣйствовалъ на Александра, который посовѣтовалъ и ливонскимъ рыцарямъ пообождать съ нарушеніемъ перемирія. Не довольствуясь отказомъ, Василій III предъявилъ Александру требованіе, чтобы онъ не принуждалъ своей жены къ принятію католическаго вѣроисповѣданія.

Суть дѣла лежала, конечно, не въ переходахъ князей и не въ принужденіи Елены. Съ Іоанна III московская политика обнимала уже болѣе широкій кругозоръ. Еще Іоаннъ III въ переговорахъ

---

[1]) Въ Ведрошской битвѣ.

[2]) Въ 1492 году Іоаннъ III приказалъ заложить противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, крѣпость Иванъ-городъ.

своихъ съ Александромъ настаивалъ на слѣдующемъ положеніи: «Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина; вся Русская земля Божьею волею наша отчина». Такимъ образомъ, совершившееся объединеніе Великороссіи вызвало мысль о національномъ и политическомъ единствѣ всей Русской земли, не исключая, слѣдовательно, и Западной Руси. Очевидно, исходя изъ этого положенія, Василій III, по смерти Александра, писалъ его вдовѣ, а своей сестрѣ Еленѣ о томъ, чтобы она привлекла на его сторону и католическое духовенство, и пановъ, и земскихъ людей. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на наиболѣе законнаго кандидата на великокняжескій столъ Литовско-Русскаго государства, и обѣщалъ, въ случаѣ его избранія, гарантировать неприкосновенность католичества. Это замѣчательное положеніе, выработанное московскою политикой, дѣлало прекращеніе старыхъ враждебныхъ отношеній съ Литвою прямо немыслимымъ. На посланіе брата Елена отвѣчала, что на престолъ великаго княжества Литовскаго избирается Сигизмундъ Казиміровичъ, король польскій.

Въ то время, какъ Василій III задавался такими широкими замыслами, Сигизмундъ не хотѣлъ, чтобы за великимъ княземъ остались тѣ города, которые были уступлены Александромъ Іоанну III, призывалъ на борьбу съ Москвою рыцарей и поднималъ противъ нея крымскихъ татаръ. Василій III нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ самой Литвѣ, въ лицѣ князя Михаила Васильевича Глинскаго, перешедшаго на сторону Москвы. Этотъ переходъ былъ особенно непріятенъ Сигизмунду по той причинѣ, что Глинскій стоялъ во главѣ многочисленной русской партіи, образовавшейся въ средѣ литовскихъ пановъ.

Обѣ войны, которыя вели между собою Василій III и Сигизмундъ, оказались неудачными для послѣдняго. Первая война кончилась тѣмъ, что Москва удержала за собою всѣ оспариваемыя у нея владѣнія. Хотя во время второй войны русскія войска и потерпѣли страшное пораженіе при Оршѣ отъ гетмана Константина Острожскаго, загладившаго имъ свое собственное пораженіе, нанесенное ему Даніиломъ Холмскимъ, но взятіе Смоленска русскими войсками подъ предводительствомъ самого Василія III произвело свое впечатлѣніе. Долго тянулись переговоры, но окончились перемиріемъ, по которому Смоленскъ остался за нами (1520).

Такимъ образомъ, борьба съ Литвой при Іоаннѣ III, съ Литвой и Польшей при Василіи Іоанновичѣ окончилась благопріятно для Москвы — возвращеніемъ цѣлаго ряда древнихъ русскихъ городовъ. Много обязана была Москва этимъ успѣхомъ истинно національной и твердой дѣятельности своихъ дипломатовъ.

40. Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ. Вторымъ бракомъ Іоаннъ III былъ женатъ на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора, Софіи Ѳоминишнѣ Палеологъ. Браку этому предшествовали слѣдующія обстоятельства.

Въ 1453 году Византійская имперія была завоевана османскими турками. Одинъ изъ братьевъ павшаго геройской смертью императора, деспотъ Морейскій Ѳома покинулъ родину и, по приглашенію папы Пія II, поселился въ Римѣ, куда прибыла вскорѣ и его семья, не заставшая уже въ живыхъ несчастнаго скитальца. Въ очень близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ Ѳомы стоялъ извѣстный кардиналъ Виссаріонъ, родомъ изъ Трапезунта. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего образованнаго вѣка. Его сильно занимали тѣ научные вопросы, которые привлекали къ себѣ вниманіе тогдашнихъ гуманистовъ. Онъ переводилъ древнегреческихъ писателей и знакомилъ Западную Европу съ сочиненіями Платона. Но въ исторіи онъ извѣстенъ не только научной, но и церковно-политической дѣятельностью. Онъ былъ сторонникомъ той идеи, которая такъ неудачно выразилась во Флорентійской уніи. Онъ мечталъ объ уничтоженіи церковнаго раскола, онъ желалъ видѣть и восточную, и западную церковь, при различіи въ обрядахъ, соединенными подъ властью папы. Въ этомъ стремленіи сказывались и его убѣжденія, и патріотизмъ грека, всѣми силами души мечтавшаго объ освобожденіи своей родины. Само собою разумѣется, что взгляды свои Виссаріонъ старался привить опекаемымъ имъ сиротамъ.

Въ 1469 году начались переговоры съ Іоанномъ III о бракѣ съ византійской принцессой, съ помощью которой и папа, и Виссаріонъ надѣялись добиться церковной уніи, осуществленія того плана, который не удался въ 1439 году. Виссаріонъ питалъ кромѣ того надежды на то, что сильное и богатое Московское государство можетъ оказать серьезное содѣйствіе въ борьбѣ Европы съ турками. При этотъ старались убѣдить Іоанна III въ томъ, что у Софіи были женихи, но она отказала имъ, такъ какъ «не хочетъ въ латинство». Для начала переговоровъ былъ отправленъ изъ Рима въ Москву грекъ Георгій. Мысль объ этомъ бракѣ понравилась Іоанну III. Поговоривъ о немъ съ матерью и боярами, онъ отправилъ въ Римъ своего монетчика, итальянца Ивана Фрязина [1]). Принцесса Софія согласилась на предложеніе. Папа Павелъ II далъ согласіе съ своей стороны и потребовалъ только, чтобы въ Римъ было прислано нѣсколько бояръ, которые должны были сопровождать невѣсту въ Россію. Тогда же папа направилъ къ Казиміру IV

---

[1]) Фрязинъ — нарицательное имя, которое русскіе прилагали ко всѣмъ иностранцамъ латинскаго происхожденія. Фамилія Ивана Фрязина была Вольпе.

бреве, съ просьбой разрѣшить свободный пропускъ посламъ Іоанна III, которые будутъ отправлены въ Римъ.

Послѣ новаго совѣщанія въ Кремлѣ, Іоаннъ отправилъ своихъ пословъ къ папѣ Сиксту IV, преемнику Павла II, и съ ними того же Ивана Фрязина. Послы явились къ папѣ съ грамотой великаго князя московскаго и подарками (шубой и двумя связками соболей). Торжество обрученія, при которомъ тотъ же Иванъ Фрязинъ замѣщалъ царственнаго жениха, совершилось въ базиликѣ св. Петра. Папа далъ невѣстѣ въ приданое богатые подарки и большую сумму денегъ. Отправляя Софію въ далекое путешествіе, папа окружилъ ее свитой, состоявшей, не считая русскихъ пословъ, изъ грековъ и итальянцевъ. Въ числѣ лицъ этой свиты былъ и папскій легатъ (Антонъ Бонумбре), котораго наши лѣтописи называютъ «кардиналомъ Антономъ». Торжественно встрѣчали невѣсту Іоанна III жители Пскова и Новгорода, черезъ которые лежалъ ея путь въ Москву.

Пока Софья подвигалась по направленію къ Москвѣ, въ думѣ великаго князя велись горячіе споры о томъ, можно ли допустить, чтобы передъ легатомъ папы несли крестъ («крыжъ»). Очевидно, мнѣнія были разныя, потому что митрополитъ въ очень рѣзкой формѣ объявилъ о необходимости воспретить легату преднесеніе креста. («Онъ въ однѣ ворота въ городъ, а я, отецъ твой, въ другіе; неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть потому, что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался»). По повелѣнію Іоанна III крестъ у легата былъ отобранъ еще на дорогѣ къ Москвѣ и спрятанъ въ сани. Бракосочетаніе было совершено въ самый день пріѣзда невѣсты [1]). Жестоко ошибся Римъ въ своихъ надеждахъ на церковное подчиненіе Руси. Софія осталась вѣрной православію.

Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ имѣлъ важныя послѣдствія. Съ этого времени московскіе государи стали изображать на своихъ печатяхъ византійскій гербъ двуглаваго орла. Такимъ образомъ, Іоаннъ III не только смотрѣлъ на себя, какъ на самодержавнаго государя всей Руси, но и считалъ себя непосредственнымъ политическимъ и церковнымъ преемникомъ византійскихъ императоровъ. Въ то же время Іоаннъ III установилъ при дворѣ довольно сложный церемоніалъ, совершилъ обрядъ царскаго вѣнчанія надъ своимъ внукомъ Дмитріемъ по образцу, практиковавшемуся въ Византіи. Придворныя нововведенія, уничтожавшія ту ко-

[1]) Софія выѣхала изъ Рима въ іюнѣ, а прибыла въ Москву 12 ноября; слѣдовательно, путешествіе изъ Рима въ Москву продолжалось около полгода. Обращаемъ вниманіе на сочиненіе Пирлинга „Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ“.

роткость отношеній, которая существовала ранѣе между великимъ княземъ и боярами, сильно не нравились послѣднимъ. Въ установленномъ при дворѣ этикетѣ они усматривали поврежденіе добрыхъ старыхъ нравовъ и приписывали это поврежденіе Софьѣ Ѳоминишнѣ.

Но вліяніе Софьи не ограничилось только узкою сферою придворной жизни. Знакомая съ Италіей эпохи Возрожденія, она не могла примириться съ жалкимъ видомъ Москвы, напоминавшей скорѣе огромное село, чѣмъ городъ. Предки наши не умѣли, напримѣръ, строить каменныхъ церквей; еще недостроенныя, онѣ уже иногда разваливались. Необходимо было обратиться къ зодчимъ и мастерамъ Западной Европы. Къ счастью, сношенія съ Западомъ, начатыя Іоанномъ по поводу сватовства, были важнымъ починомъ въ дѣлѣ сближенія русскихъ съ западно-европейскими народностями. Часть грековъ и итальянцевъ, пріѣхавшихъ съ Софьей, остались жить въ Москвѣ. Русскіе люди убѣдились воочію, насколько превосходили ихъ люди Западной Европы въ культурномъ отношеніи. Іоаннъ III, отправляя въ 1474 году посломъ въ Венецію Семена Толбузина, поручилъ ему вывезти въ Россію зодчихъ. Вернувшись въ Москву, Толбузинъ привезъ съ собою талантливаго архитектора Рудольфа Фіораванти, прозваннаго Аристотелемъ. Аристотель былъ самымъ выдающимся и славнымъ архитекторомъ и инженеромъ въ Италіи XV вѣка. Онъ прославился уже въ Италіи, искусно перенося съ одного мѣста на другое монолитныя колонны и даже цѣлыя зданія. Итальянцы XV вѣка были по отношенію къ культурѣ людьми избалованными. Но все же одному изъ нихъ приписываются слѣдующія слова объ Аристотелѣ: «никто не знаетъ въ архитектурѣ того, что извѣстно Фіораванти». Аристотель и другіе мастера, его соотечественники, были строителями тѣхъ прекрасныхъ зданій, которыми Москва по справедливости гордится и въ настоящее время. Знаменитый Успенскій соборъ построенъ былъ Аристотелемъ. Послѣ Успенскаго собора былъ воздвигнутъ Благовѣщенскій. При Іоаннѣ же была окончена итальянцами постройка Грановитой палаты (между упомянутыми соборами), а Кремль опоясался каменными стѣнами съ башнями. Постройка стѣнъ вызвала необходимость снесенія многихъ дворовъ и церквей, что породило ропотъ современниковъ. Послѣднимъ сооруженіемъ Іоанна III былъ Архангельскій соборъ, оконченный и освященный при его преемникѣ. — Кромѣ поѣздки Толбузина при Іоаннѣ совершилось еще нѣсколько поѣздокъ, при чемъ всѣ онѣ направлялись въ Италію. Посольства эти преслѣдовали не политическія, а культурныя цѣли, и всякій разъ посланныя государемъ лица возвращались съ различными мастерами: каменьщиками, литейщиками и т. под.

Во всемъ этомъ несомнѣнно сказалось вліяніе Софьи. Зато Іоаннъ не нуждался въ ея вліяніи для совершенія одного изъ самыхъ славныхъ дѣлъ своего правленія — сверженія татарскаго ига.

41. Сверженіе татарскаго ига. Желаніе русскихъ людей свергнуть ненавистное иго сказывалось еще въ самомъ началѣ его— во времена Св. Александра Невскаго и Даніила, короля галицкаго. Блестяще выразилось оно въ замѣчательной побѣдѣ Дмитрія Донского. Въ княженіе Іоанна III суждено было наконецъ осуществиться этой завѣтной мечтѣ каждаго русскаго человѣка.

Гордая Софья, конечно, тяготилась игомъ не менѣе русскихъ людей. Она возмущалась пребываніемъ татарскихъ пословъ въ Кремлѣ и очень искусно выдворила ихъ оттуда. Можетъ быть, слѣдуя ея совѣтамъ, великій князь сказывался больнымъ при пріѣздахъ знатныхъ ханскихъ пословъ, чтобы не подвергаться постыдной церемоніи встрѣчи. Но самый фактъ сверженія ига былъ прямымъ результатомъ высокаго національнаго порыва русскихъ людей всѣхъ состояній.

Еще при отцѣ Іоанна, Василіи Темномъ, Золотая Орда распалась на три отдѣльныя орды — на Золотую, Крымскую и Казанскую. Это обстоятельство ослабило татаръ. Съ Казанью, ближайшею къ Москвѣ, а слѣдовательно, и наиболѣе опасною для нея, и Василій Темный, и Іоаннъ III вели постоянныя войны. Дѣйствія Москвы противъ Казани въ княженіе Іоанна оканчивались постоянными удачами для насъ. Трудно было положиться на мирныя обѣщанія казанскихъ хановъ, которые легко нарушали ихъ, но войска Іоанна всегда во-время являлись подъ стѣнами Казани и усмиряли хановъ. Послѣдніе соглашались при этомъ на тѣ условія, которыя диктовались побѣдителями («по всей волѣ великаго князя и на воеводской»).

Зато Іоаннъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы жить въ мирѣ и даже въ союзѣ съ Крымскою Ордою. Современникомъ Іоанна въ Крыму былъ ханъ Менгли-Гирей. Великій князь посылалъ ему богатые подарки, называлъ его братомъ, требовалъ отъ своихъ пословъ учтивости по отношенію къ хану. Іоаннъ подготовлялъ въ лицѣ хана дѣятельнаго союзника для борьбы съ Литвою и Золотою Ордой. Но, вѣрный своему характеру, основными чертами котораго были осторожность и геніальное умѣнье выжидать, Іоаннъ не вносилъ въ договорную грамоту имени Ахмата, опасаясь преждевременнаго разрыва съ нимъ, а довольствовался общею фразою: «быть заодно на всѣхъ недругомъ». Дѣло Іоанна облегчалось тѣмъ, что Менгли-Гирей находился въ жестокой, наслѣдственной враждѣ съ ханами Золотой Орды. Полное сближеніе Іоанна съ Менгли-Гиреемъ состоялось еще за пять лѣтъ до сверженія ига.

Если самъ Іоаннъ не спѣшилъ рѣзкимъ разрывомъ, а слѣдовательно, и борьбою съ ханомъ Золотой Орды Ахматомъ (Магометомъ), зато Ахматъ, подстрекаемый Казиміромъ IV, подступилъ къ московскимъ границамъ на слѣдующій годъ послѣ перваго новгородскаго похода Іоанна. Успѣхи хана ограничились на этотъ разъ разореніемъ только одного города. Послѣ этого онъ быстро вернулся къ себѣ. Причиною неудачи хана было огромное войско, двинутое противъ него Іоанномъ III. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого протекли въ мирѣ.

Пріобрѣтя вѣрнаго союзника въ лицѣ Менгли-Гирея, предвидя своимъ крупнымъ политическимъ умомъ близость развязки, Іоаннъ пересталъ посылать подарки въ Золотую Орду. Образъ дѣйствій великаго князя не нравился Ахмату, и онъ задумалъ наказать московскаго великаго князя. Согласившись дѣйствовать противъ него совмѣстно съ Казиміромъ IV, Ахматъ въ 1480 году двинулъ свои полчища на Москву. Заслышавъ о движеніи Ахмата, Іоаннъ сталъ собирать войско, послалъ вѣсть крымскому хану, который долженъ былъ задержать своимъ набѣгомъ Казиміра, и отправилъ на судахъ внизъ по Волгѣ большой отрядъ, съ крымскими царевичами во главѣ, для нападенія на беззащитную столицу Сарай. Когда войска собрались, Іоаннъ сосредоточилъ ихъ на Окѣ. Тогда ханъ, не желая имѣть дѣло съ сильнымъ войскомъ, направился къ западу, на литовскую территорію, чтобы проникнуть въ московскія земли черезъ рѣку Угру. Іоаннъ сдѣлалъ благоразумное распоряженіе, двинувъ свои войска къ берегамъ Угры. Наши войска пришли сюда раньше татарскихъ, а потому имѣли довольно времени, чтобы овладѣть бродами и перевозами черезъ рѣку. Во главѣ нашихъ войскъ стояли братъ и сынъ Іоанна. Опасаясь возможности перехода татаръ и взятія ими Москвы, Іоаннъ объявилъ ее на осадномъ положеніи, а Софью Ѳоминишну послалъ вмѣстѣ съ казною на Бѣлоозеро, давши наказъ ѣхать далѣе — даже къ самому океану, — если татары возьмутъ Москву. Мнѣнія приближенныхъ государя относительно его самого раздѣлились на-двое. Одни бояре (Ощера и Мамонъ), указывая на примѣръ Василія Темнаго, попавшаго въ плѣнъ къ татарамъ, настаивали на удаленіи великаго князя отъ границы. Нашъ лѣтописецъ упрекаетъ этихъ бояръ, которые, по его мнѣнію, думали только о себѣ, о своихъ женахъ, дѣтяхъ и богатствахъ, а потому, какъ приближенные великаго князя, надѣялись укрыться въ безопасномъ мѣстѣ. Но, говоря такъ, лѣтописецъ отожествляетъ удаленіе великаго князя съ удаленіемъ войска, съ уничтоженіемъ защиты, чего на самомъ дѣлѣ не было. Рѣчь шла только объ одномъ великомъ князѣ. Но рядомъ съ этимъ мнѣніемъ, имѣвшимъ извѣстную долю правды, было высказано и

другое, противоположное ему. Главнымъ выразителемъ его былъ ростовскій архіепископъ Вассіанъ, настаивавшій на необходимости пребыванія великаго князя при войскѣ. Всегда осторожный, великій князь поѣхалъ въ Москву, чтобы посовѣтоваться тамъ съ матерью, митрополитомъ и боярами. Увидавъ великаго князя, москвичи заволновались. Они не имѣли понятія о настоящемъ положеніи дѣлъ и, вообразивъ, что татары перешли Угру и грозятъ самой Москвѣ, встрѣтили Іоанна укоризненными рѣчами. Вассіанъ назвалъ его «бѣгуномъ». Раздраженіе гражданъ было настолько велико, что Іоаннъ не поселился въ своемъ кремлевскомъ дворцѣ, а жилъ въ Красномъ Сельцѣ. Опасаясь за сына своего и наслѣдника, Іоанна Молодого, онъ требовалъ отъ него, чтобы онъ покинулъ войско и поселился въ Москвѣ. Но сынъ не послушался отца: его охватилъ высокій народный порывъ. Впрочемъ, весь этотъ разсказъ, несправедливо рисующій Іоанна какимъ-то трусомъ, находится далеко не во всѣхъ лѣтописныхъ сборникахъ, а только въ тѣхъ, въ которыхъ проявляется особенно враждебное чувство къ Софьѣ и двумъ боярамъ, приближеннымъ къ Іоанну. Во всякомъ случаѣ, великій князь пробылъ въ Красномъ Сельцѣ только 2 недѣли. Приказавъ сжечь московскіе посады, переведя жителей Москвы въ другой городъ, онъ отправился къ войску, напутствуемый благословеніями духовенства. Когда Іоаннъ прибылъ къ своимъ войскамъ, здѣсь снова заговорила въ немъ осторожность и нелюбовь добиваться кровопролитіемъ того, чего можно достигнуть дипломатическими переговорами. На этотъ разъ переговоры его съ ханомъ не увѣнчались успѣхомъ. Да и противъ самой идеи о переговорахъ возсталъ тотъ же Вассіанъ, приславшій на Угру, къ великому князю, свое знаменитое посланіе.

Однако, до генеральной битвы дѣло не дошло: ни то, ни другое войско не рѣшались на переправу въ виду непріятелей. Такъ они простояли до того времени, когда Угра покрылась льдомъ. Наши войска отступили къ мѣстамъ, указаннымъ Іоанномъ, гдѣ послѣдній предполагалъ дать битву. Но Ахматъ, увѣрявшій ранѣе, что ждетъ лишь замерзанія рѣки, которая явится тогда естественнымъ мостомъ для вторженія въ московскія области, не исполнялъ своей угрозы. По всей вѣроятности, одинъ онъ не рѣшался вступить въ борьбу съ русскими, а поджидалъ своего союзника, который, по своему обыкновенію, обманулъ его. Тогда татары поспѣшно отступили и, разграбивъ часть владѣній Казиміра, ушли на югъ. Вскорѣ Ахматъ погибъ отъ руки хана Ногайской орды. Послѣ его смерти Золотая Орда окончательно распалась и влачила жалкое существованіе до 1502 года, когда Менгли-Гирей извѣстилъ Іоанна III о полномъ ея уничтоженіи.

Восторженно встрѣтила Іоанна Москва, когда онъ возвращался туда послѣ удаленія Ахмата. Ему удалось безъ капли крови достигнуть того, чего, по мнѣнію Вассіана и его единомышленниковъ, невозможно было достигнуть безъ кровопролитнаго боя. И въ данномъ случаѣ политика Іоанна III увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

42. Мысль о главенствѣ Московскаго царства въ православномъ мірѣ. Паденіе Константинополя, Цареграда, завоеваннаго османскими турками въ 1453 году, произвело на предковъ нашихъ сильное впечатлѣніе. Появилось множество литературныхъ произведеній, темою для которыхъ послужило это великое историческое событіе. Авторъ одного изъ такихъ произведеній, въ приступѣ къ нему, говоритъ, что онъ намѣренъ разсказать повѣсть, которая заставитъ плакать, говорить и рыдать не только людей, но камни и стихіи природы, повѣсть о взятіи Цареграда «безбожными» турками. («О, о како стерпѣ земля таковая? Како солнце не преста сіяти? Како луна не преложися въ кровь? Како звѣзды яко листвіе не спадоша?»). Самое событіе объясняется съ господствовавшей въ ту пору религіозной точки зрѣнія, какъ наказаніе Божіе за грѣхи. Но какъ разъ въ эту пору Москва усиливалась и крѣпла. Сопоставленіе ея съ Византіей приходило вполнѣ естественно на умъ, и авторъ повѣсти сдѣлалъ его. «Наша же Русіиская земля — говоритъ онъ—Божіею милостію и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ чюдотворецъ растетъ и младѣетъ и возвышается». Затѣмъ такъ же вполнѣ естественно стала развиваться мысль о томъ, что Москва — преемница павшей Византіи. Эта мысль необходимо должна была укрѣпиться благодаря браку Іоанна III съ племянницей послѣдняго византійскаго императора. Принятіе Іоанномъ византійскаго герба было съ этой точки зрѣнія фактомъ знаменательнымъ. Наличность татарскаго ига сильно мѣшала дальнѣйшему развитію этой мысли. Но въ 1480 году пало и татарское иго. Однако, осталось еще одно серьезное препятствіе, мѣшавшее мечтать о будущемъ величіи Москвы. Это препятствіе было создано суевѣрнымъ представленіемъ о близкой кончинѣ міра. Въ 1492 году должно было окончиться седьмое тысячелѣтіе (5508+1492) отъ сотворенія міра, а въ его концѣ суевѣрные люди усматривали и конецъ міра. Отраженіе этого представленія сохранилось въ лѣтописяхъ и даже въ дѣловыхъ актахъ. На срокъ далѣе рокового года не заключали и договоровъ. Пасхаліи или таблицы, опредѣляющія время празднованія Пасхи, также не заходили далѣе 1492 года. Но вотъ пришелъ и 1492 годъ, не оправдавъ ожиданій, которыя относились къ нему. Какъ разъ въ новой пасхаліи, составленной митрополитомъ Зосимой для годовъ, слѣдующихъ за 1492-мъ, появились такія строки: «прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго, благовѣрнаго и хри-

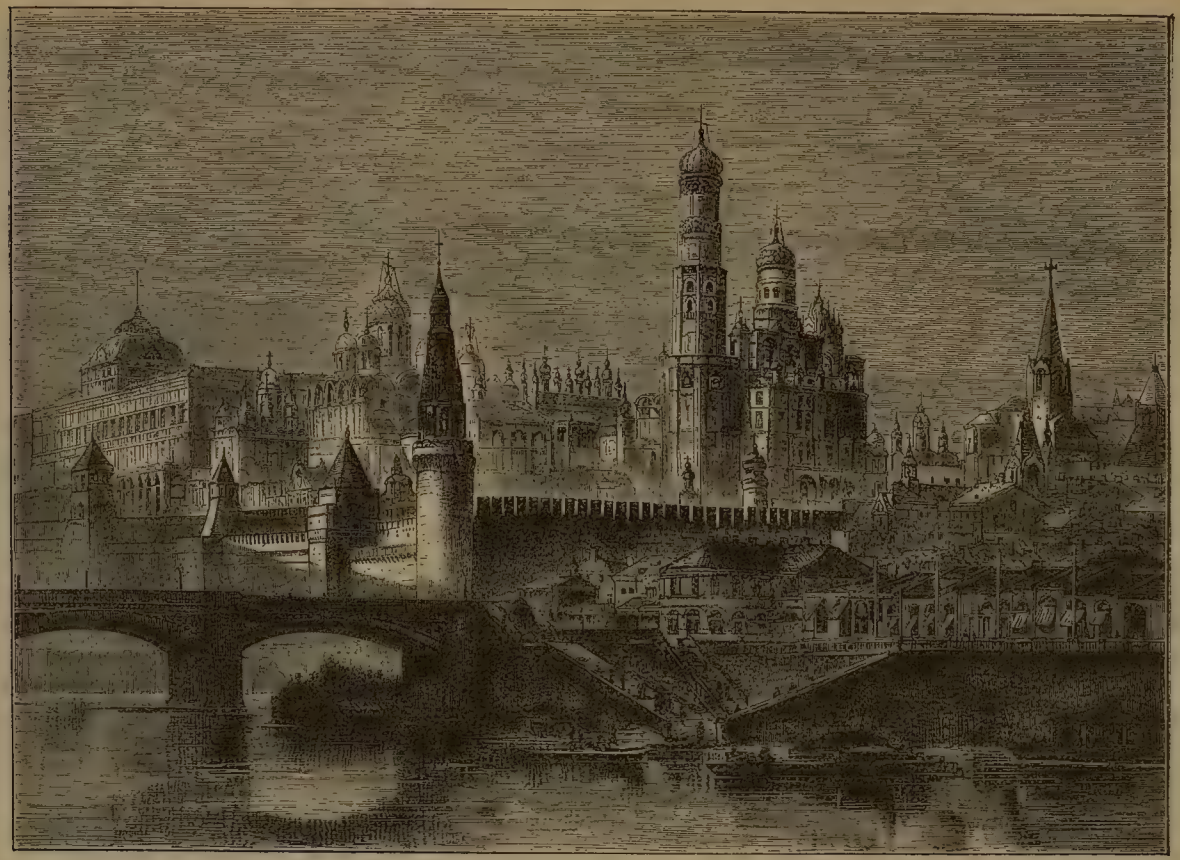


Рис. 38. Московскій Кремль.

столюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константинову — Москвѣ, и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя». Такимъ образомъ, въ пасхаліи Зосимы въ первый разъ мысль о Москвѣ, какъ о непосредственной преемницѣ Византіи, была высказана вполнѣ отчетливо. Окончательно опредѣлилась она уже при Василіи III въ посланіяхъ псковскаго монаха Филоѳея, направленныхъ имъ къ образованному дьяку Мисюрю Мунехину, лично посѣтившему православный Востокъ, и самому великому князю. Въ посланіяхъ своихъ Филоѳей развиваетъ ту мысль, что политическое паденіе другихъ православныхъ государствъ было вызвано измѣною православію, а ростъ и сила Москвы объясняются ея непоколебимостью въ исповѣданіи его. «Девяносто лѣтъ прошло, — писалъ онъ Мунехину — какъ греческое царство разорено, и оно не воскреснетъ, такъ какъ греки предали православную вѣру въ латинство». Въ посланіи къ великому князю Филоѳей писалъ: «церковь стараго Рима пала невѣріемъ аполлинаріевой ереси, второго же Рима — константинопольскую церковь посѣкли сѣкирами агаряне. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церковь во всей поднебесной паче солнца свѣтится»... Далѣе Филоѳей говоритъ, что всѣ царства православныя сошлись въ единое Московское государство, что государь московскій — единый православный царь. Мысль свою Филоѳей выражаетъ въ слѣдующей формулѣ: «два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть», такъ какъ православное Московское царство не достанется никому, а будетъ существовать до кончины міра.

Переходъ удѣльнаго быта въ государственный.

43. Боярство и его притязанія. Одновременно съ процессомъ собиранія Руси происходили серьезныя перемѣны и во внутренней жизни русскаго общества.

Прежде всего существенная перемѣна произошла въ самомъ верхнемъ слоѣ русскаго общества, въ сословіи бояръ. Уже съ конца XIII столѣтія къ московскимъ князьямъ стекались на службу знатные люди съ разныхъ концовъ Руси и даже изъ за ея предѣловъ. Благодаря этимъ отъѣздамъ въ Москву на службу вокругъ великихъ князей московскихъ собралось многочисленное боярство. До половины XV вѣка отношенія между княземъ и боярами обу-

словливались тѣми договорами, которые заключались между обѣими сторонами. Такое вольное поступленіе къ кому-либо на службу обозначалось у насъ въ старину словомъ приказатися. Приказаться на службу къ князю или къ кому-либо иному значило принять на себя обязательство защищать своего господина. Принятіе на службу такихъ вольныхъ слугъ обязательно сопровождалось съ ихъ стороны крестнымъ цѣлованіемъ. Съ своей стороны князь давалъ обѣщаніе кормить ихъ за службу. Несмотря на клятвенное обѣщаніе вѣрности, бояре, вольные слуги, могли прекратить свою службу данному князю и отъѣхать къ другому князю. Кромѣ права отъѣзда они имѣли еще право участія въ княжеской думѣ. До половины XV в. интересы боярства были тѣсно связаны съ интересами князя: бояре естественно старались содѣйствовать усиленію своего князя, такъ какъ усиленіе это улучшало ихъ собственное положеніе. Въ свою очередь князья цѣнили своихъ бояръ, что, напримѣръ, особенно замѣтно въ духовной грамотѣ великаго князя Дмитрія Донского, завѣщающаго «блюсти», т. е. беречь бояръ, удерживать ихъ за собою. Но съ половины XV в. обстоятельства измѣнились. Начиная съ Василія I, стали вступать на службу къ великимъ князьямъ многіе князья, Рюриковичи и Гедиминовичи. Это явленіе достигло особеннаго развитія при Іоаннѣ III и Василіи III. То были удѣльные князья, или вынужденные силою отказаться отъ своихъ удѣловъ, или добровольно уступавшіе ихъ великому князю московскому, или давно утратившіе свои собственные удѣлы и служившіе другимъ князьямъ; или то были наконецъ бояре — слуги удѣльныхъ князей, перешедшихъ на службу къ великому князю московскому. Всѣ эти титулованные бояре заняли при дворѣ великихъ князей московскихъ первенствующее положеніе, оттѣснивъ такимъ образомъ старые московскіе боярскіе роды. Такъ измѣнился составъ московскаго боярства. Въ новомъ составѣ это боярство образовало длинную іерархическую лѣстницу, на ступеняхъ которой расположились бояре: основою этого расположенія было происхожденіе. Болѣе знатный изъ нихъ разсчитывалъ на болѣе высокое служебное положеніе. Каждый изъ бояръ дорожилъ своею родовою честью и, при назначеніи на ту или другую должность, справлялся, дозволяетъ ли ему положеніе его предковъ стать въ подчиненныя отношенія къ другому боярину: подчиненіе лицу менѣе родовитому считалось порухой не только данному лицу, но и его роду. Отъ такого служебнаго назначенія бояринъ отказывался. Бояре, занимавшіе высшую ступень іерархической лѣстницы, стали занимать высшія должности, командовали московскими полками, правили областями Московскаго государства. Бывшіе удѣльные князья, перешедшіе на службу къ

великому князю московскому, большею частью сохранили за собою свои старые удѣлы, живя въ нихъ на правахъ вотчинныхъ землевладѣльцевъ. Но въ управленіи этими вотчинами они сохраняли иногда за собою свои прежнія верховныя права. Въ такихъ случаяхъ положеніе ихъ, какъ бояръ-вотчинниковъ, въ сущности мало отличалось отъ положенія удѣльныхъ государей. Они по-прежнему оставались въ извѣстныхъ случаяхъ въ такихъ отношеніяхъ къ населенію своихъ вотчинъ, въ какихъ стояли верховные правители по отношенію къ населенію своей государственной территоріи. Нерѣдко потомки удѣльныхъ и даже великихъ князей становились въ своихъ удѣлахъ намѣстниками московскихъ государей, законными представителями верховной власти. Они стали смотрѣть на тѣ права, которыми обладали, не какъ на милость государя, а какъ на нѣчто, присущее имъ и неотъемлемое отъ нихъ. Само собою разумѣется, что титулованные бояре, попадая въ Москву на службу при дворѣ великаго князя, приносили съ собою извѣстныя притязанія. Когда-то частицы Русской земли подлежали верховному управленію ихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Теперь всѣ эти частицы слились въ одно Московское государство. Верховная власть сосредоточилась въ рукахъ великаго князя. Но титулованные бояре полагали, что они имѣютъ всѣ права на обладаніе частью этой власти, какъ предки ихъ обладали частью Русской земли. Они считали вполнѣ нормальнымъ, если великіе князья спрашивали ихъ совѣта и руководились имъ. Нѣкоторое время они и пользовались правомъ совѣта. Но Іоаннъ III, особенно послѣ брака съ Софьей Палеологъ, которую бояре не любили, пересталъ спрашивать у нихъ совѣта, пересталъ слушаться ихъ. Между ними и великимъ княземъ прекратилась прежняя короткость отношеній. Появился этикетъ. Іоаннъ III не только не слушалъ боярскихъ совѣтовъ, но однимъ мановеніемъ руки снималъ головы съ непокорныхъ князей и бояръ. Такъ же дѣйствовалъ потомъ и его сынъ, Василій III. Опальный бояринъ Василія, Берсень, такъ жаловался Максиму Греку на новые порядки: «какъ пришли сюда греки, такъ наша земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьградѣ при вашихъ царяхъ». Нестроеніе и перемѣну старыхъ обычаевъ Берсень видѣлъ въ слѣдующемъ: «лучше старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать и старыхъ почитать, а теперь государь нашъ, запершись самъ-третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Въ прежнее время недовольные бояре могли отъѣзжать къ другому князю. Но постепенно великокняжеская власть стѣсняла и право

отъѣзда. Іоаннъ III примѣнилъ впервые средство, заставлявшее бояръ отказаться отъ этого права, по отношенію къ знаменитому своему полководцу Даніилу Холмскому. Холмскій былъ взятъ подъ стражу, затѣмъ освобожденъ, но долженъ былъ дать особую крестоцѣловальную запись, которою отказывался отъ права отъѣзда.

Но дѣло не ограничивалось только крестоцѣловальными записями. Кто-либо изъ бояръ, поручившійся за данное лицо, обязывался, въ случаѣ его отъѣзда, уплатить большую по тому времени сумму денегъ.

При новыхъ условіяхъ, въ которыхъ очутились бояре, добрыя отношенія, существовавшія между ними и великими князьями московскими, рушились. Интересы боярства уже не совпадали болѣе съ интересами великихъ князей. Съ другой стороны, по мѣрѣ объединенія Руси, отъѣздъ стѣснялся уже силою обстоятельствъ. Когда объединеніе это стало совершившимся фактомъ, оказалось возможнымъ отъѣзжать лишь въ Литву. Но этотъ отъѣздъ къ иновѣрному и враждебному Москвѣ государю совершенно справедливо считался великими князьями за измѣну. При такихъ обстоятельствахъ сдѣлались неизбѣжными столкновенія между тою и другою сторонами. Борьба боярства съ великими князьями московскими достигла высшаго своего развитія въ царствованіе Іоанна Грознаго.

44. Нижніе слои служилаго класса. Помѣстная система. Тяглые и холопы. Верхнемъ слоемъ служилаго сословія было боярство. Бояре несли службу при дворѣ, засѣдали въ высшемъ правительственномъ учрежденіи—Боярской Думѣ, намѣстничали въ областяхъ, руководили московскимъ войскомъ. За свою службу бояре получали вознагражденіе, обыкновенно натурой. Бояре, управлявшіе областями, намѣстники и волостели, кормились на счетъ населенія: пользовались судебными пошлинами и поборами въ видѣ хлѣба, мяса, овса, сѣна и т. п. Бояринъ оставался намѣстникомъ сравнительно небольшой срокъ (года три), послѣ чего уступалъ свое мѣсто другому. Иногда, въ болѣе значительные города, назначалось по два намѣстника, кормившихся на счетъ жителей. Пользовались кормленіемъ и тѣ бояре, которые управляли различными землями, относившимися къ хозяйству великаго князя: они удерживали въ свою пользу часть доходовъ, получавшихся съ деревень и селъ великаго князя. Кромѣ кормленій существовалъ и другой видъ вознагражденія за службу: государи давали боярамъ владѣнія, становившіяся ихъ наслѣдственною собственностью и называвшіяся по этой причинѣ вотчинами. Но рядомъ съ вотчиннымъ землевладѣніемъ развивался и другой видъ послѣдняго. Великіе князья все чаще и чаще стали давать служащимъ боярамъ во временное и условное владѣніе помѣстья.

Нижній слой служилаго сословія составляли такъ называемыя боярскія дѣти, иногда называемыя и дворянами. Боярскія дѣти, подобно боярамъ, служили и при дворѣ великаго князя, получая здѣсь второстепенныя должности, участвовали и въ земскомъ управленіи, но главною ихъ обязанностью была военная служба: они составляли московскую конницу. По призыву воеводы, они были обязаны являться въ указанное мѣсто конны, людны (въ сопровожденіи людей) и оружны. За свою службу они вознаграждались, подобно боярамъ, земельными надѣлами, но, конечно, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Помѣстье замѣняло такимъ образомъ современное жалованье, получаемое служащими. Помѣстье было личнымъ пожалованіемъ, а потому и не могло переходить по наслѣдству. И у насъ, какъ въ Западной Европѣ, землевладѣніе было связано тѣснѣйшимъ образомъ съ обязательствомъ нести службу. Правительство упорно держалось принципа, въ силу котораго земля не должна была выходить изъ службы. Тотъ же принципъ прилагало правительство и по отношенію къ вотчиннымъ владѣніямъ.

Не смотря на это служилая земля все-таки выходила изъ службы различными путями. За отсутствіемъ пенсій, оспротѣвшія семьи служилыхъ людей по необходимости стремились удерживать землю, выданную ихъ кормильцамъ, за собою. Правительство было вынуждено уступать этимъ естественнымъ притязаніямъ. Въ результатѣ возникли „прожиточныя“ помѣстья, дававшія оспротѣвшимъ семьямъ средства на прожитокъ, т. е. къ жизни. Съ наступленіемъ совершеннолѣтія помѣщичьяго сына прожиточное помѣстье снова превращалось въ служилое, при чемъ новый помѣщикъ обязывался „кормить съ своего помѣстья мать до живота, а сестеръ, вскормивъ, выдать замужъ“.

Другою причиной выхода земли изъ службы было несоотвѣтствіе количества служилой земли съ наличнымъ контингентомъ служилыхъ людей: то не хватало земли для людей, то людей для имѣющейся въ распоряженіи земли. Пустопорожней земли было, правда, много, но служилые люди избѣгали брать ее въ виду необходимости ея усиленной обработки. Не будучи въ состояніи эксплуатировать пустопорожнія земли при посредствѣ служилыхъ людей, правительство стало отдавать эти земли на оброкъ. Населеніе шло охотно навстрѣчу правительству, такъ какъ обладаніе оброчной землею не влекло за собою военныхъ повинностей и давало держателямъ ея большую свободу въ дѣлѣ ея эксплуатаціи. Возможность эксплуатировать каждую хозяйственную статью отдѣльно и наличность лишь однѣхъ финансовыхъ повинностей вызвала оброчныхъ держателей изъ среды служилыхъ и приказныхъ людей, а также крестьянъ черныхъ, т. е. государственныхъ и частновладѣльческихъ. Правительство не только отдавало пустопорожнія земли на оброкъ, но и продавало ихъ въ частную собственность. Наконецъ, рѣшительнымъ шагомъ, рѣзко противорѣчившимъ правительственному принципу о невыходѣ земли изъ службы, было пожалованіе помѣстныхъ земель церквамъ и монастырямъ, что или бывало вознагражденіемъ послѣднихъ за экспропріированныя у нихъ правительствомъ земли, или совершалось по челобитнымъ церковныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, правительство, выработавъ извѣстную систему служилаго землевладѣнія, еще до смутнаго времени вынуждено было отступать передъ непреодолимой силой нѣкоторыхъ условій экономическаго и соціальнаго быта. Приходилось поневолѣ выводить землю изъ службы [1]).

Къ нижнему слою служилаго класса принадлежали и «вольные слуги» князя или такъ называемые «дворные люди».

Остальную массу населенія составляли тяглые или податные, но лично свободные люди и несвободные или холопы. Тяглые состояли изъ населенія городовъ и деревень. Тяглое населеніе городовъ дѣлилось на нѣсколько слоевъ. Высшій слой составляли крупные, оптовые торговцы или гости. Ниже ихъ стояли менѣе крупные торговцы или собственно купцы. Низшій слой городского населенія составляли мелкіе торговцы и ремесленники, слившіеся въ общемъ названіи черныхъ людей (въ древности они назывались смердами). Все городское населеніе было обложено различными пошлинами и повинностями, при чемъ каждый слой его тянулъ свое тягло, т. е. несъ свои пошлины и повинности.

Къ чернымъ людямъ принадлежали и крестьяне. Земли, на которыхъ они жили, дѣлились на три разряда: черныя, владѣльческія и монастырскія. Черными землями назывались земли княжескія или волостныя. Сидѣвшіе на нихъ крестьяне были подчинены непосредственно княжимъ волостелямъ и тіунамъ, платили князю подати по количеству обрабатываемыхъ сохъ или участковъ и отбывали государственныя повинности по опредѣленію общиннаго или мірского схода, которое приводилось въ исполненіе выборными старостами. Крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ (бояръ, дѣтей боярскихъ и гостей), кромѣ отбыванія государственныхъ повинностей, несли оброки въ пользу своихъ владѣльцевъ. Размѣры этихъ оброковъ устанавливались взаимнымъ договоромъ владѣльца съ крестьянами: отдававшіе за пользованіе землею половину жатвы назывались половниками. Кромѣ оброковъ, смотря по уговору, крестьяне исполняли на владѣльцевъ занятыхъ ими земель различныя работы. Наконецъ, много крестьянъ жило на земляхъ монастырскихъ и церковныхъ.

Наглядное понятіе о нихъ даетъ уставная грамота митрополита Кипріана, данная Константиновскому монастырю въ 1391 году. Крестьяне этого монастыря били челомъ митрополиту Кипріану на новаго игумена, который сталъ требовать съ нихъ разныя новыя пошлины. Митрополитъ послалъ спросить прежняго игумена, каковы были при немъ обязанности крестьянъ. Тотъ отвѣчалъ слѣдующее: „большимъ людямъ (болѣе зажиточнымъ) изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставити, игуменовъ жеребей весь

[1]) Обращаемъ вниманіе на сочиненіе С. В. Рождественскаго „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка“.

ролью изгономъ (всю игуменскую долю пашни, барщиной) вспахать, засѣять, сжать и свезти, сѣно косить десятинами и на дворъ привезти, ѣ з ъ (рыбу въ заколахъ) бити, и вешній и земній сады оплетать, съ неводомъ ходить, пруды прудить, бобровъ осенью ловить; на Великъ день (Свѣтлое Воскресенье) и на Петровъ приходить къ игумену съ подарками; къ монастырскому празднику приводить яловицу; рожь молотить, хлѣбы печь, солодъ молоть, пиво варить; рожь на сѣмены молотить, ленъ прясть, невода снаряжать; а если игуменъ пріѣдетъ въ село на б р а т щ и н у (пиръ по складчинѣ въ храмовой праздникъ), то с ы п ц и (участники братчины) даютъ игуменовымъ конямъ по зобнѣ овса". Митрополитъ подтвердилъ исполненіе всѣхъ этихъ повинностей.

Крестьяне обладали личною свободой и долгое время безпрепятственно переходили съ земли одного владѣльца на землю другого. Болѣе богатые землевладѣльцы даже переманивали къ себѣ крестьянъ, жившихъ на земляхъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Но по мѣрѣ того, какъ уничтожались удѣлы и слагалось единое Московское государство, свобода крестьянскихъ переходовъ стала подвергаться нѣкоторымъ стѣсняющимъ ихъ условіямъ. Главное стѣсненіе состояло въ назначеніи извѣстныхъ сроковъ, къ которымъ должны были пріурочиваться крестьянскіе переходы. Въ великомъ княжествѣ Московскомъ такимъ срокомъ считалось время около 26 ноября, когда празднуется память великомученика Георгія, по русскому произношенію — Юрія; почему 26 ноября и называлось у насъ Юрьевымъ днемъ. Установленіе такого срока объясняется тѣмъ, что къ этому времени заканчиваются всѣ земледѣльческія работы, а сдѣдовательно, и уходъ крестьянина не сопровождается тѣми неудобствами, которыми сопровождался бы онъ въ случаѣ совпаденія его съ рабочей порой. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ Московское правительство и совершенно лишало крестьянъ права на переходъ. До нашего времени, напримѣръ, дошла грамота, данная Василіемъ Темнымъ Троице-Сергіевскому монастырю по челобитью игумена Вассіана съ монастырской братіей. Грамота эта лишаетъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ, принадлежавшихъ монастырю, права перехода.

Наконецъ, послѣднее мѣсто въ ряду сословій, на которыя дѣлилось населеніе Московской Руси, занимали люди несвободные или х о л о п ы. Они издавна существовали на Руси, но число ихъ значительно увеличилось во время татарскаго ига. Многія свободныя крестьянскія семьи опустились за это время до состоянія холоповъ. Главными причинами, вызывавшими переходъ крестьянъ изъ свободнаго въ холопское состояніе, были — бѣдность и притѣсненія со стороны людей сильныхъ. Неурожаи, болѣзни и падежъ скота, вымогательства заставляли крестьянина входить въ долги и разоряться до такой степени, что единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія являлось холопство. Тогда крестьянинъ со своею семьей закладывался или записывался въ холопы къ какому-либо

богатому землевладѣльцу на извѣстный срокъ или навсегда. Такимъ переходомъ крестьянинъ избавлялся отъ притѣсненій со стороны тіуновъ и сборщиковъ податей и могъ разсчитывать на поддержку отъ господина въ тяжелую пору своего существованія. Особенно выгодными для низшихъ слоевъ московскаго населенія были земли монастырскія въ силу тѣхъ льготъ, которыми онѣ пользовались.

45. Монастырскія и церковныя земли. Іосифъ Волоцкій. Иноческая жизнь возникла у насъ на Руси вскорѣ послѣ крещенія. Хотя монастыри и продолжали основываться, но въ XIII в. иноческая жизнь стала замѣтно ослабѣвать не столько числомъ монаховъ, сколько духомъ иночества. Новый періодъ въ исторіи нашего монашества наступилъ со времени Св. Сергія Радонежскаго. До половины XIV в. почти всѣ наши монастыри возникали или въ самыхъ городахъ, или близъ стѣнъ ихъ. Со времени Св. Сергія, поселившагося въ 60 верстахъ отъ Москвы, среди дремучихъ лѣсовъ, они стали возникать вдали отъ городовъ, въ мѣстахъ пустынныхъ. Основывавшіеся здѣсь монастыри содѣйствовали ихъ культурѣ. Вокругъ нихъ селились переселенцы, что много способствовало колонизаціи Волжско-Двинскаго водораздѣла, куда направлялись ученики Св. Сергія и ученики его учениковъ. Примѣръ высоко-нравственной, святой жизни преподобнаго Сергія произвелъ на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія неотразимое впечатлѣніе. Св. Сергій сильно поднялъ ослабѣвшую, было, иноческую жизнь и много содѣйствовалъ нравственному обновленію нашего народа.

Примѣромъ своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергій поднялъ упавшій духъ русскаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее. Онъ вышелъ изъ насъ, былъ плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь изъ нашихъ была доступна. Такъ думали тогда всѣ на Руси, и это мнѣніе раздѣлялъ православный Востокъ, подобно тому цареградскому епископу, который, по разсказу Сергіева жизнеописателя, пріѣхавъ въ Москву и слыша всюду толки о великомъ русскомъ подвижникѣ, съ удивленіемъ восклицалъ: *како можетъ въ сихъ странахъ таковъ свѣтильникъ явитися?* Преподобный Сергій своею жизнью, самой возможностью такой жизни далъ почувствовать заскорбѣвшему народу, что въ немъ еще не все доброе погасло и замерло; своимъ появленіемъ среди соотечественниковъ, сидѣвшихъ *во тьмѣ и сѣни смертнѣй*, онъ открылъ имъ глаза на самихъ себя, помогъ имъ заглянуть въ свой собственный, внутренній мракъ и разглядѣть тамъ еще тлѣвшія искры того же огня, которымъ горѣлъ озарившій ихъ свѣточъ... Человѣкъ, разъ вдохнувшій въ общество такую вѣру, давшій ему живо ощутить въ себѣ присутствіе нравственныхъ силъ, которыхъ оно въ себѣ не чаяло, становится для него носителемъ чудодѣйственной искры, способной зажечь и вызвать къ дѣйствію эти силы

всегда, когда онѣ понадобятся, когда окажутся недостаточными наличныя обиходныя средства народной жизни. Впечатлѣніе людей XIV в. становилось вѣрованіемъ поколѣній, за ними слѣдовавшихъ. Отцы передавали воспринятое ими впечатлѣніе дѣтямъ, а они возводили его къ тому же источнику, изъ котораго впервые почерпнули его современники. Такъ духовное вліяніе преподобнаго Сергія пережило его земное бытіе и перелилось въ его имя, которое изъ историческаго воспоминанія сдѣлалось вѣчно дѣятельнымъ нравственнымъ двигателемъ и вошло въ составъ духовнаго богатства народа (Ключевскій).

Уваженіе къ монастырямъ, то чувство благочестія, разсадниками котораго были они, побуждали многихъ русскихъ людей отдавать часть своего имущества въ пользу монастырей. Это сдѣлалось духовною потребностью русскаго человѣка. Но кромѣ этого было еще одно обстоятельство, побуждавшее русскихъ людей оставлять свое имущество монастырямъ и церквамъ. Многіе монастыри въ эпоху татарскаго ига получили отъ хановъ грамоты, не только защищавшія монастырскихъ людей и монастырское имущество отъ разграбленія, но и освобождавшія живущихъ на земляхъ монастырей отъ платежа дани. Благодаря этому множество людей селилось на земляхъ монастырскихъ, и многіе собственники жертвовали монастырямъ свои земли съ живущими на нихъ крестьянами или навсегда, или только на время — до возраста своихъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ. Сами князья дарили монастырямъ села и цѣлые города и давали имъ различныя льготы. Все это привело въ результатѣ къ образованію обширныхъ монастырскихъ имуществъ. Эти имущества требовали большого вниманія къ себѣ, большой и чисто мірской дѣятельности настоятелей. Мірскія заботы, конечно, сильно отвлекали монашествующихъ отъ своихъ обѣтовъ. Съ другой стороны, случалось, что законные наслѣдники лицъ, завѣщавшихъ свое имущество монастырямъ, оставались недовольными и иногда заводили съ монастырями тяжбы. Стало тяготиться переходомъ множества земель въ руки духовенства и само правительство, тѣмъ болѣе, что монастырскія земли часто освобождались отъ налоговъ и повинностей. Все это вызвало естественный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть недвижимымъ имуществомъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ Заволжскими старцами или Бѣлозерскими пустынниками, во главѣ которыхъ стоялъ Нилъ Сорскій, получившій свое прозваніе отъ небольшой обители, устроенной имъ на берегу р. Соры. Нилъ Сорскій стоялъ за отшельничество, за то, чтобы монахи думали не объ имуществахъ, а о спасеніи своихъ душъ, и кормились трудами своихъ рукъ. Этотъ вопросъ разбирался на московскомъ соборѣ, происходившемъ въ 1503 году.

Краснорѣчивымъ и энергичнымъ защитникомъ монастырскаго землевладѣнія былъ Іосифъ Волоцкій, основатель и игуменъ мона-

стыря, созданнаго имъ въ окрестностяхъ гор. Волоколамска. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ знатныхъ людей и брата великаго князя Іоанна III, обитель, основанная Іосифомъ Волоцкимъ, стала быстро процвѣтать. Ведя строгую монашескую жизнь, Іосифъ Волоцкій требовалъ того же и отъ подвластныхъ ему иноковъ, при чемъ, въ случаѣ нарушенія ими устава, прибѣгалъ къ суровымъ наказаніямъ. Но въ то же время онъ старался увеличить монастырскія средства и установилъ извѣстную плату за церковныя службы, совершавшіяся по заказу мірянъ. Накопленныя сокровища онъ употреблялъ на помощь бѣднякамъ, а во время голода открывалъ для нуждающихся монастырскія житницы. Онъ полагалъ, что монашество не должно отдаваться чисто созерцательной жизни, но обязано служить обществу. Въ этомъ отношеніи онъ сближался съ тѣмъ взглядомъ на монашество, какой существовалъ въ Зап. Европѣ. Управленіе монастыремъ не мѣшало Іосифу заниматься литературною дѣятельностью. Онъ написалъ цѣлый рядъ обличительныхъ словъ и посланій, направленныхъ противъ ереси жидовствующихъ. Еретики, державшіеся этого ученія, не признавали Христа за Сына Божія, отвергали Пресвятую Троицу, будущую жизнь, поклоненіе иконамъ, почитаніе святыхъ, не признавали таинствъ, отрицали монашество и т. п. То было ученіе раціоналистическое, подобно другой ереси, появившейся столѣтіемъ раньше и извѣстной подъ именемъ ереси стригольниковъ. Слова и посланія Іосифа противъ ереси жидовствующихъ были собраны въ одну книгу («Просвѣтитель»). Однако Іосифъ не считалъ вполнѣ достаточнымъ дѣйствовать противъ еретиковъ однимъ убѣжденіемъ, но стоялъ вмѣстѣ съ новгородскимъ владыкой Геннадіемъ за самыя крутыя мѣры, за казни, за сожиганіе на кострѣ, такъ что и въ этомъ отношеніи сближался со взглядами, господствовавшими въ Западной Европѣ.

Когда былъ поднятъ на соборѣ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, Іосифъ со всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія сталъ защищать ихъ. Онъ оправдывалъ свое мнѣніе о необходимости удержать за монастырями ихъ имущества такими доводами: «Если у монастырей селъ не будетъ, то какъ честному и благородному человѣку постричись? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію или архіепископа, или епископа? Если не будетъ старцевъ честныхъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется». Съ точки зрѣнія Іосифа монахи не должны владѣть имуществомъ, но монастыри не могутъ существовать безъ него.

Мнѣніе Іосифа Волоцкаго одержало верхъ, и въ этомъ смыслѣ было составлено соборное постановленіе. Іоаннъ III утвердилъ его, хотя самъ и секуляризировалъ имущества нѣкоторыхъ новгородскихъ монастырей. Монастырскія имущества занимали цѣлую треть госу-

дарственной территоріи; Іоаннъ III не могъ не желать ихъ секуляризаціи въ интересахъ государственныхъ, но не произвелъ ея въ виду соборнаго опредѣленія. Кромѣ монастырей, большими землями владѣли и многія церкви. Вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ земляхъ поднимался и потомъ не одинъ разъ, но былъ разрѣшенъ въ пользу частичной секуляризаціи лишь во второй половинѣ XVIII вѣка.

46. Дѣтство Іоанна Грознаго. Іоанну было всего три года, когда умеръ отецъ его Василій III. По установившемуся обычаю, опека надъ малолѣтнимъ сыномъ и управленіе государствомъ перешли въ руки матери Іоанна, Елены Васильевны Глинской. Она должна была править именемъ своего сына. Малолѣтняго Іоанна торжественно посадили на великокняжескій столъ въ Успенскомъ соборѣ. Митрополитъ Даніилъ осѣнилъ младенца крестомъ и сказалъ, обратившись къ нему, краткое слово, возглашавшее совершавшійся фактъ. Послѣ этого пропѣли новому государю многолѣтіе, а затѣмъ отправили во всѣ стороны дѣтей боярскихъ, чтобы привести къ присягѣ городское и сельское населеніе.

Кратковременное правленіе Елены Глинской (1533 — 1538) прошло въ непрерывныхъ смутахъ. Виновниками ихъ были братья покойнаго государя Юрій и Андрей и нѣкоторые князья-бояре. Первая смута, въ которой были замѣшаны братъ Василія III Юрій и князь Андрей Шуйскій, окончилась заключеніемъ въ темницу того и другого. Той же участи подвергся и дядя Елены, Михаилъ Глинскій, не сошедшійся съ любимцемъ ея, княземъ Телепневымъ-Оболенскимъ. Наконецъ, другой братъ Василія III, Андрей Старицкій, поднялъ открытое возстаніе противъ правительства. Онъ направился во главѣ своего отряда къ литовской границѣ, но, встрѣтивъ здѣсь загражденіе, пошелъ къ Новгороду и издалъ воззваніе къ дѣтямъ боярскимъ, въ которомъ говорилъ, между прочимъ: «Князь велики малъ, а держатъ государство бояре, и вамъ у него служити? и вы пріѣзжайте ко мнѣ служити, а азъ васъ радъ жаловати». Многіе средніе и мелкіе землевладѣльцы пошли за него. Правительство отнеслось къ этому движенію очень серьезно. Принялись за укрѣпленіе Новгорода. Противъ Андрея Старицкаго пошелъ самъ Телепневъ-Оболенскій. Главарь движенія былъ завлеченъ въ Литву, гдѣ его заключили въ темницу. Приверженцевъ его жестоко наказали; многіе изъ нихъ были подвергнуты торговой казни. Во время этихъ смутъ нѣкоторымъ изъ князей-бояръ удалось убѣжать въ Литву. Елена умерла въ 1538 году. Баронъ Герберштейнъ въ своихъ запискахъ о Московіи утверждаетъ, что ее отравили бояре.

По смерти Елены власть сосредоточилась въ рукахъ бояръ. Время боярщины продолжалось только около 10-ти лѣтъ, но оставило въ нашей исторіи глубокіе слѣды. Бояре преслѣдовали свои

личные интересы и безпощадно боролись другъ съ другомъ за власть. Сперва преобладающее значеніе имѣли князья Шуйскіе. Первою жертвою боярскаго произвола былъ ненавистный имъ любимецъ Елены, князь Телепневъ-Оболенскій, и его сестра. Любимецъ Елены окончилъ свою жизнь въ темницѣ, а его сестра была насильственно пострижена въ монахини. Но вскорѣ начались среди самихъ бояръ-правителей раздоры. Результатомъ этихъ раздоровъ были ссылка князя Ив. Бѣльскаго, низложеніе митрополита Даніила, стоявшаго на сторонѣ Бѣльскихъ (Гедиминовичей), и безпощадная расправа со всѣми приверженцами послѣднихъ. Шуйскіе старались обогатить и усилить своихъ сторонниковъ и щедро раздавали имъ различныя доходныя мѣста. Ярко характеризуетъ одного изъ Шуйскихъ (Андрея) псковская лѣтопись: «А князь Андрей Михайловичъ Шуйскій, а онъ былъ злодѣй; не судя его писахъ; но дѣла его зла на пригородѣхъ, на волостѣхъ, старыя дѣла исцы наряжая, правя на людехъ ово 100 рублей, ово болѣ, а во Псковѣ мастеровые люди все дѣлали на него даромъ, а болшіи люди подаваша къ нему дары». На время пріобрѣлъ вліяніе въ Боярской Думѣ возвращенный по просьбѣ митрополита Іоасафа Ив. Бѣльскій, но время это было непродолжительнымъ. Первое мѣсто опять заняли Шуйскіе. Бѣльскій былъ схваченъ, по ихъ приказанію, и снова сосланъ. Митрополитъ Іоасафъ подвергся поруганію и былъ отправленъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, а на мѣсто его возведенъ новгородскій владыка Макарій. Безчинства, чинимыя Шуйскими, достигли крайнихъ предѣловъ. Въ присутствіи самого государя бояре избили его любимца Воронцова. Только заступничество митрополита спасло ему жизнь: онъ былъ сосланъ въ Кострому. Молодой Іоаннъ затаилъ злобу и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ, которые потащили его въ темницу и по дорогѣ къ ней убили.

При такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ протекло дѣтство Іоанна. Онъ привыкалъ, глядя на окружающихъ, къ произволу и насильственнымъ поступкамъ. Даровитаго и впечатлительнаго ребенка возмущала дерзость бояръ по отношенію къ нему и его брату Юрію. Одѣвали и кормили ихъ плохо. Одинъ изъ князей Шуйскихъ (Иванъ), разговаривая съ государемъ, сидѣлъ, опершись о постель его покойнаго отца, даже положивъ на нее свою ногу. Часто бояре въ присутствіи государя порочили память его матери, толкали ея вещи, кололи ихъ спицами; забрали себѣ казну Елены Глинской и покойнаго государя, увѣряя, что берутъ ее для раздачи жалованья боярскимъ дѣтямъ, а на самомъ дѣлѣ употребляя ее въ свою пользу. Всѣ эти факты, прочно запавшіе въ его памяти, отмѣчены Іоанномъ въ письмѣ его къ князю Андрею Михайловичу Курбскому. Но,

когда совершались какія-либо торжественныя церемоніи, тѣ же самые бояре преклонялись передъ молодымъ Іоанномъ. Рано понялъ онъ, что бояре захватили въ свои руки власть, принадлежащую ему, что власть эта велика. Научившись грамотѣ, молодой государь принялся за чтеніе. Усердно перечиталъ онъ все, что было подъ руками: познакомился съ исторіями — священной, церковной и римской, съ нашими лѣтописями, съ твореніями свв. отцовъ. Къ чтенію приступалъ онъ съ тою мыслью, которая утвердилась крѣпко въ его мозгу. Всюду онъ искалъ доказательствъ въ пользу этой мысли, всюду искалъ оправданій для своихъ представленій о власти. «Іоаннъ IV— по удачному выраженію историка Соловьева—былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что созналъ вполнѣ все значеніе царской власти». Въ развитіи своего ума Іоаннъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ. Имъ не занимались, его не воспитывали, не останавливали его дурныхъ поступковъ, не препятствовали развитію дурныхъ наклонностей. Самъ князь Курбскій, ведшій полемическую переписку съ Грознымъ, стоявшій на боярской точкѣ зрѣнія, говоритъ, что бояре потворствовали развитію дурныхъ наклонностей въ молодомъ государѣ, воспитывали его на бѣду свою и своихъ дѣтей. Изъ письма Курбскаго мы узнаемъ, что, будучи двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, Іоаннъ сбрасывалъ животныхъ съ высокихъ теремовъ на землю ради своего удовольствія, а бояре не только не останавливали его, но даже хвалили. Пятнадцати лѣтъ—говоритъ тотъ же источникъ—Іоаннъ, собравъ вокругъ себя толпу молодежи, садился съ нею на лошадей, мчался со своей компаніей по улицамъ и безжалостно давилъ встрѣчныхъ—мужчинъ и женщинъ. Бояре видѣли въ этомъ проявленіе удали, а не жестокосердія, и хвалили молодого царя, приговаривая: «О! храбръ будетъ сей царь и мужественъ!» Какъ эти и подобныя имъ забавы, такъ и жестокіе, эгоистичные поступки бояръ по отношенію къ тѣмъ, кого они считали своими недругами, очерствляли сердце Іоанна, пріучали его къ произволу. «Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный».

47. Вѣнчаніе на царство и женитьба Іоанна. Въ концѣ 1546 года Іоаннъ призвалъ къ себѣ митрополита Макарія и бояръ и объявилъ имъ свое желаніе жениться и вѣнчаться на царство. Объявляя о своемъ желаніи вступить въ бракъ, Іоаннъ, по словамъ лѣтописца, отмѣтилъ нежелательность брака государя съ иноземкой: «привести мнѣ за себя жену изъ иного государства, и у насъ норовы будутъ разные». Говоря о желаніи вѣнчаться на царство, государь сослался на примѣръ своихъ прародителей, начиная съ Владиміра Мономаха. Главнымъ образомъ онъ могъ имѣть въ виду

своего дѣда и отца, именовавшихъ себя царскимъ титуломъ въ сношеніяхъ съ иноземными государями. Несомнѣнно, оказала свое вліяніе на Іоанна и извѣстная теорія о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Наконецъ, самый примѣръ царскаго вѣнчанія былъ недалекъ: стоило только вспомнить вѣнчаніе по византійскому обряду, совершенное Іоанномъ III надъ своимъ внукомъ Дмитріемъ. Чинъ вѣнчанія Грознаго совершился въ Успенскомъ соборѣ въ 1547 году.

Принятіе русскимъ государемъ царскаго титула не только основывалось на примѣрахъ и теоріи, но и вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей. Понятіе о царѣ соединялось съ понятіемъ о вольномъ, независимомъ государѣ. Эта независимость стала дѣйствительнымъ фактомъ со времени сверженія ига, съ 1480 года. Старый титулъ великаго князя указывалъ на первенство даннаго правителя, носящаго этотъ титулъ, надъ другими князьями: онъ былъ неразрывно связанъ съ дѣйствительностью и понятіями удѣльной Руси. Теперь удѣловъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова уже не было. Всѣ княжества и великія княжества слились въ одно Русское государство. Власть, сосредоточившаяся въ рукахъ Іоанна, а равно и отца его, была совершенно иною, новою властью и, какъ таковая, нуждалась въ новомъ имени. Такимъ именемъ сдѣлалось давно извѣстное слово царь, образовавшееся изъ сокращенія имени геніальнаго римлянина Цезаря. Всѣ славянскіе народы называли царями византійскихъ императоровъ. Самая столица Восточной имперіи называлась у насъ Царь-градомъ. Наши предки называли царями и татарскихъ хановъ. Наконецъ, и Іоаннъ III, и Василій III иногда соединяли это слово со своими именами [1]).

Между тѣмъ, еще до вѣнчанія Грознаго на царство, изъ Москвы были разосланы по областямъ къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ грамоты, требовавшія, чтобы отцы, имѣющіе взрослыхъ дочерей, являлись вмѣстѣ съ ними на смотръ къ намѣстникамъ. Обыкновенно выбранныя такимъ образомъ довѣренными лицами, на основаніи извѣстнаго наказа, дѣвицы отправлялись въ Москву, гдѣ изъ ихъ среды снова—на этотъ разъ во дворцѣ, при посредствѣ ближайшихъ лицъ къ государю,—отбиралась уже меньшая группа, а затѣмъ государь изъ этой послѣдней группы выбиралъ себѣ невѣсту.

Выборъ молодого царя остановился на дѣвицѣ Анастасіи, дочери умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина [2]), съ которою онъ и вступилъ въ бракъ вскорѣ послѣ вѣнчанія на царство.

---

[1]) Какое большое значеніе придавалъ Грозный своему вѣнчанію на царство, видно изъ того, что онъ послалъ получить благословеніе у Константинопольскаго патріарха, отъ котораго получилъ утвердительную грамоту въ 1561 году.

[2]) Романъ Юрьевичъ оставилъ послѣ себя дочь Анастасію и сына Никиту, родъ котораго получилъ фамилію Романовыхъ.

Кромѣ внѣшнихъ качествъ своихъ Анастасія Романовна славилась своею добротою и нищелюбіемъ.

Весною того же года произошелъ въ Москвѣ страшный пожаръ. Въ этомъ пожарѣ погибло 1.700 человѣкъ. Государь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ изъ Москвы въ село Воробьево. Когда, по прекращеніи пожара, царь пріѣхалъ въ Москву, духовникъ его и другія знатныя лица стали говорить ему, что Москва загорѣлась отъ волшебства, что чародѣи собирали человѣческія сердца, мочили ихъ въ водѣ и кропили ею по улицамъ города, отчего и возникъ пожаръ. Толпа, сильно тѣснимая Глинскими, родственниками царя, имѣвшими на послѣдняго большое вліяніе, приписывала это мнимое волхвованіе именно имъ. Чернь подняла мятежъ, во время котораго былъ убитъ въ Успенскомъ соборѣ одинъ изъ Глинскихъ. Нѣкоторые бояре, желавшіе занять при молодомъ царѣ мѣсто Глинскихъ, думали, что надежда ихъ осуществится. Но они жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. Ближайшее мѣсто къ царю заняли не бояре, а священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и ложничій царя Алексѣй Адашевъ, человѣкъ незначительнаго происхожденія. Оба они уже ранѣе были извѣстны государю. Доброе вліяніе имѣла на него царица Анастасія Романовна. а также и митрополитъ Макарій. Макарій былъ выдающеюся личностью. Іоаннъ Грозный всегда отзывался о немъ съ любовью и уваженіемъ. Всѣ современники также относились къ Макарію съ уваженіемъ. Замѣчательнымъ памятникомъ просвѣщенной дѣятельности митрополита Макарія является сборникъ «великихъ Миней Четій», къ составленію котораго онъ приступилъ, имѣя цѣлью собрать всѣ «чтомыя книги, яже въ Русской землѣ обрѣтаются».

Ужасы пожара и мятежа, а также и доброе вліяніе окружающихъ лицъ побудили молодого государя приняться непосредственно самому за управленіе государственными дѣлами.

48. Внутренняя дѣятельность Іоанна Грознаго. Когда, при Іоаннѣ III, почти всѣ русскія земли соединились въ одно государство, необходимо было устроить однообразный судъ и дать московскимъ судьямъ такой общій сборникъ законовъ, который служилъ бы для нихъ руководствомъ при отправленіи судебной дѣятельности въ разныхъ областяхъ государства. Этой потребности и отвѣтилъ Судебникъ, составленный, по порученію Іоанна III, дьякомъ Гусевымъ и утвержденный государемъ и боярами въ 1497 году. Въ основу этого сборника законовъ была положена Русская Правда; кромѣ того, въ него вошли разныя статьи изъ областныхъ уставныхъ [1]) и

[1]) Уставныя грамоты опредѣляли отношеніе къ князю той или другой общины, волости и т. под.

судныхъ [1]) грамотъ; особенно сказалось на немъ вліяніе Псковской судной грамоты [2]). Судебникъ Іоанна III бѣденъ содержаніемъ и касается преимущественно самыхъ формъ судопроизводства и судебныхъ пошлинъ. Сохранившійся въ единственномъ спискѣ, онъ не называется въ немъ Судебникомъ, но имѣетъ слѣдующій заголовокъ: «Лѣта 7006 мѣсяца септемврія уложилъ Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и бояры о судѣ, како сути бояромъ и окольничимъ» [3]).

Въ 1550 году Іоаннъ Грозный издалъ новый Судебникъ, въ основу котораго былъ положенъ судебный сборникъ Іоанна III. Изданіе новаго Судебника было вызвано настоятельными потребностями народа. Притѣсненія намѣстниковъ, волостелей и другихъ судей и чинимыя ими несправедливости давали сильно чувствовать себя. На нихъ поступило множество жалобъ. Между тѣмъ въ судебномъ сборникѣ Іоанна III были всего три статьи, касавшіяся несправедливаго суда и лихоимства. Этотъ недостатокъ и имѣлся въ виду при изданіи новаго Судебника. Самъ Грозный заявилъ, что «исправилъ и великія заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и бережно и судъ бы былъ праведенъ и безпосульно (т. е. безъ взятокъ) во всякихъ дѣлѣхъ». Въ новомъ Судебникѣ вмѣсто трехъ статей, направленныхъ противъ указаннаго зла, имѣется ихъ втрое болѣе, при чемъ каждая изъ нихъ опредѣляетъ несправедливымъ судьямъ извѣстное наказаніе. Нѣкоторыя изъ статей, заключающихся въ старомъ Судебникѣ, развиты въ новомъ съ большею подробностью, какъ напр. статья объ уходѣ крестьянъ съ помѣщичьей земли.

Приводимъ здѣсь статью „О христьянскомъ уходѣ“ по двумъ Судебникамъ. Въ Судебникѣ Іоанна III она имѣетъ слѣдующій видъ: „А христіаномъ отказыватися изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осеннего и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А которой христіанинъ поживетъ за кѣмъ годъ да пойдетъ прочь, а онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три годы поживетъ, а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре годы поживетъ, и весь дворъ платитъ“. Въ этой статьѣ изложено лишь условіе о срокѣ и уплатѣ пожилого за пользованіе дворомъ. Въ новомъ Судебникѣ статья эта обставлена новыми подробностями: „А крестьяномъ отказыватися изъ волости въ волость, и изъ села въ село, одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осеннего

[1]) Судныя грамоты опредѣляли порядокъ суда, преимущественно, въ дѣлахъ гражданскихъ.

[2]) Псковская судная грамота окончательно составлена около 1467 г. Она свидѣтельствуетъ о значительной степени развитія гражданскаго быта; наиболѣе подробно разработаны въ ней отношенія по землевладѣнію и договорамъ; отразился на ней (особенно въ подробностяхъ о займахъ) и характеръ Пскова, какъ торговаго города.

[3]) Онъ названъ Судебникомъ въ двухъ лѣтописныхъ замѣткахъ, что и упрочило за нимъ это названіе.

и недѣля по Юрьевѣ дни осеннемъ. А дворы пожилые платятъ: въ полѣхъ за дворъ рубль да два алтына, а въ лѣсѣхъ, гдѣ десять верстъ да хоромного лѣсу, за дворъ полтина да два алтына. А которой крестьянинъ живетъ за кѣмъ годъ да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ, и онъ платитъ полдвора; а три годы поживетъ, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре годы поживетъ, и онъ платитъ весь дворъ, рубль и два алтына. А пожилое имати съ воротъ, а за повозъ имати съ двора по два алтына; а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ. А останется у котораго крестьянина хлѣбъ въ земли, и какъ тотъ хлѣбъ пожнетъ, и онъ съ того хлѣба, или съ стожнего (т. е. не снятаго) дастъ боранъ (т. е. съ бороны) два алтына. А по кои мѣста (т. е. по какое время) была рожь его въ земли, и онъ подать Цареву и Великого Князя платитъ со ржи; а боярского ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати. А попу пожилого нѣтъ, и ходити ему вонъ безсрочно воля. А которой крестьянинъ съ пашни предастся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно жъ, и пожилого съ него нѣтъ; а которой хлѣбъ его останется въ земли и онъ съ того хлѣба подать Цареву и Великого Князя платитъ; а не похочетъ подати платити, и онъ своего хлѣба земляного лишенъ".

Есть и совершенно новыя статьи. Онѣ или направлены къ обезпеченію правильнаго судопроизводства, или же касаются нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, не имѣющихся въ старомъ Судебникѣ.

Въ слѣдующемъ, 1551 году, былъ созванъ Грознымъ духовный соборъ. Духовныя власти, собравшіяся въ Москвѣ, должны были дать отвѣты на вопросы, поставленные Іоанномъ на ихъ разрѣшеніе. Постановленія собора, вызванныя этими вопросами, раздѣлены на сто главъ. Вотъ почему соборъ этотъ получилъ въ исторіи названіе Стоглаваго, а памятникъ его дѣятельности, дошедшій, къ счастію, до нашего времени, — Стоглава.

Іоаннъ приготовилъ къ первому засѣданію собора особую записку, которая и была прочтена въ самомъ началѣ засѣданія. Въ этой запискѣ Іоаннъ говоритъ, что созвалъ соборъ для искорененія злоупотребленій, вкравшихся въ церковь, и для улучшенія государственнаго управленія и земскаго строя («потружайтеся, во еже исправити истинная и непорочная наша христіянская вѣра, иже отъ божественнаго писанія, во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію, и всякому земскому строенію»). Неприглядными чертами рисуется въ вопросахъ Іоанна и отвѣтахъ собора извѣстная часть монашествующихъ и духовенства вообще. Очевидно, люди праздные и порочные, принимавшіе постригъ, были явленіемъ слишкомъ замѣтнымъ («Нѣцыи же стригутся покоя ради тѣлеснаго, что бы всегда бражничать и по селамъ ѣздятъ прохладу деля»). Вотъ почему Стоглавъ такъ ярко отмѣчаетъ пороки и недостатки монашествующихъ. Говорится въ немъ объ архимандритахъ и игуменахъ, которые не отправляли сами церковной службы, не вкушали пищи за общей трапезой монастырской братіи, а сидѣли по своимъ кельямъ

съ гостями и заполняли монастыри своими родственниками. Ставится на видъ, что монахи больше занимаются тяжбами по монастырскимъ имѣніямъ, чѣмъ молитвой. Грозный обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что многіе монахи и священники отдаютъ въ ростъ деньги, что священныя книги переписываются съ ошибками и т. п. Соборъ не отвергъ ни одного изъ обвиненій Іоанна и призналъ необходимымъ исправленіе зла. На вопросъ Іоанна, устанавливающій, какъ фактъ, малограмотность духовенства, соборъ постановляетъ, чтобы священнослужители заводили въ своихъ домахъ школы. Относительно бѣдныхъ старцевъ и прокаженныхъ было признано необходимымъ учреждать богадѣльни. Случалось, что бывшіе въ плѣну у татаръ бояре и боярыни отпускались на родину, но, за неимѣніемъ выкупа, снова уходили въ неволю. И на этотъ разъ представители монастырей не обнаружили желанія пойти навстрѣчу этимъ несчастнымъ случаямъ, затрачивая на ихъ устраненіе часть своихъ средствъ. Не изъ монастырскихъ богатствъ приходилось платить за несчастныхъ выкупъ, но изъ «царевой казны», а расходъ послѣдней «раскинули на сохи по всей земли». Іоаннъ былъ вынужденъ напомнить богатымъ монастырямъ о томъ, что они и такъ уже много получили («и такъ де и у меня царя поимали много по всѣмъ монастыремъ»), и объявить имъ, чтобы они больше не просили у него ни денегъ, ни земель, ни льготныхъ грамотъ. Еще Василій III стремился ограничить земельныя пожертвованія въ пользу монастырей. Онъ запретилъ жителямъ нѣкоторыхъ городовъ и нѣкоторымъ сѣверовосточнымъ князьямъ жертвовать монастырямъ вотчины «безъ Царева и Великаго князя вѣдома». На Стоглавомъ соборѣ «уложеніе» Василія III было не только подтверждено, но и получило силу общаго закона, распространяющагося на всѣ мѣстности. За нарушеніе этого закона должны были подвергаться отвѣтственности не только вотчинники, нарушившіе его, но и принявшіе земельный вкладъ монастыри, такъ какъ незаконно принятыя послѣдними земли отбирались «безденежно» въ государеву казну. Въ то же время, однако, правительство закрѣпило за монастырями вотчины, пожертвованныя имъ до изданія закона. Постановлено было секуляризировать лишь тѣ вотчины, пожертвованіе которыхъ состоялось вопреки уложенію Василія III; при этомъ рѣшено было выдавать монастырямъ за секуляризованныя вотчины деньги, а вотчины отдавать въ помѣстья служилымъ людямъ. Рядомъ съ серьезными недостатками, требовавшими реформъ, а главнымъ образомъ — широкаго просвѣщенія, въ Стоглавѣ отмѣчаются, въ качествѣ недостатковъ, и такія явленія, которыя не были недостатками, какъ напр., бритье бороды, стрижка усовъ, ношеніе иноземнаго платья, продажа на рынкахъ разныхъ птицъ, зайцевъ и т. под. Все это было рѣшено уничтожить на осно-

ваніи священныхъ правилъ. До чего необразованность и невоспитанность пастырей вліяла на мірянъ, видно изъ того, что иные изъ нихъ стояли въ церквахъ во время богослуженія въ тафьяхъ «безбожнаго Махмета», въ шапкахъ, съ палками въ рукахъ, и не только громко разговаривали, но ссорились и бранились. Много есть указаній въ Стоглавѣ на силу языческихъ обычаевъ, распущенные нравы тогдашняго общества и обиліе суевѣрій.

Вопросъ 16. „Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и арганники, и гусельники, и смѣхотворцы и бѣсовскіе пѣсни поютъ. и какъ къ церкве вѣнчатися поѣдутъ. священникъ со крестомъ будетъ. а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рищутъ. а священницы имъ о томъ не возбраняютъ и не запрещаютъ". Отвѣтъ. „Къ вѣнчанію бы ко святымъ Божіимъ церквамъ. скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити. а священникомъ бы о томъ запрещати съ великимъ запрещеніемъ. чтобы такое безчиніе никогда же неименовалося". Вопросъ 19. „Да по дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи ватагами многими, по шестидесятъ и по семидесятъ человѣкъ. и по сту. и по деревнямъ у христіанъ сильно ядятъ и пьютъ. и изъ клетей животы грабятъ. а по дорогамъ людей разбиваютъ". Отвѣтъ. „Благочестивому царю своя заповѣдь учинити. якоже самъ вѣсть. что бы впредь такое насиліство и безчиніе не было". Въ Стоглавѣ идетъ рѣчь и о лживыхъ пророкахъ и пророчицахъ, о всякихъ гаданіяхъ и волшебствахъ. Всѣ эти явленія—и скоморохи при свадебныхъ шествіяхъ, и буйныя шайки скомороховъ, и всякаго рода волшебства и чарованія—существовали и въ Западной Европѣ въ то же время.

Изъ другихъ фактовъ внутренней дѣятельности Іоанна Грознаго наиболѣе замѣчательны мѣры, принятыя имъ по отношенію къ областному управленію. Въ виду постоянныхъ жалобъ на правительственныхъ намѣстниковъ и волостелей, чинившихъ много зла городамъ и селамъ, Іоаннъ далъ разрѣшеніе населенію избирать себѣ правителей («излюбленныхъ головъ»), а деньги, которыя употреблялись раньше на содержаніе намѣстниковъ, должны были теперь поступать въ царскую казну. Въ судахъ стали принимать участіе и земскіе люди, подъ именемъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Наконецъ, Іоанну принадлежитъ первая попытка ограничить мѣстничество. Іоаннъ допустилъ его только между воеводами, а меньшимъ чинамъ приказано было быть безъ мѣстъ.

Іоаннъ понималъ пользу европейскаго просвѣщенія. Въ 1547 году онъ велъ личную бесѣду съ саксонцемъ Шлитте и поручилъ ему вывезти изъ Германіи ремесленниковъ, художниковъ, лѣкарей, аптекарей, типографщиковъ, а также людей, искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ и даже теологіи. Но, благодаря враждебному отношенію къ Москвѣ Ганзы и ливонцевъ, Шлитте былъ задержанъ въ Германіи на цѣлыхъ 10 лѣтъ. Въ 1563 году была

открыта въ Москвѣ типографія; первыми печатниками въ ней были дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ Петръ Мстиславецъ. Только черезъ 10 лѣтъ были напечатаны Апостолъ и Часовникъ. Хотя типографія эта и была сожжена враждебно настроенными противъ нея переписчиками книгъ и невѣжественной массой,—но царь возобновилъ ее.

49. **Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ.** Казанское царство возникло на мѣстѣ прежняго Болгарскаго во время княженія Василія Темнаго. Съ тѣхъ поръ начались между новымъ царствомъ и Москвою враждебныя отношенія. При Іоаннѣ III былъ посаженъ въ Казани Москвою ханъ, который до такой степени подчинился ей, что спрашивалъ у великаго князя позволенія жениться и даже платилъ ему дань. Но при Іоаннѣ же III добрыя отношенія съ Казанью рушились и въ самомъ концѣ княженія Іоаннова казанцы сдѣлали нападеніе на Нижній-Новгородъ. Василій III унаслѣдовалъ борьбу съ Казанью. Но вскорѣ между Москвою и Казанью былъ заключенъ мирный договоръ, а затѣмъ снова правилъ въ Казани ханъ, поставленный Москвою [1]). Іоаннъ Грозный рѣшился покончить дѣло завоеваніемъ Казанскаго царства. Борьба съ Казанью началась съ 1548 года, но только походъ 1552 года окончился полнымъ покореніемъ Казани. Въ немъ принялъ участіе и самъ Грозный. Казань, защищенную деревянными стѣнами и снабженную гарнизономъ въ 30.000 человѣкъ, осадило московское войско, состоящее изъ 150.000 человѣкъ при артиллеріи изъ 150 пушекъ. Осада затянулась. Казанцы бились мужественно. Кромѣ того, имъ легко помогала та хитрость, которую русскіе не уразумѣли сразу. Въ ближайшихъ лѣсахъ сидѣла ихъ засада подъ предводительствомъ князя Япанчи. У него были и конные, и пѣшіе воины. Какъ только на самой высокой изъ казанскихъ башенъ показывался условный знакъ («хоругвь ихъ», какъ говоритъ князь Курбскій, участникъ похода), Япанча нападалъ на наши войска изъ лѣсу, а въ то же самое время изъ всѣхъ воротъ города кидались на наши укрѣпленія казанцы, находившіеся въ городѣ. Бѣдствія осаждающихъ усилились еще болѣе благодаря продолжительной дурной погодѣ. При господствѣ суевѣрія, въ нашемъ войскѣ распространился слухъ, что эта погода вызвана чарами, которыя казанскіе колдуны наводили на наше войско.

Царь не падалъ духомъ и принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ осады. Отправленные противъ Япанчи князья Горбатый и Серебряный нанесли его войску рѣшительное пораженіе и преслѣдовали побѣжавшихъ враговъ на разстояніи 15-ти верстъ, а затѣмъ очистили всѣ лѣса, въ которыхъ находили себѣ убѣжище татары

[1]) Воюя съ казанцами, Василій III основалъ городъ Васильсурскъ (1523); Іоаннъ Грозный заложилъ Свіяжскъ (1550).

Япанчи, и захватили плѣнныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ отправленъ Іоанномъ въ Казань съ грамотами, въ которыхъ онъ предлагалъ ка-

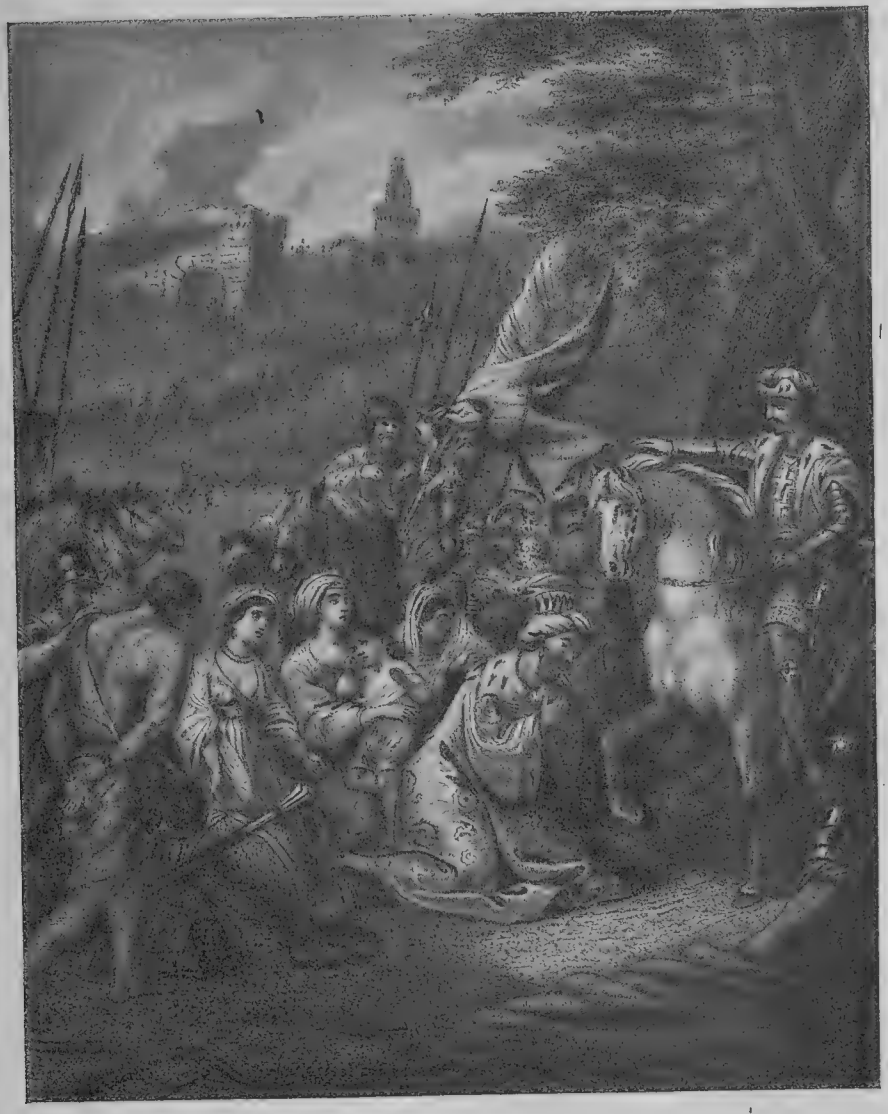


Рис. 39. Покореніе Казани. (Съ карт. Г. И. Угрюмова).

занцамъ смириться, грозясь, въ противномъ случаѣ, умертвить плѣнниковъ. Казанцы не дали отвѣта и плѣнники были убиты передъ

городомъ. Тогда Іоаннъ рѣшилъ взорвать казанскія стѣны и такимъ образомъ проникнуть въ городъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ бывшему при его войскѣ нѣмецкому инженеру («розмыслу») дѣлать подкопы. Въ подкопы закатывались бочки съ порохомъ, и такимъ способомъ производились взрывы. Когда, благодаря имъ, въ стѣнахъ образовались проломы, московское войско ворвалось въ городъ и, послѣ мужественной защиты казанцевъ, взяло его. Когда городъ былъ очищенъ отъ многочисленныхъ труповъ, царь въѣхалъ въ него и самолично выбралъ мѣсто для сооруженія перваго христіанскаго храма во имя Благовѣщенія. Цѣлыхъ пять лѣтъ послѣ покоренія Казани совершалось покореніе и усмиреніе народовъ, зависѣвшихъ отъ нея,— черемисовъ, мордвы, чувашей и друг. Въ 1555 году въ предѣлы бывшаго Казанскаго царства былъ назначенъ архіепископъ Гурій, которому былъ врученъ замѣчательный наказъ. Онъ внушалъ Гурію: всѣми мѣрами пріучать къ себѣ татаръ и обращать ихъ въ христіанство любовью, а не страхомъ; лучшихъ изъ тѣхъ татаръ, которые выразятъ желаніе креститься, держать у себя и обучать христіанской вѣрѣ, остальныхъ распредѣлять для крещенія между монастырями; чаще приглашать новокрещенныхъ къ своему столу и угощать ихъ, не выдавать виновныхъ въ чемъ-либо, хотя бы они держались магометанской вѣры, если только они прибѣгнутъ къ его защитѣ; обращаться съ ходатайствами и за некрещеныхъ татаръ не только къ воеводамъ, но и къ самому государю [1]).

Завоеваніе Казанскаго царства имѣетъ огромное значеніе въ нашей исторіи. Около $2^1/_2$ вѣковъ русскій народъ несъ на себѣ татарское иго. Въ теченіе этого періода былъ только одинъ свѣтлый моментъ—Куликовская побѣда; хотя она и подняла духъ народа, но не избавила его отъ ига. Спустя сто лѣтъ послѣ нея было свергнуто ненавистное иго. Золотая орда сперва распалась, а потомъ погибла. Изъ новыхъ татарскихъ царствъ ближайшимъ къ Москвѣ и наиболѣе опаснымъ было Казанское. «Надобно перенестись въ XVI в.,— говоритъ историкъ Соловьевъ—чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: завоевано *татарское* царство!» Съ другой стороны, прошло нѣсколько вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе князья совершали завоеванія—то были первые кіевскіе князья. Потомъ наступили времена удѣловъ, усобицъ, роста Москвы. Московскіе князья долгое время сосредоточивали въ своихъ рукахъ русскія земли. Іоаннъ Грозный присоединилъ къ Московскому царству царство иноплеменное; такимъ образомъ, завоеваніе Казани можно разсматривать, какъ *первое завоеваніе*.

[1]) Казань была взята 2 октября, на слѣдующій день послѣ Покрова. Въ Москвѣ въ память покоренія Казанскаго царства былъ построенъ знаменитый Покровскій соборъ, извѣстный болѣе подъ именемъ церкви Василія Блаженнаго.

Рис. 40. Соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ.

Важно было это событіе и въ томъ отношеніи, что открывало нашей промышленности и торговлѣ Поволжье, что только послѣ покоренія Казани могли совершиться завоеваніе Сибири и ея колонизація. Наконецъ, покореніе Казанскаго царства имѣетъ большое значеніе и съ всемірно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ представляетъ выдающійся фактъ въ исторіи борьбы христіанства съ исламомъ, Европы съ Азіей.

Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь (на средней Волгѣ и нижней Камѣ) притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей; издавна утвердился здѣсь торговый и промышленный народъ — болгары; издавна, когда еще русскій славянинъ не начиналъ строить на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ еще этихъ мѣстъ во имя европейской гражданственности, болгаринъ слушалъ уже коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣсь впервые въ сѣверо-восточной Европѣ христіанство столкнулось съ басурманствомъ. Это столкновеніе было необходимо, какъ скоро новая Русь остановилась въ области верхней Волги, какъ скоро славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ... Болгарамъ трудно было бы защищать Азію и магометанство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ татаръ, и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ татарскаго владычества это движеніе снова начинается; но тутъ Азія, татары собираютъ послѣднія силы и утверждаются въ опасномъ мѣстѣ, основывается Казань... Страшное ожесточеніе, съ какимъ татары, жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманіе историка: здѣсь средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя московскаго. (Соловьевъ).

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ покоренія Казани было завоевано царство Астраханское, и такимъ образомъ вся рѣка Волга очутилась во владѣніи Московскаго царя.

50. Опричнина и ея значеніе въ борьбѣ съ боярствомъ. Въ 1560 году скончалась добрая царица Анастасія Романовна. Вскорѣ были удалены отъ двора Сильвестръ и Адашевъ, эта—по выраженію Курбскаго — «избранная рада». Прошло еще немного времени: не стало и митрополита Макарія. Іоаннъ лишился такимъ образомъ людей, близкихъ къ нему, людей, на которыхъ онъ могъ положиться. Люди эти нѣсколько умѣряли страстную натуру Грознаго. Теперь около него уже не было старыхъ сотрудниковъ. Еще оставшіеся въ живыхъ стали покидать его: отъѣхало нѣсколько бояръ, много дѣтей боярскихъ, бѣжалъ въ Литву князь Курбскій, съ которымъ завязалась у Іоанна переписка, живо рисующая царя, его взгляды на правленіе и верховную власть, раскрывающая недовольство бояръ и ихъ стремленія. Та страстность, которою дышатъ письма Курбскаго, вызвана новыми государственными порядками въ Москвѣ. Потомокъ удѣльныхъ князей, Курбскій недоволенъ и принятіемъ царскаго ти-

Рис. 41. Іоаннъ IV Грозный.

тула и тѣмъ, что государь уже болѣе не руководствуется въ своей дѣятельности совѣтами князей-бояръ; отстаивая право отъѣзда бояръ, въ случаѣ недовольства государемъ, Курбскій возмущается тѣмъ, что съ подозрѣваемыхъ въ отъѣздѣ бояръ стали брать особыя записи. Особенно же возмущала его опричнина.

Вынесши изъ своего дѣтства и юности самыя тяжелыя воспоминанія о князьяхъ-боярахъ, видя ихъ измѣну, догадываясь объ ихъ стремленіяхъ, Грозный въ началѣ декабря 1564 года неожиданно для всѣхъ покинулъ Москву. Съ Іоанномъ уѣхали: его жена (Марія Темрюковна), царевичи, многіе бояре, которымъ онъ довѣрялъ, дворяне съ семьями и стража. Царь захватилъ съ собою всю свою казну и святыни, хранившіяся во дворцѣ. Посѣтивъ нѣсколько монастырей, онъ поселился въ Александровской слободѣ (теперь гор. Александровъ, Владимірской губерніи). Цѣлый мѣсяцъ не видала Москва своего царя. Наконецъ, въ годовщину низложенія Ивана Бѣльскаго Шуйскими, царь прислалъ посланіе къ митрополиту Аѳанасію. Въ этой грамотѣ царь исчислялъ проступки бояръ, начиная съ его малолѣтства, обвинялъ ихъ въ корыстолюбіи, нерадѣніи, измѣнѣ, обвинялъ духовенство въ томъ, что оно ходатайствуетъ за измѣнниковъ, и наконецъ объявлялъ, что, «не хотя ихъ многихъ измѣнниковъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государство и поѣхалъ, гдѣ вселитися идѣже его государя Богъ наставитъ». Въ тотъ же день посланные Іоанномъ дьяки читали на площадяхъ другую грамоту «къ православному христіанству града Москвы». Въ ней царь обращался къ гостямъ, купцамъ и остальнымъ жителямъ Москвы (кромѣ служилаго класса и духовенства), прося ихъ, чтобы они не безпокоились, такъ какъ на нихъ нѣтъ ни гнѣва, ни опалы. Жители Москвы снарядили посольство, которое должно было просить Іоанна воротиться въ Москву. Царь согласился вернуться, но заявилъ при этомъ, что будетъ наказывать предателей и ослушниковъ, иныхъ казнить и отбирать ихъ имущество, наконецъ — установитъ для себя опричнину, т. е. создастъ себѣ особый дворъ, своихъ бояръ и вообще служилыхъ людей, а также заведетъ особый отрядъ стрѣльцовъ. На содержаніе своего двора и на жалованье тѣмъ, кто будетъ въ опричнинѣ, царь опредѣлилъ доходъ съ извѣстныхъ городовъ и волостей. Затѣмъ онъ распорядился о зачисленіи въ опричнину нѣкоторыхъ князей, преимущественно же дворянъ и дѣтей боярскихъ, всего въ количествѣ 1000 человѣкъ. Онъ сталъ раздавать имъ помѣстья, пользуясь для этой цѣли тѣми землями, на которыхъ сидѣли родовитые вотчинники и помѣщики. Старыхъ владѣльцевъ онъ переводилъ на новыя мѣста. Подъ опричнину были взяты многіе города и часть самой Москвы. Все, что не входило въ опричнину, составило такъ называемую земщину и было отдано

въ управленіе земскимъ боярамъ. Уже много лѣтъ спустя Іоаннъ поставилъ во главѣ ихъ крещенаго татарина, Симеона Бекбулатовича, съ титуломъ великаго князя всея Руси. Но земскіе бояре могли вѣдать только текущія, незначительныя дѣла, въ важныхъ же случаяхъ должны были являться къ государю и поступать по его рѣшенію. Въ рукахъ Симеона, пробывшаго на своемъ мѣстѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, не было никакой власти. Дьяки даже не отписывались на его грамоты, предпочитая обращаться къ одному «государю князю Ивану Васильевичу Московскому». Наконецъ, за время своего существованія опричнина страшно разрослась, захвативъ огромную часть государственной территоріи и оставивъ земщинѣ только невыгодныя окраины. Въ результатѣ получилось нѣчто, напоминающее внѣшнимъ образомъ извѣстную реформу императора Октавіана Августа, съ той разницей, что Октавіанъ удержалъ для себя провинціи окраинныя, гдѣ сосредоточивались военныя силы государства, а въ рукахъ стараго управленія — сената — оставилъ провинціи центральныя.

Бывшій въ Москвѣ въ царствованіе сына Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, англійскій посолъ Флетчеръ написалъ сочиненіе о тогдашней Руси [1]). Въ этомъ сочиненіи онъ коснулся, между прочимъ, опричнины и вполнѣ удачно и мѣтко опредѣлилъ политическій смыслъ этой мѣры, направленной прежде всего противъ князей-бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей. Грозный, — говоритъ онъ, — учредивъ опричнину, включилъ въ нее отнятыя у князей-бояръ ихъ наслѣдственныя владѣнія. Въ своихъ владѣніяхъ потомки удѣльныхъ князей продолжали до мѣры Грознаго пользоваться не только большимъ вліяніемъ, но и сохраняли кое-какіе остатки прежней власти. Грозный далъ имъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, такъ какъ они родились не тамъ и населенію мѣстному неизвѣстны.

51. Борьба за Ливонію. Ливонскій орденъ съ самаго утвержденія своего на Балтійскомъ поморьѣ относился къ Руси враждебно. Враждебно смотрѣлъ онъ на развитіе политическаго могущества Москвы и на стремленія московскихъ государей къ культурному общенію съ Западомъ. Знающихъ людей, которыхъ продолжало вызывать изъ Западной Европы московское правительство, ливонцы

[1]) О сочиненіи Флетчера имѣется въ нашей исторической литературѣ обстоятельное изслѣдованіе С. М. Середонина, подъ заглавіемъ: Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the Russe Common Wealth“ какъ историческій источникъ. Интересующіеся вопросомъ объ опричнинѣ могутъ найти цѣнное изслѣдованіе о ней въ сочиненіи проф. С. Ѳ. Платонова „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“.

старались задерживать въ пути, совершенно вѣрно понимая, что дальнѣйшее усиленіе Руси неразрывно связано съ ея культурнымъ развитіемъ. Когда, послѣ покоренія Новгорода при Іоаннѣ III, великій князь московскій закрылъ въ Новгородѣ ганзейскій дворъ [1]), обстоятельство это не улучшило положенія русскихъ купцовъ, такъ какъ торговля перешла къ ливонскимъ городамъ, Ревелю и Нарвѣ. Ливонцы дѣйствовали точно такъ же, какъ и ганзейцы, удерживая главные торговые обороты въ своихъ рукахъ и ставя стѣснительныя условія для другихъ купцовъ. Голландцамъ, напримѣръ, они запретили изученіе русскаго языка и непосредственную торговлю съ русскими. Дѣло саксонца Шлитте, направлявшагося къ намъ съ различными знающими людьми, кончилось тѣмъ, что ливонцы выхлопотали у императора Карла V указъ, рѣшительно воспрещавшій пропускъ такихъ людей въ Московское государство. Одинъ изъ смѣльчаковъ хотѣлъ все-таки пробраться къ намъ, но былъ арестованъ и даже казненъ. Такимъ образомъ, Ливонія была преградой, мѣшавшей нашимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ Западной Европой.

Правда, для этихъ непосредственныхъ сношеній открылся неожиданный путь. Въ 1553 году къ устьямъ Сѣверной Двины прибылъ англійскій корабль подъ командою Ченслера. Корабль этотъ принадлежалъ къ небольшой эскадрѣ, снаряженной «компаніей для открытія неизвѣстныхъ земель». Отъ эскадры, искавшей путь въ Китай по Ледовитому океану, уцѣлѣлъ только одинъ корабль. Послѣ переговоровъ съ мѣстнымъ начальствомъ Ченслеръ былъ отправленъ въ Москву. Здѣсь Іоаннъ ласково принялъ его и вручилъ ему грамоту къ королю Эдуарду VI. Въ этой грамотѣ Іоаннъ писалъ: «повелѣли мы, чтобы присылаемые тобою суда и корабли приходили когда и какъ часто могутъ съ благонадежностью, что имъ не будетъ учинено зло». Вмѣстѣ съ тѣмъ Грозный просилъ у короля пословъ для переговоровъ о торговлѣ. Но въ это время Эдуардъ уже умеръ, а на англійскій престолъ вступила сестра его, Марія Кровавая. Въ 1555 году Ченслеръ снова прибылъ въ Москву отъ имени Маріи и ея мужа, Филиппа II Испанскаго. Іоаннъ даровалъ англичанамъ право безпошлинной торговли въ Московскомъ государствѣ, право строить свои дома и т. п. Въ слѣдующемъ году, когда въ Англію прибылъ посолъ Іоанна Грознаго, англичане даровали русскимъ въ своей странѣ такія же права, какія сами получили на

[1]) Ганза стремилась къ извлеченію изъ своихъ торговыхъ оборотовъ возможно большихъ барышей и поэтому постоянно давала мѣстному купечеству лишь второстепенное значеніе. Движеніе противъ Ганзы было и въ другихъ странахъ, какъ напр., въ Англіи при Эдуардѣ VI, когда у ганзейцевъ были отняты ихъ привилегіи.

Руси. Въ царствованіе Іоанна въ устьѣ Сѣверной Двины появились и голландцы.

Но Бѣлое море было слишкомъ далеко, и открывшійся путь для прямыхъ сношеній съ Западной Европой представлялъ много неудобствъ. Между тѣмъ Ливонія, отрѣзавшая намъ лучшій путь, замѣтно слабѣла. Слабость эта представляла для насъ и нѣкоторую опасность, такъ какъ Ливоніей могли завладѣть болѣе сильные сосѣди. Вотъ почему Грозный рѣшилъ покорить Балтійское поморье, принадлежавшее Ливонскому ордену.

Грозный началъ съ того, что потребовалъ отъ ливонцевъ уплаты той дани, которую они обязывались платить по старымъ договорамъ, но не платили уже въ теченіе 50 лѣтъ. Неисполненіе этого требованія послужило поводомъ къ Ливонской войнѣ, начавшейся вторженіемъ московскихъ войскъ въ предѣлы Ливоніи въ 1558 году. Война эта началась очень удачно для насъ. Въ томъ же году всѣ ливонскія земли почти до Ревеля и Риги подверглись страшному разоренію. Магистръ, сознавая невозможность сопротивленія, отправилъ въ Москву пословъ для переговоровъ о мирѣ. При этомъ съ большимъ трудомъ была собрана часть требуемой Іоанномъ дани. Ливонское посольство отрядило нѣсколькихъ лицъ, чтобы достать деньги до требуемыхъ царемъ размѣровъ. Царь отдалъ своимъ войскамъ приказъ прекратить войну. Но жители Нарвы внезапно открыли огонь по нашей Ивангородской крѣпости. Защитники Ивангорода очутились въ критическомъ положеніи и отправили въ Москву гонца съ запросомъ, какъ поступать. Имъ было приказано обороняться. Присланный въ то же время вспомогательный отрядъ разбилъ ливонское войско (у Валки). Тогда ивангородцы открыли по Нарвѣ жестокую канонаду. Ежедневно летѣло въ городъ до 300 мѣдныхъ и каменныхъ ядеръ. Жители Нарвы находились въ отчаянномъ положеніи, прибѣгали къ исключительнымъ мѣрамъ для уплаты жалованья наемному войску, посылали съ просьбою о помощи въ Ревель и Ригу, но помощи ни откуда не получили. Сознавая, что долѣе они держаться не могутъ, жители Нарвы отправили въ Москву пословъ съ предложеніемъ подданства. Іоаннъ встрѣтилъ ихъ вполнѣ благосклонно. Но, получивъ въ скоромъ времени подкрѣпленіе, Нарва снова отказала въ покорности. Тогда она была взята нашими войсками; городъ освятили и построили въ немъ православныя церкви. За Нарвой частью добровольно сдавались, частью брались съ бою другіе ливонскіе города. Такимъ образомъ, Ливоніи приходилъ конецъ. Тогда въ Дерптѣ (Юрьевѣ) состоялось рѣшеніе, результатомъ котораго было ея раздѣленіе, вскорѣ послѣдовавшее. Островъ Эзель отдался подъ защиту Даніи, Ревель съ незавоеванной частью Эстляндіи отошелъ въ подданство Швеціи,

Лифляндія признала надъ собою покровительство Польши, а магистръ Кетлеръ, совершивъ секуляризацію остальныхъ орденскихъ владѣній, т. е. Курляндіи и Семигаліи, принялъ титулъ герцога и поставилъ новое герцогство въ лэнную зависимость отъ польскаго короля.

Іоаннъ продолжалъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вести удачную для насъ войну съ разлагавшейся Ливоніей, но на защиту ливонскихъ земель выступили новые владѣльцы ихъ. Въ 1563 году Іоаннъ началъ войну съ Польшей осадой Полоцка подъ своимъ личнымъ руководствомъ. Когда Полоцкъ сдался, Іоаннъ отправилъ извѣщеніе митрополиту, заканчивавшееся такими словами: «Богъ нежданную Свою милость изліялъ на насъ недостойныхъ, вотчину нашу, городъ Полоцкъ намъ въ руки далъ». Царь оставилъ въ Полоцкѣ своихъ воеводъ, приказалъ исправить старыя укрѣпленія, воздвигнуть новыя и съ большимъ торжествомъ воротился въ Москву. Послѣ этого то велись между Литвою и Москвою переговоры о мирѣ, то обѣ стороны наносили другъ другу взаимныя опустошенія.

Такъ какъ литовскіе послы выражали готовность уступить Іоанну всѣ города, завоеванные его войсками, Грозный рѣшилъ передать вопросъ о прекращеніи или продолженіи войны самому народу въ лицѣ его представителей. Въ 1566 году въ Москвѣ собрался Земскій соборъ. Представители Русской земли дѣлились на соборѣ на группы: группу духовенства, группу бояръ, окольничихъ и государевыхъ дьяковъ, группу дворянъ и дѣтей боярскихъ, группу дьяковъ и приказныхъ людей, группу гостей и т. д. Каждая изъ группъ получала необходимыя для нея свѣдѣнія о ходѣ мирныхъ переговоровъ съ Литвою, въ той или другой формѣ. При подачѣ мнѣній по группамъ допускалась и подача мнѣнія отдѣльнымъ лицомъ какой-либо группы. Результатомъ отдѣльныхъ совѣщаній было единогласное мнѣніе, заключавшееся въ томъ, что за города, завоеванные у Литвы, слѣдуетъ стоять крѣпко.

Но король Сигизмундъ-Августъ не пожелалъ сдѣлать уступокъ и снова началъ войну. Война эта сдѣлалась особенно тяжелой для насъ, когда на польскій престолъ былъ избранъ воевода Стефанъ Баторій, обѣщавшій при избраніи вернуть Литвѣ области, завоеванныя у нея Москвою (1575). Вскорѣ послѣ этого началась война и со шведами, не желавшими уступить Іоанну Эстоніи. Стефанъ Баторій отличался крупными военными дарованіями и имѣлъ въ своемъ распоряженіи хорошо обученное и вооруженное войско. Взявъ Полоцкъ и цѣлый рядъ другихъ городовъ, Стефанъ Баторій осадилъ Псковъ (1581). Послѣдній мужественно защищался и отстоялъ себя. Съ другой стороны, очень удачно дѣйствовали шведы подъ руководствомъ Делагарди. Онъ отнялъ у насъ завоеванную нами

Нарву и взялъ русскіе города — Ивангородъ, Ямы и Копорье. При такихъ обстоятельствахъ Іоанну пришлось отказаться отъ войны и начать мирные переговоры. Въ 1582 году было заключено перемиріе съ Польшей, недалеко отъ Запольскаго яма (между Заволочьемъ и Порховымъ), а въ 1583 г. со Швеціей на р. Плюсѣ (близъ Нарвы). Стефану Баторію Грозный вынужденъ былъ уступить всѣ свои завоеванія, а въ ихъ числѣ и Полоцкъ, пріобрѣтенію котораго онъ въ свое время такъ радовался, какъ возвращенію стараго русскаго города. Швеція удержала Эстонію и завоеванные ею русскіе города.

Посредникомъ при заключеніи перемирія съ Польшей былъ знаменитый іезуитъ Антоній Поссевинъ. Онъ хотѣлъ, было, воспользоваться обстоятельствами, чтобы склонить Іоанна къ уніи, но потерпѣлъ въ этомъ рѣшительную неудачу.

Такимъ образомъ Іоанну Грозному не удалось пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, несмотря на сознательное стремленіе обладать ими.

52. Крымскіе татары и оборона южной границы. Положеніе Московскаго государства во время Ливонской войны было очень тяжелымъ и по той причинѣ, что, ведя борьбу съ западными врагами, оно вынуждено было постоянно обороняться отъ крымскихъ татаръ и усмирять возстанія черемисовъ.

Покореніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ произвело сильное впечатлѣніе на турецкаго султана Солимана Великолѣпнаго. Не будучи въ состояніи, по причинѣ отдаленности, послать войско на помощь Казани, онъ воодушевлялъ на подвиги отдѣльныхъ борцовъ за ея независимость. Удерживалъ его отъ посылки войска и крымскій ханъ, который боялся, съ утвержденіемъ власти султана въ предѣлахъ Европейской Россіи, утратить и послѣднюю долю своей самостоятельности. Но, несмотря на эти препятствія, Солиманъ незадолго до своей смерти готовился послать войско, чтобы отнять все-таки у Іоанна Астрахань. Преемникъ Солимана, Селимъ, послалъ нѣсколько тысячъ янычаръ, съ которыми велѣлъ соединиться и крымцамъ. Имъ было сдѣлано распоряженіе о прорытіи канала между Дономъ и Волгою. На серьезность его намѣреній указываетъ и другое его распоряженіе о томъ, чтобы подъ Астраханью была построена крѣпость, гдѣ войско его могло бы провести зиму въ томъ случаѣ, если-бы ему не удалось взять Астрахани. Но походъ янычаръ кончился неудачно: опасаясь, что имъ придется голодать, они заставили своего пашу повернуть въ обратный путь. Ханъ повелъ турокъ по безводнымъ мѣстамъ, почему многіе изъ нихъ погибли.

Послѣ этого крымскій ханъ (а ханомъ въ это время былъ Девлетъ-Гирей) отправилъ въ Москву гонца съ грамотою, въ которой просилъ уступить Крыму Астрахань и Казань, требовалъ раз-

мѣна плѣнныхъ, тысячи рублей денегъ и даровъ. Относительно Казани и Астрахани Грозный отказалъ, въ остальномъ удовлетворилъ хана, но не въ такой мѣрѣ, въ какой тотъ желалъ. Ласковымъ посланіемъ къ хану Іоаннъ разсчитывалъ затянуть дѣло.

Въ то же время онъ велъ переговоры съ султаномъ Селимомъ, неуклонно требовавшимъ уступки Казани и Астрахани и даже вассальной зависимости отъ Турціи всего Московскаго государства. Такъ какъ доносились вѣсти о непріязненныхъ намѣреніяхъ хана, Іоаннъ поставилъ на Окѣ свое войско и даже самъ два раза пріѣзжалъ сюда, какъ только приходили вѣсти о приближеніи хана. Но вѣсти оказывались преувеличенными: являлись малочисленныя толпы крымцевъ, которыя безъ труда и прогонялись нашимъ войскомъ. Весною 1571 года, дѣйствительно, двинулся къ московскимъ границамъ самъ ханъ во главѣ огромнаго войска. Ему удалось перебраться за Оку. Отрѣзанный отъ главнаго войска, Грозный поступилъ такъ, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ его предшественники, застигнутые врасплохъ, т. е. отступалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ винилъ въ измѣнѣ своихъ бояръ, которые — по его убѣжденію — дали возможность хану переправиться черезъ Оку. Ханъ подошелъ къ Москвѣ и сжегъ ее. При этомъ пожарѣ погибло много народу, а еще больше было уведено въ неволю. Застигнувъ Іоанна врасплохъ и сжегши Москву, ханъ отправилъ Грозному надменную грамоту, въ которой завѣрялъ его, что его не интересуютъ деньги («а всего свѣта богатство примѣняю къ праху»), что онъ воюетъ за Казань и Астрахань, за вѣру, и снова требовалъ уступки Казани и Астрахани. Царь завелъ переговоры съ цѣлью затянуть дѣло и предлагалъ ему одну Астрахань, на самомъ дѣлѣ, конечно, не желая отдавать и ее. Но скоро ханъ запросилъ, по старой привычкѣ, денегъ — 2,000 руб. Грозный, отказываясь уступать Казань и Астрахань, послалъ ему 200 рублей. («Ты въ своей грамотѣ писалъ къ намъ, что въ твоихъ глазахъ казны и богатства праху уподобились... что у насъ случилось, двѣсти рублей, то мы и послали къ тебѣ»). Ханъ, понимая намѣреніе Іоанна, снова двинулся въ 1572 году къ Окѣ, но на этотъ разъ встрѣтился съ сильнымъ войскомъ. Въ 50-ти верстахъ отъ Москвы, на берегу Лопасни, князь Воротынскій нанесъ ему нѣсколько пораженій, такъ что ханъ бѣжалъ съ большими потерями.

Южнымъ границамъ Московскаго государства грозила постоянная опасность со стороны крымскихъ татаръ и другихъ восточныхъ инородцевъ. Необходимо было предпринять мѣры къ укрѣпленію этихъ границъ. Служилые люди южныхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ нимъ центральныхъ уѣздовъ направлялись, по распоряженію правительства, ежегодно раннею весною въ числѣ 60,000 человѣкъ и болѣе къ южнымъ границамъ, гдѣ группировались въ полки.

Если приходили вѣсти о приближеніи врага, полки эти двигались навстрѣчу ему, въ степь. Полки дѣлились на конные и пѣшіе. Трудъ служилыхъ людей оплачивался натурой: имъ выдавали во временное и условное владѣніе участки государственной территоріи, называвшіеся въ отличіе отъ вотчинныхъ владѣній помѣстьями. Съ цѣлью обороны государства отъ «дикаго поля», т. е. отъ степей, отдѣлявшихъ насъ отъ татаръ, укрѣплялись древніе русскіе города, стоявшіе близко къ дикому полю, и строились новыя укрѣпленія. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, воеводы отправляли въ степь особыхъ развѣдчиковъ, которые слѣдили за движеніями татаръ и своевременно доносили о нихъ.

„Не одинъ разъ — говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, закончивъ обзоръ южной части Московскаго государства, — мы называли все это пространство „военнымъ округомъ“. Дѣйствительно, потребностями народной обороны обусловливались здѣсь всѣ правительственныя дѣйствія и опредѣлялся складъ общественной жизни и хозяйственной дѣятельности. Свойства врага, котораго надлежало здѣсь остерегаться и съ которымъ приходилось бороться, были своеобразны: это былъ степной хищникъ, подвижной и дерзкій, но въ то же время нестойкій и неуловимый. Онъ „искрадывалъ“ русскую украйну, а не воевалъ ее открытою войною; онъ полонилъ, грабилъ и опустошалъ страну, но не завоевывалъ ея; онъ держалъ московскихъ людей въ постоянномъ страхѣ своего набѣга, но въ то же время онъ не пытался отнять навсегда или временно присвоить земли, на которыя налеталъ внезапною, но короткою грозою. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организаціи, предназначенной на борьбу съ такимъ врагомъ. Рядъ крѣпостей стоялъ на границѣ... Изъ крѣпостей разсылаются развѣдочные отряды для наблюденія за появленіемъ татаръ, а въ опредѣленное время года въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ собираются большія массы войскъ въ ожиданіи крупнаго набѣга крымскаго „царя“. Всѣ мелочи крѣпостной жизни, всѣ маршруты развѣдочныхъ партій, вся „береговая“ или „вольная“ служба, какъ ее называли,—словомъ вся совокупность оборонительныхъ мѣръ опредѣлена наказами и „росписями“... А между тѣмъ несмотря на опасности, на всемъ пространствѣ укрѣпленной границы живетъ и подвигается впередъ, все южнѣе, земледѣльческое и промышленное населеніе... Стремленіе московскаго населенія на югъ изъ центра государства было такъ энергично, что выбрасывало наиболѣе предпріимчивые элементы даже вовсе за границу крѣпостей, гдѣ защитою поселенца была уже не засѣка или городской валъ, а природныя „крѣпости“: лѣсная чаща и теченіе лѣсной же рѣчки... Такимъ образомъ, рядомъ съ правительственною заимкою поля происходила и частная... Въ борьбѣ съ народнымъ врагомъ обѣ силы, и общество и правительство, какъ бы наперерывъ, идутъ ему на встрѣчу и взаимною поддержкою умножаютъ свои силы и энергію“. (С. Ѳ. Платоновъ).

53. Покореніе Сибири. Съ небольшимъ за годъ до своей смерти, угнетаемый внѣшними неудачами и внутреннею смутой, Іоаннъ Грозный получилъ радостное извѣстіе о покореніи татарскаго Сибирскаго царства, совершенномъ его подданными, подвергшимися его царскому гнѣву.

Въ то время Сибирью называлась только небольшая часть той страны, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ настоящее время. Царство Сибирское состояло изъ части нынѣшней Тобольской губерніи. Оно возникло лишь въ XVI столѣтіи. Около 1563 года этимъ царствомъ овладѣлъ ногайскій ханъ Кучумъ.

Издавна Русь подвигалась къ границамъ этого края, называвшагося прежде Югрою [1]). Первыми появились здѣсь новгородцы. Трудность и продолжительность пути, простиравшагося болѣе чѣмъ на 3,000 верстъ и шедшаго преимущественно по рѣкамъ, не удерживали ихъ. Они вступали съ мѣстнымъ населеніемъ въ торговыя сношенія и вымѣнивали здѣсь собольи, куньи и лисьи мѣха. Въ XIV вѣкѣ они предпринимали походъ даже за р. Обь. Когда, въ слѣдующемъ столѣтіи, Іоаннъ III присоединилъ къ московскимъ владѣніямъ Новгородскую общину, то вмѣстѣ съ нею покорились Іоанну и зависѣвшія отъ нея земли. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ покоренія Новгорода московское войско ходило на Югру до самой р. Оби. Походъ былъ повторенъ въ самомъ концѣ XV в., когда мѣстные правители отказались платить великому князю московскому дань. Съ тѣхъ поръ Іоаннъ III включилъ въ свой титулъ прибавку «Югорскій». Но прибавка эта не соотвѣтствовала дѣйствительности: во второй половинѣ XVI в. на мѣстѣ Югры возникло татарское Сибирское царство.

На перепутьи изъ Москвы на Югру лежалъ Пермскій край [2]), соприкасавшійся съ Югрою своею восточной границей. Первыми колонизаторами этого финскаго края были новгородцы. Съ утвержденіемъ здѣсь христіанства во второй половинѣ XIV в., благодаря просвѣтительной дѣятельности Св. Стефана, между Пермскимъ краемъ и Москвою установилась извѣстная связь. При Іоаннѣ III Пермская земля была покорена Москвою. Изъ новгородскихъ колонистовъ этого края пріобрѣли заслуженную славу Строгановы. Родоначальникомъ этой семьи былъ богатый новгородскій выходецъ Спиридонъ, жившій во времена Дмитрія Донского. Когда Василій Темный попался въ плѣнъ къ казанскимъ татарамъ, Строгановы участвовали въ его выкупѣ; существуетъ даже мнѣніе, что великій князь былъ выкупленъ исключительно на ихъ средства. Владѣя обширными землями Пермскаго края, они устроили здѣсь свои знаменитыя соляныя варницы. Получая грамоты на обладаніе все новыми и новыми землями, они пріобрѣтали вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ исключительныя

---

[1]) Собственно Югрою въ нашихъ письменныхъ памятникахъ съ XII по XIV вв. называлась земля, расположенная къ западу отъ Уральскаго хребта, и только съ XV в. стали называть этимъ именемъ область, прилегающую къ восточнымъ склонамъ Урала.

[2]) Въ глубокой древности онъ назывался Біарміей.

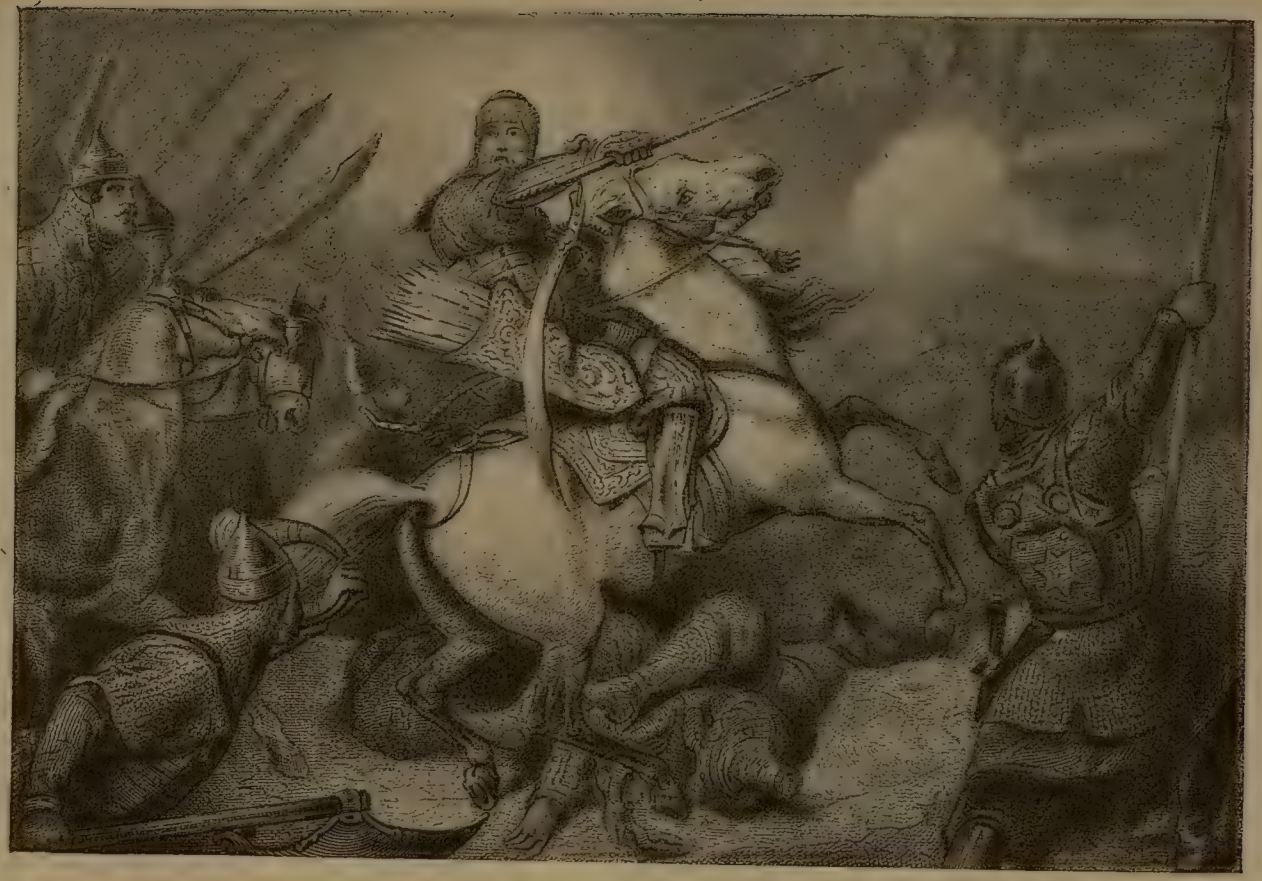


Рис. 42. Ермакъ, покоритель Сибири. (Рис. А. Шарлемань).

права. Они пользовались правомъ самостоятельнаго суда, правомъ призывать въ свой край поселенцевъ, строить города и крѣпости, содержать полки ратныхъ людей для защиты отъ сибирскихъ татаръ, вести съ Азіей безпошлинную торговлю, освобождались на большіе періоды времени отъ податей и т. под. Такое положеніе Строгановыхъ сильно напоминаетъ положеніе феодальныхъ бароновъ въ Западной Европѣ. Они признавали надъ собою одну только власть государя московскаго. Московское правительство само не имѣло возможности ни заселять этотъ край, ни извлекать его естественныя богатства, ни защищать его, отвлекаемое въ сторону другими важными интересами. На помощь ему и здѣсь, какъ при заселеніи «дикаго поля», явилось само общество, въ лицѣ своихъ даровитыхъ представителей. И здѣсь, такимъ образомъ, совершалась совмѣстная и плодотворная дѣятельность правительства и общества.

Строгановы сильно нуждались въ ратныхъ людяхъ и нанимали ихъ къ себѣ на службу. Въ XVI вѣкѣ много вольныхъ и отважныхъ, подходящихъ для нихъ, людей жило по Волгѣ. То были казаки, безпощадно грабившіе караваны судовъ съ товарами. Въ 1579 году Семенъ Строгановъ обратился къ этимъ казакамъ съ грамотою, въ которой призывалъ ихъ для борьбы съ зауральскими врагами, часто мѣшавшими мирному дѣлу Строгановыхъ. На этотъ призывъ, сопровождаемый дарами, отозвалось 500 слишкомъ казаковъ съ атаманомъ своимъ Ермакомъ Тимофѣевичемъ. Они прожили нѣкоторое время у Строгановыхъ, ведя борьбу съ вогулами и другими инородцами края, и только осенью 1581 года отправились за Уральскій хребетъ. Ихъ число было увеличено до 800 слишкомъ человѣкъ, такъ какъ Строгановы присоединили къ нимъ часть ратныхъ людей, состоявшихъ у нихъ на службѣ. Любопытно, что въ числѣ этихъ ратныхъ людей были корелы и литовцы. Съ уходомъ значительнаго числа ратныхъ людей, оборонявшихъ владѣнія Строгановыхъ, положеніе послѣднихъ замѣтно ухудшилось, и они стали просить помощи у правительства. На эту просьбу пришла изъ Москвы грозная грамота, которая ставила имъ въ вину посылку ратныхъ людей въ Сибирь и требовала ихъ возвращенія. Исполнить это требованіе не было никакой возможности, такъ какъ Ермакъ былъ уже далеко.

Проплутавъ нѣкоторое время по мало извѣстнымъ мѣстностямъ, Ермакъ дошелъ до столицы Кучумова царства, называвшейся Искеромъ или Сибирью и расположенной на р. Иртышѣ. Количественно силы враговъ были страшно неравными, но у казаковъ было огнестрѣльное оружіе, котораго сибиряки еще совсѣмъ не знали. Одинъ изъ сибирскихъ татаръ, попавшій въ плѣнъ къ Ермаку, но отпущен-

ный имъ на волю, въ такихъ выраженіяхъ описывалъ Кучуму огнестрѣльное оружіе, которое видѣлъ у казаковъ: «егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда очень пышетъ и дымъ великій изходитъ и громко чолкнетъ, яко громъ на небеси... а ущититься никакими ратными збруями (т. е. панцырями, кольчугами) невозможно». Ермакъ разбилъ Кучума и татарскаго героя Маметкула; оба они бѣжали, а казаки завладѣли Искеромъ или Сибирью. Послѣднему названію Кучумовой столицы суждено было распространиться на всю сѣверную Азію до самаго Великаго океана.

Такъ пало Сибирское царство. Здѣсь совершилось то же, что происходило въ Америкѣ, когда важнѣйшія государства ея покорялись горстью европейцевъ подъ предводительствомъ Кортеца, Пизарро и другихъ отважныхъ людей, напоминающихъ нашего Ермака.

Покоривъ Сибирь, Ермакъ отправилъ посломъ къ Іоанну Грозному своего товарища, атамана Кольцо. Въ то же время извѣщенные имъ Строгановы предупредили царя сообщеніемъ радостной вѣсти. Строгановы были пожалованы новыми землями. Милостиво принявъ атамана Кольцо и его спутниковъ, царь одарилъ казаковъ и послалъ военный отрядъ на помощь Ермаку, но отрядъ этотъ уже не засталъ Ермака въ живыхъ. На берегахъ Иртыша онъ подвергся ночному нападенію татаръ и погибъ. Казаки, лишенные отважнаго и умнаго вождя, бѣжали, и власть снова перешла въ руки Кучума, но не надолго. При преемникѣ Іоанна Грознаго Сибирь окончательно покорилась русскому владычеству.

Народъ не забылъ Ермака и долго пѣлъ про него пѣсни. Въ 1839 году былъ воздвигнутъ въ Тобольскѣ на высокомъ холмѣ величественный памятникъ «Покорителю Сибири, Ермаку».

Царь Іоаннъ Грозный былъ жестокимъ человѣкомъ жестокаго вѣка. Въ то время люди не сдерживали себя, какъ умѣютъ сдерживать теперь: рѣзче выражали свои мысли и чувства, ни во что цѣнили жизнь ближняго. Стоитъ припомнить, что XVI в. и въ Западной Европѣ, которая была несравненно культурнѣе Россіи, былъ вѣкомъ Генриха VIII и Маріи Кровавой въ Англіи, Варѳоломеевской ночи, безпощадной междоусобной борьбы и Генриха III во Франціи, Филиппа II въ Испаніи и т. под. Какъ человѣкъ страстнаго темперамента, невоспитанный, испорченный раболѣпіемъ, онъ совершенно не умѣлъ сдерживать себя даже по отношенію къ людямъ близкимъ, хотя и бывали случаи, когда онъ прощалъ людей, сильно погрѣшившихъ противъ него. Жертвою его необузданнаго гнѣва былъ его старшій сынъ Іоаннъ, котораго онъ убилъ своимъ жезломъ изъ-за пустого противорѣчія, ударивъ его въ запальчивости [1]). Угрызенія

[1]) Между отцомъ и сыномъ кинулся Борисъ Годуновъ, явно жертвуя своею жизнью, но ему не удалось устранить несчастія.

совѣсти, душевныя страданія много способствовали въ немъ упадку духа. Послѣ смерти Грознаго остались два сына: Ѳеодоръ и малолѣтній Дмитрій.

54. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. По смерти отца вступилъ на престолъ Ѳеодоръ Іоанновичъ (1584—1598). Царя окружала «ближняя дума», въ составъ которой входили его родственники и свойственники ихъ. Къ ней и перешло государственное управленіе, такъ какъ самъ Ѳеодоръ былъ человѣкомъ тихимъ, ласковымъ, милостивымъ, набожнымъ, но совершенно неспособнымъ.

Обыкновенно — говоритъ С. М. Соловьевъ — встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святого, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо-ли она почивала, и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутренѣ, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь ѣдетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, если отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужескаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни: это — самая любимая его забава; другая забава — бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову. (Соловьевъ).

Лица, окружавшія царя Ѳеодора, опасались какого-либо враждебнаго дѣйствія со стороны Нагихъ и ихъ приверженцевъ, окружавшихъ маленькаго Дмитрія, сына Іоанна Грознаго и Маріи, происходившей изъ фамиліи Нагихъ. Они боялись потерять то значеніе, которымъ пользовались при дворѣ. Поэтому сейчасъ же, послѣ смерти Грознаго, царевичъ Дмитрій съ матерью и родственниками былъ отправленъ въ свой удѣлъ—Угличъ. Богданъ Бѣльскій, «дядька» маленькаго царевича, былъ также удаленъ изъ Москвы и назначенъ воеводою въ Нижній-Новгородъ. Удаленіе Нагихъ въ Угличъ также не имѣло характера опалы: оба двора, московскій и угличскій, обмѣнивались привѣтствіями и пересылались дарами.

Въ небольшомъ кружкѣ, въ рукахъ котораго сосредоточилась правительственная власть, не было представителей коренной москов-

ской знати. Первое мѣсто по происхожденію могли бы занять Шуйскіе, но они сидѣли воеводами въ большихъ пограничныхъ городахъ—Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ. Такъ сильно ощущались послѣдствія опричнины. Въ то время, какъ самые родовитые представители московской знати, бояре-князья, воеводствовали на рубежахъ, а вернувшись въ Москву, имѣли небольшое значеніе при дворѣ, власть находилась въ рукахъ Никиты Романовича, Бориса Ѳеодоровича Годунова и дьяковъ Щелкаловыхъ. Никита Романовичъ, происходившій изъ рода Захарьиныхъ, былъ роднымъ братомъ первой супруги Грознаго, Анастасіи, что и выдвинуло его и его фамилію на видное мѣсто. Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ приблизился ко двору Іоанна Грознаго съ того времени, какъ женился на дочери царскаго любимца, извѣстнаго опричника Малюты Скуратова-Бѣльскаго. Еще болѣе укрѣпилъ его мѣсто при дворѣ бракъ его сестры, Ирины, съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Первое мѣсто при дворѣ царя Ѳеодора занималъ нѣкоторое время Никита Романовичъ. По смерти же послѣдняго первенство перешло къ Борису Годунову.

Впрочемъ, нѣкоторые представители фамиліи Шуйскихъ были въ это время въ Москвѣ. Если покойный Никита Романовичъ мечталъ, что престолъ по смерти бездѣтнаго Ѳеодора (Дмитрій былъ еще слишкомъ малъ, да и права его на престолъ были сомнительны, такъ какъ его мать была седьмою женою Грознаго) перейдетъ къ его дѣтямъ, при содѣйствіи Бориса, въ чемъ тотъ и клялся ему, то Шуйскіе, какъ первые представители родовитой знати, мечтали о престолѣ для себя. Вотъ почему они и начали противиться Годунову («никакоже ему поддавахуся ни въ чемъ») и, наконецъ, повели противъ него настоящую борьбу, такъ какъ въ возвышеніи Бориса усматривали уничтоженіе своихъ плановъ. Въ борьбѣ этой на сторонѣ Шуйскихъ было и высшее духовенство (митрополитъ Діонисій, архіепископъ крутицкій Варлаамъ), московскіе купцы и чернь. Но Борисъ, сильный своею сестрою-царицей и умомъ, одержалъ верхъ надъ противниками, хотя самой жизни его грозила опасность (толпа собиралась «безъ милости побити его каменьемъ»). Представители высшаго духовенства были заключены по монастырямъ, старшіе Шуйскіе сосланы, а простые люди («мужики воры») поплатились своими головами. Соперниковъ у Бориса не стало. Укрѣпить занятое положеніе, пріобрѣсти особый, исключительный титулъ помогли ему сторонники его, изъ которыхъ большую услугу могъ оказать ему одинъ изъ Щелкаловыхъ, дьякъ Посольскаго Приказа. Въ Англіи называли Бориса лордомъ-протекторомъ. Да и на родинѣ стали постепенно называть его не просто «бояриномъ», а «конюшимъ и бояриномъ», «слугою», «дворовымъ воеводой», «намѣстникомъ Казанскимъ и Астраханскимъ», «правителемъ». Всѣмъ иностранцамъ да-

вали понять, что Годуновъ занимаетъ совсѣмъ исключительное положеніе. Наконецъ, Годуновъ получилъ, по приговору царя и бояръ, право вести оффиціальную переписку отъ своего имени съ иностранными государями. Незадолго до смерти Ѳеодора Іоанновича рядомъ съ именемъ Бориса Годунова начинаетъ упоминаться имя его сына Ѳеодора. Ѳеодоръ Борисовичъ сталъ принимать участіе въ пріемѣ иностранныхъ посольствъ.

Такъ постепенно и вѣрно овладѣвалъ Борисъ властью въ государствѣ и такъ укрѣплялъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ. „Властодержавное правительство“ Бориса было узаконено и оформлено. Тѣмъ, кто не былъ доволенъ успѣхами „правителя“, оставалось лишь негодовать на него и тайно его осуждать. Явная борьба съ нимъ была невозможна: для нея не было законныхъ средствъ. Къ тому же ни у кого не было и силъ для борьбы. Боярство не могло оправиться отъ опричнины и отъ репрессій 1585 и 1587 годовъ [1]), а Борисъ безраздѣльно „правилъ землю рукою великаго государя“. Однако, если бы придворное его вліяніе было слѣдствіемъ только ловкой интриги и угодничества, если бы оно не опиралось на большой правительственный талантъ, оно не было бы такъ глубоко и прочно. Но, безъ сомнѣнія, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ. Его ума, по словамъ Ивана Тимоѳеева [2]), не отрицали даже его враги („ни врагъ его кто наречетъ сего яко безумна“); самъ же Тимоѳеевъ думалъ, что Борисъ по уму былъ выше всѣхъ преемниковъ его по власти: „аще быша по семъ намъ нніи царіе разуму“,—говоритъ онъ своимъ вычурнымъ слогомъ,—„но къ сего (Бориса разуму) стѣнь суть онѣхъ разумы, якоже познано есть во всѣхъ“. Эта послѣдняя ссылка на общее мнѣніе, на то, что всѣми „познано“, сдѣлана у нашего автора не напрасно. Дарованія Годунова нашли себѣ общее признаніе у его современниковъ. (Платоновъ).

55. Учрежденіе патріаршества. Крупнымъ явленіемъ во внутренней исторіи царствованія Ѳеодора Іоанновича было учрежденіе патріаршества на Руси. Еще во второй половинѣ XV столѣтія, когда была завоевана османскими турками Византійская имперія, и митрополиты наши не могли уже безпрепятственно совершать поѣздокъ въ Константинополь для поставленія, всѣ четыре восточныхъ патріарха дали свое согласіе на то, чтобы московскіе митрополиты не ѣздили въ Константинополь, но избирались и ставились въ Москвѣ. Несмотря на это московская церковь осталась по-прежнему митрополіей. Но въ то время, какъ восточные патріархаты бѣдствовали подъ иновѣрнымъ гнетомъ и все болѣе и болѣе умалялись, наша церковь вмѣстѣ съ государствомъ постоянно расширялась и по своему объему далеко превосходила каждую изъ восточныхъ церквей. Связь

[1]) Въ 1585 году умеръ Никита Романовичъ, къ 1587 году относится побѣда Бориса надъ Шуйскими и сторонниками ихъ.

[2]) Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ написалъ Временникъ, служащій цѣннымъ памятникомъ для исторіи смутнаго времени. Временникъ обнимаетъ эпоху отъ Іоанна Грознаго до междуцарствія.

нашей церкви, фактически уже ставшей самостоятельною, съ восточными церквами выражалась въ тѣхъ денежныхъ и иныхъ вспоможеніяхъ, за которыми почти ежегодно пріѣзжало къ намъ по нѣскольку духовныхъ лицъ, представителей всѣхъ восточныхъ церквей. Пріѣзжали и сами патріархи. Все это рѣзко бросалось въ глаза и, естественно, казалось ненормальнымъ. Съ другой стороны, съ развитіемъ нашего политическаго могущества, развивалось и наше самосознаніе. Вспомнимъ о старцѣ Филоѳеѣ, который писалъ дьяку Мунехину: «всѣ христіанскія царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя по пророческимъ книгамъ; два убо Рима падоша, а третій [1]) стоитъ, а четвертому не быть». Такимъ образомъ, по мнѣнію нашихъ книжниковъ, къ Москвѣ должно было перейти все значеніе Константинополя. Одна Москва становилась теперь хранительницей и опорой православія. Отсюда уже легко было придти къ выводу о принятіи великимъ княземъ московскимъ царскаго титула, объ учрежденіи московскаго патріархата. Въ связи съ этими взглядами создавались и развивались различныя легенды, составлявшія любимое чтеніе людей того времени. Особенно настоятельно должна была приходить въ голову русскаго человѣка мысль о созданіи своего патріаршества съ того времени, какъ государь русскій принялъ величественный титулъ царя. Мысли этой суждено было осуществиться въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, набожнѣйшаго изъ московскихъ государей.

Въ 1586 году пріѣхалъ въ Москву антіохійскій патріархъ Іоакимъ. При посѣщеніи имъ Успенскаго собора произошло слѣдующее. Митрополитъ (тогда былъ имъ Діонисій) не встрѣтилъ патріарха въ дверяхъ, какъ этого слѣдовало ожидать, а выслалъ для этого своихъ людей—боярина, дворецкаго и ключаря. Самъ же сталъ посреди церкви въ полномъ облаченіи, имѣя вокругъ себя представителей высшаго духовенства. Когда патріархъ, приложившись къ иконамъ, направился къ митрополиту, Діонисій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ему и первый благословилъ его, послѣ чего принялъ благословеніе отъ патріарха. Патріархъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, очевидно, заранѣе обдуманное и рѣшенное при дворѣ, и «поговорилъ слегка, что пригоже было митрополиту отъ него благословеніе принять напередъ, да и переспалъ о томъ». Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Борисъ Годуновъ посѣтилъ Іоакима и познакомилъ его съ мыслью, утвердившеюся при дворѣ, объ учрежденіи московскаго патріаршества. Іоакимъ отвѣчалъ на это, что всѣ патріархи благодарны государю за его милостыни, и что въ Россійскомъ царствѣ патріарху быть «пригоже», но что дѣла этого сдѣлать, не

[1]) Москва.

снесясь съ другими патріархами, нельзя. Въ заключеніе онъ обѣщалъ поднять объ этомъ дѣлѣ вопросъ. При отъѣздѣ онъ былъ награжденъ щедрыми дарами [1]).

Однако, дѣло не подвигалось такъ быстро, какъ желали бы этого въ Москвѣ. Прошло два года, и за это время только разъ пришли грамоты изъ Константинополя, въ которыхъ, хотя и говорилось о мечтѣ московскаго правительства, но на первомъ мѣстѣ стояло челобитье государю о милостынѣ. Да константинопольскому патріарху было и не до того. Какъ разъ въ это время султанъ низвергъ тогдашняго патріарха и на мѣсто его въ третій разъ возвелъ Іеремію II, бывшаго въ заточеніи. Прибывъ въ Константинополь, Іеремія увидѣлъ, что все патріаршее достояніе разграблено, кельи

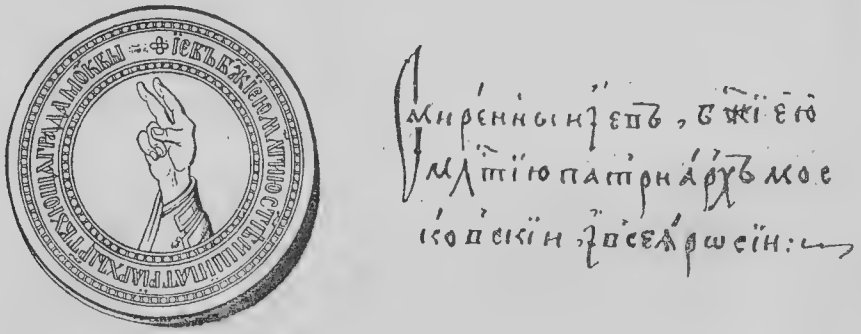


Рис. 43. Печать патр. Іова.

обвалились, и патріаршая церковь обращена въ мечеть. Необходимо было снова обзаводиться, а безъ «милостыни» въ этомъ дѣлѣ обойтись было невозможно. Вотъ почему Іеремія предпринялъ путешествіе въ Россію. Лѣтомъ 1588 г. онъ былъ уже въ Смоленскѣ. Послу, который долженъ былъ встрѣтить патріарха и проводить его въ Москву, въ числѣ другихъ порученій было дано и слѣдующее: провѣдать, «есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ, съ соборнаго приговора, къ государю приказъ: честь же къ патріарху держать великую, такую же, какъ къ нашему митрополиту». Патріархъ былъ принятъ царемъ и прожилъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Только

[1]) Такимъ образомъ уже оффиціально была высказана мысль объ учрежденіи патріаршества на Руси въ то время, когда митрополитомъ былъ еще Діонисій. „Слѣдовательно совершенно произвольно—какъ говоритъ преосвященный Макарій въ своей „Исторіи русской церкви“ — извѣстное мнѣніе, будто собственно Борисъ Годуновъ задумалъ учредить патріаршество въ Россіи, чтобы возвесть въ этотъ санъ своего любимца, митрополита Іова, и тѣмъ еще болѣе привлечь его къ себѣ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей“.

передъ его отъѣздомъ Борисъ Годуновъ повелъ съ нимъ рѣчь о московскомъ патріаршествѣ. Сперва Іеремія отказалъ, затѣмъ предложилъ въ кандидаты себя самого. За послѣднее предложеніе ухватились и предложили патріарху имѣть своей резиденціей г. Владиміръ на Клязьмѣ, находя неудобнымъ «изгнать» изъ Москвы русскаго митрополита и поселить въ ней грека, не знающаго ни языка, ни обычаевъ нашихъ. Только послѣ долгихъ переговоровъ Іеремія согласился поставить въ патріархи того, кто будетъ избранъ русскимъ духовенствомъ. Соборъ по вопросу объ избраніи патріарха, съ участіемъ Іереміи, выставилъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ первое мѣсто занималъ московскій митрополитъ Іовъ. Въ концѣ января 1589 года совершилось и поставленіе Іова въ санъ русскаго патріарха.

56. Указы о крестьянахъ. Судебники Іоанна III и Грознаго, не уничтожая крестьянскаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, установили извѣстный срокъ, въ который могли совершаться крестьянскіе переходы. Для этого были опредѣлены двѣ недѣли: одна до осенняго Юрьева дня, а другая — послѣ него.

Сильное расширеніе границъ Московскаго государства требовало и огромнаго войска для ихъ охраны. Поэтому заботы государства направлялись къ увеличенію военно-служилаго класса. Въ видѣ жалованья дѣти боярскія и дворяне получали отъ государя помѣстья, чтобъ и жить, и нести службу съ тѣхъ доходовъ, которые доставляли они. Помѣщики обязаны были по первому зову являться «конны, людны и оружны». Каждаго вотчинника, каждаго помѣщика, выступавшаго на службу на конѣ и въ доспѣхахъ, обязательно должно было сопровождать такое количество слугъ, какое могла ему дать занимаемая имъ земля. Доходъ же земли зависѣлъ отъ ея населенія. Между тѣмъ, населеніе это, крестьяне переходили съ земель мелкихъ помѣщиковъ на земли крупныхъ владѣльцевъ, которые даже переманивали ихъ, предоставляя имъ бо́льшія льготы. Это явленіе разоряло мелкихъ землевладѣльцевъ и было вмѣстѣ съ тѣмъ очень невыгодно для правительства, такъ какъ обѣднѣвшіе служилые люди не могли нести исправно лежавшей на нихъ военной повинности. Изъ такого положенія дѣлъ естественно вытекалъ серьезный государственный вопросъ. Вопросъ о томъ, какъ бы воспрепятствовать сманиванію крестьянъ съ мелкопомѣстныхъ владѣній на земли крупныхъ владѣльцевъ, поднимался и притомъ гораздо раньше и въ Литовской Руси. Но тамъ онъ былъ рѣшенъ посредствомъ введенія общаго положенія, строго воспрещавшаго какія бы то ни было льготы, которыя превышали бы общую норму. За дарованіе такихъ льготъ, при водвореніи вольныхъ крестьянъ на данной землѣ, землевладѣлецъ подвергался денежному взысканію. Въ Московской Руси тотъ же вопросъ

былъ рѣшенъ иначе — въ смыслѣ уничтоженія права крестьянъ на выходъ изъ населяемой ими земли.

Но, кромѣ сманиванія крестьянъ, въ Московской Руси существовали и другія причины, способствовавшія запустѣнію земель и переселенію земледѣльческаго населенія на новыя мѣста. Благодаря завоеваніямъ, совершившимся во второй половинѣ XVI вѣка, появились новыя территоріи, а именно, земли по средней и нижней Волгѣ, а также—и къ югу отъ Оки. Въ области, раскинувшейся отъ верховьевъ Оки до устья Камы, за небольшими исключеніями, раскинулась выгодная черноземная полоса. Заселеніе этихъ мѣстностей началось еще до покоренія Казанскаго царства. Когда же совершилось его покореніе и замиреніе вновь пріобрѣтеннаго края, волны переселенцевъ хлынули и въ этотъ край. Въ данномъ случаѣ переселенческое движеніе вполнѣ согласовалось съ интересами государства, которому необходимо было колонизировать завоеванныя земли. Въ этихъ видахъ правительство оказывало переселенцамъ извѣстныя льготы. Народъ стремился сюда, надѣясь на возможность устроить независимое хозяйство и избавиться отъ тяжкаго бремени податей. Но это движеніе земледѣльческаго населенія къ окраинамъ содѣйствовало обезлюдѣнію старыхъ земель, откуда шли подати и государева служба. Слѣдовательно, вопросъ, возникшій въ Московской Руси, былъ болѣе сложный, чѣмъ тотъ, который возникъ въ Руси Литовской.

Съ опустѣлыхъ помѣстій уже не было ни службы, ни податей. Огромныя и хорошо населенныя земли духовенства были «въ тарханехъ», а потому не несли ни того, ни другого. Такое серьезное положеніе дѣлъ не могло не отразиться къ нашей невыгодѣ и на послѣднемъ періодѣ Ливонской войны. Вотъ почему Грозный запретилъ духовенству вновь пріобрѣтать недвижимое имущество («а митрополиту, владыкамъ или монастырямъ земель не покупати, и въ закладѣ не держати; а кто послѣ сего уложенья купитъ землю или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на государя»), а въ самомъ концѣ своего царствованія отмѣнилъ тарханы, податныя льготы, которыми владѣли церковныя вотчины. Отмѣняя тарханы, правительство совершенно вѣрно объясняло значеніе этой мѣры («съ тѣхъ (земель) никакія царскія дани и земскихъ розметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди, тѣ ихъ земли оплачиваютъ; и сего ради многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ, платячи за тарханы, а крестьяне, вышедъ изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ»). Къ сожалѣнію, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ указы Грознаго, касавшіеся монастырскихъ вотчинъ, были отмѣнены.

Разстраивали хозяйство крестьянъ и опустошительныя войны,

и повальныя болѣзни на скотъ и людей, и тяжелыя подати и повинности. Положеніе становилось столь тяжкимъ, что побуждало свободныхъ людей даже ограничивать свою свободу, лишь бы создать себѣ болѣе сносную обстановку. Они становились дворовыми помѣщика, брали на себя кабалу, дѣлались холопами или рабами. Мо-

Рис. 44. Московская конница XVI вѣка (рис. Герберштейна).

сковское правительство долгое время не обращало особеннаго вниманія на это явленіе, и только съ царствованія Ѳеодора Іоанновича была установлена необходимость записывать подобные случаи въ особыя книги. Эта запись, конечно, затруднила свободу перехода въ кабалу. Но служба «во дворѣ» помѣщика не связывалась непремѣнно съ кабалою. Можно было освободиться отъ всякихъ тяготъ, «заложившись» за того или другого привилегированнаго землевладѣльца,

духовнаго или свѣтскаго. Такіе люди, порывая связи съ государствомъ, «заложившіеся», становились въ самыя различныя отношенія къ владѣльцамъ; ихъ называли или прямо «закладчиками», «дворниками», «вольными холопами» и др. Правительство стало бороться и съ этимъ явленіемъ, требовало «крѣпости» на всякаго человѣка, служившаго въ частномъ хозяйствѣ, но ничто не помогало, и закладничество продолжало существовать до половины XVII в.

Съ уходомъ крестьянъ съ пашни остававшимся на ней становилось жить тяжелѣе. За опустѣвшія «выти» [1]) продолжали платить крестьяне, оставшіеся на своихъ мѣстахъ. На плечи оставшихся сваливалось новое бремя, что подрывало въ концѣ концовъ благосостояніе землевладѣльца и государства.

Наконецъ, много вредила мелкимъ землевладѣльцамъ и правительству прямая недобросовѣстность богатыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Когда наступало время ревизіи, составленія «писцовыхъ книгъ», крупные владѣльцы старались всѣми средствами показать за собою земли сколь можно меньше «въ живущемъ» и сколь можно болѣе «въ пустѣ». При раскладкѣ податей, благодаря этой уловкѣ, они много выигрывали. Когда составлялись особыми лицами «писцовыя книги», богачи не стѣснялись припрятывать крестьянъ, иногда скрывали ихъ даже въ лѣсахъ, а по минованіи надобности, снова водворяли на старыхъ мѣстахъ жительства.

Критическое положеніе, въ которомъ очутилось Московское государство въ это время, побудило его прикрѣплять крестьянъ къ землѣ. Прикрѣпленіе совершилось, однако, не сразу. Первый, дошедшій до нашего времени, указъ относится къ 1597 году.

„Которые крестъяне изъ-за бояръ и другихъ владѣльцовъ съ помѣстей и вотчинъ выбѣжали 5 лѣтъ тому назадъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, помѣщикамъ и вотчинникамъ, за которыми они выбѣжавъ живутъ, давать судъ съ тѣми помѣщиками и вотчинниками, отъ которыхъ крестьяне бѣжали, и сыскивать накрѣпко всякими сыски; и по суду и по сыску бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми, и со всѣми ихъ животы возить назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне бѣжали лѣтъ за шесть, за семь, за десять и больше, а тѣ помѣщики или вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, по нынѣшній 106 годъ [2]) не били челомъ; и государь царь и великій князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити“.

Этотъ указъ устанавливаетъ извѣстный срокъ (какъ говорятъ, извѣстную давность) для сыска и возвращенія крестьянъ, бѣжавшихъ

---

[1]) Подъ „вытью“ разумѣлся участокъ земли, облагаемый податью: выть была такимъ образомъ податно-платежной единицей.

[2]) Т. е. 7106 по старому лѣтосчисленію, или 1597 отъ Р. Хр.

съ данной вотчины или помѣстья. Указы 1601 и 1602 годовъ, изданные уже въ царствованіе Бориса Годунова, запретили переходъ крестьянъ съ земель мелкихъ помѣщиковъ на земли крупныхъ; запрещался переводъ и съ крупныхъ владѣній на крупныя; только мелкимъ землевладѣльцамъ было дозволено мѣняться крестьянами мирно, по взаимному соглашенію. Эти указы были направлены къ пользѣ мелкихъ землевладѣльцевъ. Покровительство мелкому землевладѣнію было вызвано ходомъ событій, было попыткой выйти благополучно изъ кризиса [1]). Юрьева дня не стало, откуда пошла и извѣстная поговорка: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день».

57. Смерть царевича Дмитрія. Въ 1591 году совершилось событіе, имѣвшее потомъ серьезныя послѣдствія: не стало въ живыхъ царевича Дмитрія, жившаго со своею матерью въ Угличѣ.

Объ этомъ событіи дошли до нашего времени источники двоякаго рода. Во-первыхъ, дошло такъ наз. «слѣдственное дѣло» или точная запись слѣдствія, которое было произведено особой коммиссіей, отправленной въ Угличъ послѣ того, какъ пришло въ Москву извѣстіе о смерти молодого царевича [2]). Въ немъ мы имѣемъ оффиціальный документъ, актъ, составленный на основаніи подробнаго опроса свидѣтелей. Во-вторыхъ, до насъ дошли составленныя лѣтъ 15 и 20 спустя сказанія о смерти Дмитрія. Въ нихъ мы имѣемъ только литературныя произведенія и притомъ сравнительно поздно появившіяся.

Слѣдственное дѣло представляетъ событіе въ такомъ видѣ. Царевичъ Дмитрій, страдавшій падучею болѣзнью, подвергался ея тяжелымъ припадкамъ нѣсколько дней передъ днемъ своей смерти (15 мая). Въ день смерти своего сына царица Марія Нагая брала его съ собою къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни отпустила его погулять на дворѣ; съ нимъ были: воспитательница («мамка»), кормилица и постельница. Царевичъ сталъ играть съ другими дѣтьми въ тычку: начертили на землѣ кругъ, въ который должны были попадать играющіе, кидая тонкій и длинный ножъ. Во время игры съ царевичемъ сдѣлался припадокъ: мальчикъ «обрушился», т. е. упалъ на ножъ и накололся. Кормилица схватила бившагося отъ припадка и боли царевича: на ея рукахъ онъ и скончался. На шумъ выбѣжала изъ дворца царица, въ понятномъ изступленіи стала бить мамку и кричала, что смерть ея сына—дѣло Битяговскаго. Битяговскій былъ дьякъ, приставленный къ семьѣ Нагихъ правительствомъ и нелю-

[1]) Такимъ образомъ, падаетъ само собой устарѣлое, но все еще сильно распространенное мнѣніе о томъ, что Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ ради своихъ личныхъ выгодъ,—чтобы привлечь на свою сторону дѣтей боярскихъ. Мы знаемъ, что онъ въ этомъ и не нуждался.

[2]) Слѣдственная коммиссія состояла изъ крутицкаго митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго (Борисова врага), окольничаго Клешнина и дьяка Вылузгина.

бимый ею. Ударили въ набатъ. Прибѣжалъ Битяговскій и много народу. Царицыны конюхи, по подстрекательству ея братьевъ, убили Битяговскаго съ сыномъ и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Убитъ былъ, между прочимъ, и Волоховъ, котораго во время катастрофы не было и въ городѣ. Придя въ себя, царица каялась въ преступленіи своихъ братьевъ и просила о помилованіи ихъ. — Слѣдственная коммиссія пришла къ двумъ выводамъ: 1) въ Угличѣ совершилось не убійство, а невольное самоубійство, и 2) Нагіе побудили народъ къ напрасному убійству людей ни въ чемъ неповинныхъ. Сперва это дѣло было отдано на судъ патріарха и другихъ духовныхъ лицъ, а затѣмъ передано суду свѣтскому. Царицу отправили въ дальній монастырь на Выксу (близъ Череповца) и тамъ постригли въ монахини. Братьевъ ея разослали по разнымъ городамъ. Жителей Углича («Углицкихъ мужиковъ»), признанныхъ виновными въ безпорядкѣ, частію казнили, частію сослали въ Пелымъ [1]).

Несмотря на все это, въ народѣ стали распространяться слухи, что царевичъ не самъ наткнулся на ножъ, но былъ убитъ, и что убійцы были подосланы Борисомъ Годуновымъ. Послѣ же того, какъ въ 1606 году вступилъ на престолъ врагъ Бориса, князь-боярин Василій Ивановичъ Шуйскій, гробъ царевича былъ торжественно перенесенъ въ Московскій Архангельскій соборъ, а самъ царевичъ причисленъ къ лику святыхъ. Тогда-то и появилось такъ называемое «Иное сказаніе о самозванцахъ», въ которомъ впервые народные слухи получили литературную обработку [2]). Въ этой повѣсти, превозносящей Василія Ивановича Шуйскаго, который называется здѣсь мужемъ «праведнымъ и благочестивымъ», народные слухи передаются такимъ образомъ. Борисъ Годуновъ замыслилъ «исторгнуть корень царскій», чтобы самому завладѣть престоломъ. Онъ сталъ притѣснять царевича Дмитрія и много разъ пытался отравить его, но ядъ не дѣйствовалъ. Почему «смертоноснаго яда вкушеніе» не дѣйствовало, авторъ сказанія не объясняетъ. Тогда Борисъ послалъ въ Угличъ Битяговскаго и Качалова, чтобы они убили царевича. Они ждали удобной минуты. Когда царевичъ вышелъ гулять, то «единъ отъ нихъ (кто именно, авторъ не говоритъ) прерѣза гортань его», послѣ чего убійцы были побиты «отъ людей града того».

Другія повѣсти разсказываютъ о событіи въ Угличѣ болѣе

---

[1]) К. Аксаковъ еще въ 1858 г., настаивая на мысли о самоубійствѣ Дмитрія, между прочимъ, писалъ: „къ этому мнѣнію склоняетъ насъ и величавое лицо Бориса Годунова, которому такое злодѣйство несвойственно, и который однажды самъ жертвовалъ жизнью, стараясь защитить царевича Іоанна отъ ударовъ Іоанна Грознаго“.

[2]) Рекомендуемъ интересующимся этимъ вопросомъ ознакомиться съ изслѣдованіемъ проф. С. Ѳ. Платонова подъ заглавіемъ „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“.

подробно, но всѣ онѣ отличаются крайней сбивчивостью и противорѣчіями другъ другу.

Смутное время.

58. Прекращеніе династіи, борьба за престолъ и земскій соборъ 1598 года. Царь Борисъ. Изъ внѣшнихъ дѣлъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, искусно веденныхъ правителемъ государства Борисомъ Годуновымъ, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе шведскія отношенія. По истеченіи трехлѣтняго перемирія, заключеннаго съ ними Іоанномъ Грознымъ, шведы обязаны были возвратить Москвѣ города, отданные имъ въ залогъ того, что Москва не будетъ тревожить Швецію своими нападеніями. Но, по прошествіи установленнаго срока, шведы не возвратили этихъ городовъ. Это обстоятельство и привело къ новой войнѣ со шведами. Война была непродолжительной и закончилась въ нашу пользу. Московское правительство по миру, заключенному со Швеціей, получило отъ нея — Ямъ, Копорье, Корелу и Иванъ-городъ.

Крымскіе татары, попрежнему, совершали на наши земли свои опустошительные набѣги. Московское правительство, чтобы обезопасить себя отъ нихъ, продолжало укрѣплять свои южныя границы.

Наконецъ, къ этому же времени относится новое и на этотъ разъ окончательное покореніе Сибирскаго царства.

Въ 1598 году скончался царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Съ его смертью прекратилась старая династія. Такъ какъ покойный не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ, то естественно возникалъ вопросъ о томъ, кто будетъ его преемникомъ. Правда, лишь только умеръ царь, какъ была принесена присяга царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ, вдовѣ покойнаго государя. Если бы она пожелала, то легко моглабы оставить верховную власть въ своихъ рукахъ. Ея права были признаны всѣми, ея именемъ уже дѣлались распоряженія. Но она сама не захотѣла власти и переселилась изъ дворца въ монастырь. Скоро она постриглась въ монахини подъ именемъ Александры. Престолъ такимъ образомъ остался незанятымъ.

Изъ лицъ, близкихъ къ покойному царю, наиболѣе сильными кандидатами на престолъ были два лица: Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, родной племянникъ Анастасіи Романовны, матери почившаго государя, и Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, родной братъ отказавшейся отъ короны царицы Ирины. Первый имѣлъ приверженцевъ при дворѣ, второй пріобрѣлъ большія симпатіи въ среднихъ слояхъ общества. Борисъ, постепенно подготовлявшій свое избраніе на пре-

столъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, сталъ и теперь примѣнять мѣры, которыя могли принести ему пользу. Удалившись въ Новодѣвичій монастырь за своею сестрою, онъ оставилъ въ Москвѣ своихъ родственниковъ и «спомогателей», по выраженію одного изъ современниковъ [1]) («во градѣ же оставшу на се съ великими своя ему отъ рода избранныя и многими съ ними по немъ спомогателя, яко вездѣ быти въ людѣхъ того всѣхъ слухъ и око»). Въ другихъ мѣстахъ дѣйствовали въ его пользу отправленные имъ агенты. Но если одни дѣйствовали въ пользу Бориса, то другіе въ то же время дѣйствовали противъ него. Корона могла достаться или Борису Годунову, или Ѳеодору Никитичу. Былъ и еще человѣкъ, надѣявшійся получить ее, а именно — Богданъ Бѣльскій, который не имѣлъ на нее уже никакихъ правъ. Послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича онъ явился въ Москву съ большою толпою своихъ-сторонниковъ, готовый при случаѣ завладѣть престоломъ силой. Наконецъ, шла рѣчь и о Симеонѣ Бекбулатовичѣ.

Для выбора государя былъ созванъ въ Москву земскій соборъ, руководителемъ котораго явился патріархъ Іовъ. Бояре, дворяне, приказные, служилые люди и гости, засѣдавшіе на соборѣ, остановили свой выборъ на Борисѣ Годуновѣ. Борисъ согласился не сразу. Выборы состоялись весною, а избирательная грамота подписана 1 августа. Подъ ней подписались около 500 членовъ собора.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять по поводу избранія Годунова въ цари старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патріарха Іова Карамзинымъ, Костомаровымъ и И. Д. Бѣляевымъ. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 года, какъ на грубую „комедію“, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на „игрушку“ въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ нормаленъ и правиленъ. „Въ составѣ избирательнаго собора (говоритъ г. Ключевскій) нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ“. Соборъ 1598 года по составу былъ совсѣмъ однороденъ съ соборомъ 1566 года: и на томъ, и на другомъ „было представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію“. Подобное представительное собраніе,—какъ бы мало, на нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйствительное настроеніе общества, — все-таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ интересовъ и мнѣній... Нѣтъ возможности сомнѣваться, что оффиціальная сторона царскаго избранія была обставлена такими формальностями, которыя обезпечивали избранію непререкаемую законность (Платоновъ).

1 сентября, въ праздникъ Новаго года, совершилось царское вѣнчаніе Бориса. Принимая благословеніе отъ патріарха Іова, Бо-

[1]) Дьяка Ивана Тимоѳеева въ его „Временникѣ“.

рисъ громко сказалъ ему: «Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» — и, тряся воротъ своей рубашки, прибавилъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!»

Прежде всего и бросается въ глаза благотворительная дѣятельность царя Бориса. Особенно проявилъ онъ ее во время голода и другихъ бѣдствій. Сначала онъ сталъ раздавать въ Москвѣ деньги всѣмъ нуждающимся. Это средство, однако, привлекало сюда и тѣхъ, кто могъ бы еще найти пропитаніе у себя дома. Много злоупотребленій совершили при раздачѣ и тѣ лица, которымъ Борисъ поручилъ ее. Тогда царь обратился къ другому средству. Отыскали большіе запасы хлѣба отъ старыхъ годовъ, хранившіеся въ отдаленныхъ областяхъ. Эти запасы стали, по повелѣнію Бориса, продавать за половинную цѣну или даже раздавать даромъ какъ въ Москвѣ, такъ и по другимъ городамъ. Въ самой Москвѣ Борисъ давалъ бѣдному люду заработокъ, предпринявъ нѣсколько сооруженій: такъ напр., были выстроены каменныя палаты на мѣстѣ хоромъ Іоанна Грознаго и грандіозная колокольня Ивана Великаго, превышавшая всѣ зданія на Руси и долго соперничавшая съ высочайшими зданіями Западной Европы.

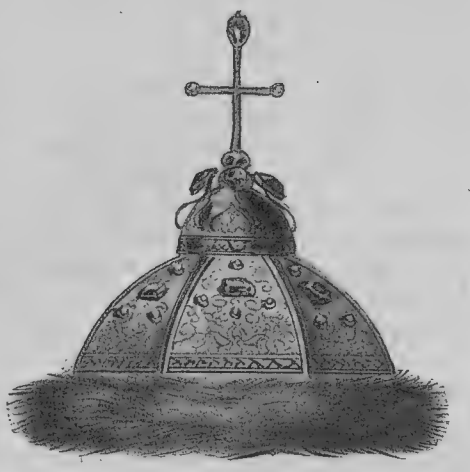


Рис. 45. Шапка Мономаха.

Въ то же время царь Борисъ прилагалъ заботы къ развитію торговли и промышленности, сильно упавшихъ въ царствованіе Іоанна Грознаго. Борисъ продолжалъ привлекать въ Москву западно-европейскихъ мастеровъ, особенно же знающихъ горнодѣліе. Въ самой Москвѣ достигло большого развитія мастерство серебряныхъ дѣлъ. Покровительствуя торговлѣ, онъ старался обезопасить пути сообщенія, что было крайне необходимо, въ виду сильно развившихся разбоевъ, стремился, къ сожалѣнію, безъ замѣтныхъ успѣховъ, ограничить взяточничество, которымъ славилось наше чиновничество, приказные люди.

Отлично понималъ царь Борисъ великое значеніе просвѣщенія. Онъ имѣлъ намѣреніе открыть въ Москвѣ школы, гдѣ преподавали-бы иностранные языки, а въ качествѣ преподавателей хотѣлъ вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи

и Англіи. За полтораста лѣтъ до основанія перваго университета въ Россіи царь Борисъ мечталъ объ учрежденіи университетовъ [1]). Но осуществленію этихъ намѣреній воспротивилось духовенство, бѣлое и черное, изъ опасенія, что разноязычіемъ будутъ поколеблены единовѣріе и единоправіе, что прежнее согласіе исчезнетъ, а на его мѣстѣ поселится раздоръ. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ свѣтлыхъ намѣреніяхъ, Борисъ Годуновъ осуществилъ мѣру, напоминающую просвѣтительную дѣятельность Петра Великаго. Онъ отправилъ за границу 18 молодыхъ людей «для науки разныхъ языковъ и грамотъ». Въ ту пору это дѣло было новымъ и смѣлымъ, хотя русскіе люди отлично знали, что иностранцы посылали своихъ дѣтей въ Москву для обученія русскому языку. Не безъ колебанія, конечно, нѣкоторыя боярскія семьи разстались со своими сыновьями: это колебаніе могло быть сломлено только твердою рѣшимостью государя. Ихъ отправили во Францію, въ Любекъ и Англію. Но Борисъ не дождался ихъ возвращенія. О молодыхъ людяхъ, посланныхъ во Францію, не сохранилось никакихъ извѣстій. Неизвѣстно также, вернулись ли тѣ трое русскихъ, о которыхъ бургомистръ и ратманы Любека отвѣчали на запросъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Одинъ изъ посланныхъ въ Англію принялъ англиканское исповѣданіе и даже сдѣлался пасторомъ (то былъ Никифорко Олферьевъ; посланцы царя Михаила Ѳеодоровича доносили про него, что онъ «вѣры нашея православныя отступилъ и, не свѣдомо по какой прелести, въ попы сталъ... буде надъ нимъ учинили то неволею»...). Сохранилось глухое извѣстіе, что изъ 18-ти человѣкъ, посланныхъ Борисомъ, вернулся на родину только одинъ, но кто именно, неизвѣстно.

Уваженіе Бориса къ иностранцамъ и его поразительная для того времени вѣротерпимость сказались въ разрѣшеніи, данномъ имъ иностранцамъ, жившимъ въ Нѣмецкой слободѣ подъ Москвою, построить лютеранскую церковь.

Издавая указы, стѣснявшіе крестьянскую свободу, Борисъ Годуновъ отнюдь не думалъ лишать ихъ личной свободы вообще. Съ одной стороны, онъ сталъ даже разрѣшать переходъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ къ мелкимъ же, что не подрывало государственныхъ интересовъ. Онъ желалъ такимъ образомъ лишь ограничить злоупотребленія, которыя практиковались при «переводѣ» крестьянъ. Съ другой стороны, Борисъ Годуновъ, какъ бы провидя возможность крѣпостного права, старался опредѣлить число тѣхъ дней, въ которые крестьяне должны были работать на своихъ землевладѣль-

[1]) О намѣреніи Бориса основать университеты мы узнаемъ изъ сохранившагося письма лиценціата правъ Товіи Лонціуса къ царю Борису (въ Ист. Гос. Росс. Карамзина, 125 прим. къ XI тому).

Рис. 46. Колокольня Ивана Великаго.

цевъ. Устанавливая два рабочихъ дня въ недѣлю, онъ ставилъ крестьянъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ знаменитый манифестъ Императора Павла I, установившій около 200 лѣтъ спустя три рабочихъ дня.

Наконецъ, онъ стремился поднять народную нравственность искорененіемъ или, по крайней мѣрѣ, значительнымъ уменьшеніемъ пьянства, разорявшаго народъ матеріально и губившаго его въ нравственномъ отношеніи. На пьянство онъ смотрѣлъ, какъ на уголовное преступленіе.

Что касается внѣшней политики, то Борисъ, какъ царь, проявилъ еще большую осторожность, чѣмъ въ бытность свою «правителемъ» государства. Онъ видимо избѣгалъ войнъ. Сознавая необходимость для своего государства обладать Балтійскимъ побережьемъ, онъ не вмѣшался въ войну между Польшей и Швеціей, хотя, присоединившись къ одной изъ сторонъ, могъ бы достигнуть своей цѣли.

Его стремленія достигнуть обладанія Ливоніей путемъ дипломатическихъ переговоровъ не увѣнчались успѣхомъ. Зато очень удачно подвигались впередъ оборона южной границы Московскаго государства и утвержденіе русскаго владычества въ Сибири; въ послѣдней, кромѣ другихъ городовъ, былъ построенъ при Борисѣ городъ Томскъ (1601).

При всѣхъ своихъ достоинствахъ Борисъ отличался однимъ недостаткомъ—большою подозрительностью. Можетъ быть, онъ вынесъ ее изъ своего прошлаго, изъ эпохи опричнины; можетъ быть, отчасти она основывалась и на дѣйствительно грозившихъ ему опасностяхъ. Но, во всякомъ случаѣ, она постепенно перешла возможныя границы. Онъ зналъ лицъ, враждебно къ нему расположенныхъ, недовольныхъ его избраніемъ, и въ началѣ не проявлялъ къ нимъ непріязни. Но зато сталъ подвергать ихъ опалѣ по ничтожнымъ сравнительно поводамъ. Такъ, напримѣръ, Борисъ поступилъ съ Богданомъ Бѣльскимъ на основаніи доноса о неосторожно сказанныхъ имъ словахъ, не заключавшихъ въ себѣ, въ сущности, ничего болѣе, кромѣ самовосхваленія. Но этого было довольно. Бѣльскій былъ лишенъ сана, подвергнутъ тѣлесному наказанію и заключенію въ темницу, а имущество его отошло къ казнѣ. Печальная участь постигла и Романовыхъ. Борисъ окружилъ ихъ доносчиками. По доносу одного изъ подобныхъ людей Романовы и пострадали, при чемъ Ѳеодоръ Никитичъ былъ постриженъ въ монахи (съ именемъ Филарета). Вскорѣ послѣ Романовыхъ подвергся опалѣ и бывшій сторонникъ Бориса Щелкаловъ.

Подозрительность Бориса должна была естественно увеличиться съ тѣхъ поръ, какъ сперва въ Литовской Руси, а затѣмъ и въ

Москвѣ стали ходить слухи о томъ, что въ Угличѣ вмѣсто царевича Дмитрія погибъ другой ребенокъ, а спасенный Дмитрій теперь объявился и готовится итти противъ Бориса, чтобы лишить его царскаго вѣнца. Въ началѣ 1604 года въ Москвѣ распространился слухъ, что въ Литвѣ появился человѣкъ, называющій себя Дмитріемъ, сыномъ Грознаго. При первомъ появленіи этого слуха въ Москвѣ, царь Борисъ прямо сказалъ князьямъ и боярамъ, что это—дѣло ихъ

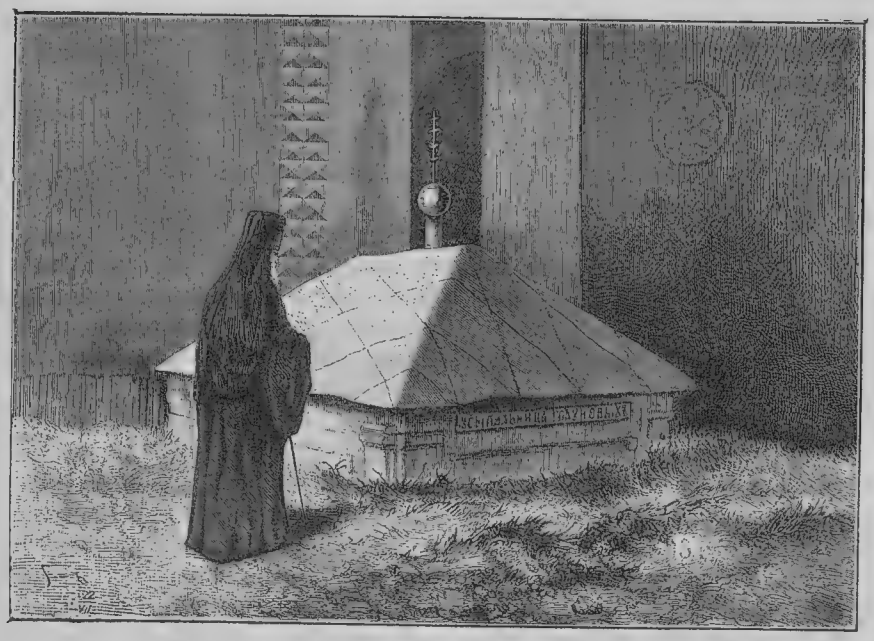


Рис. 47. Усыпальница Годуновыхъ (въ Троицко-Сергіевской лаврѣ).

рукъ, что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола. Въ этомъ указаніи сказалась уже не простая подозрительность, а политическая проницательность Бориса.

Вотъ что говорятъ про него современники: „Цвѣлъ онъ, какъ финикъ, листвіемъ добродѣтели и, если бы тернъ завистной злобы не помрачалъ цвѣта его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ и поэтому навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли: отсюда много ненасытныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили“.

Осенью 1604 года самозванецъ вступилъ въ предѣлы Московскаго государства, встрѣчая поддержку со стороны своихъ привер-

женцевъ. Хотя въ январѣ 1605 года онъ и потерпѣлъ пораженіе при Добрыницахъ, но успѣлъ собрать себѣ новое войско. Въ этотъ-то нерѣшительный моментъ царь Борисъ скоропостижно скончался.

59. Первый самозванецъ. По смерти Бориса Москва сразу-же присягнула его молодому сыну Ѳеодору, получившему, благодаря заботамъ отца, прекрасное образованіе. Но за предѣлами Москвы обнаружилось колебаніе. Царь Ѳеодоръ Борисовичъ отправилъ противъ самозванца войско, съ княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ и Басмановымъ во главѣ. Но всего три недѣли спустя послѣ ихъ прибытія (подъ Кромы) московское войско передалось самозванцу. Пока самозванецъ двигался во главѣ теперь уже значительныхъ силъ къ Москвѣ, въ послѣднюю прибыли гонцы съ грамотою отъ человѣка, называвшаго себя Дмитріемъ. Народъ заволновался. Обратились къ Василію Ивановичу Шуйскому, производившему слѣдствіе въ Угличѣ, съ вопросомъ, похоронилъ ли онъ царевича Дмитрія. Шуйскій отвѣчалъ на это, что въ Угличѣ схоронили попова сына, а царевичъ живъ. Этого было достаточно, чтобы окончательно поднять народъ противъ правительства. Мятежныя толпы ворвались во дворецъ, схватили тамъ царя, его мать и сестру и перевели ихъ въ палаты Годуновыхъ. Жители Москвы присягнули мнимому Дмитрію. Прибывшіе же вскорѣ послѣ этого въ Москву князья Василій Голицынъ и Мосальскій низвели патріарха Іова и отправили его, какъ простого инока, въ Старицкій монастырь, затѣмъ вошли въ палаты Годунова. По ихъ приказанію были задушены царь Ѳеодоръ Борисовичъ и его мать; осталась въ живыхъ только дочь Бориса Годунова Ксенія.

Лѣтомъ 1605 года Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву. Со всѣхъ колоколенъ раздавался праздничный звонъ. Вся дорога, крыши домовъ и колокольни были усѣяны народомъ, желавшимъ видѣть въѣздъ въ столицу, какъ ему думалось, законнаго царя. Переворотъ совершился.

Народъ вѣрилъ тому, что самозванецъ истинный сынъ Іоанна Грознаго, да и самъ Лжедимитрій, повидимому, былъ убѣжденъ въ этомъ людьми, заинтересованными въ дѣлѣ его появленія. Правительство Бориса Годунова, получивъ извѣстіе о появленіи въ Польшѣ лица, называвшаго себя царевичемъ Дмитріемъ, объявило, что лицо это—бѣглый монахъ Григорій (Гришка) Отрепьевъ, родомъ изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ, проживавшій въ качествѣ холопа у бояръ Романовыхъ и князя Черкасскаго. Кромѣ этого, объ немъ было объявлено слѣдующее: навлекши на себя подозрѣніе царя Бориса, онъ постригся въ монахи и, переходя изъ одной обители въ другую, поселился наконецъ въ Чудовомъ монастырѣ; похвальба Григорія, намекавшая на его царское происхожденіе, побудила Бориса дать приказаніе о заточеніи его въ Кирилловомъ монастырѣ. Пре-

дупрежденный во-время своими благожелателями, Отрепьевъ бѣжалъ: былъ въ Острогѣ у князя Константина Острожскаго, поступилъ въ школу въ Гощѣ [1]), наконецъ попалъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому, проживавшему въ наслѣдственномъ мѣстечкѣ Брагинѣ [2]). Здѣсь онъ и открылъ Вишневецкому тайну о своемъ царскомъ происхожденіи. Дальнѣйшая исторія самозванца устанавливается на основаніи источниковъ въ слѣдующемъ видѣ. Вишневецкій доложилъ объ этому польскому королю Сигизмунду III. При дворѣ возникли по этому вопросу двѣ партіи: одна, малочисленная, сразу же признала самозванца дѣйствительнымъ сыномъ Грознаго, другая— отнеслась къ нему съ рѣшительнымъ недовѣріемъ; король сначала колебался, а позже—уже послѣ паденія самозванца—заявилъ, что онъ «не былъ ни сыномъ Ивана Грознаго, ни братомъ Ѳеодора, ни царскимъ наслѣдникомъ». Однимъ словомъ, самозванецъ, подготовленный на Руси, нашелъ сторонниковъ среди польскихъ пановъ. Особенно близко онъ сошелся съ паномъ Юріемъ Мнишкомъ, у котораго просилъ въ Самборѣ [3]) руки его дочери, красавицы Марины. Онъ подарилъ своей невѣстѣ въ полное владѣніе Великій Новгородъ и Псковъ. Большое сочувствіе своему дѣлу самозванецъ нашелъ и въ католическомъ духовенствѣ, особенно послѣ того, какъ самъ принялъ католичество въ г. Краковѣ. Духовенство, съ папою Павломъ V во главѣ, увлеклось мыслью о возможности обратить въ католичество и весь русскій народъ. И послѣ этого Сигизмундъ III не сталъ открыто за самозванца, а лишь позволилъ ему набирать въ свое войско тѣхъ, кто захочетъ помогать ему. Въ награду за это самозванецъ обѣщалъ уступить Сигизмунду Смоленскъ и Сѣверскую область [4]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ торжественнаго въѣзда Лжедимитрія въ Москву Василій Ивановичъ Шуйскій сталъ распускать слухи, что царь вовсе не Дмитрій, а самозванецъ. Шуйскаго уличили и отдали подъ судъ, состоявшій изъ духовенства, бояръ и простыхъ людей. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, но Лжедимитрій замѣнилъ казнь ссылкой, а вскорѣ и совершенно простилъ Шуйскаго съ двумя братьями, воротивъ ихъ въ Москву, возвративъ имъ имѣніе и боярство. Первымъ дѣломъ самозванца было низложеніе патріарха Іова. На его мѣсто былъ возведенъ архіепископъ рязанскій, грекъ Игнатій, первый изъ архіереевъ привѣтствовавшій Лжедимитрія царемъ. Онъ вѣнчалъ самозванца на царство. Затѣмъ

---

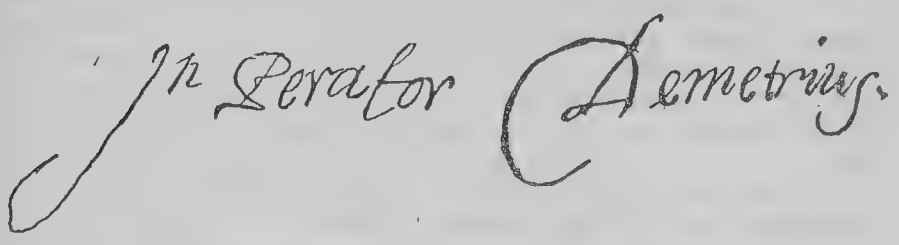
[1]) Мѣстечко Волынской губерніи, Острожскаго уѣзда.
[2]) Мѣстечко Витебской губерніи, Рѣжицкаго уѣзда, на р. Брагинкѣ.
[3]) Въ Галиціи.
[4]) Сводъ мнѣній о самозванцѣ и критику ихъ можно найти въ книгѣ отца Пирлинга „Изъ смутнаго времени".

Лжедимитрій вернулъ въ Москву опальныхъ бояръ, въ числѣ которыхъ находился и Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, постриженный въ монахи подъ именемъ Филарета. По приказу Лжедимитрія онъ былъ возведенъ въ санъ Ростовскаго митрополита. Передъ вѣнчаніемъ на царство Лжедимитрія состоялось свиданіе его съ мнимою матерью, инокинею Маріею, которая признала въ немъ своего сына.

Несмотря на обѣщанія, данныя папѣ и Польшѣ, Лжедимитрій не обнаруживалъ намѣренія ни распространять католицизмъ въ Россіи, ни сдѣлать обѣщанныя польскому королю уступки. Какъ правитель, Лжедимитрій отличался дѣятельностью и дарованіями. Не проходило дня, чтобы онъ не посѣтилъ засѣданій Боярской Думы. Внимая продолжительнымъ спорамъ членовъ Думы, онъ иногда смѣялся и, къ общему удивленію, указывалъ надлежащее рѣшеніе вопроса. Нерѣдко онъ даже намекалъ думнымъ людямъ на ихъ невѣжество и высказывалъ пожеланіе познакомить ихъ съ иноземными странами. Желая доставить народу правосудіе, онъ объявилъ, что два раза въ недѣлю—по средамъ и субботамъ—самъ будетъ принимать челобитныя. И онъ, подобно Іоанну Грозному, стремился вывести взяточничество. Изъ законодательныхъ мѣропріятій Лжедимитрія наиболѣе важны два приговора Думы Боярской, изъ которыхъ одинъ касался холоповъ, а другой бѣглыхъ крестьянъ. У заимодавцевъ укоренился обычай закабалять своего должника не только себѣ, но и своимъ близкимъ. Должникъ занималъ, напримѣръ, деньги у отца, а писалось въ служилой кабалѣ, что онъ занялъ у отца и сына: дѣлалось это для установленія наслѣдственнаго холопства. Лжедимитрій запрещалъ это. Крестьянъ, которые сбѣжали отъ помѣщика въ голодные годы отъ недостатка пропитанія и устраивались на новомъ мѣстѣ, онъ запретилъ водворять на старое мѣсто. Въ области внѣшней политики Лжедимитрій проявлялъ стремленіе создать европейскую лигу для борьбы съ Турціей и завелъ съ этой цѣлью сношенія съ Франціей, Венеціей, Священной Римской имперіей и Польшей.

Василій Ивановичъ Шуйскій въ первые же дни послѣ воцаренія самозванца сталъ черезъ своихъ агентовъ распускать слухи о его самозванствѣ, но его интрига въ то время чуть было не стоила ему жизни. Теперь Василій Шуйскій повелъ дѣло иначе: онъ составилъ среди бояръ обширный заговоръ съ цѣлью низложенія Лжедимитрія. Заговорщики воспользовались, какъ удобнымъ поводомъ, свадьбой Лжедимитрія съ Мариной, которая пріѣхала въ Москву съ разнузданною толпою поляковъ, позволявшихъ себѣ всякаго рода безчинства надъ мирными жителями. Распустивъ слухъ, что поляки хотятъ убить царя, и направивъ такимъ образомъ народъ, вѣрный царю, на поляковъ, заговорщики, съ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ, вторглись во дворецъ. Лжедимитрій выпрыгнулъ изъ окна, думая найти

защиту у караулившихъ дворецъ стрѣльцовъ, но послѣдніе, благодаря угрозамъ бояръ, отступились отъ него. Лжедимитрій былъ убитъ, а народу сказали, что инокиня Марѳа объявила его самозванцемъ.



60. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Разрушеніе государственнаго порядка. Черезъ два дня послѣ смерти Лжедимитрія сторонники Василія Шуйскаго провозгласили его царемъ. Участники заговора, очевидно, условились между собою относительно характера правленія въ томъ случаѣ, если верховная власть перейдетъ къ одному изъ нихъ. Съ Василія Шуйскаго была взята особая «запись». Запись эта, вопреки распространенному мнѣнію, не была ограниченіемъ верховной власти. Василій Шуйскій объявлялъ въ ней, что будетъ править по старинѣ, а на старину и онъ, и его сторонники смотрѣли съ княжеско-боярской точки зрѣнія. Бояре этою записью удерживали за собою первенствующее положеніе въ государствѣ. Обѣщанія записи, въ сущности, сводятся къ одному обѣщанію — не возстанавливать опричнины, ненавистной боярству. Запись обѣщаетъ обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ не только однимъ боярамъ, но и гостямъ, и торговымъ, и чернымъ людямъ.

Воцареніе Василія Шуйскаго не прекратило смуты. Она только измѣнила свой характеръ. Теперь уже не стояла на первомъ планѣ борьба за корону, перешедшую въ руки представителя старѣйшаго княжеско-боярскаго дома, потомка Александра Невскаго. Теперь враги Шуйскаго вели съ нимъ борьбу главнымъ образомъ за торжество того общественнаго порядка, который желали установить ихъ сторонники. Вообще, все царствованіе Шуйскаго было одною сплошною смутой.

Новый царь не пользовался ни довѣріемъ, ни уваженіемъ народа. Поведеніе его въ дѣлѣ царевича Дмитрія было предосудительнымъ; то онъ заявлялъ о дѣйствительной смерти царевича Дмитрія, то говорилъ объ убіеніи въ Угличѣ поповскаго сына и о спасеніи царевича, то удостовѣрялъ тожество самозванца съ сыномъ Іоанна Грознаго, то — наконецъ — объявлялъ его самозванцемъ. Скопомъ онъ свергнулъ самозванца, скопомъ вступилъ на престолъ: его

выкрикнули царемъ приверженцы, и онъ поторопился завладѣть короной, боясь, что она ускользнетъ изъ его рукъ. Въ этомъ случаѣ между нимъ и Борисомъ Годуновымъ, дожидавшимся земскаго собора цѣлыхъ шесть недѣль, была громадная, прямо кидавшаяся въ глаза разница. Самая личность Василія Шуйскаго не могла привлекать къ себѣ: въ противоположность Борису Годунову и Лжедимитрію I, онъ былъ скупъ; въ милости у него были только тѣ, кто не гнушался доносовъ; кромѣ того, новый царь сильно вѣрилъ въ чародѣйство.

Въ сущности, царствованіе Шуйскаго было боярской реакціей. Современники говорили, что въ ту пору бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь. Бояре же, окружавшіе Шуйскаго, проявляли опредѣленно олигархическія стремленія. Бояръ, неугодныхъ имъ, они отправляли на воеводства въ дальніе города. Такимъ образомъ, въ средѣ самого боярства произошелъ расколъ, и бояре, попавшіе въ немилость, относились къ новому правительству съ затаенною враждой, готовые стать на чью-нибудь сторону, лишь-бы свергнуть Шуйскаго и его временщиковъ. Среднія сословія, въ интересахъ которыхъ дѣйствовалъ царь Борисъ, не могли примириться съ тѣмъ порядкомъ вещей, который былъ созданъ воцареніемъ Шуйскаго. Не могло успокоиться и казачество, поднятое самозванцемъ въ ту пору, когда онъ стремился овладѣть московскою короной. Разъ поднятое, оно уже не могло такъ скоро угомониться.

Въ самую ночь убійства изъ Москвы бѣжалъ нѣкто Молчановъ. Онъ сталъ распространять повсюду слухъ о томъ, что въ Москвѣ былъ убитъ не царь, а какой-то нѣмецъ, потому-то и лицо убитаго было покрыто маской [1]). Скоро слухъ о спасеніи мнимаго царя Дмитрія широко распространился, и за него жадно ухватились не только отдѣльныя личности, но и массы. Первымъ поднялся противъ Шуйскаго городъ Путивль. Руководителемъ мятежа, поднятаго во имя Дмитрія, былъ въ этомъ городѣ князь Шаховской. Скоро около него появился отважный и энергичный Иванъ Болотниковъ, присланный къ Шаховскому Молчановымъ. Болотниковъ собралъ въ непродолжительномъ времени отрядъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, холоповъ и всякихъ гулящихъ людей. Въ своихъ воззваніяхъ онъ поднималъ низшіе классы противъ высшаго. Смута грозила разростись до небывалыхъ размѣровъ. Не помогла дѣлу Шуйскаго канонизація царевича Дмитрія и перенесеніе его гроба въ Московскій Архангельскій соборъ. За Путивлемъ поднялись Чер-

[1]) Тѣло Лжедимитрія, одѣтое въ шутовской нарядъ, было выставлено на площади; на лицо трупа была надѣта маска; въ руки его была вложена волынка. Этимъ, очевидно, низвергнувшіе его хотѣли показать, что убитый былъ не истиннымъ царемъ, а лишь скоморохомъ, игравшимъ роль царя.

пиговъ, Тула, Рязань и друг. города; мятежъ распространился на Поволжье, появился въ Перми и Вяткѣ; во многихъ мѣстностяхъ поднимались крестьяне и холопы; броженіе чувствовалось въ самой Москвѣ. Мятежъ сталъ разрастаться особенно послѣ того, какъ царское войско потерпѣло пораженіе отъ Болотникова. Наконецъ, царь послалъ противъ него своего лучшаго воеводу князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Послѣ выигранной имъ битвы при деревнѣ Котлахъ, Болотниковъ бѣжалъ въ Калугу, а затѣмъ заперся въ Тулѣ. Здѣсь возставшіе потерпѣли пораженіе. Бояре, руководившіе мятежомъ, отдѣлались легко, а Болотниковъ сложилъ свою буйную голову. Но всѣ эти происшествія были только первымъ эпизодомъ смуты.

Еще не успѣлъ Василій Шуйскій справиться съ Болотниковымъ и Шаховскимъ, какъ появился нетерпѣливо ожидавшійся самозванецъ — Лжедимитрій II [1]). Его личность осталась невыясненной. Одно несомнѣнно: онъ былъ, въ противоположность первому самозванцу, сознательнымъ обманщикомъ. Наружностью онъ не походилъ на Лжедимитрія I. Это обстоятельство не мѣшало, однако, отожествлять его съ первымъ самозванцемъ и тѣмъ, кто близко зналъ послѣдняго. Къ нему примкнулъ, напримѣръ, польскій отрядъ съ княземъ Вишневецкимъ во главѣ. Изъ другихъ польскихъ отрядовъ особенно печальную славу пріобрѣли на Руси отряды, составленные Лисовскимъ. Мятежники двинулись по направленію къ Москвѣ. Царское войско, высланное противъ нихъ, было разбито на голову. Такъ какъ у самозванца все же не было столь большого войска, чтобы сразу же́ завладѣть Москвою, онъ остановился недалеко отъ нея, въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ свое прозваніе Тушинскаго вора. Скоро сюда прибыла Марина Мнишекъ и признала въ Лжедимитріѣ II своего царственнаго супруга. Это признаніе еще болѣе укрѣпило положеніе самозванца. Тушино превратилось въ настоящій городъ, живо застроилось избами, а для мнимаго Дмитрія былъ выстроенъ цѣлый дворецъ. Чтобы еще болѣе увеличить число своихъ приверженцевъ, Лжедимитрій II разрѣшилъ крестьянамъ тѣхъ господъ, которые служили Шуйскому, завладѣть ихъ вотчинами и помѣстьями и брать себѣ въ жены ихъ дочерей. Такъ появилось на Руси два царя: одинъ—въ Москвѣ, другой—въ Тушинѣ. Часть народа стояла за Шуйскаго, другая—за Тушинскаго вора. Тушинцы, осаждая Москву, рѣшили завладѣть сѣверными городами, самыми богатыми на Руси. Но для того, чтобы осуществить это намѣреніе, необходимо было взять очень важный въ стратегическомъ отношеніи, прекрасно укрѣпленный Троицкій монастырь.

[1]) Въ Стародубѣ Сѣверскомъ.

Число защитниковъ лавры было, впрочемъ, невелико: всего 1,500 человѣкъ, включая сюда и монаховъ. Лавра была обложена цѣлой арміей Сапѣги и Лисовскаго, считавшихъ въ своихъ рядахъ до 30,000 человѣкъ. Несмотря на это неравенство силъ, высокій патріотическій духъ воодушевлялъ защитниковъ лавры и далъ имъ возможность выдерживать осаду почти полтора года. Въ то время, какъ воровскіе отряды Сапѣги и Лисовскаго осаждали Троице-Сергіевскую лавру, другіе тушинскіе отряды все-таки добрались до сѣверныхъ городовъ. Они заставили признать власть самозванца свыше 20-ти городовъ и въ ихъ числѣ — Суздаль, Владиміръ, Ярославль, Ростовъ. Смута такимъ образомъ окружала Шуйскаго. Испорченность нравовъ проявилась въ рѣзкой степени. Въ это время появился новый типъ людей, такъ называемыхъ п е р е л е т о в ъ: они то служили Шуйскому, то переходили на службу къ Тушинскому вору, то снова возвращались въ Москву. Но необузданность и звѣрство тушинцевъ постепенно готовили имъ гибель. Сначала мѣстечки, а затѣмъ и города стали отлагаться отъ вора; въ городахъ снова зашумѣли вѣчевыя сходки; пересылались грамотами, въ которыхъ города, отступившіеся отъ вора, приглашали къ тому же и другіе города. Однимъ словомъ, всюду разрушался государственный порядокъ. Противъ Шуйскаго въ Москвѣ стали составляться заговоры: одинъ былъ составленъ съ цѣлью его низложенія, другой — даже убіенія. Когда заговорщики потребовали отъ бояръ низложенія Шуйскаго, указывая на то, что Шуйскій былъ выбранъ только Москвою, патріархъ Гермогенъ заявилъ, что доселѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни другіе города не указывали Москвѣ, а напротивъ— Москва указывала имъ. На этотъ разъ попытка свергнуть Шуйскаго не имѣла успѣха. Но мотивы заговорщиковъ, отмѣчавшіе, съ одной стороны, дѣйствительный фактъ неправильнаго избранія Шуйскаго, указывали, съ другой стороны, на колеблющійся авторитетъ самой царственной Москвы.

Но еще до этого Шуйскій, сознавая трудность одолѣть вора своими силами, рѣшилъ искать иноземной помощи и послалъ съ этою цѣлью своего племянника Михаила Скопина-Шуйскаго за помощью къ шведамъ. Это обстоятельство неизбѣжно должно было осложнить смуту, втянувъ въ нее и сосѣднія государства. Это вмѣшательство и характеризуетъ третій и послѣдній періодъ смуты при Шуйскомъ.

Шведскій король Карлъ IX, опасавшійся, что враждебная ему Польша овладѣетъ Москвою, далъ Скопину-Шуйскому отрядъ своихъ войскъ, съ генераломъ Делагарди во главѣ. Скопинъ-Шуйскій и Делагарди двинулись отъ Новгорода къ Москвѣ, очищая отъ тушинскихъ шаекъ области, лежавшія на ихъ пути. Подъ Тверью

войско вора потерпѣло пораженіе. Послѣ этого Скопинъ-Шуйскій освободилъ отъ осады Троице-Сергіевскую лавру. Вообще, онъ дѣйствовалъ замѣчательно удачно, несмотря на то, что шведы нерѣдко отказывались помогать ему. Василій Шуйскій старался въ то же время собрать какъ можно большее войско, чтобы усилить отряды своего племянника. Соединеніе ихъ произошло въ Александровской слободѣ. Они разгромили бы воровское гнѣздо тушинцевъ, если бы Тушино не исчезло съ лица земли. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Когда польскій король Сигизмундъ III, племянникъ шведскаго короля Карла IX, узналъ о союзѣ послѣдняго съ Москвою, то рѣшительно настоялъ на сеймѣ на необходимости войны съ Москвою. Вступивъ въ московскіе предѣлы, Сигизмундъ послалъ въ Москву складную грамоту, т. е. объявленіе войны, и осадилъ Смоленскъ. Извѣстіе объ этомъ взволновало поляковъ, находившихся въ Тушинѣ. Сперва они думали, было, составить противъ своего короля вооруженный союзъ или конфедерацію, чтобы силою заставить короля возвести на московскій престолъ мнимаго Дмитрія, но скоро подчинились королю и пошли со своими отрядами къ Смоленску. Тушино было зажжено. Тогда самозванецъ бѣжалъ съ казаками въ Калугу. Остальные русскіе люди, преимущественно средняго класса, извѣрившись и въ Тушинскомъ ворѣ, и въ Шуйскомъ, отправили къ Сигизмунду посольство съ просьбой отпустить на московскій престолъ его сына, королевича Владислава. При этомъ были выработаны извѣстныя условія: ими опредѣлялись права не однихъ бояръ, но всего народа; отмѣчается совмѣстная дѣятельность съ царемъ не только Боярской Думы, но и земскаго собора; ограждается православіе; подтверждается запрещеніе крестьянскаго перехода; предоставляется каждому право ѣздить въ другія христіанскія государства и т. д.

Между тѣмъ Скопинъ-Шуйскій вмѣстѣ съ Делагарди торжественно вступилъ въ освобожденную Москву. Народъ привѣтствовалъ его, какъ избавителя. Изъ Москвы онъ собирался въ походъ подъ Смоленскъ, къ чему побуждалъ его и Делагарди, желавшій поскорѣе прогнать Сигизмунда, что было важно въ интересахъ Швеціи. Но доблестный князь Скопинъ-Шуйскій заболѣлъ кровотеченіемъ на пиру у одного изъ московскихъ бояръ и спустя двѣ недѣли умеръ. По Москвѣ пошли слухи, что молодой и талантливый полководецъ былъ отравленъ, такъ какъ его неспособный дядя Дмитрій Ивановичъ Шуйскій завидовалъ его славѣ и усматривалъ въ немъ опаснаго соперника, стремяся самъ занять московскій престолъ послѣ бездѣтнаго царя Василія. Во всякомъ случаѣ, народъ отнесся послѣ этого очень враждебно къ Дмитрію и его женѣ, грозился разорить ихъ домъ, такъ что послѣдній пришлось охранять военною силой. Несмотря на это,

царь Василій поставилъ во главѣ войска, направлявшагося подъ Смоленскъ, своего неспособнаго брата. Не дойдя до Смоленска, Дмитрій Шуйскій былъ разбитъ Жолкевскимъ при Клушинѣ. Самозванецъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, снова подступилъ къ Москвѣ и остановился въ селѣ Коломенскомъ. Въ это время въ Москвѣ уже открыто говорили о необходимости свергнуть съ престола боярскаго царя Василія, и скоро эти разговоры стали фактомъ. Захаръ

Рис. 48. Патріархъ Гермогенъ.

Ляпуновъ, по настоянію своего брата, рязанскаго дворянина Прокопія, явился со своими сообщниками во дворецъ царя Василія и просилъ его отказаться отъ власти, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія. Царь Василій думалъ, было, уничтожить предпріятіе грозными словами, но они не подѣйствовали и чуть было не стоили ему жизни. Къ счастью, болѣе благоразумные люди увели Захарія Ляпунова на площадь, которая была уже переполнена народомъ. Здѣсь и бояре, и всякаго чина люди приговорили просить царя Василія

о сложеніи съ себя верховной власти. Царю оставалось покориться, что онъ и сдѣлалъ. Но этимъ дѣло не ограничилось: царя Василія насильственно постригли въ монахи, а царицу, жену его, въ монахини. Москва, не желавшая признавать Тушинскаго вора, осталась безъ царя. Наступила тяжелая пора Междуцарствія или лихолѣтья (1610—1613).

Іеромонахамъ велѣно было совершать обрядъ постриженія, и когда, по обряду, спросили Шуйскаго: желаетъ ли онъ? Василій громко закричалъ: „не хочу“; но князь Тюфякинъ, одинъ изъ соумышленниковъ Ляпунова, произносилъ за него обѣщаніе, а Ляпуновъ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобъ онъ не отмахивался. Его одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь. Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ постригли жену Василія. Марья Петровна также не дала обѣта и твердо говорила, что никто не можетъ разлучить ее съ мужемъ, съ которымъ соединилъ Богъ. Патріархъ Гермогенъ вопіялъ противъ такого беззаконія и говорилъ, что инокомъ сталъ теперь тотъ, кто за Василія отрекался отъ міра (Костомаровъ).

61. Междуцарствіе. Государство Русское лишилось главы въ такую пору, когда особенно нуждалось въ единой, твердой власти. Самой Москвѣ грозили враги: Лжедимитрій II и надвигавшійся на нее Жолкевскій. Враги завладѣли западнымъ рубежомъ, держались и въ другихъ областяхъ государства. Русскіе люди отлично понимали, какъ эта власть необходима, но ихъ раздѣляло разногласіе по вопросу о томъ, кому вручить ее.

Фактически верховная власть снова сосредоточилась въ Боярской Думѣ. Во главѣ ея стоялъ князь Мстиславскій. Народъ присягнулъ Думѣ, не желая признавать власти вора. Вору сочувствовала только московская чернь, находившая выгоды въ его воцареніи: онъ рушилъ бы послѣдній порядокъ и далъ бы возможность поживиться на счетъ бояръ. Уже въ это время была здравая мысль о созваніи земскаго собора для выбора на немъ царя изъ среды русскихъ людей. Были даже и кандидаты на престолъ: малолѣтній сынъ Филарета, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Но трудно было созвать соборъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась несчастная Москва. Послѣдняя легко могла сдѣлаться добычею вора. Нужно было торопиться. Вотъ почему бояре ухватились за мысль, которая была уже не новой,— избрать на осиротѣлый московскій престолъ королевича Владислава. Рѣшившись на это, они сами стали торопить Жолкевскаго приходомъ въ Москву.

Жолкевскій отогналъ вора отъ Москвы и принудилъ его снова бѣжать въ Калугу. Москва освобождалась отъ одного врага дорогою цѣной подчиненія другому. По совѣту гетмана, Дума снарядила подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду посольство, во главѣ ко-

тораго стоялъ отецъ одного изъ кандидатовъ, митрополитъ Филаретъ, и другой кандидатъ, князь В. В. Голицынъ. Такъ ловко удалилъ гетманъ людей, которые могли быть опасными Владиславу. По просьбѣ самихъ бояръ, опасавшихся возстанія черни въ пользу вора, онъ занялъ своимъ небольшимъ отрядомъ самую Москву. Занявъ Москву польскимъ отрядомъ, Жолкевскій сдалъ команду надъ нимъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, Гонсѣвскому, а самъ, повинуясь приказанію короля, уѣхалъ къ нему, захвативъ съ собою бывшаго царя Василія и его братьевъ.

Между тѣмъ Сигизмундъ III сталъ требовать отъ пословъ, чтобы они содѣйствовали сдачѣ Смоленска, и заявилъ свое желаніе сдѣлаться самому московскимъ царемъ. Такъ какъ посольство отказывалось дать свое согласіе, то Сигизмундъ началъ склонять отдѣльныхъ лицъ посольства въ свою пользу. Нашлись люди, которые, ради королевскихъ милостей, соглашались на его требованіе. Въ числѣ такихъ людей былъ и келарь Троице-Сергіевскаго монастыря Авраамій Палицынъ. Говорятъ, что Палицынъ далъ притворное согласіе, желая поскорѣе вернуться въ Москву. Что же касается другихъ лицъ, прельщенныхъ польскимъ королемъ, то, по возвращеніи въ Москву, они распространяли мысль о необходимости подчиненія Сигизмунду. Мысль о подчиненіи Сигизмунду, католику-фанатику, потерявшему, благодаря своему фанатизму, шведскую корону, показалась истинно русскимъ людямъ ужасной. Съ полнымъ правомъ они усматривали въ ея осуществленіи новыя бѣдствія для своей родины. Въ сущности, своимъ притязаніемъ и упорствомъ Сигизмундъ совершенно погубилъ дѣло, такъ ловко устроенное умнымъ Жолкевскимъ. Выразителемъ лучшихъ чувствъ народа явился патріархъ Гермогенъ. Онъ не хотѣлъ и слышать о Сигизмундѣ, какъ о грозѣ православію. Такимъ образомъ разногласіе достигло высшей степени: одни стояли за Владислава, другіе готовы были подчиниться и самому Сигизмунду, во многихъ мѣстахъ и даже въ самой Москвѣ многіе присягали вору, наконецъ впервые раздался истинно патріотическій національный призывъ патріарха Гермогена. Къ счастью для Россіи, неожиданная смерть Лжедимитрія, убитаго однимъ крещенымъ татариномъ изъ личной мести, значительно поспособствовала ослабленію разногласія и смуты. Вѣдь, многіе присягали вору только потому, что не желали установленія польскаго владычества. Еще когда мысль объ уніи съ Польшей была высказана впервые, Лжедимитрій II сказалъ: «не дамъ торжествовать ереси... не уступлю королю ни кола, ни двора».

Пробужденіе національнаго чувства было естественнымъ послѣдствіемъ пережитой анархіи. Это пробужденіе было такъ же всеобще и стихійно, какъ ранѣе смута.

Появившись въ Москвѣ, оно появилось самостоятельно и въ Рязани, гдѣ его выразителемъ былъ дворянинъ рязанскій, Прокопій Ляпуновъ,

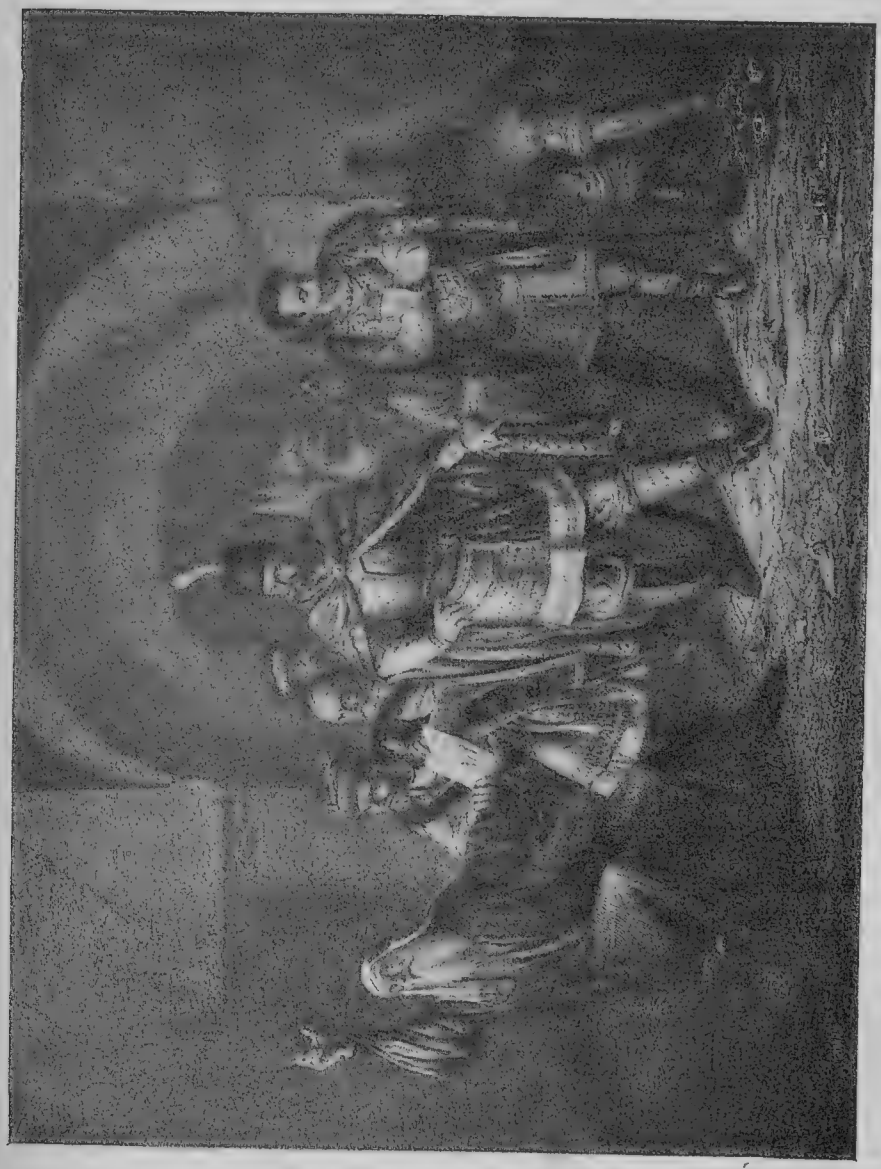


Рис. 49. Патріархъ Гермогенъ отказывается писать начальникамъ земскаго ополченія о распущеніи войска. (Съ картины Чистякова).

человѣкъ выдающихся способностей, обладавшій при этомъ замѣчательной энергіей, врагъ боярства. Толчкомъ къ его дѣятельности послу-

жили грамоты, приходившія изъ Смоленской области. Отсюда писали о жестокостяхъ поляковъ, объ ихъ грабежахъ и насиліяхъ, о желаніи Сигизмунда завоевать все Московское государство. Грамоты эти съ разными добавленіями стали пересылаться изъ одного города въ другой и всюду вызывали пробудившееся самосознаніе. Къ Прокопію Ляпунову стали стекаться отряды со всѣхъ концовъ Русской земли—изъ областей сѣверныхъ, со всего Поволжья, изъ области Сѣверской. Казаки, бывшіе раньше въ Тушинскомъ лагерѣ, увлеклись тѣмъ же могучимъ потокомъ; и они двинулись на освобожденіе Москвы, подъ начальствомъ князя Трубецкого и Заруцкаго. Такъ со всѣхъ сторонъ Руси великое чувство патріотизма стягивало къ Москвѣ самыя разнородныя дружины. Московскіе бояре, которыхъ Ляпуновъ клеймилъ именемъ измѣнниковъ, встревожились и составили приговоръ, повелѣвавшій нашимъ посламъ, отправленнымъ подъ Смоленскъ, исполнить требованія Сигизмунда. На основаніи того же приговора доброхоты польскаго короля потребовали отъ Прокопія Ляпунова, чтобы онъ прекратилъ сборъ ополченія. Патріархъ Гермогенъ отказался подписать грамоту, а Филаретъ съ Голицынымъ заявили, что считаютъ недѣйствительною грамоту безъ подписи патріарха. Ляпуновъ также отказался повиноваться. Чтобы сломить упорство Ляпунова, Салтыковъ съ товарищами, распоряжавшіеся судьбами государства, потребовали у Гермогена, чтобы онъ написалъ къ Ляпунову грамоту, въ которой запретилъ бы походъ противъ Москвы. Гермогенъ далъ еще болѣе ясный и энергичный отвѣтъ: «напишу, когда польскіе и литовскіе люди выйдутъ изъ Московскихъ предѣловъ». Вскорѣ появились въ Москвѣ со своими отрядами части Ляпуновскаго ополченія; въ числѣ отдѣльныхъ начальниковъ находился и знаменитый князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. На улицахъ Москвы началась жестокая сѣча, и поляки были загнаны въ Китай-городъ и Кремль. Когда подступилъ къ столицѣ Ляпуновъ, поляки очутились въ крѣпкой осадѣ. «Рыцарству—писали они подъ Смоленскъ — большая тѣснота въ Москвѣ, сидятъ въ Китай-городѣ и въ Кремлѣ, въ осадѣ».

Сигизмундъ, еще ранѣе грозившій нашимъ посламъ отправить ихъ плѣнниками въ Польшу, теперь, вопреки международному праву, осуществилъ свою угрозу. Лѣтомъ 1611 года былъ наконецъ взятъ Смоленскъ. Тогда король распустилъ войско и вернулся въ Польшу. Спустя мѣсяцъ съ небольшимъ шведскій полководецъ Делагарди завладѣлъ Новгородомъ. Такимъ образомъ и шведы изъ нашихъ, правда, оплачиваемыхъ друзей превратились въ злыхъ недруговъ: наши сосѣди спѣшили воспользоваться бѣдственнымъ состояніемъ Русскаго государства.

Съ приближеніемъ народнаго ополченія къ Москвѣ власть

бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, пала. Ополченіе въ сущности представляло собою новое правительство. Къ сожалѣнію, между главными вождями его существовала рознь. Ляпуновъ былъ представителемъ земскихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, стремившихся къ возстановленію порядка; онъ и дѣйствовалъ въ пользу земскихъ людей и нападалъ на казаковъ за ихъ грабежи и насилія. Заруцкій, стоявшій во главѣ казаковъ, дѣлалъ имъ всякія поблажки и не стѣснялся увеличивать свои личныя средства на счетъ общественныхъ бѣдствій; онъ захватилъ себѣ много городовъ и волостей. Третій воевода, Трубецкой, не пользовался никакимъ вліяніемъ, «ему отъ Ляпунова и Заруцкаго — по словамъ лѣтописи — никакой чести не было». Казаки ненавидѣли Прокопія Ляпунова. Объединенные имъ земскіе люди составили приговоръ, направленный противъ казаковъ, грозившій имъ жестокими наказаніями за своевольство и грабежи. Со времени обнародованія этого приговора, въ которомъ отразились и убѣжденія Ляпунова, враги порядка задумали убить его. Но смерти Ляпунова желали не только одни казаки; того же хотѣлъ и панъ Гонсѣвскій, боявшійся не Заруцкаго съ Трубецкимъ, а земскаго ополченія съ его вождемъ Ляпуновымъ. Работая надъ гибелью Ляпунова, Гонсѣвскій прибѣгъ къ вѣроломному средству. Онъ велѣлъ написать отъ имени Ляпунова грамоту къ населенію всѣхъ городовъ, совѣтовавшую, «гдѣ поймаютъ казака—бить и топить; а когда, дастъ Богъ государство Московское успокоится,—говорилось въ грамотѣ—то мы весь этотъ злой народъ истребимъ». Подъ грамотой была искусно поддѣлана подпись Ляпунова. Эта грамота была отправлена къ казакамъ. Послѣдніе собрались въ кругъ и потребовали къ себѣ Ляпунова. Тотъ явился лишь тогда, когда его увѣрили въ полной безопасности. Когда ему показали грамоту, онъ заявилъ, что подпись подъ нею поддѣльная. Завязался споръ, кончившійся печально для Ляпунова: онъ былъ изрубленъ казацкими саблями (25 іюля 1611 года). Со смертью Ляпунова кончилось преобладаніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые стояли за порядокъ; казаки подняли головы; казацкіе предводители сдѣлались заправилами. Вотъ почему здоровое ядро ополченія стало разлагаться, и многіе земскіе люди по-неволѣ разъѣзжались по домамъ. Смута достигла своего высшаго развитія: государство Русское, казалось, стояло уже на краю своей погибели. Но патріотическое чувство, разъ пробудившееся, не могло уже заглохнуть и только ждало себѣ новаго выхода.

62. Спасеніе государства. Изъ среды людей, выдвинутыхъ на видное мѣсто событіями лихолѣтья, обращаетъ на себя вниманіе архимандритъ Троице-Сергіевскаго монастыря Діонисій. Еще при жизни Ляпунова онъ сталъ разсылать по городамъ грамоты, въ ко-

торыхъ объяснялъ цѣль собраннаго Ляпуновымъ народнаго ополченія и призывалъ народъ русскій подняться противъ враговъ и вырвать изъ ихъ рукъ Москву.

„Православные христіане! говорилось въ грамотѣ: вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во Св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разореніе учинили они въ Московскомъ государствѣ; гдѣ Святыя Божія церкви и Божіи образы? гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе? инокини, добродѣтелями украшенныя, не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось“.

Осенью 1611 года одна изъ подобныхъ грамотъ была послана уже томившимся въ заключеніи патр. Гермогеномъ въ Нижній-Новгородъ. Свою грамоту Гермогенъ написалъ, когда до него дошли вѣсти о желаніи стоявшаго подъ Москвою казачества присягнуть сыну Лжедимитрія II и Марины. Это возмутило Гермогена, который въ своей грамотѣ рѣзко осуждалъ казаковъ. Грамота, прочтенная народу, произвела сильное впечатлѣніе, такъ какъ ясно выражала то, что таилось въ сознаніи каждаго истинно-русскаго человѣка. Послѣ соборнаго протопопа Саввы, увѣщевавшаго своихъ слушателей стать за вѣру и прочитавшаго грамоту, заговорилъ всѣми уважаемый земскій староста, торговый человѣкъ Кузьма Мининъ Сухорукій. «Захотимъ помочь Московскому государству,—говорилъ онъ,—такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ — кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». По предложенію и примѣру Минина, отдавшаго на общее дѣло значительную часть своего состоянія, нижегородцы стали приносить свои пожертвованія; тѣхъ, кто не хотѣлъ жертвовать, принуждали силою. Всѣ эти деньги собирались на содержаніе войска.

Кромѣ сбора казны, Минину принадлежитъ и другая заслуга. Онъ указалъ на подходящаго полководца для будущей народной рати. То былъ стольникъ и воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Онъ жилъ въ ту пору въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ имъ въ Москвѣ во время возстанія противъ поляковъ. Пожарскій отвѣчалъ отправленнымъ къ нему посламъ, что готовъ подчиниться народному выбору, но просилъ, въ свою очередь, чтобы нижегородцы выбрали изъ своей среды человѣка для дальнѣйшаго сбора и сбереженія казны, и указалъ при этомъ на Минина. Мининъ также согласился, но при условіи полнаго повиновенія ему согражданъ и дальнѣйшей выдачи ими денегъ на содержаніе ратныхъ людей. Готовность нижегородцевъ на дальнѣйшія жертвы, ихъ обѣщаніе не только имѣнія своего не щадить, но женъ и дѣтей продавать, если бы понадобилось, были занесены въ особый приговоръ, который Мининъ отослалъ къ князю Пожарскому.

Вѣсть о происшедшемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ разнеслась далеко: смоленскіе дворяне, обиженные сперва поляками, а послѣ Заруцкимъ, который выгналъ ихъ изъ помѣстій, просили нижегородцевъ принять ихъ въ свое ополченіе и, конечно, получили благопріятный отвѣтъ. Пожарскій, прибывъ въ Нижній, привелъ съ собою служилыхъ людей, также пострадавшихъ отъ Заруцкаго. Когда князь Пожарскій сталъ раздавать жалованье ратнымъ людямъ, то оказалось, что потребности войны превышали скромные размѣры земской казны. Тогда рѣшили обратиться съ воззваніемъ къ другимъ городамъ, прося у нихъ денежнаго содѣйствія. Въ грамотѣ, разосланной съ этою цѣлью, идетъ рѣчь не только о польскихъ и литовскихъ людяхъ, но и о казакахъ, которые прямо называются въ ней ворами. Грамота произвела сильное впечатлѣніе; благодаря ей, и много людей потянулось къ Нижнему, и много денегъ высылалось туда ради общаго дѣла. Съ просьбою о присылкѣ денегъ приходилось обращаться и позже, такъ какъ съ ростомъ народнаго ополченія выростали и расходы.

Пожарскій повелъ ополченіе къ Москвѣ не по разоренной дорогѣ — черезъ Владиміръ, а по Волгѣ — черезъ Кострому и Ярославль: здѣсь онъ свободно могъ получать помощь людьми и деньгами изъ края, котораго разореніе не коснулось. Когда Пожарскій и Мининъ готовились выступить изъ Ярославля, доблестнаго князя чуть, было, не постигла печальная участь: казакъ, подосланный Заруцкимъ, хотѣлъ убить его, но, къ счастію, промахнулся и ранилъ другого казака, стоявшаго близъ Пожарскаго. Необходимо имѣть въ виду, что Пожарскій былъ не только главнымъ начальникомъ народнаго ополченія, но и правителемъ государства: онъ дѣлалъ цѣ-

Рис. 50. Костромской Ипатьевскій монастырь (съ вост. стороны).

лый рядъ распоряженій, присущихъ верховной власти,—принималъ челобитныя, раздавалъ тарханныя грамоты монастырямъ, давалъ льготы населенію разоренныхъ мѣстностей и т. под. Подобное же положеніе занимали въ свое время Ляпуновъ съ Заруцкимъ. Но основанія дѣйствій двухъ послѣднихъ лицъ и Пожарскаго были различны: Ляпуновъ съ Заруцкимъ дѣйствовали самолично, тогда какъ Пожарскій сообразовался въ своихъ дѣйствіяхъ съ приговорами земскаго собора, при немъ находившагося.

Наконецъ, во второй половинѣ августа 1612 года народное ополченіе подошло къ Москвѣ. При приближеніи Пожарскаго, Заруцкій со своими казаками отступилъ въ Коломну, гдѣ въ ту пору находилась Марина съ сыномъ. Трубецкой, въ лагерѣ котораго было много казаковъ, остался подъ стѣнами Москвы, но сначала между земскимъ ополченіемъ и казаками существовала нескрываемая вражда, которая прекратилась только съ теченіемъ времени. Большое значеніе для земскаго дѣла имѣла побѣда Пожарскаго надъ польскимъ гетманомъ Ходкевичемъ, который привелъ войско на помощь осажденному Гонсѣвскому. Проигранная битва заставила Ходкевича отступить. Вылазки осажденныхъ не имѣли успѣха. Сначала былъ взятъ приступомъ, въ которомъ участвовали казаки, Китай-городъ, а вскорѣ послѣ этого сдались и поляки, досидѣвшіе въ Кремлѣ до страшнаго голода. Тяжкій плѣнъ перенесли, между прочимъ, Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ и его матерью, инокинею Маѳою. Сигизмундъ, шедшій, было, на помощь своимъ, узнавъ объ освобожденіи Москвы, вернулся обратно.

Исполнивъ первую часть задачи, освободивъ Москву отъ враговъ, земскіе люди приступили къ исполненію второй половины ея, къ избранію царя всею землею. Было рѣшено созвать избирательный земскій соборъ, для чего и были разосланы грамоты по городамъ Московскаго государства съ предложеніемъ прислать въ Москву выборныхъ людей. Пожарскій призывалъ по 10 выборныхъ отъ каждаго города, но были города, приславшіе представителей своихъ въ большемъ числѣ. Такъ, напримѣръ, Нижній-Новгородъ прислалъ 19 человѣкъ. Всѣхъ подписей подъ избирательной грамотой 277 [1]), но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что городскіе представители подписывались не за однихъ себя, но за всѣхъ представителей своего города и уѣзда. Во всякомъ случаѣ, земскій соборъ 1613 года былъ самымъ многолюднымъ изъ соборовъ, что объясняется важностью вопроса, предстоявшаго его рѣшенію.

Первымъ постановленіемъ собора было не выбирать царя

---

[1]) Изъ 277 подписей 57 принадлежатъ духовенству, 136—боярамъ и высшимъ служилымъ чинамъ, а остальныя 84—городскимъ выборнымъ свѣтскихъ чиновъ.

изъ иностранцевъ. И къ этому рѣшенію пришли не сразу; по свидѣтельству лѣтописца, «по многіе дни бысть собранія людямъ, дѣла же утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо». Когда же дѣло дошло до выбора кандидатовъ на царскій престолъ, разногласіе и волненіе достигли еще высшей степени. Многіе изъ бояръ мечтали о царской коронѣ и прибѣгали даже къ подкупамъ. Многіе члены собора выставляли своихъ кандидатовъ и крѣпко стояли за нихъ. Наконецъ, было произнесено имя, вокругъ котораго объединилось большинство собора, имя шестнадцатилѣтняго сына Филарета, Михаила Ѳеодоровича Романова. Окончательное избраніе состоялось въ торжественномъ засѣданіи, происходившемъ 21 февраля въ Успенскомъ соборѣ. Большинство бояръ не сочувствовало избранію Михаила, такъ что избраніе его было въ сущности дѣломъ земскимъ, а не боярскимъ.

Государь былъ избранъ, но членамъ собора не было извѣстно его мѣстопребываніе: съ извѣстіемъ объ избраніи было отправлено посольство въ «Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ». Послѣ освобожденія изъ плѣна Михаилъ со своею матерью, инокиней Марѳой (Ксеніей Ивановной Романовой), уѣхалъ въ свою Костромскую вотчину, село Домнино. Здѣсь Михаила Ѳеодоровича чуть было не погубили поляки. Достовѣрно извѣстно, что поляки и литовцы были въ 1613 году въ Костромской сторонѣ (въ Галичскомъ и Костромскомъ уѣздахъ). Установленъ фактъ ихъ пребыванія (въ Желѣзно-Боровскомъ монастырѣ) всего въ 15—20 верстахъ отъ Домнина, откуда они искали дороги въ Домнино, чтобы убить новоизбраннаго государя и тѣмъ вызвать новую, чрезвычайно выгодную для нихъ, смуту. Они не дошли до с. Домнина какихъ-нибудь 2—$2^1/_2$ верстъ, но встрѣтившійся имъ домнинскій крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, чуя опасность, повелъ ихъ въ противоположную сторону—къ селу Исупову; въ Домнино же послалъ своего зятя Богдана Сабинина къ Михаилу съ извѣщеніемъ о грозящей опасности и совѣтомъ укрыться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Умышленно бродя съ поляками по Исуповскому болоту и сосѣднимъ лѣсамъ цѣлую ночь и утро слѣдующаго дня, несмотря на пытки, Сусанинъ не открылъ полякамъ мѣстопребыванія царя и былъ ими изрубленъ въ селѣ Исуповѣ [1]).

Посольство нашло новоизбраннаго царя въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, послѣ долгихъ уговоровъ и даже угрозы небесною карой, получило отъ сына и матери желанное согласіе.

---

[1]) См. объ этомъ вопросѣ изслѣдованіе Самарянова „Памяти Ивана Сусанина“, въ которомъ основательно опровергается мнѣніе историка Костомарова, считавшаго личность Сусанина миѳической.

Смутное время, начавшееся съ прекращенія Рюриковой династіи и осложнившееся борьбой различныхъ классовъ земскаго общества, закончилось объединеніемъ этихъ классовъ, борьбою ихъ съ казачествомъ и поляками и избраніемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

Возстановленіе порядка.

63. Внутренняя дѣятельность въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Патріархъ Филаретъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ (1613—1645) унаслѣдовалъ отъ смутнаго времени борьбу съ внѣшними врагами, завладѣвшими нашими западными рубежами, и тяжелую задачу — умиротворить государство, возстановить въ немъ разрушенный порядокъ.

Смута, которую только что пережило Московское государство, подготовлялась давно—еще съ XVI столѣтія, съ царствованія Іоанна Грознаго. Уже тогда проявились настоящія причины смуты; прекращеніе же династіи было только внѣшнею причиной, содѣйствовавшей развитію смуты. Первая причина заключалась въ неизбѣжномъ столкновеніи неограниченной верховной власти съ боярствомъ, стремившимся ограничить эту власть въ свою пользу. Если опричнина замѣтно ослабила бояръ-князей, какъ крупную землевладѣльческую силу, то, съ другой стороны, тяжело отразилась и на народной массѣ. Опричнина вызвала массовое передвиженіе землевладѣльцевъ съ однѣхъ земель на другія. Отъ этого прежде всего страдали сами хозяева, которымъ приходилось, лишившись насиженныхъ мѣстъ, приспособляться къ новымъ мѣстамъ на государственныхъ окраинахъ, заводить новое хозяйство. Въ равной степени страдали и крестьяне, которымъ приходилось приспособляться къ новымъ хозяевамъ; особенно чувствовали перемѣну своего положенія тѣ изъ нихъ, которые жили на дворцовыхъ или государственныхъ земляхъ, внезапно попавшихъ въ руки частныхъ землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, и продолжительныя войны Іоанна Грознаго содѣйствовали истощенію населенія разныхъ областей. Многіе люди, спасаясь отъ страшныхъ поборовъ, покидали свой мирный образъ жизни, укрывались въ лѣсахъ и предавались разбою. Разбои увеличились въ чрезвычайной степени; отъ нихъ не было проѣзда ни по большимъ, ни по малымъ дорогамъ; грабились не только деревни, но и города. Въ царствованіе Бориса Годунова противъ разбойническихъ шаекъ высылались царскія войска.

Рис. 51. Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. (Съ картины Г. И. Угрюмова).

Но была и другая (соціальная) причина, вызвавшая смуту. Радѣя о войскѣ, Московское правительство соблюдало главнымъ образомъ землевладѣльческіе интересы, интересы служилыхъ людей. Оно раздавало имъ вотчины и помѣстья. Къ концу XVI вѣка всѣ земли, кромѣ оставшихся въ рукахъ государя и монастырскихъ, были розданы служилымъ людямъ. Города, въ которыхъ водворялись служилые люди, быстро мѣняли свой характеръ: изъ центровъ народно-хозяйственной жизни они превращались въ административно-военные центры. Бросавшее промыслы и торговлю населеніе или снималось съ мѣстъ, или, оставаясь на мѣстѣ, всячески старалось освободиться отъ повинностей. Съ другой стороны, водвореніе служилыхъ людей на государевыхъ земляхъ, находившихся ранѣе въ крестьянскомъ владѣніи, отзывалось очень невыгодно на крестьянахъ. До этого времени они были мелкими, но самостоятельными хозяевами, теперь же помѣщикъ, отвѣчавшій за правильное поступленіе податей въ казну, становился между государемъ и крестьянами и постепенно пріобрѣталъ власть надъ послѣдними; неся подати государю, крестьяне обязывались нести повинности и въ пользу помѣщика. Въ интересахъ служилыхъ людей совершалось и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Благодаря всему этому, населеніе рѣзко раздѣлилось на два враждебныхъ стана — людей служилыхъ и неслужилыхъ.

Смута, достигнувъ высшей степени, снова вызвала къ жизни городскія и сельскія общины. Города стали пересылаться другъ съ другомъ грамотами, стали собирать деньги и войска для изгнанія поляковъ изъ Москвы и очищенія Русской земли не только отъ иноплеменниковъ, но и отъ измѣнниковъ. Съ неслужилымъ населеніемъ соединилось въ великомъ, общенародномъ дѣлѣ и населеніе служилое. Совмѣстными усиліями народъ достигъ того, чего не могла достигнуть ни одна правительственная власть, опиравшаяся только на служилыхъ людей. Всею землею былъ выбранъ царь, которому предстояло окончательно возстановить порядокъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича совершенно естественно должны были выдвинуться неслужилые классы, отодвинутые ранѣе на послѣдній планъ. Населеніе городовъ и селъ, и послѣ избранія царя, оказывало правительству дѣятельную поддержку. Оно жертвовало всѣмъ, чѣмъ могло: собирало пятую и десятую деньгу съ капиталовъ, заготовляло запасы для войска, пособляло и деньгами, и вещами. Совмѣстно съ нимъ дѣйствовали на общегосударственную пользу и бояре съ духовенствомъ, и служилые люди.

Такое положеніе дѣлъ неминуемо привело къ тому, что и общество было призвано къ содѣйствію государственной власти въ рѣшеніи важнѣйшихъ

вопросовъ. Во все царствованіе Михаила Ѳеодоровича всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по указу государеву и по соборному приговору всей Русской земли. Всѣ царскія грамоты того времени говорятъ объ указѣ государевомъ и приговорѣ служилыхъ и неслужилыхъ людей: «по всемірному приговору со всего Московскаго государства...», «и мы великій государь учинили о томъ со-

Рис. 52. Патріархъ Филаретъ.

боръ»..., «и соборомъ приговорили»... Если государь и посылалъ грамоты по важнымъ дѣламъ только отъ своего имени, то вслѣдъ за ними посылалъ другія грамоты съ тѣмъ же содержаніемъ, но уже «отъ освященнаго собора» (отъ высшаго духовенства), а иногда «отъ земскаго собора всякихъ чиновъ людей всей Русской земли». Бывали случаи, когда государь посылалъ грамоты отъ своего имени,

и не сопровождая ихъ грамотами отъ духовенства и земскаго собора, но это дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ непосредственно обращался къ самому населенію, минуя намѣстниковъ и приказныхъ людей.

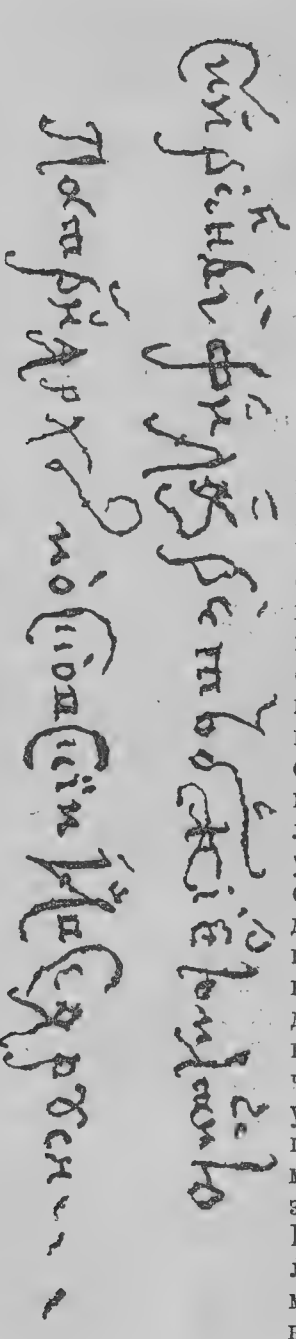
Прежде всего предстояло государю и народу умиротворить землю. Казаки еще продолжали свои грабежи, а часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, съ Мариною и ея сыномъ въ станѣ, разбитая царскими воеводами, укрылась и укрѣпилась въ Астрахани. Грабили не только казаки, но и нѣкоторые служилые люди, разоренные смутой. Тяжелую руку налагали иногда на населеніе и правители. Даже земскіе люди иногда поневолѣ затрудняли положеніе правительства; такъ, напр., земскіе люди на Бѣлоозерѣ отказались платить подати. Чтобы уничтожить всѣ эти печальныя явленія, правительству необходимы были деньги, а казна была опустошена. Приходилось собирать недоимки, вводить новые налоги и даже обращаться къ частной благотворительности; такъ, напр., были посланы грамоты къ Строгановымъ. Въ отвѣтъ на эти грамоты Строгановы выслали въ Москву большую по тому времени сумму денегъ.

Опаснѣе другихъ внутреннихъ враговъ былъ Заруцкій, задумавшій поднять противъ правительства все казачество, жившее по Волгѣ, Дону и Тереку. Правительство искусно отвлекло казаковъ отъ Заруцкаго. Сами астраханцы возмутились противъ него, такъ что достаточно было небольшого отряда стрѣльцовъ, чтобы разбить шайку Заруцкаго. Послѣдній и сынъ Марины были казнены въ Москвѣ, а сама Марина окончила свою богатую приключеніями и несчастную жизнь въ темницѣ. Что касается другихъ казацкихъ шаекъ, изъ которыхъ особенно прославилась шайка атамана Баловня, то всѣ онѣ постепенно были частью уничтожены, частью разсѣяны, а Баловень казненъ. Въ преслѣдованіи этихъ шаекъ особенно отличился князь Лыковъ.

Изъ другихъ сторонъ внутренней дѣятельности въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича наибольшее значеніе имѣли: перемѣны, произведенныя съ тою цѣлью, чтобы сообщить управленію извѣстное единство въ образѣ дѣйствій, и правительственныя мѣры, которыя были направлены къ приведенію въ извѣстность платежныхъ силъ страны и къ установленію въ дѣлѣ несенія податей надлежащаго порядка и большей справедливости.

Со временъ Іоанна Грознаго въ нашемъ областномъ управленіи были произведены перемѣны съ цѣлью установленія земскаго самоуправленія. Прежніе намѣстники и волостели, назначавшіеся изъ Москвы, были отмѣнены. Для веденія уголовно-полицейскихъ дѣлъ изъ среды жителей даннаго уѣзда выбирались такъ называемые губные старосты. Менѣе важныя судебныя дѣла находились

въ вѣдѣніи выборныхъ властей, называвшихся излюбленными головами или земскими старостами; помощниками ихъ были цѣловальники, называвшіеся такъ потому, что они обязывались цѣлованіемъ креста или присягой вершить дѣла по правдѣ. Кромѣ разбора гражданскихъ дѣлъ, тѣмъ же лицамъ былъ предоставленъ сборъ прямыхъ государственныхъ налоговъ. Косвенные государственные налоги (напр. питейный, торговый и др.) собирались, въ свою очередь, также особыми выборными лицами. Всѣ указанныя выборныя лица имѣли дѣло съ населеніемъ тяглымъ. Совершенно подобнымъ же образомъ устраивалось управленіе и служилыхъ людей того или другого уѣзда. Такимъ образомъ бокъ-о-бокъ существовали два совершенно не связанныхъ между собою міра — тяглый и служилый, и каждый изъ нихъ самостоятельно сносился по своимъ дѣламъ съ находящимися въ Москвѣ центральными учрежденіями—приказами. Это разъединеніе оказалось особенно невыгоднымъ въ періодъ смутнаго времени. Только окраины управлялись воеводами, что сообщало мѣстному управленію извѣстное единство. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ видахъ усиленія централизаціи, воеводы были поставлены повсемѣстно. Воевода соединялъ въ своихъ рукахъ власть по всѣмъ дѣламъ своего уѣзда. Это нѣсколько стѣснило мѣстное самоуправленіе, но не уничтожило его совсѣмъ. По прежнему дѣла уголовно-полицейскія остались въ вѣдѣніи губныхъ старостъ, а казенные сборы и мѣстныя хозяйственныя дѣла—въ рукахъ земскихъ старостъ съ цѣловальниками. Присутственное мѣсто старосты называлось земскою избою, а присутственное мѣсто воеводы—съѣзжей или приказной избой.



Подпись патріарха Филарета.

Чтобы привести въ извѣстность тѣ суммы, которыми можетъ располагать правительство безъ излишняго обремененія народа, была произведена всеобщая перепись тяглаго населенія. Производили ее отправленные изъ Москвы писцы и дозорщики. Собираемыя ими данныя по вопросамъ о количествѣ населенія въ томъ и другомъ городѣ или уѣздѣ, о размѣрѣ подати, приходившейся на жителей того или другого мѣста, заносились въ такъ называемыя писцовыя книги.

Свое описаніе писцовая книга начинаетъ обыкновенно съ города, затѣмъ переходитъ къ уѣзду. Въ городѣ описываются прежде всего казенныя укрѣпленія, постройки и военные запасы, затѣмъ дворы. Далѣе слѣдуетъ описаніе „посада“— по приходамъ, улицамъ, сотнямъ или слободамъ; описываются при этомъ сперва дворы и лавки, затѣмъ пожни и угодья. Описаніе уѣзда ведется по волостямъ и станамъ; описываются черныя земли, помѣстья, вотчины, монастырскія и церковныя земли. Въ каждомъ владѣніи описаніе начинается съ самыхъ крупныхъ поселеній, селъ съ ихъ церквами; за селами слѣдуютъ деревни, починки, пустоши и т. д. Въ каждомъ поселеніи прежде всего описываются дворы владѣльцевъ съ ихъ „людьми“, потомъ дворы крестьянскіе и бобыльскіе. За описаніемъ всѣхъ этихъ „живущихъ“ дворовъ идетъ описаніе пустыхъ дворовъ и „мѣстъ дворовыхъ“ тѣхъ же категорій. Далѣе идетъ описаніе и измѣреніе земель и угодій, принадлежащихъ къ владѣнію. (Милюковъ).

Михаилу Ѳеодоровичу при вступленіи его на престолъ было всего 16 лѣтъ. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ онъ не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ. Только въ 1619 году былъ возвращенъ изъ польскаго плѣна отецъ Михаила, Филаретъ Никитичъ. По возвращеніи изъ плѣна онъ былъ возведенъ въ санъ патріарха. Какъ отецъ государя, онъ получилъ титулъ «великаго государя». Человѣкъ умный, опытный и энергичный, онъ дѣятельно помогалъ своему сыну въ управленіи государствомъ. Вспомнимъ, что въ то время, какъ у насъ управлялъ государствомъ патріархъ Филаретъ, во Франціи правилъ великій политическій дѣятель, кардиналъ Ришелье.

64. Внѣшняя дѣятельность въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Для того, чтобы обратить все свое вниманіе на внутреннюю дѣятельность, необходимо было во что бы то ни стало заключить миръ со шведами и поляками. Между тѣмъ и съ тѣми, и съ другими приходилось еще воевать. Отправленное противъ шведовъ войско потерпѣло отъ Делагарди рѣшительное пораженіе подъ Бронницами. Тогда знаменитый шведскій король Густавъ-Адольфъ, разсчитывая на легкую добычу, осадилъ Псковъ, но послѣдній оказалъ шведамъ мужественное сопротивленіе. Королю пришлось отойти отъ него. Тогда-то и наступилъ наиболѣе удобный моментъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ англичанинъ Джонъ Мерикъ, надѣявшійся пріобрѣсти для своего госу-

дарства исключительныя торговыя льготы. Переговоры со шведами закончились Столбовскимъ договоромъ въ 1617 году. Главныя статьи этого договора заключались въ слѣдующемъ: шведскій королевичъ Филиппъ, одинъ изъ кандидатовъ на московскую корону, отказывался отъ нея; мы вынуждены были отказаться отъ южнаго берега Балтійскаго моря съ Иванъ-городомъ, Ямомъ, Копорьемъ и Орѣшкомъ и сверхъ того уплатить шведамъ большую по тому времени сумму въ 20.000 рублей; наконецъ, шведы вернули намъ Новгородъ и всѣ остальныя свои завоеванія. Для насъ миръ этотъ былъ выгоденъ въ томъ отношеніи, что возвращалъ намъ часть Новгородской области, отнятой шведами, и развязывалъ намъ руки по отношенію къ Польшѣ. Густавъ-Адольфъ имѣлъ свое основаніе спѣшить съ заключеніемъ мира, такъ какъ предвидѣлъ близкое наступленіе войны между германскими католиками и протестантами. Съ другой стороны, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли, отрѣзавъ Русское государство отъ Балтійскаго побережья.

Рис. 53. Гербъ дома Романовыхъ.

Столбовскій миръ былъ заключенъ въ февралѣ 1617 года, а лѣтомъ того же года возобновилась съ новою силой война съ поляками. Въ слѣдующемъ году небольшое войско королевича Владислава взяло городъ Дорогобужъ, Вязьму и осадило Можайскъ, но встрѣтило здѣсь серьезное сопротивленіе. На наше счастье въ польскомъ войскѣ господствовали безпорядки, такъ какъ оно не получало жалованья. Тщетно просилъ Владиславъ поддержки изъ Польши. Сеймъ ассигновалъ ему небольшую сумму денегъ, обязавъ его окончить войну въ томъ же самомъ году. Когда же къ королевичу прибылъ на помощь гетманъ Сагайдачный, онъ, снявъ осаду съ Можайска, направился къ Москвѣ. Въ Москвѣ же въ это время засѣдалъ земскій соборъ, призывавшій всѣхъ русскихъ людей на защиту молодого царя. Дѣйствія Владислава и Сагайдачнаго подъ Москвою не имѣли успѣха, а потому оба они отступили къ Троице-Сергіевскому монастырю. Туда же пришло и русское войско подъ началь-

ствомъ Ѳедора Шереметева. Польское войско, страдая отъ наступившихъ холодовъ и голода, конечно, не могло быть серьезнымъ противникомъ. Польскіе воины бродили по выжженнымъ мѣстамъ, искали дровъ и пропитанія и нерѣдко замерзали въ окрестныхъ лѣсахъ вмѣстѣ со своими лошадьми. Владиславъ отправилъ при такихъ условіяхъ пословъ въ Москву, чтобы вступить въ переговоры о заключеніи мира. Царь Михаилъ, стремившійся къ тому же, охотно пошелъ навстрѣчу ихъ просьбамъ. Въ 1618 году, въ селѣ Деулинѣ было заключено на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ перемиріе: Москва уступила полякамъ Смоленскъ и Сѣверскую область и обязалась уплатить такую же контрибуцію, какую уплатила шведамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено произвести обмѣнъ плѣнныхъ. Въ 1619 году обмѣнъ этотъ совершился на берегахъ рѣчки Поляновки (между Вязьмой и Дорогобужемъ). Въ числѣ лицъ, возвращенныхъ изъ польскаго плѣна, первое мѣсто занималъ Филаретъ Никитичъ.

Перемиріе, заключенное съ Польшей, не могло быть прочнымъ. Москва не могла забыть потери Смоленска; съ другой стороны, Польша все еще не признавала избраннаго всею Русскою землей Михаила Ѳеодоровича. Во взаимныхъ сношеніяхъ при всякаго рода переговорахъ дѣло доходило обыкновенно до перебранки и неудовольствія. Готовясь къ борьбѣ съ поляками и сознавая несостоятельность своего войска, Московское правительство рѣшило нанять на военную службу иностранцевъ. Съ этою цѣлью оно отправило старшаго полковника Лесли въ Швецію. Онъ долженъ былъ набрать для русской службы 5,000 «охочихъ людей»; ему было поручено въ томъ случаѣ, если бы онъ не нашелъ въ Швеціи требуемаго числа наемниковъ, ѣхать съ тою же цѣлью въ Данію, Англію и Голландію. Вообще сношенія Москвы съ Западомъ оживлялись все болѣе и болѣе. Англія черезъ своего посла Джона Мерика добивалась разрѣшенія на безпошлинный провозъ своихъ товаровъ въ Персію, но не получила его. Послѣ англійскаго пріѣзжалъ въ Москву посолъ отъ Людовика XIII съ тою же просьбой, чтобы «царское величество позволилъ французанамъ ѣздить въ Персію чрезъ свое государство»; кромѣ того, посолъ предлагалъ союзъ противъ турецкаго султана, но и онъ уѣхалъ ни съ чѣмъ. Съ тою же просьбой пріѣзжали, между прочимъ, голландскіе и датскіе послы, но точно также не добились согласія. Такимъ образомъ сношенія съ Западной Европой стали явленіемъ обыкновеннымъ. Иностранцевъ привлекали къ намъ торговыя выгоды; мы же стремились къ Западу, чтобы улучшить свои военныя силы, запастись тамъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, позаимствовать денегъ, привлечь въ Москву «нѣмецкихъ мастеровъ охочихъ». Но въ царствованіе Михаила совершилось еще другое, но ранѣе еще невиданное дѣло: правитель-

ство велѣло обучать иноземному строю русскихъ людей. Такъ постепенно стала сказываться та потребность, которой удовлетворилъ впослѣдствіи Петръ Великій.

Скоро представился и благопріятный случай для начатія войны съ Польшей. Тамъ въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ III: наступило обычное междуцарствіе, созванъ обычный сеймъ, начались обычныя смуты, вызывавшіяся порядкомъ избирательнаго преемства престола, господствовавшимъ въ Польшѣ со второй половины XVI вѣка. Начало войны было благопріятнымъ для насъ. Одинъ городъ за другимъ переходили въ руки московскихъ воеводъ. Бояринъ Шеинъ осадилъ уже Смоленскъ. Смоленскъ отбивался цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ и готовъ, было, уже сдаться. Но за это время въ короли польскіе былъ избранъ сынъ Сигизмунда, королевичъ Владиславъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Владислава IV. Первымъ дѣломъ его было итти на выручку Смоленска. Не разсчитывая на одни регулярныя войска, Владиславъ направилъ противъ Москвы казаковъ и подстрекнулъ крымскаго хана къ набѣгу на русскія земли. Литовскій канцлеръ Радзивилъ говоритъ въ своихъ запискахъ по поводу этого союза Польши съ Крымомъ слѣдующее: «не спорю, какъ это по-богословски, хорошо ли поганцевъ напускать на христіанъ, но по земной политикѣ вышло это очень хорошо». Дѣйствительно, едва служилые люди, бывшіе въ войскѣ Шеина, услыхали о томъ, что ихъ помѣстья и вотчины подвергаются татарскому разоренію, какъ стали разъѣзжаться изъ подъ Смоленска въ большомъ количествѣ. Когда Владиславъ подошелъ къ Смоленску, порядочное количество иностранцевъ, состоявшихъ на нашей службѣ, перешло на сторону польскаго короля. Большою непріятностью для Шеина было и то обстоятельство, что полякамъ удалось отобрать у насъ Дорогобужъ, находившійся въ тылу у Шеина и заключавшій въ себѣ военные запасы. Шеинъ все-таки боролся съ поляками, но, когда положеніе московскаго войска сдѣлалось отчаяннымъ, когда вслѣдствіе голода въ русскомъ станѣ открылись болѣзни и большая смертность, онъ рѣшился сдаться на капитуляцію.

Ея условія были тяжелы и оскорбительны для насъ. Шеинъ выдалъ всѣхъ польскихъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ, долженъ былъ иноземцамъ, находившимся въ его войскѣ, предоставить или свободное возвращеніе на родину, или право поступленія на польскую службу; при этомъ иноземцы должны были принести клятву въ томъ, что никогда не будутъ воевать, поднимать оружіе противъ короля и вообще противъ поляковъ. Шеинъ обязывался выдать все оружіе убитыхъ людей; оставшіеся въ живыхъ получали право выйти съ тѣмъ оружіемъ, какое кто изъ нихъ имѣлъ. По заключеніи капитуляціи наши войска должны были пройти мимо короля тихо, со свернутыми знаменами и съ погашенными фитилями. Король пропускалъ ихъ мимо себя, сидя на лошади, окруженный сенаторами и ратными людьми. Проходя мимо короля, знаменосцы клали свои знамена на землю

и отступали отъ нихъ на три шага назадъ, пока гетманъ не дозволялъ имъ отъ имени короля взять свои знамена. Шеинъ и другіе начальники нашего войска, поровнявшись съ Владиславомъ, сходили со своихъ лошадей и низко кланялись ему.

Патріарха Филарета уже не было въ живыхъ. Въ 1634 году Михаилъ Ѳеодоровичъ созвалъ земскій соборъ, которому государь изобразилъ весь ходъ войны и печальное состояніе финансовъ. Члены собора, «всякихъ чиновъ люди», отвѣчали, что помогутъ правительству взносами, сообразными съ достаткомъ каждаго изъ нихъ. Вернувшагося въ Москву Шеина обвинили въ измѣнѣ, послѣ чего отрубили ему голову.

Отпустивъ Шеина и его войско, Владиславъ подошелъ къ Бѣлой, надѣясь, что ему легко будетъ овладѣть этимъ городомъ. Король поселился въ ближнемъ монастырѣ и послалъ воеводъ съ требованіемъ сдачи, ссылаясь на примѣръ Шеина. Воевода мужественно отвѣчалъ, что примѣръ Шеина внушаетъ ему отвагу, а не боязнь. И дѣйствительно, русскіе, дѣлая изъ города вылазки, бились съ поляками отчаянно. Радзивилъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что крѣпость Бѣлую слѣдовало бы назвать Красною по причинѣ сильнаго кровопролитія подъ ея стѣнами. Въ лагерѣ осаждающихъ развился голодъ: самъ король съѣдалъ половину курицы за обѣдомъ, а другую половину оставлялъ на ужинъ; для обыкновенныхъ смертныхъ кусокъ хлѣба со стаканомъ воды представлялся уже лакомствомъ. За голодомъ послѣдовали обычные спутники его—болѣзни, а съ ними и сильная смертность. При такихъ условіяхъ, при вѣстяхъ о движеніи турокъ къ польскимъ границамъ, совершенно естественною была мысль о «вѣчномъ» мирѣ. Разговоры о мирѣ начали сами поляки. Заключеніе его состоялось на рѣкѣ Поляновкѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ обмѣнъ русскихъ и польскихъ плѣнниковъ. По условіямъ Поляновскаго мира (1634) Владиславъ отказался наконецъ отъ притязаній на московскую корону; Смоленскъ и другіе города, уступленные полякамъ Деулинскимъ перемиріемъ, остались за Польшей.

Любопытны начавшіеся послѣ этого переговоры съ Польшей о выдачѣ поляками тѣлъ Шуйскихъ, царя Василія Ивановича и его брата Дмитрія съ женою. Посламъ былъ данъ изъ Москвы наказъ: „если за тѣло царя Василія запросятъ денегъ, то давать до 10000 и прибавить сколько пригоже, смотря по мѣрѣ, сказавши однако: „этого нигдѣ не слыхано, чтобъ мертвыхъ тѣла продавать“; а „за тѣло Дмитрія Шуйскаго и жены его денегъ не давать: то царскому не образецъ“. Когда послы сказали объ этомъ панамъ, тѣ отвѣчали, что донесутъ королю, и прибавили: отдать тѣло не годится, мы славу себѣ учинили вѣковую тѣмъ, что московскій царь и его братъ лежатъ у насъ въ Польшѣ, а погребены они честно, и устроена надъ ними каплица каменная“. Послы сказали на это: „царя Василья тѣло уже мертво, прибыли въ немъ нѣтъ никакой, а мы вамъ

за то поминки дадимъ, что у насъ случилось...“ Паны скоро получили разрѣшеніе, при чемъ сказали нашимъ посламъ: „королевское величество велѣлъ вамъ сказать, что онъ тѣло царя Василія Ивановича и брата его велѣлъ отдать, любя брата своего, великаго государя вашего; а если бы былъ Сигизмундъ король, то онъ бы ни за что не отдалъ, хотя бы ему палаты золота насыпали, то онъ и тогда бы ни одной кости не отдалъ...“ Наши посольскіе дьяки пробрались послѣ этого въ каплицу и нашли въ ней три гроба. Послы велѣли сдѣлать новые гробы, посмолить и поставить въ нихъ старые гробы. Король прислалъ атласъ золотный турецкій да кружева кованныя золотныя, да гвозди серебряные, велѣлъ гробъ царя Василія обить; на гробъ князя Дмитрія прислалъ бархатъ зеленый, а на княгининъ гробъ камку зеленую, и отпустилъ король тѣла съ великою честью, но сенаторамъ и ближнимъ королевскимъ людямъ за этотъ отпускъ дано соболей на 3674 рубля. (Соловьевъ).

65. Земскій соборъ 1642 года. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ донскіе казаки овладѣли Азовомъ, убивъ находившагося тамъ турецкаго посла. Они удерживали Азовъ до 1641 года. Въ этомъ году подъ Азовомъ появилось огромное турецко-крымское войско, осадило городъ, но потерпѣло пораженіе. Казаки отправили въ Москву извѣстіе о своей побѣдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просили у царя принять Азовъ и прислать имъ помощь. «Мы наги, босы и голодны, писали они: запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ, отъ этого многіе казаки хотятъ итти врозь, а многіе переранены». Михаилъ Ѳеодоровичъ въ отвѣтъ на это отправилъ денежную помощь и грамоту, въ которой просилъ казаковъ не терять своей чести и славы и стоять крѣпко за вѣру. Въ то же время, по приказанію царя, были осмотрѣны азовскія укрѣпленія. Послѣ этого былъ созванъ въ Москвѣ земскій соборъ. Съѣхавшимся членамъ собора были поставлены слѣдующіе вопросы: принимать ли Азовъ, предлагаемый донскими казаками? Если принять, то придется начать войну съ Турціей и Крымомъ. Въ такомъ случаѣ откуда взять деньги и запасовъ на продолжительную войну?

Отъ собора 1642 года дошли до нашего времени письменныя мнѣнія («сказки»), представленныя государю разными чинами и даже отдѣльными лицами по вопросамъ, возбужденнымъ имъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній представляютъ живой интересъ, такъ какъ ярко изображаютъ тогдашнее положеніе нашего общества. Духовенство высказалось слѣдующимъ образомъ: «На то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а намъ, государь, все то не за обычай. Если, государь, по настоящему времени, твое царское величество изволитъ рать строить, то мы, твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ рады помогать, сколько силы нашей будетъ». Кромѣ духовенства, не высказало опредѣленнаго мнѣнія меньшинство выборныхъ людей. Большинство же рѣшительно высказалось за принятіе Азова,

а слѣдовательно, за разрывъ съ Турціей и Крымомъ. Вопросъ о средствахъ для войны былъ прекрасно разработанъ, особенно, мелкопомѣстнымъ дворянствомъ. Мнѣнія выборныхъ сопровождаются указаніями на всеобщее оскудѣніе и на злоупотребленія тогдашняго чиновничества. Вотъ, напримѣръ, что говорили городскіе дворяне о дьякахъ: «твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, а будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства (т. е. взяточничества), покупили многія вотчины и домы свои выстроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя: блаженной памяти при прежнихъ государяхъ у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить». Высказывая далѣе свою полную готовность постоять за вѣру и царя «головами своими и всею душою», они просятъ государя, чтобы онъ пожаловалъ и ихъ помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, чтобы было съ чего нести службу. Гости и торговые люди высказали готовность послужить своими головами за царское здоровье и умереть за православную вѣру, но при этомъ указывали на свое тяжелое матеріальное положеніе. «Мы, холопи твои, гостишки и гостиной и суконной сотни [1]) торговые людишки городовые, питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстей и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ»... Далѣе слѣдуютъ жалобы на безпрестанную службу, несомую ими въ городахъ, и на тягость «пятинной деньги», которую они несли государю «въ смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу», и которая заставила многихъ совершенно обнищать. Въ то же время торговые люди указывали на тѣ прибыли, которыя государство получаетъ отъ ихъ «безпрестанныхъ службъ»: «а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ, сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованіемъ съ великою прибылью; гдѣ собиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти и по шести и больше». Торговля, благодаря конкуренціи иноземцевъ, перестала, по словамъ ихъ, быть прибыльнымъ дѣломъ, «а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, нѣмцы и кизилбашцы (персіане), которые пріѣзжаютъ въ Москву и въ иные города со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товарами». Другую причину оскудѣнія торговли гости указывали въ обѣднѣніи населенія вообще. Наконецъ

[1]) Суконная сотня торговала сукнами и другими заграничными товарами.

въ ихъ отвѣтѣ проскальзываютъ недовольство воеводами и сочувствіе прежнему порядку, времени губныхъ старостъ. Безотрадная картина всеобщаго матеріальнаго разоренія, за исключеніемъ дьяковъ и подъячихъ, довершалась жалобами самыхъ малыхъ людей—людей черныхъ сотенъ. Сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ жаловались на разоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей [1]), отъ подводъ, которыя съ нихъ брали для смоленскаго похода, отъ поворотныхъ денегъ (т. е. съ воротъ или со двора); жаловались на тяжесть податей и на невыгодныя стороны выборныхъ должностей; «и отъ такой великой бѣдности — писали они — многіе тяглые изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ».

Картина была слишкомъ неутѣшительная, чтобы еще втягиваться въ новую войну и довершать разореніе страны. Осмотръ укрѣпленій Азова также привелъ къ результатамъ неутѣшительнымъ: городъ оказался разбитымъ и разореннымъ настолько, что привести его въ скорости въ надлежащій видъ было трудно. Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ къ казакамъ грамоту, въ которой приказывалъ имъ покинуть Азовъ. Казаки покинули городъ, но не отказали себѣ въ удовольствіи совершенно разрушить его. Огромное турецкое войско, явившееся для новой осады, нашло на мѣстѣ города лишь однѣ развалины. Въ Константинополь московское правительство отправило пословъ для улаженія дѣла съ турецкимъ султаномъ. Эти же послы должны были посѣтить по дорогѣ казаковъ и передать имъ царское жалованье: деньги, сукна, вино и друг. запасы, но тайно, чтобы не провѣдали объ этомъ въ Азовѣ. Посламъ былъ данъ наказъ и на тотъ случай, если бы въ Азовѣ все-таки узнали про посылки. Въ такомъ случаѣ имъ велѣно было говорить: «прислано съ нами теперь къ казакамъ государево жалованье небольшое за то, что они государя послушались, изъ Азова вышли, а за другое не за что имъ послать». Въ Константинополѣ предписано было, если понадобится, отозваться о казакахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «вамъ самимъ подлинно извѣстно, что донскіе казаки издавна воры, бѣглые холопы, живутъ на Дону, убѣжавъ отъ смертной казни, царскаго повелѣнія ни въ чемъ не слушаютъ и Азовъ взяли безъ царскаго повелѣнія, помощи имъ царское величество не посылалъ, впередъ за нихъ стоять и помогать имъ государь не будетъ, ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ» и т. п.

---

[1]) Даточными людьми назывались ратники, поставка которыхъ была одною изъ наиболѣе тяжелыхъ личныхъ повинностей. Эта повинность лежала на посадскихъ и крестьянскихъ общинахъ.

Время царя Алексѣя Михайловича.

Михаилу Ѳеодоровичу наслѣдовалъ шестнадцатилѣтній сынъ его Алексѣй (1645 — 1676). Первое время Алексѣй Михайловичъ не могъ, конечно, править безъ руководителя, и такимъ руководителемъ его былъ воспитатель его Морозовъ. Всѣ тѣ тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ находился народъ и которыя были отмѣчены членами земскаго собора 1642 года въ ихъ «сказкахъ», еще продолжали существовать. Такимъ образомъ новому государю предстояла трудная задача удовлетворить насущнымъ потребностямъ населенія, которое и обращалось къ царю съ челобитными, и поднимало мятежи противъ правительства. Съ другой стороны, рѣшительно назрѣлъ вопросъ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, надъ которымъ безрезультатно работали предшествующія поколѣнія. Наконецъ, въ области чисто политической требовалъ своего разрѣшенія вопросъ малороссійскій. Несмотря на разнообразіе и трудность задачъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича наше государство замѣтно окрѣпло, и положеніе населенія сдѣлалось лучшимъ, чѣмъ было въ 1642 году.

66. Соборное Уложеніе. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича огромнымъ вліяніемъ на дѣла пользовался воспитатель царя Морозовъ. Вліяніе это еще болѣе усилилось, когда Морозовъ породнился съ царемъ.

Въ 1647 году царь задумалъ жениться. По старому обычаю, въ Москву съѣхалось 200 дѣвицъ, изъ нихъ выбрали 6 самыхъ красивыхъ, а изъ послѣднихъ царь остановилъ свой выборъ на дочери Рафа Всеволожскаго. Но брака съ Всеволожской не состоялось. Царская избранница упала въ обморокъ; его сочли за падучую, скрытую отъ царя, и несчастная дѣвушка вмѣстѣ со своими родными была сослана въ Сибирь, откуда уже нѣсколько лѣтъ спустя перевели ихъ въ одну изъ деревень Касимовскаго уѣзда. Прошелъ годъ послѣ придворной катастрофы, которая объясняется различно, въ которой винили и матерей, и сестеръ дѣвицъ, которыхъ царь не выбралъ, и самого Морозова, почему-то не одобрявшаго предполагаемаго брака. Алексѣй Михайловичъ женился на дочери Милославскаго, Маріи Ильинишнѣ, а нѣсколько дней спустя Морозовъ женился на ея сестрѣ. Будучи хорошимъ администраторомъ, Морозовъ не отличался честностью и пользовался своимъ высокимъ положеніемъ для удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ. Какъ бывало и въ прежнее время, при дворѣ пріобрѣли большое значеніе родственники молодой царицы и прежде всего отецъ ея, Милослав-

скій. Пользуясь родствомъ съ государемъ и расположеніемъ Морозова, этотъ чрезвычайно корыстолюбивый человѣкъ задумалъ нажиться. Въ то же время онъ старался передать важнѣйшія должности въ государствѣ въ руки своихъ не менѣе корыстолюбивыхъ родственниковъ. Особенно печальную память оставили по себѣ земскій судья Леонтій Плещеевъ и Траханіотовъ, начальникъ Пушкарскаго приказа. Притѣсняемое ими населеніе Москвы наконецъ возмутилось и подало на Плещеева жалобу самому царю. Но у Плещеева были сильные заступники въ лицѣ Морозова, Траханіотова и другихъ, почему жалоба не достигла цѣли. Въ тотъ же день народъ, считавшій себя правымъ, бросился на дома Плещеевыхъ заступниковъ и разгромилъ ихъ, а одного изъ ненавистныхъ притѣснителей, думнаго дьяка Чистаго, убилъ въ его собственномъ жилищѣ. Видя, что мятежъ принимаетъ серьезные размѣры, царь выдалъ Плещеева народу, который и умертвилъ его. Но народъ не удовольствовался этою казнью, а сталъ просить выдачи его единомышленниковъ, Морозова и Траханіотова. Царь выслалъ на Лобное мѣсто патріарха съ другими высшими духовными чинами и нѣкоторыми изъ бояръ, чтобы они упросили народъ отказаться отъ своего требованія. Народъ уступилъ просьбѣ государя. Но Морозовъ и Траханіотовъ, желая отомстить народу, «наученіемъ дьявольскимъ» разослали по Москвѣ своихъ людей, которые зажгли ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Многіе изъ зажигателей были пойманы и приведены къ государю, какъ живая улика противъ виновниковъ этого злого дѣла. Пожаръ Москвы вызвалъ новое волненіе и новыя просьбы о томъ, чтобы царь выдалъ его виновниковъ на народную расправу. Алексѣй Михайловичъ былъ вынужденъ подвергнуть Траханіотова смертной казни. Морозовъ же отдѣлался ссылкою въ Кирилловъ монастырь. Въ томъ же 1648 году произошли волненія народа и въ другихъ городахъ. Вызваны они были тѣмъ же самымъ зломъ—притѣсненіями со стороны правителей и взяточничествомъ ихъ.

Вскорѣ послѣ усмиренія волненій государь приказалъ приступить къ изданію законодательнаго сборника. Въ составленіи новаго законодательнаго сборника ощущалась крайняя необходимость. Послѣднимъ законодательнымъ сборникомъ былъ Судебникъ, изданный въ царствованіе Іоанна Грознаго въ 1550 году. Съ тѣхъ поръ прошло уже почти цѣлое столѣтіе. Въ разное время было издано множество указовъ, служившихъ «дополнительными статьями къ Судебнику». Они заносились въ особыя книги, хранившіяся въ Приказахъ, и приказные люди пользовались ими въ своей дѣятельности. Противорѣчія, существовавшія между указами, изданными въ разное время, по поводу разныхъ случаевъ, были на руку приказнымъ людямъ, заслужившимъ у нашихъ предковъ очень дурную славу. Народъ не

зналъ законовъ и терпѣлъ много горя отъ произвола и несправедливости судей и правителей. Но дѣло заключалось не только въ собраніи всѣхъ изданныхъ законоположеній, но также въ пересмотрѣ и видоизмѣненіи ихъ примѣнительно къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ народной жизни почти за цѣлое столѣтіе.

Рис. 54. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Въ составленіи новаго сборника должны были, по желанію государя, принять участіе и выборные люди. Съ этою цѣлью и былъ созванъ въ Москвѣ въ 1649 году земскій соборъ. Результатомъ дѣятельности особой коммиссіи, а затѣмъ и земскаго собора, было такъ называемое «Соборное Уложеніе».

Соборное Уложеніе рѣзко отличается отъ Судебниковъ тѣмъ, что охватываетъ очень многія стороны государственной жизни. Въ

немъ находятся главы, касающіяся преступленій противъ церкви и государя, касающіяся управленія и суда, служилаго и тяглаго сословій, помѣстій и вотчинъ, нѣкоторыхъ государственныхъ сборовъ. Всего въ немъ 25 главъ, подраздѣляющихся на 963 статьи.

Внимательное знакомство съ Уложеніемъ приводитъ къ заключенію, что этотъ сводъ законовъ не былъ простымъ соединеніемъ всѣхъ изданныхъ ранѣе законоположеній. Не мало въ немъ и совершенно новыхъ статей, являющихся или дополненіемъ къ старымъ, или ихъ видоизмѣненіемъ. Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія новыя положенія. Соблюдая интересы служилаго сословія, Уложеніе совершенно отмѣняетъ давность (т. е. срокъ) для сыска бѣглыхъ крестьянъ и такимъ образомъ окончательно прикрѣпляетъ ихъ къ землѣ («а отдавати бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ по писцовымъ книгамъ всякихъ чиновъ людемъ, безъ урочныхъ лѣтъ») [1]. Кромѣ крестьянъ были прикрѣплены и посадскіе люди, лишившіеся права переходить изъ одного посада въ другой («тяглымъ посадскимъ людемъ и впредь жити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ они ожилися, а съ Москвы въ городы по старинѣ и изъ городовъ къ Москвѣ и изъ города въ городъ ихъ посадскихъ тяглыхъ людей не переводити») [2]. Какъ глава о Монастырскомъ приказѣ, такъ и многія другія главы или статьи были вызваны просьбами людей разныхъ состояній. Такъ, напр., въ главѣ о Монастырскомъ приказѣ говорится, что подсудность духовныхъ лицъ новому учрежденію была установлена «по челобитью столниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и гостей и гостиные и суконные и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей». Оно рѣшаетъ и другой, неоднократно поднимавшійся вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи, воспрещая духовнымъ сановникамъ и монастырямъ пріобрѣтать вотчины («патріарху и митрополитомъ и архіепископомъ и епископомъ и въ монастыри ни у кого родовыхъ и выслуженыхъ и купленыхъ вотчинъ не покупати, и въ закладъ не имати, и за собою не держати, и по душамъ въ вѣчный поминокъ не имати никоторыми дѣлы») [3]. Секуляризаціи произведено не было, но былъ сдѣланъ шагъ по направленію къ ней. До Алексѣя Михайловича у насъ процвѣтали чисто средневѣковыя привилегіи духовенства по отношенію къ суду [4]. Духовныя лица и такъ называемые церковные люди не были подсудны общегосударственному суду. Въ Уложеніи

---

[1]) Глава XI, ст. 2.
[2]) Глава XIX, ст. 19.
[3]) Глава XVII, ст. 42.
[4]) Припомнимъ стремленіе Генриха II Плантагенета уничтожить судебныя привилегіи англійскаго духовенства въ XII в.

отмѣчается новое учрежденіе — Монастырскій приказъ, которому становились подсудными духовныя лица [1]).

Предвѣстницей эпохи преобразованій является и глава «о проѣзжихъ грамотахъ во иные государства».

67. Финансовое затрудненіе и попытка выйти изъ него. Русскіе торговые люди жаловались на земскомъ соборѣ, происходившемъ въ 1642 году, на тѣ разоренія, которыя происходятъ благодаря купцамъ иноземнымъ, торгующимъ въ Россіи. Еще до изданія Соборнаго Уложенія, въ 1646 году, наши купцы подали государю пространную челобитную, въ которой опять жаловались на иностранныхъ купцовъ, захватившихъ въ свои руки всѣ прибыльныя статьи торговли [2]). «Милосердый государь! говорилось въ концѣ челобитной. Пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять».

Челобитная купцовъ нашихъ была удовлетворена въ 1649 году, когда было издано царское повелѣніе, выселявшее англійскихъ купцовъ изъ предѣловъ Московскаго государства. Имъ дозволялось торговать, пріѣзжая только изъ-за моря, у Архангельска, съ уплатою пошлины; въѣздъ же въ Москву и другіе города ни съ товарами, ни даже безъ товаровъ имъ былъ возбраненъ.

Приводимъ здѣсь отрывки изъ этого интереснаго документа. „И вы, по той Государской милости [3]), будучи въ Московскомъ государствѣ, торговали многія лѣта безпошлинно, и тѣмъ безпошлиннымъ и вольнымъ торгомъ обогатѣли и пожитки себѣ нажили большіе, а по Государевѣ жалованной грамотѣ, узорочныхъ и иныхъ своихъ товаровъ, которые въ Государеву казну понадобятся, по прямой заморской цѣнѣ николи не давывали. Да выжъ, Англичане, привозили въ Московское Государство тайно табакъ и иные заповѣдные товары, а изъ Московскаго Государства также, покупая у иноземцевъ шелкъ сырецъ и иные заповѣдные товары, вывозите къ себѣ за море тайнымъ же обычаемъ, да и въ иныхъ во многихъ статьяхъ ваша многая неправда: у многихъ иноземцевъ имали вы многіе заморскіе товары и провозили тѣ чужіе товары отъ Архангельскаго города къ Москвѣ, и на Москвѣ и въ городѣхъ для пошлинъ не являли и продавали за свои товары, также изъ Москвы и изъ городовъ, покупая Русскіе товары на многихъ иноземцевъ, будто на себя, провозили къ Архангельскому городу безпошлинножъ и отпускали за море за своижъ товары тайнымъ дѣломъ, и въ тѣхъ вашихъ лживыхъ торгѣхъ Госу-

[1]) Глава XIII, ст. 1.

[2]) Желающіе ознакомиться съ челобитной найдутъ ее въ X томѣ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева.

[3]) Здѣсь имѣется въ виду разрѣшеніе, данное англичанамъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и патр. Филаретомъ, на вольную торговлю въ Московскомъ государствѣ, по просьбѣ англійскаго короля Карла I.

даревѣ казнѣ чинились убытки многіе...“ Указавъ еще разъ на обогащеніе англійскихъ купцовъ, грамота продолжаетъ: „и они Московскаго Государства гости и торговые люди во всякихъ торгѣхъ и въ промыслѣхъ отъ васъ иноземцевъ обѣднѣли...“ Далѣе грамота указываетъ на недоброкачественность англійскихъ товаровъ, привозимыхъ въ Россію, на высокую цѣну ихъ, отмѣчаетъ фактъ искусственнаго повышенія цѣнъ на товары иностранные и такое же пониженіе на русскіе и доказательно заявляетъ объ упадкѣ русской торговли, отчего „Государева многая пошлина пропала“. Самое повелѣніе высказано слѣдующимъ образомъ: „и Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи указалъ, а бояре приговорили: вамъ Англичанамъ со всѣми своими животы ѣхати за море, а торговати Московскаго Государства съ торговыми людьми всякими товары, пріѣзжая изъ-за моря, у Архангельскаго города, а къ Москвѣ и въ городы съ товары и безъ товаровъ не ѣздити; и которые Англичане впередъ похотятъ торговать съ Рускими людьми, и имъ, пріѣзжая изъ Аглинскія земли, торговать съ ними у города повольною торговлею и пошлины платить по Государеву указу“. Ссылаясь на то, что льготныя грамоты были даны англичанамъ по просьбѣ ихъ короля Карла I, указъ говоритъ: „а нынѣ Великому Государю нашему Его Царскому Величеству вѣдомо учинилось, что Англичане всею землею учинили большое злое дѣло, Государя своего Карлуса Короля убили до смерти, и за такое злое дѣло въ Московскомъ Государствѣ вамъ быть не довелось“. (Собр. государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. III, № 138).

Уже въ указѣ англійскимъ купцамъ, проживавшимъ въ Россіи, отмѣчается фактъ уменьшенія государевыхъ пошлинъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Московское государство вступило въ тринадцатилѣтнюю войну съ Польшею изъ-за Малороссіи. Война эта была очень тяжелою для малонаселеннаго и бѣднаго государства, еще такъ недавно вынесшаго всѣ ужасы смутнаго времени. Много зла принесла и «моровая язва», эпидемическая болѣзнь, замѣтно уменьшившая населеніе нашего государства. Народъ страдалъ подъ тяжестью податей, купечество было истощено платежомъ «пятой деньги». Въ 1656 году въ казнѣ не хватило денегъ на выдачу жалованья ратнымъ людямъ. Серебра не было. Тогда Алексѣй Михайловичъ, по совѣту Ртищева, велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, которыя ходили бы по равной цѣнѣ съ серебряными. Предпріятіе это было для своего времени замѣчательнымъ. Въ основѣ его лежала та же идея кредита, которая была высказана только нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя знаменитымъ Джономъ Лоу и примѣнена впервые во Франціи въ регентство Филиппа Орлеанскаго, правившаго за малолѣтствомъ Людовика XV. Разница замѣчалась лишь въ томъ, что тамъ бумажныя деньги приравнивались къ металлическимъ, а здѣсь монеты изъ менѣе цѣннаго металла къ монетамъ изъ металла болѣе цѣннаго. Первое время вновь выпущенныя мѣдныя деньги ходили наравнѣ съ серебряными. Но уже въ концѣ второго года онѣ стали понижаться въ цѣнѣ; наконецъ, въ 1663 году за одинъ серебряный

рубль приходилось платить 12 мѣдныхъ [1]). Ратные люди получали свое жалованье мѣдными деньгами, которыхъ нигдѣ не принимали или принимали съ чрезвычайно стѣснительными условіями. Товары страшно поднялись въ цѣнѣ, и никакіе указы не могли добиться ихъ удешевленія. Въ то же время появилось множество фальшивыхъ («воровскихъ», какъ тогда называли) мѣдныхъ денегъ. Задерживали людей, плативших воровскими деньгами, пытали ихъ, но не могли ничего добиться, такъ какъ люди эти сами получали воровскія деньги отъ другихъ. Обратили вниманіе на денежныхъ мастеровъ и раскрыли тайну. Эти мастера, жившіе раньше небогато, при мѣдныхъ деньгахъ понастроили себѣ каменныхъ и деревянныхъ домовъ, стали одѣваться нарядно и наряжать своихъ женъ. У нихъ и нашли воровскія деньги и чеканы для нихъ. Преступныхъ стали подвергать жестокимъ казнямъ; отсѣкали у нихъ руки и прибивали къ стѣнамъ денежныхъ домовъ. Но и жестокости не помогли. Алчность пересиливала страхъ передъ смертью. Съ другой стороны, многіе преступники откупались, давая большія взятки царскому тестю Милославскому и другимъ представителямъ власти. Дѣло дошло до того, что весною 1662 года повторились въ Москвѣ событія 1648 года: народъ возмутился. Возставшіе направились въ село Коломенское, гдѣ жилъ въ то время государь, выкрикивали съ ожесточеніемъ имена Милославскаго и Ртищева, подавшаго первую идею о мѣдныхъ деньгахъ. Узнавъ обо всемъ, царь поторопился скрыть отъ толпы въ покояхъ царевенъ тестя и Ртищева, а самъ вышелъ къ мятежникамъ. Онъ обѣщалъ толпѣ, что пріѣдетъ въ Москву и произведетъ тамъ слѣдствіе. Когда государь ударилъ по рукамъ съ однимъ изъ мятежниковъ, все утихло, и только сейчасъ бушевавшая толпа спокойно покинула село Коломенское. Но въ Москвѣ въ эту пору ра-

Рис. 55. Старорусская одежда.

[1]) Само правительство выпускало мѣдныя деньги въ слишкомъ большомъ количествѣ, чѣмъ содѣйствовало паденію ихъ цѣнности. По свидѣтельству Мейербера, въ пять лѣтъ было выпущено мѣдныхъ денегъ на 20 милліоновъ рублей, что, при тогдашнемъ бюджетѣ, составляло огромную сумму.

зыгрался настоящій мятежъ. Новая, огромная толпа мятежниковъ, повстрѣчавшись съ царемъ, ѣхавшимъ въ Москву, требовала немедленной расправы съ однимъ купцомъ и его сыномъ и не внимала увѣщаніямъ царя, не желавшаго допустить расправы до сыска. Пришлось прибѣгнуть къ стрѣльцамъ и разогнать толпу не безъ большого кровопролитія. Во всякомъ случаѣ, въ слѣдующемъ году вышелъ царскій указъ, отмѣнявшій мѣдныя деньги. Ихъ стали отбирать, но многіе люди на этотъ разъ удерживали ихъ, а потомъ, натирая ихъ ртутью, покрывая полудой или даже серебромъ, спускали за серебряныя. Правительство приняло самыя энергичныя мѣры для борьбы съ этимъ явленіемъ и наконецъ довело его до самыхъ незначительныхъ размѣровъ.

Такъ печально кончилась первая попытка помочь разстроенному состоянію финансовъ выпускомъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ, ибо что же такое были эти мѣдныя деньги съ нарицательною цѣною серебряныхъ? Полтавскій полковникъ Пушкарь объяснилъ въ чемъ дѣло. Когда Выговскій, не понимая или не желая понимать значенія мѣдныхъ денегъ, спрашивалъ: „что это за деньги? какъ ихъ брать?“ то Пушкарь отвѣчалъ: „хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать“. При благопріятныхъ для государства обстоятельствахъ кредитъ былъ силенъ, и мѣдныя деньги держались два года; начали падать съ сентября 1658 года, т. е. съ измѣны Выговскаго, которая затянула войну. Тяжелый ударъ мѣднымъ деньгамъ былъ нанесенъ, когда въ Малороссіи стали смотрѣть на нихъ, какъ смотрѣлъ Выговскій, а не какъ смотрѣлъ Пушкарь, перестали брать ихъ у московскихъ ратныхъ людей; а другой, окончательный ударъ нанесли воровскія деньги. (Соловьевъ).

68. Возвышеніе Никона. Знаменитый патріархъ Никонъ былъ сыномъ крестьянина Нижегородской области [1]). Никонъ, въ міру Никита, родился въ бѣдственномъ для Россіи 1605 году. Рано лишился Никита матери и вынужденъ былъ въ пору дѣтства испытать жестокость своей мачихи. Рано удалось ему выучиться грамотѣ, а чтеніе книгъ божественнаго содержанія вселило въ его душу любовь къ иноческой жизни. Еще отрокомъ онъ убѣжалъ изъ дому въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Но родные вернули его оттуда и принудили къ женитьбѣ. Какъ человѣкъ грамотный, религіозный и знавшій всю церковную службу, онъ былъ выбранъ прихожанами сосѣдняго села въ священники. Недолго пробылъ онъ сельскимъ священникомъ. Его выдающіяся достоинства не могли скрыться, и московскіе купцы, посѣтившіе Макарьевскую ярмарку, уговорили его переселиться въ Москву. Несчастлива была семейная жизнь молодого священника: у него было трое малютокъ, и всѣ

[1]) Въ селѣ Вельдемановѣ.

онѣ умерли. Видя въ этомъ какъ бы указаніе свыше, Никита уговорилъ свою жену принять иноческій санъ. Она постриглась въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, а Никита удалился на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ, гдѣ и принялъ монашество съ именемъ Никона. Какъ человѣкъ горячій и склонный къ обличенію, Никонъ не ужился съ братіей Анзерской обители, ушелъ оттуда и поселился въ Кожеезерскомъ монастырѣ [1]). Здѣшніе монахи оцѣнили достоинства Никона и выбрали его въ игумены (въ 1643 году). Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича (въ 1646 году) Никонъ былъ, по монастырскимъ дѣламъ, въ столицѣ. Здѣсь царь увидалъ его въ первый разъ и обратилъ на него свое особенное вниманіе; причинами того впечатлѣнія, которое произвелъ Никонъ, были его величественная наружность и сильная рѣчь; слышалъ, конечно, царь и объ его строгой, аскетической жизни. Никонъ такъ полюбился царю, что послѣдній перевелъ его въ Москву и сдѣлалъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. По желанію царя, Никонъ сталъ являться каждую недѣлю во дворецъ для духовныхъ бесѣдъ и мало-по-малу сдѣлался неустаннымъ ходатаемъ за всѣхъ обиженныхъ. Въ 1648 году царь назначилъ его митрополитомъ въ Новгородъ. Здѣсь онъ скоро прославился своими прекрасными проповѣдями. Кромѣ того, новый митрополитъ обратилъ особенное вниманіе на отправленіе богослуженія. Въ этомъ отношеніи у насъ господствовали большіе непорядки. Чтобы сократить время богослуженія, но въ то же время исполнить все положенное для него безъ исключенія, читали молитвы разомъ въ нѣсколько голосовъ, одновременно пѣли разныя молитвы. Все это лишало богослуженіе и смысла, и благолѣпія. Никонъ принялся искоренять эти непорядки и много содѣйствовалъ улучшенію пѣнія. Съ умомъ проповѣдника и администратора Никонъ соединялъ и доброту пастыря. Когда въ Новгородѣ началъ свирѣпствовать голодъ, Никонъ помогалъ народу и хлѣбомъ, и деньгами, наконецъ — устроилъ нѣсколько богадѣленъ. Зато во время народнаго мятежа въ Новгородѣ, происшедшаго въ 1650 году, когда только что прекратились безпорядки во Псковѣ [2]), Никонъ проявилъ и другія стороны характера — чрезвычайную рѣшимость и крутой нравъ, не признающій никакихъ полумѣръ, никакихъ сдѣлокъ. Онъ сразу же наложилъ на руководителей движенія проклятіе и до такой степени вооружилъ весь народъ противъ себя, что даже потерпѣлъ сильные побои.

---

[1]) Новгородской епархіи, Каргопольскаго уѣзда.

[2]) Волненіе было поднято народомъ противъ бояръ, бывшихъ представителями власти. По договору со Швеціей, наше правительство обязалось выплатить ей большую сумму денегъ и выдать большіе запасы хлѣба. На усиленный вывозъ денегъ и хлѣба за границу народъ посмотрѣлъ, какъ на измѣну бояръ.

Но тотъ же Никонъ ходатайствовалъ предъ государемъ о полномъ прощеніи виновныхъ. Прощеніе, дарованное царемъ, и содѣйствовало болѣе всего усмиренію мятежа. Это обстоятельство еще болѣе сблизило царя и Никона. Духовенству было непріятно учрежденіе Монастырскаго приказа, и Никонъ, пользуясь близостью къ царю, пытался склонить его къ уничтоженію этого приказа. Не добившись, однако, своей цѣли, онъ выхлопоталъ для своей Новгородской епархіи такъ называемую несудимую грамоту, на основаніи которой всѣ духовныя лица этой епархіи подлежали суду только своего митрополита. Не достигнувъ уничтоженія Монастырскаго приказа, Никонъ въ бытность свою въ Москвѣ въ 1651 г. склонилъ царя къ другой мѣрѣ, которая должна была установить фактъ преклоненія свѣтскаго могущества передъ величіемъ церковной власти. Онъ уговорилъ царя перевезти въ Успенскій соборъ мощи трехъ святителей, пострадавшихъ отъ свѣтскихъ властей,—патріарха Іова изъ Старицы, патріарха Гермогена изъ Чудова Монастыря и митрополита Филиппа, пострадавшаго отъ Іоанна Грознаго и его любимаго опричника Малюты Скуратова, изъ Соловецкаго монастыря. За мощами митрополита Филиппа царь послалъ (въ 1652 году) самого Никона. Ссылаясь на примѣръ императора Ѳеодосія, который, посылая за мощами Іоанна Златоуста, написалъ молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью святому, Никонъ добился того, что Алексѣй Михайловичъ написалъ грамоту къ митрополиту Филиппу, которую новгородскій митрополитъ захватилъ съ собою въ Соловки.

Во время поѣздки Никона въ Соловки скончался патріархъ Іосифъ. По возвращеніи въ Москву Никона выбрали въ патріархи. Но онъ, не желая быть патріархомъ, подобнымъ Іосифу, не хотѣлъ быть ограниченнымъ въ своей дѣятельности узко-церковною сферой. Съ другой стороны, онъ отлично зналъ, что снова усилившіеся бояре относятся къ нему съ нескрываемою враждою, что они будутъ ставить помѣхи его патріаршей дѣятельности, если онъ не получитъ особыхъ полномочій. Вотъ почему онъ отказался. Царь боготворилъ Никона и желалъ видѣть на патріаршествѣ только его. Въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи бояръ и народа, онъ опустился передъ Никономъ на колѣни и умолялъ его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ, будутъ ли почитать его, какъ архипастыря, будутъ ли повиноваться ему во всемъ, дадутъ ли ему устроить церковь? Когда въ отвѣтъ на это было дано желаемое имъ обѣщаніе, Никонъ согласился.

69. Дѣятельность патріарха Никона. Въ первыя шесть лѣтъ управленія церковью Никонъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ царемъ. Чужой государю, крестьянскій сынъ, онъ

сталъ титуловаться «великимъ государемъ» подобно Филарету, отцу Михаила Ѳеодоровича. Сообразно съ титуломъ, выросла и власть патріарха. Безъ совѣта съ нимъ не рѣшалось ни одного государственнаго дѣла, какъ это было при Филаретѣ и царѣ Михаилѣ. Много способствовалъ усиленію власти Никона отъѣздъ царя на войну съ Польшей за Малороссію. Уѣхавъ на войну, государь предоставилъ Никону управленіе государствомъ. Полномочный патріархъ окружилъ себя небывалой пышностью; любилъ, по выраженію тогдашняго духовенства, «стоять высоко, ѣздить широко». Его окружалъ огромный штатъ. Лучшія облаченія изъ сохранившихся въ патріаршей ризницѣ принадлежали ему: на нихъ были употреблены пуды жемчуга, золота и драгоцѣнныхъ камней. Вопреки Уложенію, запрещавшему увеличивать церковныя имѣнія, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами. Никонъ построилъ нѣсколько монастырей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ Воскресенскій или Новый Іерусалимъ. Царь одарилъ эти монастыри богатѣйшими вотчинами. Все это возбуждало зависть и недовольство среди бояръ; послѣдніе стали ненавидѣть патріарха за его высокомѣріе и крутой нравъ. Однако, обладая громадными средствами, Никонъ употреблялъ значительныя суммы на государственныя и общественныя нужды. Никогда съ церковныхъ земель не собиралось столько денегъ въ пользу казны, какъ при Никонѣ. Самъ Никонъ выставилъ для войны до 10,000 воиновъ, столько же выставили ихъ и монастыри. Въ то же время патріархъ учреждалъ и расширялъ богадѣльни, раздавалъ щедрую милостыню, помогалъ заключеннымъ.

Воззрѣнія Никона ярко сказались въ слѣдующемъ. Какъ бы въ противоположность новымъ началамъ, высказаннымъ въ Уложеніи, Никонъ переиздалъ Кормчую въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Онъ включилъ въ нее и знаменитую дарственную грамоту императора Константина папѣ Сильвестру, но о подложности ея не знали ни патріархъ, ни царь.

Наибольшую славу Никона составило и наибольшее число враговъ создало ему предпринятое имъ и проведенное до конца исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Долгое время эти книги переписывались, и съ теченіемъ времени въ нихъ вкралось множество ошибокъ. Первые наши типографщики, появившіеся при Іоаннѣ Грозномъ, печатали съ неисправленныхъ рукописей. Вопросъ о необходимости исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ поднялся задолго до Никона. На эту необходимость указалъ еще Іоаннъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ. Дѣло, однако, не пошло дальше благого пожеланія. Да и самъ Стоглавый соборъ впалъ въ ошибку, узаконивъ двуперстіе и сугубое аллилуія. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича дѣло исправленія книгъ было поручено знаменитому

архимандриту Троице-Сергіевскаго монастыря Діонисію и нѣкоторымъ инокамъ той же обители, «духовнымъ и разумнымъ старцамъ». Эти духовные и разумные старцы оказались совсѣмъ неподходящими для этого дѣла людьми. Никто изъ нихъ не зналъ греческаго языка, безъ чего немыслимо было вести дѣло исправленія. Одинъ изъ старцевъ имѣлъ, напримѣръ, совершенно языческое представленіе о Божествѣ и отрицалъ ученіе Символа вѣры объ Іисусѣ Христѣ, утверждая, что Сынъ отъ Отца не прежде вѣкъ родился. Другой былъ голосистымъ пѣвцомъ, совершенно не обращавшимъ вниманія на самый смыслъ словъ, искажавшимъ ихъ ударенія и совершенно мѣнявшимъ ихъ значеніе (напр., вмѣсто «сѣмени его» онъ пѣлъ «сѣменй его»). Лица, назначенныя «справщиками», не хотѣли слушаться Діонисія и всячески оскорбляли его. Наконецъ, несмотря на слезныя просьбы Діонисія, они изготовили на него доносъ съ обвиненіемъ въ ереси («Духа Святого не исповѣдуетъ, яко огнь есть»). Несчастный Діонисій, прославившійся своею патріотическою дѣятельностью въ Смутное время, подвергся отлученію отъ церкви и былъ заточенъ въ монастырь, гдѣ его подвергали ужаснымъ пыткамъ. Пострадали и немногіе изъ его сторонниковъ. Всѣ они были оправданы только тогда, когда отъ восточныхъ патріарховъ пришли грамоты, утверждавшія, что выраженіе въ молитвѣ при водоосвященіи «и огнемъ» является безсмысленной прибавкой. Такимъ образомъ, главная причина неуспѣшности задуманнаго дѣла заключалась въ крайнемъ невѣжествѣ большинства московскаго духовенства.

Тѣмъ не менѣе Филаретъ Никитичъ не покидалъ мысли о необходимости исправленія книгъ. Незадолго до своей смерти онъ даже открылъ школу, въ которой предполагалось учить «малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ». Это дѣло, а также и новый переводъ книгъ съ греческаго языка на славянскій были поручены одному восточному архимандриту, пріѣхавшему въ Москву. Но со смертью умнаго Филарета и восточнаго архимандрита, умершаго вскорѣ послѣ него, все ихъ дѣло разстроилось.

Таковыми же были и послѣдующіе «справщики» книгъ. То были люди обрядоваго благочестія и начетчики. Въ составъ коммиссіи, дѣйствовавшей при патріархѣ Іосифѣ, входили лица, пріобрѣвшія большую извѣстность впослѣдствіи въ исторіи нашего раскола. Таковыми были: протопопы Аввакумъ, Нероновъ и друг. Подъ ихъ вліяніемъ коммиссія признала законными нѣсколько ошибочныхъ мнѣній, какъ напр., двоеперстіе. Но въ то же патріаршество проявилось и другое направленіе. Сильно ощущавшаяся потребность въ просвѣщеніи сказалась въ томъ, что бояринъ Ртищевъ призвалъ въ основанный имъ Андреевскій монастырь ученыхъ монаховъ изъ Кіева. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Арсеній Сатановскій и Епи-

фаній Славинецкій. Они должны были обучать греческому и латинскому языкамъ, переводить книги и содѣйствовать исправленію переполненныхъ ошибками книгъ. Московское духовенство, стоявшее неизмѣримо ниже кіевскаго, отнеслось къ послѣднему недоброжелательно. Въ кіевскихъ ученыхъ склонны были видѣть людей, зараженныхъ ересью. Сначала относился къ нимъ съ недовѣріемъ и самъ Никонъ. Но, такъ какъ греки, пріѣзжавшіе въ Москву, попрежнему указывали на наши недостатки, Никонъ рѣшилъ повести дѣло энергичнѣе и призвать къ исправленію книгъ людей свѣдущихъ. Необходимость исправленій была признана и собравшимся въ 1654 году въ Москвѣ церковнымъ соборомъ. Никонъ собралъ древнія славянскія книги и нѣсколько сотъ древнихъ греческихъ книгъ. Сдѣлать это оказалось возможнымъ, благодаря сочувственному отношенію къ дѣлу Никона аѳонскихъ монаховъ и патріарховъ Антіохійскаго и Александрійскаго. Во главѣ исправленія сталъ Епифаній Славинецкій. На печатномъ дворѣ закипѣла небывалая дѣятельность. Не проходило года, чтобы не издавалось по нѣскольку книгъ, исправленныхъ или вновь переведенныхъ. Одновременно съ исправленіемъ книгъ шли совѣщанія объ исправленіи обрядовъ. Теперь было осуждено одобренное при патріархѣ Іосифѣ двуперстіе.

Въ реформахъ Никона, стремившагося къ удаленію позднѣйшихъ нововведеній, къ возстановленію чистой старины, многіе люди, несочувствовавшіе ему, усматривали «новшества». Противниками его были не одни старые «справщики». Непривычныя для слуха измѣненія въ текстѣ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній, запрещеніе двуперстія, четырехконечный крестъ на просфорахъ—все это смущало значительную часть непросвѣщеннаго народа, у которой внѣшняя обрядность пріобрѣтала тѣмъ большее значеніе, чѣмъ менѣе сознавалась истинная сущность религіи. Во многихъ мѣстностяхъ стали отказываться принимать исправленныя и вновь отпечатанныя книги. Строгія мѣры, къ которымъ прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ Никонъ, содѣйствовали еще большему ожесточенію его противниковъ. Пострадать отъ еретика патріарха въ ихъ глазахъ значило пострадать за истинную вѣру, стать мученикомъ. Среди нихъ стала ходить мысль о близкой кончинѣ міра, о пришествіи антихриста. Указывалось и время его пришествія, а именно 1666 годъ.

70. Начало раскола и соборъ 1666—1667 гг. Съ 1657 года отношенія между царемъ и Никономъ замѣтно измѣнились. Царь, два раза побывавшій въ походахъ, сталъ болѣе самостоятельнымъ и привыкъ обходиться безъ патріарха. Никонъ же во время отлучекъ царя привыкъ дѣйствовать самолично, привыкъ смотрѣть, какъ на свое неотъемлемое право, на то, что было дано ему по милости и сердечной привязанности къ нему государя. Враги Никона неустанно

твердили передъ царемъ, что патріархъ сталъ сильнѣе его, что онъ превышаетъ свою власть и пренебрегаетъ властью царской. Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ мягкаго характера, не былъ способенъ на крутую расправу, на рѣзкія личныя объясненія и сталъ только избѣгать встрѣчи съ патріархомъ. Властный и гордый патріархъ не въ силахъ былъ сломить себя и обратиться къ царю съ такими рѣчами, которыя могли бы разсѣять недоразумѣніе. Обидѣвшись на царя, охладѣвшаго къ нему, Никонъ, съ своей стороны, сталъ удаляться отъ царя. Это удаленіе одного отъ другого бывшихъ друзей было въ высшей степени удобнымъ для враговъ патріарха, которые старались порвать послѣднія связи, соединявшія еще двухъ «великихъ государей». Скоро между послѣдними стали происходить крупныя несогласія. Никонъ, какъ извѣстно, былъ очень недоволенъ Монастырскимъ приказомъ. Между тѣмъ послѣдній сталъ отмѣнять распоряженія патріарха и даже лишилъ его нѣсколькихъ вотчинъ. Патріархъ сталъ писать царю рѣзкія посланія, въ которыхъ говорилъ о наказанныхъ Богомъ нечестивыхъ царяхъ, вмѣшивавшихся въ церковныя дѣла. Враги патріарха толковали царю эти посланія въ томъ смыслѣ, что патріархъ позволяетъ себѣ причислять и его къ царямъ нечестивымъ. Кончились всѣ эти столкновенія Никона съ представителями свѣтской власти его самовольнымъ уходомъ съ патріаршей каѳедры. Когда одинъ изъ бояръ сообщилъ ему, что царь гнѣвается на него за титулъ «великаго государя», Никонъ, по окончаніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, вышелъ на амвонъ и, вмѣсто ожидаемаго поученія, сказалъ присутствующимъ: «лѣнивъ я былъ учить васъ, не стало меня на это; отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ не патріархъ и, если помыслю быть патріархомъ, буду анаоема». Сказавъ это, Никонъ разоблачился и, написавъ къ царю письмо о своемъ отказѣ, удалился въ свой любимый Воскресенскій монастырь. Послѣ этого Никонъ то настаивалъ на мысли о необходимости какъ можно скорѣе избрать ему преемника, то заявлялъ царю, все еще милостиво относившемуся къ нему, что сана съ него не снималъ никто, что онъ сложилъ санъ своею волею. Никонъ, очевидно, ждалъ повторенія той сцены, которая разыгралась въ Успенскомъ соборѣ при его избраніи, но царь былъ уже не тѣмъ, кѣмъ былъ въ то время, да и Никонъ слишкомъ рѣзко выдвинулъ тяжелыя стороны своего характера и притязаніе на подчиненіе свѣтской власти патріарху. Въ такомъ положеніи, сильно смущавшемъ царя и народъ, находилось это дѣло до 1666 года.

Съ уходомъ Никона вражда къ его реформамъ стала проявляться съ большею силою и пріобрѣтала все большее и большее число сторонниковъ. Во главѣ сторонниковъ неисправленныхъ книгъ

и обрядовъ сталъ Нероновъ. Другимъ, особенно виднымъ руководителемъ партіи, враждебной Никоновскимъ реформамъ, былъ протопопъ Аввакумъ.

Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ его автобіографіи. „Всесвятая Троице! Боже и Содѣтелю всего міра, поспѣши и направи сердце мое начати съ разумомъ и кончити дѣлы благими, яже нынѣ хощу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже отъ Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всѣми избранными Твоими..." Упрекая сторонниковъ Никона въ томъ, что они выбросили изъ Символа вѣры въ членѣ о Духѣ Святомъ слово „истиннаго", Аввакумъ говоритъ: „мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святого, Господа *истиннаго* и животворящаго"... Въ естественныхъ явленіяхъ природы—въ солнечномъ затменіи и эпидемической болѣзни—Аввакумъ усматриваетъ наказаніе Божіе за нововведеніе Никона. „А въ нашей Россіи бысть затменіе: солнце затмилось во 162 году предъ моромъ за мѣсяцъ или меньше. Плывъ Волгою рѣкою архіепископъ Симеонъ сибирскій и въ полудне тьма бысть передъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли; солнце померче, отъ запада луна подтекала; по Діонисію, являше Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казнилъ и законѣ церковные, и сего ради Богъ изліялъ фіалъ гнѣва ярости своей на русскую землю"... Сугубое аллилуія Аввакумъ признаетъ единственно правильнымъ, съ присоединеніемъ къ нему славянскаго перевода „слава Тебѣ, Боже!" „Мерзко Богу—говоритъ онъ—четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще"... Въ своей автобіографіи Аввакумъ разсказываетъ о тѣхъ лишеніяхъ и мукахъ, которыя вынесъ за вѣру, говоритъ о различныхъ приключеніяхъ въ своей жизни замѣчательно правдиво и нерѣдко наивно, принимая игру нервно возбужденнаго воображенія а бѣсовское навожденіе.

Смута, вызванная самовольнымъ уходомъ Никона, еще продолжавшаго носить санъ патріарха, затянулась до 1666 — 1667 гг. Духовный соборъ, собравшійся въ Москвѣ въ 1666 году, объявилъ Никона лишеннымъ патріаршаго сана и постановилъ, чтобы онъ назывался впредь инокомъ и старцемъ Никономъ. Но въ то же время онъ утвердилъ произведенное Никономъ исправленіе книгъ. Въ слѣдующемъ году на соборъ прибыли восточные патріархи. Соборъ въ ихъ присутствіи еще разъ подтвердилъ свои постановленія и проклялъ тѣхъ, кто не признаетъ исправленныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ отмѣнилъ клятву Стоглава на трехперстіе и сугубую аллилуіа, а отцовъ Стоглаваго собора назвалъ невѣждами. Съ этого момента окончательно образовался въ нашей церкви р а с к о л ъ. Лица, несогласныя съ Никоновской реформой, получили въ народѣ и въ исторіи названіе раскольниковъ. За расколъ сталъ и знаменитый Соловецкій монастырь, гдѣ дѣло дошло до настоящаго возстанія

противъ правительства, которое было усмирено лишь силою оружія. Распространяясь все болѣе и болѣе, расколъ въ концѣ XVII вѣка раздѣлился, въ свою очередь, на два вида: одна группа раскольниковъ продолжала считать священниковъ необходимыми и составила такъ называемую поповщину; другая же отвергла этотъ санъ и образовала безпоповщину.

71. Движеніе Разина. Царствованіе Алексѣя Михайловича, столь богатое волненіями всякаго рода, ознаменовалось громаднымъ мятежомъ, въ которомъ участвовали главнымъ образомъ казаки и крестьяне, и руководителемъ котораго былъ казакъ Степанъ (Стенька) Разинъ.

Степной характеръ юга и юго-востока Европейской Россіи обусловилъ собою, между прочимъ, возникновеніе казачества. Въ степи бѣжали люди, не мирившіеся съ существующимъ порядкомъ, искавшіе полной свободы. Уходъ извѣстной части населенія Московскаго государства въ казаки не прекратился и въ XVII вѣкѣ. Онъ даже усилился благодаря тѣмъ тяготамъ, которыя были вызваны тринадцатилѣтнею войною. Послѣ присоединенія Малороссіи всѣ недовольные начали убѣгать сюда, но Московское правительство не хотѣло признать Малороссію казацкою страною и постоянно требовало выдачи бѣглецовъ. Такимъ образомъ казацкою страною попрежнему оставался «тихій, вольный» Донъ. Здѣсь не было ничего ненавистнаго имъ—ни тягла, ни воеводъ и дьяковъ. Здѣсь всѣ власти были выборными, здѣсь всѣ были равны между собою. Давно утвердившіеся здѣсь казаки («старые»), признанные самимъ правительствомъ, не мѣшали поселяться на Дону новымъ бѣглецамъ. Эти бѣглецы, постоянно пополнявшіе казацкое населеніе, назывались на языкѣ правительства «воровскими казаками». Сами старые, природные казаки дѣлились на двѣ группы — казаковъ «домовитыхъ», богатыхъ и осѣдлыхъ, старавшихся жить съ правительствомъ въ ладу, и бездомныхъ бѣдняковъ, называвшихся на языкѣ домовитыхъ казаковъ «голытьбою». Трудно было этой «голытьбѣ» и «воровскимъ казакамъ» жить на Дону; они искали себѣ выхода и поддерживали свое существованіе грабежами, «добываніемъ себѣ зипуновъ». Долго они хозяйничали по Волгѣ, но правительство преслѣдовало ихъ. Носились они по Каспійскому морю съ цѣлью разграбленія персидскаго побережья, но правительство и здѣсь ставило имъ преграды, не пропуская ихъ домой. Но все это были сравнительно небольшія шайки. Когда же въ царствованіе Алексѣя Михайловича во главѣ «голутвенныхъ» казаковъ сталъ Степанъ Разинъ, казацкое движеніе приняло небывало огромные размѣры. Разинъ не ограничился грабежами на Волгѣ и по берегамъ Каспійскаго моря, но бросился на самое государство, надѣясь воспользоваться его неприготовленностью

и найти опору въ слояхъ, имъ недовольныхъ. Вначалѣ похожденія Разина напоминали разбойничьи похожденія другихъ казацкихъ атамановъ. Но, когда Разинъ во главѣ преданной шайки двинулся на Волгу, провозглашая, что идетъ противъ московскихъ бояръ, движеніе, имъ поднятое, уже перестало быть разбоемъ, но превратилось въ мятежъ.

Первою жертвою движенія былъ г. Царицынъ. Разинъ заранѣе расположилъ къ себѣ его жителей, завѣривъ ихъ чрезъ своихъ посланцевъ, что идетъ на защиту ихъ. Царицынскій воевода думалъ было сопротивляться, заперъ городскія ворота, но сами жители впустили казаковъ въ городъ. Незначительная группа сторонниковъ порядка съ воеводою во главѣ заперлась въ башнѣ, но послѣдняя была взята Разинымъ. Бывшіе съ воеводою люди погибли въ схваткѣ, а воевода, попавшій въ плѣнъ, былъ варварски утопленъ. Къ Царицыну подошли, было, московскіе стрѣльцы, но потерпѣли отъ казаковъ рѣшительное пораженіе. Послѣ этого Разинъ прожилъ въ Царицынѣ около мѣсяца и ввелъ въ городѣ казацкое устройство: раздѣлилъ его населеніе на десятки и сотни, а во главѣ поставилъ атамана. Отсюда Разинъ сталъ разсылать во всѣ стороны возмутительныя грамоты. Низшіе слои и только отчасти посадскіе люди откликались на нихъ. Изъ Астрахани пришла къ Разину вѣсть, что его ожидаютъ тамъ «свои» люди съ нетерпѣніемъ. Астрахань была взята почти безъ боя. Введя и въ ней казацкое устройство, Разинъ направился вверхъ по Волгѣ. Здѣсь уже начался усиленный притокъ къ побѣдоносной казацкой шайкѣ «земскихъ» людей. Крестьяне и холопы возмущались противъ своихъ помѣщиковъ и господъ, убивали ихъ, собирались въ шайки и шли на соединеніе съ казаками Разина. Заволновались и приволжскіе инородцы. Съ огромными силами Разинъ подплылъ подъ Саратовъ и занялъ его, потомъ завладѣлъ Самарой. И въ этихъ городахъ произошло то же, что и въ городахъ, взятыхъ имъ раньше: воеводы утоплены, дворяне и приказные люди перебиты, имѣнія ихъ разграблены, установлено казацкое устройство.

Между тѣмъ посланцы Стеньки разошлись по всему Московскому государству до отдаленныхъ береговъ Бѣлаго моря, пробирались и въ самую столицу, распространяли въ народѣ „прелестныя“ письма Стеньки, въ которыхъ онъ извѣщалъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, искоренять всякое чиноначаліе и власть, установить казачество и учинить такъ, чтобъ всякъ всякому былъ равенъ. „Я не хочу быть царемъ,—говорилъ и писалъ Стенька—хочу жить съ вами, какъ братъ“. Онъ зналъ, что крѣпко насолили народу бояре, дворяне и приказные люди, и удачно направлялъ свои удары; но зналъ онъ также, что крѣпко въ народѣ уваженіе къ царской особѣ, и рѣшился прикрыться личиною этого уваженія. Онъ распустилъ слухъ, будто съ нимъ находятся царе-

вичъ Алексѣй [1]) и низверженный патріархъ Никонъ. Посланцы Стеньки толковали народу, что царевичъ убѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и Стенька идетъ возводить его на престолъ, а царевичъ обѣщаетъ льготы и волю. Они ополчали православныхъ за гонимаго патріарха и въ то же время разжигали вражду старообрядцевъ противъ новшествъ, введенныхъ этимъ патріархомъ; инородцевъ возбуждали противъ русскихъ, язычниковъ и магометанъ на христіанъ и обратно, рабовъ на господъ, служилыхъ противъ начальниковъ... Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрогивалъ Стенька, лишь бы произвести смуту и безпорядокъ и свергнуть ненавистный ему порядокъ; что будетъ послѣ, куда идти—надъ этимъ врядъ ли задумывался Стенька... Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать на Русь его орды; онъ отправилъ даже, какъ говорятъ, посольство къ персидскому шаху, но въ этомъ потерпѣлъ неудачу (Костомаровъ).

Изъ Самары Стенька приплылъ къ Симбирску. Подъ этимъ городомъ произошло столкновеніе его съ московскими войсками, часть которыхъ была обучена западно-европейскому строю. Во главѣ войскъ стоялъ князь Барятинскій. Разинъ, считавшійся въ глазахъ народа непобѣдимымъ, потерпѣлъ здѣсь рѣшительное пораженіе. Предоставивъ крестьянъ ихъ собственной участи, Разинъ уплылъ снова на Донъ, гдѣ надѣялся поднять новое возстаніе. Но вѣсть о пораженіи Разина царскими войсками сдѣлала свое дѣло. Напрасно онъ свирѣпствовалъ, жегъ попадавшихся въ его руки враговъ въ печахъ вмѣсто дровъ. Старые, домовитые казаки, съ атаманомъ Корнилой Яковлевымъ, стали за порядокъ. Они напали на городокъ Кагальникъ, гдѣ укрѣпились мятежники, взяли его, захватили въ плѣнъ Степана Разина съ его роднымъ братомъ; ихъ отправили въ Москву, а сторонниковъ ихъ перевѣшали. Въ 1671 году оба брата были казнены.

Вскорѣ послѣ подавленія движенія казацкаго было подавлено и земское движеніе. Нѣкоторое время волновалась еще Астрахань, гдѣ начальствовалъ товарищъ Разина, Васька Усъ. Но и Астрахань была взята московскимъ войскомъ, съ бояриномъ Милославскимъ во главѣ. Главные руководители мятежа были казнены.

72. Новыя вѣянія. Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ и др. Въ области общественныхъ взглядовъ и понятій и при Алексѣѣ Михайловичѣ оставалось господствующимъ старое, узко-національное направленіе. И многіе передовые люди, и народная масса свято соблюдали благочестивую, какъ она казалась имъ, старину. Всякое новшество съ этой точки зрѣнія представлялось преступленіемъ, измѣной завѣтамъ предковъ. Благоговѣніе передъ стариной заставляло дорожить ея чисто внѣшними сторонами, обрядами. То

[1]) Настоящій царевичъ тогда уже умеръ. Какой-то черкесскій князекъ, взятый казаками въ плѣнъ, долженъ былъ поневолѣ играть роль царевича.

же благоговѣніе заставляло очень многихъ относиться съ рѣшительнымъ недовѣріемъ къ иностранцамъ. Ихъ терпѣли сторонники стараго направленія лишь по стольку, по сколько иноземцы были необходимы для русскихъ.

Но въ то же время въ царствованіе Алексѣя Михайловича съ большею силой, чѣмъ раньше, проявилось и другое культурное направленіе. Въ половинѣ XVII в. въ Москвѣ появляются кіевскіе ученые, призванные сюда самимъ правительствомъ, сознавшимъ свое безсиліе собственными средствами совершить давно задуманное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Съ тою же цѣлью появились въ Москвѣ и греки. Наконецъ, еще со временъ Іоанна III здѣсь жили представители западно-европейскихъ народовъ, носившіе общее названіе нѣмцевъ. Нѣмецкая слобода продолжала, конечно, все болѣе и болѣе заселяться.

И западно-русскіе ученые, выросшіе на европейской наукѣ, и греки, и «нѣмцы» неизбѣжно должны были оказывать свое вліяніе на населеніе Московскаго государства. Въ отношеніяхъ своихъ къ иноземной образованности общество русское распалось на два лагеря. Одни относились враждебно не только къ иноземцамъ, но и къ кіевскимъ ученымъ, полагая, что послѣдніе вводятъ ереси. И про малороссіянъ, и про грековъ говорили, что они утратили чистоту православной вѣры. Непріязнь сторонниковъ стараго направленія къ малороссамъ объясняется фактомъ Брестской уніи 1596 года, въ силу которой извѣстная часть западно-русскаго населенія признала папу главою церкви. Въ силу этого кіевское духовенство подозрѣвали въ принадлежности къ «латинской ереси». Много способствовало этому взгляду и то обстоятельство, что основанная кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой Кіевская Академія была скопирована съ іезуитскихъ коллегій. Про Ртищева, призвавшаго въ Москву кіевскихъ ученыхъ, говорили: «учится у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть. Кто по латыни научается, тотъ съ праваго пути совратится».—Грекамъ сторонники стараго направленія не могли простить Флорентійской уніи. Несмотря на то, что эта унія оказалась непопулярной въ Греціи, московскіе книжники считали паденіе Византіи Божіимъ наказаніемъ за измѣну православію. Арсеній Суховъ, два раза побывавшій у грековъ, очень характерно, для большинства русскаго населенія, выразился о нихъ: «и папа не глава церкви, и греки не источникъ, а если и были источникомъ, то нынѣ онъ пересохъ». Если такъ непріязненно смотрѣли на тѣхъ, кого могли только подозрѣвать въ переходѣ въ латинство, легко понять, какъ тѣ же люди относились къ католикамъ, лютеранамъ и кальвинистамъ.

Но на ряду съ указаннымъ направленіемъ существовало и дру-

гое. Въ государствѣ Московскомъ уже были люди, которые увлекались культурой Западной Европы и стремились, не переставъ быть русскими людьми, перенести на Русь науки и искусства Запада, ввести въ обиходъ русской жизни все то, что сторонники другого лагеря называли «прелестью бѣсовской».

Взгляды людей, державшихся прогрессивнаго направленія, отразились въ сочиненіяхъ двухъ писателей—Юрія Крижанича, родомъ хорвата, и Григорія Котошихина, московскаго человѣка, служившаго въ Посольскомъ приказѣ, вѣдавшемъ сношенія съ иноземными государствами.

Юрій Крижаничъ получилъ отличное образованіе сперва на родинѣ, а затѣмъ въ Вѣнѣ и Болоньѣ. Занимаясь научными трудами, Крижаничъ не утратилъ любви къ своему народу. Его народъ, незначительная частица великаго славянскаго племени, могъ, по его убѣжденію, сдѣлаться счастливымъ лишь при одномъ условіи — при объединеніи всѣхъ славянъ. Это объединеніе казалось ему вполнѣ возможнымъ явленіемъ. Такія мысли должны были заставить его обратить вниманіе на Московское государство, какъ на крупную славянскую державу. На него-то онъ и возлагалъ свои надежды. Но, прибывъ въ Москву, онъ скоро разочаровался въ своихъ надеждахъ: такъ она была, съ точки зрѣнія человѣка просвѣщеннаго, невѣжественна, такъ нуждалась въ реформахъ. Недолго онъ и пробылъ въ Москвѣ. Сторонникъ уніи, онъ навлекъ на себя неудовольствіе правительства и былъ удаленъ въ Сибирь. Его отправили въ Тобольскъ не въ качествѣ опальнаго, а съ тѣмъ, чтобы быть у государевыхъ дѣлъ, у какихъ пристойно, и положили ему жалованье. Онъ пробылъ въ этой благовидной ссылкѣ цѣлыхъ 16 лѣтъ и написалъ здѣсь наиболѣе выдающіеся изъ своихъ литературныхъ трудовъ. Самымъ важнымъ изъ нихъ являются «Разговоры о владѣльчествѣ». Это — сборникъ замѣчаній и размышленій о различныхъ предметахъ общественной жизни, государственнаго устройства, безопасности страны, благосостоянія и воспитанія народа. Онъ очень хвалитъ русскій народъ за его природныя способности, но рядомъ съ этимъ изображаетъ его дурныя свойства и невѣжество и даетъ проектъ тѣхъ реформъ, преимущественно экономическихъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, нуждается Россія. Какъ истый славянинъ и даже панславистъ, онъ не любитъ нѣмцевъ, но въ то же время утверждаетъ, что общеніе съ иноземцами можетъ принести много добраго, если только будутъ различаться добро и зло. Указывая на необходимость просвѣщенія, онъ придаетъ также огромное значеніе развитію промышленности и торговли, которую на Руси безусловно необходимо изъять изъ рукъ иностранцевъ, хотя и прибавляетъ, что русскіе и вообще славяне къ торговлѣ неспособны; рекомендуетъ

развитіе земледѣлія путемъ разведенія еще не воздѣлывавшихся въ Россіи растеній и т. под.

Григорій Котошихинъ служилъ сначала писцомъ, а потомъ сдѣлался подъячимъ важнѣйшаго изъ московскихъ приказовъ — Посольскаго. Онъ исполнялъ неоднократно важныя порученія по заключенію мирныхъ договоровъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ покинулъ родину, бѣжалъ въ Швецію и принялъ тамъ лютеранство. Но и въ Швеціи ему не посчастливилось: за убійство, совершенное имъ въ запальчивости, онъ былъ подвергнутъ смертной казни. Живя за границей, онъ написалъ сочиненіе о современной ему Россіи. Въ этомъ сочиненіи онъ относится отрицательно ко многимъ московскимъ порядкамъ. У Котошихина не было никакихъ идеаловъ, никакихъ опредѣленныхъ, положительныхъ стремленій, но онъ хорошо понималъ преимущество западно-европейской культуры.

Изъ среды того лагеря, который понималъ значеніе европейской культуры, выдѣлился рядъ практическихъ дѣятелей, какъ напр., Ордынъ-Нащокинъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и бояринъ Ѳедоръ Ртищевъ и другъ.

Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Ордыну-Нащокину. Это былъ очень даровитый человѣкъ, выдающійся дипломатъ и администраторъ. Онъ зналъ латинскій, нѣмецкій и польскій языки и былъ человѣкомъ весьма начитаннымъ. Хорошо ознакомившись съ западно-европейскою культурой, онъ былъ однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ ея. Онъ желалъ, чтобы и дорогая ему родина сдѣлалась причастной этой культурѣ, но, стоя за необходимость культурныхъ заимствованій съ Запада, онъ умѣлъ отличать внѣшній лоскъ отъ дѣйствительной просвѣщенности, а потому и осуждалъ тѣхъ, кто перенималъ лишь однѣ внѣшнія формы.

А. С. Матвѣевъ имѣлъ сильное влеченіе къ западной культурѣ. Его домъ былъ обставленъ по-европейски: въ немъ были картины и часы западной работы. Обстановкѣ соотвѣтствовали и условія жизни. Его жена не сидѣла взаперти, подобно другимъ женщинамъ высшаго круга. Сынъ получилъ европейское образованіе. Изъ своихъ дворцовыхъ людей Матвѣевъ устроилъ домашнюю труппу, которая забавляла царя, запросто посѣщавшаго домъ Матвѣева, своими представленіями. Отъ всего этого вѣяло свѣжимъ, новымъ направленіемъ, торжество котораго было необходимо въ интересахъ дальнѣйшаго процвѣтанія нашего государства. Въ противоположность Ордыну-Нащокину, человѣку горячему, не боявшемуся ссоръ съ людьми властными, Матвѣевъ отличался тихимъ, скромнымъ характеромъ. Близость къ нему царя не поселила въ немъ заносчивости.

Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ былъ истиннымъ другомъ просвѣщенія, человѣкомъ умѣреннымъ и благоразумнымъ, склоннымъ

къ созерцательной жизни. Необыкновенно симпатичнымъ рисуютъ его слѣдующіе случаи: продавая одно изъ своихъ имѣній, онъ даже уменьшилъ цѣну его, съ тѣмъ условіемъ, чтобы покупатель хорошо обращался съ крестьянами, живущими тамъ; узнавъ, что городъ Арзамасъ очень нуждается въ землѣ, но не обладаетъ достаточными средствами, чтобы купить ее, Ртищевъ подарилъ ее городу; передъ смертью умолялъ своихъ наслѣдниковъ, чтобы они обращались гуманно со своими крестьянами. Отзывы «житія» Ртищева подтверждаются свидѣтельствомъ писателей иностранныхъ. Ртищевъ особенно любилъ вращаться въ средѣ кіевскихъ монаховъ, самыхъ просвѣщенныхъ въ ту пору представителей православнаго духовенства. Привлекали его къ себѣ и ученые греки. Этого замѣчательнаго человѣка, стремившагося къ церковной реформѣ, враги обвиняли въ «рушеніи» православной вѣры. Въ числѣ его враговъ былъ и патріархъ Никонъ.

Малороссійскій вопросъ.

73. Соединеніе Литвы и Юго-западной Руси съ Польшей. Люблинская унія. Царствованіе Алексѣя Михайловича ознаменовалось присоединеніемъ къ Московскому государству восточной половины Малороссіи. Это присоединеніе было вызвано возстаніемъ малороссійскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Прежде чѣмъ говорить о самомъ возстаніи, намъ необходимо ознакомиться съ положеніемъ Литовско-Русскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Непрочность союза между Литвою и Польшею, созданнаго уніей 1386 года, была фактомъ очевиднымъ. Еще при жизни Ягайлы Литовско-Русское государство отдѣлилось отъ него подъ верховною властью Витовта. По смерти Ягайлы большею частью и Польша, и Литва имѣли своихъ отдѣльныхъ государей. Только въ 1501 году великій князь литовско-русскій Александръ былъ выбранъ и въ польскіе короли. Вступивъ на польскій престолъ, Александръ поднялъ вопросъ о тѣснѣйшемъ соединеніи обоихъ государствъ посредствомъ особаго договора, но литовскіе депутаты отказались подписать его. Въ то же время со стороны Московскаго государства поступали все болѣе и болѣе настойчивыя заявленія о томъ, что Западная или Литовская Русь — отчина московскихъ государей.

При Александрѣ въ Литовско-Русскомъ государствѣ господствовала русская партія, съ Михаиломъ Глинскимъ во главѣ. Литвины были очень недовольны преобладаніемъ русскихъ людей.

Опасаясь, какъ бы не сдѣлался великимъ княземъ Глинскій, который при жизни Александра распоряжался въ Литвѣ, какъ полновластный намѣстникъ, литвины выбрали по смерти Александра великимъ княземъ его брата Сигизмунда, не спросясь о мнѣніи поляковъ. Послѣдніе, опасаясь потерять Литовско-Русское государство, выбрали его въ короли. Глинскій былъ униженъ, утратилъ всякое значеніе, но не помирился со своимъ новымъ положеніемъ. Онъ удалился въ восточныя (русскія) области Литовско-Русскаго государства и сталъ подчинять ихъ своей власти, а затѣмъ перешелъ подъ власть великаго князя Московскаго Василія III; за нимъ потянулись и другіе русскіе князья. Все это вызвало войну между московскимъ великимъ княземъ и польско-литовскимъ королемъ. Смоленскъ и Сѣверская область были отторгнуты отъ Литвы, а русскія войска подходили къ самой Вильнѣ.

Сигизмундъ I опирался на литвиновъ, всячески покровительствовалъ имъ и тѣмъ еще болѣе обособлялъ собственно Литву отъ принадлежавшихъ ей русскихъ областей. Къ русскому населенію онъ относился враждебно. Въ восточныхъ областяхъ онъ не проявлялъ по отношенію къ русскимъ никакихъ суровыхъ мѣръ, такъ какъ недовольные легко могли отойти къ Москвѣ. Зато въ Галиціи положеніе православныхъ русскихъ людей было весьма тяжелымъ. Здѣсь они не могли свидѣтельствовать въ судахъ противъ поляковъ, платили особую поголовную подать за исповѣданіе православія, платили десятину въ пользу католическихъ приходовъ и т. под. Такія же несправедливости совершались, за исключеніемъ восточныхъ областей, и въ другихъ русскихъ земляхъ, подчиненныхъ Литвѣ.

Въ то время среди поляковъ и литвиновъ стали распространяться протестантскія ученія Лютера и Кальвина, находившихъ себѣ приверженцевъ преимущественно среди аристократіи и горожанъ. Между протестантами-литвинами и православнымъ русскимъ населеніемъ могло произойти прочное сближеніе; и тѣ, и другіе были схизматиками съ точки зрѣнія господствующаго католичества; наконецъ, въ своемъ стремленіи къ отдѣленію отъ Польши и къ возстановленію самобытности литвины могли найти въ русскихъ добрыхъ союзниковъ. Но обстоятельства снова сложились роковымъ образомъ для Литвы, и вскорѣ она слилась съ Польшею въ одно государство, въ которое были втянуты и западно-русскія области.

Одною изъ главныхъ причинъ этого явленія послужила Ливонская война, начатая Іоанномъ Грознымъ. Часть Ливоніи отдалась Литвѣ. Тогда Іоаннъ сталъ воевать съ Литвою и завладѣлъ Полоцкомъ. Въ Бѣлоруссіи и среди простого народа, и въ образованномъ классѣ были стремленія, оторвавшись отъ Литвы, соеди-

ниться съ Москвою. Это обстоятельство и побудило Литву искать опоры въ полякахъ. Стремился къ сближенію съ Литвою и самъ король Сигизмундъ II-Августъ, не оставлявшій по себѣ наслѣдника. Вопросъ объ этомъ сближеніи затянулся на нѣсколько лѣтъ и разрѣшился наконецъ Люблинской уніей (1569). Но и здѣсь, при окончательныхъ переговорахъ, происходили большія несогласія. Литвины хотѣли братскаго союза съ поляками, который не оказался бы губительнымъ для литовской самобытности. Но требованія поляковъ склонялись по существу къ ея уничтоженію, къ превращенію Литвы въ польскую провинцію. Литовскіе депутаты были возмущены и даже разъѣхались изъ Люблина. Тогда поляки обратились къ искусной и рѣшительной мѣрѣ. Король издалъ указъ о присоединеніи къ Польшѣ русскихъ областей—Волыни, Украйны и Подляхіи — и о призывѣ на сеймъ ихъ представителей. Литвины пришли въ ужасъ, протестовали противъ отнятія у Литвы издавна принадлежавшихъ ей земель, заявляли, что поляки обрѣзываютъ у Литвы крылья. Они просили отсрочки сейма, надѣясь сблизиться съ русскими и такимъ способомъ уничтожить планы поляковъ. Но послѣдніе поняли, къ чему можетъ привести эта отсрочка, и рѣшили склонить къ подписи уніи русскихъ депутатовъ. Депутаты русскіе не обнаружили надлежащей твердости. Ихъ пугала мысль о подчиненіи Грозному, отъ котораго убѣгало въ Литву много русскихъ людей. На Волыни жилъ знаменитый бѣглецъ князь Андрей Курбскій. Врагъ Грознаго, онъ собиралъ войско, чтобы направить его противъ московскаго царя. Съ другой стороны, важнѣйшіе изъ русскихъ вельможъ (напр. князь Острожскій и др.) стали на сторону уніи. Литвинамъ оставалось теперь также присоединиться къ ней. Первое соединеніе Литовско-Русскаго великаго княжества съ Польшей было только политическимъ союзомъ двухъ государствъ. Границы великаго княжества строго отдѣлялись отъ границъ королевства. Поляки не имѣли права занимать въ великомъ княжествѣ государственныхъ должностей, не могли даже быть тамъ помѣщиками. Поляки въ періодъ времени съ 1386 до 1569 года прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ, чтобы уничтожить эту разобщенность между королевствомъ и великимъ княжествомъ. Такъ напр., литовской знати были дарованы гербы польскихъ родовъ, что было сопряжено съ перенесеніемъ въ великое княжество нѣкоторыхъ польскихъ церемоній и обычаевъ; въ великомъ княжествѣ были введены должности, бывшія копіями съ польскихъ образцовъ. Но перемѣны этого рода, привнося польщизну, касались преимущественно высшаго литовско-русскаго сословія, не касаясь ни городского, ни сельскаго сословій. Хотя въ городахъ стало, по примѣру Польши, вводиться такъ называемое Магдебургское право, т. е. городское само-

управленіе, но нѣмецкое право не измѣнило литовскихъ городовъ, въ которыхъ преобладало попрежнему русское населеніе. Долгое время Литовско-Русское княжество не знало польскаго крѣпостного состоянія или хлопства. Въ Литвѣ были холопы или рабы, но крестьяне оставались свободнымъ сословіемъ, несшимъ государственныя повинности и судившимся по государственнымъ законамъ. Еще задолго до Люблинской уніи, въ концѣ XV вѣка, въ великое княжество проникло одно изъ польскихъ началъ, обезличивавшихъ крестьянина. По указу Казиміра, изданному въ 1492 году, дѣло крестьянина на судѣ вѣдалъ его землевладѣлецъ. Положеніе дѣлъ въ великомъ княжествѣ Литовско-Русскомъ до Люблинской уніи отразилось въ мѣстномъ законодательномъ сборникѣ, Литовскомъ статутѣ, написанномъ на русскомъ языкѣ. На основаніи Люблинской уніи Литва и Польша сливались въ одно нераздѣльное государство, Рѣчь Посполитую (т. е. республику). Обѣ части этого цѣлаго должны были выбрать одного короля, имѣли общій сеймъ и общій сенатъ, но каждая изъ нихъ сохранила особые законы, особыхъ правительственныхъ лицъ и свое войско. Волынь, Украйна и Подляхія [1]) (большая часть Юго-западной Руси) были отдѣлены отъ Литвы и вошли въ составъ польскихъ земель. Поляки удержали за собою право занимать въ Литвѣ государственныя должности и владѣть тамъ землею. Все это открывало широкую дорогу для распространенія въ Литвѣ и западно-русскихъ областяхъ польскаго вліянія. Вліяніе это, дѣйствовавшее и ранѣе, теперь естественно пріобрѣло исключительную силу.

Общіе сеймы собирались постоянно въ Польшѣ. При этомъ представители великаго княжества смѣшивались съ представителями Польши. Постепенно литовская аристократія совершенно ополячилась. Низшее литовское дворянство также стало уподобляться польской шляхтѣ. Въ города великаго княжества нахлынули нѣмцы и евреи, совершенно оттѣснивъ мѣстное городское сословіе. Съ ослабленіемъ послѣдняго естественно ухудшилось и положеніе крестьянства, такъ какъ крестьяне лишались теперь возможности переходить при посредствѣ городовъ въ другія сословія. Мало-по-малу они превратились въ хлоповъ. Ихъ положеніе было тѣмъ болѣе тяжкимъ, что господами ихъ были или иноплеменники, или свои, отрекавшіеся отъ своего родного. Панами были поляки, хлопами русскіе или литвины. Все русское или литовское становилось синонимомъ чего-то низкаго, даже позорнаго. Положеніе русскихъ людей ухудшилось до крайней степени, когда сюда проникли іезуиты

[1]) Подляхія — западная часть Гродненской губерніи.

со своими планами подчиненія православной западно-русской церкви римскому папѣ.

74. Іезуиты. Церковная унія и ея слѣдствія. Еще до Люблинской уніи въ Литвѣ и Польшѣ появились іезуиты для борьбы съ распространившимися здѣсь протестантскими ученіями. По своему обыкновенію, они стали дѣйствовать сильнымъ духовнымъ оружіемъ. Они располагали населеніе въ свою пользу своею благотворительною и безкорыстною дѣятельностью на пользу просвѣщенія. Они открывали безплатныя школы, но изъ этихъ школъ выходили ревностные приверженцы католичества. Основанная ими коллегія въ г. Вильнѣ была вскорѣ преобразована (1579) въ академію или высшее учебное заведеніе. Сперва дѣятельность іезуитовъ была направлена исключительно на протестантовъ, но, покончивъ съ протестантизмомъ, разбившимся на множество сектъ и тѣмъ облегчившимъ ихъ задачу, они принялись и за православныхъ.

Очень хорошо понимая, что обращать православныхъ сразуже въ католичество довольно мудрено, іезуиты ухватились за давно существовавшую идею о церковной уніи. Изъ дѣятелей на этомъ поприщѣ особенно стали извѣстными два іезуита — Петръ Скарга и Антоній Поссевинъ. Петръ Скарга написалъ сочиненіе «О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи». Описавъ безпорядки въ западно-русской православной церкви, Скарга указалъ на слѣдующія обстоятельства, какъ на причины неустройства: 1) на женатую жизнь священниковъ, благодаря которой они заботятся лишь о мірскихъ благахъ, огрубѣли и превратились въ хлоповъ, 2) на славянскій языкъ, на которомъ совершается богослуженіе, между тѣмъ какъ единственными ключами къ наукамъ являются латинскій и греческій языки, и 3) на вмѣшательство мірянъ въ дѣла церковныя. Зло это, по его мнѣнію, нетрудно уничтожить: стоитъ только принять унію, при чемъ они могутъ сохранить всѣ свои обряды; достаточно будетъ, если они признаютъ папу главою церкви и примутъ ученіе церкви католической. Второй изъ упомянутыхъ іезуитовъ также усердно хлопоталъ о принятіи православными уніи. По его мысли, папа учредилъ въ Римѣ уніатскую коллегію для русскихъ.

Іезуиты принялись за подготовку православныхъ къ уніи. Имъ совсѣмъ нетрудно было подготовить къ ней представителей высшаго православнаго духовенства. Подвергшись вліянію польщизны, многіе высшіе представители православной церкви стремились сравняться съ польскими бискупами и пріорами. Іезуиты стали возбуждать среди многихъ нашихъ епископовъ недовольство вмѣшательствомъ мірянъ въ церковныя дѣла, указывали имъ на возможность попасть, на ряду съ бискупами, въ сенатъ, куда—говорили

они—невозможно допустить ихъ, пока они находятся подъ началомъ константинопольскаго патріарха, раба турецкаго султана. Стефанъ Баторій помогалъ іезуитамъ тѣмъ, что назначалъ православными епископами и настоятелями монастырей дворянъ, совершенно неподготовленныхъ къ духовному служенію, смотрѣвшихъ на подчиненіе Риму, какъ на неизбѣжное условіе собственнаго благополучія. Наиболѣе выдѣлялся среди православныхъ епископовъ такого рода Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій. Его сосѣди по владѣніямъ неоднократно подавали на него жалобы въ судъ за его буйства и наѣзды, сопровождавшіеся даже убійствами.

Наибольшая опасность православію стала грозить съ тѣхъ поръ, какъ на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III, воспитанникъ іезуитовъ. Если бы судьба православія находилась только въ рукахъ высшей духовной іерархіи, оно, можетъ быть, оказалось бы безсильнымъ. Но именно то, что іезуиты считали проявленіемъ безпорядка — вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла, и спасло его. Главнѣйшими защитниками православія были извѣстный князь Андрей Курбскій и князь Константинъ Острожскій. Курбскій велъ дѣятельную переписку съ западно-русскими панами, предостерегая ихъ въ одинаковой мѣрѣ отъ католицизма и протестантизма. Съ подобными же посланіями обращался онъ и къ наиболѣе вліятельнымъ изъ горожанъ. Князь Острожскій учредилъ у себя (въ Острогѣ) высшую школу и открылъ при ней типографію. Эта типографія вмѣстѣ съ другими западно-русскими типографіями долго снабжала богослужебными и назидательными книгами всю Россію. Острожскій, подобно Курбскому, велъ большую переписку съ панами. Таковы были отцы, но дѣти ихъ оказались иными: сыновья обоихъ князей были уже врагами православія. Дѣло въ томъ, что и высшая свѣтская аристократія быстро ополячивалась.

Но православіе обладало и другими силами. Если православные паны вмѣшивались въ дѣла церкви и имѣли право патроната (покровительства) надъ церквами и монастырями, расположенными на ихъ земляхъ, то и свободныя городскія общины пользовались такимъ же правомъ по отношенію къ своимъ приходскимъ церквамъ и монастырямъ, ими самими основаннымъ. Особенно крѣпкую опору нашло православіе въ городскихъ братствахъ. Братства существовали издавна; они сохранились и окрѣпли благодаря Магдебургскому праву, не только не уничтожавшему старыхъ общинныхъ началъ, но и вводившему новыя. Члены братствъ сходились для религіозныхъ собесѣдованій, для обсужденія различныхъ вопросовъ приходской жизни, для выборовъ старостъ, занимались благотворительными дѣлами, располагая для этого собственными капиталами, слагавшимися изъ членскихъ взносовъ. Сознавая значеніе этихъ свободныхъ собраній въ дѣлѣ

борьбы съ католиками, восточные патріархи, утвердивъ ихъ старыя права, дали имъ въ XVI в. новыя, исключительныя права: обличать самихъ епископовъ, въ случаѣ отступленія ихъ отъ церкви, и даже высшее право отлученія отъ церкви. Эти-то братства и проявили замѣчательную дѣятельность въ защиту православія, спасителемъ котораго, послѣ аристократовъ, явился такимъ образомъ народъ.

Права братствъ, широкое пользованіе ихъ этими правами, были очень непріятны для представителей высшей іерархіи. Для нихъ принятіе уніи было особенно желательнымъ, такъ какъ освобождало ихъ отъ стѣснительнаго надзора со стороны братствъ. Въ 1591 году— годъ смерти царевича Дмитрія — нѣсколько православныхъ епископовъ подали королю Сигизмунду петицію о признаніи главенства папы надъ православными подъ условіемъ сохраненія старыхъ обрядовъ и возстановленія поколебленныхъ и даже уничтоженныхъ братствами правъ высшей іерархіи. Поборниками этого плана явились владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй, воспитанникъ краковской іезуитской академіи и извѣстный уже намъ Кириллъ Терлецкій. Такъ какъ кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза дѣйствовалъ нерѣшительно и даже двусмысленно, а истинно православные люди забили тревогу, Ипатій и Кириллъ поторопились оформить задуманное дѣло. Осенью 1595 года они поѣхали въ Римъ и тамъ признали всѣ римскіе догматы. Папа (Клементъ VIII) былъ несказанно обрадованъ новою вѣстью, считая заявленіе епископовъ, отпавшихъ отъ православія, голосомъ всего русскаго населенія Рѣчи Посполитой, устроилъ въ честь уніи большое торжество и приказалъ увѣковѣчить событіе выбитіемъ медали съ надписью «Ruthenis receptis» (на возсоединеніе русскихъ). Между тѣмъ на далекой родинѣ архіереевъ-измѣнниковъ братства и священники предавали анаѳемѣ.

Въ 1596 году въ г. Брестѣ былъ созванъ соборъ изъ западнорусскаго духовенства: на этомъ соборѣ присутствовали и представители двухъ восточныхъ патріарховъ, константинопольскаго и александрійскаго. Какъ и слѣдовало ожидать, на Брестскомъ соборѣ сразу же обнаружился расколъ. Сторонники уніи собрались въ городскомъ соборѣ, а православные — въ частномъ домѣ, такъ какъ Поцѣй, къ епархіи котораго принадлежалъ г. Брестъ, велѣлъ закрыть для православныхъ всѣ остальные храмы города. Напрасно экзархъ константинопольскаго патріарха три раза приглашалъ уніатовъ въ собраніе православныхъ. Тогда православные объявили епископовъ-уніатовъ лишенными сана. Уніаты-же, съ своей стороны, изрекли проклятіе на духовенство, не примкнувшее къ уніи.

Положеніе православныхъ сдѣлалось послѣ этого невыносимо тяжелымъ. Какъ папа, такъ и польское правительство сочли унію состоявшеюся, а потому стали смотрѣть на православныхъ какъ на

ослушниковъ и своихъ духовныхъ властей, и самого правительства. Православіе, которому остались вѣрны преимущественно низшіе классы, разсматривалось, какъ «презрѣнная хлопская схизма». Свободныя братства были объявлены противозаконными сходками и подвергались преслѣдованіямъ. У православныхъ отбирали церкви; уніаты овладѣли даже Кіево-Софійскимъ соборомъ, памятникомъ благочестивой дѣятельности Ярослава Мудраго. Въ городахъ православное богослуженіе было воспрещено: православные собирались для молитвы на поляхъ. Изувѣрство враговъ православія достигло такихъ размѣровъ, что уніатъ, полоцкій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ выбрасывалъ изъ могилъ тѣла православныхъ на съѣденіе собакамъ. Православные горожане не допускались ни до какихъ должностей. Положеніе крестьянства было еще болѣе тягостно. Однѣ церкви въ панскихъ имѣніяхъ были отданы уніатамъ, другія сданы въ аренду евреямъ. Послѣдніе брали деньги за каждую церковную службу и глумились надъ православною святыней.

Но православнымъ все-таки удалось удержать въ своихъ рукахъ Кіево-Печерскую лавру, свою историческую святыню, и митрополичью каѳедру въ Кіевѣ. Изъ кіевскихъ митрополитовъ особенно прославился Петръ Могила. Еще въ бытность свою архимандритомъ лавры онъ основалъ при ней Духовную Академію, чтобы дать въ руки православныхъ то оружіе, которымъ такъ искусно дѣйствовали ихъ враги — іезуиты. Въ защиту православія дѣйствовалъ Петръ Могила и своими литературными трудами. Наконецъ, на защиту его поднялось и казачество.

75. Казачество и Богданъ Хмельницкій. Хищническіе набѣги крымскихъ татаръ препятствовали дальнѣйшему существованію на южныхъ окраинахъ Литовско-Русскаго государства мирнаго населенія. Напротивъ, обстоятельства благопріятствовали утвержденію въ этихъ краяхъ населенія съ чисто воинственнымъ характеромъ. Здѣсь стали селиться вольные люди. Они признавали власть государства только по имени и назывались, какъ и на южныхъ окраинахъ Московскаго государства, казаками; первое упоминаніе о нихъ относится къ началу XVI вѣка. Самая окраина, расположенная между Днѣстромъ и Бугомъ, получила названіе Украйны, а затѣмъ это названіе, по мѣрѣ расширенія казачества, распространилось и на землю Кіевскую, и на лѣвый берегъ Днѣпра.

Польское правительство отлично понимало значеніе этой пограничной силы и потому стремилось дать казакамъ правильное устройство. Къ этому стремились Сигизмундъ I и Сигизмундъ II-Августъ, но достигъ этого лишь Стефанъ Баторій. Онъ далъ казакамъ право самоуправленія. Казаки были раздѣлены на полки, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ полагалось быть лишь опредѣленному числу каза-

ковъ, занесенныхъ въ реестры или списки, почему они и получили названіе реестровыхъ. Во главѣ полковъ стояли полковники. Во главѣ-же всего казачества стоялъ гетманъ, избиравшійся на эту высокую должность самими казаками и утверждавшійся королемъ. Знаками его гетманскаго достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. Ниже гетмана стояла такъ называемая войсковая старшина, въ составъ которой входили судья, писарь, эсаулъ, полковники и др. должностныя лица.

Незадолго до Брестской уніи, въ 1590 году, польское правительство прибѣгло по отношенію къ малороссійскимъ казакамъ къ нѣкоторымъ стѣснительнымъ мѣрамъ. Наиболѣе чувствительною изъ нихъ было распоряженіе, объявлявшее всѣхъ, поселившихся на Украйнѣ, но не занесенныхъ въ реестры, простыми хлопами или крестьянами. Польское правительство, поселяя здѣсь пановъ и раздавая имъ земли, задумало отдать во власть этихъ пановъ и всѣхъ исключенныхъ изъ среды казачества. Сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы внести въ среду казачества извѣстный порядокъ, чтобы уничтожить причины, вызывавшія буйства и непріятные по своимъ послѣдствіямъ для государства своевольные набѣги на крымскія и турецкія владѣнія. Но постоянно увеличивавшаяся масса людей, выброшенныхъ изъ среды казачества, вступала въ нее въ свое время, желая спастись отъ тяжелой хлопской жизни, убѣгая отъ пановъ. Отвѣдавъ свободы, они не хотѣли, конечно, надѣвать на себя новаго ярма. Они убѣгали далѣе на югъ, въ сосѣдство съ татарами, за пороги Днѣпра, гдѣ за нѣсколько десятковъ лѣтъ до того одинъ изъ пановъ (Дмитрій Вишневецкій) построилъ укрѣпленіе на островѣ Хортицѣ и поселилъ на немъ казаковъ. Правда, ему пришлось вывести оттуда казаковъ подъ давленіемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, но указанная имъ дорога не забылась. Именно сюда и стали теперь усиленно направляться всѣ недовольные польскимъ правительствомъ. Вольные люди, селившіеся здѣсь, получили названіе запорожскихъ казаковъ, а самая мѣстность, ими заселенная, сдѣлалась извѣстной подъ именемъ Запорожской Сѣчи (Сѣчь по-малороссійски Січа).

Казаки, поселившіеся въ Січи, носили названіе „запорожцевъ“; а весь составъ ихъ назывался кошемъ. Они выбирали вольными голосами на „радѣ“ (сходкѣ) главнаго начальника, называемаго „кошевымъ атаманомъ“. Кошъ раздѣлялся на „курени“, и каждый курень состоялъ подъ начальствомъ выбраннаго „куренного атамана“. Поселенія низовыхъ казаковъ не ограничивались одною Січью. Въ разныхъ мѣстахъ на днѣпровскихъ островахъ и на берегахъ образовывались казацкія селитьбы и хутора. Такимъ образомъ, за порогами слагалось новое людское общество съ военнымъ характеромъ, населяемое выходцами и бѣглецами изъ Южной Руси, совершенно независимыми отъ властей, управлявшихъ

Южной Русью: пороги препятствовали этимъ властямъ добраться до поселенцевъ. (Костомаровъ).

Гнетъ правительства и притѣсненія со стороны пановъ мало-по-малу создали огромное число враговъ и правительства, и пановъ. Когда польское правительство задумало посягнуть и на свободный укладъ жизни, выработавшійся въ Запорожьѣ, начались казацкія возстанія. Казаки поднимались не только за свою свободу, но и за свободу всего русскаго народа, какъ гражданскую, такъ и религіозную. Начавшись незадолго до Брестской уніи, казацкія возстанія усилились еще болѣе послѣ ея провозглашенія. Цѣлый рядъ казацкихъ возстаній, подъ предводительствомъ Наливайки, Лободы, Тараса, Остраницы и др. вождей, кончились крупными неудачами для возставшихъ. Поляки отвѣчали на возстанія разореніями Сѣчи и еще болѣе сильными угнетеніями несчастныхъ хлоповъ, сочувствовавшихъ казакамъ. Но этотъ гнетъ способствовалъ лишь тому, что возстанія Украйны переставали быть исключительно казацкими, но сопровождались и возстаніями хлоповъ. Такимъ образомъ антипольское и антикатолическое движеніе становилось народнымъ движеніемъ, дѣломъ земскимъ.

Изъ всѣхъ казацкихъ возстаній наиболѣе грандіознымъ по своимъ размѣрамъ и важнымъ по своимъ послѣдствіямъ было то, руководителемъ котораго явился знаменитый Богданъ Хмельницкій.

Богданъ Хмельницкій, убѣдившись по собственному опыту въ томъ, что Украинѣ отъ поляковъ правды не дождаться, бѣжалъ въ Запорожье, безъ труда поднялъ здѣсь казачество, получилъ помощь отъ крымскаго хана и пошелъ противъ войскъ, выставленныхъ королемъ Владиславомъ IV. Въ 1648 году Хмельницкій одержалъ двѣ побѣды надъ поляками—при урочищѣ Желтыя Воды и при Корсунѣ. Побѣды Хмельницкаго произвели огромное впечатлѣніе. Въ отвѣтъ на вѣсть о нихъ вспыхнуло возстаніе на всемъ пространствѣ русскихъ земель, не исключая и Бѣлоруссіи, казалось, свыкшейся съ порабощеніемъ. Крестьяне избивали пановъ, ксендзовъ и евреевъ. При такихъ обстоятельствахъ умеръ польскій король Владиславъ, и въ преемники ему былъ выбранъ Янъ-Казиміръ. Послѣдній былъ вынужденъ заключить съ побѣдителями Зборовскій договоръ, на основаніи котораго казакамъ были сдѣланы извѣстныя уступки: такъ, напр., число реестровыхъ казаковъ было доведено до 40,000 человѣкъ, обѣщано было уничтожить сеймовымъ постановленіемъ церковную унію, допустить кіевскаго митрополита въ сенатъ и др.

Но Зборовскій договоръ оказался непрочнымъ. Поляки не исполняли его статей: не уничтожали уніи, кіевскаго митрополита не пустили въ сенатъ. Хмельницкому не легко было исполнить постановленіе о реестрѣ. Всѣ, непопавшіе въ реестръ, снова должны

были работать на пановъ. Война возобновилась, но перевѣсъ на этотъ разъ остался на сторонѣ поляковъ. Богданъ проигралъ битву подъ Берестечкомъ, благодаря измѣнѣ крымскаго хана, покинувшаго своего союзника въ самомъ разгарѣ битвы. Самъ Хмельницкій былъ захваченъ ханомъ въ плѣнъ и принужденъ выкупиться. Новый договоръ, заключенный подъ Бѣлою Церковью, былъ невыгоденъ для казаковъ, такъ какъ уменьшалъ число реестровыхъ казаковъ до 20,000 человѣкъ. Послѣ этого началось усиленное переселеніе малороссовъ за Днѣпръ, въ южные предѣлы Московскаго государства, гдѣ появились благодаря этой колонизаціи новые города: Сумы, Харьковъ и др.

При такихъ обстоятельствахъ, при непрекращавшемся волненіи въ народѣ, Богданъ Хмельницкій рѣшился искать помощи у царя Алексѣя Михайловича. Въ 1651 году Хмельницкій предложилъ царю принять Малороссію «подъ свою высокую руку». Алексѣй Михайловичъ не сразу согласился на просьбу Хмельницкаго. Москва вступила съ Польшей въ дипломатическіе переговоры, надѣясь при посредствѣ ихъ уладить дѣло, но эти сношенія не привели ни къ чему. Такъ какъ принятіе Малороссіи въ подданство неизбѣжно влекло за собой войну съ поляками, то Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ взять на одного себя отвѣтственности въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, а созвалъ въ 1653 году земскій соборъ. Лишь послѣ этого онъ рѣшилъ принять предложеніе Богдана Хмельницкаго.

Въ 1654 году Украйна принесла присягу на вѣрность Алексѣю Михайловичу. Число реестровыхъ было доведено до 60,000 человѣкъ. Малороссіи было оставлено ея самоуправленіе и старое общественное устройство. Гетману предоставлялось право вести самостоятельныя дипломатическія сношенія съ различными государствами, кромѣ крымскаго хана и польскаго короля.

76. Войны за Малороссію между Москвою и Рѣчью-Посполитою. За обладаніе Малороссіей Алексѣю Михайловичу пришлось вести двѣ войны съ Польшей. Первая изъ нихъ была замѣчательно удачна. Самъ царь находился во главѣ отряда, составлявшаго главныя силы и направленнаго въ Бѣлоруссію. Небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Бутурлина, пошелъ въ Малороссію на соединеніе съ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ Бѣлоруссіи города сдавались одинъ за другимъ. Русское войско прошло всю Бѣлоруссію до западныхъ границъ ея. Съ своей стороны, Богданъ Хмельницкій также успѣшно подвигался къ Польшѣ съ юго-запада и, наконецъ, дошелъ до границы малороссійскаго племени. Такимъ образомъ, вся Юго-западная Русь свергала съ себя польское господство и соединялась съ Московскимъ государствомъ. Хмельницкій вошелъ въ сношенія со Швеціей и втянулъ въ войну съ Поль-

шей шведскаго короля Карла X. Шведы завладѣли почти всею Польшей. Янъ-Казиміръ, лишенный средствъ къ сопротивленію, бѣжалъ въ Силезію. Отчаянное положеніе Польши осложнялось еще народнымъ волненіемъ — волненіемъ среди угнетенныхъ хлоповъ противъ пановъ. Казалось, что политическому существованію Польши приходилъ уже конецъ. Но гибель ея была отсрочена до конца слѣдующаго столѣтія. Спасли ее слѣдующія обстоятельства. Полякамъ удалось увѣрить Алексѣя Михайловича въ возможности овладѣть не только Московско-Литовскою частью Рѣчи-Посполитой, но и всею Польшей: они пообѣщали выбрать его въ свои короли послѣ смерти Яна-Казиміра. Это обстоятельство, въ свою очередь, разстраивало союзническія отношенія между Швеціей и Москвою, которая стала относиться къ шведамъ враждебно, какъ къ народу, посягающему на будущія владѣнія московскаго царя. Наконецъ, вмѣшалась въ это дѣло, въ качествѣ посредницы, и Австрія, толкавшая Россію въ войну со шведами. Удачный ходъ войны былъ нарушенъ. Польская шляхта воспрянула духомъ и стала отбирать обратно города, завоеванные русскими. Много повредили интересамъ русскаго дѣла и московскіе бояре, составившіе и здѣсь дурную славу своимъ корыстолюбіемъ и произволомъ. Напрасно Ордынъ-Нащокинъ взывалъ къ своимъ соотечественникамъ о необходимости гуманнаго отношенія къ западно-русскому населенію. Его не слушали. Результатомъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ было прекращеніе нами войны. Въ 1656 году Алексѣй Михайловичъ согласился на перемиріе съ поляками; на основаніи договора, заключеннаго въ Вильнѣ, Москва удержала за собою всю Малороссію и Бѣлоруссію. Поляки дали обѣщаніе выбрать царя въ короли по смерти Яна-Казиміра, а царь обѣщался защищать Польшу отъ ея враговъ. Западно-русское населеніе послѣ этого перемирія еще болѣе охладѣло къ Москвѣ.

Необдуманный Виленскій договоръ надѣлалъ много бѣдъ Россіи и еще большими грозилъ. Трудно описать весь ужасъ, который охватилъ Малороссію при извѣстіи о Виленскомъ договорѣ. По Малороссіи пошелъ слухъ, что царь православный предалъ полякамъ православную Украйну. Нелѣпый слухъ получалъ нѣкоторую долю вѣроятія, ибо московскіе бояре не допустили ни одного малороссіянина присутствовать при переговорахъ. Хмельницкій, узнавъ о договорѣ, писалъ Алексѣю Михайловичу: „Великій Государь, единый православный царь въ подсолнечной, вторично молимъ тебя—не довѣряй ляхамъ, не отдавай православнаго народа на поруганіе“. Хмельницкій предупреждалъ царя, что поляки обманываютъ его избраніемъ, что въ то же время они просили въ преемники Яну-Казиміру австрійскаго принца. И дѣйствительно, австрійскій посолъ Алегретти, склонившій Алексѣя Михайловича къ миру съ Польшею, очень хлопоталъ объ избраніи на польскій престолъ брата цезаря (Бѣловъ).

Богданъ Хмельницкій не долго прожилъ послѣ заключенія Виленскаго перемирія и скончался въ слѣдующемъ году.

Въ томъ же году, когда былъ заключенъ Виленскій договоръ, Алексѣй Михайловичъ началъ войну противъ шведовъ. Подобно Іоанну Грозному, онъ стремился овладѣть Балтійскимъ побережьемъ. Шведская война началась удачами для насъ, но подъ Ригой наше войско потерпѣло сильное пораженіе и было вынуждено отказаться отъ мысли о завоеваніи этого города. Такъ же неудачна была и осада Нотебурга (древняго Орѣшка, нынѣ Шлиссельбурга). Въ нашихъ рукахъ изъ наиболѣе видныхъ городовъ остался только Дерптъ (Юрьевъ). Между тѣмъ, Алексѣю Михайловичу пришлось очень скоро убѣдиться въ справедливости взгляда Хмельницкаго на поляковъ, такъ какъ на сеймѣ 1658 года они отвергли кандидатуру московскаго царя на польскій престолъ. Царь поспѣшилъ покончить съ войною, которая оказалась неудачной для насъ, но очень выгодной для поляковъ, успѣвшихъ оправиться отъ страшныхъ бѣдствій недавней войны. Сперва было заключено со шведами перемиріе въ деревнѣ Веліесарѣ (близъ Нарвы), по которому Россія удерживала за собою Дерптъ и др. города, а въ 1661 году былъ подписанъ и вѣчный миръ въ Кардисѣ, при чемъ мы были вынуждены отдать шведамъ все, что было завоевано у нихъ.

Между тѣмъ, въ Малороссіи, по смерти Богдана Хмельницкаго, начались смуты. Генеральный писарь (т. е. лицо, завѣдывавшее всѣми письменными дѣлами казачества) Виговскій добился того, что партія, сочувствовавшая ему, провозгласила его гетманомъ. Партія эта стояла за соединеніе съ Польшей и составляла меньшинство. Но масса народная, тянувшая къ православной Москвѣ, была недовольна этимъ избраніемъ. Выразителемъ ея взглядовъ былъ полтавскій полковникъ Пушкарь. Между двумя политическими партіями началась борьба. Отъ запорожцевъ, принадлежавшихъ къ большинству, явились въ Москву посланцы, которые жаловались на городового гетмана (гетмана украинскихъ или городовыхъ казаковъ) и заявляли отъ имени своего кошевого атамана [1]), что не вѣрятъ Виговскому, такъ какъ онъ не природный казакъ, а польскій шляхтичъ, взятый казаками въ плѣнъ въ битвѣ при Желтыхъ Водахъ. Съ своей стороны, Виговскій думалъ добиться цѣли съ помощью Морозова и другихъ московскихъ бояръ, обвинялъ враждебную ему массу въ нерадѣніи къ вѣрѣ и царской службѣ и прикидывался другомъ Москвы. Правда, противъ Виговскаго было отправлено изъ Москвы войско, подъ начальствомъ князя Трубецкого, но послѣднему, вопреки правдивымъ показаніямъ запорожцевъ, было предписано устроить примиреніе недовольныхъ съ нелюбимымъ ими Виговскимъ. Послѣдній, между тѣмъ, пользуясь продолжительными

Барабаша.

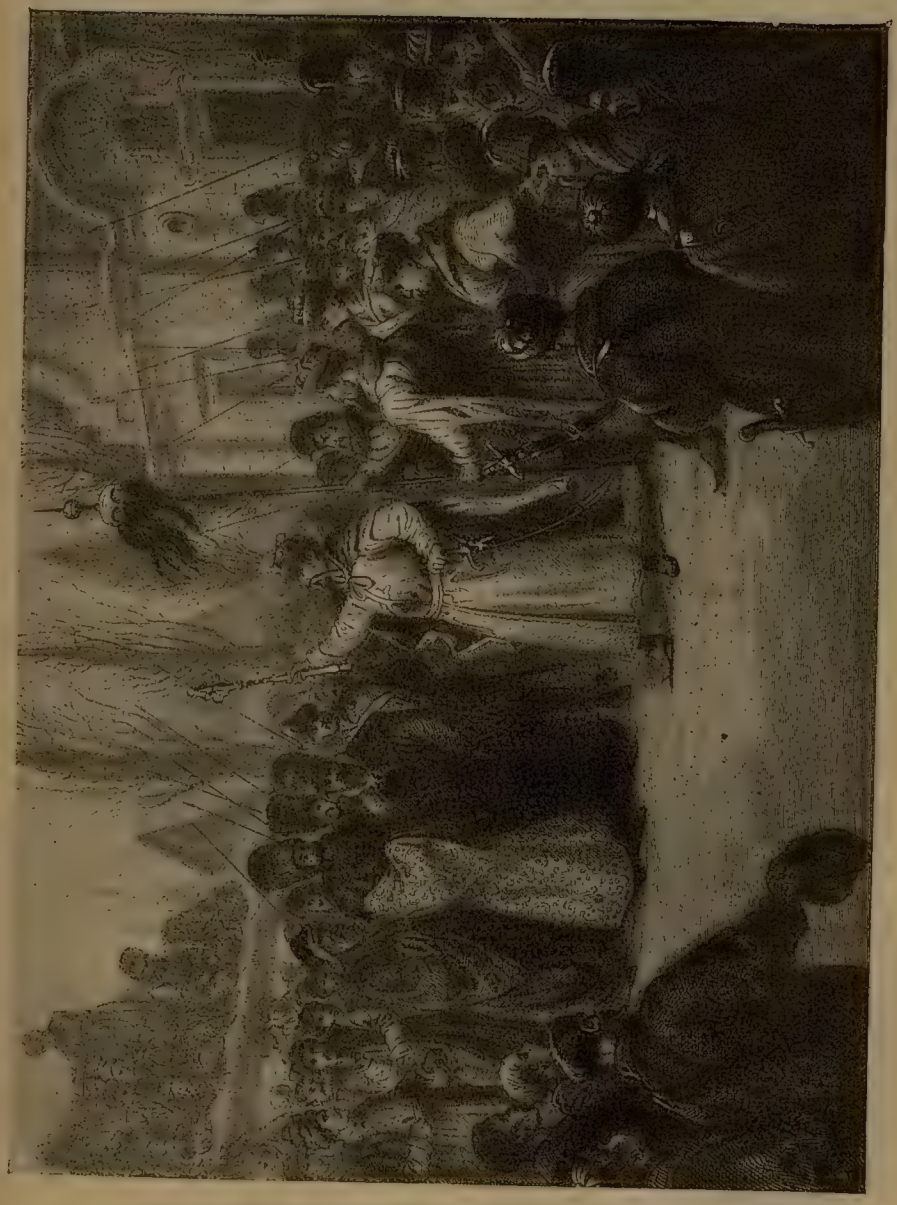


Рис. 56. Богданъ Хмельницкій, говорящій рѣчь въ Переяславѣ. (Рис. А. Шарлеманъ).

переговорами, разбилъ войско Пушкаря и убилъ послѣдняго, а затѣмъ заключилъ договоръ съ Польшей, по которому переходилъ на ея сторону на выгодныхъ для себя условіяхъ. Получивъ подкрѣпленіе отъ крымскаго хана, онъ нанесъ Трубецкому подъ Конотопомъ страшное пораженіе.

Когда правительство узнало объ этомъ пораженіи, никто изъ бояръ не осмѣлился объявить о немъ народу. Объявилъ о несчастіи, вопреки обычаю, самъ царь, вышедшій къ народу въ траурномъ одѣяніи.

Но противъ Виговскаго, немедленно по уходѣ крымскаго хана, поднялось все казачество, которое провозгласило гетманомъ Юрія Хмельницкаго, сына Богдана. Виговскій бѣжалъ въ Польшу.

Такъ какъ поляки, освободившіе свою страну отъ шведовъ и разсчитывавшіе на малороссійскія смуты, не исполняли своихъ обязательствъ и не желали уступать земель, завоеванныхъ Москвою, послѣдняя вступила съ Польшей во вторую войну. Во время этой войны Юрій Хмельницкій, бывшій ранѣе сторонникомъ Москвы, передался на сторону Польши. Мы потерпѣли большія неудачи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи и не могли удержаться на правомъ берегу Днѣпра. Вторая польская война закончилась въ 1667 году Андрусовскимъ перемиріемъ. По этому перемирію мы получили Смоленскъ, до того времени неоднократно переходившій изъ рукъ въ руки, и всю лѣвобережную Украйну; на правой сторонѣ за нами оставался Кіевъ, да и то только на 2 года.

Но и въ уступленной намъ поляками лѣвобережной Украйнѣ долго не наступало спокойствія. Призываемый честолюбивымъ гетманомъ польской Украйны Дорошенкомъ, турецкій султанъ Магометъ IV направилъ сюда свои войска для покоренія всей вообще Украйны, и польской, и русской. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича (1672) мы начали войну съ Турціей. Эта война закончилась уже въ царствованіе сына и преемника царя Алексѣя, Ѳеодора Алексѣевича [1]).

---

[1]) Рекомендуемъ ближе ознакомиться съ симпатичной личностью царя Алексѣя Михайловича, получившаго прозваніе Тишайшаго, по мастерской характеристикѣ, составленной проф. Платоновымъ. (Статьи по русской исторіи).

Эпоха преобразованій.

77. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. По смерти Алексѣя Михайловича на престолъ вступилъ четырнадцатилѣтній сынъ его Ѳеодоръ. Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ даровитымъ и по своему времени образованнымъ юношей—зналъ польскій и латинскій языки, слагалъ вирши, — но, къ сожалѣнію, обладалъ очень слабымъ здоровьемъ. Его царствованіе продолжалось всего 6 лѣтъ (1676—1682).

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича продолжало развиваться то культурное направленіе, ревностнымъ сторонникомъ котораго былъ бояринъ Ртищевъ. Воспитанникъ Симеона Полоцкаго, молодой царь сочувствовалъ кіевскимъ монахамъ и грекамъ. Не прекратилось при немъ и вліяніе Западной Европы, но оно проявлялось у насъ пока безъ всякой системы, касаясь только отдѣльныхъ лицъ.

На сколько еще было сильно невѣжество, показываетъ судьба боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. У Алексѣя Михайловича осталось двое сыновей — Ѳеодоръ и Іоаннъ — и шесть дочерей, рожденныхъ отъ Марьи Ильинишны Милославской. Дѣти Милославской, особенно же дочери ея, не любили Натальи Кирилловны Нарышкиной и ея дѣтей — Петра и Натальи. По смерти царя Алексѣя Михайловича вражда Милославскихъ къ Нарышкинымъ направилась прежде всего на Матвѣева, бывшаго воспитателемъ Натальи Кирилловны. На него возвели цѣлый рядъ нелѣпыхъ обвиненій; одно изъ нихъ было чрезвычайно опасно для него: враги его утверждали, что онъ, завѣдуя Аптекарскимъ приказомъ, отравилъ Алексѣя Михайловича. Слѣдствіе обнаружило такіе факты, которые совершенно уничтожали это обвиненіе. Каждое лѣкарство, направлявшееся къ царю Алексѣю Михайловичу, отвѣдывалъ сначала самъ докторъ, потомъ Матвѣевъ, за нимъ еще нѣсколько близкихъ къ государю людей, остатокъ же отъ пріема снова пилъ Матвѣевъ. Несмотря, однако, на эти факты, Матвѣева обвинили въ чернокнижіи или чародѣйствѣ и сослали въ Пустозерскій острогъ, расположенный на правомъ берегу р. Печоры, въ 40 верстахъ отъ моря. Невѣжественные люди вѣрили обвиненію, но имъ воспользовались, какъ поводомъ, Милославскіе, желавшіе удалить Матвѣева отъ двора. Милославскіе, сгубившіе Матвѣева, не долго удержали свое значеніе при государѣ. Оно перешло къ окольничему Языкову и стольнику Лихачеву, умнымъ, честнымъ и способнымъ людямъ. Извѣстное вліяніе имѣлъ и просвѣщенный князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Прежде всего новому правительству приходилось покончить съ малороссійскою смутой и заставить удалиться турокъ изъ Украйны. Здѣсь московскія войска въ тѣсномъ союзѣ съ гетманомъ нашей Украйны Самойловичемъ дѣйствовали противъ Дорошенки, а затѣмъ противъ турокъ и татаръ. Изъ военныхъ дѣлъ особенно замѣчательна была блестящая побѣда князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича надъ турками и татарами подъ Чигириномъ. Русскіе не только нанесли врагамъ пораженіе, но гнали ихъ на протяженіи пяти верстъ отъ мѣста битвы. Испуганные непріятели на другой же день ушли изъ подъ Чигирина; подъ городомъ осталось четыре тысячи непріятельскихъ труповъ. Но, упорно преслѣдуя свою цѣль, турки пришли на слѣдующій годъ подъ Чигиринъ еще въ большемъ количествѣ. На этотъ разъ мы потерпѣли неудачу. Турки разрушили городъ, но этимъ ихъ успѣхи и ограничились. Москва стремилась къ миру, не менѣе Москвы желала его и Турція, убѣдившаяся въ томъ, что эта война, стоившая большихъ жертвъ, даже въ случаѣ удачнаго конца, не могла принести большихъ прибылей. Въ 1681 году съ турками и татарами было заключено Бахчисарайское перемиріе, срокомъ на 20 лѣтъ. На основаніи договора наши враги обязались отказаться отъ притязанія на лѣвобережную Украйну и Запорожье. Такимъ образомъ московскому правительству удалось удержать вновь присоединенный край за собою.

Война наша съ турками вызвала нѣсколько волненій среди степныхъ варваровъ-инородцевъ какъ Европейской Россіи, такъ и Сибири. Дѣло дальнѣйшаго покоренія Сибири не было особенно труднымъ. Родовой бытъ дикарей, разбросанныхъ на огромныхъ пространствахъ, сильно облегчалъ это дѣло. Виновниками сибирскихъ возстаній бывали нерѣдко сами русскіе, слишкомъ притѣснявшіе туземцевъ и желавшіе, подобно Игорю, брать съ нихъ двойную дань. «Къ несчастью, говоритъ историкъ Соловьевъ — такихъ Игорей было много въ Сибири въ описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчиненіе туземцевъ, поднимали возстанія, заводили кровь, по старинному выраженію».

Изъ событій внутренней дѣятельности въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича наиболѣе замѣчательны: нѣкоторые указы, имѣвшіе въ виду смягченіе наказаній за уголовныя преступленія, отмѣна мѣстничества и проектъ Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ.

Царскими указами было запрещено отсѣкать руки и ноги ворамъ-рецидивистамъ, а велѣно ихъ высылать въ Сибирь на поселеніе. Въ ту, все еще жестокую, пору женъ, убившихъ своихъ мужей, и другихъ преступницъ зарывали въ землю, оставляя на поверхности ея лишь верхнюю часть туловища. Царь отмѣнилъ эти казни и замѣнилъ ихъ постриженіемъ виновныхъ въ монахини. Было из-

дано повелѣніе не томить въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ колодниковъ, а немедленно учинять надъ ними судъ и расправу. То же гуманное отношеніе къ людямъ вызвало и замѣчательный указъ того времени, запрещавшій въ челобитныхъ сравнивать царя съ Богомъ [1]). Но противъ раскольниковъ попрежнему принимались жестокія мѣры. Не желая отдаваться въ руки посылаемыхъ противъ нихъ командъ, не желая быть сожженными представителями власти, раскольники прибѣгали къ самосожженію.

Отмѣна мѣстничества стояла въ связи съ вопросомъ объ улучшеніи военнаго дѣла, который былъ поднятъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Разрѣшеніе вопроса о необходимыхъ военныхъ преобразованіяхъ было возложено на князя В. В. Голицына, съ участіемъ выборныхъ изъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей. Сознаніе недостатковъ въ нашемъ военномъ дѣлѣ появилось уже задолго до этого времени. Уже давно выписывались иностранные офицеры, составлялись русскіе полки съ новымъ строемъ и новыми названіями. Съ другой стороны, уже давно выяснился вредъ мѣстничества. Сознавая его, правительство со временъ Іоанна Грознаго издавало передъ походами повелѣніе «быть безъ мѣстъ». При царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были уже «безъ мѣстъ». Такимъ образомъ, совершенно естественною была мысль о томъ, чтобы всѣ походы безъ исключенія были «безъ мѣстъ».

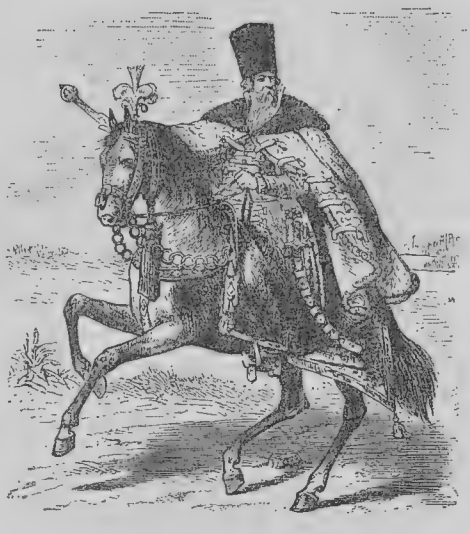


Рис. 57. Воевода.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи («сидѣньи») съ боярами, въ которомъ принимали участіе патріархъ и высшее духовенство, первый высказался противъ мѣстничества патріархъ, сравнивъ этотъ вредный

---

[1]) „Стольники, стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы! На выходахъ подаете челобитныя, а въ тѣхъ своихъ челобитныхъ пишете, чтобъ онъ, Великій Государь, пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ, и то слово въ челобитныхъ писать непристойно. Если кто впредь дерзнетъ такъ писать и тѣмъ за то отъ него Великаго Государя быть въ великой опалѣ". (Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. IV, № 120).

обычай съ «горчайшимъ источникомъ» и съ «терніемъ, подавлявшимъ пшеницу». Если бы, по словамъ патріарха, государю пришлось выслушать о всѣхъ случаяхъ вреднаго проявленія мѣстничества, «тобъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли». Отъ своего имени и отъ имени всего высшаго духовенства патріархъ принесъ государю благодарность за намѣреніе уничтожить мѣстничество. Бояре, окольничіе и думные люди выразили свое единомысліе съ духовенствомъ, «для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между нами (служилыми людьми) богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды». Послѣ этого государь заявилъ о своемъ намѣреніи сжечь всѣ разрядныя книги, т. е. тѣ книги, въ которыя заносились всѣ распоряженія правительства по военной и гражданской службѣ и всѣ мѣстническія дѣла, и просилъ, чтобы ему доставляли и всѣ частные списки ихъ и выписки изъ нихъ, которыхъ ожидала та же участь. На это всѣ присутствовавшіе отвѣчали: «да погибнетъ во огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!» Повелѣніе царя было исполнено.

Въ послѣднее время царствованія Ѳеодора Алексѣевича былъ составленъ проектъ высшаго училища или Академіи, въ которой преподавались бы свободныя науки — грамматика, риторика, піитика, діалектика и философія. Царь отправилъ къ восточнымъ патріархамъ просьбу о присылкѣ учителей. Академія—по проекту царя Ѳеодора—должна была не только давать высшее образованіе, но и блюсти за чистотою православія, быть не только учебнымъ заведеніемъ, но и своего рода инквизиціоннымъ трибуналомъ. Ей предположено было дать право подвергать сожженію не только вредныя съ православной точки зрѣнія книги, но и людей, хулящихъ православіе или измѣнившихъ ему. Такимъ образомъ наука призывалась Ѳеодоромъ на служеніе церкви; при Петрѣ Великомъ обстоятельства измѣнились, такъ какъ наука была призвана на служеніе государству. Проектированная царемъ Ѳеодоромъ Славяно-греко-латинская Академія была открыта послѣ его смерти; первыми учителями ея были призванные съ Востока ученые греки, братья Лихуды (Іоанникій и Софроній).

78. Московская смута 1682 года. По смерти Ѳеодора Алексѣевича на престолъ долженъ былъ бы вступить слѣдующій братъ его, Іоаннъ Алексѣевичъ, но онъ былъ боленъ, слѣпъ и слабоуменъ. Естественно, что патріархъ Іоакимъ и большинство бояръ, имѣвшихъ къ тому же и свои причины опасаться возвышенія Милославскихъ, что было бы неминуемо связано съ провозглашеніемъ Іоанна, рѣ-

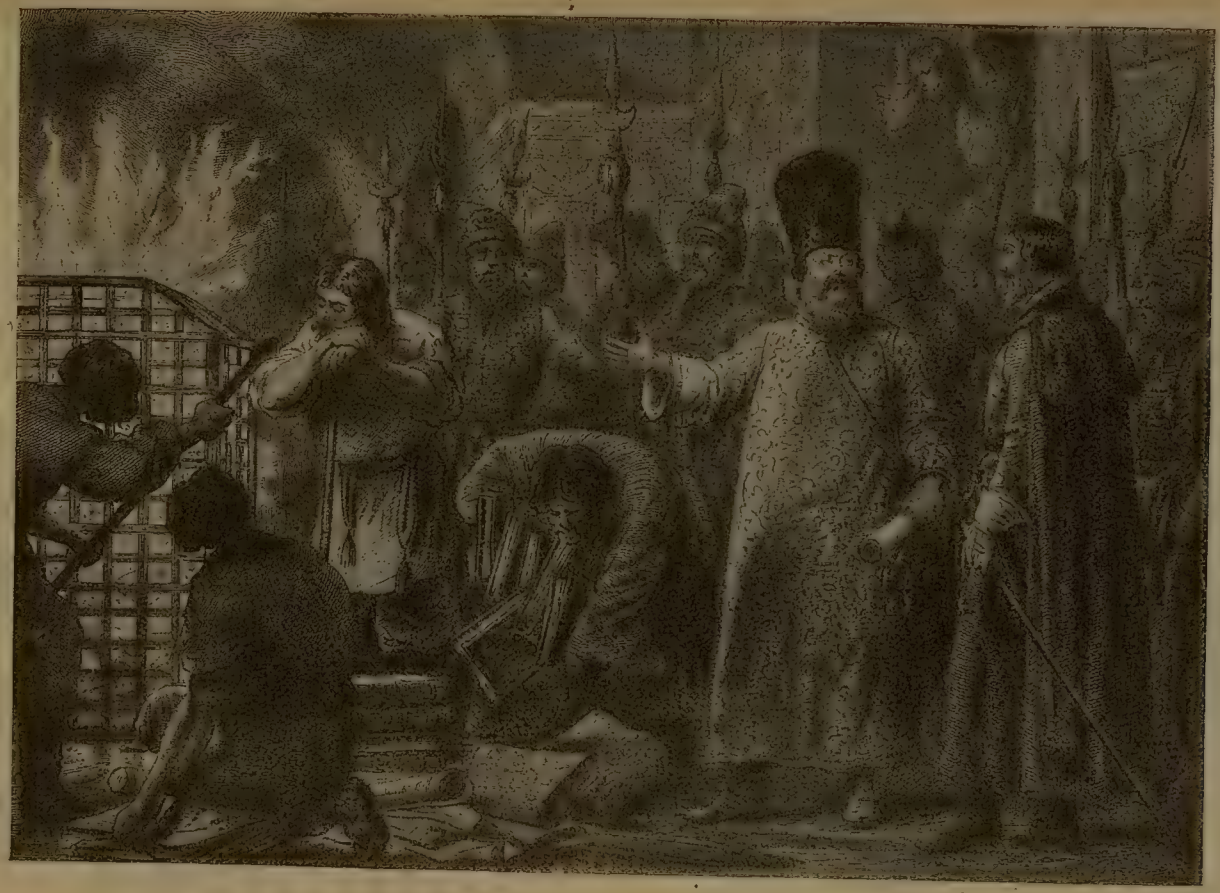


Рис. 58. Сожженіе разрядныхъ книгъ. (Рис. А. Шарлемань).

шили провозгласить царемъ десятилѣтняго сына царя Алексѣя и Натальи Кирилловны, здороваго, живого и даровитаго мальчика — Петра. Послѣ этого патріархъ съ высшими духовными лицами и боярами вышелъ къ народу, собравшемуся въ большомъ количествѣ, и спросилъ, кому изъ двухъ царевичей слѣдуетъ стать царемъ? Раздались крики за Петра и за Іоанна, но послѣдніе были заглушены первыми. Московскіе люди всѣхъ чиновъ рѣшили вопросъ и патріархъ, вернувшись во дворецъ, благословилъ на царство Петра. Вопросъ объ опекѣ не былъ поставленъ, но естественно разрѣшался въ пользу матери Петра, Натальи Кирилловны. Сила обстоятельствъ возвысила такимъ образомъ Нарышкиныхъ, что было жестокимъ ударомъ для Милославскихъ. Но положеніе Натальи Кирилловны скоро сдѣлалось очень шаткимъ. Она роздала своимъ родственникамъ почетнѣйшія должности при дворѣ, но они были людьми высокомѣрными и неспособными къ правленію. Наталья Кирилловна послала гонца къ Матвѣеву, чтобы призвать его въ Москву, но Матвѣевъ не торопился возвращеніемъ. Сама Наталья Кирилловна не имѣла ни опыта, ни способности къ правленію. Слѣдовательно, обстоятельства слагались очень благопріятно для ея враговъ.

Изъ дочерей Алексѣя Михайловича наиболѣе выдѣлялась своими способностями и властолюбіемъ царевна Софья Алексѣевна. Она болѣе другихъ сестеръ приблизилась къ царю Ѳеодору, ухаживала за нимъ во время его недуговъ, встрѣчалась съ боярами, прислушивалась къ бесѣдамъ на политическія темы и, какъ человѣкъ умный, принимала въ этихъ бесѣдахъ живое участіе. Она не могла примириться съ совершившимся фактомъ избранія Петра и не могла утаить своего огорченія. Возвращаясь изъ собора послѣ похоронъ любимаго брата, она горько плакала и обращалась къ народу съ такими словами: «видите, какъ братъ нашъ царь Ѳеодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ». Подобныя рѣчи должны были произвести на народъ сильное впечатлѣніе.

Софья Алексѣевна была личностью слишкомъ активною, чтобы выливать свое горе и досаду въ жалобныхъ словахъ, не принимаясь за дѣло. Для достиженія своей цѣли она рѣшилась прибѣгнуть къ возмущенію стрѣльцовъ, тѣмъ болѣе, что сдѣлать это было нетрудно. Стрѣлецкое войско и безъ того уже волновалось. Полковники и другіе начальники стрѣльцовъ очень дурно обращались съ ними: заставляли ихъ исполнять работы на себя, не выдавали имъ жало-

ванья и жестоко наказывали ихъ, когда тѣснимые ими обращались къ жалобамъ. Незадолго до этого времени управляли стрѣлецкимъ приказомъ престарѣлый и больной князь Юрій Долгоруковъ и, любимецъ царя Ѳеодора, Языковъ. Языковъ, бывшій въ сущности правителемъ приказа, не отходилъ въ послѣднее время отъ больного царя и на жалобы стрѣльцовъ отвѣчалъ приказаніемъ жестоко наказать жалобщиковъ. Какъ только былъ провозглашенъ Петръ, стрѣлецкіе полки отправили къ нему своихъ выборныхъ, чтобы принести ему жалобы на своихъ полковниковъ. Необходимо было прибѣгнуть къ разсмотрѣнію жалобъ, къ безпристрастному слѣдствію, но новое правительство не сдѣлало этого. Оно приказало схватить тѣхъ полковниковъ, на которыхъ приносились жалобы, и подвергнуть ихъ аресту. Но стрѣльцы не удовольствовались этимъ и требовали, чтобы полковники были выданы имъ живыми, т. е. предоставлены стрѣльцамъ для расправы по усмотрѣнію. Послѣ колебаній правительство согласилось на это ужасное требованіе. Патріархъ ужаснулся и отправилъ по стрѣлецкимъ полкамъ священниковъ съ увѣщаніями отказаться отъ своего требованія. Тогда правительство стало взыскивать съ полковниковъ причитавшіяся за ними деньги. Тѣхъ, кто не могъ уплатить, ставили на правежъ. На площади, гдѣ происходило истязаніе полковниковъ, тѣснились и подчиненные имъ стрѣльцы. Все это неизбѣжно разнуздало стрѣлецкое войско. Скоро стали выступать признаки исключительно тревожнаго состоянія, которое переживали стрѣльцы. Ежедневно они собирались толпами у своихъ съѣзжихъ избъ: здѣсь обсуждалось положеніе дѣлъ, слышались насмѣшки надъ боярами, слышались угрозы, направленныя по ихъ адресу. Этимъ-то тревожнымъ состояніемъ стрѣльцовъ и рѣшила воспользоваться Софья въ своихъ интересахъ. Наиболѣе дѣятельными помощниками ея были — князь Хованскій и Иванъ Милославскій. Хованскій утверждалъ стрѣльцовъ въ томъ мнѣніи, что бояре новаго правительства не только не будутъ выдавать имъ корму и денегъ, но обременятъ ихъ тяжкими налогами, подчинятъ ихъ иностранцамъ, сгубятъ Москву и искоренятъ православіе. Въ то же время другіе сторонники царевны Софьи сорили въ стрѣлецкой слободѣ деньгами и давали стрѣльцамъ самыя щедрыя обѣщанія. Теперь недовольство стрѣльцовъ обратилось уже на правительство. Они стали открыто говорить: «не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ, мы имъ всѣмъ шею свернемъ». Для мятежа было назначено 15 мая, день смерти царевича Дмитрія, имѣвшей такія печальныя послѣдствія.

Утромъ этого дня двое изъ сторонниковъ Софьи промчались по Стрѣлецкой слободѣ и прокричали ложную вѣсть о томъ, что Нарышкины задушили Іоанна. Забилъ набатъ, затрещали барабаны,

стрѣльцы заполошились, схватили знамена и пушки и двинулись въ Кремль. Царица, предувѣдомленная объ обстоятельствѣ, вызвавшемъ стрѣлецкій мятежъ, вышла на дворцовое крыльцо съ патріархомъ и боярами и вывела изъ дворца обоихъ царевичей. Наличность живого и невредимаго Іоанна обезоружила стрѣльцовъ. Они поняли, что сдѣлались жертвами обмана. Но, такъ какъ, допустивъ стрѣльцовъ уйти обратно, легко было утратить всякую возможность новаго возмущенія ихъ, сторонники Софьи стали кричать о необходимости требовать выдачи Матвѣева и Нарышкиныхъ, ихъ недоброжелателей, и другихъ ненавистныхъ стрѣльцамъ бояръ. Спокойная и кроткая рѣчь Матвѣева, совсѣмъ, было, образумила мятежниковъ. Но враги установившагося порядка направили къ Красному крыльцу самыхъ буйныхъ стрѣльцовъ и кромѣ того получили помощь оттуда, откуда ея не ожидали. Сынъ стараго и больного Долгорукова, видя, что стрѣльцы успокаиваются, вздумалъ, было, разыграть передъ правительствомъ роль начальника-усмирителя и загладить большую вину, заключавшуюся въ допущеніи мятежа. Его брань и угрозы раздражили стрѣльцовъ, которые терпѣть не могли этого человѣка. Разъяренные, они кинулись на Долгорукова и сбросили его съ крыльца на острыя копья своихъ товарищей. Первая пролившаяся кровь рѣшила все дѣло. Мятежники убили Матвѣева и бросились въ царскія палаты — искать другихъ «измѣнниковъ». Наталья Кирилловна при видѣ этихъ ужасныхъ сценъ, схвативши за руку своего десятилѣтняго сына Петра, укрылась съ нимъ въ Грановитую палату. Перерывъ все въ дворцовыхъ комнатахъ, они совершили убійство и въ самомъ дворцѣ, при чемъ убили младшаго Салтыкова вмѣсто одного изъ Нарышкиныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ спрятался подъ престоломъ въ церкви Воскресенія; его вытащили оттуда и на паперти разрубили на части. Другого изъ Нарышкиныхъ убили за Москвою-рѣкою въ его собственномъ домѣ. Въ послѣдній день мятежа, продолжавшагося цѣлыхъ три дня, стрѣльцы добились выдачи брата Натальи Кирилловны, Ивана, самаго нелюбимаго изъ семьи Нарышкиныхъ. Его не спасла и та икона, которую, по совѣту перепуганной размѣрами мятежа Софьи, дали ему въ руки, въ той надеждѣ, что мятежники остановятся передъ святыней. Мятежники, однако, не смутились и, измучивъ несчастнаго Ивана Нарышкина, убили его. Когда мятежъ уже утихъ, пришли къ царю Петру выборные отъ стрѣльцовъ съ просьбою постричь въ монахи его дѣда, Кирилла Нарышкина. Послѣ этого стрѣльцы потребовали огромную сумму денегъ. Такъ какъ требуемой суммы въ казнѣ не было, пришлось начать сборы по всему государству, отбирая даже серебряную посуду, чтобъ изъ нея начеканить денегъ. Послѣ этого было выставлено стрѣльцами требованіе, чтобы царствовали вмѣстѣ оба царя. Были собраны

патріархъ и весь освященный соборъ, бояре и выборные изъ разныхъ чиновъ людей города Москвы. Разсуждая подъ вліяніемъ страха передъ новымъ мятежомъ, совѣтные люди нашли двоевластіе даже очень полезнымъ, напр., въ случаѣ войны: одинъ изъ царей отправится на войну, другой останется во главѣ управленія. Нашли въ исторіи подходящіе и неподходящіе примѣры: говорили объ Аркадіи и Гоноріи, Василіи и Константинѣ, Іосифѣ и Фараонѣ, и про-

Рис. 59. Царица Наталья Кирилловна.

возгласили царями Іоанна и Петра; при чемъ стрѣльцы требовали, чтобы Іоаннъ считался первымъ царемъ, а Петръ — вторымъ. Очевидно, дѣлалось это съ цѣлью умалить значеніе Натальи Кирилловны. Въ довершеніе тѣ же стрѣльцы, ставшіе хозяевами положенія, потребовали, чтобы правительницею государства была объявлена Софья. Она стала, было, отказываться, но въ заключеніе, наконецъ, согласилась. Во всѣ города были отправлены извѣстительныя гра-

моты съ примѣромъ изъ Римской исторіи, гдѣ, послѣ смерти императора Ѳеодосія, въ малолѣтство сыновей его, Аркадія и Гонорія, управляла государствомъ ихъ сестра Пульхерія. Такъ властолюбивая царевна Софья Алексѣевна достигла своей цѣли.

79. Правленіе царевны Софьи Алексѣевны. Достигнувъ своей цѣли, царевна Софья щедро наградила стрѣльцовъ, увеличила ихъ жалованье и предоставила ихъ выборнымъ право являться къ ней по своимъ дѣламъ безпрепятственно. Съ ея разрѣшенія стрѣльцы воздвигли на томъ мѣстѣ, гдѣ заканчивалась ихъ расправа съ мнимыми измѣнниками, высокій каменный столбъ; къ подножью его были прибиты доски съ именами ихъ жертвъ.

Начало правленія Софьи ознаменовалось раскольничьимъ волненіемъ въ Москвѣ. Преслѣдуемое ученіе находило себѣ все новыхъ и новыхъ послѣдователей. Не мало приверженцевъ раскола таилось между боярами, ихъ женами, торговыми и посадскими людьми; были они и между стрѣльцами. Самъ князь Хованскій, сдѣлавшійся начальникомъ Стрѣлецкаго приказа, былъ тайнымъ, но горячимъ приверженцемъ протопопа Аввакума. Покровительствуемые Хованскимъ, расколоучители свободно ходили по Стрѣлецкой слободѣ и увеличивали число своихъ послѣдователей.

Обсудивъ вопросы о «старой» и «новой» вѣрѣ въ своихъ собраніяхъ, стрѣльцы подали челобитную съ требованіемъ отъ властей отвѣта, «за что они старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ Князехъ и Царехъ и пяти Россійскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую Латино-Римскую вѣру, по своей волѣ, а не по Божьей сотворенную». Въ челобитной была высказана и просьба къ царямъ и патріарху, чтобы они назначили общенародное преніе о вѣрѣ на Красной площади или между соборами Кремля. Въ качествѣ главнаго лица въ предстоящемъ преніи былъ избранъ придерживавшійся раскола священникъ Никита, прозванный противниками Пустосвятомъ. Поощряемые Хованскимъ раскольники ходили по улицамъ Москвы, проповѣдуя, чтобы люди не посѣщали осквернennыхъ Никономъ церквей, не поклонялись четырехконечному кресту, такъ какъ крестъ этотъ — печать Антихриста, и т. под.

Софья благоразумно назначила мѣстомъ пренія не площадь, а Грановитую палату. Когда раскольники пришли сюда, то застали уже прибывшихъ ранѣе царевенъ съ правительницею Софьей во главѣ и царицу Наталью Кирилловну. Здѣсь же былъ патріархъ съ высшимъ духовенствомъ, а также бояре, выборные стрѣльцы и многіе другіе. Въ сущности никакого пренія не было. Напрасно патріархъ показывалъ Никитѣ Пустосвяту и его сторонникамъ евангеліе, писанное св. Алексѣемъ, митрополитомъ московскимъ, пергаментныя рукописи и первопечатныя книги. Раскольники не слушали

его и твердили одно и то же. Дѣло затянулось съ утра до вечерни. Всѣ утомились и проголодались. Софья объявила наконецъ собраніе закрытымъ, прибавивъ, что царскій указъ по этому дѣлу будетъ изданъ въ свое время. Послѣ выхода изъ палаты особъ царствующей фамиліи и духовенства, раскольники выбѣжали изъ нея, поднимая руки съ двуперстнымъ сложеніемъ и громко возглашая о своей мни-

Рис. 60. Царевна Софья.

мой побѣдѣ. Послѣ этого они стали распространять свое ученіе еще съ большимъ увлеченіемъ.

Софья поняла опасный характеръ движенія и рѣшила подавить его. При посредствѣ выборныхъ отъ стрѣлецкаго войска, благодаря подаркамъ, милостямъ и щедрому угощенію, ей удалось порвать связь между расколоучителями и стрѣльцами. Вскорѣ за этимъ послѣдо-

вала и расправа. Никитѣ Пустосвяту отрубили голову, а нѣкоторыхъ изъ его товарищей, по настойчивымъ просьбамъ Хованскаго, разослали по монастырямъ на покаяніе; остальные разбѣжались. Въ виду оффиціальнаго осужденія раскола, какъ ереси, тайные послѣдователи его были вынуждены скрывать свой образъ мыслей. Такъ было покончено съ серьезнымъ раскольничьимъ движеніемъ благодаря смѣлости и энергіи правительницы.

Но стрѣльцы, разъ поднятые царевной, не унимались. Хованскій сумѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на нихъ. Стрѣльцы своевольничали и держали правительство въ постоянной тревогѣ. Хованскій потакалъ имъ во всемъ. Дружба Хованскаго со стрѣльцами сильно смущала правительство. Софья, сама добившись власти при посредствѣ стрѣльцовъ, охотно вѣрила всѣмъ слухамъ о начальникѣ Стрѣлецкаго приказа, которые доходили до нея. А слухи эти говорили, что Хованскій, не разъ выставлявшій свое происхожденіе отъ Гедимина, стремился при помощи стрѣльцовъ захватить въ свои руки верховную власть. И въ дѣлѣ Хованскаго правительница проявила ту же рѣшимость, которую выказала при подавленіи раскольничьяго волненія. Выѣхавъ съ царями изъ Москвы, она остановилась, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ по разнымъ мѣстамъ, въ селѣ Воздвиженскомъ и стала призывать отсюда служилыхъ людей изъ Владиміра, Суздаля и другихъ близкихъ городовъ въ Москву, чтобы защищать царей, которымъ грозитъ смертью измѣна князя Хованскаго. Здѣсь состоялось судебное засѣданіе; на немъ обвинили Хованскаго въ измѣнѣ и составили приговоръ: казнить смертью князя Ивана Хованскаго и сына его Андрея. Приказано было схватить Хованскихъ и доставить ихъ въ Воздвиженское. Когда они были доставлены сюда, дьякъ Шакловитый прочиталъ подробное исчисленіе ихъ преступленій и грозный приговоръ въ такихъ выраженіяхъ: «и великіе государи указали васъ, князь Иванъ и князь Андрей Хованскихъ, за такія ваши великія вины, и за многія воровства, и за измѣну казнить смертію». Приговоръ былъ исполненъ. Когда извѣстіе о казни Хованскихъ дошло до стрѣльцовъ, Софья переѣхала за крѣпкія стѣны Троице-Сергіевскаго монастыря, созвала большое ополченіе вокругъ Москвы. Потребованные правительницей выборные отъ стрѣлецкихъ полковъ явились къ ней и, такъ какъ имъ предстоялъ выборъ между позорною смертью и полнымъ повиновеніемъ, предпочли послѣднее. Въ поданной ими «сказкѣ» они обѣщали за себя и за всѣ стрѣлецкіе полки «служить и работать великимъ государямъ неизмѣнно, безъ всякой шатости»... За первой повинною была подана вторая, написанная отъ всѣхъ полковъ. Буйные стрѣльцы были усмирены. Каменный столбъ, поставленный ими на Красной площади, былъ разрушенъ.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ въ правленіе царевны Софіи наиболѣе важнымъ событіемъ было заключеніе съ Польшею «вѣчнаго» мира въ 1686 году [1]). Этотъ миръ окончательно прекратилъ долголѣтнюю борьбу Москвы съ Польшей за Малороссію. Вызванъ онъ былъ необходимымъ для Польши союзомъ съ Москвою. Въ это время Польша вела въ союзѣ съ Австріей и Венеціей войну съ турками; Москва была необходима для того, чтобы отвлечь силы крымскаго хана, союзника Турціи. По вѣчному миру были окончательно уступлены намъ лѣвобережная Украйна и г. Кіевъ. Вѣрная союзу, Софья два раза посылала войско противъ крымскихъ татаръ. Предводителемъ въ обоихъ походахъ былъ любимецъ Софьи, князь В. В. Голицынъ, но оба они были неудачны для насъ. Главными причинами неудачъ были степи и отсутствіе воды.

Къ правленію царевны Софьи относится нашъ договоръ съ Китаемъ, заключенный въ Нерчинскѣ. Мы уступали китайцамъ по этому договору берега р. Амура, завоеванные казаками.

80. Воспитаніе Петра Великаго и сверженіе царевны Софьи. Петру Великому шелъ четвертый годъ, когда скончался его отецъ, Алексѣй Михайловичъ. Отношенія, установившіяся между Натальей Кирилловной и воцарившимся ея пасынкомъ, принудили ее покинуть Москву и удалиться въ подмосковное село Преображенское. Въ удаленіи этомъ заключалась большая выгода для малолѣтняго царевича, такъ какъ оно поставило его въ исключительно благопріятныя условія. Прежніе царевичи воспитывались въ душной атмосферѣ столичнаго дворца. Ихъ жизнь складывалась по-неволѣ очень неблагопріятно для ихъ физическаго и умственнаго развитія. Кругъ ихъ товарищей былъ ограниченъ и однообразенъ. Петръ воспитывался на чистомъ, вольномъ воздухѣ. Съ раннихъ лѣтъ онъ видѣлъ передъ собою безграничную даль полей, а, подрастая, находилъ себѣ все новыхъ и новыхъ товарищей, жившихъ, какъ и онъ, въ благодѣтельной обстановкѣ сельской жизни. Но, говоря о благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекало дѣтство Петра, необходимо имѣть въ виду, что одними этими условіями еще не объясняется характеръ личности Петра. Необходимо помнить, что Петръ Великій былъ исключительною, геніальною личностію.

Первымъ учителемъ Петра былъ дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. То обстоятельство, что именно Зотову было ввѣрено это дѣло, свидѣтельствуетъ въ пользу наставника. Первыми и главными предметами ученія были Часословъ, Псалтырь и Евангеліе. Изученіе Св. Писанія оставило по себѣ глубокіе слѣды, такъ какъ Петръ Великій и впослѣдствіи часто и на словахъ, и письменно приводилъ

[1]) Въ указѣ, объявлявшемъ о вѣчномъ мирѣ съ Польшею, царевна Софія впервые назвала себя „благовѣрною государынею, царевной и самодержицею“.

изъ него мѣста, свидѣтельствующія о прекрасномъ усвоеніи матеріала, бывшаго предметомъ его перваго обученія. Повидимому, вмѣстѣ съ грамотою Петръ учился и пѣнію, такъ какъ на всю жизнь сохранилъ охоту и способность пѣть на клиросѣ и читать за обѣднею Апостола. Преимущество Зотова передъ другими педагогами выразилось въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ наглядному пріему преподаванія. По его совѣту и указаніямъ, для царевича пріобрѣтались въ большомъ количествѣ такъ называемые потѣшные листы иностранной работы. Раскрашивались эти листы красками и золотомъ и въ придворныхъ мастерскихъ. На этихъ листахъ дѣлались изображенія различныхъ городовъ, замѣчательныхъ сооруженій, большихъ кораблей, битвъ и всякихъ историческихъ событій. По картинамъ или потѣшнымъ листамъ изучилъ Петръ Великій и отечественную исторію. Малолѣтній ученикъ обнаруживалъ необычайную любознательность, постоянно ставилъ вопросы, легко усваивалъ объясненія и нерѣдко озадачивалъ наставника, не могшаго вполнѣ удовлетворить любознательности своего ученика.

Одновременно съ ученіемъ шли дѣтскія игры. Ему часто изготовляли луки, стрѣлы и другіе предметы вооруженія и вообще обихода военной жизни. Были у него потѣшный деревянный шатеръ и потѣшная изба. Все это было необходимо для игры въ солдаты, въ которой принимали участіе его сверстники, «робятки» изъ родственниковъ и дѣтей боярскихъ. Военныя игры Петра пріобрѣтали постепенно все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Когда ему исполнилось 11 лѣтъ, онъ занимался со своими сверстниками, подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, «потѣшной огнестрѣльной стрѣльбою». Скоро вмѣсто деревянныхъ пушекъ появились у нихъ мѣдныя и желѣзныя. За ними появилась и военная музыка. Такъ постепенно пришелъ Петръ къ мысли составить себѣ въ Преображенскомъ особый полкъ, вызвавъ охотниковъ для своей потѣшной службы. Первымъ на этотъ призывъ явился придворный конюхъ Бухвостовъ, который и былъ записанъ, какъ первый солдатъ формировавшагося полка. Примѣру Бухвостова послѣдовали и другіе охотники изъ придворныхъ служителей. Такимъ образомъ возникъ нашъ первый гвардейскій полкъ, получившій отъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія названіе Преображенскаго. Самъ Петръ началъ въ немъ свою военную службу со скромнаго званія бомбардира. Для надлежащаго устройства новаго полка нужны были свѣдущіе руководители, а таковыми были иностранные офицеры, проживавшіе въ Нѣмецкой слободѣ. Почти всѣ первые офицеры Преображенскаго полка были поэтому иностранцы.

Такъ образовались у Петра Великаго связи съ Нѣмецкою слободою, этимъ микрокосмомъ Западной Европы, расположеннымъ подъ

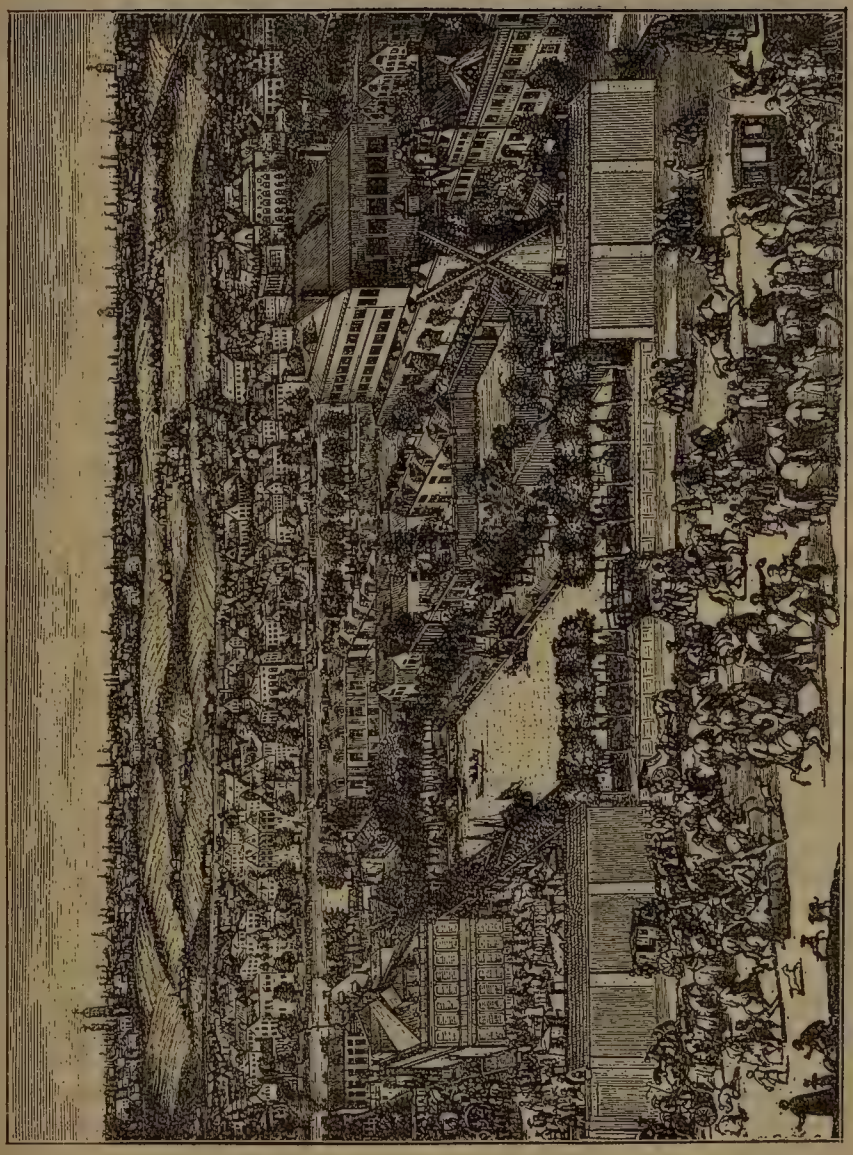


Рис. 61. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ.

самою Москвою. И Нѣмецкая слобода неизбѣжно должна была оказать свое, и притомъ сильное, вліяніе на геніальную личность Петра. Иностранцы, проживавшіе въ ней, оказались весьма полезными ему въ другой его затѣѣ. Какъ-то, бродя по селу Измайловскому и найдя въ одномъ заброшенномъ сараѣ англійскій ботъ, Петръ обратился къ другой затѣѣ, имѣвшей столь же важныя послѣдствія, какъ и его игра въ солдаты. Катаясь на англійскомъ ботѣ, который былъ исправленъ для него однимъ изъ иностранныхъ мастеровъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ, по Переяславскому озеру, Петръ постигъ всю прелесть этого развлеченія и принялся за постройку судовъ. Такъ просто пришелъ Петръ Великій къ мысли о созданіи русскаго флота.

Конечно, жизнь молодого Петра не протекала въ однѣхъ забавахъ. Заинтересованный астролябіей, привезенной ему изъ за границы въ подарокъ однимъ изъ вельможъ, Петръ у тѣхъ же иностранцевъ Нѣмецкой свободы выучился ариѳметикѣ, геометріи и другимъ предметамъ.

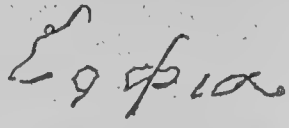
Такъ постепенно приготовлялся Петръ къ тому великому дѣлу, которое призывало его къ себѣ [1]).

Царевна Софья не скрывала своихъ стремленій. Всѣмъ было очевидно, что она желаетъ удержать верховную власть въ своихъ рукахъ. Она, повидимому, не считала Петра серьезнымъ для себя соперникомъ. Между тѣмъ, для достиженія своей цѣли она уже не находила болѣе со стороны стрѣльцовъ того сочувствія, съ которымъ содѣйствовали они осуществленію ея плановъ въ 1682 году. Неудача крымскихъ походовъ естественно вызвала недовольство правительствомъ. Петръ, съ другой стороны достигъ уже такого возраста, который ставилъ рѣшительный вопросъ объ его правахъ. Значеніе Нарышкиныхъ стало замѣтно выростать. Столкновеніе ихъ съ Милославскими, столкновеніе брата и сестры стали неизбѣжными. Царевна вѣрила слухамъ о томъ, что ея братъ собирается итти противъ нея во главѣ своихъ «потѣшныхъ». Петръ, съ своей стороны, повѣрилъ тому, что поднятые царевною стрѣльцы намѣрены напасть на Преображенское и умертвить царя съ его матерью. Этотъ послѣдній слухъ, сообщенный Петру преданными ему лицами изъ среды стрѣльцовъ, побудилъ его прямо съ постели вскочить на лошадь и искать спасенія за крѣпкими стѣнами Троице-Сергіевской лавры. Вскорѣ сюда прибыли всѣ Нарышкины, всѣ сторонники Петра изъ знатныхъ и чиновныхъ лицъ, «потѣшные» и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ. Изъ лавры Петръ потребовалъ у Софьи объясненій

---

[1]) Рекомендуемъ книгу М. П. Погодина „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго“.

по поводу сформированной ею въ Москвѣ вооруженной силы и призывалъ къ себѣ представителей отъ всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. Удержавъ стрѣльцовъ отъ исполненія этого приказа, Софья отправила къ брату патріарха Іоакима въ качествѣ посредника. Но патріархъ, бывшій на сторонѣ Петра, остался съ нимъ. Петръ снова потребовалъ къ себѣ представителей отъ стрѣльцовъ и тяглаго населенія Москвы. Стрѣльцы исполнили на этотъ разъ волю царя, не обращая болѣе вниманія на Софью. Тогда она сама направилась въ лавру, чтобы личнымъ свиданіемъ съ братомъ уладить все происшедшее. Но Петръ не принялъ ея. Послѣ этого всѣ стрѣльцы перешли на сторону Петра и выдали ему своего начальника Шакловитаго, сторонника царевны. За выдачей Шакловитаго послѣдовалъ и добровольный переходъ на сторону Петра близкаго Софьѣ человѣка, князя В. В. Голицына. Князь былъ сосланъ, Шакловитый и его соумышленники казнены, Софья поселилась, по требованію брата, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ Москвою, но не приняла монашества. Такъ кончилось ея правленіе въ 1689 году, и верховная власть перешла въ руки двухъ братьевъ, при чемъ фактически ею пользовался только младшій братъ, Петръ Великій.



81. Азовскіе походы. Величайшимъ дѣломъ Петра Великаго было то, что онъ пріобрѣтеніемъ Балтійскаго побережья «прорубилъ окно въ Европу». Но не сразу великій государь напалъ на мысль объ этомъ славномъ дѣлѣ своего царствованія. Сперва онъ работалъ въ совершенно противоположномъ направленіи, мечтая утвердиться на берегахъ Азовскаго моря. Къ этому побуждали Петра сами историческія обстоятельства. Царевна Софья вступила въ союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей, называвшійся «священною лигою». Оба похода, направленные ею противъ крымцевъ, окончились неудачно для насъ. Но походами этими война, предпринятая нами противъ турокъ, не кончилась. Петръ Великій и рѣшилъ продолжать ее и добиться благопріятнаго для Россіи результата. Къ продолженію этой войны подстрекалъ и патріархъ іерусалимскій.

Въ 1695 году Петръ предпринялъ первый Азовскій походъ. Онъ подплылъ къ городу, загораживавшему выходъ къ морю. Возможность подойти къ Азову далась не легко: пришлось много поработать. Петръ особенно жаловался на «глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба». Несмотря на это, Петръ твердо вѣровалъ въ

успѣшность предпріятія («несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ»). При осадѣ города онъ проявлялъ изумительную дѣятельность: самъ чинилъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ. Но на этотъ разъ страшныя усилія Петра не увѣнчались успѣхомъ. Главная причина неудачи заключалась въ томъ, что турки получали моремъ подкрѣпленія. Не было у насъ и хорошихъ инженеровъ. Насколько была трудна эта осада, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ царскаго письма: «пѣшіе наклонясь ходили, потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются; однако, и гнѣздо ихъ помаленьку сыплется». Видя, что Азова на этотъ разъ не взять, царь отступилъ отъ него.

Ужъ и безъ того многіе русскіе люди были недовольны сближеніемъ царя съ иностранцами, а царь, по возвращеніи изъ похода, послалъ въ Австрію и Пруссію за инженерами и выписалъ изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ. Онъ рѣшилъ построить за зиму необходимое число кораблей. Небывалая работа закипѣла въ Воронежѣ и другихъ обильныхъ лѣсомъ мѣстахъ, расположенныхъ близъ Дона. Ею были заняты 26,000 работниковъ, которые обязаны были къ веснѣ слѣдующаго года изготовить необходимое количество струговъ, лодокъ и плотовъ. Тогда же былъ назначенъ начальникомъ сухопутнаго войска бояринъ Шеинъ. Во время этихъ спѣшныхъ приготовленій незамѣтно, какъ и жилъ, умеръ царь Іоаннъ V Алексѣевичъ, и Петръ остался единодержавнымъ государемъ.

Походъ 1696 г. вознаградилъ Петра за его труды. Нашъ флотъ загородилъ въ устьяхъ Дона дорогу турецкому флоту и отрѣзалъ такимъ образомъ Азовъ отъ моря. Не медля, царь приступилъ къ осадѣ. Его сестра, Наталья Алексѣевна, совѣтовала ему быть осторожнѣе, беречь себя. Петръ отвѣчалъ ей: «по письму твоему (т. е. согласно съ твоимъ наказомъ на письмѣ) я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они по мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помощь пришли, да къ намъ не идутъ, я чаю, что желаютъ насъ къ себѣ». Городскіе дома были разбиты нашими пушками, а когда пріѣхали выписанные царемъ австрійскіе инженеры, артиллеристы и минеры, стали разрушаться и городскія укрѣпленія. Петръ уже сдѣлалъ распоряженіе о взятіи города штурмомъ, но турки объявили о своей готовности сдаться, выговаривая себѣ позволеніе покинуть городъ въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и своими пожитками. Это условіе было принято, и Азовъ сталъ нашимъ.

Петръ Великій задумалъ отпраздновать въ Москвѣ достойнымъ образомъ свою побѣду надъ турками, такъ какъ «достоинъ есть дѣлатель мзды своея». Въ этомъ торжествѣ сказалось вліяніе Запада.

Рис. 62. Сухарева башня (построена въ Москвѣ Петромъ Великимъ въ честь Сухаревскаго стрѣлецкаго полка).

Для прохожденія войскъ были устроены въ Москвѣ «тріумфальные порты» (т. е. ворота). На верху воротъ среди знаменъ и оружія было поставлено изображеніе двуглаваго орла. Ворота были украшены статуями Геркулеса и Марса, съ подходящими къ случаю надписями. По обѣимъ сторонамъ воротъ были поставлены картины: на одной было изображено морское сраженіе, на другой — сухопутное.

Осенью того же года совершилось вступленіе въ столицу побѣдоноснаго войска. Во главѣ его были адмиралъ Лефортъ, другъ царя, иностранецъ Нѣмецкой слободы, и генералиссимусъ Шеинъ. Самъ царь шелъ пѣшкомъ за раззолоченными санями адмирала въ званіи капитана Петра Алексѣева. На верхушкѣ тріумфальныхъ воротъ помѣстился Виніусъ и говорилъ оттуда въ рупоръ вирши въ честь побѣдителей. Послѣ этого были розданы награды главнымъ участникамъ похода.

Петръ озаботился заселеніемъ опустѣвшаго Азова и порѣшилъ заняться постройкой необходимаго для Россіи флота. На этотъ разъ строеніе судовъ было возложено на общество. Духовные и свѣтскіе землевладѣльцы были обязаны соединяться для этого дѣла въ особыя группы или «кумпанства». Во всѣ кумпанства были разосланы инвентари необходимыхъ предметовъ и чертежи корабельныхъ частей. Кромѣ русскихъ плотниковъ каждому кумпанству было вмѣнено въ обязанность содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, а также и лѣкаря съ аптекой.

82. Первое путешествіе Петра Великаго за границу. Чтобы повидать самому все то, о чемъ онъ такъ много слышалъ отъ иноземцевъ Нѣмецкой слободы и русскихъ людей, побывавшихъ за границей, Петръ Великій рѣшился поѣхать въ Западную Европу. Отправляясь въ путешествіе, царь примкнулъ къ тому посольству, которое должно было, по его предписанію, войти въ переговоры съ различными государствами Западной Европы. Цѣлью переговоровъ было заключеніе союза противъ турокъ, враговъ христіанской вѣры. Во главѣ посольства стояли Лефортъ, Головинъ и Возницынъ; при посольствѣ находилось 50 солдатъ Преображенскаго полка и офицеры, а также нѣсколько лицъ (въ количествѣ 35-ти), изъявившихъ желаніе воспользоваться благопріятными обстоятельствами для поѣздки за границу. Всего было около 250 лицъ. Самъ Петръ приписался къ посольству подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова.

Въ мартѣ 1697 года посольство выѣхало изъ Москвы и направилось черезъ Новгородъ въ Ригу. Проѣздъ черезъ нынѣшнюю Эстляндскую губернію, тогдашнее владѣніе Швеціи, сопровождался многими непріятностями и недоразумѣніями и подалъ поводъ къ дипломатическимъ сношеніямъ со шведскимъ дворомъ. Изъ Лиф-

ляндіи посольство вмѣстѣ съ царемъ пріѣхало въ Курляндію. Курляндскій герцогъ (Фридрихъ-Казиміръ) оказалъ посольству выдающіяся почести. Оно было встрѣчено бургомистромъ Митавы на границѣ герцогства. Парадные визиты, обѣды, пушечная пальба, недѣльное угощеніе посольства на герцогскій счетъ—все это должно было вознаградить Петра за тѣ непріятности, которыя онъ потерпѣлъ въ Ригѣ. Слѣдующимъ мѣстомъ, куда приходилось ѣхать посольству, была Пруссія. Покидая Митаву, царь разлучился съ посольствомъ: велѣлъ ему ѣхать сухимъ путемъ, а самъ направился въ Либаву, неудержимо стремясь къ морю—своей любимой стихіи. По причинѣ противнаго вѣтра онъ не могъ немедленно же пуститься въ море и вынужденъ былъ провести въ Либавѣ цѣлую недѣлю. Пользуясь этимъ, онъ пересмотрѣлъ здѣсь все, на что другіе не обратили бы вниманія, даже аптеку. Прибывъ моремъ, на купеческомъ кораблѣ, въ Пруссію, царь немедленно же свидѣлся съ курфюрстомъ Фридрихомъ III. Результатъ былъ самый благопріятный. Курфюрстъ распорядился, чтобы московскій оберъ-командиръ (такъ называли Петра въ Кенигсбергѣ) не имѣлъ недостатка ни въ чемъ, и чтобы все содержаніе какъ ему, такъ и его свитѣ, шло отъ двора. Въ ожиданіи медленно подвигавшагося посольства, царь сталъ изучать въ Пруссіи артиллерію и обнаружилъ какъ выдающіяся способности, такъ и замѣчательное прилежаніе. Въ аттестатѣ, который былъ потомъ присланъ въ Москву на имя Петра Михайлова, находится слѣдующій отзывъ: «московскаго кавалера, именемъ господина Петра Михайлова, признавать и почитать за совершеннаго въ метаніи бомбъ, осторожнаго и искуснаго художника. Дано въ Кенигсбергѣ въ Пруссахъ, 2 сентября 1698 года». Работая надъ пріобрѣтеніемъ различнаго рода познаній, которыя возможно было бы приложить на дѣлѣ по возвращеніи на дорогую ему родину, Петръ не упускалъ изъ виду и политики, твердо отстаивая русскіе интересы. Такъ, стремясь къ дальнѣйшему путешествію, онъ на цѣлыхъ три недѣли задержался въ Пруссіи, интересуясь результатами выборовъ польскаго короля. Франція, Турція и Крымъ поддерживали принца де-Конти. Съ его избраніемъ восторжествовали бы враждебныя намъ державы. Петръ, дѣйствуя черезъ своего резидента въ Варшавѣ, Никитина, стоялъ за своего будущаго союзника, курфюрста Саксонскаго, и выѣхалъ изъ Пруссіи только тогда, когда курфюрстъ былъ выбранъ въ польскіе короли. Посѣтивъ нѣсколько городовъ Германіи, онъ прибылъ наконецъ въ Голландію, о которой много слышалъ въ Москвѣ. Мѣстомъ своего пребыванія онъ выбралъ г. Саардамъ (или Заандамъ). Великій государь проявилъ здѣсь безпримѣрную въ исторіи скромность, поселившись въ маленькомъ домикѣ знакомаго ему еще по Москвѣ кузнеца Киста. Этотъ домикъ,

крытый черепицею, состоялъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ изразцовымъ каминомъ, служившимъ и для приготовленія кушанья. Комната, въ которой поселился Петръ, была занимаема до него вдовою поденщика. Здѣсь Петръ превратился въ усерднѣйшаго корабельнаго плотника, принимаясь за работу съ солнечнаго восхода. Съ другими рабочими онъ установилъ настоящія товарищескія отношенія. Петру нетрудно было усвоить извѣстную сноровку въ дѣлѣ кораблестроенія. Но этой сноровки ему было мало. Онъ всюду допытывался до основъ. Ему недостаточно было узнать, что то или другое слѣдуетъ дѣлать такъ или иначе. Въ его умѣ назойливо поднимался вопросъ: почему? Ему хотѣлось изучить теорію кораблестроенія. Тогда онъ сталъ брать въ Саардамѣ и его окрестностяхъ все то, что могъ взять полезнаго для себя и для своего народа. Онъ посѣщалъ фабрики, заводы, мельницы, при чемъ не довольствовался поверхностнымъ осмотромъ ихъ, но обстоятельно вникалъ въ каждую сторону дѣла, нерѣдко встрѣчая недовольство и грубые отвѣты. Тѣхъ, кто былъ полезенъ ему, онъ дарилъ деньгами. Въ свободные часы онъ отдавался своему любимому развлеченію — катался по каналамъ и заливу Эй въ небольшомъ яликѣ, купленномъ у одного корабельнаго маляра, съ которымъ, по окончаніи запродажи, онъ роспилъ кружку пива. Казалось, что такое поведеніе царя должно было сохранить его тайну, соблюдать которую поклялся вѣрный Кистъ. Но скоро тайна раскрылась.

Раскрытію ея содѣйствовало нѣсколько случайныхъ, независящихъ отъ Петра обстоятельствъ. Съ другой стороны, и самъ царь невольно проявлялъ привычку повелѣвать, нетерпѣливость въ исполненіи желаній и свойственную ему несдержанность. Приведемъ 2—3 характерныхъ случая. Разъ, поработавъ до поту на верфи, Петръ купилъ себѣ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и наслаждался ими по дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ къ нему пристала толпа мальчишекъ, которыхъ невольно привлекалъ къ себѣ русскій гигантъ, а, можетъ быть, и его сливы. Однимъ изъ нихъ онъ далъ сливъ, другимъ — нѣтъ и продолжалъ свой путь, радуясь удовольствію первыхъ и поддразнивая вторыхъ. Недовольные стали бросать въ него грязью, а потомъ принялись и за каменья. Царь вынужденъ былъ укрыться въ одинъ изъ герберговъ и, разгнѣванный, потребовалъ къ себѣ бургомистра. Все это надѣлало много шуму, всполошило мѣстныя власти и способствовало раскрытію царской тайны. На мосту, по дорогѣ въ ту часть города, гдѣ находился домикъ Киста, была поставлена стража. Царя стали безпокоить любопытные не только на сушѣ, но и на водѣ. Къ его боту приставали яхты и лодки, наполненныя любопытными. Царь проворно выскакиваетъ на берегъ, но и здѣсь толпа любопытныхъ окружаетъ его. Петра это любопытство выводитъ наконецъ изъ терпѣнія, и нѣкто Корнелій Марсенъ поплатился за это. Подошедши ближе другихъ, Марсенъ съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ прямо въ глаза Петру. Петръ далъ ему крѣпкую пощечину. „Браво, Марсенъ! закричали въ толпѣ, ты пожалованъ въ рыцари!“ Досаждаемый праздною толпою, Петръ сталъ даже отказы-

ваться отъ интересныхъ и поучительныхъ зрѣлищъ. Такъ, онъ согласился съ большою охотою посмотрѣть на спускъ большого корабля и сталъ, было, одѣваться. Взглянувъ же на улицу и увидѣвъ, что она запружена народомъ, онъ сказалъ съ досадою: „слишкомъ много народа“, захлопнулъ двери и цѣлый день никуда не выходилъ.

Проживъ въ Саардамѣ всего одну недѣлю, Петръ рѣшилъ покинуть его и направиться въ Амстердамъ, куда на слѣдующій день

Рис. 63. Императоръ Петръ I Великій.

должно было въѣхать наше посольство. Съ большимъ трудомъ онъ пробился сквозь толпу къ берегу, гдѣ стояло его суденышко. Между тѣмъ, разыгралась сильная буря, и опытные моряки не совѣтовали ему пускаться въ опасный путь. Несмотря на это, Петръ пустился въ дорогу и благополучно прибылъ въ Амстердамъ. Но здѣсь уже знали, что подъ скромнымъ именемъ Петра Михайлова скрывается

московскій царь. Надѣясь извлечь изъ пребыванія въ ихъ городѣ высокаго гостя выгоды для торговыхъ сношеній съ Россіей, амстердамскія власти не щадили издержекъ на содержаніе посольства. Петръ посѣтилъ вмѣстѣ съ послами ратушу — главное украшеніе Амстердама, былъ въ театрѣ, гдѣ поставили для гостей балетъ «Очарованія Армиды» и разыграли комедію «Притворный адвокатъ», обозрѣвалъ адмиралтейство, верфи, магазины, присутствовалъ на морскихъ маневрахъ. Но и здѣсь у Петра проявилось присущее ему стремленіе къ работѣ. Только что погасли послѣдніе огни роскошнаго фейерверка, устроеннаго въ честь государя, онъ поѣхалъ въ Саардамъ за своими инструментами и, вернувшись, на слѣдующій же день принялся за работу на верфяхъ. На эту работу ушло $4^1/_2$ мѣсяца. Отсюда Петръ написалъ въ Москву патріарху письмо слѣдующаго содержанія: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатіею Его быть, чего до послѣдняго издыханія желать не перестану». И здѣсь, на амстердамскихъ верфяхъ, Петръ установилъ товарищескія отношенія съ другими рабочими. Усиленные труды на верфяхъ не отвлекали Петра отъ его высшихъ обязанностей по управленію государствомъ. Каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы. На всѣ обращенія къ нему царь аккуратно отписывался [1]). Работая на корабельныхъ верфяхъ въ Амстердамѣ, Петръ понялъ, что Голландія вообще не можетъ удовлетворить его стремленія къ изученію теоріи кораблестроенія. Узнавъ случайно отъ одного англичанина, что этому дѣлу можно научиться въ Англіи, и, пользуясь приглашеніемъ штатгальтера голландскаго, бывшаго въ то же время и англійскимъ королемъ, онъ отправился въ Англію. Здѣсь для его пребыванія былъ приготовленъ ему бывшій дворецъ вдовы Карла II Стюарта, но Петръ, чуждавшійся пышности, предпочелъ поселиться близъ королевскихъ верфей у города Дептфорда въ частномъ домѣ. Въ Англіи Петръ присутствовалъ на морскихъ маневрахъ, устроенныхъ въ честь его пребыванія, тщательно изучалъ всякаго рода производства, особенно — монетное, былъ въ Оксфордскомъ университетѣ, въ обществѣ квакеровъ, бесѣдовалъ съ епископами англиканской церкви, былъ въ театрѣ, но

[1]) Посольство между тѣмъ прибыло въ Гаагу, но потерпѣло здѣсь неудачу. (Голландцы даже не пожелали посылать въ Россію мастеровъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они нужны имъ самимъ).

всякій свободный часъ проводилъ на верфяхъ. Здѣсь царь подрядилъ на русскую службу слишкомъ 60 мастеровъ. То были мастера дѣлъ—чертежнаго, шлюзнаго, корабельнаго, артиллерійскаго, инженернаго и архитектурнаго. Эти мастера и были отправлены имъ на Архангельскъ. Значеніе своего пребыванія въ Англіи Петръ прекрасно опредѣлилъ слѣдующими словами: «навсегда я остался бы плотникомъ, если бы не побывалъ въ Англіи». Вернувшись въ Голландію, Петръ и здѣсь подрядилъ на русскую службу множество мастеровъ, ученыхъ, медиковъ различныхъ національностей; въ ихъ числѣ были французы, итальянцы и греки. Отсюда со всѣмъ посольствомъ царь поѣхалъ въ Вѣну, несмотря на то, что до него дошли вѣсти о стрѣлецкомъ мятежѣ. Соблюдая строжайшее incognito, онъ два раза видѣлся съ императоромъ Леопольдомъ, послѣ чего, отложивъ поѣздку въ Венецію, спѣшно отправился на родину.

83. Начало Великой Сѣверной войны. При вѣсти о стрѣлецкомъ мятежѣ снова сталъ передъ Петромъ Великимъ страшный призракъ мятежа 1682 года. Къ его возвращенію мятежъ уже былъ усмиренъ, но Петръ произвелъ новое слѣдствіе, обнаружилъ новыхъ виновниковъ, безпощадно казнилъ ихъ, а сестру Софью, причастную къ мятежу, заставилъ постричься въ монахини подъ именемъ Сусанны. Убѣдившись на опытѣ въ томъ, что ближайшій путь въ Западную Европу идетъ не черезъ Азовъ и Черное море, а черезъ Балтійское, Петръ поспѣшилъ заключеніемъ мира съ Турціей, при чемъ оставилъ за собою съ такимъ трудомъ завоеванный Азовъ. Теперь онъ задался цѣлью вернуть Россіи то, что отторгнули у нея шведы, и чѣмъ сознательно гордился знаменитый шведскій король XVII вѣка, Густавъ-Адольфъ. Найти союзниковъ противъ шведовъ оказалось легче, чѣмъ противъ турокъ. Для борьбы со шведами съ Петромъ Великимъ соединились короли датскій и польскій. У каждаго изъ нихъ были свои причины быть недовольными Швеціей. Данія враждовала съ нею изъ-за Голштиніи, Польша негодовала на то, что шведы стали обладателями Ливоніи. Энергично содѣйствовалъ образованію этого союза лифляндскій дворянинъ, капитанъ фонъ-Паткуль. Предшественникъ шведскаго короля Карла XII, Карлъ XI, сломивъ сильную аристократію, задумалъ обезсилить ее отобраніемъ или такъ называемой редукціей ея земельныхъ имуществъ. Отнявъ у лифляндскаго дворянства $^4/_5$ его владѣній, Карлъ XI потребовалъ, чтобы оно представило несомнѣнныя доказательства своихъ правъ на владѣніе и оставшеюся въ его рукахъ землею. Къ обиженному лифляндскому дворянству принадлежалъ и Паткуль, человѣкъ даровитый и энергичный, но неразборчивый въ средствахъ и мстительный. Онъ началъ открыто волновать шведское дворянство, но, когда его вызвали въ Стокгольмъ по обвиненію въ

государственной измѣнѣ, онъ бѣжалъ въ Курляндію. Его опасенія были не напрасны: въ Стокгольмѣ его приговорили заочно къ смертной казни. Но онъ рѣшился отомстить шведскому правительству, лишивъ его Лифляндіи и передавъ ее какой-либо изъ сосѣднихъ державъ. Паткуль началъ съ польскаго короля Августа II, бывшаго въ то же время курфюрстомъ саксонскимъ. Онъ указывалъ королю на возможность и необходимость заключенія союза съ Даніей, Россіею и Бранденбургомъ, но выражалъ большое опасеніе, какъ бы при дѣлежѣ добычи Россія не захватила себѣ слишкомъ большого куска («Надобно опасаться, чтобы этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы наткнемъ на вертелъ»). По его мнѣнію, Россія должна была удовольствоваться Ингріей и Карелией; дальше Наровы и Пейпуса ея пускать нельзя; если же она захватитъ Нарву, то завладѣетъ Эстляндіей и Лифляндіей. Подъ вліяніемъ этихъ указаній Августъ завелъ переговоры съ датскимъ королемъ, который согласился на союзъ. Августъ отправилъ нарочнаго посла въ Москву, куда пріѣхалъ incognito и Паткуль. Петръ охотно примкнулъ къ союзу противъ Швеціи, хотя въ это самое время въ Москвѣ были шведскіе послы отъ только что вступившаго на престолъ Карла XII, пріѣхавшіе за подтвержденіемъ Кардисскаго договора. Переговоры между союзниками велись въ глубокой тайнѣ. Петръ принялъ шведскихъ пословъ по обычаю и обѣщалъ соблюдать мирные договоры со шведами. Нехорошими для шведовъ предзнаменованіями были: отказъ царя подтвердить свое обѣщаніе крестнымъ цѣлованіемъ и отправляемое въ Стокгольмъ требованіе удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя въ Ригѣ московскому посольству, при которомъ находился самъ царь.

Война, начавшаяся вскорѣ между союзниками и Швеціей, извѣстна въ исторіи подъ именемъ Великой Сѣверной и продолжалась съ 1700 по 1721 г.

Вскорѣ событія показали, что молодой шведскій король Карлъ XII (онъ былъ на 10 лѣтъ моложе Петра Великаго) обладалъ сильною натурою и выдающимися способностями. Но въ первое время своего царствованія онъ приводилъ подданныхъ въ отчаянье своимъ нелѣпымъ поведеніемъ, своими мальчишескими выходками. Забавляясь со своимъ пріятелемъ герцогомъ голштинскимъ, Карлъ то устраивалъ охоту за зайцемъ въ залѣ сейма, то выбивалъ стекла въ домахъ мирныхъ обывателей Стокгольма, то отсѣкалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, собраннымъ для этой цѣли въ дворцовыя залы. Однажды король и его пріятель переломали всѣ скамейки въ церкви и заставили всѣхъ молиться стоя. Въ одно воскресенье три проповѣдника въ разныхъ церквахъ столицы говорили проповѣди на тему: «горе странѣ, въ которой царь юнъ!» Союзники не поняли

Карла XII, сочли его за пустого противника, но очень скоро принуждены были разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ.

Началъ военныя дѣйствія противъ Карла Августъ II, отправивъ въ Лифляндію свои саксонскія войска, но дѣйствія ихъ оказались неудачными. Услышавъ объ этомъ, Петръ въ одномъ изъ своихъ писемъ выразилъ свое сожалѣніе («жаль, жаль, да нечѣмъ пособить!»), но въ томъ же письмѣ сдѣлалъ распоряженіе о необходимости хорошенько посмотрѣть Нарву и Орѣшекъ (Нотебургъ) и мѣстности, прилегающія къ этимъ городамъ. Паткуль боялся, чтобы Петръ не овладѣлъ Нарвой, а царь и хотѣлъ начать войну со шведами покореніемъ Нарвы и Орѣшка. «А мѣсто тутъ, говорилъ онъ про Орѣшекъ, зѣло нужно; протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки».

Рис. 64. Меншиковъ.

Между тѣмъ голштинскій герцогъ былъ изгнанъ датскими войсками изъ своихъ владѣній. Пріѣхавъ въ Швецію, онъ жаловался на это Карлу XII и объявилъ ему, что отдаетъ свою страну подъ его покровительство. Карлъ XII отвѣчалъ ему: «я буду вашимъ покровителемъ, хотя бы это мнѣ стоило короны». Когда до него дошла вѣсть о вторженіи войскъ Августа II въ Лифляндію, Карлъ сказалъ: «скоро мы заставимъ короля Августа убраться во—свояси... сперва я покончу съ однимъ, а потомъ поговорю и съ другимъ». Вскорѣ послѣ этого Карлъ переплылъ съ войскомъ Зундъ и появился передъ беззащитнымъ Копенгагеномъ. Датскій король (Фридрихъ IV) заключилъ съ Карломъ XII Травендальскій договоръ, на основаніи котораго признавалъ полную независимость Голштиніи и согласился выплатить молодому шведскому королю большую контрибуцію.

Въ самый день заключенія Травендальскаго договора Петръ заключилъ миръ съ турками, а вскорѣ послѣ этого двинулъ свое войско противъ Нарвы, такъ какъ слышалъ, что городъ этотъ плохо

укрѣпленъ, и войска въ немъ мало. Русское войско, приведенное царемъ подъ Нарву, находилось въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, о чемъ имѣется указаніе въ журналѣ Петра. Командовали имъ иностранцы, къ которымъ русскіе солдаты относились, и притомъ не безъ основанія, недоброжелательно. Главный предводитель его, герцогъ Кроа (Croy или Croix) писалъ польскому королю: «аппроши всѣ готовы, всѣ батареи завтра могутъ открыть огонь; недостаетъ только бездѣлицы — ядеръ, бомбъ и тому подобнаго». Петръ привелъ войско, но уѣхалъ наканунѣ битвы. Карлъ XII поспѣшилъ на выручку Нарвы. Имѣя въ своемъ распоряженіи значительно меньшее количество войска, онъ напалъ на наши растянутыя укрѣпленія съ разныхъ сторонъ и совершенно разстроилъ наше войско. Молодая гвардія дала шведамъ отпоръ, но, не зная, что сталось съ другими силами, заключила ночью договоръ, по которому выдала шведамъ пушки. Извѣстіе о страшномъ пораженіи застало Петра въ Новгородѣ. Онъ былъ сильно пораженъ, заперся одинъ въ комнату и приказалъ никого не впускать къ себѣ, но скоро оправился отъ постигшей его бѣды. Упоенію молодого Карла и злорадству нашихъ враговъ не было предѣловъ. Петра осмѣивали въ памфлетахъ и каррикатурахъ. На западѣ была выбита даже медаль, изображавшая на одной сторонѣ осаду Нарвы и Петра, грѣющагося при пушечномъ огнѣ (съ надписью «бѣже Петръ стоя и грѣяся»), а на другой — Петра и его войско, позорно убѣгающихъ изъ подъ Нарвы (съ надписью «исшедъ вонъ каяся горько»). Даже человѣкъ такого великаго ума, какъ Лейбницъ, увлекся Карломъ XII и высказалъ надежду, что юный король овладѣетъ всѣмъ Московскимъ государствомъ до р. Амура. Ошибка нашихъ враговъ и недоброжелателей заключалась въ переоцѣнкѣ Карла XII и въ невѣрномъ взглядѣ на Петра.

Вотъ какъ отзывается о Нарвской побѣдѣ Карла XII шведскій король Оскаръ II въ своей „Исторіи Карла XII“: „слухъ объ этой побѣдѣ далеко разошелся. Но тѣмъ не менѣе Нарвское сраженіе, несмотря на свою славу, не можетъ быть названо счастливымъ днемъ ни для Швеціи, ни для Карла XII: хоть и дорого оплаченная побѣда эта все-таки казалась слишкомъ чудесною, слишкомъ легко одержанною. Она породила презрѣніе къ противнику и послужила источникомъ явившихся впослѣдствіи несчастій. Великій царь понялъ своего противника. Онъ сумѣлъ добыть выгоду отъ своихъ побѣдителей и ихъ генія. И хотя это повело къ несчастіямъ для нашего отечества, но справедливость требуетъ признать за нимъ это достоинство“.

Карлъ XII, считая Петра уничтоженнымъ, обратился противъ своего третьяго врага — Августа II и увлекся побѣдами надъ его войсками. Между тѣмъ, Петръ Великій напрягъ всю свою мощь, всю мощь своего великаго народа и сталъ одерживать побѣды надъ

своимъ кичливымъ врагомъ. Помогли Петру и тѣ разностороннія знанія, которыя вынесъ онъ изъ своей заграничной поѣздки. Глубокою осенью 1702 года онъ обложилъ шведскую крѣпость Нотебургъ, бывшій новгородскій Орѣшекъ, расположенный у истоковъ Невы изъ Ладожскаго озера. Крѣпость сдалась. Только 60 верстъ отдѣляли Петра отъ вожделѣннаго моря. Понятна радость, которую испытывалъ онъ и которая сквозитъ въ слѣдующихъ словахъ его: «правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Петръ наименовалъ городъ Шлиссельбургомъ (Ключомъ-городомъ), такъ какъ смотрѣлъ на него, какъ на ключъ къ морю, и собственноручно прибилъ ключъ къ его башнѣ. Весною потянулись внизъ по Невѣ и сушею, и водою русскія войска. При впаденіи р. Охты въ Неву стоялъ небольшой городокъ Ніеншанцъ. Скоро Петръ завладѣлъ имъ, а нѣсколько дней спустя напалъ на два шведскихъ корабля; одинъ изъ первыхъ онъ вбѣжалъ на палубу шведскаго судна съ топоромъ и гранатою въ рукѣ и личнымъ героизмомъ своимъ много способствовалъ побѣдѣ.

Неприглядна была мѣстность, завоеванная Петромъ: безплодная почва, болота, дремучій лѣсъ; но особую цѣнность придавала ей царственная Нева. Царь пустился съ приближенными осматривать Невскіе берега, чтобы выбрать мѣсто для постройки города. Онъ остановилъ свой выборъ на островѣ (Іени-Саари) на Большой Невѣ, гдѣ она раздѣляется на Неву и Невку. Дѣло происходило весною 1703 года. Весна магически украшаетъ и унылыя мѣстности. Деревья распускались, птицы весело пѣли свои пѣсни. Вотъ почему Петръ назвалъ этотъ островъ Веселымъ Островомъ (Люстъ-Эйландъ). Вокругъ крѣпости возникъ постепенно городъ, которому суждено было сдѣлаться нѣсколько лѣтъ спустя столицей Русскаго государства. По сдѣланному самимъ государемъ плану построили крѣпость и назвали ее Санктъ-Петербургомъ. Вскорѣ послѣ основанія Петербурга на островѣ Котлинѣ была заложена крѣпость Кронштадтъ (Кронштлотъ), чтобы защищать путь изъ залива въ Неву. Въ Олонцѣ были устроены верфи для созданія Балтійскаго флота. Въ 1704 году подъ личнымъ предводительствомъ Петра былъ завоеванъ нами Дерптъ. «Сей славный отечественный градъ — писалъ Петръ — паки полученъ». Въ томъ же году и точно также подъ личнымъ предводительствомъ Петра была взята Нарва. По поводу этого событія Петръ написалъ слѣдующія остроумныя строки къ одному изъ сановниковъ: «инова не могу писать, только что Нарву, которою 4 года нарывало, нынѣ, слава Богу, прорвало, о чемъ пространнѣе скажу самъ. Piter».

84. Продолженіе Великой Сѣверной войны. Карлъ XII, воюя съ Августомъ II, довелъ его до полнаго отчаянія, несмотря

на то, что Петръ дѣятельно поддерживалъ своего союзника. По Альтранштадтскому договору Августъ II отказался отъ польской короны, которая была передана Карломъ XII Станиславу Лещинскому. Августъ унизился до того, что выдалъ Карлу ливонскаго дворянина Паткуля на вѣрную и страшную смерть: Паткуль былъ колесованъ. Не одна Польша, а вся Западная Европа смотрѣла на Карла XII съ ужасомъ и видѣла въ немъ непобѣдимаго завоевателя. Его прославляли славнѣйшіе полководцы того времени, какъ Евгеній Савойскій и лордъ Мальборо. Императоръ Священной Римской имперіи боялся его и невольно прощалъ ему такіе поступки, которые не спустилъ бы даромъ никому другому. Карлъ достигъ зенита своего величія. И въ это-то время, въ 1707 году, онъ обратилъ свое оружіе противъ Петра съ намѣреніемъ и его низложить съ престола. Петръ распорядился, чтобы его военачальники не вступали въ генеральную битву съ Карломъ въ польскихъ владѣніяхъ, но старались заманить его въ глубь Россіи, нанося ему при всякомъ удобномъ случаѣ ущербы. Петръ не зналъ, куда двинется Карлъ, и въ одно время укрѣплялъ и Москву, и Петербургъ. Только лѣтомъ 1708 года медленно подвигавшійся Карлъ перешелъ чрезъ Березину. На пути происходили частыя столкновенія между шведами и русскими, но, вѣрные приказанію государя, русскіе избѣгали генеральныхъ битвъ и предпочитали имъ отступленіе. Осенью того же года Карлъ повернулъ въ Украйну. Петръ воспользовался тѣмъ, что шведскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Левенгаупта шелъ на значительномъ разстояніи отъ главнаго шведскаго войска, напалъ на Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной (близъ г. Пропойска на Сожѣ) и одержалъ надъ нимъ полную побѣду. Царь отнялъ у Левенгаупта всю артиллерію и обозъ. «Сія у насъ побѣда—писалъ Петръ—можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ: тутъ первая проба солдатская была».

Когда Карлъ вступилъ въ Украйну, малороссійскій гетманъ Мазепа измѣнилъ Петру и перешелъ на сторону Карла. Вмѣстѣ съ гетманомъ перешла на сторону шведовъ и часть казаковъ; остальные казаки и вся народная масса остались на сторонѣ Петра. Мазепа давно замышлялъ измѣну. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что побѣдителемъ останется Карлъ. Мазепа боялся, что, если Малороссія останется при такомъ исходѣ дѣла вѣрной царю, Карлъ XII и Лещинскій не пощадятъ ни его, ни Малороссіи. Гетманъ сильно разсчитывалъ на сочувствіе всѣхъ недовольныхъ московскими порядками и слѣпо вѣровалъ въ то, что съ нимъ отложится отъ Москвы и вся Малороссія. Тайные переговоры Мазепы съ Лещинскимъ и

Карломъ начались еще ранѣе, Петру доносили объ измѣнѣ гетмана, но онъ не повѣрилъ доносившимъ и даже предалъ ихъ въ руки Мазепы. Узнавъ объ измѣнѣ Мазепы, какъ о совершившемся фактѣ, царь велѣлъ предать измѣнника церковному проклятію. Въ то же время русскій главнокомандующій Меншиковъ внезапно напалъ на гетманскую столицу Батуринъ, взялъ ее штурмомъ и сжегъ. Съ Батуринымъ палъ центръ предполагаемаго возстанія. Нѣсколько дней спустя вѣрные Петру казаки избрали новаго гетмана (Ивана Скоропадскаго). Послѣ этого была разорена войсками Петра Запорожская Сѣчь, на которую сильно разсчитывалъ Мазепа. Что же касается малороссійскихъ крестьянъ, они поднялись противъ шведовъ партизанской войною. Такъ обманулись шведскій король и измѣнникъ-гетманъ въ своихъ расчетахъ. Невѣрными оказались и надежды Карла на Турцію, такъ какъ ни турки, ни татары не обнаруживали намѣренія вмѣшаться въ борьбу между нимъ и Петромъ.

Рис. 65. Шереметевъ.

Петръ Великій сознавалъ всю важность наступившаго момента и рѣшительно двинулся противъ Карла, осадившаго Полтаву. Самонадѣянность шведскаго короля не знала предѣловъ. Когда одинъ изъ приближенныхъ посовѣтывалъ, было, ему отступить, Карлъ отвѣчалъ: «если бы Самъ Богъ прислалъ мнѣ съ ангеломъ небеснымъ приказъ отступить отъ Полтавы, то и тогда бы я не отступилъ». Передъ началомъ боя наши войска слушали слѣдующій приказъ Петра Великаго: «Воины! се пришелъ часъ, который рѣшить долженъ судьбу отечества, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго

въ браняхъ, уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея». Шведы были разбиты на голову. Карлъ и измѣнникъ Мазепа скрылись. Битва началась въ девятомъ часу утра, а къ 11 часамъ утра отъ шведскаго войска остались лишь безпорядочныя толпы. У Петра была прострѣлена шляпа, другая пуля засѣла въ сѣдло, третья сплющилась на груди, на тѣльномъ крестѣ. «Столь близко—говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—ходила смерть подлѣ него!» До 9000 шведовъ пало на полѣ битвы, 3000 попало въ плѣнъ. Одного изъ своихъ сановниковъ государь увѣдомилъ о полтавской побѣдѣ въ слѣдующихъ, между прочимъ, выраженіяхъ: «подробно вскорѣ писать будемъ, а нынѣ за скоростью повозможно. И единымъ словомъ сказать: вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла, а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами-ль или съ отцы нашими обрѣтается». На слѣдующій день послѣ боя, едва занялась заря, стали хоронить убитыхъ. Самъ царь участвовалъ въ пѣніи панихиды и почтилъ убитыхъ надгробнымъ словомъ. На могильномъ холмѣ онъ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 года, іюня 27 дня». Въ сущности Полтавская побѣда предрѣшила исходъ всей войны.

Полтавская побѣда вернула Петру его старыхъ союзниковъ и прибавила новаго — курфюрста Бранденбургскаго. Свидѣвшись съ каждымъ изъ союзниковъ, Петръ Великій началъ осаду Риги, которая и сдалась Шереметеву въ 1710 году. Въ томъ же году нами были покорены Ревель и Выборгъ. Взятіемъ Выборга—по словамъ государя — «Петербургу приготовлена покойная подушка».

85. Осложненія Великой Сѣверной войны. И во время Великой Сѣверной войны заволновались наши инородцы. Будучи магометанами, они смотрѣли, какъ на своего естественнаго главу, на турецкаго султана и пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы свергнуть христіанское иго. Съ другой стороны, поставленные надъ нимъ правительствомъ начальники притѣсняли ихъ. Волненія среди нихъ начались съ 1705 года. Башкирцы были въ сношеніяхъ съ чеченцами и др. горскими народцами; представители недовольныхъ посѣщали не только Крымъ, но и Константинополь. Къ поднятому ими движенію присоединились татары и астраханскіе казаки-раскольники. Башкирскій бунтъ принялъ грандіозные размѣры, и правительству стоило большихъ усилій потушить его (1709).

Въ то время, какъ башкиры начали успокаиваться, новое волненіе произошло тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали, а именно — на Дону. Дѣло въ томъ, что Петръ Великій еще задолго до этого

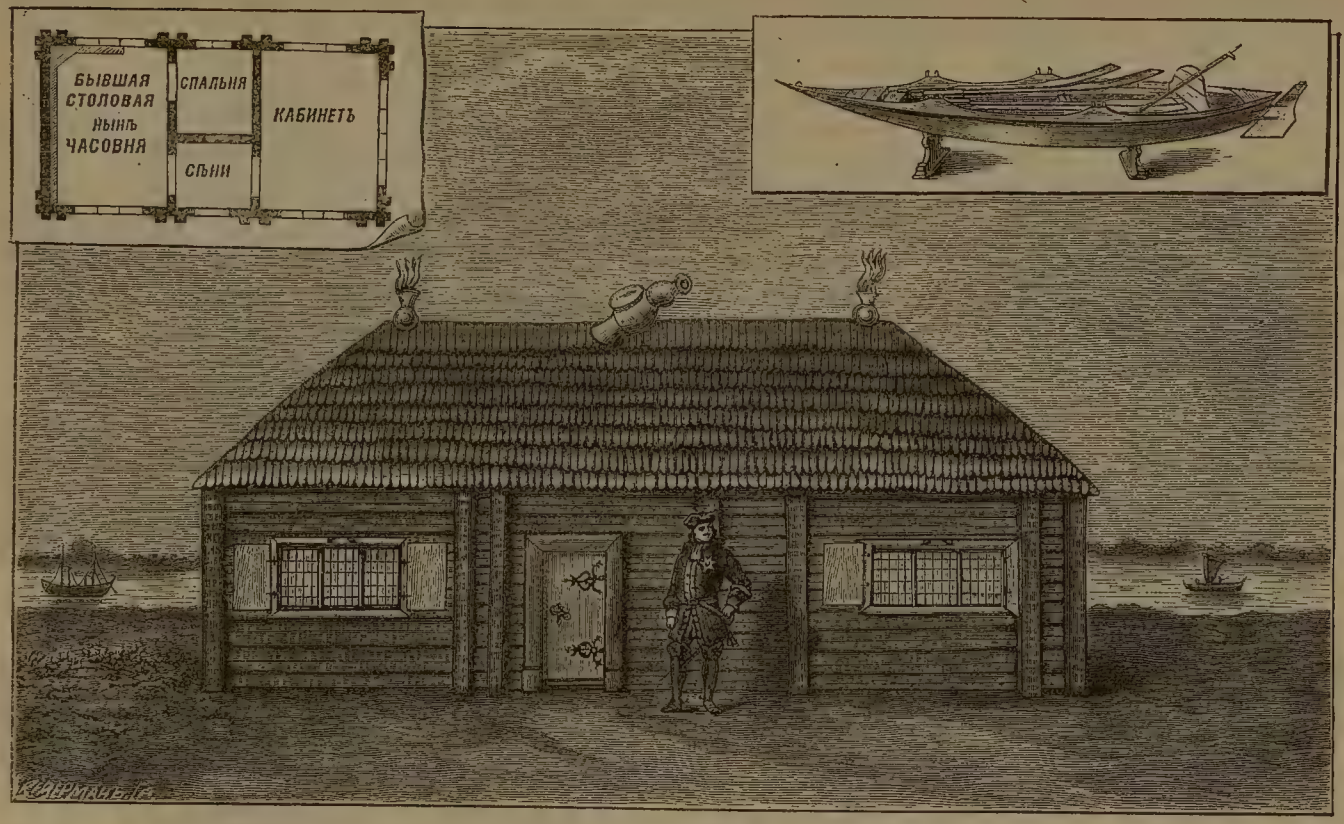


Рис. 66. Домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ (въ первоначальномъ видѣ).

началъ нарушать основное казацкое право — принимать къ себѣ всякаго бѣглеца безъ отдачи. Побѣги изъ Украйны на Донъ увеличивались все болѣе и болѣе. Украинскіе помѣщики били Петру челомъ, заявляя, что отъ побѣговъ людей на Донъ они разоряются и платятъ всякія подати за бѣглыхъ «спуста». Они указывали государю на то, что правительство обязало ихъ выставлять одного солдата съ 20 дворовъ и отправлять одного работника съ 10 дворовъ, между тѣмъ, какъ бѣглые крестьяне, живя среди казаковъ, не несутъ государевой службы и не платятъ въ казну податей. Петръ возмущался этимъ явленіемъ и посылалъ къ донскимъ казакамъ строгія грамоты съ требованіемъ выдать обратно скрывавшихся у нихъ крестьянъ, поименованныхъ въ помѣщичьихъ челобитныхъ. Атаманы сыскивали нѣкоторыхъ изъ бѣглецовъ и выдавали ихъ правительству, но никогда не были въ состояніи исполнить всѣхъ требованій царя. Правительство настойчиво требовало соблюденія своихъ интересовъ: переселяло казаковъ съ однихъ мѣстъ на другія, приказывало сносить казацкіе городки, грозило за укрывательство бѣглыхъ каторгой и даже казнями. Всѣ эти мѣры постепенно увеличивали на Дону число людей, недовольныхъ правительствомъ. Память о Степанѣ Разинѣ, сильно всколыхнувшемъ государство, была еще жива. И на этотъ разъ изъ среды недовольныхъ выступилъ новый Разинъ: то былъ Кондратій Булавинъ. Въ началѣ возстаніе имѣло большой успѣхъ. Булавинъ неожиданно напалъ на царскій отрядъ и совершенно уничтожилъ его. Возстаніе распространилось по всему Дону и его притокамъ. Булавинъ завладѣлъ главнымъ казацкимъ городомъ Черкаскомъ. Петръ отправилъ противъ возмутившихся князя Василія Долгорукаго. Царское войско нанесло возставшимъ нѣсколько пораженій. Булавинъ, чувствуя, что его дѣло проиграно, застрѣлился. Долгорукій, усмиряя мятежъ, прибѣгалъ къ самымъ страшнымъ мѣрамъ: разорялъ казацкія станицы, вѣшалъ мятежниковъ. Висѣлицы съ нѣкоторыми изъ повѣшанныхъ ставили на плоты, а послѣдніе пускали внизъ по рѣкѣ, чтобы навести ужасъ на остальное населеніе. Одинъ изъ товарищей Булавина, Некрасовъ, убѣжалъ съ 2,000 человѣкъ на Кубань и отдался въ подданство крымскому хану, а затѣмъ съ частью казаковъ, не желавшихъ покоряться московскому правительству, перебрался въ турецкую область Добруджу (въ низовьяхъ Дуная), гдѣ потомки бѣглецовъ жили долгое время подъ именемъ «некрасовцевъ».

Третьимъ крупнымъ осложненіемъ Великой Сѣверной войны была война съ турками, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Прутскаго похода. Карлъ XII бѣжалъ послѣ Полтавскаго пораженія въ предѣлы Турціи. Здѣсь онъ, и ранѣе разсчитывавшій на турецкую

Рис. 67. Домикъ Петра Великаго (въ настоящее время).

помощь, употребилъ всѣ старанія, чтобы поднять Турцію противъ Петра. Онъ представлялъ туркамъ всѣ невыгодныя для нихъ послѣдствія побѣдъ Петра надъ шведами. На этомъ основаніи онъ и просилъ турокъ помочь шведамъ положить наконецъ предѣлъ завоеваніямъ Петра Великаго. Кромѣ Карла XII, возбуждала турокъ противъ Россіи и враждебная намъ въ то время Франція. Франція, всегда стремившаяся играть въ Европѣ первенствующую роль и почти достигшая своей цѣли въ царствованіе Людовика XIV, была остановлена въ своихъ стремленіяхъ коалиціей, создавшейся противъ нея по поводу войны за Испанское наслѣдство. На востокѣ Европы возникла въ лицѣ Россіи новая сила, и Франція опасалась, какъ бы сила эта не увеличила числа ея враговъ, а потому естественно старалась ослабить ее. Напуганная представленіями шведовъ и французовъ, помня о недавнихъ Азовскихъ походахъ Петра, Турція объявила Россіи войну. Петра очень озабочивала эта нежданная имъ война: она отвлекала его вниманіе отъ дѣла, такъ удачно начатаго, она побуждала его двинуть силы на юго-западъ, въ придунайскія страны. «Намъ предстоитъ—выразился Петръ въ одномъ изъ своихъ писемъ—безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь». Петра смущало и то обстоятельство, что онъ не могъ направить противъ новаго врага силъ, достаточныхъ для его одолѣнія. Правда, Петръ побывалъ въ Польшѣ, чтобы призвать на помощь возстановленнаго имъ короля Августа, но разсчитывать на дѣятельную поддержку было трудно. Оставалась только одна надежда на успѣхъ, но и эта надежда могла легко измѣнить. Петръ стремился поднять противъ султана христіанское населеніе Турецкой имперіи. Черезъ своего агента царь поднималъ черногорцевъ и другихъ славянъ; молдавскій господарь Кантеміръ заявлялъ о своей готовности дѣйствовать противъ турокъ совмѣстно съ русскими. Обѣщалъ свою помощь и господарь Валахіи. Не желая, чтобы турки воевали на русской территоріи, Петръ рѣшилъ предупредить ихъ и вступить въ турецкія владѣнія. Сорокъ тысячъ русскаго войска, при которомъ находился и самъ Петръ, направились къ Дунаю. Помѣшать переправѣ турокъ черезъ Дунай не удалось. Узнавъ объ огромныхъ турецкихъ силахъ, получивъ помощь только отъ Кантеміра, Петръ рѣшилъ отступить, но на берегахъ Прута былъ окруженъ врагами. Сперва турки думали ворваться въ нашъ лагерь и своею многочисленностью совершенно уничтожить наше войско, но, нападая на насъ въ теченіе цѣлаго дня, понесли такой существенный уронъ, что предпочли заморить русское войско голодомъ. Петръ вознамѣрился, было, пробиться силою, но, по совѣту бывшей съ нимъ въ походѣ государыни Екатерины Алексѣевны, предложилъ визирю миръ и послалъ ему богатые подарки. Опасаясь неудачи при отчаянномъ сопротивленіи

русскихъ, визирь согласился на миръ, подъ условіемъ возвращенія Азова, разоренія Таганрога и другихъ укрѣпленій, построенныхъ русскими въ низовьяхъ Дона, и невмѣшательства въ польскія дѣла. Петръ согласился на поставленныя условія и получилъ свободу. Хотя интересы Петра и были направлены теперь на сѣверо-западъ, на продолженіе трудной, но славной борьбы со шведами, но онъ

Рис. 68. Образъ Спасителя въ домикѣ Петра Великаго въ Петербургѣ.

отказывался отъ Азовскихъ береговъ не безъ большого сожалѣнія. Азовъ достался ему съ большимъ трудомъ. Азовъ былъ первымъ его завоеваніемъ. Въ письмахъ сыну царь признавался, что плакалъ при мысли о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря. «Но разсудить надлежитъ,—писалъ онъ,—что съ двумя непріятелями такими не весьма ль отчаянно войну весть и упустить сію швед-

скую войну, которой уже конецъ близокъ является; сохрани Боже, ежелибъ въ обѣихъ войнахъ пребывая, дождались французскаго мира (т. е. окончанія войны за Испанское наслѣдство), то бъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать». Превращенію капитуляціи, заключенной Петромъ Великимъ съ визиремъ, въ настоящій мирный договоръ сильно мѣшали Карлъ XII, крымскій ханъ и Франція, такъ что миръ съ Турціей былъ заключенъ только въ 1713 году.

Таковы были трудности, съ которыми приходилось считаться великому государю во время упорной борьбы за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ.

86. Окончаніе Великой Сѣверной войны и Ништадтскій миръ. Принятіе Императорскаго титула. Завоевавъ у шведовъ Карелію, Ингрію, Эстляндію и Лифляндію, Петръ Великій задумалъ лишить Швецію тѣхъ владѣній, которыя она имѣла въ Германіи со времени Густава-Адольфа, и, обезсиливъ ее, содѣйствовать тѣмъ окончанію тяжелой для русскаго народа войны. Помогая датскому королю въ его стремленіи вытѣснить шведовъ изъ Помераніи, Петръ сначала принялъ и самъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, но затѣмъ, оставивъ въ помощь датчанамъ русское войско подъ начальствомъ Меншикова, сталъ дѣйствовать противъ своихъ враговъ въ Финляндіи. Въ 1713 году почти вся Финляндія была уже въ рукахъ Петра. «Эта страна — писалъ Петръ — намъ вовсе не нужна, но надобно занять ее для того, чтобъ при мирѣ было что уступить шведамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ сознавалъ и большое значеніе этой страны для шведовъ, такъ какъ изъ нея направлялись въ Швецію различные предметы необходимости, какъ мясо, дрова и др.

Изъ послѣдующихъ событій наиболѣе замѣчательна морская Гангудская побѣда Петра надъ шведами, одержанная имъ въ 1714 г. Здѣсь шведскій флотъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Шведскіе корабли стали достояніемъ побѣдителя, отправившаго ихъ въ Ревель. Вернувшись въ Петербургъ, царь устроилъ себѣ торжественный въѣздъ въ городъ, принималъ поздравленія отъ своихъ сановниковъ и иностранныхъ министровъ и принялъ чинъ вице-адмирала.

Карлъ XII прибылъ осенью того же года изъ Турціи въ Померанію, но послѣдняя почти уже вся была въ рукахъ враговъ. За шведами оставался еще островъ Рюгенъ, но и его не могъ спасти когда-то грозный побѣдитель. Онъ засталъ положеніе своего государства настолько тяжелымъ, что рѣшился, по совѣту своего министра Герца, вступить съ Петромъ Великимъ въ мирные переговоры, чтобы, сдѣлавъ ему большія уступки, заручиться союзомъ съ нимъ для борьбы съ врагами Швеціи. Русскіе и шведскіе уполномоченные съѣхались для выработки мирныхъ условій на Аландскихъ островахъ,

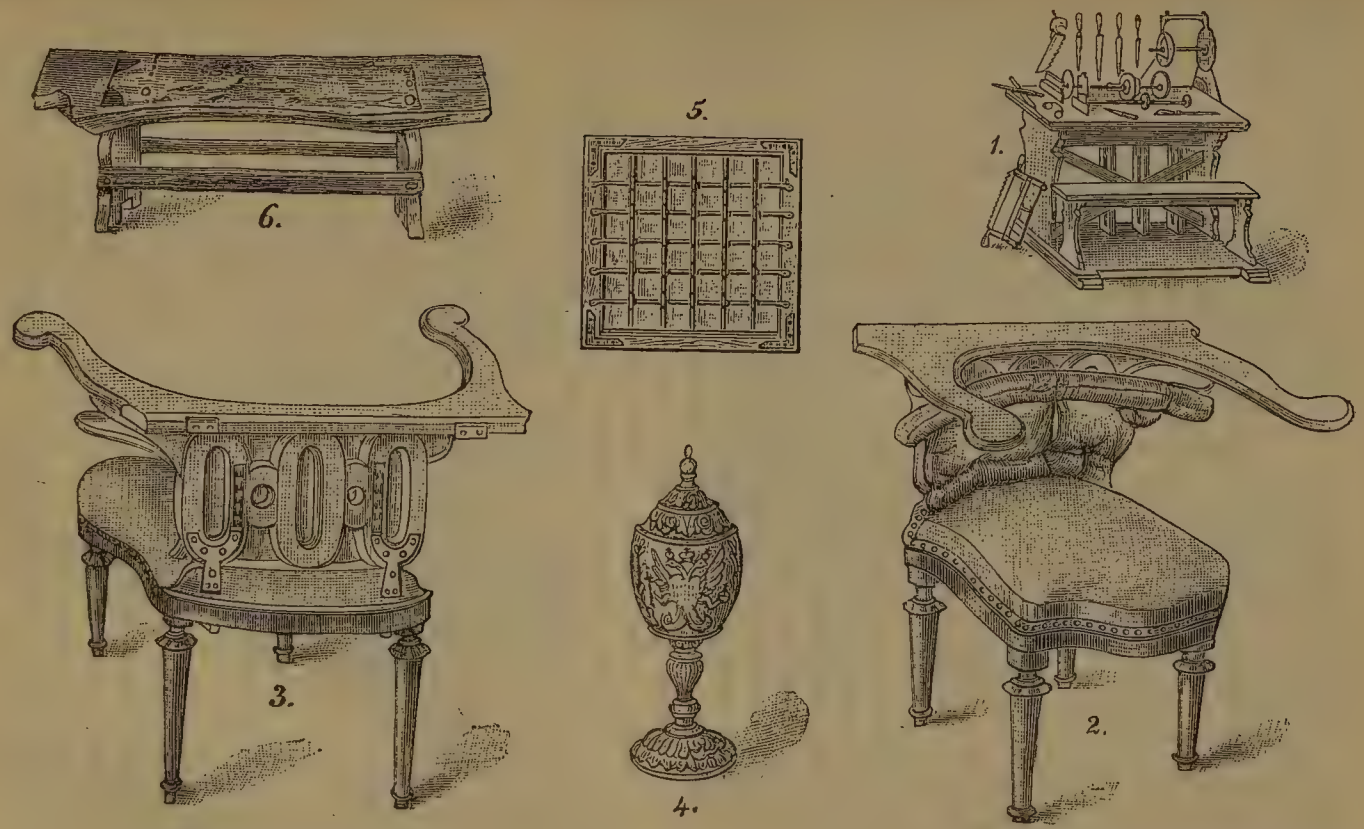


Рис. 69. Предметы въ домикѣ Петра В. въ Петербургѣ: 1) токарный станокъ, 2 и 3) кресло, 4) точеный бокалъ, 5) оконная рама и 6) скамеечка.

но смерть Карла XII измѣнила положеніе дѣлъ. Вступившая на шведскій престолъ Ульрика-Элеонора, сестра покойнаго, а также и вельможи шведскіе, снова захватившіе власть въ свои руки, рѣшили продолжать войну съ Россіей. Ихъ обольщала надежда на помощь со стороны англійскаго короля Георга I. Англія даже отправила въ Балтійское море часть своего флота, думая этимъ напугать Петра. Но англійскій флотъ не смутилъ царя. На глазахъ англичанъ онъ высаживалъ свои войска на шведскіе берега и опустошалъ ихъ.

Война протянулась до 1721 года, когда 30-го августа въ г. Ништадтѣ былъ заключенъ наконецъ миръ. По этому миру Россія пріобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, Карелію и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и геніальнымъ способностямъ Петра Великаго и неимовѣрнымъ усиліямъ народа, Россія достигла наконецъ завѣтной цѣли своихъ государей, начиная съ Іоанна Грознаго: стала обладательницею Балтійскаго побережья. Но значеніе Великой Сѣверной войны не исчерпывается только этимъ. Она заняла въ сѣверо-восточной Европѣ то первенствующее положеніе, которое принадлежало раньше Швеціи. Она утратила съ этого времени свою обособленность и окончательно вошла въ общую систему государствъ европейскихъ. Петръ былъ несказанно радъ окончанію войны и ознаменовалъ его цѣлымъ рядомъ шумныхъ торжествъ.

Во время торжественнаго празднованія, происходившаго 22-го октября 1721 года, сенаторы просили государя о принятіи титуловъ Императора, Отца Отечества и Великаго. Петръ принялъ титулъ императора Всероссійскаго.

До тѣхъ поръ въ Европѣ былъ одинъ императоръ, императоръ Священной Римской имперіи; но въ Европѣ давно уже толковали, что Петръ стремился стать Восточнымъ Римскимъ императоромъ. Петръ дѣйствительно сталъ императоромъ, но не восточнымъ римскимъ, а всероссійскимъ, ему не было никакого дѣла до Рима, и онъ отвергнулъ эту безсмысленную для Россіи, для ея исторіи ветхость. Онъ трудился для Россіи и съ Россіею, для нея и съ нею онъ добылъ императорскій титулъ и не отлучилъ родной страны отъ собственной славы. Только въ XIX вѣкѣ остальная Европа покончила съ трупомъ Римской имперіи, рѣшилась похоронить его; только въ XIX вѣкѣ вмѣсто римской явились имперіи французская, австрійская, германская. Но Петръ цѣлымъ вѣкомъ предупредилъ это явленіе, первый въ своемъ титулѣ указалъ начало народности. Великая благодарность великому человѣку за то, что онъ неразрывно связалъ имя свое и своихъ преемниковъ съ именемъ своего народа, съ именемъ родной страны. (Соловьевъ) [1]).

Въ Западной Европѣ новый титулъ русскихъ государей былъ

---

[1]) Рекомендуемъ ознакомиться съ книгой „Сочиненія Сергѣя Михайловича Соловьева“.

признанъ не сразу. Немедленно за принятіемъ Петромъ Великимъ императорскаго титула его признали только Пруссія и Нидерланды. Вскорѣ послѣ нихъ признала его Швеція. Значительно позже онъ былъ признанъ остальными государствами: Франція и Испанія признали его только въ 1745 году, т. е. 20 лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Великаго.

Стремясь къ необходимымъ завоеваніямъ на Западѣ, Петръ Великій не упускалъ изъ виду и Востока. Онъ отлично понималъ значеніе Востока для русской торговли. Сперва онъ имѣлъ въ виду найти водные пути въ Индію и посылалъ съ этою цѣлью Волынскаго въ 1715 году въ Персію и Бековича-Черкасскаго въ слѣдующемъ году въ Хиву. Только позднѣе онъ пришелъ къ мысли о пріобрѣтеніи Каспійскаго побережья. Еще до окончанія Великой Сѣверной войны Петръ получилъ извѣстіе о томъ, что Персія сильно ослабла, и сосѣди ея уже готовятся подѣлить ея наслѣдство между собою. Вскорѣ послѣ Ништадтскаго мира Петръ предпринялъ походъ къ Каспійскому морю, чтобы помѣшать туркамъ утвердиться на западныхъ берегахъ его. Здѣсь покорились ему города Тарки и Дербентъ, а послѣ возвращенія императора въ Петербургъ были завоеваны нами Рештъ и Баку. Въ 1723 году былъ заключенъ въ Петербургѣ договоръ съ Персіей, по которому она отступилась отъ западнаго побережья Каспійскаго моря въ пользу Россіи.

Реформы Петра Великаго.

87. Военныя реформы. Съ половины XV столѣтія въ Московскомъ государствѣ установился порядокъ, въ силу котораго военная служба сдѣлалась повинностью всѣхъ землевладѣльцевъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣльцы не доставляли необходимаго правительству войска въ достаточномъ количествѣ, правительство вербовало на военную службу крестьянъ и даже холоповъ. Многіе изъ крестьянъ и холоповъ выходили благодаря этому изъ своихъ сословій и, получая за ратную службу небольшія помѣстья, становились военно-служилыми людьми. Кромѣ того, военно-служилый классъ постоянно пополнялся выходцами изъ другихъ странъ— Литвы, Польши, Германіи и татарскихъ ордъ. Все это пестрое войско существовало только во время войны и разбредалось послѣ ея окончанія. При такомъ условіи невозможно было сообщить войску надлежащую стройность, требовать отъ него хорошаго вооруженія. Ощущая необходимость имѣть постоянное и хорошо обученное войско, правительство завело небольшой отрядъ «пищальниковъ» или

«стрѣльцовъ», а затѣмъ стало выписывать изъ-за границы цѣлые отряды наемниковъ. Разумѣется, скоро правительство познало непригодность этихъ отрядовъ, которые къ тому же и обходились ему очень дорого. Тогда, начиная съ Михаила Ѳеодоровича, правительство стало обнаруживать попытки къ постепенному созданію своего собственнаго правильно устроеннаго войска. Съ этой цѣлью оно устраивало собственные пѣшіе (солдатскіе) и конные (рейтарскіе и драгунскіе) полки, образуя ихъ посредствомъ набора изъ мелкопомѣстныхъ и даже безпомѣстныхъ дворянъ, изъ даточныхъ (рекрутовъ) и «охочихъ» людей другихъ классовъ. Начальствовали надъ ними иностранные офицеры, обучавшіе свои полки военнымъ пріемамъ, господствовавшимъ въ Западной Европѣ. Преемники Михаила Ѳеодоровича продолжали начатое имъ дѣло, и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича у насъ насчитывалось уже нѣсколько десятковъ полковъ иноземнаго строя.

Петръ Великій совершенно уничтожилъ стрѣлецкіе полки, а дворянскую конницу съ ея походными дворовыми людьми и полки иноземнаго строя превратилъ съ самаго начала XVIII столѣтія въ регулярную армію, сообщивъ ей внѣшній видъ и строй регулярныхъ западноевропейскихъ армій и присоединивъ къ ней два гвардейскіе полка—Преображенскій и Семеновскій, — образовавшіеся изъ «потѣшныхъ». Въ силу необходимости онъ удержалъ эту армію подъ ружьемъ во все время своего царствованія. Обстоятельства заставляли Петра не только пополнять естественную убыль въ ея рядахъ, но и увеличивать ея численность сообразно съ потребностями войны. До Петра Великаго вербовались изъ неслужилыхъ людей только охотники, что называлось на тогдашнемъ языкѣ «приборомъ». Петръ замѣнилъ приборъ общимъ рекрутскимъ наборомъ, обязательно касавшимся неслужилыхъ классовъ общества. До Петра Великаго военные отряды имѣли характеръ мѣстныхъ ополченій, которыя набирались, были обучаемы и управлялись мѣстными властями. При Петрѣ наша военная сила или армія обособилась въ отдѣльное сословіе, ничѣмъ не связанное съ землею. Вмѣсто прежняго «верстанія» служилыхъ людей помѣстьями теперь было введено денежное вознагражденіе, и лишь за особыя заслуги жаловались земли въ наслѣдственное владѣніе. Къ концу царствованія Петра Великаго наша регулярная армія исчислялась приблизительно въ 212,000 человѣкъ. Ея содержаніе легло новою тяжелою повинностью на населеніе [1]). Пока продолжались военныя дѣйствія, Петръ покрывалъ необходимые расходы на войско новыми чрезвычайными налогами. По окон-

[1]) Содержаніе арміи стоило при Петрѣ Великомъ слишкомъ 40.000,000 р. въ годъ на наши деньги.

чаніи войны онъ рѣшилъ не распускать армію по домамъ, и такимъ образомъ налоги на содержаніе войска сдѣлались постоянными. Кромѣ регулярнаго войска существовало и нерегулярное, состоявшее главнымъ образомъ изъ казаковъ; число нерегулярнаго войска при Петрѣ Великомъ простиралось до 110,000 человѣкъ.

Кромѣ созданія регулярнаго войска, царствованіе Петра Великаго ознаменовалось еще учрежденіемъ флота. Послѣдній состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и около 800 галеръ и мелкихъ судовъ, съ экипажемъ въ 28,000 человѣкъ [1]).

88. Реформа центральнаго управленія. До самаго конца XV вѣка государственное управленіе на Руси почти совершенно сливалось съ дворцовымъ хозяйствомъ. Управленіе въ каждомъ изъ княжествъ русскихъ сосредоточивалось въ рукахъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя вѣдали и дворцовое управленіе своего великаго князя. Однако, князь не былъ по отношенію къ территоріи своего княжества только хозяиномъ большой вотчины. Онъ судилъ населеніе, собиралъ съ него подати, велъ войны—всѣ эти виды дѣятельности князя носили характеръ государственный. Съ другой стороны, лица, окружавшія князя и служившія ему, были въ одно время и его личными приказчиками, и настоящими государственными чиновниками. Одни изъ нихъ завѣдывали финансами, другіе—военнымъ дѣломъ, третьи вели переговоры съ другими рускими княжествами или чужеземными государствами. По древнему выраженію, всѣ эти разнородныя дѣла были «приказаны» княземъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ слугъ. Постепенно группы лицъ, завѣдывавшихъ тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣломъ, составили особыя учрежденія, присутственныя мѣста, которыя и стали называться «приказами»; въ отдѣльности приказъ, завѣдывавшій финансами, сталъ называться «дворцомъ»; завѣдывавшій военнымъ дѣломъ — «разрядомъ», и наконецъ — внѣшнія сношенія сосредоточились въ «посольскомъ приказѣ».

Когда великіе князья московскіе окончательно рѣшили задачу объединенія Руси, когда всѣ русскія княжества слились въ одно Московское государство, необходимо должна была произойти и перемѣна въ управленіи. Но эта перемѣна была чисто внѣшнею. Присоединяя ту или другую область къ своему великому княжеству, великіе князья московскіе переводили въ Москву центральныя учрежденія присоединяемыхъ къ Москвѣ областей. Сюда переносились областные «дворцы», «приказы» и «разряды». Тогда — послѣ присоединенія Новгородской общины и великихъ княжествъ Твер-

[1]) Содержаніе флота стоило въ концѣ царствованія Петра Великаго около 12.000,000 рублей въ годъ на наши деньги. На содержаніе арміи и флота расходовалось приблизительно $^2/_3$ всего государственнаго бюджета.

ского и Рязанскаго—рядомъ съ прежнимъ Московскимъ «дворцомъ» появились дворцы Тверской и Рязанскій, въ отличіе отъ которыхъ Московскій дворецъ сталъ называться «Большимъ», рядомъ съ Московскимъ разрядомъ появился въ Москвѣ разрядъ Новгородскій и т. под. Въ присоединенную же область посылался изъ Москвы «намѣстникъ». Въ половинѣ XVII в. такихъ центральныхъ учрежденій или «приказовъ» было въ Москвѣ свыше 40. Такая раздробленность управленія и вытекавшая отсюда запутанность дѣлопроизводства побудили московское правительство прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя устранили бы эти недостатки. Для этой цѣли правительство или ставило во главѣ нѣсколькихъ приказовъ одно лицо, или же подчиняло одному приказу нѣсколько другихъ; такъ, напр., при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Посольскому приказу, вѣдавшему сношенія съ иностранными государствами, были подчинены 9 другихъ приказовъ—въ томъ числѣ Малороссійскій и Полоняничный, вѣдавшій дѣла о выкупѣ плѣнныхъ.

Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ до Петра Великаго была Боярская Дума, состоявшая преимущественно изъ лицъ знатнаго боярскаго происхожденія, занимавшихъ высшія государственныя должности. Такимъ образомъ Боярская Дума была учрежденіемъ аристократическимъ: ея членами становились лица, не столько отличавшіяся собственными заслугами, сколько знатностью своего рода.

Приказы работали очень медленно. Потребности въ деньгахъ и войскѣ, вызванныя продолжительною и тяжелой Великой Сѣверной войною, заставили Петра подумать объ упрощеніи дѣла центральнаго управленія. Онъ уничтожилъ старые, исторически сложившіеся приказы и замѣнилъ ихъ новыми учрежденіями—коллегіями. Ихъ было только 12. Каждая изъ нихъ вѣдала извѣстное, точно опредѣленное своимъ уставомъ или регламентомъ дѣло. Въ самомъ названіи каждой изъ нихъ точно обозначалось ея вѣдомство: таковы, напримѣръ, коллегіи—Иностранныхъ Дѣлъ, Военная, Адмиралтейская, Коммерцъ-Коллегія, Мануфактуръ-Коллегія, Бергъ-Коллегія и другія. Въ 12-ти коллегіяхъ, бывшихъ центральными общегосударственными учрежденіями, работа управленія должна была сдѣлаться болѣе упрощенной, а слѣдовательно, и болѣе быстрой, чѣмъ въ старыхъ сорока слишкомъ приказахъ, носившихъ характеръ мѣстныхъ, территоріальныхъ учрежденій. Въ этой упрощенности и заключалась главная суть дѣла. Другая сторона дѣла, заключавшаяся въ коллегіальномъ характерѣ новыхъ учрежденій, на практикѣ не дала себя чувствовать въ такой степени, въ какой это было бы желательно. Казалось бы, что рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ въ каждой коллегіи должно было содѣйствовать болѣе тщательному и разностороннему ихъ разсмотрѣнію и обсужденію,

но на самомъ дѣлѣ этому мѣшали и обладавшіе большимъ вліяніемъ на дѣла предсѣдатели или президенты коллегій, и прокуроры, т. е. чиновники, приставленные къ коллегіямъ для наблюденія за ходомъ производившихся въ нихъ дѣлъ. И въ новыхъ коллегіяхъ, какъ въ старыхъ приказахъ, дѣла нерѣдко рѣшались единогласно. Такимъ образомъ, учрежденіе коллегій не было такою реформой, которая принесла бы за собою въ государственное управленіе чего-либо новаго по существу.

Петръ Великій былъ человѣкомъ дѣла. Для него были дороги люди, какъ таковые, дороги по своимъ личнымъ качествамъ, по своимъ взглядамъ, по своей трудоспособности, независимо отъ своего происхожденія. По большей части онъ находилъ себѣ сподвижниковъ въ средѣ людей неродовитыхъ. Вотъ почему онъ отнесся отрицательно и къ высшему правительственному учрежденію старой Руси—къ Боярской Думѣ. Между тѣмъ высшее правительственное учрежденіе, въ которомъ сосредоточивался бы общій надзоръ за ходомъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, было въ высшей степени необходимо. Необходимость его опять-таки подсказывалась тою же войною и тѣсно связанными съ нею частыми и продолжительными отлучками государя [1]). Въ указѣ Петра Великаго, изданномъ въ 1711 году, ясно высказана причина учрежденія Сената. «Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что Мы, для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ, опредѣлили управительный Сенатъ, которому всякъ ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ Самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или и смертью, по винѣ смотря. И ежели оной Сенатъ, чрезъ свое нынѣ передъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однакожъ да молчитъ до Нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ и тогда да возвѣститъ Намъ, однакожъ справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже то будетъ предъ нами суждено, и виноватый жестоко будетъ наказанъ». Такимъ образомъ, Сенатъ, по мысли своего учредителя, долженъ былъ замѣнять личность самого государя во время его отсутствія. Что касается состава членовъ Сената, то въ первые годы здѣсь засѣдали только лица, спеціально назначаемыя для этого государемъ, затѣмъ Сенатъ превратился въ собраніе президентовъ коллегій, а въ концѣ царствованія Петра Великаго сталъ учрежденіемъ смѣшаннаго состава: въ немъ засѣдали и президенты нѣкоторыхъ коллегій, и сенаторы, не имѣвшіе къ коллегіямъ никакого отношенія.

[1]) Боярская Дума не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали съѣзды ближайшихъ сотрудниковъ царя.

Для тайнаго надзора за управленіемъ и въ особенности за правильнымъ поступленіемъ и расходованіемъ казенныхъ суммъ Петръ учредилъ особую должность фискаловъ. Обязанность ихъ опредѣляется въ указахъ 1711 и 1714 годовъ слѣдующими словами: «тайно провѣдывать, доносить и обличать». Всѣ фискалы подчинялись главному изъ нихъ, называвшемуся оберъ-фискаломъ. Послѣдній избирался Сенатомъ и состоялъ при немъ. Петръ Великій считалъ необходимымъ установить извѣстный надзоръ и за дѣятельностью самого Сената. Этотъ надзоръ былъ врученъ генералъ-прокурору, появившемуся уже въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, послѣ Великой Сѣверной войны. Генералъ-прокуроръ былъ блюстителемъ закона и представителемъ верховной власти. Ни одно сенатское постановленіе не могло пріобрѣсти силы безъ его согласія. Онъ наблюдалъ за дѣятельностью не только Сената, но также фискаловъ и прокуроровъ, состоявшихъ при коллегіяхъ.

89. **Реформа областного управленія.** Со временъ Михаила Ѳеодоровича правительство обнаружило стремленіе къ централизаціи. Уже въ это время уѣзды, на которые дѣлилось Московское государство, стали административными округами. Въ города, бывшіе средоточіями уѣздовъ, посылались воеводы. Земскія учрежденія не были отмѣнены, но правительство поставило ихъ въ полную зависимость отъ воеводъ. Преемники царя Михаила, побуждаемые военными потребностями, стали соединять пограничные уѣзды въ крупные военные округа, получившіе названіе разрядовъ; здѣсь воеводы отдѣльныхъ уѣздовъ были подчинены главнымъ окружнымъ воеводамъ, вѣдавшимъ военно-гражданское управленіе своего разряда и предводительствовавшимъ войсками, которыя набирались съ даннаго военнаго округа или разряда.

Эти военные округа или разряды и послужили Петру Великому основаніемъ для реформы областного управленія. Петру Великому было необходимо сосредоточить поступавшія съ населенія подати непосредственно въ рукахъ своихъ генераловъ и адмираловъ. Завоевывая Прибалтійскій край, онъ отдалъ весь сѣверо-западный край въ полное распоряженіе главнокомандующаго Меншикова. Ожидая нападенія со стороны Карла XII, онъ создалъ подобные же военно-финансовые округа со Смоленскомъ въ центрѣ одного и Кіевомъ—въ центрѣ другого и т. под. Такъ создавались новые округа или губерніи, какъ назвалъ ихъ Петръ: С.-Петербургская или Ингерманландская, Смоленская, Кіевская и др. Имѣя въ виду установить единообразіе, Петръ реформировалъ и центръ, и сохранявшій старинное устройство сѣверъ. Старое дѣленіе на уѣзды было слишкомъ дробнымъ; новые округа или губерніи занимали огром-

ныя пространства государственной территоріи, вмѣщая въ себѣ по нѣскольку нынѣшнихъ губерній. Мѣняясь нѣсколько разъ, новое административное дѣленіе государственной территоріи сложилось окончательно въ 1719 году. Вся Россія была подѣлена на 12 губерній. Каждая губернія дѣлилась на провинціи. Подраздѣленіями каждой провинціи были уѣзды. Во главѣ каждой губерніи ставился губернаторъ. Провинціи управлялись воеводами. Управленіе уѣздами находилось въ рукахъ земскихъ комиссаровъ, избиравшихся мѣстными дворянами, отвѣтственныхъ передъ избирателями и въ то же время подчиненныхъ воеводамъ. Петръ Великій обнаружилъ замѣчательную для своего времени попытку отдѣлить судебную власть отъ административной: идея объ этомъ была высказана въ Западной Европѣ позднѣе знаменитымъ Монтескье. Онъ учредилъ по губерніямъ такъ называемые надворные суды, по провинціямъ—провинціальные. Но послѣ Великой Сѣверной войны въ судѣ снова стала участвовать администрація. Петръ Великій стремился изъять изъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ торгово-промышленное населеніе. Съ этою цѣлью уже въ концѣ царствованія Петра были учреждены по городамъ магистраты. Въ Петербургѣ, по повелѣнію государя, Сенатъ учредилъ Главный магистратъ, руководившій остальными. Магистраты вѣдали городское хозяйство, обязаны были заботиться о развитіи промышленности и торговли и рѣшали не только гражданскія, но и уголовныя дѣла подвѣдомственнаго имъ городского населенія.

90. Реформы сословныя. Подушная подать. Уже до Петра Великаго дворянство несло обязательную военную повинность и пополняло ряды московской администраціи. Вмѣсто жалованья дворяне получали отъ правительства земли, которыми владѣли какъ вотчинами или помѣстьями. Такимъ образомъ, дворянство было высшимъ общественнымъ классомъ — военнымъ, административнымъ и землевладѣльческимъ.

Имѣя въ виду создать настоящую регулярную армію по образцу западно-европейскихъ, Петръ постепенно выдѣлилъ военную службу, какъ отдѣльную спеціальность, тогда какъ до него оба вида государственной службы (военной и гражданской) не были разграничены. Приблизительно $^1/_3$ дворянства была допущена Петромъ Великимъ къ гражданской службѣ, остальные же $^2/_3$ обязаны были нести военную повинность. Дворянскія дѣти, достигшія извѣстнаго возраста, обязаны были являться на особые смотры, гдѣ и опредѣлялся родъ службы для того или другого лица. Нерѣдко на этихъ смотрахъ, производившихся въ Москвѣ или Петербургѣ, присутствовалъ и самъ государь. Уже Петръ Великій отлично понималъ значеніе учебной подготовки какъ для военной, такъ и для граждан-

ской службы. Поэтому указомъ, изданнымъ въ 1714 году, онъ предписалъ для дворянскихъ дѣтей обязательное обученіе грамотѣ, цифири и геометріи. Для этой цѣли были учреждены имъ школы при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, дворянинъ былъ обязанъ сдать установленный экзаменъ. Не обучавшійся въ указанныхъ школахъ дворянинъ не имѣлъ права жениться. Каждый дворянинъ обязанъ былъ пройти всю службу, начиная съ рядового въ гвардіи; дворяне, не служившіе рядовыми, не могли быть производимы въ офицеры. Петръ распространилъ военную повинность и на неслужилые классы (на людей тяглыхъ, холоповъ и др.), представители которыхъ поступали на военную службу по рекрутскимъ наборамъ. Дворянинъ начиналъ свою службу вмѣстѣ съ ними, и только надлежащая подготовка и личныя заслуги открывали ему путь дальнѣйшаго возвышенія. Но тѣ же личныя заслуги давали возможность и солдату-крестьянину дослужиться до офицерскаго чина; достигнувъ такового, онъ становился уже дворяниномъ. Правда, и до Петра, въ XVII вѣкѣ, принимались во вниманіе личныя заслуги, но перевѣсъ въ ту пору все же оставался на сторонѣ происхожденія. Петръ Великій рѣшительно поставилъ личныя заслуги выше происхожденія. Вся дворянская масса стала называться при Петрѣ Великомъ «шляхетствомъ». Лица же, состоявшія на службѣ, передвигались, при наличности усердной службы и заслугъ, изъ одного разряда или «ранга» въ другой, болѣе высшій, и получали при этомъ особыя наименованія. Закономъ, изданнымъ въ 1722 году и извѣстнымъ подъ именемъ «Табели о рангахъ», все служилое сословіе было подраздѣлено на 14 ранговъ или классовъ. Каждому рангу во всякомъ родѣ службы соотвѣтствовалъ извѣстный чинъ. Въ военной службѣ дворянство пріобрѣталось первымъ офицерскимъ чиномъ, въ гражданской — чиномъ VIII класса, т. е. чиномъ коллежскаго ассесора. Петръ положилъ начало награжденію за государственную службу знаками отличія и учредилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Подъ вліяніемъ тяжелой и продолжительной войны служба военная сдѣлалась при Петрѣ Великомъ несравненно болѣе тяжелой. Но зато и вознагражденіе за нее стало болѣе прочнымъ. Всѣ земли, жалуемыя за службу, давались теперь въ наслѣдственную собственность. Всякая, даваемая правительствомъ земля была вотчиной, а не помѣстьемъ, и прежде дарованныя помѣстья превращались въ вотчинныя владѣнія. Вотчины кормили дворянъ, давали имъ возможность нести государственную служебную повинность. Очень понятно поэтому, что правительство стремилось сохранить ихъ цѣлость, спасти ихъ отъ раздробленія. Этимъ желаніемъ правительства и объясняется указъ 1714 года о единонаслѣдіи дворянскихъ имѣній. На основаніи этого указа дво-

рянское имѣніе, въ случаѣ смерти владѣльца, обязательно переходило къ одному только лицу, хотя бы у покойнаго было и нѣсколько сыновей. Всякій дворянинъ, желавшій оставить духовное завѣщаніе, непремѣнно долженъ былъ имѣть въ виду это требованіе. При отсутствіи завѣщанія это требованіе приводилось въ исполненіе на основаніи закона, при чемъ въ этомъ случаѣ имѣніе передавалось старшему сыну. Владѣльцу предоставлялась воля только въ выборѣ того или другого наслѣдника. Если у дворянина не было сыновей, имѣніе могло быть завѣщано одной изъ дочерей; при отсутствіи завѣщанія власть передавала имѣніе старшей изъ нихъ. Бездѣтный владѣлецъ могъ завѣщать имѣніе одному изъ своихъ родственниковъ, при отсутствіи же завѣщанія по смерти такого владѣльца имѣніе переходило въ казну. Если указомъ о единонаслѣдіи предполагалось охранить цѣлость дворянскихъ имѣній, то имъ же достигалась и другая цѣль: указъ говоритъ, что сыновья, не получившіе наслѣдства, «принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами».

Главнымъ факторомъ народнаго богатства Петръ, подобно западноевропейскимъ меркантилистамъ, считалъ торговлю и промышленность. Съ другой стороны, еще во время своего перваго путешествія въ Западную Европу онъ былъ пріятно пораженъ кипучею дѣятельностью, рѣзко отличавшею тамошніе города отъ русскихъ. Все это побудило Петра Великаго приложить особенныя заботы на пользу городского населенія, дать и русскимъ городамъ то устройство, которое исторически выработалось въ городскихъ общинахъ Западной Европы. Съ этою цѣлью усиленно покровительствуя торговлѣ и промышленности, онъ и учредилъ магистраты, управлявшіе городами и состоявшіе изъ членовъ, избиравшихся высшею группою населенія, регулярными гражданами. Регулярные граждане были раздѣлены на двѣ гильдіи: въ составъ первой входили банкиры, купцы, ювелиры, аптекари, шкиперы, а также художники и ученые; вторая гильдія состояла изъ мелочныхъ торговцевъ и ремесленниковъ, раздѣленныхъ на цехи. Нерегулярными гражданами, составлявшими низшую группу, считались чернорабочіе, поденщики и др. имъ подобныя лица. Духовные, дворяне и крестьяне, жившіе въ городахъ, въ составъ городского общества не входили.

Послѣ окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года они впали въ крѣпостную зависимость отъ тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ жили. Помѣщики стали распоряжаться крестьянами, какъ своими холопами: ихъ продавали безъ земли. Съ другой стороны, и холопы, по желанію своихъ господъ, принимались за соху. Такимъ образомъ, еще до Петра Великаго совершенно изгладилась та граница, которая отдѣляла крестьянъ отъ холоповъ. Правительство еще до Петра Великаго обра-

тило вниманіе на холоповъ, обрабатывавшихъ пашню, и облагало ихъ, какъ и настоящихъ крестьянъ, государственными податями. При Петрѣ Великомъ въ жизни крестьянъ произошла существенная перемѣна. Ранѣе крестьяне несли подати съ количества обрабатываемой земли или со своихъ дворовъ. Эта система допускала очень легко различныя злоупотребленія, причинявшія существенный ущербъ государственной казнѣ. Петръ же обратилъ, въ виду увеличенія государственныхъ расходовъ, особенное вниманіе на увеличеніе средствъ казны. Въ его царствованіе появились даже такъ называемые прибыльщики. Обязанности, связанныя съ этой новою должностью, сводились къ отысканію способовъ, которые могли бы содѣйствовать указанной цѣли. Однимъ изъ такихъ способовъ была подушная подать, которая должна была замѣнить старые прямые налоги, распредѣлявшіеся по тяглымъ дворамъ. Для проведенія этой финансовой реформы было предписано въ 1718 году произвести перепись всего податного населенія или ревизію. Въ перепись заносились и холопы, до того времени не платившіе государственныхъ податей. Подушная подать, бывшая болѣе высокой по сравненію съ прежней, захватила множество лицъ, ранѣе свободныхъ отъ податей, а потому существенно увеличила размѣры государственныхъ доходовъ.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ положеніе какъ служилыхъ, такъ и тяглыхъ людей осталось тѣмъ же, каковымъ было и до Петра Великаго.

91. Реформа церковнаго управленія. Церковная реформа была проведена въ жизнь на основаніи Духовнаго Регламента, написаннаго, по порученію государя, образованнѣйшимъ изъ духовныхъ лицъ того времени Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Окончивъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи, Прокоповичъ довершилъ свое образованіе за границей — въ Львовѣ, Краковѣ и наконецъ въ Римѣ. Высокопросвѣщенный монахъ обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго, слышавшаго его замѣчательныя проповѣди во время двукратнаго пребыванія въ Кіевѣ. Государъ вызвалъ Ѳеофана въ 1716 году въ Петербургъ, гдѣ онъ произносилъ проповѣди, разъяснявшія слушателямъ политическія событія и значеніе преобразованій Петра. Въ 1718 году Ѳеофанъ былъ возведенъ въ санъ псковскаго епископа и съ этого времени сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ Петра въ его церковныхъ преобразованіяхъ.

Петръ Великій, встрѣчая протесты во имя вѣры, направленные противъ его реформъ, видѣлъ въ патріархѣ средоточіе недовольныхъ. Послѣдній патріархъ Адріанъ сперва, было, высказывался, и притомъ въ рѣзкой формѣ, противъ иноземныхъ обычаевъ, но потомъ удалился въ свой любимый монастырь и относился ко всему проис-

ходившему съ видимымъ безучастіемъ. Несмотря на его молчаніе, государь постоянно опасался противодѣйствія со стороны патріарха, тѣмъ болѣе, что память о Никонѣ и его притязаніяхъ была еще свѣжа. Въ 1700 году патріархъ Адріанъ скончался. Петръ не назначилъ ему преемника, а поставилъ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго «мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола». Такое положеніе дѣлъ продолжалось болѣе двадцати лѣтъ. Только въ 1721 году была проведена задуманная Петромъ Великимъ реформа церкви.

Патріаршество было совершенно уничтожено, а высшая духовная власть передана духовной коллегіи, получившей названіе Святѣйшаго и Правительствующаго Синода. Два года спустя это высшее духовное учрежденіе получило утвержденіе со стороны восточныхъ патріарховъ. Въ Духовномъ Регламентѣ высказаны тѣ побужденія, которыми руководился государь, отмѣняя патріаршество и передавая власть коллегіи. Съ одной стороны, здѣсь отмѣчены преимущества коллегіальнаго учрежденія надъ единоличнымъ. Съ другой стороны, указывается и на сравнительно большую безопасность коллегіальной власти для правительства: «простой народъ не знаетъ, чѣмъ различается духовная власть отъ самодержавной, и, удивленный славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что поборяютъ по самомъ Богѣ». Въ доказательство вѣрности этого соображенія Духовный Регламентъ ссылается на исторію Византіи и папства. «Да не воспомянутся—сказано въ заключеніи—подобные и у насъ бывшіе замахи».

Новое учрежденіе состояло изъ президента (Стефана Яворскаго), двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Въ числѣ членовъ Святѣйшаго Синода были представители и чернаго и бѣлаго духовенства. Представителемъ государя въ Синодѣ былъ оберъ-прокуроръ, назначаемый изъ лицъ свѣтскихъ. Въ инструкціи, данной оберъ-прокурору, послѣдній названъ «окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ». Онъ долженъ былъ слѣдить за рѣшеніемъ дѣлъ въ Синодѣ, останавливать рѣшенія незаконныя и доносить о нихъ государю.

Учрежденіемъ Синода Петръ Великій подчинилъ духовную власть свѣтской. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи этихъ властей другъ къ другу и рѣшенъ, при участіи восточныхъ патріарховъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ рѣшилъ его Петръ. Такимъ образомъ мысль о превосходствѣ свѣтской власти не была новою. Новою была только та форма, въ которую она обле-

клась. Слѣдовательно, и въ этомъ дѣлѣ Петръ не совершилъ переворота, и его церковная реформа стоитъ въ тѣсной связи съ эпохой, ему предшествовавшей.

Кромѣ учрежденія Синода, Петръ Великій предпринялъ еще нѣсколько мѣръ по отношенію къ церкви и духовенству. Такъ, имъ было значительно ограничено вѣдомство церковныхъ судовъ, но начало этому ограниченію было положено уже Алексѣемъ Михайловичемъ посредствомъ учрежденія монастырскаго приказа. Идя, подобно своему отцу, по пути къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, Петръ сперва установилъ надъ ними строгій правительственный контроль, а затѣмъ и совершенно изъялъ ихъ изъ вѣдѣнія духовныхъ лицъ. Архіереи и монастыри не только были устранены отъ управленія своими землями, но даже лишились права самостоятельно распоряжаться доходами съ нихъ. На содержаніе тѣхъ и другихъ были установлены опредѣленныя суммы денегъ, выдававшихся монастырскимъ приказомъ въ ограниченныхъ размѣрахъ—«безъ чего пробыть невозможно». Весь же остатокъ отъ суммы, слагавшейся изъ доходовъ съ церковныхъ имѣній, долженъ былъ употребляться на удовлетвореніе государственныхъ и общественныхъ нуждъ. Возвращая духовнымъ властямъ въ собственное управленіе ихъ вотчины, монастырскій приказъ требовалъ, чтобы они открывали богадѣльни, больницы и т. п. учрежденія. Заботясь объ улучшеніи быта и объ умственномъ развитіи бѣлаго духовенства, Петръ Великій относился съ нескрываемою враждою къ монашеству. На всѣ общественные слои государь смотрѣлъ съ точки зрѣнія пользы, приносимой ими. Люди, уходившіе въ монастыри, не несли податей, не служили государству, а послѣднее въ царствованіе Петра особенно нуждалось въ денежныхъ средствахъ и военной силѣ. Незадолго до смерти Петра Ѳеофанъ Прокоповичъ изложилъ письменно взглядъ государя на монашество. Сказавъ объ установленіи монашества, о древнихъ монахахъ, авторъ высказался и по поводу современныхъ ему монаховъ — «нынѣшнихъ», какъ они названы здѣсь. Возражая противъ извѣстнаго положенія, заключающагося въ томъ, что дѣло монаховъ въ молитвѣ, что они молитвами своими служатъ государству и обществу, Ѳеофанъ продолжаетъ: «а что говорятъ—молятся, то и всѣ молятся; что же прибыль обществу отъ сего?.. Большая часть бѣгутъ (въ монастыри) отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть».

Отношенія Петра Великаго къ раскольникамъ мѣнялись. Пока онъ видѣлъ въ нихъ только религіозную секту, онъ относился къ нимъ вѣротерпимо, хотя и обложилъ ихъ двойною податью. Но, когда послѣдователи раскола, возбуждаемые реформами Петра, стали принимать характеръ политической партіи, партіи консервативной, же-

лавшей полнаго сохраненія старины, взглядъ Петра на нихъ измѣнился. Всѣ дѣйствія Петра раскольники толковали примѣнительно къ различнымъ сказаніямъ о признакахъ появленія антихриста, побѣды Петра приписывали бѣсовской силѣ, говорили, что онъ воцарится въ Царѣградѣ, Римѣ и Іерусалимѣ, но что «на немъ вѣкъ сей скончается» и т. под. Все это побудило Петра предпринять противъ раскольниковъ рядъ жестокихъ мѣръ, ограничить ихъ гражданскія права и, наконецъ, даже заставить ихъ носить особенный нарядъ. Но, преслѣдуя раскольниковъ, Петръ Великій не покидалъ мысли о возможности побѣдить ихъ силою убѣжденія. Самымъ виднымъ представителемъ духовенства, ведшимъ противъ раскола борьбу культурную, былъ Св. Димитрій Ростовскій. Онъ боролся съ расколомъ въ своихъ поученіяхъ и писалъ противъ него сочиненія, изъ которыхъ одно является основательнымъ изслѣдованіемъ о главныхъ раскольничьихъ сектахъ, именно сочиненіе—«Розыскъ о брынской вѣрѣ».

92. Просвѣщеніе и школы. И въ заботахъ о просвѣщеніи Петръ Великій руководился прежде всего тою пользой, которую можетъ оно принести государству. Для войны были необходимы артиллеристы, инженеры и моряки. Такъ какъ научное спеціально-военное образованіе требуетъ первоначальнаго знакомства съ ариѳметикой и геометріей, то Петръ Великій еще въ 1700 году учредилъ въ Москвѣ математическую школу. Учителями въ ней были англичане, знавшіе русскій языкъ, и извѣстный составитель учебника ариѳметики Магницкій. Здѣсь не столько стремились развить мыслительныя способности учащихся, сколько заставить ихъ усвоить чисто механическіе пріемы. Первоначально въ той же математической школѣ обучали навигаціи, артиллерійскому и инженерному искусствамъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя были учреждены инженерная школа, морская академія и, наконецъ, въ 1721 году—школа артиллерійская. Директоръ морской академіи имѣлъ обширную власть, не опредѣленную точными границами. Въ академіи господствовалъ чрезвычайно суровый порядокъ. Къ одному изъ пунктовъ ея устава Петръ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную приписку: «для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой камерѣ во время ученія, и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, не смотря, какой бы онъ фамиліи не былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ». Тяжелый порядокъ, господствовавшій въ этомъ учебномъ заведеніи, доводилъ бѣдныхъ учениковъ до того, что они массами бѣжали изъ академіи. Свои теоретическія познанія, пріобрѣтенныя въ школѣ, навигаторы или гардемарины, какъ ихъ называли, пополняли прак-

тическимъ обученіемъ во флотѣ. И послѣ учрежденія морской академіи Петръ Великій продолжалъ посылать дворянскихъ дѣтей для изученія морского дѣла въ Западную Европу — въ Голландію, Италію, Англію, Францію и Испанію. Окончившіе курсъ морского ученія молодые люди назначались во флотъ офицерами.

На первомъ мѣстѣ такимъ образомъ стояло при Петрѣ Великомъ изученіе военнаго и морского дѣла. Кромѣ того, государь старался распространить въ Россіи знанія, необходимыя для развитія промышленности. Для распространенія знаній этого рода не было заведено особыхъ школъ, кромѣ школъ въ Екатеринбургѣ и адмиралтействѣ. Эти знанія усваивались практически на фабрикахъ и заводахъ, въ типографіяхъ и всякаго рода мастерскихъ. Учителями были преимущественно иностранцы, призывавшіеся Петромъ для развитія промышленности и обученія русскихъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго стало обнаруживаться, что «иноземцы-мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ». Въ виду этого обстоятельства, государь приказалъ испытывать вызванныхъ изъ Западной Европы мастеровъ, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности ихъ знаній. Въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ Петръ приказывалъ «со всѣми мастерами, которые употреблены будутъ въ какую-нибудь фабрику или мануфактуру, договориться, чтобы они изъ россійскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и время, во сколько выучить». Отправляя молодыхъ людей за границу для изученія военнаго и морского дѣла, Петръ посылалъ ихъ туда же и для изученія всего того, что могло послужить на пользу родной промышленности и торговлѣ.

Изъ другихъ спеціальныхъ знаній, хотя въ меньшей степени, обращали на себя вниманіе Петра Великаго медицина и юриспруденція. Медицинѣ обучались практически ученики, состоявшіе при полковыхъ, корабельныхъ и госпитальныхъ лѣкаряхъ. При московскомъ госпиталѣ, основанномъ въ 1707 году, была даже учреждена школа, въ которой поручено было доктору-голландцу (Бидлоо) обучать «хирургіи по основанію анатомическому» нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ людей, знавшихъ голландскій и латинскій языки. Практическія свѣдѣнія по юриспруденціи пріобрѣтались при коллегіяхъ, и только въ послѣдніе годы своей жизни Петръ выразилъ намѣреніе учредить юридическія школы.

Сознавая необходимость образованія для духовенства, Петръ улучшилъ матеріальное положеніе учителей, состоявшихъ при Московской Академіи, и положилъ небольшое содержаніе ея ученикамъ. Въ Духовномъ Регламентѣ указана обязанность каждаго архіерея

основывать при своемъ домѣ школу для приготовленія священнослужителей. На самомъ дѣлѣ это указаніе было исполнено далеко не всѣми архіереями.

Элементарное образованіе предполагалось распространить при посредствѣ такъ называемыхъ «цифирныхъ школъ», которыя должны были еще по указу 1714 года открываться при архіерейскихъ домахъ и наиболѣе видныхъ монастыряхъ. Школы эти назначались для «дѣтей дворянъ и приказнаго чина отъ 10—15 лѣтъ», а съ 1715 года вообще для «молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей». Учитель выдавалъ, по окончаніи курса, своимъ ученикамъ особыя свидѣтельства, дозволявшія имъ вступать въ бракъ. Но, послѣ того какъ былъ объявленъ Духовный Регламентъ, устанавливавшій необходимость архіерейскихъ школъ для дѣтей священниковъ и причетниковъ, цифирныя школы стали пустовать. Въ 1722 году этимъ школамъ былъ нанесенъ страшный ударъ указомъ Синода о томъ, чтобы «ариѳметическихъ школъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ не имѣть».

Наконецъ, Петръ Великій задумалъ учредить въ Петербургѣ академію въ качествѣ высшаго ученаго и учебнаго заведенія. Академическіе ученые обязаны были достигать трехъ цѣлей: разрабатывать науку, читать лекціи молодымъ людямъ и приготовлять изъ послѣднихъ учителей, которые могли-бы обучать другихъ первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ. Государь распорядился о вызовѣ ученыхъ изъ-за границы и поручилъ управленіе академіей Блументросту. На содержаніе новаго учрежденія назначался доходъ съ 4 городовъ. Въ распоряженіе академіи давалась библіотека и собраніе разныхъ рѣдкостныхъ предметовъ или кунсткамера. Петръ разработалъ уставъ академіи до мелочей, но открытіе академіи, за смертью Петра Великаго, выпало на долю его преемницы.

93. Дѣло царевича Алексѣя. Наталья Кирилловна, думая привязать своего непосѣдливаго сына къ дому, женила его на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной. Но этотъ бракъ оказался несчастнымъ, такъ какъ мужъ и жена совершенно не сошлись характерами. Жена не понимала своего мужа и не сочувствовала ему, что и повело къ разрыву между ними. По возвращеніи изъ своего перваго заграничнаго путешествія, Петръ постригъ свою жену въ монахини, подъ именемъ Елены. Отъ этого несчастнаго брака остался сынъ Алексѣй.

До девятилѣтняго возраста царевичъ Алексѣй жилъ при матери и воспитывался, конечно, въ несочувствіи къ отцу. Когда мать была пострижена въ монахини, царевичъ сталъ жить у своихъ тетокъ, сестеръ отца, въ Московскомъ дворцѣ, гдѣ все дышало еще старою, до-Петровскою Русью. Вокругъ царевича собралось общество людей, которые относились къ его отцу со злобой и были врагами

всѣхъ его нововведеній. Такая среда должна была неминуемо воспитать въ царевичѣ врага отцовскихъ реформъ. Если бы Петръ имѣлъ возможность измѣнить обстановку, окружавшую сына, и дать послѣднему надлежащее воспитаніе и образованіе, жизнь молодого царевича могла бы сложиться совершенно иначе. Къ несчастію, Петръ не находилъ времени для того, чтобы заняться своимъ собственнымъ сыномъ. Правда, отцу рисовался планъ воспитать своего сына за границей, но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Слишкомъ поздно увидѣлъ Петръ свою роковую ошибку, увидѣлъ тогда, когда уже не было никакой возможности поправить дѣло. Въ 1711 году онъ жѣнилъ Алексѣя на одной иностранной принцессѣ, но и эта женитьба не повліяла на сына въ смыслѣ желательномъ для отца, какъ раньше не оказали на него никакого вліянія отцовскіе упреки и побои. Къ тому же супруга царевича Алексѣя умерла слишкомъ рано, оставивъ послѣ себя сына Петра и дочь Наталью. Послѣ смерти жены царевича Алексѣя Петръ приступилъ къ нему съ требованіемъ — или исправиться, или отказаться отъ всякой надежды на наслѣдованіе верховной власти. Государь слишкомъ много работалъ, слишкомъ дорожилъ поэтому своимъ дѣломъ, чтобы спокойно передать его въ ненадежныя и даже неподходящія руки. Близкіе къ царевичу люди посовѣтовали царевичу притворно отказаться отъ короны, чтобы положить этимъ отказомъ конецъ дальнѣйшимъ требованіямъ отца. Но Петра не удовлетворилъ отказъ сына. Видя въ немъ врага своему дѣлу, онъ не безъ основанія опасался, что, при подходящемъ случаѣ, отказъ будетъ объявленъ вынужденнымъ, и сынъ все-таки завладѣетъ престоломъ. Чтобы сдѣлать совершенно невозможнымъ подобный оборотъ дѣла, отецъ потребовалъ, чтобы сынъ постригся въ монахи, если не хочетъ слѣдовать примѣру и совѣтамъ своего отца. Царевичъ снова обманулъ отца, заявивъ о своемъ желаніи постричься въ монахи. Все еще надѣявшійся на перемѣну въ сынѣ, Петръ далъ ему извѣстный срокъ, чтобы хорошенько подумать передъ такимъ рѣшительнымъ шагомъ, а самъ уѣхалъ за границу. Когда приближался конецъ условленнаго срока, отецъ, еще не вернувшійся изъ-за границы, обратился къ сыну съ напоминаніемъ о немъ и звалъ его къ себѣ въ Данію въ томъ случаѣ, если онъ рѣшилъ не идти въ монастырь. Сынъ воспользовался этимъ призывомъ, какъ весьма удобнымъ предлогомъ, и, вмѣсто поѣздки къ отцу, отправился въ Австрію, къ императору Священной Римской имперіи Карлу VI, чтобы просить у него защиты отъ отцовскаго гнѣва. Карлъ VI укрылъ бѣглеца сначала въ тирольской крѣпости Эренбергѣ, а затѣмъ въ Неаполѣ. На требованіе Петра Великаго выдать ему сына императоръ далъ отрицательный отвѣтъ: онъ писалъ, что будетъ стараться, чтобы Алексѣй избѣгъ непріятельскихъ рукъ и

могъ потомъ, по праву рожденія, наслѣдовать своему отцу. Петръ, не прервавъ переговоровъ съ австрійскимъ дворомъ, отправилъ Толстого и Румянцева съ порученіемъ найти царевича и склонить его къ возвращенію въ Россію. Посланные узнали объ убѣжищѣ царевича и, найдя его, стали склонять къ возвращенію домой. Имъ удалось достигнуть цѣли обѣщаніемъ царевичу полнаго прощенія. Свиданіе между отцомъ и сыномъ состоялось въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ въ присутствіи духовенства и свѣтскихъ вельможъ. Петръ встрѣтилъ своего сына выговоромъ. Алексѣй палъ передъ отцомъ на колѣни, призналъ свою вину и со слезами умолялъ о помилованіи. Отецъ обѣщалъ помиловать его, но лишь при соблюденіи имъ двухъ условій: царевичъ долженъ былъ отказаться отъ наслѣдственныхъ правъ на корону и назвать тѣхъ лицъ, которыя присовѣтывали ему бѣгство. Царевичъ согласился и написалъ повинную, а затѣмъ въ тайной бесѣдѣ съ отцомъ назвалъ ему своихъ сообщниковъ. Отреченіе отъ наслѣдственныхъ правъ совершилось въ Успенскомъ соборѣ передъ Евангеліемъ, гдѣ Алексѣй подписалъ клятвенное обѣщаніе «волѣ родительской во всемъ повиноваться и того наслѣдства никогда и ни въ какое время не искать и не желать и не принимать его ни подъ какимъ предлогомъ». Въ тотъ же день Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ, изобразивъ недостойное поведеніе своего сына Алексѣя, объявилъ его лишеннымъ правъ на престолъ, а второго сына своего Петра — наслѣдникомъ престола.

На слѣдующій день царевичу были предложены пункты о сообщникахъ. Царевичъ указалъ на соучастниковъ въ дѣлѣ побѣга своего за границу. На основаніи этихъ показаній началось слѣдствіе или «розыскъ». Одновременно съ этимъ розыскомъ производился другой. Предметомъ второго розыска была первая супруга царя, инокиня Елена, проживавшая въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ. Присланное изъ Москвы лицо застало инокиню въ свѣтскомъ одѣяніи, а въ церкви нашли на жертвенникѣ таблицу, по которой вмѣстѣ съ царемъ поминали благочестивѣйшую и великую государыню Евдокію Ѳеодоровну. Бывшую царицу повезли въ Москву. Еще съ дороги она послала къ государю письмо, въ которомъ каялась въ проступкѣ и, прося помилованія, обѣщала пребывать въ иноческомъ санѣ до самой своей смерти. Слѣдствіе обнаружило, что лица, окружавшія Евдокію-Елену, мечтали о воцареніи ея сына Алексѣя, признавали въ инокинѣ царицу и желали смерти государю. Обнаружились бесѣды недовольныхъ Петромъ о великихъ податяхъ, о продолжительной войнѣ, о народномъ разореніи. Инокиня Елена призналась, что одобряла побѣгъ сына за границу. За розысками послѣдовало нѣсколько казней, а Елена была отправлена на житье въ Ладогу, въ мѣстный женскій монастырь.

Вскорѣ послѣ этого раскрылось, что показанія царевича Алексѣя о самомъ себѣ далеко не согласовались съ дѣйствительностью. Обнаружилось, что царевичъ посылалъ императору Карлу письма съ жалобами на отца, радовался, услыхавъ молву о смутѣ въ Москвѣ, услыхавъ извѣстіе о болѣзни маленькаго царевича, ждалъ смерти отца и смуты, которая могла бы возвести на престолъ его самого. «Когда буду государемъ,—говаривалъ Алексѣй—буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ; корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣніемъ, зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ».

Все это измѣнило положеніе царевича Алексѣя. Передъ отцомъ былъ теперь не раскаявшійся сынъ, а наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся на свои права и на сочувствіе большинства русскихъ людей. Положеніе отца было тяжелое. Онъ не хотѣлъ самъ быть судьею своего сына. «Страдаю,—говорилъ онъ,—а все за отечество, желая ему полезное». Надъ царевичемъ былъ назначенъ судъ, состоявшій изъ высшихъ сановниковъ. Для уясненія дѣла царевича, заключеннаго въ Петропавловской крѣпости, подвергали пыткамъ. Въ своемъ рѣшеніи судъ опредѣлилъ царевичу смертную казнь. Но приговоръ не былъ исполненъ, такъ какъ царевичъ умеръ въ крѣпости въ 1718 году, въ девятую годовщину Полтавской побѣды. Причиною его смерти могли быть и нравственныя потрясенія, вынесенныя имъ, и пытки, изъ которыхъ послѣдняя была совершена надъ нимъ всего за нѣсколько часовъ до смерти.

Въ слѣдующемъ году умеръ и молодой царевичъ Петръ Петровичъ. Изъ близкихъ къ Петру Великому лицъ, кромѣ его второй супруги Екатерины Алексѣевны, остались: внукъ Петръ, сынъ царевича Алексѣя, двѣ дочери—Анна и Елизавета и двѣ племянницы—Екатерина и Анна Іоанновны. Это обстоятельство естественно вызывало мысль о томъ, кто наслѣдуетъ престолъ въ случаѣ смерти государя. Въ 1722 году Петръ Великій издалъ указъ, въ которомъ объявлялъ, что государь воленъ назначить себѣ наслѣдникомъ когоугодно и можетъ лишить наслѣдства уже назначеннаго наслѣдника, если таковой окажется неподходящимъ. Такимъ образомъ, Петръ Великій вмѣсто установленнаго вѣковымъ обычаемъ наслѣдственнаго порядка преемства верховной власти замыслилъ ввести у насъ систему завѣщательную. Въ оправданіе императорскаго указа Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ сочиненіе «Правда воли монаршей», въ которомъ оправдывалъ постановленіе Петра Великаго и теоретическими разсужденіями, и ссылками на исторію. Самъ завѣщатель не успѣлъ назначить себѣ преемника. Впрочемъ, нѣкоторые изъ современниковъ усматривали косвенное указаніе на супругу его,

Екатерину Алексѣевну, какъ на преемницу его, въ томъ торжественномъ коронованіи, которое онъ совершилъ надъ нею незадолго до своей смерти. Во всякомъ случаѣ, изданный Петромъ Великимъ указъ вызвалъ послѣ его смерти нѣсколько переворотовъ, характеризующихъ нашу исторію XVIII вѣка.

Петръ Великій умеръ 28 января 1725 года и былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ, имъ самимъ заложенномъ [1]).

94. **Историческое значеніе дѣятельности Петра Великаго.** Реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ; Петръ не былъ „царемъ-революціонеромъ“, какъ его иногда любятъ называть.

Прежде всего, дѣятельность Петра не была переворотомъ политическимъ: во внѣшней политикѣ Петръ строго шелъ по старымъ путямъ, боролся со старыми врагами, достигъ небывалаго успѣха на западѣ, но не упразднилъ своими успѣхами старыхъ политическихъ задачъ по отношенію къ Польшѣ и Турціи. Онъ много сдѣлалъ для достиженія завѣтныхъ помысловъ Московской Руси, но не додѣлалъ всего. Покореніе Крыма и раздѣлъ Польши при Екатеринѣ II были слѣдующимъ шагомъ впередъ, который сдѣлала наша нація, чѣмъ прямо продолжено было дѣло Петра и старой Руси. Въ политикѣ внутренней Петръ недалеко ушелъ отъ XVII вѣка. Государственное устройство осталось прежнимъ: полнота верховной власти, формулированная царемъ Алексѣемъ, въ словахъ Дѣяній Апостольскихъ, получила болѣе пространное опредѣленіе при Петрѣ въ Регламентѣ воинскомъ, въ указахъ, наконецъ, въ философскихъ трактатахъ Ѳеофана Прокоповича. Земское самоуправленіе, не имѣвшее политическаго характера и имѣвшее характеръ сословный до Петра, осталось такимъ и при Петрѣ. Надъ органами сословнаго самоуправленія, какъ и раньше, стояли учрежденія бюрократическаго характера, и хотя формы администраціи были измѣнены, общій типъ ея оставался неизмѣннымъ, какъ было и до Петра,—смѣшеніе началъ личнаго съ коллегіальнымъ, бюрократическаго съ сословнымъ.

Дѣятельность Петра не была и общественнымъ переворотомъ. Государственное положеніе сословій и ихъ взаимныя отношенія не потерпѣли существенныхъ измѣненій. Прикрѣпленіе сословій къ государственнымъ повинностямъ осталось во всей силѣ, измѣнился только порядокъ исполненія этихъ повинностей. Дворянство при Петрѣ не достигло еще права владѣнія людьми, какъ сословной привилегіи, а владѣло крестьянскимъ трудомъ лишь на томъ основаніи, что нуждалось въ обезпеченіи за свою службу. Крестьяне не потеряли правъ гражданской личности и не считались еще полными крѣпостными. Жизнь закрѣпощала ихъ все болѣе, но, какъ мы видѣли, началось это еще до Петра, а окончилось уже послѣ него.

Въ экономической политикѣ Петра, въ ея задачахъ также нельзя видѣть крутого переворота. Петръ ясно опредѣлилъ ту задачу, къ рѣшенію которой невѣрными шагами шли и до него—задачу поднятія производительныхъ силъ страны. Его программа развитія національной промышленности и торговли была знакома въ XVII вѣкѣ теоретически—Крижаничу, практически—Ордыну-Нащокину. Результаты, достигнутые Петромъ, не поставили народное хозяйство на новое основаніе.

---

[1]) Обращаемъ вниманіе на популярное изложеніе царствованія Петра Великаго проф. Брикнера подъ заглавіемъ „Иллюстрированная исторія Петра Великаго“.

Главнымъ источникомъ народнаго богатства и при Петрѣ остался земледѣльческій трудъ, и Россія, имѣя послѣ Петра болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, была все-таки земледѣльческой страной, съ очень слабымъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ.

И въ культурномъ отношеніи Петръ не внесъ въ русскую жизнь новыхъ откровеній. Старые культурные идеалы были тронуты до него; въ XVII вѣкѣ вопросъ о новыхъ началахъ культурной жизни сталъ рѣзковыраженнымъ вопросомъ. Царь Алексѣй отчасти, и царь Ѳеодоръ вполнѣ, являлись уже представителями новаго направленія. Царь Петръ въ этомъ прямой ихъ преемникъ. Его предшественники были ученики кіевскихъ богослововъ и схоластиковъ, а Петръ былъ ученикъ западно-европейцевъ, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространеніи своихъ знаній въ народѣ, а Петръ считалъ это однимъ изъ главныхъ своихъ дѣлъ. Этимъ онъ существенно отличался отъ государей XVII вѣка. И такъ, Петръ не былъ творцомъ культурнаго вопроса, но былъ первымъ человѣкомъ, рѣшившимся осуществить культурную реформу. Результаты его дѣятельности были велики: онъ далъ своему народу полную возможность матеріальнаго и духовнаго общенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но не слѣдуетъ однако преувеличивать этихъ результатовъ. При Петрѣ образованіе коснулось только высшихъ слоевъ общества и то слабо; народная же масса осталась при своемъ старомъ міровоззрѣніи. (Платоновъ).

Преемники Петра Великаго.

95. Екатерина I и Петръ II. По смерти Петра Великаго возникъ снова вопросъ о преемникѣ ему. Народное большинство и родовитые вельможи стояли за возведеніе на престолъ Петра, сына царевича Алексѣя Петровича. Ходили даже слухи, что родовитые вельможи замышляли, возведя на престолъ малолѣтняго Петра, заключить Екатерину и ея дочерей въ монастырь. Вокругъ Екатерины сгруппировались лица, интересы которыхъ были тѣсно связаны съ ея интересами, какъ напр., Меншиковъ, ненавидимый знатью, и Толстой, котораго считали главнымъ виновникомъ несчастій царевича Алексѣя, отца предполагаемаго государя. Къ нимъ примкнули и лица, обязанныя своимъ возвышеніемъ Петру Великому и нелюбимыя знатью; къ такимъ лицамъ принадлежалъ честолюбивый генералъ-прокуроръ Сената Ягужинскій. Наконецъ, и члены Синода были противъ воцаренія царевича Петра. Побѣдили

сторонники Екатерины и, опираясь на сочувствіе къ ней гвардіи, провозгласили ее императрицей.

Въ царствованіе Екатерины I Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе, такъ какъ надъ нимъ появилась надстройка въ видѣ новаго учрежденія — «Верховнаго тайнаго совѣта». Въ среду небольшого числа членовъ этого учрежденія былъ приглашенъ и важнѣйшій представитель знати, князь Д. М. Голицынъ. Верховный тайный совѣтъ былъ учрежденъ какъ бы для удовлетворенія знати, оскорбленной необычайнымъ возвышеніемъ незнатнаго сподвижника Петра Великаго, Александра Даниловича Меншикова. Въ составъ членовъ новаго учрежденія вошелъ Меншиковъ и другіе неродовитые сотрудники Петра, и такимъ образомъ оно носило характеръ нѣкотораго компромисса между обѣими враждебными сторонами—людьми знатными и незнатными. Вѣдѣнію новаго учрежденія подлежали всѣ важнѣйшія государственныя дѣла.

Въ скоромъ времени послѣ его учрежденія въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ былъ поднятъ весьма важный государственный вопросъ объ облегченіи крестьянъ по отношенію къ подушной подати. Ревизія, произведенная графомъ Матвѣевымъ въ Московской губерніи, обнаружила другую бѣду, отъ которой крестьяне страдали сильнѣе, чѣмъ отъ подушной подати. Ревизіи удалось раскрыть злоупотребленія мѣстныхъ правителей, обогащавшихся на счетъ крестьянъ. Было вскрыто то зло, отъ котораго страдала и древняя Россія, и противъ котораго правительство новой Россіи оказалось безсильнымъ, несмотря на всѣ стремленія Петра Великаго устранить его. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла обнаружило, какъ выражается въ письмѣ Матвѣевъ, «непостижныя воровства и похищенія не только казенныхъ, но и подушныхъ сборовъ». Правительство рѣшилось прибѣгнуть къ строжайшимъ мѣрамъ: нѣкоторые изъ комиссаровъ Новгородской провинціи были повѣшены. Но такія, случайно примѣнявшіяся, мѣры не могли искоренить стараго зла. Поэтому правительство сдѣлало все, что могло сдѣлать въ это время: облегчило крестьянъ въ платежѣ подушной подати и отозвало военныя команды, подъ прикрытіемъ которыхъ производились денежные сборы съ крестьянъ. Облегченіе крестьянъ въ платежѣ подушной подати вызвало сокращеніе государственныхъ доходовъ. Въ виду этого обстоятельства рѣшено было сократить и нѣкоторые расходы путемъ закрытія лишнихъ канцелярій и даже коллегій; въ коллегіяхъ же, которыя были признаны необходимыми, Верховный тайный совѣтъ уменьшилъ число служащихъ, на содержаніе которыхъ уходили большія по тому времени денежныя суммы. Были закрыты и устроенные Петромъ Великимъ надворные суды, и судъ былъ снова отданъ въ руки воеводъ.

Царствованіе Екатерины I продолжалось только 2 года (1725—1727). Основываясь на указѣ Петра Великаго, она назначила своимъ преемникомъ малолѣтняго царевича Петра Алексѣевича. До совершеннолѣтія Петра II регентство вручалось Верховному тайному совѣту, со включеніемъ въ него обѣихъ дочерей Петра Великаго.

Петру II (1727—1730) было всего 11 лѣтъ, когда умерла императрица Екатерина I. Фактически верховная власть сосредоточилась въ рукахъ Меншикова, который даже перевезъ государя въ свой домъ, а черезъ 2 недѣли обручилъ его съ одною изъ своихъ дочерей. Стремясь упрочить свое господство, Меншиковъ удалилъ мало-по-малу отъ двора всѣхъ непріятныхъ ему лицъ. Со знатью у него установилось временное согласіе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ на сторону Петра Алексѣевича, ея кандидата. Но это согласіе не могло быть продолжительнымъ: Меншикова не любили за его высокомѣріе, и многіе знатные люди стремились занять при дворѣ его мѣсто. Достиженіе ихъ стремленій облегчалось тѣмъ, что юный императоръ не любилъ Меншикова и не чувствовалъ никакой привязанности къ его дочери, своей невѣстѣ. Этою антипатіей Петра II къ высокомѣрному временщику искусно воспользовалось семейство князей Долгорукихъ. Видя явное нерасположеніе къ себѣ императора, Меншиковъ испробовалъ различныя средства, чтобы удержать свое положеніе. Между прочимъ, онъ сталъ горячо упрекать воспитателя молодого императора, извѣстнаго дѣятеля эпохи Петра Великаго, Остермана, въ томъ, что онъ пытается отвратить императора отъ православія, и грозилъ ему колесованіемъ. Остерманъ, всегда осторожный, уже видѣлъ неизбѣжность паденія Меншикова и отвѣчалъ ему, что колесовать его не за что, но онъ знаетъ человѣка, который можетъ быть колесованъ, намекая такимъ образомъ на самого временщика. Между тѣмъ, императоръ проявилъ неожиданную для Меншикова энергію, отдавъ приказъ гвардіи, чтобы та не слушалась ничьихъ приказаній, кромѣ тѣхъ, которыя исходили непосредственно отъ императора. На слѣдующій же день Меншикову былъ объявленъ арестъ. Всѣ попытки павшаго Меншикова выхлопотать себѣ помилованіе не привели ни къ чему. По приказу императора, онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и орденовъ и сосланъ въ свое дальнее имѣніе Ораніенбургъ (въ Рязанской губерніи). Ему были зачтены теперь и новыя и старыя злоупотребленія, за которыя неоднократно прощалъ его Петръ Великій. Вскорѣ изъ Ораніенбурга онъ былъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Березовъ. Ссылая Меншикова въ Сибирь, его лишили громаднаго состоянія, которымъ онъ обладалъ. У него было 90,000 душъ крестьянъ, 6 городовъ, нѣсколько милліоновъ капиталу, на милліонъ движимаго имущества и брилліантовъ. У него отняли даже его костюмъ, надѣливъ его сермягой, тулупомъ и бараньей шапкой.

Вліяніе Долгорукихъ на императора было неблагопріятнымъ для него. Они потворствовали его отвращенію къ труду, его любви къ забавамъ и развлеченію. Петръ II покинулъ Петербургъ и переселился со своимъ дворомъ въ Москву. На вопросъ, долго ли дворъ останется въ Москвѣ, слышался отвѣтъ: быть можетъ, навсегда. Этотъ отвѣтъ производилъ на различныхъ людей различное впечатлѣніе. Многіе вельможи радовались тому, что появилась наконецъ возможность покинуть новый городъ съ его болотистой и бѣдной мѣстностью. Ужасались переѣзду тѣ, кто въ удаленіи изъ Петербурга («парадиза» Петра Великаго) видѣли удаленіе отъ дѣлъ Петра Великаго, отъ Европы, пренебреженіе моремъ и флотомъ, удаленіе Россіи отъ Западной Европы. Поселившись въ Москвѣ, Петръ II совсѣмъ отдался удовольствіямъ. Онъ скитался по окрестностямъ Москвы, отдаваясь любимому своему занятію—охотѣ. «Все въ Россіи въ страшномъ разстройствѣ, доносили иностранные посланники своимъ дворамъ: царь не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься; денегъ никому не платятъ, и Богъ знаетъ, до чего дойдутъ финансы: каждый воруетъ, сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго совѣта нездоровы и не собираются; другія учрежденія также остановили свои дѣла» и т. д. Но въ народѣ все было спокойно; этому спокойствію способствовалъ миръ, продолжавшійся уже около 8-ми лѣтъ, способствовали уменьшенія всякаго рода тяготъ. Значеніе Долгорукихъ росло все болѣе и болѣе. Царь имѣлъ намѣреніе вступить въ бракъ съ сестрою своего любимца Ивана Долгорукаго. Но все это рушилось, когда новый императоръ, заболѣвшій оспою, скончался въ 1730 году.

96. Верховный тайный совѣтъ и Анна Іоанновна. Хотя Петръ II и умеръ, не оставивъ завѣщанія, но существовало завѣщаніе Екатерины I, которымъ престолъ, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра II, переходилъ къ старшей дочери Петра Великаго, Аннѣ Петровнѣ и ея потомству, а за отсутствіемъ послѣдняго, къ ея сестрѣ, Елизаветѣ Петровнѣ. Анна Петровна, выданная замужъ за герцога голштинскаго, не дожила до смерти Петра II, но послѣ нея остался малолѣтній сынъ Петръ Ѳеодоровичъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III). Онъ то и былъ, по завѣщанію Екатерины I, законнымъ наслѣдникомъ Петра II.

Но вопросъ о преемствѣ престола рѣшился не на основаніи завѣщанія Екатерины I, а на основаніи рѣшенія Верховнаго тайнаго совѣта, въ которомъ на этотъ разъ присутствовали не по праву, такъ какъ не состояли членами совѣта, а по родству съ членами совѣта, двое князей Долгорукихъ и князь Голицынъ (М. М.). Главную роль въ дѣлѣ избранія представителя верховной власти игралъ князь Д. М. Голицынъ. Онъ объявилъ завѣщаніе Екатерины I не-

дѣйствительнымъ на томъ основаніи, что сама она не имѣла права занимать престола, какъ женщина низкаго происхожденія. Онъ выставилъ кандидаткой на престолъ, уже совсѣмъ безъ всякаго отношенія къ праву, младшую племянницу Петра Великаго, Анну Іоанновну, вдовствующую герцогиню курляндскую. Совѣтъ согласился съ его предложеніемъ. Затѣмъ Голицынъ сдѣлалъ второе предложеніе — объ ограниченіи верховной власти: «надобно, говорилъ онъ, себѣ полегчить, воли себѣ прибавить, написавъ, послать къ Ея Величеству пункты...» Тотъ же князь Голицынъ предложилъ на утвержденіе совѣта и самыя кондиціи, т. е. условія, на которыхъ избиралась Анна Іоанновна.

Приводимъ здѣсь пункты или кондиціи: „Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія (обѣщаемся): 1) Ни съ кѣмъ войны не всчинять. 2) Миру не заключать. 3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать. 4) Въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять. Гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта. 5) У шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отнимать. 6) Вотчины и деревни не жаловать. 7) Въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить. 8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять. — И всѣхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде сего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны“.

Когда въ Москвѣ распространились слухи о замыслахъ «верховниковъ», дворянство или шляхетство пришло въ сильное волненіе. Оно разбилось по этому вопросу на двѣ партіи: меньшинство рѣшительно высказывалось противъ какихъ бы то ни было ограниченій, желая «старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно» (т. е. не подвергать его измѣненіямъ); большинство, сочувствуя реформѣ, было очень недовольно тѣмъ, что не было опрошено при выработкѣ пунктовъ, и полагало, что новое государственное устройство должно быть разработано въ учрежденіи болѣе обширномъ, чѣмъ Верховный тайный совѣтъ [1]). Верховники старались успокоить прогрессивную часть шляхетства, обѣщая, что вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ будетъ отданъ на обсужденіе «всѣхъ чиновъ» людей, какъ только будетъ получено отъ Анны Іоанновны согласіе на представленныя ей кондиціи.

---

[1]) „Кто намъ поручится, спрашивали они, что современемъ, вмѣсто одного государя, не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены станутъ сами издавать законы, то они во всякое время могутъ ихъ уничтожить“. (Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Верховники и шляхетство).

Анна Іоанновна, не ожидавшая короны, подписала кондиціи. Тогда князь Черкасскій просилъ у Верховнаго тайнаго совѣта дозволенія шляхетству представить въ совѣтъ свои мнѣнія и проекты о новомъ государственномъ устройствѣ. Такихъ проектовъ, составленныхъ различными кружками, было подано 12. Самый обработанный изъ нихъ былъ составленъ извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ. Наиболѣе обработанные проекты требовали увеличенія числа членовъ Верховнаго совѣта по выборамъ дворянства. Кромѣ того, въ проектахъ были высказаны различныя просьбы о льготахъ для дворянства: просили раскрѣпощенія дворянъ по отношенію къ государственной службѣ путемъ установленія двадцатилѣтняго срока для нея, просили уничтожить указъ Петра Великаго объ единонаслѣдіи и основать дворянскія школы. Собравъ проекты, верховники не обнаруживали желанія дѣлать какія-либо уступки въ пользу дворянъ, чѣмъ вызвали понятное неудовольствіе среди послѣднихъ. Дворянство, желавшее реформы, разбилось на множество разногласившихъ группъ. Между тѣмъ, партія, стоявшая за сохраненіе прежняго порядка, стала усиливаться.

По пріѣздѣ Анны Іоанновны въ Москву дѣло впередъ не подвинулось. Верховники не отваживались поднять вопросъ объ установленіи новаго государственнаго порядка, императрица же съ самыхъ первыхъ шаговъ нарушила одинъ изъ пунктовъ условія, объявивъ себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Партія, стоявшая за сохраненіе стараго порядка, сумѣла войти съ императрицей въ сношенія и выставить ей на видъ, что ограниченія вовсе не являются всеобщимъ желаніемъ. Анна Іоанновна нѣкоторое время воздерживалась отъ проявленія своихъ намѣреній: сочувствуя шляхетству, враждебному верховникамъ, она тѣмъ не менѣе не отказывалась отъ кондицій. Наконецъ, дѣло разрѣшилось слѣдующимъ образомъ. До 800 дворянъ, явившись во дворецъ императрицы, подали ей просьбу о томъ, чтобы она приказала разсмотрѣть проекты, представленные шляхетствомъ. Тогда гвардейскіе офицеры и другіе представители шляхетства неожиданно обратились къ императрицѣ съ просьбой о сохраненіи самодержавія. Анна Іоанновна сознала свою силу и, потребовавъ кондиціи, разорвала ихъ. Верховный тайный совѣтъ, посягавшій на самодержавную власть императрицы, былъ ею уничтоженъ. Вмѣсто него былъ учрежденъ Кабинетъ, члены котораго назывались кабинетъ-министрами.

Благодарная гвардіи, она увеличила ея численность учрежденіемъ новыхъ гвардейскихъ полковъ. Встрѣтивъ поддержку въ извѣстной части дворянства, она осуществила нѣкоторыя желанія его: установила срокъ службы, бывшей ранѣе безсрочною, отмѣнила указъ Петра Великаго о единонаслѣдіи, открыла для дворянскихъ

дѣтей кадетскій («шляхетскій») корпусъ. Послѣдній былъ основанъ при содѣйствіи Миниха. Сначала кадеты занимались военными экзерциціями почти ежедневно, но вскорѣ правительство издало указъ, чтобы кадеты обучались военнымъ упражненіямъ только одинъ разъ въ недѣлю, такъ какъ частыя экзерциціи могутъ препятствовать научному образованію шляхетскихъ дѣтей.

97. Бироновщина. Полномочнымъ временщикомъ въ царствованіе Анны Іоанновны былъ курляндецъ Бирономъ. Уже до этого временщики давали себя чувствовать и возбуждали недовольство въ народѣ. Такимъ временщикомъ былъ при Екатеринѣ I и отчасти Петрѣ II князь Меншиковъ, при Петрѣ II князь Иванъ Долгорукій. Хотя временщики эти и приносили народу много зла, благодаря своему корыстолюбію, но съ ними мирились, какъ съ русскими людьми. Въ царствованіе Анны Іоанновны обстоятельства рѣзко измѣнились. Хотя императрица въ указахъ своихъ и ссылалась неоднократно на своего великаго дядю, но позабыла его главное правило — не давать первенства иностранцамъ передъ русскими, управлять государствомъ посредствомъ русскихъ людей. Національное чувство было возмущено въ царствованіе Анны Іоанновны отступленіемъ отъ этого правила. Въ самомъ дѣлѣ, во главѣ государства стоялъ фаворитъ — иноземецъ, первымъ кабинетъ-министромъ былъ также иностранецъ (Остерманъ), во главѣ войскъ стояли два фельдмаршала-иностранцы (Минихъ и Ласси), во главѣ коллегій — опять иностранцы. Царствованіе Анны Іоанновны не ознаменовалось ни однимъ сколько-нибудь крупнымъ событіемъ ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ. Изъ двухъ войнъ, веденныхъ правительствомъ, польская была благопріятна для насъ по своему результату, такъ какъ на польскій престолъ былъ возведенъ, при помощи русскихъ штыковъ, желательный для насъ Августъ III, но непонятна для большинства по своимъ политическимъ основаніямъ; вторая, турецкая война, понятная всему народу, какъ война съ басурманами, была совершенно ничтожна по своимъ послѣдствіямъ. Даже блестящіе успѣхи, даже замѣчательные таланты главнаго правителя не заставили бы русское общество примириться съ небывалымъ значеніемъ иноземцевъ. Но, какъ нарочно, не было такихъ успѣховъ, а Бирономъ былъ человѣкомъ безъ достоинствъ.

Время господства Бирона, время «бироновщины» было самою печальною эпохою въ русской исторіи и сохранилось, какъ таковая, въ народной памяти. Съ самаго начала его правленія стали подвергаться опаламъ выдающіеся русскіе люди. Въ народѣ не знали за ними ничего дурного и охотно считали ихъ невинными жертвами господствовавшихъ въ Россіи иноземцевъ. Бирономъ тяготились русскіе люди всѣхъ состояній, но болѣе всего—простой народъ. «Гдѣ

ей (т. е. императрицѣ Аннѣ)—говорили крестьяне — столько знать, какъ мужской полъ? будетъ (т. е. пора перестать) вѣровать боярамъ; бабьи городы никогда не стоятъ, бабьи сѣни высоко не стоятъ... Хлѣбъ не родится, потому что женскій полъ царствомъ владѣетъ» и т. под. Стремясь къ избавленію отъ своего тяжкаго положенія, народъ вѣровалъ нелѣпымъ пророчествамъ, готовъ былъ снова пойти подъ знамена самозванцевъ. Уже въ первые годы царствованія Анны Іоанновны появились два самозванца, изъ которыхъ одинъ назвалъ себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а другой—царевичемъ Петромъ Петровичемъ.

Рис. 70. Минихъ.

Подати, лежавшія на народѣ, не были въ то время велики, но и эти подати не выплачивались аккуратно, благодаря тому, что на крестьянахъ лежало въ ту пору много всякихъ повинностей, что правители злоупотребляли своею властью. Неаккуратная уплата податей вызвала накопленіе недоимокъ; сумма ихъ со времени Петра Великаго достигла почти 7 милліоновъ рублей. Биронъ задался цѣлью взыскать эти недоимки, приписывая образованіе ихъ лѣности и нерадѣнію крестьянъ, а также и тому, что помѣщики и чиновники, собравъ съ крестьянъ деньги, утаиваютъ ихъ. Для сбора недоимокъ былъ учрежденъ такъ называемый Доимочный приказъ. Собираемыя недоимки шли не въ государственную казну, а въ этотъ приказъ и тратились неизвѣстно на что. Уплата недоимокъ усложняла уплату податей и влекла за собою новыя недоимки. При взыскиваніи ихъ употреблялись крутыя мѣры: даже губернаторы отвѣчали за правильность ихъ поступленія своимъ имуществомъ. Очень понятно, что такой пріемъ правительства долженъ былъ вызвать необычайные и жестокіе способы собиранія денегъ съ крестьянъ и помѣщиковъ. У крестьянъ, обѣднѣвшихъ и не бывшихъ въ состояніи сразу же выплатить требуемыя деньги, уво-

дили скотъ, увозили хлѣбъ, не пренебрегали и всякою рухлядью; однимъ словомъ, вызывали ихъ окончательное, безнадежное разореніе. Старостъ и помѣщиковъ подвергали арестамъ и заключенію въ тюрьмѣ. Но, несмотря на эти исключительныя мѣры, въ первый годъ дѣйствія системы Бирона было собрано только около половины необходимой суммы, но и эта часть была куплена цѣною разоренія цѣлыхъ деревень.

Все это вызывало понятное недовольство и увеличивало число враговъ Бирона. Такъ какъ это недовольство могло привести за собою и враждебныя дѣйствія, Биронъ, безпокоясь за свою безопасность, прибѣгъ къ системѣ доносовъ. Тайная канцелярія, замѣнившая собою Преображенскій приказъ, учрежденный при Петрѣ Великомъ, работала съ небывалымъ до того времени усердіемъ. Формула «слово и дѣло», произнесенная противъ кого-либо, влекла за собою для послѣдняго рядъ тяжелыхъ испытаній—тюрьму, пытки и даже смертную казнь. Биронъ задумалъ такимъ образомъ сдержать общество путемъ террора, но, конечно, не могъ достигнуть своей цѣли, такъ какъ управленіе его, а также различныя стихійныя бѣдствія (голодъ и моръ) и страшныя послѣдствія двухъ войнъ были ужаснѣе самой Тайной канцеляріи.

Между тѣмъ, при дворѣ Биронъ былъ окруженъ раболѣпіемъ. Всѣ льстили сильному временщику, всѣ искали его милости и покровительства.

Насколько опасно было вызвать немилость Бирона, показываетъ судьба Артемія Волынскаго. Такъ какъ главный кабинетъ-министръ Остерманъ не унижался передъ Бирономъ и пользовался большимъ вліяніемъ, временщикъ сталъ опасаться его и назначилъ въ противовѣсъ ему въ кабинетъ-министры умнаго и дѣлового Волынскаго. Крайне властолюбивый и легко раздражающійся, Волынскій скоро поссорился съ хитрымъ и сильнымъ при дворѣ Остерманомъ. Другой кабинетъ-министръ, Черкасскій, сперва подружившійся съ Волынскимъ, вскорѣ сталъ сторониться его, такъ какъ противъ Волынскаго былъ не только одинъ Остерманъ, но и самъ Биронъ, содѣйствовавшій его возвышенію. Причина возникшаго у Бирона нерасположенія къ Волынскому заключалась въ томъ, что послѣдній пересталъ заискивать передъ нимъ и сталъ обижаться его обращеніемъ. Дѣло въ томъ, что временщикъ не церемонился ни съ кѣмъ и обходился со всѣми, какъ съ лакеями. Волынскій, сносившій раньше такое обращеніе, сдѣлался теперь въ званіи кабинетъ-министра болѣе щекотливымъ и, не желая доставлять себѣ непріятностей при встрѣчахъ съ Бирономъ, сталъ показываться у него все рѣже и рѣже, сталъ жаловаться на его запальчивость. Свое нерасположеніе къ Бирону и Остерману Волынскій перенесъ

на всю господствовавшую нѣмецкую партію. «Нынѣ пришло наше житье—говорилъ онъ—хуже собаки!» Бывая рѣже у Бирона, Волынскій сталъ все чаще и чаще бывать у императрицы. Этого Биронъ уже не могъ снести и сталъ проявлять досаду на Волынскаго и относиться къ нему съ большимъ подозрѣніемъ. Волынскій имѣлъ неосторожность выразить свое несочувствіе одному изъ плановъ Бирона. Сдѣлавшись герцогомъ курляндскимъ, Биронъ сталъ особенно дорожить своимъ положеніемъ при русскомъ дворѣ, такъ какъ только благодаря этому положенію онъ могъ сохранить свое значеніе въ Курляндіи, которою онъ управлялъ, не покидая Петербурга. Императрица выразила желаніе удержать корону въ своей линіи. Единственною же представительницею дома Іоанна V, кромѣ самой Анны Іоанновны, была дочь ея родной сестры Екатерины, Анна Леопольдовна, принцесса мекленбургская. Вотъ почему вопросъ о бракѣ Анны Леопольдовны занималъ очень многихъ и болѣе всего Бирона. Послѣдній задумалъ женить на племянницѣ императрицы своего сына Петра. Биронъ тѣмъ болѣе разсчитывалъ на удачу своего плана, что принцесса Анна Леопольдовна относилась съ отвращеніемъ къ жениху, котораго ей прочили, къ принцу брауншвейгскому Антону. Но принцесса возмутилась при одной мысли о бракѣ съ Петромъ Бирономъ и объявила, что перемѣнила свое намѣреніе и готова выйти за принца Антона. Волынскій очень радовался тому, что планъ Бирона разстроился, а самый планъ назвалъ въ частной бесѣдѣ «Годуновскимъ намѣреніемъ». Говоря о вредныхъ послѣдствіяхъ осуществленія этого намѣренія, Волынскій заявилъ, что власть Бирона, благодаря такому браку, усилилась бы еще болѣе, что иноземцы стали бы окончательно господствовать надъ русскими, что они отяготили бы народъ податьми, вывезли бы золото, истощили государство и подвергли бы его такими дѣйствіями страшной опасности въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Послѣ состоявшагося брака Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ, Биронъ замѣтилъ, что Волынскій пользуется расположеніемъ молодого двора. Теперь Биронъ сталъ обнаруживать по отношенію къ Волынскому уже явное нерасположеніе. Волынскій, однако, не унывалъ, онъ писалъ различные проекты и читалъ ихъ въ кружкѣ образованныхъ и преданныхъ ему людей. Ихъ похвалы возбудили въ Волынскомъ самыя радужныя надежды. Онъ уже позабылъ о всякой осторожности. Когда, по окончаніи войны съ турками, въ Кабинетѣ, въ отсутствіе Бирона, обсуждался вопросъ о вознагражденіи поляковъ, черезъ земли которыхъ проходили русскія войска, Волынскій рѣзко разошелся съ желаніемъ Бирона. Послѣдній, какъ герцогъ курляндскій, т. е. вассалъ Рѣчи Посполитой, считалъ это вознагражденіе необходимымъ. Во время обсужденія

вопроса Волынскій сталъ горячо настаивать на противномъ и, разгорячившись, сказалъ, что онъ не усматриваетъ никакихъ основаній задабривать издавна враждебныхъ Россіи поляковъ, такъ какъ не состоитъ ни землевладѣльцемъ въ Рѣчи Посполитой, ни ея вассаломъ. Это мнѣніе, въ которомъ заключался прямой намекъ на Бирона, было передано послѣднему. Тогда онъ рѣшился погубить Волынскаго. Бирон потребовалъ у императрицы суда надъ нимъ, обвиняя его въ различныхъ проступкахъ, раздутыхъ до размѣра преступленій. Сначала императрица не соглашалась на требованіе фаворита, но онъ погрозился уѣхать изъ Россіи и предоставилъ Аннѣ Іоанновнѣ выборъ между нимъ и Волынскимъ. Судьба Волынскаго была рѣшена. Спеціально назначенная по этому поводу коммиссія страшными пытками заставила Волынскаго сознаться въ томъ, что онъ позволялъ себѣ дерзкіе отзывы о самой императрицѣ. Страданіямъ его положила конецъ смертная казнь. Послѣ этого трагическаго событія никто уже не осмѣливался оскорблять всемогущаго Бирона.

98. Воцареніе Елизаветы Петровны. Анна Іоанновна назначила своимъ преемникомъ Іоанна Антоновича, сына принца Антона брауншвейгскаго и Анны Леопольдовны. Когда появились признаки скорой кончины императрицы, Биронъ поднялъ вопросъ о неизбѣжномъ при младенцѣ-императорѣ регентствѣ. Казалось бы совершенно естественнымъ, что регентство должно перейти въ руки его родителей или, за неспособностью принца Антона, въ руки Анны Леопольдовны, но Бирону было желательно самому сдѣлаться правителемъ имперіи. Передъ самой кончиной Анна Іоанновна подписала распоряженіе, согласное съ планами Бирона.

Если Бирона ненавидѣли до этого времени, то съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался регентомъ, эта ненависть увеличилась еще болѣе. Биронъ, имѣвшій повсюду шпіоновъ, узналъ, что о немъ отзывались съ презрѣніемъ, что нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ выразили полную готовность помогать принцу Антону, если бы онъ вздумалъ свергнуть надменнаго правителя. Тѣмъ же путемъ онъ узналъ, что родители императора недовольны отстраненіемъ ихъ отъ регентства. Биронъ отвѣчалъ на это арестами, заключеніемъ въ крѣпость, пытками и кнутомъ; во все время его регентства не проходило дня, чтобы не было арестовано нѣсколько человѣкъ. Регентъ посовѣтовалъ принцу Антону не выходить изъ своей комнаты или, по крайней мѣрѣ, не показываться въ публикѣ. Разъ онъ высказался въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ въ томъ смыслѣ, что, если Анна Леопольдовна будетъ упрямиться, онъ вышлетъ ее за границу вмѣстѣ съ мужемъ. Но вскорѣ самого Бирона низвергъ тотъ самый человѣкъ, который усердно хлопоталъ о назначеніи его регентомъ,

а именно—Минихъ. Послѣдній надѣялся на то, что въ регентство Бирона будетъ пользоваться властью, что самъ герцогъ будетъ только носить титулъ правителя. Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на Бирона, Минихъ задумалъ низвергнуть его. Выслушавъ отъ Анны Леопольдовны горькія сѣтованія на регента, Минихъ открылъ ей свой планъ и получилъ съ ея стороны полное одобреніе. Наружно

Рис. 71. Императрица Елизавета Петровна.

онъ продолжалъ оказывать правителю полное почтеніе и даже обѣдалъ у него и провелъ съ нимъ вечеръ всего за нѣсколько часовъ до переворота.

Глубокою ночью Манштейнъ, по порученію Миниха, проникъ съ гвардейскими солдатами въ спальню Бирона и арестовалъ его. Послѣ этого принцесса Анна Леопольдовна объявила себя великой

княгиней и правительницей имперіи на время малолѣтства императора. «Не было никого,—говоритъ Манштейнъ, совершившій этотъ переворотъ,—кто не выражалъ бы своей радости по случаю избавленія отъ тиранніи Бирона, и съ этой минуты всюду водворилось большое спокойствіе; на улицахъ даже были сняты пикеты, разставленные герцогомъ курляндскимъ для предупрежденія возстаній во время его регентства»... Надъ свергнутымъ правителемъ былъ назначенъ судъ по обвиненію его въ неоднократномъ оскорбленіи Величества. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, но послѣдняя была замѣнена ссылкою въ Сибирь (въ Пелымъ).

Но зло заключалось не въ одномъ только Биронѣ, а въ продолжавшемся господствѣ нѣмецкой партіи. Правительство, по прежнему, оставалось нѣмецкимъ и жило для себя, а не для народа.

Русскіе люди, недовольные настоящимъ положеніемъ дѣлъ, жаждали новаго переворота. У нихъ было и лицо, въ пользу котораго возможно было совершить этотъ переворотъ. То была дочь Петра Великаго, цесаревна Елизавета Петровна. И для нея, какъ для народа, тяжело было господство иноземцевъ въ Россіи. По воцареніи Анны Іоанновны, смотрѣвшей на Елизавету Петровну, какъ на опасную соперницу, послѣдней приходилось вести себя такъ, чтобы о ней не было слышно. Ей оказывали внѣшній почетъ, но зорко слѣдили за нею. Въ ея домѣ былъ помѣщенъ въ качествѣ смотрителя дома человѣкъ, обязанный слѣдить за нею и доносить куда слѣдуетъ объ ея поведеніи [1]). Все еще прекрасная собою, когда-то живая и веселая, опальная дочь Петра Великаго жила, не вмѣшиваясь въ политику, среди своего маленькаго двора. Послѣ смерти Анны Іоанновны ея положеніе нѣсколько улучшилось, но не надолго. Съ паденіемъ Бирона, ей благопріятствовавшаго, оно неизбѣжно должно было ухудшиться. Очень скоро отношенія между нею и Анною Леопольдовною обострились до такой степени, что Елизаветѣ, такъ любившей жизнь, сталъ грозить монастырь. Въ этой угрозѣ не было ничего невѣроятнаго. Такимъ образомъ, Елизавету побуждало дойствовать рѣшительно противъ слабаго и непопулярнаго правительства прежде всего чувство самосохраненія. Вокругъ нея собирались преданные ей русскіе люди. У нея было очень много сторонниковъ въ гвардіи. Наконецъ, ее побуждалъ къ совершенію переворота и французскій посолъ, маркизъ Шетарди, дѣйствовавшій черезъ придворнаго доктора цесаревны, француза Лестока. Дѣло въ

[1]) Зная о безпокойствѣ, которое возбуждалъ въ императрицѣ сынъ Анны Петровны, маленькій Петръ Ѳеодоровичъ, жившій въ Голштиніи, Елизавета сняла со стѣны и убрала его портретъ. Извѣстны слова Анны Іоанновны: „чертушка (такъ называла она племянника Елизаветы) въ Голштиніи еще живетъ“.

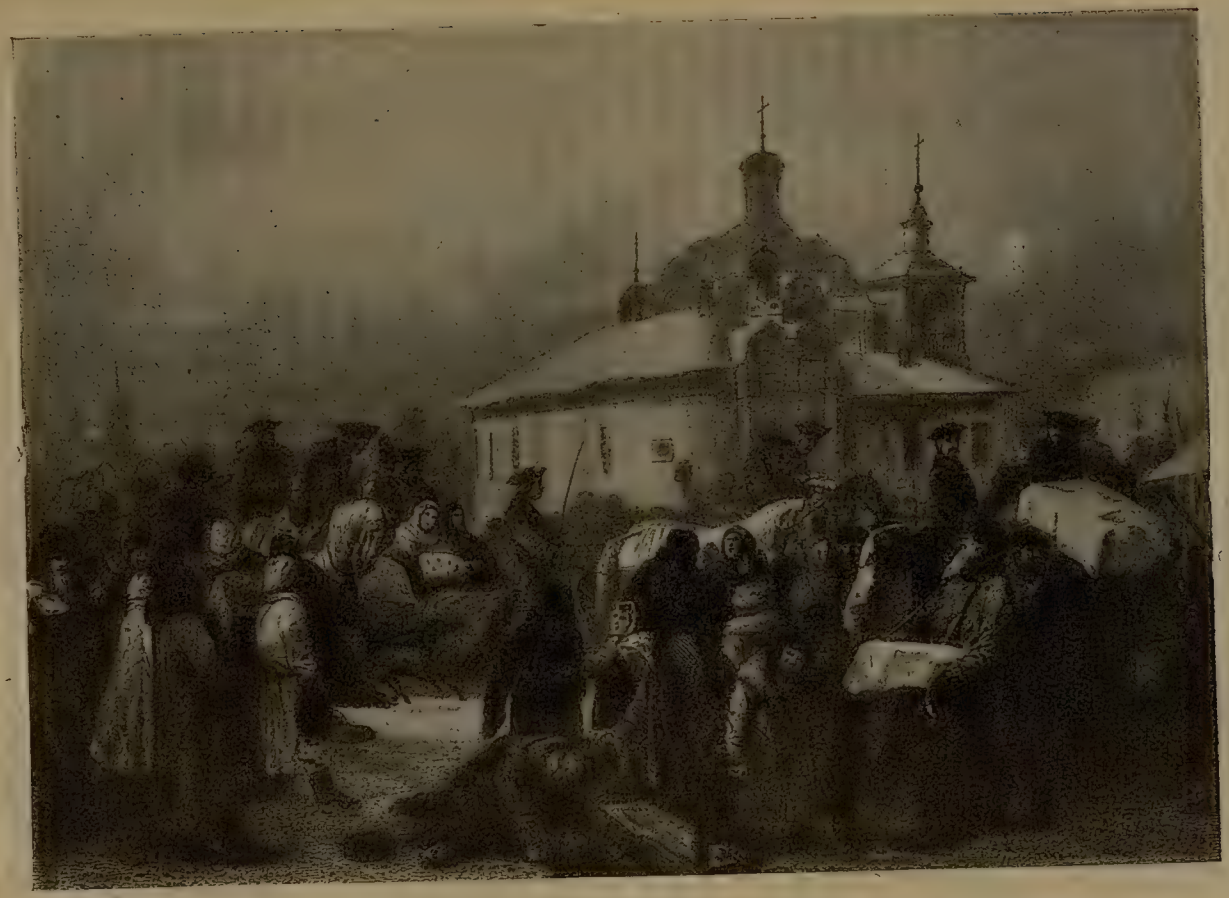


Рис. 72. Зимнее катанье имп. Елизаветы Петровны въ с. Покровскомъ. (Рис. Н. Кошелевъ).

томъ, что и Анна Леопольдовна, подобно императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, крѣпко держалась за союзъ съ Австріей. Эта дружба съ Австріей привела въ правленіе Анны Леопольдовны къ необходимости помогать австрійцамъ вооруженною силою. Но это было невыгодно для Франціи. Вотъ почему представитель Франціи старался, съ одной стороны, вооружить противъ насъ шведовъ, указывая имъ на возможность вернуть завоеванія Петра Великаго, и желалъ, съ другой стороны, возвести на русскій престолъ лицо съ болѣе благопріятными для Франціи взглядами. Такимъ именно желательнымъ для Франціи лицомъ была Елизавета Петровна. Выборъ Шетарди былъ вполнѣ удачнымъ, такъ какъ совпадалъ съ желаніями русскихъ людей.

Трудно было уговорить Елизавету совершить желанный переворотъ. Она не принадлежала къ тѣмъ активнымъ и полнымъ энергіи личностямъ, которыя становятся обыкновенно во главѣ подобныхъ рискованныхъ предпріятій. Но усиленныя убѣжденія преданныхъ ей людей (Разумовскаго, Воронцова, Шувалова и доктора Лестока) и опасность потерять единственную возможность отвратить отъ себя несчастіе съ уходомъ гвардіи въ походъ противъ шведовъ побудили ее приступить къ осуществленію плана, неоднократно до того времени бывшаго предметомъ ея завѣтныхъ мечтаній и тайныхъ бесѣдъ съ близкими и преданными людьми. Въ ночь съ 24-го на 25 ноября 1741 года повторилось приблизительно то же самое съ Анной Леопольдовной и ея семьею, что она сдѣлала съ Бирономъ. Елизавета Петровна съ гренадерами проникла въ спальню правительницы и арестовала ее. Маленькій императоръ Іоаннъ VI былъ низложенъ. Разсказывали, что Елизавета, взявъ свергнутаго ею императора на руки, цѣловала его и сказала: «бѣдное дитя! ты вовсе невинно: твои родители виноваты». Такъ заняла Елизавета престолъ своего геніальнаго отца.

Всѣ видные дѣятели прежнихъ царствованій, нѣмцы, были отданы подъ судъ. Въ числѣ ихъ были Остерманъ и Минихъ. Ихъ приговорили къ смертной казни. Они уже были возведены на эшафотъ, какъ былъ полученъ приказъ замѣнить смертную казнь ссылкой. Остерманъ былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ окончилъ свои дни Меншиковъ, Минихъ — въ Пелымъ на мѣсто Бирона, котораго императрица, памятуя объ его благорасположеніи къ ней, приказала перевести въ Ярославль. Несчастный Іоаннъ VI былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а его родители съ прочими дѣтьми сосланы въ Холмогоры. Послѣдними распоряженіями императрица нарушила свое обѣщаніе отправить низверженную фамилію за границу.

99. Правленіе Елизаветы Петровны. Престолъ новой императрицы окружили русскіе люди. Ближайшимъ ли-

цомъ къ ней былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Сынъ бѣднаго реестроваго казака, онъ былъ пастухомъ при деревенскомъ стадѣ и пѣлъ по праздникамъ на клиросѣ. Одинъ проѣзжій полковникъ обратилъ вниманіе на голосъ молодого пастуха и привезъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ опредѣленъ въ пѣвчіе. Елизавета замѣтила его, и скоро онъ сдѣлался самымъ близкимъ къ ней человѣкомъ. Воцарившись, Елизавета осыпала его милостями и возвела въ графское достоинство. Его мать была привезена въ Петербургъ съ величайшими почестями и помѣщена въ самомъ дворцѣ, но простой, хотя и выдающейся своимъ умомъ, казачкѣ жизнь при дворѣ показалась тяжелой, и она отпросилась домой. Младшій братъ Алексѣя Разумовскаго, Кириллъ, былъ отправленъ за границу для полученія тамъ образованія. На брата фаворита одна за другою сыпались высшія награды; и онъ, подобно брату, былъ возведенъ въ графское званіе, наконецъ, ради него было возстановлено гетманство въ Малороссіи, и онъ получилъ его со званіемъ генералъ-фельдмаршала. Характеръ обоихъ Разумовскихъ отличался добродушіемъ. Алексѣй мало принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, а если и принималъ, то развѣ только по отношенію къ Малороссіи, для которой оба брата сдѣлали много хорошаго. Несмотря на свои высокія положенія, оба брата помнили о своемъ низкомъ происхожденіи и не стыдились его. Когда по заказу Кіевской Духовной Академіи, думавшей угодить Алексѣю Разумовскому, была составлена генеалогическая таблица, производившая родъ Разумовскихъ отъ Гедимина, оба брата первые посмѣялись надъ этою грубой лестью.

Въ дѣлахъ внутренняго управленія наибольшее значеніе имѣли два Шувалова: Петръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ. Какъ личности, они представляли полныя противоположности другъ другу.

Петръ Ивановичъ отличался властолюбіемъ и былъ въ высшей степени корыстолюбивымъ человѣкомъ. Состоя начальствующимъ лицомъ въ различныхъ учрежденіяхъ, онъ безъ всякаго колебанія пользовался своимъ положеніемъ для увеличенія своего и безъ того огромнаго состоянія. Корыстолюбіе П. И. Шувалова грозило совершенно подорвать благосостояніе населенія Бѣломорскаго и Прикаспійскаго побережій, такъ какъ онъ выхлопоталъ себѣ монополію на рыбный промыселъ въ Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ. Онъ взялъ на откупъ знаменитые Гороблагодатскіе желѣзные заводы и много другихъ статей промышленности. Даже вводя тѣ или другія общеполезныя мѣры, онъ руководился не общею пользою, а своею собственной. Такими мѣрами, напримѣръ, были уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и отмѣна множества таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ (1753), каковые прежде всего мѣшали П. И. Шувалову,

какъ крупному промышленнику. Въ П. И. Шуваловѣ современники отмѣчали еще одну, крайне неприглядную черту характера, а именно его мстительность. Онъ неутомимо преслѣдовалъ всякаго, кто осмѣливался противорѣчить ему даже въ мелочахъ.

Полную противоположность П. И. Шувалову представлялъ родственникъ его Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, сдѣлавшійся послѣ Разумовскаго первымъ человѣкомъ при дворѣ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, котораго всегда видали съ книгою въ рукахъ. Человѣкъ европейски образованный, онъ считалъ науку могуществомъ и старался развить эту великую силу и въ своемъ отечествѣ. Человѣкъ мысли, онъ завелъ для себя записную книжку, въ которую вносилъ извлеченія изъ сочиненій разныхъ писателей, а также свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя. На почвѣ стихотворства онъ сблизился съ Ломоносовымъ, писавшимъ для своего времени такіе прекрасные стихи. И. И. Шувалову принадлежитъ великое дѣло основанія Московскаго университета (1755), перваго университета въ Россіи. И. И. Шуваловъ обладалъ и высокими нравственными качествами. Современники говорятъ объ его прекрасномъ отношеніи къ людямъ безъ различія ихъ ранговъ. Будучи камергеромъ и большимъ любимцемъ Елизаветы, И. И. Шуваловъ не стремился, однако, къ государственной и политической дѣятельности и оставался меценатомъ и куратором Московскаго университета. На немъ не лежитъ ни одного пятна; напротивъ, это была личность замѣчательно чистая и свѣтлая, представитель гуманности и образованности, лучшій продуктъ Петровскихъ культурныхъ преобразованій и украшеніе Елизаветинской эпохи.

Изъ другихъ русскихъ дѣятелей въ царствованіе Елизаветы Петровны замѣчателенъ Бестужевъ-Рюминъ (Алексѣй Петровичъ). Человѣкъ широко образованный, онъ завѣдывалъ внѣшней политикой.

Правленіе Елизаветы Петровны характеризуется слѣдующими фактами. Вскорѣ послѣ своего воцаренія, она, уничтоживъ Кабинетъ, вернула сенату его прежнее значеніе. И въ царствованіе Елизаветы дворянство продолжало пріобрѣтать льготы, начало которыхъ относится къ царствованію Анны Іоанновны. Льготы эти касались главнымъ образомъ имущественныхъ правъ дворянства и отношенія его къ крестьянамъ. Въ 1746 году былъ изданъ указъ, признавшій за дворянами привилегію покупать «людей и крестьянъ безъ земель и съ землями». Благодаря этому шляхетство или дворянство, бывшее прежде только служилымъ сословіемъ, обособлялось отъ остальныхъ частей населенія и становилось высшимъ, привилегированнымъ сословіемъ. При Петрѣ Великомъ между «лучшимъ», «старшимъ» или потомственнымъ дворянствомъ и личнымъ не существовало рѣзкой границы. Каждый человѣкъ, состоявшій на государственной службѣ,

личный дворянинъ, пріобрѣталъ потомственное дворянство, достигнувъ 8 класса должности. При Елизаветѣ Петровнѣ проявилось стремленіе углубить эту границу. Истинными дворянами стали считаться лишь потомственные дворяне. Только они пользовались правомъ обладать деревнями, населенными крестьянами. Основываясь на томъ, что дѣти личныхъ дворянъ не принадлежатъ къ дворянскому сословію, правительство Елизаветы Петровны воспретило личнымъ дворянамъ имѣть крестьянъ и «недвижимыя имѣнія» (новый терминъ — вмѣсто старыхъ названій: «вотчина» и «помѣстье»). Не доказавъ своего дворянскаго происхожденія путемъ родословной, нельзя было быть

Рис. 73. М. В. Ломоносовъ.

записаннымъ въ дворянскіе списки. Въ небольшой сравнительно группѣ дворянъ стало развиваться понятіе о дворянской чести, проявлялась гордость своимъ происхожденіемъ. Одинъ изъ современниковъ Елизаветы Петровны, маіоръ Даниловъ, выражается въ своихъ «Запискахъ» слѣдующимъ образомъ о подобныхъ личностяхъ: «многіе есть дворяне, кои несмотря на свое недостоинство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповѣдуютъ и безстыдно гордятся знатностію своего рода и древностію фамиліи, таковымъ можно сказать пословицу: «кто хвалится знатностію своего рода, а безъ своихъ заслугъ, тотъ хвалится чужимъ». Однако, самъ

Даниловъ на первыхъ страницахъ своихъ «Записокъ» устанавливаетъ свою родословную и говоритъ о томъ, что искалъ въ дѣлѣ ея установленія помощи у разныхъ свойственниковъ. Правда, онъ говоритъ въ заключеніе: «я положилъ собрать и написать фамилію Даниловыхъ не для тщеславія моего, но чтобъ наконецъ отъ преданія изустнаго вовсе не истребилось изъ памяти происхожденіе нашихъ Даниловыхъ», но самое начало «Записокъ» его хорошо характеризуетъ то время.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ царствованіе Елизаветы Петровны было многое сдѣлано для просвѣщенія дворянства. Правда, Московскій университетъ былъ предназначенъ не для однихъ дворянъ, но и для разночинцевъ (за исключеніемъ лицъ податныхъ сословій), но имъ преимущественно пользовались именно дворяне, какъ сословіе, для котораго просвѣщеніе было обязательнымъ. При университетѣ были открыты 2 гимназіи, изъ которыхъ одна назначалась исключительно для дворянъ [1]). Въ то же время правительство заботилось и о развитіи другихъ дворянскихъ учебныхъ заведеній. Школы заполнялись дворянами не только въ силу обязательности просвѣщенія, но и потому, что дворянство было первымъ изъ сословій, сознавшимъ необходимость образованія безъ отношенія къ служебнымъ правамъ.

Кромѣ заемнаго банка для купечества, что естественно вызывалось стремленіемъ правительства содѣйствовать развитію отечественной промышленности и торговли, былъ учрежденъ второй заемный банкъ исключительно для дворянъ. Здѣсь дворяне могли занимать большія суммы—до 10.000 рублей, платя за это 6%.

Въ то время, какъ улучшалось положеніе дворянъ, ухудшались условія жизни нашего крестьянскаго сословія. При вступленіи на престолъ Елизавета повелѣла не приводить крестьянъ къ присягѣ, смотря на нихъ такимъ образомъ, какъ на рабовъ, отрицая въ нихъ гражданскую личность. Санкціонировавъ права дворянъ надъ крестьянами, какъ собственниками надъ ихъ имуществомъ, правительство все болѣе и болѣе расширяло эти права. Оно разрѣшило помѣщикамъ ссылать неисправныхъ крестьянъ въ Сибирь, лишило крестьянъ права вступать въ какія-бы то ни было денежныя обязательства безъ разрѣшенія помѣщиковъ. Подчинивъ личность крестьянъ помѣщику, поставивъ имущество и хозяйство крестьянъ подъ его опеку, правительство налагало извѣстныя обязанности и на помѣщиковъ. Оно требовало у помѣщиковъ, чтобы послѣдніе снабжали своихъ крестьянъ сѣменами въ неурожайные годы, чтобы слѣдили за ихъ нравственностью. Такъ постепенно создавалось у насъ крѣпостное право.

---

[1]) Изъ провинціальныхъ гимназій первою была Казанская (нынѣ Казанская 1-я Императорская гимназія), основанная въ 1758 году,

100. Очеркъ внѣшнихъ событій въ царствованіе Елизаветы. Передъ вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны Швеція объявила намъ войну. Шведы питали надежды на возможность возвращенія хотя части завоеваній Петра Великаго, считая Россію слабымъ государствомъ. Но война эта оказалась для нихъ неудачной. Шведы негодовали на своего полководца Левенгаупта: онъ былъ даже обвиненъ въ измѣнѣ и подвергнутъ смертной казни. Напротивъ, дѣйствія русскаго полководца Ласси были въ высшей степени удачны. Война закончилась миромъ въ Або (1743), по которому къ Россіи перешла новая часть Финляндіи до р. Кюмени на западъ.

Кромѣ войны со шведами, Елизавета Петровна приняла участіе въ знаменитой Семилѣтней войнѣ, дѣйствуя противъ прусскаго короля Фридриха Великаго. Въ этой войнѣ Россія примкнула къ союзу Австріи, Франціи, Саксоніи и Швеціи. На необходимость примкнуть къ союзу противъ Пруссіи настаивалъ Бестужевъ-Рюминъ, указывавшій императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на опасность усиленія Пруссіи. Слѣдуя внушеніямъ Бестужева-Рюмина, императрица Елизавета имѣла и свои личныя основанія негодовать на Фридриха. Человѣкъ остроумный, онъ своими остротами затрогивалъ ея самолюбіе; поклонникъ просвѣтительной литературы, онъ отличался вольномысліемъ и позволялъ себѣ шутить даже надъ священными предметами, чѣмъ возмущалъ религіозную императрицу.

Въ началѣ войны главнокомандующимъ нашихъ войскъ былъ Апраксинъ. Онъ одержалъ побѣду надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ при деревнѣ Гроссъ-Эгернсдорфѣ. Въ этой битвѣ наиболѣе отличились Румянцевъ и Петръ Панинъ. Разбивъ непріятеля, Апраксинъ не только не преслѣдовалъ его, но, послѣ непродолжительнаго движенія впередъ, повернулъ обратно, къ границамъ Россіи, объясняя причину своего отступленія недостаткомъ припасовъ. Тогда побѣжденное прусское войско стало преслѣдовать своихъ побѣдителей. Чтобы задержать непріятеля, Апраксинъ жегъ всѣ деревни и уничтожалъ запасы. Наше войско совершало свои переходы, преодолѣвая большія затрудненія. Начались осенніе дожди. Солдаты наши увязали въ болотахъ. Обозы съ палатками и провіантомъ не поспѣвали во время къ войску, увязали и гибли на пути. По возвращеніи въ Россію, Апраксинъ былъ преданъ суду и вскорѣ умеръ. Въ это же время было наряжено слѣдствіе и надъ Бестужевымъ-Рюминымъ: онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ и сосланъ въ деревню.

Послѣ Апраксина войсками командовалъ генералъ Ферморъ. Ферморъ вступилъ въ Восточную Пруссію и овладѣлъ г. Кенигсбергомъ. Затѣмъ онъ двинулся далѣе въ глубь страны. Свой путь, по обычаямъ того времени, русскіе ознаменовали страшными опустошеніями. Когда наши войска сожгли бомбами до тла крѣпость

Кюстринъ, Фридрихъ, воевавшій въ то время въ Моравіи и Богеміи противъ австрійцевъ, быстро двинулся на русскихъ и сразился съ ними недалеко отъ Кюстрина, при деревнѣ Цорндорфѣ. Битва была упорная. Но, такъ какъ наше войско понесло большія потери, чѣмъ прусское, то Фридрихъ имѣлъ основаніе назвать Цорндорфскій бой своею побѣдой. Однако, онъ не имѣлъ возможности преслѣдовать генерала Фермора и снова обратился противъ австрійскаго фельдмаршала Дауна, который и нанесъ ему сильное пораженіе. Суворовъ, бывшій начальникомъ штаба у Фермора, относился критически къ распоряженіямъ нашихъ генераловъ. Онъ былъ недоволенъ не только отдѣльными лицами, но и вообще положеніемъ у насъ военнаго дѣла. Его поражали невѣжество, неустройство, вялость и неспособность руководителей. Про полковниковъ онъ выражался слѣдующимъ образомъ: «сибариты, но не спартанцы... дѣлаясь генералами—подкладка остается та же»... Тактическая подготовка нашихъ войскъ была неудовлетворительна. Наступленіе и перестроеніе въ эпоху Семилѣтней войны совершались такъ медленно, что пѣхотному полку требовался на построеніе цѣлый часъ, а для арміи — сутки. Биваки выбирались неумѣло. Развѣдочной службы не существовало вовсе.

Ферморъ не былъ удаленъ съ театра военныхъ дѣйствій, но въ скоромъ времени сталъ подъ начало новаго главнокомандующаго—графа Салтыкова. Салтыковъ повелъ свою армію на соединеніе съ австрійцами, находившимися подъ начальствомъ фельдмаршала Лаудона. Соединенное русско-австрійское войско сразилось съ Фридрихомъ при деревнѣ Куннерсдорфѣ. Сперва перевѣсъ оказался на сторонѣ прусскаго короля, сумѣвшаго разъединить союзныя войска. Союзники пришли въ отчаяніе. Но Фридрихъ, увлекшись первымъ успѣхомъ, повелъ свои утомленныя войска на высоты, занятыя нашими главными силами. Отчаянныя нападенія пруссаковъ были отбиты, при чемъ снова отличились Румянцевъ и Петръ Панинъ. Въ рѣшительный моментъ Лаудонъ кинулся на пруссаковъ со своею конницей и обратилъ ихъ въ дикое бѣгство. Самъ Фридрихъ чуть не попался въ плѣнъ. Побѣда была куплена дорогою цѣною для насъ: мы потеряли убитыми и ранеными до 15,000 человѣкъ. Салтыковъ писалъ въ Петербургъ, что, если ему удастся одержать еще одну такую побѣду, то онъ вынужденъ будетъ вернуться въ Петербургъ одинокимъ, такъ какъ лишится своего войска. Опасеніе новыхъ жертвъ настолько смущало Салтыкова, что онъ не преслѣдовалъ разбитаго и приведеннаго въ отчаяніе врага. «На мѣстѣ главнокомандующаго,—сказалъ Суворовъ Фермору послѣ Куннерсдорфской побѣды,—я бы прямо пошелъ къ Берлину». Но Салтыковъ приказалъ отступить.

Послѣ этого начались раздоры между нашими и австрійскими генералами. Русскія войска одерживали отдѣльныя побѣды надъ непріятелемъ, но эти побѣды уже не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на ходъ войны. Въ 1760 году нашъ корпусъ занялъ Берлинъ, но вскорѣ покинулъ его, заслышавъ о приближеніи прусскаго короля, успѣвшаго, благодаря несогласію союзниковъ, оправиться отъ страшнаго пораженія. При занятіи Берлина наше войско проявило такую умѣренность и соблюдало такой порядокъ, что заслужило благодарность жителей прусской столицы.

Въ слѣдующемъ 1761 году скончалась императрица Елизавета Петровна. Это обстоятельство спасло Пруссію отъ грозившаго ей конечнаго разоренія. Преемникъ Елизаветы, ея племянникъ Петръ III, поклонникъ прусскаго короля, принялъ сторону послѣдняго, а свергнувшая Петра въ скоромъ времени, его геніальная супруга, Екатерина II, и совершенно отказалась отъ участія въ Семилѣтней войнѣ, считая дальнѣйшее наше участіе въ ней совершенно безполезнымъ.

Война эта стоила намъ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами. Положительными для насъ результатами ея были: практическая подготовка нашихъ войскъ, прославившихъ затѣмъ своими побѣдами царствованіе Екатерины Великой, и сильное ослабленіе Пруссіи.

Елисавет

101. Царствованіе Петра III и переворотъ 1762 года. Елизавета Петровна вызвала изъ Голштиніи сына своей сестры, Анны Петровны, четырнадцатилѣтняго герцога Карла—Петра—Ульриха и объявила его своимъ преемникомъ. По переходѣ въ православіе, онъ получилъ имя Петра Ѳеодоровича. Когда ему исполнилось 17 лѣтъ, императрица поспѣшила женить его на принцессѣ крохотнаго нѣмецкаго княжества (Ангальтъ-Цербстъ) Софіи — Августѣ—Фредерикѣ, названной при муропомазаніи Екатериной Алексѣевной. Оба они получили нѣмецкое воспитаніе, обоимъ Россія была одинаково чуждою, но въ дальнѣйшемъ отношеніи ихъ къ ней сказалось то колоссальное различіе, которое существовало между мужемъ и женою.

Петръ Ѳеодоровичъ былъ слабо одареннымъ человѣкомъ какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ. Онъ рано осиротѣлъ, а воспитатель его, скорѣе солдатъ или конюхъ, чѣмъ педагогъ, не могъ имѣть на него благотворнаго вліянія. Ребенка заставляли заниматься слишкомъ много, кормили слишкомъ плохо,

обращались съ нимъ слишкомъ грубо и жестоко. Постоянныя издѣвательства надъ мальчикомъ, бывшія въ ту пору однимъ изъ необходимѣйшихъ педагогическихъ пріемовъ, мѣшали развитію нравственныхъ понятій и чувства человѣческаго достоинства. Принудительное и слишкомъ тяжелое ученіе, при наличности слабыхъ умственныхъ способностей, не принесло ничего, кромѣ вреда. По пріѣздѣ его въ Россію, Елизавета Петровна удивилась скудости его познаній. Его начали, было, снова учить, но серьезныя болѣзни, а затѣмъ принудительная женитьба помѣшали этому дѣлу. Наскоро, чисто внѣшнимъ образомъ пройдя ученіе православной церкви, онъ не измѣнилъ своимъ протестантскимъ воззрѣніямъ. Объявленный наслѣдникомъ русскаго престола, Петръ началъ обучаться русскому языку. Но воспитатель его сказалъ ему по этому поводу: «этотъ подлый языкъ годенъ только собакамъ и рабамъ». Такого рода взгляды, внушаемые принцу, не могли, конечно, привести къ хорошимъ результатамъ. Отличаясь живымъ характеромъ, Петръ возненавидѣлъ придворный этикетъ и всякой торжественности предпочиталъ веселую бесѣду за трубкой крѣпкаго табаку и кружкой англійскаго пива хотя бы съ придворнымъ служителемъ. При дворѣ Елизаветы Петровны и Петръ, и его жена подвергались большимъ стѣсненіямъ. Спасаясь отъ скуки, Петръ сближался съ приставленными къ нему придворными служителями, особенно изъ голштинцевъ, игралъ на скрипкѣ, подъ звуки которой они плясали, дрессировалъ собакъ и т. под.

Совершенно иначе проводила свое время великая княгиня Екатерина. Она усердно изучала русскій языкъ, читала много историческихъ и философскихъ книгъ, переводы древнихъ авторовъ, произведенія просвѣтительной французской литературы. Одинъ изъ пріѣзжихъ иностранцевъ назвалъ ее «философомъ въ 15 лѣтъ». Екатерина интересовалась русскими обычаями, строго исполняла предписанія православной церкви. Изучая постоянно Россію, она полюбила ее: Россія для нея сдѣлалась въ полномъ смыслѣ этого выраженія второю родиной.

Разница между мужемъ и женою была слишкомъ велика, чтобы между ними могли установиться добрыя отношенія. Екатерина не находила никакой пріятности въ бесѣдахъ съ мужемъ и въ его грубыхъ развлеченіяхъ; Петръ скучалъ въ присутствіи Екатерины. Все это подготовляло неминуемый разрывъ между ними. Елизавета Петровна, отлично зная о развлеченіяхъ великаго князя, уже готова была лишить его короны и передать власть въ руки сына Петра и Екатерины, Павла, подъ опекою матери, но смерть помѣшала ей придти къ окончательному рѣшенію. Послѣ ея смерти вступилъ на престолъ Петръ III (1761—1762).

Кратковременное царствованіе императора Петра III ознаменовалось слѣдующими главнѣйшими распоряженіями: предоставленіемъ новыхъ льготъ дворянству, уничтоженіемъ Тайной канцеляріи и замѣчательнымъ именнымъ указомъ о прекращеніи преслѣдованій раскольниковъ.

Уже въ царствованіе Анны Іоанновны и особенно Елизаветы Петровны дворянство наше стало пріобрѣтать характеръ привилегированнаго сословія. Въ своемъ манифестѣ о дворянахъ Петръ III предоставлялъ всѣмъ дворянамъ, на какой бы службѣ они ни находились, въ военной или гражданской, право служить или не служить, по собственному желанію. Освобожденіе дворянства отъ обязательной государственной службы манифестъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. При Петрѣ Великомъ и его преемникахъ приходилось принуждать дворянъ служить и учиться; это требованіе принесло въ свое время огромную пользу: «истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу»... Въ манифестѣ въ то же время выражалась надежда, что новая льгота не поведетъ за собою вреднаго уклоненія дворянъ отъ всякой службы, не повлечетъ за собою лѣности и праздности.

Тайная канцелярія была отмѣнена также манифестомъ. Въ немъ говорилось, что ея учрежденіе было вызвано при Петрѣ Великомъ современными обстоятельствами и нравами той эпохи. По мѣрѣ того, какъ ощущалась ненадобность этого учрежденія, существованіе его давало возможность «злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ» или затягивать грозившія имъ наказанія, или клеветать на своихъ начальниковъ или недруговъ. «Выше упомянутая Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія — говорилось въ манифестѣ — уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся». Петръ III навсегда изгонялъ изъ языка страшное и позорное выраженіе «слово и дѣло». Преступленія противъ власти должны были вѣдаться обыкновенными судами. Истину было предписано отыскивать кротостью, а не кровопролитіемъ.

Наконецъ, именнымъ указомъ, даннымъ сенату, Петръ III дозволилъ всѣмъ раскольникамъ, бѣжавшимъ въ Польшу и другія заграничныя земли, возвратиться въ Россію и селиться въ Сибири и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ. При этомъ государь воспрещалъ стѣснять ихъ по отношенію къ ихъ обрядамъ и старопечатнымъ книгамъ. Замѣчательна слѣдующая мотивировка милости, обнаруженной правительствомъ по отношенію къ послѣдователямъ раскола:

«внутри Всероссійской имперіи и иновѣрные яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники — христіане, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая заграницу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно».

Но, несмотря на все это, правленіе Петра III не было популярнымъ. Главная причина этой непопулярности заключалась въ томъ, что Петръ, сдѣлавшись русскимъ императоромъ, продолжалъ по своимъ взглядамъ и привычкамъ оставаться голштинскимъ герцогомъ. Онъ распустилъ лейбъ-компанію императрицы Елизаветы и окружилъ себя голштинской гвардіей. Русскую гвардію императоръ не жаловалъ и называлъ гвардейцевъ янычарами. Непріятное впечатлѣніе производило и странное поклоненіе Петра III Фридриху Великому. Онъ постоянно носилъ на перстнѣ изображеніе прусскаго короля. Другой портретъ Фридриха висѣлъ у его постели. Императоръ носилъ прусскій мундиръ и отдавалъ прусскому ордену предпочтеніе передъ русскими. Онъ задумалъ нарядить въ прусскіе мундиры и все наше войско, ввелъ прусскія экзерциціи и строжайшую дисциплину. Всѣ эти мѣры вызвали противъ него неудовольствіе войска.

Не уважая вовсе православныхъ обрядовъ, императоръ сильно взволновалъ духовенство, рѣшивъ обратить всѣхъ монастырскихъ крестьянъ въ государственныхъ. Кромѣ того, императоръ предполагалъ оставить въ православныхъ церквахъ только иконы Спасителя и Богоматери, остальныя же вынести вонъ; предполагалъ обязать духовенство носить свѣтское платье. Духовенство, недовольное рѣшеніемъ вопроса о монастырскихъ крестьянахъ, заявило свой протестъ, но не измѣнило этимъ намѣренія императора.

Возбуждала большое неудовольствіе и внѣшняя политика Петра III. Прекративъ войну противъ Фридриха, онъ приказалъ своимъ войскамъ не покидать Помераніи, чтобъ начать борьбу за Фридриха съ его врагами. Въ сущности, въ своей внѣшней политикѣ Петръ руководился указаніями прусскаго посла въ Петербургѣ Гольца. Руководствуясь интересами Фридриха Великаго, Петръ III имѣлъ въ области внѣшней политики только одну самостоятельную цѣль—втянуться въ войну съ Даніей, чтобы отнять отъ нея Шлезвигъ, для присоединенія послѣдняго къ Голштиніи. Всѣ эти антинаціональныя симпатіи императора возбуждали справедливое опасеніе вторичнаго господства нѣмцевъ въ Россіи.

Много оскорбленій нанесъ Петръ III и отдѣльнымъ лицамъ. Особенно же тяжело было положеніе его супруги, Екатерины Алексѣевны, женщины выдающагося ума. Петръ не стѣснялся оскорблять

ее въ присутствіи постороннихъ и даже выразилъ, наконецъ, намѣреніе развестись съ нею и заключить ее въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Все это вмѣстѣ взятое вызвало образованіе заговора съ цѣлью низверженія Петра III. Заговоръ созрѣлъ при дворѣ и въ гвардіи. Дѣятельное участіе въ этомъ заговорѣ принимала княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Въ гвардіи руководителями переворота въ пользу супруги государя, императрицы Екатерины, были братья Алексѣй и Григорій Орловы, Пассекъ и другіе.

Цѣль свою заговорщики осуществили 28-го іюня 1762 года. Императоръ находился въ это время въ Ораніенбаумѣ, супруга его жила въ Монплезирѣ, въ Петергофѣ. По условію съ предводителями военнаго заговора, она спѣшно пріѣхала въ столицу и немедленно явилась въ казармы Измайловскаго полка. Здѣсь солдаты и офицеры присягнули ей. То же самое произошло и въ Семеновскомъ полку. Наконецъ Екатерина пріѣхала въ Казанскій соборъ, гдѣ была встрѣчена архіепископомъ Дмитріемъ (Сѣченовымъ) съ крестомъ. Здѣсь былъ отслуженъ молебенъ, за которымъ на ектеньяхъ возглашали самодержавную императрицу Екатерину Алексѣевну и наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Остановившись въ Зимнемъ дворцѣ, Екатерина написала манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ. Затѣмъ, во главѣ пятнадцатитысячнаго отряда, она двинулась изъ столицы въ Петергофъ. Она была одѣта въ старинный темно-зеленый мундиръ, къ отмѣнѣ котораго войска относились съ такимъ негодованіемъ. На головѣ ея былъ шлемъ, украшенный дубовыми листьями. Петръ III, прибывъ въ Петергофъ и не найдя императрицы въ Монплезирѣ, вскорѣ узналъ о событіяхъ, происшедшихъ въ столицѣ. Нѣсколько лицъ, состоявшихъ при немъ, покинули его и перешли на сторону его жены. Около него оставался преданный ему, возвращенный имъ изъ ссылки Минихъ, да отрядъ голштинцевъ, состоявшій изъ 1,500 человѣкъ. Минихъ совѣтовалъ ему отправиться въ Ревель, оттуда за границу, стать тамъ во главѣ находившихся въ Помераніи русскихъ войскъ и такимъ образомъ свергнуть Екатерину съ престола. Императоръ пытался, было, занять Кронштадтъ, но здѣсь уже присягнули Екатеринѣ и грозились стрѣлять по его судну. Петръ вернулся въ Ораніенбаумъ и вступилъ въ переписку съ женою. Результатомъ переговоровъ было подписаніе Петромъ III предложеннаго ему акта объ отреченіи отъ престола.

„Въ краткое время правительства моего самодержавнаго россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительство владѣть россійскимъ государствомъ, почему и восчувствовалъ я вну-

треннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія: того ради помысливъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно чрезъ сіе объявляю не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ ниже инымъ какимъ-либо образомъ правительства на всю жизнь мою въ россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда-либо или черезъ какую-либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою".

Низложеннаго Петра III поселили въ Ропшѣ (въ 27 верстахъ отъ Петергофа); черезъ нѣсколько дней его не стало.

Время императрицы Екатерины II.

102. Наказъ и Коммиссія 1767—1768 гг. Императрица Екатерина II, стремясь къ «сохраненію правосудія, къ искорененію зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій», обращала особенное вниманіе на каждое изъ дѣлъ, доходившихъ до нея. Въ первые же три года своего управленія она убѣдилась въ томъ, что всякаго рода нестроенія въ области суда и расправы зависятъ отъ недостатка многихъ узаконеній, въ другихъ случаяхъ — отъ слишкомъ большого числа ихъ, отъ смѣшенія законовъ постоянныхъ съ временными: «а паче всего,—говоритъ она въ своемъ манифестѣ—что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался; притомъ же и страстные толки (т. е. пристрастныя толкованія) часто затмѣвали прямой разумъ многихъ законовъ»; наконецъ, она указала на рѣзкую разницу въ нравахъ и обычаяхъ между тѣми эпохами, когда издавались тѣ или другія узаконенія, и эпохой, послѣдовавшей за реформами Петра Великаго.

Мысль о необходимости пересмотра законовъ и изданіи новаго Уложенія проявилась задолго до Екатерины. Уже Петръ Великій задался мыслью пересмотрѣть и надлежащимъ образомъ видоизмѣнить Соборное Уложеніе своего отца. Онъ даже приступилъ къ дѣлу, поручивъ его особо организованной для этого коммиссіи, но дѣло тянулось въ ней такъ медленно, что онъ бросилъ его и въ самомъ концѣ своей жизни рѣшилъ перевести на русскій языкъ шведское уложеніе и сдѣлать его обязательнымъ законодательнымъ сборникомъ для Россіи. Къ счастью, эта мысль не была осуще-

ствлена. Его преемники также лелѣяли мысль объ изданіи новаго Уложенія и собирали съ этой цѣлью различныя коммиссіи. Императрица Екатерина II также задалась этою цѣлью, осуществленія которой, очевидно, требовала сама жизнь.

Приступая къ этому важному государственному дѣлу, Екатерина рѣшила повести его на широкихъ основаніяхъ. Желая истин-

Рис. 74. Императрица Екатерина II Великая.

наго счастія своему народу, она естественно пожелала узнать его нужды. Для этого она рѣшила созвать въ Москву Коммиссію, въ составъ которой должны были войти депутаты отъ всѣхъ общественныхъ слоевъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ и кочующихъ инородцевъ, а также и депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ, съ сенатомъ и сунодомъ во главѣ. Депутатамъ императрица

предоставила многія привилегіи: они избавлялись навсегда отъ тѣлесныхъ наказаній, пытокъ и смертной казни; обида депутата разсматривалась, какъ двойное преступленіе; имущество депутатовъ могло подвергаться конфискаціи только въ случаѣ ихъ несостоятельности; каждый изъ нихъ получилъ золотую медаль съ вензелемъ императрицы и съ надписью: «блаженство каждаго и всѣхъ». Рѣшеніе императрицы вызвало одушевленіе и восторгъ. Призывая общество, въ лицѣ его представителей, на совмѣстную съ правительствомъ работу, она какъ бы воскресила древній обычай, по которому государи московскіе въ важнѣйшихъ случаяхъ обращались къ земскимъ соборамъ.

Въ противоположность французскому королю Людовику XVI, который спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ этого созвалъ народныхъ представителей, но не предпринялъ никакой подготовительной работы, Екатерина серьезно готовилась къ тому дѣлу, которое считала своею священною обязанностью.

Для руководства членамъ Коммиссіи императрица Екатерина написала свой знаменитый Наказъ, подъ заглавіемъ «Наказъ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія». Сама императрица, посылая экземпляръ Наказа Фридриху Великому, писала: «въ этой книгѣ мнѣ принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изрѣдка строка или слово. Большая часть Наказа заимствована изъ «Духа законовъ» президента Монтескье [1]) и изъ «Преступленій и наказаній» Беккаріи» [2]). Въ этихъ словахъ было преувеличенье, но, во всякомъ случаѣ, большая зависимость Екатерининскаго Наказа отъ названныхъ ею трудовъ не подлежитъ сомнѣнію. Наказъ императрицы весь проникнутъ тѣми гуманными идеями, которыя такъ ярко были высказаны представителями «просвѣтительной» литературы.

Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ Наказа:

1. Законъ Христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно.

2. Полагая сіе закономъ вѣры предписанное правило, за вкоренившееся, или за долженствующее вкорениться въ сердцахъ цѣлаго народа, не можемъ инаго кромѣ сего сдѣлать положенія, что всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть, или будетъ, видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія.

---

[1]) Монтескье былъ президентомъ Бордосскаго парламента.

[2]) Итальянскій публицистъ Беккарія прославился своимъ небольшимъ сочиненіемъ „Dei delitti e delle pene“. Онъ окончательно поколебалъ всеобщую вѣру въ устрашеніе казнями, какъ въ единственное и всесильное средство для уничтоженія преступленій. Его книга была одною изъ популярнѣйшихъ книгъ XVIII столѣтія.

3. А всякаго согражданина особо видѣть охраняемаго законами, которыя не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его ото всѣхъ сему правилу противныхъ предпріятій.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право, все то дѣлати, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

40. Ничто не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быти вредно или каждому особенно, или всему обществу.

81. Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ положенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій.

84. Словомъ сказать: все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно ничто иное есть, какъ трудъ и болѣзнь.

88. Испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся.

96. Хорошіе законы самой точной середины держатся: они не всегда денежное налагаютъ наказаніе и не всегда также подвергаютъ и наказанію тѣлесному законопреступниковъ.

Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое уродовать можно, должно отмѣнить.

193. Суровость, утвержденная употребленіемъ весьма многихъ народовъ, есть пытка, производимая надъ обвиняемымъ, во время устроиванія судебнымъ порядкомъ дѣла его, или чтобъ вымучить у него собственное его во преступленіи признаніе, или для объясненія противорѣчій, которыми онъ въ допросѣ спутался, или для принужденія его объявити своихъ сообщниковъ, или ради открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, въ которыхъ однакожъ онъ можетъ быть виновенъ.

194. Человѣка не можно почитать виноватымъ прежде приговора судейскаго; и законы не могутъ его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ или виноватъ? Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію: преступленіе или есть извѣстное или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ, и такъ пытка не нужна; если преступленіе не извѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не надлежитъ невиннаго мучить, и что по законамъ тотъ не виненъ, чье преступленіе не доказано. Весьма нужно безъ сумнѣнія, чтобы ни какое преступленіе, ставши извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Обвиняемый терпящій пытку не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду. Можно ли больше вѣрити человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ разсудкѣ и въ добромъ здоровьи? Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что совсѣмъ овладѣвъ всею душею, не оставитъ ей больше ни какой свободы производить какое либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпринять

кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ такъ же неизвѣстны, виноватаго ли они имѣютъ предъ собою или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. По сему пытка есть надежное средство осудить невиннаго имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго на силы и крѣпость свою уповающаго [1]).

520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ Мы думаемъ и за славу Себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ Нашихъ было бы не исполнено: нещастіе, до котораго Я дожить не желаю.

Въ то время, какъ со всѣхъ концовъ Россіи собирались ѣхать въ Москву избранные депутаты, императрица Екатерина путешествовала по Волгѣ, отъ Твери до Симбирска. Останавливаясь въ различныхъ городахъ, она принимала челобитныя, вникала въ мѣстные вопросы, принимала депутаціи и такимъ образомъ знакомилась на мѣстѣ съ положеніемъ населенія и его нуждами.

Засѣданія коммиссіи были торжественно открыты въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ, 30 іюля 1767 года. Всѣхъ депутатовъ было 565. Обработка отдѣльныхъ вопросовъ была передана общимъ собраніемъ въ руки выдѣленныхъ имъ изъ своей среды отдѣльныхъ коммиссій. Главною изъ отдѣльныхъ коммиссій была дирекціонная, которая и заправляла всѣмъ дѣломъ.

Прежде всего былъ выслушанъ въ общемъ собраніи Наказъ императрицы. Изъ этого Наказа депутаты познакомились съ тѣми общими положеніями или принципами, которые они должны были положить въ основу своей законодательной дѣятельности. Огромную работу дали коммиссіи сами депутаты, привезшіе съ собою свои наказы, которые были вручены имъ ихъ избирателями и заключали въ себѣ данныя о нуждахъ населенія и объ его желаніяхъ. Необходимо было привести эти депутатскіе наказы въ согласіе съ принципами, высказанными императрицей въ своемъ большомъ Наказѣ. Эта кропотливая работа была непосильной для общаго собранія, состоявшаго изъ 500 человѣкъ слишкомъ, и была передана отдѣльнымъ коммиссіямъ. Послѣднимъ выпала и другая трудная работа: такъ какъ въ депутатскихъ наказахъ встрѣчались совершенно непримиримыя противорѣчія по различнымъ вопросамъ, приходилось пере-

[1]) Столь же основательно доказывается въ слѣдующихъ пунктахъ полная нецѣлесообразность пытки и во всѣхъ другихъ случаяхъ, перечисленныхъ выше императрицей.

смотрѣть старое законодательство, состоявшее болѣе, чѣмъ изъ 10.000 отдѣльныхъ законоположеній, чтобы уяснить себѣ, когда возникъ, какъ развился и разрѣшался въ исторіи права каждый изъ такихъ спорныхъ вопросовъ. Вся эта чисто египетская работа оказалась для депутатовъ непосильной, тѣмъ болѣе, что отношенія отдѣльныхъ коммиссій и общаго собранія не были точно опредѣлены. Работа началась, но въ ней не было никакой системы. Коммиссія переходила отъ одного вопроса къ другому, не закончивъ перваго, тратила слишкомъ много труда, времени и энергіи на частные вопросы: такъ, напримѣръ, цѣлыхъ 60 засѣданій было посвящено обсужденію вопроса о правахъ остзейскаго дворянства, и въ довершеніе всего вопросъ не получилъ разрѣшенія. Вотъ почему члены общаго собранія были распущены уже въ слѣдующемъ году подъ предлогомъ начавшейся войны съ турками. Но отдѣльныя коммиссіи продолжали существовать и работать еще нѣсколько лѣтъ— до 1774 года, т. е. до окончанія первой Турецкой войны.

Такимъ образомъ, коммиссія не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя возлагала на нее императрица. Нельзя, однако, сказать, чтобы дѣятельность депутатовъ не принесла никакой пользы. Сама Екатерина сознавала пользу этой дѣятельности и опредѣлила ея значеніе въ одной изъ своихъ записокъ въ слѣдующихъ словахъ: «Коммиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать». Съ своей стороны и Наказъ Екатерины оказалъ на общество большое вліяніе. Многія изъ его положеній послужили основой для дальнѣйшихъ преобразованій въ царствованіе самой императрицы, а затѣмъ императора Александра I, а нѣкоторыя изъ статей даже были повторены въ «Сводѣ Законовъ», изданномъ императоромъ Николаемъ I. Идеи Наказа отразились и въ беллетристическихъ произведеніяхъ императрицы, и въ умахъ русскаго общества, и въ литературѣ. Особенно ясно замѣтно это явленіе на комедіи Фонвизина «Недоросль», въ рѣчахъ, считавшихся лучшими мѣстами этой знаменитой комедіи.

103. Областная реформа. Жалованныя грамоты. Послѣ окончанія первой турецкой войны, въ 1775 году, были изданы «Учрежденія для управленія губерній». Еще со времени областной реформы Петра Великаго Россія была раздѣлена на губерніи; гу-

берніи дѣлились на провинціи; провинціи на уѣзды. Это административное дѣленіе было совершенно случайнымъ. Вотъ почему, напримѣръ, количество населенія Московской губерніи превышало въ 5 разъ слишкомъ число жителей въ губерніи Архангельской. Губернскихъ учрежденій было немного, благодаря чему главнѣйшія отрасли областного управленія сосредоточивались въ коллегіяхъ; ими заправляли чиновники, засѣдавшіе въ коллегіяхъ. Наконецъ, судъ не былъ отдѣленъ отъ администраціи, такъ какъ Петровскіе надворные суды въ очень скоромъ времени прекратили свое существованіе.

Въ первые годы царствованія Екатерины II было 20 губерній; къ концу ея царствованія ихъ было 51. Екатерина раздѣлила Россію на губерніи, положивъ въ основу этого дѣленія количество населенія или, какъ говорятъ, положивъ въ основу его статистическій принципъ. Территорія съ населеніемъ отъ 300,000 до 400,000 жителей и была превращаема въ губернію. Въ основу дѣленія каждой губерніи на уѣзды былъ положенъ тотъ же принципъ. Губернія дѣлилась на уѣзды съ тѣмъ расчетомъ, чтобы на каждый изъ нихъ приходилось отъ 20,000 до 30,000 жителей. Центромъ управленія и другихъ сторонъ, съ нимъ связанныхъ, былъ уѣздный городъ. Чѣмъ былъ уѣздный городъ для уѣзда, тѣмъ губернскій городъ былъ для губерніи. Въ каждомъ изъ городовъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, были созданы учрежденія трехъ типовъ: 1) административныя, 2) финансовыя и 3) судебныя [1]).

Въ новой системѣ управленія городъ пріобрѣталъ особенное значеніе, какъ средоточіе мѣстныхъ учрежденій. Любопытно, что существовавшихъ до того времени городовъ не хватало для проведенія въ жизнь Екатерининской областной реформы. Тогда до 200 селъ были преобразованы въ города. Но судьба многихъ изъ нихъ была очень печальна: они были лишены своего значенія и превратились въ заштатные города. Города развиваются не по приказаніямъ со стороны, а выростаютъ исторически. Если данный городъ,

---

[1]) Въ каждомъ губернскомъ городѣ были открыты слѣдующія главнѣйшія учрежденія: 1) Губернское правленіе — административный органъ, 2) Казенная палата — органъ финансоваго управленія и 3) Гражданская и уголовная палаты — высшіе судебные органы. Кромѣ послѣднихъ существовали еще сословныя судебныя учрежденія: а) Верхній земскій судъ — для дворянъ, б) Губернскій магистратъ—для городского сословія, и в) Верхняя расправа — для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ возникли параллельныя большинству губернскихъ учрежденія: 1) Нижній земскій судъ—административный органъ для уѣзда, 2) Уѣздный судъ — судебное уѣздное учрежденіе для дворянъ, 3) Городской магистратъ—судебное учрежденіе для городского сословія и 4) Нижняя расправа—судъ для государственныхъ крестьянъ. Всѣ эти учрежденія были подчинены губернскимъ.

вызванный волею верховной власти, имѣетъ, дѣйствительно, задатки, обезпечивающіе за нимъ право на существованіе, онъ будетъ существовать и развиваться. Въ противномъ случаѣ, его существованіе будетъ эфемернымъ.

Спустя 10 лѣтъ, въ 1785 году, императрица Екатерина издала двѣ «жалованныя грамоты». Одна изъ нихъ была дана дворянскому сословію, вторая — горожанамъ.

Жалованная грамота дворянству окончательно превращала послѣднее въ привилегированное сословіе въ государствѣ. Въ сущности, жалованная грамота дворянству была завершеніемъ того историческаго процесса, проявленіе котораго мы наблюдали въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, особенно—въ царствованіе послѣдней. Жалованная грамота Екатерины окончательно сформировала у насъ сословіе потомственныхъ дворянъ. Этого званія, съ присущими ему преимуществами, потомственный дворянинъ могъ лишиться только на основаніи судебнаго рѣшенія, т. е. въ случаѣ совершенія какого-либо преступленія. Свое привилегированное званіе потомственный дворянинъ передавалъ женѣ и дѣтямъ. Судить его могли только лица, равныя ему по своему положенію. Ни податей, ни повинностей, ни тѣлесныхъ наказаній — для потомственныхъ дворянъ по жалованной грамотѣ не существовало. Всѣмъ, находившимся въ его имѣніи, потомственный дворянинъ владѣлъ на правахъ полной собственности, не исключая и крѣпостныхъ. Наконецъ, та же грамота давала дворянамъ и особую организацію. Дворяне получили право собираться черезъ каждые 3 года и на этихъ дворянскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ избирали изъ своей среды предводителей дворянства (уѣздныхъ и губернскихъ), а также и разныхъ должностныхъ лицъ въ учрежденія, созданныя реформой 1775 года. Дворяне получили право дѣлать заявленія о своихъ нуждахъ губернаторамъ и входить при посредствѣ своихъ депутатовъ съ представленіями и жалобами въ сенатъ и приносить ихъ даже самой верховной власти.

Жалованная грамота городамъ, изданная одновременно съ дворянской, раздѣлила городское населеніе на нѣсколько классовъ. Высшій слой городского общества составляли такъ называемые и м е н и т ы е г р а ж д а н е; они занимали по выборамъ высшія должности въ городѣ; въ ихъ составъ входили: ученые, художники, артисты, капиталисты, объявившіе капиталъ въ размѣрѣ не менѣе 50,000 р. въ годъ. Ниже ихъ стояли к у п ц ы, дѣлившіеся на основаніи грамоты на 3 гильдіи: въ первую гильдію записывались купцы, объявившіе капиталъ въ размѣрѣ не менѣе 10,000 р., во второй съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 5,000 р. и въ третью — не менѣе 1,000 р. Третью группу городского населенія составляли

ремесленники, которыхъ грамота раздѣлила, по образцу Западной Европы, на цехи. Низшимъ слоемъ были посадскіе, жившіе на средства, доставляемыя какимъ-либо промысломъ или работою и не вошедшіе ни въ одну изъ остальныхъ группъ.

Купцы всѣхъ трехъ гильдій, сверхъ общихъ правъ городского состоянія, пользовались еще свободой отъ подушной подати и личной рекрутской повинности съ условіемъ указнаго взноса въ казну, чего не было предоставлено ни посадскимъ, ни цеховымъ, не объявившимъ за собою гильдейскаго капитала. Купцы первой и второй гильдіи сверхъ того были еще свободны отъ тѣлесныхъ наказаній и имѣли право содержать фабрики и заводы, чѣмъ не пользовались ни посадскіе, ни купцы третьей гильдіи. Наконецъ именитые граждане сверхъ всѣхъ этихъ правъ могли еще имѣть загородные дворы и сады, ѣздить по городу въ каретѣ четверней и при извѣстныхъ условіяхъ даже просить о возведеніи въ дворянство, если ихъ отцы и дѣды имѣли и безпорочно сохраняли именитость. Такая дробность въ распредѣленіи правъ лишала городское общество надлежащей цѣльности и единства. (Ключевскій).

Городскіе обыватели получили право собираться разъ въ 3 года на общее городское собраніе: здѣсь они производили выборы на городскія должности и обсуждали вопросы о городскихъ нуждахъ, о чемъ входили съ представленіемъ къ губернатору. Заботы о хозяйствѣ и благоустройствѣ города возлагались на двѣ городскія думы — общую и шестигласную. Общая дума состояла изъ выборныхъ гласныхъ отъ всѣхъ классовъ городского общества. Эта дума собиралась періодически, по мѣрѣ надобности. Постояннымъ же городскимъ учрежденіемъ была шестигласная дума, избиравшаяся общею думой и состоявшая изъ шести членовъ или гласныхъ, съ городскимъ головою во главѣ. Подъ предсѣдательствомъ городского головы собиралась и общая городская дума.

104. Крѣпостное право. Просвѣщенная государыня, поклонница просвѣтительной литературы, проповѣдывавшей свободу, равенство и братство, Екатерина II мечтала объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Но близкіе къ ней люди не только не раздѣляли съ нею этого высокаго стремленія, но еще жаждали дальнѣйшаго развитія помѣщичьихъ правъ, въ ущербъ крестьянству. Благодаря этому крестьянская политика императрицы Екатерины была полна противорѣчій. Такъ напримѣръ, нуждаясь при проведеніи областной реформы въ городахъ, правительство превращало въ города села, выкупало крѣпостныхъ и превращало ихъ въ горожанъ. Совершая секуляризацію церковныхъ имуществъ на основаніи указа 1764 года, правительство освободило до 900,000 крѣпостныхъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ, и передало ихъ въ вѣдѣніе коллегіи экономіи; благодаря этому, у насъ образовался новый видъ государственныхъ крестьянъ подъ именемъ «экономическихъ». Но въ то же самое время императрица щедро раздавала земли, насе-

ленныя крестьянами, въ частныя руки и такимъ образомъ сильно увеличивала количество крѣпостныхъ. Издавъ рядъ постановленій, имѣвшихъ въ виду облегченіе положенія крѣпостныхъ, она издала въ 1783 году указъ, которымъ малороссійскіе крестьяне были обращены въ крѣпостныхъ тѣхъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ они жили.

Но крѣпостное право не только достигло во второй половинѣ XVIII столѣтія большаго географическаго распространенія, но и выросло само въ себѣ, такъ какъ его основанія, созданныя жизнью и державшіяся обычаемъ, были утверждены положительнымъ правомъ. Манифестъ императора Петра III о вольности дворянства въ сущности уже окончательно обратилъ крѣпостныхъ въ полную собственность помѣщиковъ. Обладаніе населенными землями было ранѣе тѣсно связано съ обязательствомъ военной службы для дворянства; обязавъ дворянъ пожизненною и даже наслѣдственною службою, Петръ Великій сравнялъ помѣстья съ вотчинами: это право логически вытекало изъ новой обязанности дворянъ. Манифестъ Петра III, предоставивъ дворянамъ-помѣщикамъ свободу служить или не служить, тѣмъ самымъ давалъ имъ право полной собственности надъ крестьянами: они становились обладателями людей, себѣ подобныхъ, уже не въ силу какихъ-либо государственныхъ необходимостей, а просто въ силу частнаго права. Логическая послѣдовательность заставляла предполагать, что за манифестомъ Петра III о дворянахъ послѣдуетъ второй манифестъ уже относительно крестьянъ, но этого манифеста не послѣдовало. Помѣщики-дворяне стали съ этого времени владѣть своими крестьянами, какъ движимымъ имуществомъ.

Въ короткій періодъ времени съ 1765—1767 г. правительствомъ было издано нѣсколько указовъ, которые все болѣе и болѣе развивали и узаконивали власть помѣщиковъ надъ крѣпостными. Помѣщики получили въ силу одного изъ этихъ указовъ право отдавать своихъ крѣпостныхъ людей за дерзости въ каторжную работу [1]). Другимъ указомъ было подтверждено право помѣщиковъ ссылать крестьянъ и дворовыхъ людей въ Сибирь на поселеніе «за продерзости». Третій указъ подтвердилъ другое право помѣщиковъ—отдавать крестьянъ и дворовыхъ людей въ солдаты въ какое-угодно время. Постоянное развитіе помѣщичьей власти, утверждаемое закономъ, содѣйствовало и произвольному отягощенію крѣпостныхъ ихъ помѣщиками. Различнаго рода слухи объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ, находившіе среди нихъ довѣрчивыхъ людей и вызывавшіе даже неоднократныя волненія крестьянъ, побудили правительство въ

[1]) „Адмиралтейской коллегіи принимать отъ помѣщиковъ ихъ крѣпостныхъ людей за дерзости въ каторжную работу на толикое время, на сколько помѣщики ихъ похотятъ, и содержать и довольствовать пищею и одеждою наравнѣ съ каторжными".

1767 году издать новый указъ, въ которомъ оно предостерегало помѣщичьихъ людей и крестьянъ отъ вѣры подобнымъ слухамъ и требовало безпрекословнаго повиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ. Тотъ же самый указъ воспрещалъ крестьянамъ подавать какія-бы то ни было жалобы и челобитныя на своихъ помѣщиковъ, грозя за нарушеніе этого запрещенія жестокими наказаніями какъ челобитчикамъ, такъ и составителямъ челобитныхъ: и тѣмъ, и другимъ указъ грозилъ кнутомъ и ссылкою въ Нерчинскіе рудники [1]).

Ничѣмъ не стѣсняемые въ своемъ произволѣ, иные изъ помѣщиковъ дозволяли себѣ возмутительные поступки съ крестьянами. Такъ напр., во время рекрутскихъ наборовъ они торговали своими крѣпостными людьми. Правительство вынуждено было издать запрещеніе этой торговли. Иные помѣщики отпускали на волю своихъ престарѣлыхъ и больныхъ крѣпостныхъ, чтобы избавиться отъ платежа казенныхъ податей за нихъ и не кормить ихъ, когда они, истративъ свои силы и здоровье на барской службѣ, уже не могли болѣе продолжать своей работы. И по поводу этого безчеловѣчнаго проявленія крѣпостного права былъ изданъ особый правительственный указъ. Этотъ указъ, опиравшійся на дѣйствительные случаи, происшедшіе въ одномъ изъ намѣстничествъ, имѣлъ въ виду удержать другихъ помѣщиковъ отъ подражанія тѣмъ, поступками которыхъ былъ вызванъ самый указъ. Правительство не подвергло провинившихся никакому взысканію, но угрожало, въ случаѣ повторенія подобныхъ явленій, «пристойными мѣрами». Другіе случаи вызывали наказанія: одна помѣщица, засѣкшая до смерти своего крестьянина, была посажена на мѣсяцъ въ тюрьму. Но не было издаваемо никакихъ общихъ положеній, которыя содѣйствовали бы улучшенію безотраднаго быта крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе императрицы Екатерины II крѣпостное право достигло своего высшаго развитія.

105. Просвѣщеніе въ царствованіе императрицы Екатерины II. Вліяніе новыхъ западно-европейскихъ идей сказалось не только на одномъ Наказѣ императрицы Екатерины. Оно сказалось и въ области просвѣщенія. Вліяніе это замѣтно и въ началѣ царствованія Екатерины — въ дѣятельности Ивана Ивановича Бецкаго, и въ концѣ — въ дѣятельности «коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ». Бецкій получилъ образованіе за границей, совершилъ много путешествій и проникся филантропическими стрем-

[1]) „А буде и по обнародованіи сего указа, которые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся, и недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки императрицы, подавать отважатся: то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ, наказаны будутъ кнутомъ, и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты“.

леніями XVIII столѣтія. Въ противоположность Петру Великому, думавшему лишь объ образованіи и смотрѣвшему на послѣднее съ практической точки зрѣнія, Екатерина II придавала, кромѣ образованія, огромное значеніе воспитанію. «Правила воспитанія — говоритъ она въ Наказѣ — суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами». Такого же взгляда держался и Бецкій. Всѣ прежнія заботы о школѣ были, по мнѣнію его, безплодны по той причинѣ, что пренебрегали воспитаніемъ, насаждающимъ въ юныхъ сердцахъ добродѣтель. Бецкій былъ послѣдователемъ теоріи Локка, гласившей, что душа младенца — tabula rasa, и что пишетъ на этой чистой доскѣ жизнь. Эта теорія, много способствовавшая дѣлу воспитанія, грѣшила, однако, въ томъ отношеніи, что совершенно игнорировала прирожденность психическихъ особенностей въ характерѣ, передаваемыхъ по наслѣдству подобно физическимъ. Среда, съ точки зрѣнія сторонниковъ этой теоріи, можетъ оказывать только пагубное вліяніе, такъ какъ «частое съ людьми безъ разбора обхожденіе внѣ и внутрь училища весьма вредительно». Чтобы создать «новую породу людей», свободную отъ старыхъ предразсудковъ и суевѣрій, необходимо изолировать воспитуемыхъ отъ общества, чего можно достигнуть при посредствѣ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Таковы были взгляды Бецкаго. Исходя изъ нихъ, онъ учредилъ первое въ Россіи государственное женское учебное заведеніе, Смольный институтъ, старѣйшій изъ учебныхъ заведеній этого типа, при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ. Кромѣ основанія Смольнаго института, Бецкій прославился учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ для призрѣнія дѣтей, бросаемыхъ родителями, и нѣсколькихъ училищъ.

Другимъ лицомъ, имѣвшимъ вліяніе на ходъ просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, былъ приглашенный ею изъ Австріи педагогъ Янковичъ де-Миріево (изъ села Миріева). Онъ былъ призванъ къ участію въ коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, предсѣдателемъ которой былъ Завадовскій. Результатомъ дѣятельности этой коммиссіи и было открытіе «главныхъ народныхъ училищъ» во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи; въ Петербургѣ ихъ было открыто два. Эти училища были средними учебными заведеніями. За открытіемъ главныхъ народныхъ училищъ послѣдовало открытіе «малыхъ»; послѣднія предполагалось открыть въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Предполагалось также и учрежденіе высшихъ учебныхъ заведеній, университетовъ,—въ Екатеринославѣ, Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ. Хотя планъ коммиссіи и не могъ быть полностью проведенъ въ жизнь, по недостатку средствъ, все-же въ царствованіе Екатерины дѣло просвѣщенія въ Россіи значительно подвинулось впередъ.

Просвѣщенная императрица затрачивала большія денежныя суммы на начавшіяся еще до нея изслѣдованія Россіи въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ, основала при Академіи наукъ Россійскую Академію, имѣвшую своею цѣлью поощреніе русской словесности и изученіе русскаго языка, разрѣшила открывать частнымъ лицамъ типографіи и т. под. Вмѣстѣ съ тѣмъ она приняла самое живое участіе въ литературной дѣятельности своего времени. Литературная дѣятельность въ царствованіе Екатерины II замѣтно оживилась. Поэтъ Державинъ прославлялъ мирную дѣятельность императрицы и воспѣвалъ побѣды ея войскъ. Фонвизинъ въ своихъ комедіяхъ высмѣивалъ грубость и невѣжество дворянскихъ недорослей, недостатки средняго дворянскаго круга, погоню за нелѣпымъ, чисто внѣшнимъ пристрастіемъ ко всему французскому. Сама императрица писала комедіи, изъ которыхъ наибольшую извѣстность пріобрѣла комедія «О, время!» Дѣйствующими лицами въ послѣдней являются: Ханжахина, Вѣстникова (злая сплетница), Чудихина (до глупости суевѣрная особа) и друг. Въ своихъ комедіяхъ императрица нападала на жестокое обращеніе съ крѣпостными, на дурное воспитаніе, на презрѣніе ко всему родному, ханжество, суевѣріе, скупость, страсть къ сплетнямъ и многіе другіе недостатки, существующіе въ человѣческомъ обществѣ и до настоящаго времени. Такимъ сатирическимъ направленіемъ была проникнута журнальная дѣятельность въ царствованіе Екатерины II. И въ этой дѣятельности сама государыня принимала живѣйшее участіе, чѣмъ много способствовала ея процвѣтанію [1]). Журналы, издававшіеся при Екатеринѣ II, существовали обыкновенно недолго; тѣмъ не менѣе ихъ обиліе свидѣтельствуетъ о пробужденіи общественной мысли. Особенно много выходило журналовъ въ періодъ времени съ 1769—1775 гг., т. е. въ первую половину царствованія Екатерины II. Изъ нихъ наиболѣе выдающимися были «Трутень» и «Живописецъ», издававшіеся знаменитымъ дѣятелемъ на поприщѣ родного просвѣщенія, Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ. Въ журналахъ Екатерининской эпохи мы встрѣчаемъ добродушную литературную полемику, переводы изъ Вольтера, изъ классиковъ, но главное мѣсто въ нихъ занимаетъ осмѣяніе общественныхъ недостатковъ.

Послѣдніе годы царствованія Екатерины совпали съ началомъ Великой французской революціи. Подъ вліяніемъ смутъ, происходившихъ во Франціи, императрица стала относиться съ недовѣріемъ ко всякимъ попыткамъ свободомыслія. Какъ разъ въ эту злополучную пору Радищевъ, получившій прекрасное образованіе въ Гер-

[1]) Журнальная дѣятельность началась у насъ въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны. Первымъ сатирическимъ журналомъ была „Трудолюбивая пчела“ извѣстнаго писателя и перваго директора общественнаго театра Сумарокова.

маніи, издалъ книгу подъ заглавіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ этой книгѣ онъ коснулся сатирически разныхъ сторонъ современной общественной жизни. Осуждая цѣлую вереницу обыкновенныхъ недостатковъ, онъ съ особенною рѣзкостью высказался противъ злоупотребленій крѣпостного права, помѣстилъ цѣлую главу, направленную противъ цензуры, помѣстилъ «Оду на вольность» съ оправданіемъ Кромвеля въ ту пору, когда во Франціи готовился судъ надъ несчастнымъ королемъ Людовикомъ XVI. Екатеринѣ очень не понравилась книга Радищева. «Сочинитель — бунтовщикъ хуже Пугачева», сказала она своему секретарю Храповицкому. Радищевъ былъ заключенъ въ крѣпость, отданъ подъ судъ и сосланъ въ Сибирь. Печальная участь постигла въ это время и Новикова. Послѣдняго обвинили за его участіе въ обществѣ масоновъ или мартинистовъ. Масонскія ложи или общества, проникнувъ къ намъ изъ Западной Европы, стали распространяться въ Россіи еще со временъ Анны Іоанновны. Императрица Елизавета Петровна уже знала о существованіи у насъ масонскихъ ложъ, и нѣкоторымъ масонамъ изъ знатныхъ фамилій былъ произведенъ допросъ. Масонскія ложи организовались прежде всего въ Англіи, въ началѣ XVIII в. Стремленія первоначальнаго масонства были очень просты: масоны стремились къ идеальной христіанской религіи, вполнѣ свободной отъ вѣроисповѣдной нетерпимости, къ воспитанію братскаго чувства между людьми безъ различія національнаго и сословнаго состояній, къ нравственному самосовершенствованію, къ дружескому общенію и взаимной помощи. Съ теченіемъ времени эта первоначальная основа масонства замутилась: масоны увѣровали въ силу алхиміи и магіи, проявили сильную наклонность къ мистицизму, опутали свои собранія цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ таинственныхъ и странныхъ церемоній. Сначала императрица, обладавшая большимъ и чисто практическимъ умомъ, смѣялась надъ

Рис. 75. Д. И. Фонвизинъ.

масонами и ихъ обрядами. Но со времени Великой французской революціи всякаго рода таинственныя собранія сдѣлались подозрительными. Подозрительно посмотрѣла императрица и на масонство. Масонскія книги, изданныя Новиковымъ, были переданы на просмотръ митрополиту Платону. Хотя митрополитъ и заявилъ, что мало понимаетъ ихъ, все-же надъ Новиковымъ нависла грозная туча. Ему вмѣнили въ вину и переписку съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, сочувствовавшимъ масонству, и частную корреспонденцію, получавшуюся Новиковымъ изъ-за границы. Новиковъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда былъ выпущенъ уже по смерти Екатерины императоромъ Павломъ I [1]).

106. Внѣшняя политика Екатерины II. Первая турецкая война. Въ области внѣшней политики царствованіе Екатерины II ознаменовалось утвержденіемъ Россіи на берегахъ Чернаго моря и возвращеніемъ западно-русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польско-Литовскаго государства. Возвращеніемъ этихъ областей завершился тотъ историческій процессъ, начало котораго относится къ великому княженію Іоанна III.

Утвержденіе Россіи на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря было результатомъ двухъ турецкихъ войнъ, изъ которыхъ первая продолжалась съ 1768 — 1774, а вторая съ 1787 — 1791 г.

Сѣверные берега Чернаго моря уже задолго до Екатерины II стали объектомъ борьбы между Россіей и Турціей. Московская Русь оставила Новой Россіи крупную задачу покончить съ Крымскимъ ханствомъ, обломкомъ Золотой Орды. Наши владѣнія все болѣе и болѣе надвигались на Крымъ. Крымцы, по старой привычкѣ, продолжали дѣлать набѣги въ тѣ или другія мѣстности и опустошали ихъ. Эти набѣги вызывали, въ свою очередь, набѣги на крымскихъ татаръ. Такимъ образомъ, поводовъ къ разрыву мирныхъ сношеній съ Крымомъ было довольно. Но покончить съ самымъ существованіемъ Крымскаго ханства было невозможно безъ борьбы съ Турціей, въ вассальной зависимости отъ которой находился Крымъ. Съ другой стороны, и Турція не могла оставаться равнодушной къ усиленію Русскаго государства. Кромѣ естественныхъ причинъ, побуждавшихъ Турцію къ войнѣ съ Россіей, турецкое правительство испытывало враждебное Россіи давленіе со стороны другихъ европейскихъ державъ. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ императрица Екатерина II обратила серьезное вниманіе на положеніе православнаго населенія, подвластнаго Польшѣ. Она потребовала отъ польскаго сейма дарованія православнымъ извѣстныхъ правъ, которыя

---

[1]) Обращаемъ вниманіе на соч. Незеленова: „Николай Ивановичъ Новиковъ“.

улучшили бы ихъ положеніе. Но противъ исполненія этого требованія высказалась значительная партія польскаго дворянства или шляхетства, которая рѣшила сопротивляться даже силою всѣмъ попыткамъ императрицы достигнуть своего естественнаго желанія. Эта, враждебная Россіи, партія создала, по старымъ польскимъ обычаямъ, конфедерацію или вооруженный союзъ съ цѣлью удержанія стараго порядка, т. е. полной неравноправности православныхъ съ католиками. Конфедераты встрѣтили сочувствіе во Франціи и даже нашли въ ней дѣятельную союзницу. И сами конфедераты, и Франція стали усиленно склонять Турцію къ войнѣ съ Россіей, думая этою войною отвлечь ея силы и помѣшать ей осуществить свое намѣреніе.

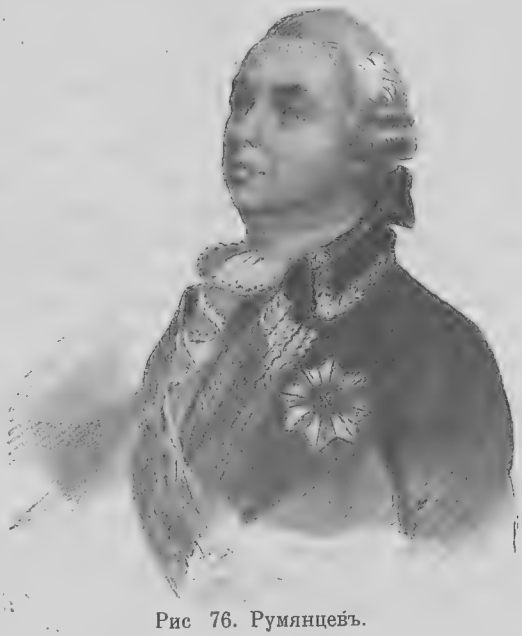


Рис 76. Румянцевъ.

Изъ-за ничтожнаго предлога турецкое правительство заключило нашего посланника въ Семибашенный замокъ, благодаря чему война сдѣлалась неизбѣжной.

Главными театрами военныхъ дѣйствій были въ эту войну: Придунайскій край, Архипелагъ и Крымскій полуостровъ. Главнокомандующимъ дунайской арміи былъ назначенъ вскорѣ послѣ начала войны Румянцевъ, уже отличившійся въ Семилѣтней войнѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны. Турецкій султанъ направилъ противъ насъ большія силы. Противъ насъ выступилъ и крымскій ханъ во главѣ своихъ полчищъ. Хану было поручено задерживать Румянцева на берегахъ р. Прута. Съ этою цѣлью ханъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ на берегу рѣчки Ларги, впадающей въ Прутъ. Румянцевъ отважно напалъ на татаръ, овладѣлъ ихъ окопами и всѣмъ обозомъ. Татары разсѣялись, но все же число ихъ было огромнымъ. Необходимо было поэтому помѣшать соединенію съ ними турецкихъ силъ. Румянцевъ, оставивъ часть своего войска противъ татаръ, съ малочисленнымъ войскомъ—всего въ 17,000 человѣкъ — напалъ на турецкое войско, въ восемь слишкомъ разъ превышавшее тѣ силы, которыми располагалъ Румянцевъ. На берегахъ р. Кагула онъ одер-

жалъ надъ турками блестящую побѣду, заставивъ непріятеля обратиться въ безпорядочное бѣгство. Турки бѣжали за Дунай; Румянцевъ послѣдовалъ за ними. Обѣ славныя побѣды Румянцева были одержаны въ 1770 году. Русскіе заняли Молдавію, Валахію съ Бухарестомъ. Петръ Панинъ, послѣ долговременной осады, овладѣлъ Бендерами. Благодаря этому, татары были совершенно отрѣзаны отъ турокъ и не могли помогать послѣднимъ.

Въ томъ же году была одержана замѣчательная побѣда на морѣ. Императрица отправила изъ Балтійскаго моря въ Средиземное флотъ подъ начальствомъ Алексѣя Григорьевича Орлова, брата своего любимца Григорія Орлова, по ея собственнымъ словамъ, внушившаго ей этотъ планъ. Въ эту пору сумѣли обратить на себя всеобщее вниманіе греки. Они уже мечтали о сверженіи турецкаго ига. Флотъ и былъ отправленъ съ тою цѣлью, чтобы поднять грековъ противъ султана. Возстаніе было возбуждено, но выразилось, въ виду недостаточной подготовленности грековъ, далеко не такъ, какъ этого ожидали въ Петербургѣ. Греческія шайки дѣйствительно стали нападать на турецкія поселенія и грабить ихъ, но разбѣгались при первой встрѣчѣ съ вооруженными турецкими отрядами. Эта дѣятельность нашего флота была второстепенною и не оказала никакого существеннаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Главнымъ же дѣломъ Орлова было неожиданное нападеніе на турецкій флотъ. Послѣ горячаго боя, турецкіе корабли укрылись въ прекрасно защищенную Чесменскую бухту, расположенную въ Малой Азіи, противъ острова Хіоса. Орловъ загородилъ турецкимъ кораблямъ выходъ изъ гавани. Тогда капитанъ Грейгъ подалъ Орлову мысль пустить въ Чесменскую бухту нѣсколько брандеровъ (судовъ съ зажигательными снарядами) и такимъ способомъ сжечь весь турецкій флотъ. Планъ удался какъ нельзя лучше. Отъ страшнаго пожара спасся всего одинъ турецкій корабль, который и былъ вынужденъ сдаться намъ. За эту побѣду Алексѣй Орловъ получилъ титулъ графа Чесменскаго.

Несмотря на рядъ чувствительныхъ пораженій, турецкій султанъ не обнаруживалъ намѣренія заключать миръ. Объяснялось это тѣмъ, что Франція подстрекала султана къ продолженію войны, помогая ему деньгами и людьми. Пораженная Чесменской побѣдой, Англія стала относиться къ намъ съ нескрываемой непріязнью. Шведскій король Густавъ III на глазахъ у всѣхъ искалъ союза съ нашими недругами. Наконецъ, Екатерина вела одновременно съ турецкою войною борьбу съ польскими конфедератами и не могла направить противъ Турціи такихъ силъ, которыя бы сломили ея упорство.

Во всякомъ случаѣ, Турція была обезсилена. Поэтому въ 1771 году Екатерина рѣшила покончить съ самымъ существованіемъ Крыма, придвинувъ нашу южную границу къ самому Черному морю. Это

крупное дѣло было поручено князю Василію Долгорукову. Татары, такъ ловко опустошавшіе чужія земли, не могли защитить своей. Одна наша побѣда слѣдовала за другой. Одинъ гонецъ за другимъ неслись въ Петербургъ съ вѣстями о новыхъ побѣдахъ. Скоро весь полуостровъ очутился въ нашихъ рукахъ. Татары, предоставленные самимъ себѣ, низвергли хана, враждебнаго Россіи, и возвели на его мѣсто преданнаго намъ Сагибъ-Гирея. Скоро была провозглашена независимость Крымскаго ханства отъ Турціи, но независимость ханства была номинальной, такъ какъ русскіе распоряжались въ Крыму, какъ въ покоренной странѣ.

Война съ турками продолжалась до 1774 года. Новый султанъ, видя непрерывный рядъ неудачъ, самъ повелъ рѣчи о мирѣ. Послѣдній былъ заключенъ въ турецкой деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи (близъ Силистріи). Турки уступили намъ Азовъ, Керчь съ Еникале, а также и крѣпость Кинбурнъ, расположенную неподалеку отъ устьевъ Днѣпра. Такимъ образомъ за нами остались устья Дона и Днѣпра. Кромѣ того, султанъ отказался отъ своихъ сюзеренныхъ правъ надъ Крымомъ и обязался уплатить большую контрибуцію. Румянцевъ за свою замѣчательную дѣятельность въ этой войнѣ получилъ нѣсколько наградъ и титулъ графа Задунайскаго.

107. Пугачевщина. Такое благопріятное окончаніе первой турецкой войны было тѣмъ болѣе удивительнымъ, что еще до окончанія ея Екатеринѣ II пришлось вступить въ серьезную борьбу съ новымъ казацкимъ возстаніемъ, разразившимся приблизительно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя въ свое время служили ареной Разинскаго бунта.

Починъ въ этомъ возстаніи принадлежалъ уральскимъ или яицкимъ казакамъ [1]). До Петра Великаго эти казаки пользовались полною свободой. Со временъ Петра старые казацкіе порядки подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Атаманъ сталъ назначаться правительствомъ, и всѣ дѣла, ранѣе рѣшавшіяся на вольныхъ сходкахъ, безъ всякихъ письменныхъ документовъ, перешли въ руки войсковой канцеляріи. Но между атаманомъ и войсковою канцеляріею съ одной стороны и казачествомъ съ другой—начались непрерывныя недоразумѣнія и распри. Притѣсняемые атаманомъ и канцеляріей, казаки посылали въ Петербургъ одну жалобу за другою. На эти жалобы правительство отвѣчало посылкою своихъ комиссаровъ, которымъ поручало улаживать возникавшіе въ средѣ казачества споры. Комиссары дѣлали тѣ или другія постановленія и возвращались въ столицу, но постановленія ихъ не исполнялись. Отношенія между казаками и правительствомъ обострились наконецъ — уже въ цар-

[1]) Рѣка Уралъ называлась тогда Яикомъ.

ствованіе Екатерины II — до того, что казаки убили и атамана, и присланнаго правительствомъ комиссара. Это столкновеніе казаковъ съ представителями власти вызвало въ ихъ средѣ настоящее возмущеніе въ началѣ 1772 года. Высланное противъ нихъ войско, подъ начальствомъ генерала Фреймана, усмирило казацкое движеніе. Одни изъ зачинщиковъ были, по рѣшенію суда, сосланы въ Сибирь, послѣ наказанія кнутомъ, другіе отправлены на службу въ полки. Но многіе изъ виновниковъ остались ненаказанными и разсѣялись по степнымъ хуторамъ. Усмиреніе не обѣщало настоящаго и продолжительнаго спокойствія. Казаки роптали и грозили правительству болѣе сильнымъ возстаніемъ. «То ли еще будетъ! говорили они. Такъ ли тряхнемъ Москвою!» Обстоятельства сложились такъ, что достаточно было появиться въ недовольной средѣ казаковъ какому-либо предпріимчивому и отчаянному человѣку, готовому взять на себя руководительство бунтомъ, чтобы этотъ бунтъ сдѣлался дѣйствительнымъ фактомъ. Такимъ именно лицомъ и былъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ.

Моментъ для казацкаго движенія былъ чрезвычайно благопріятный. На это движеніе неминуемо должны были откликнуться крѣпостные крестьяне, заводскіе рабочіе и далеко не усмиренные еще инородцы. Крѣпостныхъ побуждало примыкать къ движенію ихъ необычайно тяжелое положеніе; положеніе государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ на Уралѣ, было также тяжелымъ. Приписывая крестьянъ къ тому или другому заводу, ихъ не надѣляли пахотною землею, или же направляли въ заводы, отстоявшіе верстъ на 600 отъ мѣста ихъ осѣдлости. Еще болѣе ухудшали ихъ положеніе злоупотребленія со стороны заводскихъ властей и тѣ жестокія наказанія, которымъ подвергались провинившіеся крестьяне: ихъ сѣкли плетьми, сажали на цѣпь или въ колодку, брили головы и бороды, что было очень тяжелымъ наказаніемъ, такъ какъ большинство рабочихъ придерживалось расколоученія. Наконецъ, благопріятнымъ матеріаломъ для возстанія были инородцы, жившіе на юго-востокѣ Европейской Россіи — калмыки, башкиры, киргизы. Неоднократно поднимались они противъ правительства. Къ нападеніямъ на наши культурныя поселенія ихъ побуждала прежде всего ихъ собственная некультурность. Они переживали ту стадію развитія общественнаго быта, которую русскій народъ пережилъ въ незапамятныя времена. Подчиненныя русскимъ правительствомъ, эти племена вели попрежнему свою кочевую жизнь. Къ возстаніямъ побуждали ихъ и всякаго рода притѣсненія со стороны мѣстныхъ властей. Правительство принимало свои мѣры, воздвигло безконечную цѣпь пограничныхъ укрѣпленій, строило заводы на землѣ, принадлежащей башкирамъ, и приписывало къ нимъ много-

численныхъ крестьянъ. Этою мѣрой правительство все болѣе и болѣе стѣсняло инородцевъ, завладѣвая ихъ лучшими пастбищами. Злоупотребленія со стороны мѣстныхъ властей, дѣйствовавшихъ безнаказанно благодаря отсутствію контроля, были такъ чувствительны, что незадолго до Пугачевскаго бунта свыше полутораста тысячъ калмыковъ поднялись со своихъ мѣстъ и ушли изъ Астраханской губерніи въ предѣлы Китая.

Много приверженцевъ нашелъ себѣ Пугачевъ и въ средѣ раскольниковъ. Поднимая возстаніе противъ правительства, онъ назвалъ себя Петромъ III, т. е. принялъ имя чрезвычайно популярное въ раскольничьей средѣ. Впервые самозванецъ объявился на одномъ изъ казацкихъ хуторовъ, расположенныхъ недалеко отъ г. Яицка. Вмѣсто тулупа на немъ появился зеленый кафтанъ. Приготовлено было бѣлое знамя съ раскольничьимъ, осьмиконечнымъ крестомъ. Какой-то писарь, за безграмотностью самого Пугачева, сочинилъ воззваніе, въ которомъ говорилось, что императоръ Петръ III принялъ царство, и кто будетъ ему служить, тѣхъ онъ жалуетъ крестомъ и бородою, и рѣкою, и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ, и порохомъ, и вѣчною вольностію, а противники не избѣгнутъ сильной руки его. Въ этомъ воззваніи было все то, что составляло предметъ вожделѣній всѣхъ выше перечисленныхъ элементовъ населенія, имѣвшихъ основаніе быть недовольными правительствомъ. Такое воззваніе, конечно, должно было имѣть успѣхъ. Сначала вокругъ Пугачева собралась группа всего изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, но скоро она стала все болѣе и болѣе увеличиваться; на его сторону стали переходить и части выступившихъ противъ мятежниковъ регулярныхъ войскъ. Отъ Яицка Пугачевъ двинулся къ Оренбургу. По этой дорогѣ находились уральскія укрѣпленія. То были большею частью жалкія деревушки, обнесенныя плетнемъ или заборомъ. Двѣ-три пушки, небольшой отрядъ казаковъ, да нѣсколько старыхъ гарнизонныхъ солдатъ составляли всю ихъ оборону. Очень понятно, что эти укрѣпленія не въ состояніи были оказать серьезнаго сопротивленія все болѣе и болѣе усиливавшемуся врагу. Но Пугачеву помогала и измѣна. Обыкновенно казаки переходили на его сторону, и тогда начиналась жестокая расправа съ комендантами и офицерами. Опьяняемый успѣхомъ, Пугачевъ начиналъ развивать свои планы: онъ заявлялъ, что лишитъ бояръ земли, а посадитъ ихъ на жалованье, что все населеніе Россіи обратитъ въ казаковъ и всюду введетъ казацкіе порядки. Но за успѣхами слѣдовали и неудачи. Несмотря на страшныя усилія Пугачеву не удалось взять ни Оренбурга, ни Яицкаго Городка. Впрочемъ, это обстоятельство не могло играть рѣшающей роли въ дѣлѣ Пугачева, такъ какъ всѣ

недовольные правительствомъ элементы пришли, въ свою очередь, въ сильное волненіе. По всему Поволжью и въ Пріуральскомъ краѣ поднимались крестьяне, раскольники, заводскіе рабочіе, инородцы. Разсылаемые самозванцемъ листы, которыми онъ волновалъ народъ, попадали въ Москву и даже въ Петербургъ.

Первыя дѣйствія высланныхъ правительствомъ незначительныхъ отрядовъ оказались неудачными. Тогда Екатерина II прибѣгла къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она рѣшила объединить дѣйствія противъ мятежниковъ назначеніемъ главнокомандующаго. Сначала былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всего края, охваченнаго бунтомъ, Бибиковъ, а послѣ его смерти — Петръ Панинъ. При подавленіи мятежа пришлось употребить огромную энергію, такъ какъ Пугачевъ завладѣлъ Самарой, Саратовымъ, Пензой и сжегъ Казань. Но все-же послѣ неимовѣрныхъ усилій мятежъ былъ подавленъ. Пугачева, какъ и Разина, выдали правительству казаки. Его бурная жизнь закончилась казнью, совершенною надъ нимъ въ Москвѣ въ январѣ 1775 года. Послѣ этого старинныя названія Яикъ,—Яицкій Городокъ, яицкіе казаки—были замѣнены новыми—Уралъ, Уральскъ, уральскіе казаки, чтобы скорѣе изгладить изъ памяти народной то, что живо напоминало ему о страшной пугачевщинѣ.

108. Присоединеніе Крыма. Греческій проектъ. Вторая турецкая война. Война со шведами. Объявленіе независимости Крыма отъ Турціи было лишь переходомъ къ присоединенію его къ Россіи. Въ ханствѣ существовали двѣ партіи—русская и турецкая. Онѣ враждовали другъ съ другомъ. Въ 1782 году противъ хана Шагинъ-Гирея вспыхнуло возстаніе, которое было вызвано частью неосторожнымъ образомъ дѣйствій самого хана, частью же непріязнью, существовавшею между указанными партіями. Этими безпорядками думали, было, воспользоваться турки. На полуостровъ высадился небольшой турецкій отрядъ, начальникъ котораго сталъ распоряжаться въ Крыму, какъ будто онъ продолжалъ принадлежать Турціи. Угрожаемый, кромѣ того, большимъ волненіемъ въ средѣ мусульманскаго духовенства, ханъ покинулъ полуостровъ и укрылся въ русскихъ владѣніяхъ. На просьбу его о высылкѣ войска для усмиренія волненій наше правительство отвѣтило согласіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложило хану отречься отъ престола, обладаніе которымъ доставляло ему столько безпокойствъ, и жить на русской пенсіи. Ханъ отвѣчалъ письмомъ на имя императрицы съ выраженіемъ своей готовности послѣдовать предложенію нашего правительства. Вступивъ въ Крымъ вмѣстѣ съ русскими войсками, онъ торжественно объявилъ своимъ подданнымъ объ отреченіи отъ престола. Но, когда миновала опасность, поведеніе хана измѣнилось. Онъ удалился въ горы съ группою своихъ приверженцевъ и прекратилъ

всякія сношенія съ русскими властями. Тогда Екатерина II издала манифестъ, въ которомъ, исчисливъ всѣ затрудненія и расходы Россіи, вызванные кратковременною независимостью Крыма, объявляла присоединеніе послѣдняго къ Россіи (1783). Нашъ отрядъ обезоружилъ хана и его сторонниковъ. Шагинъ-Гирей былъ поселенъ сперва въ Воронежѣ вмѣстѣ со свитою въ 2,000 человѣкъ, гаремомъ и всѣмъ своимъ имуществомъ, а затѣмъ переведенъ въ Калугу, гдѣ долженъ былъ жить въ загородномъ домѣ съ очень небольшой свитой. Переписка бывшаго хана съ его родственниками, жившими на Тамани, вызвала еще большія стѣсненія для него. Тогда онъ сталъ просить у императрицы, чтобы его отпустили въ Турцію. Императрица исполнила его просьбу, и послѣдній крымскій ханъ вскорѣ погибъ насильственною смертью на островѣ Родосѣ. Крымъ съ небольшою полосою материка былъ обращенъ въ Таврическую губернію.

Рис. 77. Потемкинъ.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, могущественный любимецъ Екатерины, назначенный правителемъ завоеванныхъ у Турціи областей (Новороссіи), много способствовалъ присоединенію Крыма. Потемкинъ приложилъ много заботъ къ южно-русскимъ областямъ, порученнымъ ему императрицей. Онъ заселялъ пустынныя пространства колонистами, строилъ города (Херсонъ, Екатеринославъ, Николаевъ), разводилъ лѣса и виноградники, учреждалъ фабрики и школы. Чрезвычайно важнымъ дѣломъ Потемкина было сооруженіе флота на Черномъ морѣ. Большинство изъ проектовъ Потемкина такъ и не дождались своего осуществленія. Причины этого заключались и въ томъ, что планы его отличались обыкновенно непосильною широтою, и въ томъ, что многія начинанія забрасывались.

Изъ политическихъ проектовъ Потемкина пріобрѣлъ наибольшую извѣстность такъ называемый греческій проектъ. Онъ заключался въ изгнаніи турокъ изъ Европы и въ возстановленіи Визан-

тійской имперіи при томъ условіи, чтобы во главѣ послѣдней былъ поставленъ членъ русской императорской фамиліи.

Въ 1787 году, по приглашенію Потемкина, императрица Екатерина совершила путешествіе въ Крымъ. Это путешествіе превратилось въ торжество Потемкина, сумѣвшаго искусно скрыть всѣ слабыя стороны и выставить въ блестящемъ видѣ результаты своей дѣятельности. Херсонъ со своею крѣпостью вызвалъ удивленіе даже иностранныхъ представителей, бывшихъ въ свитѣ императрицы. Самымъ же эффектнымъ зрѣлищемъ былъ Черноморскій флотъ — дѣтище Потемкина, представленный императрицѣ на Севастопольскомъ рейдѣ.

При прощаніи съ Потемкинымъ императрица наградила его титуломъ князя Таврическаго.

Лихорадочная дѣятельность Потемкина, его «греческій проектъ», заключеніе Россіею союза съ Австріей въ цѣляхъ совмѣстнаго дѣйствія противъ турокъ — все это и само по себѣ встревожило бы Турцію. Но враждебныя Россіи, Пруссія и Англія, опасаясь ея завоевательныхъ замысловъ, подняли противъ насъ и Турцію, и Швецію. Турки заключили нашего посла въ Семибашенный замокъ и предъявили Екатеринѣ II требованіе очистить отъ своихъ войскъ Крымъ. Въ отвѣтъ на это императрица объявила Турціи въ 1787 году войну. Главнокомандующій нашъ Потемкинъ не обнаружилъ въ этой войнѣ ни военныхъ дарованій, ни надлежащей твердости духа. Женщина, императрица Екатерина II, была въ послѣднемъ отношеніи неизмѣримо выше него. Когда новый флотъ былъ застигнуть жестокой бурей и сильно пострадалъ отъ нея, Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Богъ бьетъ, а не люди; я, при моей болѣзни, пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу»... Императрица отвѣчала ему: «прошу ободриться и помнить, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ»... Потемкинъ ужасно опасался за судьбу выстроенной имъ крѣпости Кинбурна, которой угрожали турки. Екатерина совершенно справедливо писала ему: «всякая потеря непріятна, но положимъ, что и потеряемъ Кинбурнъ: такъ изъ-за этого надо не унывать, а стараться, какъ ни на есть, отомстить. Имперія и безъ Кинбурна останется имперіей»... Личные подвиги Потемкина ограничились взятіемъ у турокъ послѣ тяжелой и долговременной осады крѣпости Очакова.

Истиннымъ героемъ второй турецкой войны былъ нашъ геніальный полководецъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Въ 1789 году онъ командовалъ частью арміи, расположенной ближе къ австрійцамъ, и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ ихъ полководцемъ, принцемъ Кобургскимъ. Замѣчательнѣйшими побѣдами, одержанными ими, были побѣды при мѣстечкѣ Фокшанахъ и у рѣчки Рымника. За побѣду

при Рымникѣ Суворовъ получилъ титулъ графа Рымникскаго Но самымъ славнымъ дѣломъ графа Рымникскаго было взятіе штурмомъ сильной турецкой крѣпости Измаила, расположенной въ устьяхъ Дуная. Миръ съ Турціей былъ заключенъ въ концѣ 1791 года, уже послѣ смерти Потемкина, въ Яссахъ, при посредствѣ Безбородко. Ясскій миръ укрѣпилъ за нами наши прежнія завоеванія и придвинулъ русскую границу къ самой р. Днѣстру.

Одновременно съ турецкой войной Екатеринѣ пришлось вести (съ 1788—1790 гг.) войну со шведами. Когда уже всѣ наши войска

Рис. 78. Суворовъ.

были стянуты къ югу — для борьбы съ турками, шведскій король Густавъ III отправилъ противъ насъ флотъ и самъ высадился со своими войсками въ Финляндіи. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣшномъ результатѣ начатой войны и хвастливо заявлялъ о томъ, что въ самомъ близкомъ будущемъ устроитъ пиръ въ Петербургѣ. Кое-какіе отряды въ соединеніи съ вновь набранными рекрутами составили войско приблизительно въ 15,000 человѣкъ, которое и отправилось для защиты отъ шведовъ финляндской границы. Въ концѣ концовъ эта граница осталась за нами, хотя шведское войско не понесло отъ насъ ни одного рѣшительнаго пораженія. Не по-

терпѣлъ такого и шведскій флотъ. Но Густавъ III, видя безуспѣшность войны, самъ заговорилъ о мирѣ. Послѣдній былъ заключенъ въ Верельской долинѣ. Важно то, что Швеціи, несмотря на крайне затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, не удалось отторгнуть отъ насъ ни одного изъ завоеваній Петра Великаго.

109. Возвращеніе западно-русскихъ областей и паденіе Польши. По мѣрѣ того, какъ Русское государство расширялось и усиливалось, Польша приходила все въ большій и большій упадокъ. Печально было положеніе польскаго крестьянства, обнищавшаго до послѣдней степени. Не сулило ничего добраго все большее и большее вырожденіе дворянства или шляхетства. Вѣчные безпорядки на сеймахъ, избирательность королевской власти и ея ничтожное значеніе, наконецъ — поразительное уменьшеніе народонаселенія — все это грозило неминуемыми бѣдствіями для государства. Шляхта, правда, очень дорожила своею честью, но понятіе о послѣдней было ложнымъ. «Этотъ гоноръ—говоритъ извѣстный польскій историкъ—состоялъ въ забіячествѣ, кровавыхъ схваткахъ и рѣзнѣ — все это называлось поединкомъ. Удалецъ и хвастунъ, всегда готовый помѣряться съ равнымъ себѣ, прежде всѣхъ уходилъ съ поля сраженія. Этотъ же гоноръ, правильнѣе, — кулачное право, былъ причиною шашней и тайныхъ совѣщаній съ чужеземцами, которые стали внимательно всматриваться въ смуты Посполитой Рѣчи, въ надеждѣ воспользоваться ими. Разстройство ея было ужасно и уже ничѣмъ неисправимо». Нерѣдко какой-нибудь ничтожный шляхтичъ, подкупленный иностраннымъ золотомъ, срывалъ постановленіе цѣлаго сейма, пользуясь положеніемъ, въ силу котораго для рѣшенія вопросовъ требовалось единогласное рѣшеніе (liberum veto). Этимъ правомъ каждый шляхтичъ гордился, какъ высшимъ проявленіемъ индивидуальной свободы, не задумываясь надъ тѣмъ, какой вредъ наносило оно интересамъ общественнымъ и государственнымъ. Такимъ образомъ Польша носила въ себѣ чисто органическія причины своего разрушенія. Она могла бы еще спасти себя, видоизмѣнивъ существовавшіе порядки, могла бы найти свѣжія силы въ русскомъ населеніи своихъ областей, но по отношенію къ нему она слѣдовала близорукой политикѣ.

До половины XVII вѣка политика систематическаго преслѣдованія польскимъ правительствомъ православія и русской народности въ западно-русскихъ областяхъ, хотя и получила большое развитіе и являлась тяжелымъ бременемъ для русскаго народа, но не принимала еще оффиціальнаго характера. До этого времени еще не было ни одного постановленія, внесеннаго въ польскіе законы въ ущербъ православію и русской народности. Все сводилось къ частнымъ мѣ-

рамъ чисто административнаго характера. Но со вступленія на престолъ Яна-Казиміра обстоятельства измѣнились. Со вступленіемъ его на престолъ настало настоящее царствованіе іезуитовъ. Въ правленіе Яна-Казиміра права православныхъ сужались все болѣе и болѣе уже не въ силу частныхъ распоряженій, а на основаніи сеймовыхъ постановленій и королевскихъ декретовъ. При Янѣ-Казимірѣ Польша лишилась восточной половины Малороссіи и Смоленска, отошедшихъ къ Москвѣ. Но эта потеря не измѣнила политики польскаго правительства по отношенію къ православію и русской народности.

По вѣчному миру, заключенному Яномъ Собѣсскимъ съ царевной Софіей, Россія получила право вмѣшиваться въ отношенія польскаго правительства къ диссидентамъ, главнѣйшими составными частями которыхъ въ Польшѣ были православные и лютеране. Опираясь на это право, Петръ Великій организовалъ въ Польшѣ непрерывное наблюденіе за положеніемъ православнаго населенія при посредствѣ русскаго резидента при польскомъ дворѣ. Но ни при Петрѣ Великомъ, слишкомъ занятомъ своими непосредственными дѣлами, ни въ продолженіе сорока лѣтъ послѣ его смерти, когда Россія пережила столько волненій, представленія русскихъ дипломатовъ не могли опираться на вооруженную силу, а потому и оставались безрезультатными.

Иначе пошло дѣло съ воцаренія императрицы Екатерины II. Она сразу же объявила одною изъ главнѣйшихъ задачъ своего царствованія защиту угнетаемаго въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, православія и заботу объ улучшеніи положенія жившей подъ державой Польши русской народности. Въ 1764 году она возвела на польскій престолъ извѣстнаго ей Станислава-Августа Понятовскаго. Поляки относились враждебно къ императрицѣ и смотрѣли недовѣрчиво на короля, которому она покровительствовала.

Екатерина II повела дѣло въ высшей степени энергично. Черезъ своего уполномоченнаго она добилась сеймоваго постановленія о равноправности православія съ католицизмомъ и русской народности съ польской. Но это постановленіе нарушалось на каждомъ шагу. Отвѣтомъ на постоянныя преслѣдованія русскихъ людей было страшное возстаніе послѣднихъ, охватившее всю Подолію, часть Волыни и Кіевскую землю. Однимъ изъ самыхъ страшныхъ эпизодовъ его была такъ называемая «Уманьская рѣзня», истребившая почти все польское и еврейское населеніе города Умани. Польское правительство было застигнуто этимъ возстаніемъ врасплохъ, такъ какъ само боролось въ это время съ Барскою конфедераціей, имѣвшей въ виду уничтожить сеймовыя постановленія о правахъ диссидентовъ и низложить съ престола ставленника Екатерины. Послѣдняя, однако, заинтересованная въ сохраненіи существовавшаго въ Польшѣ прави-

тельства, отправила на помощь слабому польскому отряду, сражавшемуся съ возставшими, многочисленное войско, которое и потушило возстаніе. Послѣ этого наши войска занялись войною съ отрядами польскихъ конфедератовъ. Съ началомъ первой турецкой войны большая часть войскъ, дѣйствовавшихъ противъ конфедератовъ, была отправлена противъ турокъ. Благодаря этому и борьба съ конфедераціей затянулась на нѣсколько лѣтъ. Въ это время прусскій король Фридрихъ Великій ухватился за старую мысль о раздѣлѣ Польши между Пруссіей, Австріей и Россіей, мысль, которая была извѣстна еще Петру Великому, и которой онъ не сочувствовалъ. Фридрихъ склонилъ на свою сторону и Марію-Терезію. Послѣ этого Пруссія и Австрія стали домогаться того, чтобы къ ихъ союзу примкнула и Екатерина. Еще не дождавшись отвѣта послѣдней, Австрія завладѣла частью Галиціи, а Фридрихъ Великій воеводствами Познанскимъ и Кульминскимъ. При такихъ обстоятельствахъ Екатеринѣ пришлось присоединиться къ Фридриху и Маріи-Терезіи. Россія пріобрѣла Бѣлоруссію.

Послѣ этого три союзныя державы поручились за цѣлость и неприкосновенность Польши съ тѣмъ, однако, условіемъ, что поляки не будутъ перемѣнять установленнаго порядка и притѣснять диссидентовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя сеймъ утвердилъ цѣлый рядъ внутреннихъ преобразованій Польскаго государства, извѣстныхъ подъ именемъ «конституціи 3-го мая». Хотя конституція эта носила чисто шляхетскій характеръ и совершенно игнорировала обездоленную народную массу, все же она заключала въ себѣ такого рода перемѣны, которыя, будь онѣ проведены ранѣе, могли бы повлечь за собою благопріятныя для государства послѣдствія. По этой конституціи верховная власть, по смерти Станислава-Августа, должна была перейти въ руки саксонскаго курфюрста и его потомковъ, т. е. становилась наслѣдственной. Liberum veto уничтожалось, а вмѣсто него устанавливалось на сеймахъ рѣшеніе по большинству голосовъ и т. п. Конституція эта была выработана партіей, враждебной Россіи. Несмотря на это, императрица писала своему уполномоченному въ Варшавѣ: «мы, какъ прежде, такъ и теперь, останемся спокойными зрителями до тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ отъ насъ помощи для возстановленія прежнихъ законовъ республики». И въ самомъ дѣлѣ, противъ партіи сторонниковъ конституціи 3-го мая возстала враждебная ей партія, желавшая во что бы то ни стало уничтожить конституцію. Враги конституціи составили въ Тарговицѣ конфедерацію и отправили въ Петербургъ депутатовъ просить помощи у императрицы. Все это вызвало новую борьбу, окончившуюся вторымъ раздѣломъ Польши. Россія и на этотъ разъ присоединила исконно русскія земли съ господствующимъ въ нихъ русскимъ насе-

леніемъ: это были области—Минская, Волынская и Подолія. Пруссія, гдѣ царствовалъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, и на этотъ разъ примкнула къ раздѣлу, завладѣвъ польской территоріей съ городами: Познанью, Данцигомъ, Торномъ, Калишемъ и Ченстоховымъ. Этой земли Пруссія добивалась давно. Съ пріобрѣтеніемъ ея она стала обладать Вислою и торговлей на Балтійскомъ морѣ.

Рис. 79. Тадеушъ Костюшко.

Несмотря на эти несчастія, въ Польшѣ еще были люди, мечтавшіе о воскрешеніи былого, горячіе патріоты, надѣявшіеся на возможность спасенія. Тайныя общества подготовили возстаніе, во главѣ котораго сталъ Тадеушъ Костюшко, одаренный необыкновеннымъ умомъ и отличавшійся беззавѣтной храбростью. Онъ былъ провозглашенъ диктаторомъ. Очагомъ возстанія былъ городъ Краковъ. Побѣда возставшихъ, одержанная ими надъ небольшимъ русскимъ отрядомъ, страшная Варшавская рѣзня, застигшая врасплохъ рус-

скаго генерала Игельстрома, необыкновенно ободрили возставшихъ. Варшавская рѣзня послужила революціоннымъ сигналомъ: возстаніе раскинулось по всему пространству Польши, заволновались Литва, Волынь и даже Бѣлоруссія. Первымъ вступилъ въ Польшу прусскій король. Австрія заняла своими войсками южную часть Польши. Императрица Екатерина, опасаясь, что Польша сдѣлается «гибельнымъ горномъ, угрожающимъ спокойствію и безопасности сосѣдей», двинула свои войска въ объятую ужасами Польшу. Она обратилась за содѣйствіемъ къ своему знаменитому полководцу Александру Васильевичу Суворову. Возставшіе потерпѣли пораженія, несмотря на геройскую храбрость. Костюшко былъ взятъ нами въ плѣнъ. Въ 1794 году была взята русскими войсками Варшава. Затѣмъ въ Варшавѣ были стянуты прусскія и австрійскія войска. Участь Польши была рѣшена. Произошелъ новый, и на этотъ разъ послѣдній, раздѣлъ Польши, по которому Екатерина пріобрѣла Литву и Курляндію. Пруссія же и Австрія присоединили къ своимъ владѣніямъ остатки польскихъ владѣній. Станиславъ-Августъ переселился на жительство въ Петербургъ, гдѣ скончался нѣсколько лѣтъ спустя и былъ похороненъ, по повелѣнію императора Павла I, съ королевскими почестями.

Такъ совершилось возсоединеніе съ Россіей западно-русскихъ областей и освобожденіе западно-русскаго населенія отъ трехсотлѣтняго рабства и угнетенія. Только Червонная Русь или Галиція отошла къ Австріи и остается въ ея рукахъ до настоящаго времени. Придавая большое значеніе совершившемуся факту, императрица велѣла выбить медаль со своимъ изображеніемъ, двуглавымъ орломъ и географическою картою земель, присоединенныхъ ею по двумъ первымъ раздѣламъ. Надъ двуглавымъ орломъ была сдѣлана надпись, въ которой скрывается истинный смыслъ совершившагося событія: «Отторженная возвратихъ» [1]).

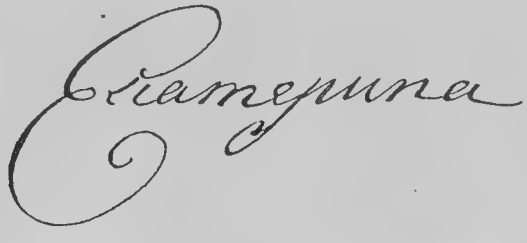
110. Характеристика царствованія Екатерины II. Этотъ великій вѣкъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ русской исторіи. Вокругъ геніальной, многодумной и многопонимающей царицы собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей, „Екатерининскіе орлы“; тутъ были и представитель русской широты въ замыслахъ и русской хандры, полный противорѣчій, геніальный создатель Новороссійскаго края, тутъ былъ и русскій чудо-богатырь Суворовъ, юродствующій, чтобы имѣть болѣе независимости, и методичный Румянцевъ, и тонкій дипломатъ Безбородко, и безкорыстный, умный, вѣчно недовольный Паниинъ; тутъ были и представители зарождающейся новой русской литературы: здѣсь проявлялъ свою необузданную силу Державинъ, здѣсь показывалъ Фонвизинъ зеркало невѣжеству, а Новиковъ затѣвалъ борьбу съ скептицизмомъ вѣка и со старыми, неисцѣли-

[1]) Обращаемъ вниманіе на популярное сочиненіе проф. Брикнера „Иллюстрированная исторія Екатерины II“.

мыми еще язвами русскаго общества; было и много другихъ. Всѣхъ выслушивала императрица, всѣми старалась пользоваться и всѣхъ старалась направлять. Изъ послѣдняго стремленія выходили въ концѣ ея царствованія прискорбныя столкновенія; она платила дань злобѣ дня, объ этомъ пожалѣетъ историкъ, но обвинить не можетъ: у каждаго дня есть своя злоба, и никому изъ людей не дано миновать ея вполнѣ. Царствованіе Екатерины было блистательно и извнѣ, и внутри: не напрасно говорилъ Безбородко уже послѣ кончины императрицы: „не знаю, какъ теперь, а при насъ ни одна пушка не могла выстрѣлить въ Европѣ безъ нашего позволенія“. Вліяніе Россіи въ дѣлахъ европейскихъ было значительно: быть можетъ, это не всегда было хорошо и впослѣдствіи привело Россію къ войнамъ, не всегда нужнымъ для ея интересовъ, хотя бы къ войнѣ 1799 года, геройческіе эпизоды которой не выкупили всей ея безполезности, тѣмъ не менѣе, однако, при Екатеринѣ еще не видать было оборотной стороны медали. Своимъ положеніемъ въ Европѣ Екатерина умѣла пользоваться съ большимъ искусствомъ и своими успѣхами еще усиливала европейское положеніе Россіи. При Екатеринѣ Россія дошла до Чернаго моря и твердою ногою стала у него; при Екатеринѣ Россія возвратила отъ Польши почти всѣ свои коренныя земли. То, что Россія не дошла на западѣ до предѣловъ, въ которыхъ ее оставилъ Владиміръ Святой, постоянно озабочивало Екатерину. Польша пала по своей собственной винѣ, раздѣленіе ея — событіе печальное; конечно, было бы лучше, если бы совершилось добровольное соединеніе или если бы, оставаясь отдѣльно, Польша могла отказаться отъ своихъ притязаній на обращеніе русскаго народа въ рабство; но Польша этого не могла сдѣлать, существовать сама по себѣ она не могла, допустить иноплеменниковъ поглотить всю Польшу не могла Россія, и потому пришлось сдѣлать уступку, пришлось идти на сдѣлку. Бываютъ трагическія положенія въ жизни народовъ. Такимъ трагическимъ эпизодомъ является и разрѣшеніе рокового польскаго вопроса: горькія его послѣдствія оказались позднѣе и едвали миновали и теперь, но иного разрѣшенія нельзя было ожидать при данныхъ обстоятельствахъ.

Внутри при Екатеринѣ сдѣлано такъ-же много, какъ и во-внѣ: задумавъ перестроить администрацію страны, только намѣченную Петромъ Великимъ и почти нетронутую его преемниками, Екатерина сочла нужнымъ ознакомиться съ потребностями и положеніемъ различныхъ слоевъ, чтобы затѣваемая администрація соотвѣтствовала росту общественному, и для того собрала въ Москву свою знаменитую коммиссію, которая ярко выразила желанія и настроенія общества. Рядъ преобразованій, начатыхъ Екатериною, удовлетворилъ требованіямъ тогдашняго интеллигентнаго слоя: служилое сословіе, освобожденное отъ тягла, сдѣлалось дворянином; въ руки его отдано было въ значительной степени мѣстное управленіе; оно выбирало судей, полицію, въ своихъ собраніяхъ блюло за своими интересами, представляло мѣстность предъ верховною властью. Для развитія общественнаго — такая роль, данная дворянству, не прошла безслѣдно: разрозненные дотолѣ по разнымъ мѣстамъ на службѣ или доживающіе свой вѣкъ въ деревнѣ, стали сходиться, явились въ провинціи центры съ нѣкоторою интеллигентною окраскою; конечно, дворянство, опирающееся на крѣпостной трудъ, не стояло на высотѣ своей задачи, но все-таки положило начало обществу, какъ обществу. Города тоже получили нѣкоторую долю самоуправленія; но, къ сожалѣнію, внесенное съ запада и чуждое намъ начало сословности много исказило

всѣ эти начинанія; къ сожалѣнію, мысль императрицы, поддержанная кое-кѣмъ въ обществѣ и литературѣ, освободить крестьянъ разбилась о сопротивленіе дворянъ и апатію общественной мысли, несмотря на то, что пламя, зажженное пугачевщиной, и необходимость, сознанная правительствомъ, наказывать слишкомъ злоупотребляющихъ своею властью помѣщиковъ, казалось, должны были бы указать на необходимость этой мѣры. Крѣпостное право еще жило въ сознаніи общества, и отдѣлаться отъ него было нелегко; то, что Екатерина не рѣшилась на эмансипацію, не должно закрывать отъ насъ значенія ея царствованія; народы историческіе умѣютъ постепенно отдѣлываться отъ язвъ и золъ, оставляемыхъ предшествующими эпохами и составляющихъ необходимую принадлежность всякаго развитія. Точно также прискорбные случаи въ мірѣ литературномъ послѣднихъ годовъ жизни Екатерины не должны заставлять насъ забывать того мощнаго толчка, который она дала русской мысли и собственнымъ участіемъ въ литературѣ, и поддержкою журналовъ, и открытіемъ типографій, и стараніями о водвореніи образованія. Образованіе, данное временемъ Екатерины, было образованіе европейское. Петръ думалъ о знаніяхъ практическихъ: ему нужны были техники. Екатерина, дочь просвѣтительнаго вѣка, ученица философовъ-энциклопедистовъ, думала о просвѣщеніи общечеловѣческомъ, что на языкѣ того времени значило просвѣщеніе французское; и вотъ, несмотря на ужасъ, внушенный французской революціей, частью подъ вліяніемъ благоговѣнія къ золотому вѣку Франціи, а частью и при пособіи эмигрантовъ, все русское образованное общество заговорило по французски (Бестужевъ-Рюминъ).



Императоръ Павелъ I.

111. Дѣла внутреннія. Послѣ смерти Екатерины II на престолъ вступилъ ея сынъ, императоръ Павелъ I (1796—1801). Онъ воцарился, имѣя 42 года отъ роду, будучи такимъ образомъ уже совершенно сложившимся человѣкомъ. Онъ обладалъ въ высшей степени нервнымъ, впечатлительнымъ темпераментомъ, былъ необыкновенно скоръ и перемѣнчивъ въ своихъ сужденіяхъ, не терпѣлъ противорѣчій и выше всего цѣнилъ исполнительность и точность. До своего вступленія на престолъ онъ вытерпѣлъ много непріятностей. Императрица-мать относилась къ нему съ недовѣріемъ и устраняла его отъ какого бы то ни было участія въ государствен-

ныхъ дѣлахъ. На почвѣ этихъ отношеній въ великомъ князѣ развилось недоброжелательное отношеніе къ «большому двору», т. е. къ двору императрицы. Будущій императоръ возненавидѣлъ людей этого двора, господствовавшее при немъ направленіе, не сочувствовалъ правительственному режиму. Ему казалось, что все идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Видя различнаго рода недостатки, онъ не усматривалъ за отрицательными сторонами положительныхъ и ждалъ, когда придетъ его время, тѣмъ болѣе, что считалъ себя незаконно устраненнымъ отъ престола. Этого времени пришлось ждать долго.

Живя постоянно въ Гатчинѣ, онъ создалъ здѣсь собственный дворъ, совершенно непохожій на Екатерининскій. Пристрастившись къ военному дѣлу, онъ посвящалъ ему все время, остававшееся свободнымъ отъ семейныхъ и хозяйственныхъ интересовъ. Но и военнымъ занятіямъ были поставлены извѣстныя и притомъ узкія границы; онъ командовалъ надъ тѣмъ немногочисленнымъ войскомъ, которое составляло гарнизонъ устроеннаго имъ городка Гатчины.

Такъ какъ новый императоръ, въ бытность свою великимъ княземъ, внимательно слѣдилъ за ходомъ правительственныхъ дѣлъ, неоднократно осуждалъ его и строилъ свои собственные проекты, то послѣ восшествія его на престолъ чрезвычайно быстро слѣдовали одно за другимъ различныя распоряженія.

Въ царствованіе Екатерины II былъ учрежденъ ассигнаціонный банкъ, и на ряду съ металлическими деньгами стали обращаться бумажныя. Сначала вторыя стояли въ равной цѣнѣ съ первыми, но съ теченіемъ времени, благодаря выпуску непомѣрно большого количества ассигнацій, во много разъ превосходившаго наличность металлическаго фонда, ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ. Императоръ Павелъ I повелѣлъ въ своемъ личномъ присутствіи сжечь бумажныхъ денегъ на нѣсколько милліоновъ рублей и рѣшилъ не выпускать ихъ вновь. Недовольный проявленіемъ дѣятельности Екатерининской администраціи, Павелъ перенесъ это недовольство на самую администрацію: сократилъ число губерній, при чемъ совершенно уничтожилъ Екатеринославскую губернію, самымъ именемъ своимъ напоминавшую предшествующее царствованіе, возстановилъ коллегіи, упраздненныя при Екатеринѣ, и т. под. Въ царствованіе Павла I подверглись большимъ ограниченіямъ права дворянства и горожанъ; ихъ самоуправленіе было уничтожено; уничтожены были и нѣкоторыя личныя права ихъ членовъ, какъ напр., свобода отъ тѣлеснаго наказанія. Изъ дѣлъ внутренняго управленія выдвинулось на первый планъ военное дѣло. Внѣшность нашихъ войскъ была измѣнена на прусскій образецъ, были введены прусскіе пріемы обученія, а вмѣстѣ съ ними и суровая дисциплина, доходившая до жестокости.

Но кратковременное царствованіе императора Павла I ознаменовалось двумя замѣчательными актами: установленіемъ порядка престолонаслѣдія и рѣшительнымъ вмѣшательствомъ правительства въ отношенія дворянъ-помѣщиковъ и крестьянъ. Актъ о престолонаслѣдіи и манифестъ о трехдневной крестьянской работѣ на помѣщиковъ были обнародованы въ одинъ и тотъ же день — 5 апрѣля 1797 года. Указъ о престолонаслѣдіи устанавливалъ опредѣленный порядокъ въ наслѣдованіи престола, исторически сложившійся до Петра Великаго, но поколебленный послѣднимъ. Согласно указу Павла I престолъ неизмѣнно переходитъ отъ отца-государя къ старшему сыну, «дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать». Указъ сопровождался «Учрежденіемъ объ императорской фамиліи». Учрежденіе опредѣляетъ порядокъ содержанія особъ царствующей фамиліи, отводя для этого особыя, такъ называемыя «удѣльныя» имѣнія и организуя управленіе ими. Манифестомъ о крестьянахъ императоръ ограничилъ барщину (работу на помѣщиковъ) крѣпостныхъ крестьянъ тремя днями въ недѣлю, т. е. половиною будничныхъ дней недѣли. Это распоряженіе важно въ томъ отношеніи, что является попыткой ограниченія крѣпостного права. Но, такъ какъ крестьяне попрежнему не имѣли права жаловаться на своихъ помѣщиковъ, то и распоряженіе императора могло легко остаться безъ послѣдствій. Находились помѣщики, которые шутили, говоря, что распредѣлятъ половину недѣли, назначенную въ пользу самихъ крестьянъ, заставивъ ихъ работать дни на помѣщиковъ, а ночи на себя. Съ другой стороны, и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, императоръ не отличался послѣдовательностью и щедро раздавалъ государственныхъ крестьянъ отдѣльнымъ лицамъ за различныя услуги. Во всякомъ случаѣ, характерно слѣдующее обстоятельство. Екатерина II въ продолженіе своего тридцатичетырехлѣтняго царствованія роздала 400,000 душъ, а императоръ Павелъ въ четыре года роздалъ ихъ 265,000.

Опасаясь возможности и у насъ явленій, подобныхъ явленіямъ Великой французской революціи, и считая своимъ долгомъ оградить Россію отъ этого, императоръ открылъ настоящее гоненіе не только на либеральныя идеи, но и на все то, что являлось или отзывало подражаніемъ Франціи. Въ 1797 году были закрыты частныя типографіи, такъ бодро работавшія при Екатеринѣ II, и установлена строгая цензура для книгъ. Въ 1799 году были воспрещены поѣздки молодыхъ людей для полученіи образованія за границей. Въ связи съ этимъ запрещеніемъ было дано курляндскому, эстляндскому и лифляндскому рыцарству (дворянству) разрѣшеніе «избрать при-

личнѣйшее для учрежденія университета мѣсто и устроить оный». Результатомъ этого разрѣшенія было основаніе Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета. Наконецъ, въ 1800 году былъ воспрещенъ въ предѣлы Россіи ввозъ не только иностранныхъ книгъ, но и нотъ.

Чрезвычайно характеризуютъ время императора Павла I запрещенія — носить фраки и круглыя шляпы, башмаки съ лентами, безмѣрно обертывать платками шею, танцовать вальсъ и т. под. Вмѣсто слова „обозрѣніе“ было предписано употреблять слово „осмотрѣніе“, вмѣсто „гражданинъ“ — „житель“ или „обыватель“. Изгнаны были слова „отечество“ и „общество“, при этомъ вмѣсто перваго изъ нихъ предлагалось слово „государство“.

112. Внѣшняя политика. Вступивъ на престолъ, Павелъ I прекратилъ войну съ Персіей, начатую Екатериною II, а также и военныя приготовленія, грозившія Франціи: отмѣнилъ рекрутскій наборъ и набранныхъ уже рекрутъ распустилъ по домамъ, приказалъ отдать обратно хлѣбъ, забранный для войскъ изъ сельскихъ магазиновъ. Свой образъ дѣйствій государь объяснялъ тѣмъ, что Россія болѣе всего нуждается въ покоѣ. Къ сожалѣнію, онъ очень скоро отступилъ отъ объявленной имъ политики.

Разгромъ Австріи полководцемъ Директоріи Наполеономъ Бонапартомъ и тяжкій для побѣжденнаго государства Кампо-Формійскій миръ, таинственныя приготовленія Франціи къ египетскому походу, арестъ русскаго консула на Іоническихъ островахъ, покровительство польскимъ эмигрантамъ и наконецъ — слухи о намѣреніи французовъ воевать съ Россіей, все это побудило императора позабыть о своемъ мирномъ заявленіи и заключить союзъ съ Англіей, Австріей и Турціей для войны съ революціонной Франціей. То была вторая коалиція европейскихъ державъ противъ французовъ, являвшихся пропагаторами революціонныхъ идей и учрежденій. Главнокомандующимъ отправленнаго противъ французовъ русско-австрійскаго войска былъ назначенъ Суворовъ, главнымъ образомъ — по настоянію Англіи.

Одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, прославившій своими побѣдами царствованіе императрицы Екатерины II, испыталъ горькую участь послѣ воцаренія Павла I. Суворовъ совершенно не сочувствовалъ тѣмъ военнымъ преобразованіямъ, которыя были предприняты императоромъ, и не скрывалъ этого несочувствія. Особенно возмущало его слѣпое копированіе прусскихъ образцовъ, и онъ рѣшился твердо отстаивать родную самобытность. Но его постигла страшная опала: онъ былъ уволенъ въ отставку безъ права носить мундиръ и сосланъ въ свое имѣніе, Кончанское (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда). Кромѣ нравственныхъ страданій великому старцу приходилось испытывать

и физическія лишенія. Имѣніе Кончанское было запущено, домъ, въ которомъ ему предстояло жить, полуразрушенъ. Нравственныя страданія усугублялись тѣмъ, что Суворовъ былъ поставленъ подъ постоянный и неослабный надзоръ полуграмотнаго и неразвитого человѣка. Къ опальному не допускали никого, являвшимся къ нему отказывали, не оповѣщая его объ этомъ. Самому Суворову было запрещено ѣздить къ сосѣдямъ. Его корреспонденція перехватывалась. Много и другихъ огорченій выпало на его долю. Такъ прошелъ цѣлый мучительный годъ. Наконецъ, императоръ написалъ племяннику Суворова, Горчакову, девятнадцатилѣтнему юношѣ, слѣдующее: «ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову, сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда (т. е. въ Петербургъ), гдѣ надѣюсь не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію. Павелъ». Одновременно съ этимъ было сдѣлано распоряженіе объ освобожденіи Суворова изъ-подъ надзора. Исполнивъ порученіе государя, Горчаковъ немедленно удалился изъ Кончанскаго. Пробывъ короткое время въ столицѣ, Суворовъ испросилъ у государя позволеніе вернуться снова въ с. Кончанское. Отсюда въ концѣ 1798 года онъ отправилъ на имя государя просьбу о разрѣшеніи ему поселиться въ Ниловой новгородской пустыни, «гдѣ я—писалъ Суворовъ—намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу»... Великій полководецъ задумалъ постричься въ иноки. Отвѣта на эту просьбу не послѣдовало, но въ февралѣ слѣдующаго года флигель-адъютантъ Павла I привезъ въ Кончанское собственноручный рескриптъ государя такого содержанія: «сейчасъ получилъ, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ, по сему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну». Суворовъ былъ несказанно обрадованъ призывомъ на службу, которую онъ такъ горячо любилъ, и немедленно явился къ государю, слабый, хилый здоровьемъ, но сильный духомъ. Онъ все еще оказывалъ на другихъ неотразимое вліяніе. Императоръ испыталъ теперь это вліяніе на самомъ себѣ и предоставилъ великому полководцу полную свободу дѣйствій: «веди войну по своему, какъ умѣешь». Такая же свобода дѣйствій, но только на словахъ, была предоставлена Суворову и императоромъ Францемъ, возведшимъ его въ санъ австрійскаго фельдмаршала. На самомъ же дѣлѣ австрійскій придворный военный совѣтъ (гофкригсратъ) съ самаго начала сталъ стѣснять нашего полководца своими планами и со-

ображеніями. Но Суворовъ былъ слишкомъ оригинальной натурой, чтобы слѣдовать имъ.

Первую замѣчательную побѣду одержалъ Суворовъ надъ геніальнымъ французскимъ полководцемъ Моро — при рѣкѣ Аддѣ, послѣ чего перешелъ ее, заявивъ при этомъ: «тако и другія рѣки въ свѣтѣ переходимы». Разбитыя французскія войска поспѣшно отступали черезъ Миланъ. Вскорѣ послѣ выхода французовъ изъ Милана, въ него вступилъ Суворовъ съ союзными войсками. Его встрѣтило католическое духовенство съ хоругвями, при громадномъ стеченіи народа. При входѣ Суворова въ знаменитый Миланскій соборъ, его встрѣтилъ архіепископъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, призывая на героя благословеніе Божіе. Суворовъ отвѣтилъ ему по-итальянски, прося молитвъ. При выходѣ изъ собора, Суворовъ сдѣлался предметомъ самой горячей овацiи. Ему бросали подъ ноги вѣнки и вѣтви, становились передъ нимъ на колѣни, ловили его руки или полы платья для поцѣлуевъ. Такъ радовались итальянцы своему освобожденію, такъ привѣтствовали побѣдителя французовъ, казавшихся непобѣдимыми.

Одинъ за другимъ переходили въ руки союзниковъ укрѣпленные города. Населеніе Турина устроило Суворову еще болѣе радушную встрѣчу, чѣмъ жители Милана. Въ полтора мѣсяца вся сѣверная Италія была почти совершенно освобождена отъ французовъ; въ рукахъ послѣднихъ оставались только двѣ крѣпости. Несмотря на это положеніе Суворова было въ высшей степени труднымъ и даже опаснымъ. Въ тылу у него осталась армія Моро, а съ юга надвигалась другая непріятельская армія подъ командой генерала Макдональда. Каждая изъ этихъ армій была въ отдѣльности многочисленнѣе той, которая была въ распоряженіи Суворова. Соединеніе непріятельскихъ армій при такомъ условіи могло бы быть гибельнымъ для нашего полководца. Не теряя времени, не обращая вниманія на численное превосходство врага, Суворовъ — вопреки совѣтамъ Багратіона — напалъ на Макдональда и разбилъ его армію послѣ жаркаго трехчасового боя при рѣкѣ Требіи. Армія Макдональда такъ сильно пострадала, что, воспользовавшись ночною темнотой, бѣжала, чтобы спастись отъ окончательнаго истребленія.

Такимъ образомъ все шло прекрасно, но австрійскій гофкригсратъ испортилъ дѣло своимъ вмѣшательствомъ въ него. Австрія преслѣдовала не широкую цѣль, имѣвшую въ виду возстановленіе на Апеннинскомъ полуостровѣ прежняго порядка, измѣненнаго французскими республиканскими войсками, а свою собственную эгоистическую цѣль. Ей хотѣлось вернуть сѣверную Италію. Суворовъ уже перешелъ границы, намѣченныя для его дѣйствій гофкригсратомъ,

и дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Австрія не могла простить Суворову этой самостоятельности и открыто выражала свое неудовольствіе, не только не награждая нашего великаго полководца за его побѣды, но даже не выражая ему простой благодарности. Зато императоръ Павелъ I возвелъ Суворова въ званіе князя Италійскаго и выразилъ ему свое удивленіе тѣмъ, что «Римскій императоръ (т. е. императоръ Священной Римской имперіи) трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учителю и предводителю его войскъ». Суворова до такой степени измучили мелкія и нелѣпыя придирки гофкригсрата, что онъ отправилъ въ Петербургъ прошеніе на имя императора объ отозваніи своемъ въ Россію. Павелъ I просилъ императора Франца II объ устраненіи какихъ бы то ни было вмѣшательствъ въ дѣятельность Суворова со стороны гофкригсрата. Но скоро сами обстоятельства подтвердили, что правда на сторонѣ Суворова, а не гофкригсрата, считавшаго военныя дѣйствія на полуостровѣ законченными. Директорія отлично понимала, что Суворовъ, по существу дѣла, не можетъ ограничиться одержанными побѣдами, но будетъ грозить и самому Парижу. Таковы и были на самомъ дѣлѣ планы самого Суворова. Вотъ почему Директорія рѣшила объединить дѣятельность своихъ войскъ и назначила главнокомандующимъ итальянской арміи просвѣщеннаго, мужественнаго и отличавшагося большими военными дарованіями, молодого генерала Жубера. Французскому полководцу было предписано «безотлагательное наступленіе». Суворовъ, съ своей стороны, понималъ, что и для него единственное благо заключается въ томъ же. Вотъ почему, сильно рискуя, онъ напалъ на укрѣпленныя позиціи непріятеля при Нови. Жуберъ палъ въ самомъ началѣ сраженія, а принявшій на себя главное командованіе Моро потерпѣлъ полное пораженіе. Французы бѣжали по всѣмъ направленіямъ. Ихъ преслѣдовали, и только ночь положила конецъ губительному для нихъ преслѣдованію. Императоръ Павелъ въ своемъ рескриптѣ на имя Суворова заявилъ, что главнокомандующій «поставилъ себя выше награжденій». Тѣмъ не менѣе онъ почтилъ Суворова, повелѣвъ, чтобы всѣ войска отдавали ему, даже въ присутствіи самого государя, тѣ воинскія почести, которыя воздаются по уставу только государю.

Всѣ европейскія державы воздавали должное генію нашего полководца, всѣ изумлялись его подвигамъ, за исключеніемъ одной Австріи. Вѣнскій кабинетъ въ особомъ «повелѣніи» Суворову пытался даже доказать «безцѣльность» побѣды при Нови. Въ то же время было издано распоряженіе о томъ, чтобы въ Италіи оставались лишь австрійскія войска, русскія же должны были перейти въ Швейцарію. При этомъ Австрія оказалась въ высшей степени

плохою союзницей. Австрійскія войска, находившіяся въ Швейцаріи подъ командой эрцгерцога Карла, должны были перейти въ Италію, но выступить изъ Швейцаріи никакъ не ранѣе сосредоточенія въ ней всѣхъ русскихъ силъ. Едва вступилъ въ Швейцарію нашъ корпусъ подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, какъ австрійцы покинули ее. Такимъ образомъ русскій корпусъ былъ оставленъ своими союзниками въ беззащитномъ положеніи, въ виду большой непріятельской арміи. Это обстоятельство вызвало неизбѣжную размолвку между союзниками. Суворову императоръ Павелъ предоставлялъ, сосредоточивъ всѣ свои силы въ Швейцаріи, дѣйствовать оттуда, «куда и какъ заблагоразсудится». Въ Вѣну императоръ сообщилъ объ отдѣленіи своихъ войскъ отъ австрійскихъ. «Весьма желаю,—заключалъ онъ свое извѣстіе—чтобы императоръ римскій одинъ торжествовалъ надъ своими врагами, или чтобы онъ снова убѣдился въ той истинѣ, столь простой и семилѣтнимъ опытомъ доказанной, что, для низложенія врага, бывшаго уже разъ у самыхъ воротъ Вѣны, необходимы между союзниками единодушіе, правдивость и въ особенности искренность». Очевидно, что именно этими качествами Австрія не обладала. Во всякомъ случаѣ, предоставленная теперь въ Италіи самой себѣ, она была разгромлена французами и утратила въ сравнительно небольшой періодъ времени всѣ завоеванія, доставленныя ей побѣдами Суворова и нашихъ войскъ.

Положеніе Суворова и Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи, занятой французами, было отчаянное. Суворову пришлось вести свои войска на С.-Готардъ, охранявшійся французами. Несмотря на атаки съ ихъ стороны, несмотря на то, что нашимъ солдатамъ приходилось иногда карабкаться почти по отвѣснымъ скаламъ, безъ признаковъ тропинокъ, они все же добрались до его снѣжныхъ вершинъ. Спускъ съ горы былъ еще труднѣе подъема, такъ какъ отличался своею крутизною, благодаря чему унесъ множество жертвъ. Одновременно съ этимъ Суворову приходилось биться съ французами. Преслѣдуя врага, Суворовъ двинулся впередъ долиною Рейса. Здѣсь онъ совершилъ свой безсмертный переходъ черезъ такъ называемый Чортовъ мостъ, возвышавшійся на 75 футовъ надъ пропастью. (Въ 1898 году здѣсь былъ поставленъ Суворову памятникъ). Несмотря на страшныя усилія, направленныя собственно на борьбу съ природой, Суворовъ одержалъ рядъ блестящихъ побѣдъ надъ французами и пробрался къ Гларису. Положеніе его арміи было ужаснымъ. Солдаты шли въ оборванной одеждѣ и босикомъ, были измучены продолжительнымъ походомъ и постоянными битвами. Изъ Гларіса Суворовъ переправился въ Южную Германію. Между тѣмъ другой корпусъ, находившійся подъ начальствомъ Римскаго-Кор-

сакова, потерпѣлъ отъ французовъ пораженіе при Цюрихѣ. Суворовъ совершенно справедливо приписывалъ всѣ вынесенныя трудности и въ сущности полную безплодность принесенныхъ жертвъ тому плану, который былъ составленъ австрійскимъ гофкригсратомъ. Императоръ Павелъ смотрѣлъ на дѣло точно также. Вотъ почему онъ отозвалъ свои войска и порвалъ съ Австріей дипломатическія сношенія. Порвалъ онъ и союзъ съ англичанами, которые плохо помогали нашему корпусу, дѣйствовавшему противъ французовъ въ Голландіи. Съ Франціей былъ заключенъ миръ (1800). Императоръ сталъ приготовляться къ войнѣ съ бывшими союзниками, заключивъ союзъ съ Пруссіей противъ Австріи и съ Пруссіей же, Швеціей и Даніей — противъ англичанъ. Къ Оренбургу уже были двинуты донскіе казаки съ цѣлью похода въ Индію. Но въ этотъ критическій для англичанъ моментъ императоръ Павелъ палъ жертвою заговора [1]).

Время Императора Александра I.

113. Воспитаніе Александра I и вступленіе его на престолъ. Императоръ Александръ былъ старшимъ сыномъ Павла I и второй супруги его, вюртембергской принцессы Маріи Ѳеодоровны. Онъ былъ любимымъ внукомъ императрицы Екатерины, взявшей его въ свое непосредственное вѣдѣніе вскорѣ же послѣ его появленія на свѣтъ. Императрица помѣстила его въ особой комнатѣ, температура воздуха которой не поднималась выше 15° R. Ребенка пріучали къ говору и даже къ шуму, купали въ холодной водѣ. Въ хорошіе дни его выносили на воздухъ и даже оставляли спать въ саду. «Онъ не знаетъ простуды, — писала Екатерина о своемъ любимцѣ — здоровъ и очень веселъ, любитъ прыгать и почти никогда не плачетъ. Недавно у него почти безъ боли прорѣзался зубъ. Теперь ему девять мѣсяцевъ». Рожденіе второго внука, Константина, нисколько не ослабило въ Екатеринѣ ея любви къ первому.

По мѣрѣ того, какъ внуки подростали, сама Екатерина выбирала для нихъ воспитателей и учителей, сама набросала планъ воспитанія, составила для нихъ азбуку и нѣсколько книжекъ для первоначальнаго чтенія. Въ основу воспитанія она положила идеи Джона

---

[1]) Царствованіе императора Павла I стало разрабатываться съ надлежащею полнотой въ русской исторической литературѣ недавно. Рекомендуемъ слѣдующія сочиненія для ознакомленія съ жизнью Павла и его дѣятельностью: Д. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, Н. К. Шильдера „Императоръ Павелъ I“ и Е. С. Шумигорскаго „Императоръ Павелъ I“.

Локка и Жанъ-Жака Руссо. Руководителемъ учебныхъ занятій своихъ внуковъ она избрала образованнаго швейцарца Лагарпа.

Будущій императоръ выросталъ, испытывая на себѣ два вліянія, изъ которыхъ одно было положительнымъ, а другое отрицательнымъ. Положительное вліяніе почти всецѣло принадлежало Лагарпу. Самъ Александръ говорилъ впослѣдствіи: «безъ Лагарпа не было бы Александра... Лагарпа я люблю и почитаю, какъ только благодѣтеля любить и чтить возможно». О характерѣ того вліянія, которое оказывалъ Лагарпъ на своего воспитанника, можно составить довольно ясное представленіе по рукописнымъ наброскамъ Лагарповыхъ уроковъ, сохранившимся до настоящаго времени. Правитель—внушалъ Лагарпъ Александру — долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ. Онъ предостерегалъ своего воспитанника отъ гордости, отъ вліянія придворныхъ льстецовъ, рекомендовалъ ему чтеніе твореній великихъ писателей, совѣтовалъ избѣгать пышности и въ частной жизни подражать императору Октавіану Августу. Вообще всѣ свои моральныя сентенціи Лагарпъ обосновывалъ примѣрами изъ исторіи, придавая этому предмету огромное воспитательное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лагарпъ старался внушить своему питомцу любовь къ низшимъ классамъ народа, любовь къ просвѣщенію и уваженіе къ человѣческой свободѣ.

Лагарпъ былъ республиканцемъ, но не считалъ республику единственно нормальною или лучшею политическою формой. «Всякая форма правленія—писалъ онъ—законна, если она возникла по свободному соглашенію народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ». Отмѣчая недостатки республики и признавая положительныя стороны абсолютной монархіи, Лагарпъ все-таки отдавалъ предпочтеніе монархіи конституціонной передъ неограниченною. «Монархія ограниченная, — писалъ онъ — не подвергаясь крайностямъ абсолютизма и республики, соединяетъ въ себѣ выгоды обоихъ, а потому она наиболѣе приближается къ идеалу государственнаго устройства».

Наряду съ положительнымъ вліяніемъ Лагарпа Александръ испытывалъ и другое вліяніе—отрицательное. Онъ видѣлъ необыкновенную пышность двора Екатерины и вольность, господствовавшую среди него, видѣлъ разладъ между бабушкой и отцомъ, былъ свидѣтелемъ непослѣдовательнаго правленія Павла I. Созерцаніе двора императрицы со всѣми его темными сторонами наводило его на мысли о прелестяхъ частной жизни. «Мой планъ такой,—говорилъ онъ — чтобы по отреченіи отъ этого труднаго поприща поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь своимъ счастіемъ въ кругу друзей и въ изученіи природы». Правленіе отца наводило его на мысль о необходимости установить законъ, обязательный не только для под-

властныхъ, но и для властителя. Въ одномъ изъ писемъ къ Лагарпу Александръ жаловался на тогдашнюю жизнь въ Петербургѣ, жаловался на то, что тамъ «капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному».

Если бы образованіе Александра было болѣе продолжительнымъ, оно могло бы оказать на него глубокое вліяніе, внушить ему извѣстные твердые принципы и сообщить его характеру надлежащую устойчивость. Къ сожалѣнію, оно было прервано слишкомъ рано. Едва ему минуло 15 лѣтъ, императрица пожелала видѣть его женатымъ. Ея желаніе скоро было исполнено: ея любимый внукъ женился на принцессѣ баденской Луизѣ, принявшей при мyропомазаніи имя Елизаветы Алексѣевны.

Александръ I вступилъ на престолъ 12 марта 1801 года. Въ манифестѣ, сопровождавшемъ это событіе, новый императоръ заявлялъ, между прочимъ, слѣдующее: «воспріемля наслѣдственный Императорскій Всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему Отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по Ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы»... Въ этихъ словахъ опредѣленно сказывается осужденіе предшествующему царствованію. Очень понятно, что такого рода заявленіе нашло самый сочувственный откликъ всѣхъ, кому дорога была судьба отечества. По свидѣтельству современника, при одной вѣсти о восшествіи на престолъ Александра I, «всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе».

114. Интимный Комитетъ. Вступивъ на престолъ, Александръ I окружилъ себя своими друзьями—Кочубеемъ, Новосильцевымъ, Адамомъ Чарторыскимъ и Строгановымъ. Они образовали негласное правительство, интимный комитетъ, въ которомъ обсуждались важнѣйшіе государственные вопросы. Александръ называлъ въ шутку этотъ кружокъ Комитетомъ общественнаго спасенія (Comité du salut public). То было самое лучшее время царствованія императора Александра I.

Прежде чѣмъ составился интимный комитетъ, императоръ издалъ цѣлый рядъ распоряженій, вполнѣ опредѣлившихъ характеръ новаго царствованія. Онъ возвратилъ изъ ссылки, освободилъ изъ подъ ареста нѣсколько тысячъ разныхъ лицъ, невинно пострадавшихъ въ предшествующее царствованіе, повелѣлъ уничтожить висѣлицы, до него стоявшія на площадяхъ большихъ городовъ, разрѣшилъ частнымъ лицамъ открывать типографіи, дозволилъ желаю-

щимъ свободно отправляться за границу, отмѣнилъ распоряженіе, воспрещавшее ввозъ изъ-за границы въ Россію книгъ и нотъ, запретилъ въ издававшихся при Академіи Наукъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ печатать позорныя публикаціи о продажѣ людей и т. под. Въ то же время были возстановлены въ полномъ объемѣ жалованныя грамоты 1785 года.

Рис. 80. Императоръ Александръ I.

Всѣ четыре лица, составившія интимный комитетъ, получили блестящее образованіе. Новосильцевъ и Чарторыскій долго жили въ Англіи, были отлично знакомы съ ея государственнымъ строемъ и высоко цѣнили его. Въ противоположность имъ, графъ Строгановъ получилъ вполнѣ французское воспитаніе и былъ почитателемъ всего французскаго. Съ большимъ умомъ и образованіемъ

Строгановъ соединялъ замѣчательное благородство души. Столь же благороднымъ человѣкомъ былъ и графъ Кочубей, проявившій недюжинныя способности на дипломатическомъ поприщѣ. Все это были люди сравнительно молодые, полные силъ и энергіи. Они пріобрѣли огромное значеніе не въ силу своихъ служебныхъ положеній, но благодаря личной дружбѣ съ государемъ, благодаря тому довѣрію, съ которымъ онъ относился къ нимъ. Они заняли при молодомъ государѣ такое же положеніе, какое принадлежало временщикамъ стараго времени. Но между послѣдними и членами интимнаго комитета была огромная разница. Имъ были чужды интриги, жажда къ наживѣ и внѣшнимъ отличіямъ и духъ угодливости. Все это представляло еще невиданное, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище.

Засѣданія интимнаго комитета начались спустя около трехъ съ половиной мѣсяцевъ послѣ воцаренія Александра I. Члены его собирались обыкновенно въ кабинетѣ государя. Собранія не носили оффиціальнаго характера, но Строгановъ, возвращаясь съ нихъ домой, набрасывалъ на бумагѣ ходъ всего засѣданія, отмѣчая и тѣ споры, которые поднимались на немъ по поводу того или другого изъ обсуждавшихся вопросовъ. Эти наброски Строганова, дошедшіе до нашего времени, являются такимъ образомъ весьма цѣннымъ историческимъ источникомъ, бросающимъ свѣтъ и на самую личность императора, и на первый періодъ его правленія. Императоръ ставилъ обыкновенно на обсужденіе тотъ или другой вопросъ и давалъ при этомъ членамъ комитета полную свободу обсужденія, не высказывая заранѣе своего взгляда на дѣло и не предупреждая такимъ способомъ самаго рѣшенія. Проявляя замѣчательную сдержанность и осторожность, императоръ внимательно слѣдилъ за дебатами и въ заключеніе нерѣдко довольно настойчиво держался своего мнѣнія, но, если встрѣчалъ серьезныя возраженія, то охотно мѣнялъ его. Къ сожалѣнію, интимный комитетъ просуществовалъ сравнительно недолго, всего до конца 1803 года. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, огромное вліяніе интимнаго комитета на ходъ законодательства и реформы въ административномъ строѣ, ознаменовавшія первое пятилѣтіе царствованія Александра I.

Нѣсколько первыхъ засѣданій комитета было посвящено желательному переустройству сената и крестьянскому вопросу. Побудительнымъ основаніемъ къ реформѣ сената было, по словамъ протоколовъ, слѣдующее: «императору больно было видѣть сенатъ впавшимъ въ унизительное состояніе, въ какомъ онъ находился при покойномъ (императорѣ), и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть, желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на

основаніи достаточно прочномъ». Но дѣло о реформѣ сената не пошло дальше чтенія различныхъ проектовъ и обсужденія ихъ. Крѣпостное право было признано нежелательнымъ, наше рабовладѣльческое дворянство того времени было объявлено сословіемъ «самымъ невѣжественнымъ, самымъ ничтожнымъ и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупымъ». Однако, уничтоженія крѣпостного права не состоялось, и результатомъ обсужденія этого вопроса въ комитетѣ явился только извѣстный указъ Александра I о вольныхъ хлѣбопашцахъ, изданный въ 1803 году. Хотя идея, лежащая въ основаніи этого указа, и не принадлежала самому комитету, но она вполнѣ гармонировала съ его воззрѣніями и съ воззрѣніями самого императора. Указъ разрѣшалъ всѣмъ помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеньями, или отдѣльными семьями, на условіяхъ, въ выработкѣ которыхъ принимали участіе обѣ заинтересованныя стороны. Крестьяне, получившіе такимъ образомъ свободу, могли не приписываться къ другимъ сословіямъ, но составляли новое сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Государь могъ предполагать, что указъ, осуществляясь на практикѣ въ большихъ размѣрахъ, приведетъ въ концѣ концовъ къ уничтоженію крѣпостного права. Но это ожиданіе не осуществилось. Во всякомъ случаѣ, указъ, являясь вторымъ крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ облегченія крѣпостныхъ (первымъ шагомъ былъ манифестъ 1797 г.), совершенно опредѣленно намѣчалъ направленіе, котораго должно было держаться въ крестьянскомъ вопросѣ правительство.

Со смерти Петра Великаго живо чувствовалась потребность въ созданіи такого учрежденія, въ которомъ подвергались бы предварительному обсужденію всѣ важнѣйшіе законопроекты и административныя мѣропріятія. Именно сознаніемъ этой потребности и объясняется возникновеніе сперва Верховнаго Тайнаго совѣта, а затѣмъ—Кабинета времени Анны Іоанновны. Екатерина II созывала въ экстренныхъ случаяхъ совѣтъ изъ лицъ, облеченныхъ ея довѣріемъ, дли обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Интимный комитетъ нашелъ необходимымъ фиксировать такого рода совѣты, превративъ ихъ въ постоянное учрежденіе съ опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ и порядкомъ ихъ производства. Въ 1801 году былъ учрежденъ постоянный Непремѣнный Совѣтъ изъ 12-ти членовъ — первая основа Государственнаго Совѣта. Въ слѣдующемъ году на смѣну Петровскимъ коллегіямъ появились 8 министерствъ (иностранныхъ дѣлъ, военно-сухопутныхъ силъ, морскихъ силъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія). Необходимость ихъ учрежденія вытекала изъ того, что нѣкоторыя изъ коллегій были закрыты, а дѣла, подлежавшія ихъ вѣдѣнію — судебныя и финансовыя — были перенесены изъ Петер-

бурга въ губерніи, гдѣ были распредѣлены по различнымъ учрежденіямъ, согласно своему назначенію: судебныя дѣла — въ палаты гражданскаго и уголовнаго суда, финансовыя—въ казенныя палаты. Другія коллегіи, находившіяся въ вѣдѣніи особенно вліятельныхъ лицъ, какъ напр. Потемкина, утратили совершенно характеръ коллегіальныхъ учрежденій и превратились въ послушныя орудія завѣдывавшихъ ими лицъ. Такимъ образомъ самая практика жизни постепенно расшатывала коллегіальную систему. Путаница въ административномъ строѣ была очевидна. Новая система, устанавливавшая строгое распредѣленіе административныхъ дѣлъ, при отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ или министровъ, завѣдывавшихъ тою или иною отраслью государственнаго управленія, представлялась въ то время наиболѣе желательной. Министры были подчинены Сенату, въ который они вносили ежегодные отчеты о своемъ управленіи. Для обсужденія же дѣлъ, касавшихся нѣсколькихъ вѣдомствъ, былъ учрежденъ Комитетъ министровъ. Александръ I, сохранивъ губернскія коллегіальныя учрежденія императрицы Екатерины II, поставилъ надъ ними центральныя учрежденія, управляемыя министрами.

Обсуждался въ интимномъ комитетѣ и важный вопросъ о народномъ просвѣщеніи. Благодаря убѣжденію самого государя и его друзей въ пользѣ просвѣщенія, въ ряду другихъ министерствъ нашло себѣ мѣсто и министерство народнаго просвѣщенія. Въ первые годы царствованія Александра для просвѣщенія въ Россіи было сдѣлано очень много. По плану, выработанному въ 1803 году, всѣ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія были раздѣлены на четыре разряда: приходскія, уѣздныя (бывшія малыя), гимназіи (бывшія главныя) и университеты. Было замѣтно увеличено не только число низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но и основаны три университета—въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ (въ послѣднемъ университетъ основанъ позже—въ 1819 году). Самъ государь отпускалъ большія денежныя суммы на благоустройство учебныхъ заведеній, жертвовалъ коллекціи и учебныя пособія. Такое вниманіе государя къ дѣлу просвѣщенія не могло не оказать своего вліянія на общество. Огромныя суммы на дѣло просвѣщенія пожертвовали Демидовъ, Безбородко и др. лица. Первый изъ нихъ учредилъ высшее учебное заведеніе — лицей въ Ярославлѣ. Безбородко обезпечилъ открытіе и существованіе Нѣжинскаго лицея. Жертвовали на просвѣщеніе купцы, жертвовали дворяне. Дворянство Харьковской и Екатеринославской губерній возбудило ходатайство объ основаніи Харьковскаго университета и дало средства для осуществленія этого дѣла. Покровительствуя просвѣщенію вообще, государь оказывалъ покровительство и представителямъ литературы. Къ сожалѣнію, послѣдніе годы царствованія Александра I были въ этомъ отношеніи

полною противоположностью первымъ, и для русскаго просвѣщенія снова наступило тяжелое время (см. ниже).

115. Сперанскій. Замѣчательнѣйшимъ сподвижникомъ императора Александра I въ періодъ его плодотворной внутренней дѣятельности былъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Сперанскій — организаторъ, какихъ немного появлялось въ нашей исторіи—былъ сыномъ священника. Состоя преподавателемъ нѣсколькихъ предметовъ въ Петербургской духовной семинаріи, онъ сдѣлался въ то же время домашнимъ секретаремъ князя Куракина. По вступленіи на престолъ императора Павла I князь Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ сената и опредѣлилъ въ сенатскую канцелярію образованнаго и обладавшаго блестящими способностями Сперанскаго. Не безъ сожалѣнія промѣнялъ послѣдній педагогическую карьеру на административную, думая вернуться снова къ первой, но надеждѣ этой такъ и не суждено было осуществиться. Генералъ-прокуроры сената часто смѣнялись, но Сперанскій продолжалъ служить въ сенатѣ и, благодаря своимъ замѣчательнымъ дарованіямъ и трудолюбію, быстро возвысился по службѣ. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Александра I онъ былъ возведенъ въ званіе статсъ-секретаря, а въ 1802 году перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ князь Кочубей. Императоръ Александръ узналъ Сперанскаго лично только въ 1806 году, когда подвергавшійся частымъ заболѣваніямъ Кочубей сталъ направлять съ докладами къ государю Сперанскаго, не будучи въ состояніи дѣлать этого самъ. Государь сразу оцѣнилъ выдающіяся способности Сперанскаго и приблизилъ его къ себѣ. Въ 1808 году, отправляясь въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ I, императоръ взялъ Сперанскаго съ собою. Такимъ образомъ Сперанскій сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ государя по дѣламъ внутренняго управленія. Вернувшись въ Россію, государь передалъ Сперанскому различные проекты государственныхъ преобразованій и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ по этому вопросу или въ чтеніи относящихся къ нему сочиненій. Сперанскій занялъ теперь при государѣ то положеніе, которое принадлежало ранѣе друзьямъ его юности, членамъ интимнаго комитета. Сперанскій проявлялъ большую чуткость въ пониманіи преобразовательныхъ намѣреній императора и умѣлъ облекать его мысли въ стройные и ясные проекты. Къ осени 1809 года Сперанскій представилъ государю обстоятельный проектъ общей и коренной реформы, долженствовавшей коснуться всѣхъ сторонъ государственнаго строя. Онъ положилъ въ основу широкаго преобразованія излюбленную въ этотъ періодъ царствованія мысль императора о необходимости установить въ Россіи тѣ формы правленія, которыя явились во Франціи резуль-

татомъ Великой революціи, а въ Англіи — нѣсколькими вѣками ея исторіи [1]).

Императоръ одобрилъ проектъ, но не рѣшился осуществить его въ полномъ составѣ, въ виду тѣхъ затрудненій, каковыя проектъ этотъ могъ встрѣтить при проведеніи въ жизнь, благодаря широтѣ своего построенія и новизнѣ своихъ началъ. Были выполнены только тѣ немногія части проекта, которыя касались центральнаго управленія, да и то съ извѣстными отступленіями отъ проекта.

Въ 1810 году былъ открытъ преобразованный Государственный Совѣтъ, въ слѣдующемъ году были преобразованы министерства. Государственный Совѣтъ становился высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, на обсужденіе котораго должны были поступать всѣ законопроекты. Но ни одинъ изъ законопроектовъ, разсмотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, не можетъ стать закономъ до утвержденія его верховной властью. «Общее учрежденіе министерствъ», изданное въ 1811 году, дѣйствуетъ и по настоящее время съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя были вызваны дальнѣйшимъ развитіемъ центральнаго управленія. Сперанскій проектировалъ и преобразованіе сената, предполагая раздѣлить его на двѣ части — сенатъ правительствующій, какъ высшее административное учрежденіе, и сенатъ судебный, какъ высшій государственный судъ. Но реформы этой не состоялось. Реформаторскія стремленія Сперанскаго встрѣчали себѣ противодѣйствіе и въ Государственномъ Совѣтѣ, и со стороны общества. Наиболѣе виднымъ представителемъ послѣдняго былъ извѣстный историкъ, авторъ замѣчательной для своего времени «Исторіи государства Россійскаго», Н. М. Карамзинъ, осудившій замыслы Сперанскаго въ своей запискѣ «о древней и новой Россіи». Кромѣ составленія плана общихъ государственныхъ преобразованій, Сперанскій исполнялъ и множество другихъ работъ и обязанностей. Назначенный въ исходѣ 1808 года на постъ товарища министра юстиціи, онъ былъ поставленъ во главѣ коммиссіи законовъ. Сперанскій рѣшилъ, оставивъ въ сторонѣ дѣйствующее законодательство, приступить къ составленію новаго гражданскаго уложенія, при чемъ въ значительной степени воспользовался кодексомъ Наполеона. Многія статьи его проекта были прямо переведены съ французскаго языка. Въ 1810 году были разсмотрѣны двѣ части проекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено подвергнуть ихъ новому разсмотрѣнію послѣ надлежащаго ихъ исправленія, а въ 1815 году—уже послѣ паденія Сперанскаго—рѣшили совершенно отступить отъ задуманнаго имъ плана и начать дѣло съ составленія систематическаго свода всѣхъ дѣйствующихъ законовъ.

---

[1]) Подробное изложеніе можно найти въ книгѣ Пыпина „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“.

Паденіе Сперанскаго совершилось неожиданно въ 1812 году, незадолго до вторженія Наполеона I въ русскіе предѣлы. Указомъ государя Сперанскій былъ отправленъ въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ Пермь.

Удаленіе Сперанскаго стояло въ несомнѣнной связи съ перемѣной въ отношеніяхъ императора Александра къ Наполеону I. До 1807 года, т. е. до Тильзитскаго мира, Александръ участвовалъ въ борьбѣ Европы противъ императора Наполеона I. Тильзитскій миръ превратилъ прежнія враждебныя отношенія съ Франціей въ союзническія. Расцвѣтъ этихъ отношеній и былъ временемъ наиболь-

Рис. 81. Н. М. Карамзинъ.

шаго значенія Сперанскаго. Послѣдній былъ убѣжденнымъ сторонникомъ французскаго вліянія на наши внутреннія дѣла. Такъ смотрѣло на него и русское общество. Когда же отношенія къ Франціи стали ухудшаться, и къ Сперанскому стали относиться все болѣе и болѣе неблагопріятно и даже готовы были видѣть въ немъ прямого измѣнника русскому дѣлу. Вотъ почему памятный въ нашей исторіи 1812 годъ, годъ окончательнаго разрыва съ Франціей, былъ въ то же самое время роковымъ годомъ въ жизни Сперанскаго.

116. Внѣшняя политика Александра I до Отечественной войны. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по вступленіи на престолъ императоръ Александръ I заключилъ формальный мирный до-

говоръ съ Франціей. Но миръ этотъ не могъ быть прочнымъ, такъ какъ Франція становилась все опаснѣе и опаснѣе для спокойствія Европы. Англія, заключившая въ 1802 году Амьенскій миръ съ Франціей, не исполняла его условій и въ скоромъ времени снова втянулась въ войну съ французами. Стали готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ и другія европейскія державы, и отвѣтомъ на установленіе во Франціи имперіи, съ Наполеономъ I во главѣ, была новая коалиція державъ, рѣшившаяся воевать съ Франціей. Ближайшимъ союзникомъ Россіи въ ея первой войнѣ съ Наполеономъ I была Австрія. Дѣло кончилось очень неудачно для союзниковъ, которые проиграли рѣшительную битву подъ Аустерлицомъ (1805). Аустерлицкая побѣда и Пресбургскій миръ (Новая ист., § 51) сдѣлали Наполеона еще болѣе требовательнымъ и высокомѣрнымъ. Въ слѣдующемъ году мѣсто выбывшей изъ союза съ Россіей Австріи заняла Пруссія. Но и на этотъ разъ побѣда была на сторонѣ Наполеона. Прусскія войска потерпѣли пораженія, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, лишившійся арміи, лучшихъ крѣпостей и столицы, возлагалъ всю свою надежду на Россію и въ надеждѣ на ея помощь отказался отъ мира, предложеннаго ему Наполеономъ I. Битва русскихъ войскъ съ французами при Прейсишъ-Эйлау осталась нерѣшительной. Провозгласивъ ее своею побѣдой, Наполеонъ обратился, однако, къ генералу Бенигсену съ предложеніемъ перемирія, но получилъ отказъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя произошла новая крупная битва подъ Фридландомъ, но она окончилась, несмотря на геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, нашимъ пораженіемъ. Было заключено перемиріе, послѣ чего состоялось въ Тильзитѣ свиданіе обоихъ императоровъ. Вскорѣ послѣ этого былъ подписанъ Тильзитскій договоръ (1807), спасшій Пруссію отъ окончательнаго разгрома. Императоръ Александръ I призналъ всѣ перемѣны, произведенныя Наполеономъ на европейскомъ континентѣ: призналъ Рейнскій союзъ, призналъ братьевъ Наполеона Іосифа, Людовика и Іеронима — королями: неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ; согласился на образованіе изъ польскихъ земель Пруссіи Варшавскаго герцогства въ зависимости отъ саксонскаго короля, примкнувшаго къ Рейнскому союзу; обязывался примкнуть къ континентальной блокадѣ, направленной противъ Англіи; за это Россія получила Бѣлостокскую область и обѣщаніе Наполеона способствовать окончанію русско-турецкой войны. Тайный договоръ между императорами Александромъ и Наполеономъ устанавливалъ между ними оборонительный и наступательный союзы.

Императоръ Александръ былъ очарованъ личностью Наполеона, но совершенно иначе отнеслись къ Тильзитскому миру и Наполеону войско и общество. Одинъ изъ участниковъ кампаніи, впо-

слѣдствіи славный партизанъ Денисъ Давыдовъ, такъ отзывается по поводу празднествъ и увеселеній, сопровождавшихъ пребываніе императоровъ въ Тильзитѣ; «что касается до насъ, одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ монарховъ въ мірѣ занимало всѣхъ насъ въ высшей степени, но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество французовъ намъ ни къ чему не служило: ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе... 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по локоть». Другой современникъ, Вигель, говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «на Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, Тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ — ничто иное, какъ признаніе его надъ собою власти».

Одновременно съ военными дѣйствіями противъ французовъ Александръ I велъ войну съ турками, а вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира вступилъ въ войну со шведами.

Война съ Турціей, которую поднялъ противъ насъ Наполеонъ, стремившійся отклонить императора Александра отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, продолжалась съ 1806—1812 г. Эта война принесла намъ выгодный миръ, благодаря талантливой дѣятельности нашихъ двухъ полководцевъ, Каменскаго и Кутузова, руководившихъ нашими войсками въ послѣдніе два года этой тяжелой войны. Молодой, но уже заявившій себя, Каменскій переправилъ войска черезъ Дунай и отнялъ у турокъ рядъ крѣпостей, между которыми была и защищенная природой и укрѣпленная по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства Шумла. Послѣ смерти Каменскаго смѣнившій его Кутузовъ нанесъ великому визирю рѣшительное пораженіе, заманивъ турецкое войско на лѣвый берегъ Дуная, въ мѣстность равниннаго характера. Война закончилась миромъ въ Бухарестѣ, къ негодованію Наполеона, желавшаго продлить ее. По условіямъ Бухарестскаго мира Россія пріобрѣтала отъ турокъ Бессарабію, доведя такимъ образомъ свою границу съ этой стороны до р. Прута.

Во время турецкой войны, чѣмъ и объясняется ея замедленіе, императоръ Александръ воевалъ со шведами. Онъ велъ эту войну (1808—1809) въ качествѣ союзника Наполеона I, такъ какъ шведы не исполняли условій континентальной блокады, направленной французскимъ императоромъ противъ англичанъ. Но Россія имѣла, конечно, и свои личные расчеты, обусловливавшіе новую шведскую войну. По Ништадтскому и Абоскому мирамъ она обладала лишь

незначительною частью Финляндіи. При такихъ условіяхъ, она не могла считать своимъ Финскаго залива, такъ какъ при входѣ въ него стояла грозная шведская крѣпость Свеаборгъ. Шведская война была нелегкою. Бывшій вначалѣ главнокомандующимъ, графъ Бугсгевденъ справедливо называлъ ее въ своихъ донесеніяхъ вандейскою. Много зла приносили намъ шайки отчанныхъ партизановъ. Много зла приносили нашимъ войскамъ и провіантскіе чиновники, страшное воровство которыхъ уже не разъ возмущало государя. Замѣчательнѣйшимъ эпизодомъ этой войны былъ зимній переходъ двухъ нашихъ отрядовъ черезъ Ботническій заливъ. Этимъ отчаяннымъ по смѣлости дѣломъ руководили Багратіонъ и Барклай-де-Толли. «Понесенные труды въ семъ походѣ—доносилъ Барклай-де-Толли—единственно русскому преодолѣть можно». Походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Отказавшагося отъ престола Густава IV смѣнилъ его дядя, зюдерманландскій герцогъ Карлъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Карла XIII. Карлъ XIII поспѣшилъ заключить съ Россіей Фридрихсгамскій миръ. По этому миру мы удержали за собою всю завоеванную нами Финляндію, до рр. Торнео и Муоніо. Императоръ Александръ I присоединилъ къ завоеванной странѣ Выборгскую губернію, уже вполнѣ вошедшую въ составъ имперіи со временъ Петра Великаго. Завоеваніе Александра I съ Выборгской губерніей включительно стало называться Великимъ княжествомъ Финляндскимъ, которому императоръ даровалъ конституціонное устройство.

Наконецъ, замѣчательною по подвигамъ нашихъ войскъ и предводителей [1]) была война, которую Александръ I велъ съ персіянами за обладаніе Грузіей, пріобрѣтенною нами послѣ смерти послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII. Многолѣтняя война окончилась въ 1813 году Гюлистанскимъ договоромъ, которымъ Персія отказывалась отъ своихъ притязаній.

117. Отечественная война до Бородинскаго боя. Ни одна изъ войнъ, веденныхъ Россіей въ XIX столѣтіи, не оставила въ памяти народной такихъ глубокихъ слѣдовъ, какъ война съ Наполеономъ I, вторгнувшимся въ предѣлы Россіи въ 1812 году. Народу приходилось въ этой войнѣ спасать свое отечество и свое достояніе, которымъ грозилъ страшный завоеватель. Вотъ почему за нею сохранилось и въ исторіи, и въ памяти народной прозваніе Отечественной войны.

Столкновеніе Наполеона I и Александра I было неизбѣжнымъ въ виду стремленія французскаго императора къ образованію универсальной монархіи. Въ поводахъ къ столкновенію недостатка не

[1]) Циціанова, Гудовича, Котляревскаго.

было. Первый изъ нихъ заключался въ слѣдующемъ: Наполеонъ I присоединилъ (въ 1810 году) къ французской территоріи пространство, расположенное между устьями рр. Везера и Эльбы. Въ числѣ земель, отошедшихъ къ Франціи, находились и владѣнія герцога Ольденбургскаго, родственника императора Александра I. На протестъ послѣдняго Наполеонъ отвѣтилъ обѣщаніемъ вознаградить потери герцога другими владѣніями, но обѣщанія своего не исполнилъ. Возникли между обоими императорами разногласія и по поводу Варшавскаго герцогства, въ ростѣ котораго нашъ государь совершенно правильно усматривалъ угрозу, направленную противъ Россіи, такъ какъ герцогство находилось въ вассальной зависимости отъ саксонскаго короля, бывшаго членомъ Рейнскаго союза, т. е. вассаломъ Франціи. Наконецъ, существеннымъ поводомъ къ войнѣ была континентальная блокада. Она была въ высшей степени невыгодна для Россіи, получавшей изъ Англіи необходимыя для нея мануфактурныя произведенія и посылавшей въ Англію свои сырые продукты. Въ виду тяжелыхъ экономическихъ послѣдствій, вызванныхъ въ Россіи континентальной блокадой, императоръ Александръ I не только не соблюдалъ ея въ надлежащей строгости, но сталъ принимать такія мѣры, которыя, въ свою очередь, вредили экономическимъ интересамъ Франціи. Такъ, напримѣръ, на всѣ мануфактурныя произведенія, привозимыя изъ Франціи въ Россію, наше правительство наложило высокія пошлины.

Собравъ громадныя (свыше 600,000 человѣкъ) и разноплеменныя полчища, значительно превосходившія наши силы, Наполеонъ вторгнулся въ предѣлы Россіи въ іюнѣ 1812 года. Россія была въ состояніи выставить на своихъ западныхъ границахъ только 200,000 человѣкъ. Эти силы, сами по себѣ незначительныя для борьбы съ Наполеономъ, были раздѣлены на три арміи. Главная изъ нихъ была расположена въ Литвѣ, на границѣ съ Пруссіей, и состояла подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли. Вторая армія, совсѣмъ небольшая, была расположена на границахъ Варшавскаго герцогства; ею предводительствовалъ князь Багратіонъ. Наконецъ, третья армія, приблизительно съ такимъ же незначительнымъ составомъ, находилась на границѣ съ Австріей. По переправѣ черезъ Нѣманъ Наполеонъ быстро двинулся впередъ, желая стать между первою и второю русскими арміями и разбить ихъ по частямъ. Барклай-де Толли началъ отступать. Онъ задался цѣлью собрать обѣ арміи въ одно цѣлое. Дойдя до Витебска, онъ сталъ поджидать здѣсь армію Багратіона, но, узнавъ о движеніи Наполеона съ главными силами къ Витебску, онъ поручилъ одному изъ своихъ корпусовъ какъ можно долѣе задерживать передовые французскіе отряды. Два дня небольшой корпусъ стойко выдерживалъ

атаки Мюрата и вице-короля Евгенія Богарне. Выдающееся мужество проявили при этомъ графъ Остерманъ и Коновницынъ. Узнавъ наконецъ о томъ, что Багратіонъ, несмотря на большія преграды со стороны маршала Даву, пробирается къ Смоленску, Барклай-де-Толли двинулся туда же, продолжая такимъ образомъ отступленіе. Соединеніе нашихъ армій и совершилось подъ Смоленскомъ. Еще до соединенія армій Наполеонъ думалъ завладѣть этимъ городомъ, чтобы отрѣзать нашимъ арміямъ сообщеніе съ Москвою. Но планъ его былъ разстроенъ благодаря отчаянной

Рис. 82. Барклай де-Толли.

битвѣ генерала Невѣровскаго, задерживавшаго французовъ подъ Краснымъ. Этимъ временемъ воспользовался Раевскій и занялъ Смоленскъ своимъ отрядомъ. Раевскому удалось удержать городъ въ своихъ рукахъ до самаго прихода обѣихъ армій. Защищать Смоленскъ долѣе, съ его полуразрушенными стѣнами, противъ огромныхъ силъ непріятеля было уже немыслимо. Но все же было безусловно необходимо задержать непріятеля на нѣкоторое время подъ стѣнами города, чтобы обезпечить русской арміи дальнѣйшее отступленіе. Эта задача была выполнена генераломъ Дохтуровымъ. Наша армія успѣла перебраться черезъ Днѣпръ и выступить на Московскую дорогу. Войска рвались въ бой, между тѣмъ какъ Барклай-де-Толли продол-

жалъ, попрежнему, отступать. Въ войскѣ обнаружилось большое недовольство Барклаемъ-де-Толли: его громко, хотя и совершенно неосновательно, обвиняли въ измѣнѣ. Много вредилъ Барклаю-де-Толли и Багратіонъ, не любившій его и завидовавшій ему. Государь внялъ всеобщему ропоту и назначилъ главнокомандующимъ надъ обѣими арміями Кутузова. Прибывъ въ армію, новый главнокомандующій, пользовавшійся большою любовью войска, убѣдился на мѣстѣ въ правильности дѣйствій Барклая-де-Толли и нѣкоторое время продолжалъ отступленіе. Только усиливавшійся ропотъ населенія и войска, а также и требованія императора заставили Кутузова дать битву Наполеону подъ Бородинымъ (Московской губерніи, Можайскаго уѣзда).

118. Отечественная война съ Бородинскаго боя до окончанія. Эта знаменитая битва произошла 26 августа. Начальствовавшій лѣвымъ крыломъ Багратіонъ былъ смертельно раненъ, но Кутузовъ во время передалъ его мѣсто Дохтурову, храброму защитнику Смоленска. Наиболѣе отличились въ этой битвѣ Ермоловъ, Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и Остерманъ. Въ этотъ день Барклаю-де-Толли удалось примирить съ собою войска, которыя уже давно не привѣтствовали его обычными криками у р а. Бой кипѣлъ съ самаго ранняго утра, и обѣ стороны почувствовали къ 6 часамъ вечера крайнее изнуреніе. Но еще до 9 часовъ продолжала гремѣть канонада. Потери съ обѣихъ сторонъ были громадныя. Кутузовъ не рискнулъ на новую битву съ Наполеономъ и продолжалъ отступленіе по направленію къ Москвѣ. На состоявшемся въ скоромъ времени послѣ этого военномъ совѣтѣ въ Филяхъ было постановлено отдать непріятелю Москву безъ боя. Когда въ ней сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе военнаго совѣта, почти все населеніе ея бѣжало прочь, такъ что въ городѣ осталось какихъ-нибудь 30,000 человѣкъ, принадлежавшихъ къ самому бѣдному классу. Французская армія слѣдовала по пятамъ за русскими войсками и подошла къ стѣнамъ города, когда арріергардъ нашего войска только еще выходилъ изъ него. Наполеонъ безпрепятственно овладѣлъ Москвою и поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Занятіе Москвы Наполеонъ счелъ за поводъ къ окончанію войны и ждалъ, что императоръ Александръ обратится къ нему съ просьбою о мирѣ, который, разумѣется, принесетъ Франціи огромныя выгоды. Но скоро онъ понялъ настоящее положеніе дѣлъ. На другой же день послѣ занятія Наполеономъ Москвы въ городѣ начались пожары. Эти пожары имѣли опредѣленное направленіе и скоро стали грозить самому Кремлю. Наполеонъ понялъ, что Москву зажигаютъ сами же русскіе, и что война поэтому далеко не окончилась, но лишь перешла въ другой фазисъ. На нѣкоторое время Наполеону пришлось даже выѣхать изъ города

въ Петровскій дворецъ. Но, когда пожары были потушены, онъ снова вернулся въ него. Пребываніе Наполеона въ Москвѣ оказалось гибельнымъ для него. Его войска, усердно грабившія Москву и ея окрестности, окончательно разстроились: дисциплина пала. Нерасчетливое истребленіе огромныхъ запасовъ, находившихся въ занятомъ городѣ, неминуемо привело войско гордаго завоевателя къ нуждѣ. То же занятіе Москвы подняло до высшей степени патріотическое воодушевленіе русскаго народа. Ожидаемой просьбы о мирѣ не послѣдовало. Напротивъ,

Рис. 83. Кутузовъ.

императоръ Александръ не только не вступилъ самъ въ мирные переговоры, но рѣшительно запретилъ Кутузову принимать какія-бы то ни было предложенія Наполеона и вообще вступать въ сношенія съ непріятелемъ. Впрочемъ, Наполеонъ не вѣрилъ въ прочность рѣшимости, обнаруженной Александромъ: онъ представлялъ его себѣ болѣе уступчивымъ и оставался въ бездѣйствіи въ Москвѣ, день за днемъ выжидая вѣстника съ мирными предложеніями. Проведя въ Москвѣ болѣе мѣсяца и потерявъ всякое терпѣніе, онъ самъ вступилъ съ Кутузовымъ черезъ посредство довѣреннаго лица въ мирные переговоры. Но Кутузовъ отказался наотрѣзъ отъ всякихъ переговоровъ о мирѣ. Бездѣйствіе Наполеона оказалось, между тѣмъ, очень

полезнымъ для нашей арміи. Сначала она расположилась на Рязанской дорогѣ (къ юго-востоку отъ Москвы), что было очень выгодно для французовъ, такъ какъ мы не могли порвать ихъ сношеній съ Смоленскомъ и Литвой. Кутузовъ понялъ ошибку и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, перевелъ свою армію съ Рязанской дороги на Тульскую, а затѣмъ и на Калужскую, гдѣ и занялъ хорошо укрѣпленную позицію при селѣ Тарутинѣ. Теперь наша армія стала дѣйствовать на сообщенія французовъ и тѣмъ наносила имъ страшный уронъ. Занявъ прекрасную позицію, русское войско совершенно оправилось и стало сильно пополняться. Насколько улучшилось состояніе нашего войска, можно судить по тому, что Кутузовъ перешелъ въ наступленіе. Онъ напалъ на корпусъ Мюрата, при чемъ французы отступили, бросивъ значительную часть своей артиллеріи и обоза. Тарутинское сраженіе произвело сильное впечатлѣніе какъ на русскихъ, такъ и на самого Наполеона. Послѣдній увидѣлъ въ этомъ шагѣ Кутузова серьезный симптомъ и покинулъ Москву. Выходя изъ Москвы, озлобленный императоръ французовъ отдалъ приказъ взорвать стѣны Кремля. Взрывъ не удался, но, сдѣлавшись извѣстнымъ, вызвалъ озлобленіе противъ врага. Роковое значеніе имѣла для нашихъ враговъ битва при Малоярославцѣ. Удержавъ за собою Малоярославецъ и нанеся врагамъ огромныя потери упорнымъ боемъ, Кутузовъ принудилъ Наполеона передвинуть свои войска къ Можайску. Калужская дорога осталась въ нашихъ рукахъ, между тѣмъ какъ непріятелю приходилось отступать по разоренной Смоленской дорогѣ. Предоставивъ попеченіе о войскахъ своимъ маршаламъ, Наполеонъ уже съ этого времени сталъ больше думать лично о себѣ. «Съ этого времени—по словамъ Сегюра—онъ думалъ только о Парижѣ точно такъ же, какъ, выѣзжая изъ Парижа, онъ только и думалъ о Москвѣ». За битвою при Малоярославцѣ слѣдовали по пути отступленія Наполеона и другія битвы—подъ Вязьмой и Краснымъ, гдѣ наши войска наносили врагамъ серьезныя пораженія. Отступленіе «великой арміи» было поистинѣ ужаснымъ. Непріятели страдали не только отъ регулярныхъ войскъ, но и отъ донскихъ казаковъ, во главѣ которыхъ стоялъ атаманъ Платовъ. Послѣ битвы подъ Краснымъ непріятельская армія окончательно разстроилась. По свидѣтельству очевидцевъ, Наполеонъ былъ сильно смущенъ безпорядкомъ, господствовавшимъ въ его войскахъ, и бѣдственнымъ положеніемъ ихъ. Даже старая гвардія упала духомъ и потеряла свой воинственный видъ. Надежды Наполеона найти въ Смоленскѣ богатые магазины съ съѣстными припасами не оправдались. Въ это время, когда исходъ кампаніи, предпринятой Наполеономъ, уже вполнѣ опредѣлился, стали свирѣпствовать морозы. Снимаясь съ приваловъ, непріятельская армія оставляла по

нѣскольку сотъ труповъ ежедневно. Прослышавъ о томъ, что русскіе хотятъ преградить ему переправу черезъ р. Березину, Наполеонъ поторопился ускользнуть отъ нихъ. Намѣреніе нашихъ полководцевъ окружить Наполеона и взять его въ плѣнъ не удалось, благодаря оплошности адмирала Чичагова. Наполеонъ незамѣтно переправился черезъ Березину и помчался въ Парижъ, бросивъ на произволъ судьбы жалкіе остатки своей насчастной арміи.

119. Война за освобожденіе Европы отъ Наполеона и Вѣнскій конгрессъ. Война съ Наполеономъ I не кончилась съ уходомъ его изъ Россіи. Скоро она превратилась въ войну за освобожденіе Европы изъ-подъ Наполеоновскаго гнета, такъ какъ русскія войска, по повелѣнію императора Александра, перешли границу [1]). Первымъ присоединился къ намъ прусскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Іорка. Скоро прусскій король, уступая общему національному воодушевленію, открыто перешелъ на сторону императора Александра. Русское войско вступило въ Берлинъ при общихъ восторгахъ его населенія. То же самое происходило и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Наполеонъ успѣлъ, между тѣмъ, собрать новое войско и появился во главѣ его въ Саксоніи. Первыя битвы союзниковъ съ нимъ окончились для нихъ неудачно. Было заключено кратковременное перемиріе, во время котораго надѣялись заключить миръ. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться перемиріемъ для того, чтобы увеличить свое войско и склонить на свою сторону Австрію. Съ другой стороны, союзникамъ удалось склонить на свою сторону и Австрію. Еще раньше примкнула къ нимъ Швеція, которой въ вознагражденіе за это была обѣщана Норвегія. Англія обѣщала содѣйствовать союзникамъ своими денежными средствами. Такъ возникла четвертая и послѣдняя коалиція противъ Франціи.

Начало этой кампаніи было очень благопріятно для Наполеона. Онъ не только отразилъ нападеніе одной изъ трехъ союзническихъ армій, но послѣ двухдневнаго сраженія нанесъ ей сильное пораженіе. Вскорѣ, однако, начались неудачи. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать разбитую имъ армію, Наполеонъ отрядилъ въ разныя стороны нѣсколько корпусовъ, которые и были разбиты союзниками. При этомъ французы понесли огромныя потери. Слава непобѣдимости Наполеона окончательно поколебалась. Рейнскій союзъ сталъ разстраиваться, такъ какъ Баварія перешла на сторону союзниковъ. Самая рѣшительная битва произошла подъ Лейпцигомъ. Она возобновлялась въ продолженіе трехъ дней и кончилась побѣ-

[1]) Наша армія двинулась въ заграничный походъ 25 декабря 1812 г.

дой союзниковъ. Наполеонъ поспѣшилъ къ Рейну и, несмотря на попытку баварцевъ помѣшать его отступленію, благополучно вернулся во Францію. Здѣсь онъ сталъ со свойственной ему энергіей собирать новыя силы для продолженія борьбы. Подъ вліяніемъ австрійскаго министра Меттерниха союзники вступили съ Наполеономъ въ переговоры. Они предлагали Наполеону сохранить за собою Францію въ ея естественныхъ границахъ, считая таковыми Пиренеи, Альпы и Рейнъ. Но Наполеонъ считалъ эти условія крайне унизительными для себя. Не давая, впрочемъ, рѣшительнаго отвѣта, онъ затягивалъ переговоры, чтобы выиграть время. Уклончивость Наполеона побудила союзниковъ продолжать войну. Рейнскій союзъ распался окончательно, и члены его присоединились къ союзникамъ. Вестфальское королевство было уничтожено. Многіе германскіе князья, изгнанные Наполеономъ, вернулись въ свои владѣнія. Вступая въ предѣлы Франціи, союзники издали манифестъ, въ которомъ заявляли, что воюютъ не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Въ 1814 году война была перенесена въ самую Францію. Пользуясь разногласіемъ союзниковъ, Наполеонъ одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ. Но, несмотря на его усилія, предводители двухъ союзныхъ армій, Блюхеръ и Шварценбергъ, соединили свои силы и повели ихъ прямо на Парижъ. Силы Наполеона были разъединены и разбиты, а потому грозный завоеватель уже не внушалъ болѣе опасенія. Парижъ сдался, и въ послѣдній день марта союзники вступили въ него при такой восторженной встрѣчѣ со стороны большинства населенія французской столицы, что всякое сомнѣніе въ неизбѣжности паденія Наполеона должно было исчезнуть. Нѣсколько дней спустя сенатъ объявилъ императора низложеннымъ съ престола. Находясь въ безвыходномъ положеніи, Наполеонъ отказался за себя и свое потомство отъ французской короны и получилъ во владѣніе острова Эльбу съ удержаніемъ императорскаго титула.

Послѣ низложенія Наполеона во Франціи совершилась реставрація Бурбоновъ въ лицѣ брата казненнаго короля, Людовика XVIII. Но съ возстановленіемъ Бурбоновъ не было возстановлено стараго абсолютизма. Людовикъ ограничилъ свою власть конституціонной хартіей.

Покончивъ съ Наполеономъ, союзные монархи и министры ихъ съѣхались на конгрессъ въ Вѣну для рѣшенія вопросовъ, вызванныхъ владычествомъ Наполеона. Изъ министровъ главную роль на конгрессѣ игралъ австрійскій министръ, князь Меттернихъ, ловко пользовавшійся благопріятными обстоятельствами и направлявшій рѣшенія конгресса въ пользу Австріи. Императоръ Александръ I, которому принадлежала иниціатива въ дѣлѣ низложенія Наполеона, выразилъ желаніе присоединить къ своей имперіи все Варшавское

герцогство. Это желаніе вызвало на конгрессѣ горячіе споры и разногласія, чуть было не доведшіе бывшихъ союзниковъ до войны между собою. Наконецъ, по рѣшенію конгресса, къ Россіи была присоединена большая часть Варшавскаго герцогства, а другія части его были отданы Пруссіи и Австріи. Къ послѣдней отошла и древняя русская область Галиція, находящаяся въ ея власти и по настоящее время. По собственному почину, императоръ Александръ даровалъ Царству Польскому, какъ стала называться присоединенная къ нашимъ владѣніямъ часть Варшавскаго герцогства, конституціонное устройство.

Въ 1815 году, послѣ вторичнаго низложенія Наполеона, успѣвшаго снова захватить верховную власть въ свои руки, императоръ Александръ, австрійскій императоръ Францъ I и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III подписали договоръ, устанавливавшій между ними соглашеніе, извѣстное подъ именемъ Священнаго союза. Этимъ договоромъ въ основу политики, въ области которой народы и правительства руководились своими естественными потребностями и интересами, полагались принципы христіанской морали. Несмотря на возвышенную идею, легшую въ основу Священнаго союза, послѣдній превратился въ рукахъ австрійскаго министра Меттерниха въ простое орудіе реакціи, смѣнившей вѣкъ свободомыслія и Великой французской революціи.

120. Характеръ второй половины царствованія. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Реакція, воцарившаяся въ Западной Европѣ послѣ низложенія Наполеона, проникла и къ намъ. Уже одно это обстоятельство должно было сообщить второй половинѣ царствованія Александра I характеръ, рѣзко отличающійся отъ направленія, которому императоръ слѣдовалъ въ первые годы своего царствованія. Съ другой стороны, Священный союзъ, главнымъ виновникомъ существованія котораго былъ императоръ Александръ, возлагавшій на него большія надежды и честно относившійся къ его положеніямъ, отвлекалъ вниманіе государя въ область преимущественно внѣшней политики. Члены союза подписали особый актъ, въ которомъ говорилось, что монархи положили: «соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ взаимную помощь и доброжелательство». Ряды революціонныхъ движеній и волненій всякаго рода, происшедшихъ вскорѣ послѣ низложенія Наполеона, требовали постояннаго вниманія членовъ союза. Наконецъ, имѣли большое значеніе для дѣятельности Александра и тѣ перемѣны, которыя произошли въ немъ самомъ послѣ упорной борьбы съ Наполеономъ и трудной побѣды надъ нимъ.

Александру I выпало на долю испытать тяжелые удары, подобные Аустерлицкому пораженію и занятію врагами Москвы. Для перенесенія этихъ ударовъ приходилось затрачивать много душевныхъ силъ. Естественно, что онѣ утратили свою былую свѣжесть и непосредственность. Императоръ былъ утомленъ всѣмъ пережитымъ и жаждалъ спокойствія. Подобно множеству людей своего времени, онъ думалъ, что можетъ найти его въ точномъ соблюденіи существующаго порядка вещей. Отсюда совершенно естественно возникало желаніе устранять все то, что можетъ такъ или иначе поколебать сложившійся порядокъ. Данная имъ Царству Польскому конституція не обезпечила мира вновь присоединенной къ Россіи страны. На сеймахъ поднимались волненія, выросла оппозиція противъ русскаго правительства. Это обстоятельство, разочаровавъ Александра въ самыхъ свѣтлыхъ мечтахъ его юныхъ лѣтъ, побудило его къ мѣрамъ репрессивнаго характера. При такихъ условіяхъ и при такомъ настроеніи не могло быть и рѣчи о тѣхъ реформахъ для всего государства, идеи которыхъ, принадлежавшія самому государю, съ такимъ увлеченіемъ развивалъ въ цѣлые проекты Сперанскій. Наконецъ, большую роль сыграла и перемѣна въ религіозномъ настроеніи императора. До борьбы съ Наполеономъ онъ не былъ знакомъ съ библіей и по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ примыкалъ къ просвѣщеннымъ людямъ XVIII вѣка. По его собственному выраженію, пожаръ Москвы освѣтилъ его душу и согрѣлъ его сердце вѣрою, какой ранѣе онъ не ощущалъ въ себѣ. Новое религіозное сознаніе императора имѣло, однако, совершенно особую черту. Оно отличалось мистическимъ характеромъ. Въ основѣ религіознаго настроенія императора лежало полное сознаніе собственнаго безсилія. На себя государь сталъ смотрѣть, лишь какъ на орудіе Божественнаго Промысла, покаравшаго Наполеона. Вмѣсто реальной жизни предметомъ его мыслей и стремленій сдѣлался загробный міръ. Въ 1815 году государь сблизился съ экзальтированной послѣдовательницей мистическаго ученія, баронессой Крюденеръ, не безъ участія которой возникъ и самый Священный союзъ.

Усталой и измученной житейскою борьбою душѣ сродна и естественна подобная религіозность; какъ человѣка, она рекомендуетъ Александра, какъ нельзя болѣе; но едва-ли она могла бы помочь правителю управиться съ злобою дня, пройти благополучно сквозь рядъ отношеній, къ которымъ утраченъ уже всякій интересъ; едва-ли могла бы дать охоту не только руководить общественною жизнью, но даже сдавать сколько-нибудь исправно текущія дѣла. Какъ бы то ни было, но съ 1812 года Александръ вступилъ въ полосу мистико-созерцательной религіозности. Извѣстны его знаменитыя и такъ многократно цитованныя слова, обращенныя къ прусскому епископу Эйлерту: „искупленіе Россіи было монмъ собственнымъ искупленіемъ. Судъ Божій, совершившійся на ледяныхъ поляхъ Россіи, научилъ меня познать Бога, какъ открываетъ Его намъ Св. Евангеліе“.

Умиленіе, сознаніе своей грѣховности, любовь къ уединенію, къ молитвѣ, къ чтенію Св. Писанія, трогательное смиреніе—сдѣлались съ тѣхъ поръ выдающимися чертами нравственной личности государя. Александръ, самъ обратившись къ библіи, сталъ заботиться о распространеніи ея въ народѣ посредствомъ библейскихъ обществъ. Какъ прежде государь любилъ входить въ интимныя сношенія съ Лагарпомъ и Парротомъ [1]), представителями науки и общественной мысли, стоявшими вдали отъ придворныхъ отношеній, такъ теперь Александръ искалъ удовлетворенія своимъ душевнымъ стремленіямъ въ сближеніи съ людьми духовной жизни. Есть преданіе, что въ самое тяжкое время 1812 года государь призывалъ къ себѣ нѣкоего монаха Авеля, славившагося даромъ пророчества; и монахъ успокоилъ государя предсказаніемъ о взятіи Парижа. Въ 1815 году мы видѣли около государя экзальтированную госпожу Крюденеръ, участія которой въ актѣ Священнаго союза отрицать невозможно. Мы видимъ, что государь бесѣдуетъ съ квакерами, молится съ ними, цѣлуетъ руки у ихъ старѣйшины. Мы видимъ, что государь посѣщаетъ схимниковъ кіево-печерскаго и александро-невскаго, молится съ ними и вступаетъ въ духовную бесѣду, — и даже удостоиваетъ выслушивать извѣстнаго юрьевскаго архимандрита Фотія, о которомъ одинъ изъ современныхъ русскихъ іерарховъ выразился такъ, что его „развѣ слѣпой да графиня Орлова распознать не могутъ“. (Терновскій).

Господство реакціи вообще и вліяніе князя Меттерниха, указывавшаго государю на наличность въ самой Россіи революціонныхъ элементовъ, придали особый характеръ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I. Поддѣлываясь подъ господствующій тонъ, выдвигались люди, подобные попечителю Казанскаго учебнаго округа Магницкому, стремившемуся устроить на актѣ Священнаго союза систему образованія. Неограниченное вліяніе пріобрѣлъ на государя графъ Аракчеевъ. Лично самъ неспособный на крутыя и строгія мѣры, въ необходимости которыхъ убѣждали государя сторонники реакціи, онъ поручилъ это дѣло необразованному и жестокому Аракчееву. Съ именемъ Аракчеева тѣсно связывается воспоминаніе о такъ называемыхъ военныхъ поселеніяхъ. Государь часто задумывался надъ улучшеніемъ солдатскаго быта. Графъ Аракчеевъ, указавъ государю на поселенія на австрійской военной границѣ, просилъ у него разрѣшенія осуществить свой проектъ военныхъ поселеній. «Устрой мнѣ это,—сказалъ государь,—ты доставишь мнѣ самое большое удовольствіе, я умру спокойно». Идея, лежавшая въ основѣ военныхъ поселеній, состояла въ томъ, что войска, расквартированныя въ извѣстныхъ мѣстностяхъ имперіи, должны были комплектоваться и продовольствоваться на счетъ той мѣстности, гдѣ они были водворены. Жители мѣстностей [2]), въ которыя направлялись

[1]) Парротъ былъ профессоромъ физики при Дерптскомъ университетѣ и членомъ академіи наукъ.

[2]) При Аракчеевѣ были устроены военныя поселенія въ губерніяхъ: Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской (т. е. Харьковской), Херсонской и Екатеринославской.

на жительство войска, зачислялись въ классъ «военныхъ поселянъ» и подчинялись военному управленію, а сыновья ихъ записывались въ «кантонисты», которыми и пополнялся комплектъ войскъ. Аракчеевъ установилъ такія тяжелыя условія жизни какъ для поселенныхъ солдатъ, такъ и для «военныхъ поселянъ», что они вызывали, несмотря на жестокую расправу, неоднократные бунты. Наконецъ, само правительство признало негоднымъ порядокъ, устроенный Аракчеевымъ, и отмѣнило его.

У Александра I не было сыновей, а двѣ его дочери умерли еще въ младенчествѣ. Поэтому право на корону по смерти государя принадлежало слѣдующему за нимъ брату, цесаревичу Константину Павловичу. Но наслѣдовать престолъ мѣшали Константину Павловичу его семейныя обстоятельства. Онъ былъ женатъ на графинѣ Грудзинской, получившей титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ. По закону, изданному въ 1820 году, дѣти отъ подобнаго брака лишены были права на наслѣдованіе престола. Основываясь на этомъ и по другимъ личнымъ соображеніямъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ отказался отъ своихъ правъ на корону. Въ 1823 году это дѣло было оформлено; государь даже подписалъ манифестъ, въ которомъ, оповѣщая объ отреченіи Константина Павловича, объявлялъ наслѣдникомъ престола своего слѣдующаго брата, великаго князя Николая Павловича. Но, по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ не огласилъ своего манифеста. Повидимому, онъ имѣлъ въ виду передать верховную власть въ руки Николая Павловича еще при своей жизни. По крайней мѣрѣ, во время своей послѣдней поѣздки въ Крымъ въ октябрѣ 1825 года онъ намекалъ на свое скорое отреченіе отъ престола. Но ему не суждено было вернуться съ юга Россіи: 19 ноября онъ скончался въ Таганрогѣ.

Въ исторіи за императоромъ Александромъ I осталось прозвище Благословеннаго [1]).

Императоръ Николай I.

121. 14 декабря и декабристы. Великій князь Николай Павловичъ слышалъ о намѣреніи императора Александра I отречься отъ престола и объ отреченіи отъ своихъ правъ цесаревича Константина Павловича только одинъ разъ, въ интимномъ разговорѣ

---

[1]) Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, относящихся къ царствованію Александра I, обращаемъ вниманіе на слѣдующія: Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“, проф. С. М. Соловьева „Императоръ Александръ I“, проф. Надлера „Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза“ и А. Н. Попова „Отечественная война“.

съ императоромъ. Не имѣя, однако, оффиціальнаго подтвержденія высказаннаго императоромъ намѣренія, Николай Павловичъ, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о кончинѣ императора, первый присягнулъ своему брату Константину. Такимъ образомъ, въ Таганрогѣ и Петербургѣ совершилась присяга цесаревичу Константину. Но послѣдній, получивъ извѣстіе о смерти старшаго брата и оставаясь

Рис. 84. Императоръ Николай I.

вѣрнымъ заявленному желанію не царствовать, принесъ присягу Николаю Павловичу. Такъ, совершенно неожиданно, возникло междуцарствіе, продолжавшееся до 13 декабря. Къ этому дню окончательно выяснилось твердое намѣреніе цесаревича Константина. На слѣдующій день была назначена присяга императору Николаю I.

14 декабря въ Петербургѣ произошелъ мятежъ, такъ какъ часть гвардіи отказалась присягнуть новому императору. Гвардей-

скія части, отказавшіяся отъ присяги, собрались на Петровской площади. Императоръ Николай I собралъ вокругъ Зимняго дворца остальную гвардію и принялъ личное командованіе надъ ней. Но, прежде чѣмъ употреблять силу противъ мятежниковъ, Николай I надѣялся усмирить ихъ путемъ уговора. Съ этою цѣлью были отправлены къ нимъ два митрополита и петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, славный дѣятель Отечественной войны. Увѣщанія митрополитовъ не подѣйствовали, а въ Милорадовича былъ сдѣланъ изъ толпы мятежниковъ выстрѣлъ, который и убилъ его. Тогда императоръ приказалъ пуститься въ атаку на мятежниковъ двумъ коннымъ полкамъ. Атака не удалась. Пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи. Три картечныхъ выстрѣла разсѣяли мятежниковъ и покончили, такимъ образомъ съ военнымъ мятежомъ.

Разслѣдованія, предпринятыя по этому дѣлу, выяснили связь мятежа съ дѣятельностью тайныхъ политическихъ обществъ, образовавшихся въ Россіи въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I. Верховная слѣдственная коммиссія обнаружила около 120 лицъ, причастныхъ заговору, имѣвшему своею цѣлью ниспроверженіе правительственнаго порядка. Верховный судъ, назначенный надъ «декабристами» (такъ назывались заговорщики), произнесъ свой приговоръ, нѣсколько смягченный императоромъ. Пять лицъ изъ группы виновныхъ были подвергнуты смертной казни, остальные же были сосланы въ каторжныя работы и на поселеніе въ Сибирь. Что касается нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, манифестъ призналъ ихъ невиновными и лишь впавшими въ заблужденіе («ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали впавшія въ заблужденіе роты нижнихъ чиновъ»).

Толчкомъ къ образованію и у насъ либеральнаго движенія, выразившагося по необходимости въ тайныхъ обществахъ, послужили событія, происходившія въ Западной Европѣ со временъ Великой французской революціи. Къ намъ естественно проникли оба господствовавшихъ на Западѣ направленія — и реакція, и либерализмъ. Но истинною причиною нашего либеральнаго направленія была сама русская жизнь, ея отрицательныя явленія, съ крѣпостнымъ правомъ во главѣ. Если въ средѣ тайныхъ обществъ были лица, мечтавшія о созданіи въ Россіи республики, зато были и такія лица, которыя исповѣдывали убѣжденія самого императора Александра, каковыя имѣлъ онъ въ первые годы своего царствованія.

Справедливо было то, что европейскія событія, пребываніе за границей, сближеніе съ европейскими людьми, нравами и понятіями дали первый сильный толчокъ либеральнымъ идеямъ; но это былъ только одинъ толчокъ или поводъ.

Либеральное движеніе, воспринявъ общія основныя идеи европейскаго политическаго либерализма, не имѣло никакихъ близкихъ связей съ западными тайными обществами, вовсе не было однимъ подражаніемъ или однимъ теоретическимъ увлеченіемъ; напротивъ, оно тотчасъ обратилось къ русской жизни, искало въ ней практической почвы и самостоятельныхъ примѣненій. Историческій смыслъ этого движенія въ томъ и заключался, что, несмотря на разныя увлеченія и крайности, оно съ перваго раза ставило и тѣ вопросы, которые были дѣйствительными очередными вопросами нашей внутренней жизни... Русская жизнь стояла для нихъ на первомъ планѣ: европейскія вліянія дѣйствовали на нихъ, какъ на всю умственную жизнь тогдашняго общества, какъ они дѣйствовали въ наукѣ, въ литературѣ, въ мистицизмѣ, масонствѣ, въ правительственной реакціи, — но разъ пробужденное политическое пониманіе обращалось у нихъ къ русскимъ внутреннимъ вопросамъ съ такой силой увлеченія, какой еще ни разу не обнаруживалось въ русскомъ обществѣ. Они горячо принимали къ сердцу недостатки русской жизни, искали средствъ для ихъ исправленія, и ихъ усилія, безъ сомнѣнія, участвовали не мало въ развитіи „народности“, которая вскорѣ потомъ стала лозунгомъ въ литературѣ. Эта народность была не археологическая, а общественно-политическая; въ этомъ общественно-политическомъ элементѣ, внесенномъ тѣми людьми, и заключалось здоровое зерно тѣхъ „народныхъ“ стремленій, въ которыхъ потомъ бывало такъ много преувеличеній, односторонностей и искаженій... (Пыпинъ).

122. Внутренняя дѣятельность императора Николая I. Дѣло декабристовъ не прошло безслѣдно для правительства. Раскрывъ темныя стороны дѣйствительности, оно наталкивало правительство на мысль о необходимости реформъ. Новый императоръ началъ царствованіе именно съ мысли о преобразованіяхъ. Много вопросовъ, касавшихся преобразованій, обсуждалось въ закрытыхъ комитетахъ и даже было окончательно разработано. На самомъ же дѣлѣ были проведены въ жизнь только отдѣльныя части проектовъ. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что императоръ Николай I былъ современникомъ революціонныхъ движеній тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, современникомъ господства того же реакціоннаго направленія.

Замѣчательнѣйшимъ актомъ царствованія Николая I была кодификація нашего права. Въ виду того, что попытки предшественниковъ его въ этомъ направленіи, начиная съ Петра Великаго, не приводили къ цѣли, Николай I рѣшилъ взять это важное дѣло въ свое непосредственное вѣдѣніе. При собственной канцеляріи государя было учреждено съ этою цѣлью «Второе отдѣленіе», въ которомъ должно было сосредоточиться дѣло кодификаціи. Ближайшимъ сотрудникомъ своимъ императоръ назначилъ члена Государственнаго Совѣта, знаменитаго Сперанскаго. Благодаря непрерывному и внимательному участію въ кодификаціонной дѣятельности самого государя и работоспособности Сперанскаго, черезъ 4 года

было издано «Полное Собраніе законовъ Россійской имперіи», въ 40 объемистыхъ томахъ, заключавшихъ въ себѣ слишкомъ 30,000 отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до послѣдняго указа, изданнаго Александромъ I (1649 — 1825). Всѣ послѣдующія узаконенія присоединялись къ этому первому «Полному Собранію», такъ что въ настоящее время такихъ собраній существуетъ уже три: первымъ остается собраніе, изданное при императорѣ Николаѣ I; второе заключаетъ въ себѣ всѣ узаконенія, изданныя въ царствованія Николая I и Александра II; третье начинается съ актовъ, изданныхъ въ 1881 году. Законодательные акты распредѣлены въ Полномъ Собраніи въ хронологическомъ порядкѣ, снабжены различными приложеніями и предметными указателями, облегчающими необходимыя справки. Но дѣло собиранія узаконеній было только половиной работы, задуманной императоромъ. Необходимо было, устранивъ узаконенія, уже утратившія свою силу, собрать дѣйствующія узаконенія и расположить ихъ по различнымъ отдѣламъ на основаніи внутренняго содержанія. И эта задача была исполнена. Ея результатомъ былъ «Сводъ законовъ Россійской имперіи», изданный впервые въ 1833 году. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ Полнаго Собранія, заключающаго въ себѣ всѣ узаконенія — какъ дѣйствующія, такъ и утратившія свое значеніе,—расположенныя въ порядкѣ своего появленія въ свѣтъ, Сводъ законовъ представляетъ собою сборникъ только дѣйствующихъ законовъ, расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Тогда же было установлено, чтобы всѣ вновь появляющіеся законы заносились своевременно въ тѣ или другія подраздѣленія Свода, сообразно со своимъ содержаніемъ, и чтобы отъ поры до времени Сводъ переиздавался въ цѣломъ его составѣ.

Уже въ первомъ «секретномъ комитетѣ», предсѣдателемъ котораго былъ извѣстный сотрудникъ Александра I, графъ Кочубей, былъ поднятъ важный вопросъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Здѣсь была высказана мысль, что «однимъ изъ первыхъ и надежнѣйшихъ средствъ для улучшенія ихъ состоянія должно быть учрежденіе лучшаго хозяйственнаго управленія для крестьянъ казенныхъ, которое могло бы послужить образцомъ для частныхъ владѣльцевъ». Въ 1830 году былъ даже выработанъ общій «законъ о состояніяхъ» (т. е. сословіяхъ), проектировавшій рядъ улучшеній въ положеніи крестьянъ. Этотъ законъ былъ одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ, но не былъ обнародованъ, такъ какъ появленіе его совпало съ революціоннымъ движеніемъ во Франціи и совершившимся вскорѣ польскимъ возстаніемъ. Однако, мысль объ улучшеніи крестьянскаго быта не переставала занимать императора Николая I. Въ 1837 году было учреждено, при участіи графа Ки-

селева, новое министерство государственныхъ имуществъ, назначеніемъ котораго и было содѣйствіе улучшенію быта государственныхъ крестьянъ. Наконецъ, въ 1842 году былъ изданъ рядъ постановленій относительно крѣпостныхъ крестьянъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ законъ объ «обязанныхъ крестьянахъ». Этотъ законъ предоставлялъ помѣщикамъ «заключать со своими крестьянами по взаимному соглашенію договоры на такомъ основаніи, чтобы помѣщики сохраняли полное право собственности

Рис. 85. А. С. Пушкинъ.

на землю, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности». Изъ другихъ узаконеній важны слѣдующія: запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и введеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ называемыхъ «инвентарныхъ правилъ», опредѣлявшихъ размѣръ оброковъ и повинностей со стороны помѣщичьихъ крестьянъ. Эти и подобныя имъ мѣропріятія являлись подготовленіемъ къ великому дѣлу освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ.

Наконецъ, чрезвычайно важная реформа была проведена въ области финансовой. Бумажныя деньги или «ассигнаціи» появились у насъ впервые въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Эти ассигнаціи выпускались въ чрезмѣрномъ количествѣ, что естественно повлекло за собою паденіе цѣнности бумажнаго рубля. Палліативная мѣра императора Павла I не помогла. Ко времени Отечественной войны бумажный рубль цѣнился лишь въ 23 копейки на серебро; говоря иначе, за одинъ серебряный рубль приходилось платить слишкомъ четыре рубля ассигнаціями. Сперанскій установилъ взглядъ на ассигнаціи, какъ на государственный долгъ, и принималъ, съ своей стороны, всевозможныя мѣры къ ихъ ограниченію. Министру финансовъ въ царствованіе Николая I Канкрину удалось упорядочить положеніе нашихъ финансовъ. Онъ началъ съ образованія въ государственномъ казначействѣ большого металлическаго фонда. Достигъ онъ этого, между прочимъ, выпускомъ «серій» и «депозитныхъ билетовъ». Серіями казначейства назывались недорогія процентныя бумаги, приносившія извѣстный доходъ своимъ владѣльцамъ. Очень понятно, почему серіи нашли широкое распространеніе среди людей, обладавшихъ небольшими денежными суммами и искавшихъ такого помѣщенія ихъ, которое безъ всякаго съ ихъ стороны риска давало бы имъ опредѣленный приростъ. Депозитные билеты ходили наравнѣ съ серебромъ и безпрепятственно обмѣнивались безъ всякой приплаты, тогда какъ ассигнаціонные рубли сама казна оцѣнивала въ сумму около 30-ти копеекъ. Когда въ государственномъ казначействѣ скопился достаточный фондъ, Канкринъ нашелъ возможнымъ точное опредѣленіе монетной единицы. Основною монетною единицею былъ признанъ серебряный рубль, заключавшій въ себѣ 4 золотника 21 долю чистаго серебра (таковымъ остается и нынѣшній серебряный рубль). Точно опредѣливъ монетную единицу, Канкринъ установилъ и точную цѣнность ассигнаціоннаго рубля: серебряный рубль относился къ ассигнаціонному, какъ 1 къ 3,5; такимъ образомъ, за одинъ серебряный рубль платилось 3 р. 50 к. ассигнаціями. Ассигнаціи, между тѣмъ, были постепенно изъяты изъ обращенія. Въ 1843 году вмѣсто депозитныхъ билетовъ, имѣвшихъ лишь временное значеніе, были выпущены въ обращеніе «кредитные билеты». Выпускъ послѣднихъ былъ подчиненъ уже извѣстнымъ правиламъ. Большимъ шагомъ впередъ въ области экономической было положенное императоромъ Николаемъ I начало желѣзнодорожнымъ путямъ сообщенія.

Въ области образованія особымъ вниманіемъ Николая I пользовались военно-учебныя заведенія. Изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній въ это царствованіе были учреждены: Технологическій Институтъ, Училище Правовѣдѣнія, Строительное училище (нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ) и др. Прочное основаніе къ изученію русской исторіи было положено учрежденіемъ Археографической коммиссіи, занимающейся изданіемъ полнаго системати-

ческаго собранія источниковъ родной исторіи. Были учреждены при Николаѣ I и другія ученыя общества. Ко времени Николая I относится начало расцвѣта нашей литературы, замѣчательнѣйшими представителями которой были А. С. Пушкинъ и Н. В. Гоголь, истинные родоначальники новой русской литературы.

Революціонныя движенія 1848 и 1849 гг. въ Западной Европѣ отразились у насъ въ видѣ сильной реакціи: цензура дошла до крайнихъ предѣловъ строгости, въ университетахъ уничтожены ка-

Рис. 86. Н. В. Гоголь.

ѳедры философіи, прекращена посылка молодыхъ людей за границу и т. под. Между правительствомъ и обществомъ проявился замѣтный разладъ.

Обѣ силы — и правительственная и общественная — сторонились одна отъ другой въ чувствахъ взаимнаго недовѣрія и непониманія и обѣ терпѣли отъ рокового недоразумѣнія. Лучшіе представители общественной мысли, имена которыхъ мы теперь произносимъ съ уваженіемъ (Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій, даже историкъ Соловьевъ), были подозрѣваемы и стѣснены въ своей литературной дѣятельности и личной жизни, чувствовали себя гонимыми и роптали (а Герценъ даже эмигрировалъ). Лишенные довѣрія власти, они не могли принести той пользы отечеству, на какую были способны. А власть, уединивъ себя отъ общества, должна была съ теченіемъ времени испытать всѣ неудобства такого положенія. Пока въ распоряженіи императора Ни-

колая I находились люди предшествующаго царствованія (Сперанскій, Кочубей, Киселевъ), дѣло шло бодро и живо. Когда же они сошли со сцены, на смѣну имъ не являлось лицъ, имъ равныхъ по широтѣ кругозора и теоретической подготовкѣ. Общество таило въ себѣ достаточное число способныхъ людей, и въ эпоху реформъ императора Александра II они вышли наружу. Но при императорѣ Николаѣ I къ обществу не обращались и отъ него не брали ничего; канцеляріи же давали только исполнителей-формалистовъ, далекихъ отъ дѣйствительной жизни. Къ концу царствованія императора Николая I система бюрократизма, отчуждавшая власть отъ общества, привела къ господству именно канцелярскаго формализма, совершенно лишеннаго той бодрости и готовности къ реформамъ, какую мы видѣли въ началѣ этого царствованія. (Платоновъ).

123. Польское возстаніе. Возсоединеніе уніатовъ. Дарованная императоромъ Александромъ I конституція не достигла той цѣли, къ которой онъ стремился, т. е. не дала въ результатѣ мирнаго сожительства Польши и Россіи. На первомъ сеймѣ уже проявилось оппозиціонное настроеніе, а третій сеймъ привелъ почти къ формальному разрыву между поляками и правительствомъ. Почти сейчасъ же послѣ присоединенія къ Россіи Царства Польскаго возникли тамъ тайныя общества съ различными наименованіями (масоновъ, патріотовъ и друг.). Цѣлью этихъ обществъ было подготовленіе возстанія съ цѣлью отложенія отъ Россіи. Много содѣйствовалъ пропагандѣ революціонныхъ идей Адамъ Чарторыскій, когда-то бывшій членомъ интимнаго комитета императора Александра I. Народная масса стояла въ сторонѣ отъ этого движенія, и послѣднее находило себѣ сторонниковъ лишь въ средѣ интеллигенціи. Пропагаторами революціи были представители католическаго духовенства и офицеры, распространявшіе антиправительственное движеніе въ польскомъ войскѣ и даже организовавшіе тайныя общества въ полкахъ. Привлекались къ заговору и воспитанники военныхъ школъ. Изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей революціонной пропаганды, кромѣ Адама Чарторыскаго, былъ историкъ Лелевель. Оба эти дѣятеля расходились по вопросу о будущемъ устройствѣ Польскаго государства, такъ какъ Чарторыскій былъ главою аристократической, а Лелевель — демократической партіи, но зато были вполнѣ согласны въ главномъ вопросѣ—оба стремились приступить къ дѣлу возстанія скорѣе. Польскихъ революціонеровъ не остановило и коронованіе императора Николая I короною польскихъ королей.

Толчкомъ къ возстанію послужила Іюльская революція. Возстаніе началось въ Варшавѣ въ ноябрѣ 1830 года съ нападенія революціоннаго отряда на Бельведерскій дворецъ, въ которомъ жилъ братъ государя, великій князь Константинъ Павловичъ. Въ то же время другой отрядъ сдѣлалъ нападеніе на казармы, въ которыхъ жили русскіе солдаты всего въ количествѣ 7,000 человѣкъ. Рево-

люціонеры подняли польскіе полки и городскую чернь, распуская ложную вѣсть о томъ, будто русскіе напали на поляковъ и избиваютъ ихъ. Великому князю удалось спастись, русскимъ солдатамъ удалось объединиться, но польскіе полки, кромѣ одного, возмутились, возставшіе завладѣли арсеналомъ, вооружили чернь и взволновали всю Варшаву. Великій князь, избѣгая кровопролитія, покинулъ городъ со своимъ войскомъ, чтобы наглядно доказать ложность вѣсти объ избіеніяхъ, совершаемыхъ русскими. Но поступокъ великаго князя не произвелъ желаемаго дѣйствія. Возстаніе, благодаря подготовительнымъ работамъ, быстро распространилось на все Царство Польское.

Императоръ Николай I былъ готовъ предать забвенію все происшедшее подъ условіемъ прекращенія возстанія. Былъ одинъ моментъ, когда такое примиреніе могло казаться возможнымъ. Дѣло въ томъ, что генералу Хлопицкому, понимавшему неравенство силъ Польши и Россіи, удалось установить въ Варшавѣ нѣкоторый порядокъ, но скоро революціонная партія одержала верхъ, издала манифестъ, направленный противъ Россіи, и объявила о низложеніи дома Романовыхъ. При такихъ условіяхъ война съ поляками сдѣлалась неизбѣжной.

Въ исходѣ января 1831 года Николай I отправилъ для потушенія революціи войско подъ начальствомъ фельдмаршала графа Дибича. Дибичъ нанесъ полякамъ два сильныхъ пораженія — подъ Гроховымъ и Остроленкой, но вскорѣ послѣ этого умеръ отъ холеры. Его смѣнилъ графъ Паскевичъ, который повелъ утомленныя русскія войска прямо на Варшаву, чтобы потушить возстаніе однимъ ударомъ. Несмотря на препятствія со стороны быстро смѣнявшихъ другъ друга главнокомандующихъ непріятельскаго войска (Скжинецкаго, Дембинскаго, Круковецкаго), Паскевичу все-таки удалось подступить къ Варшавѣ. Тогда императоръ Николай I отправилъ черезъ посредство Паскевича воззваніе къ полякамъ, призывавшее ихъ къ покорности. И это обращеніе государя вызвало только насмѣшки и заявленіе со стороны польскихъ революціонеровъ, что они взялись за оружіе для пріобрѣтенія независимости отъ Россіи и возстановленія Польскаго государства въ его прежнихъ границахъ — со включеніемъ западнорусскихъ областей. Въ отвѣтъ на это наши войска, руководимыя Паскевичемъ, взяли Варшаву штурмомъ. Но и послѣ взятія Варшавы Паскевичу пришлось еще преслѣдовать главныя силы мятежниковъ: въ количествѣ 20,000 человѣкъ онѣ были загнаны въ предѣлы Пруссіи, гдѣ и сложили наконецъ оружіе. Война продолжалась восемь мѣсяцевъ.

Послѣ всего происшедшаго о возстановленіи конституціоннаго строя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ, не могло быть

и рѣчи. Царство Польское было раздѣлено на 5 губерній. Управленіе сосредоточилось въ рукахъ намѣстника. Отдѣльное польское войско уничтожено. Было отмѣнено и отдѣльное финансовое устройство. Намѣстникомъ своимъ императоръ назначилъ Паскевича, съ титуломъ князя Варшавскаго.

Еще до польской революціи императоръ Николай I учредилъ особую Греко-уніатскую коллегію для греко-уніатскихъ церквей въ Россіи. Коллегія эта была обязана содѣйствовать тому, чтобы уніатскія церкви были очищены отъ всѣхъ позднѣйшихъ придатковъ

Рис. 87. Дибичъ.

римско-католическаго характера и вернулись къ тому типу уніи, которая была установлена на точномъ основаніи грамотъ 1595 года. Такое отношеніе правительства къ положенію уніатовъ вызвало среди послѣднихъ движеніе, направленное къ возсоединенію ихъ съ православною церковью. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ литовскій епископъ Іосифъ Сѣмашко. Въ 1839 году собравшіеся въ Полоцкѣ греко-уніатскіе епископы и другіе, наиболѣе видные представители уніатскаго духовенства составили особый актъ и отправили къ государю просьбу—«упрочить дальнѣйшую судьбу уніатовъ дозволеніемъ имъ присоединиться къ прародительской православной Всероссійской церкви». Святѣйшій Синодъ доложилъ государю о

своемъ благожелательномъ просителямъ опредѣленіи, каковое и было утверждено Николаемъ I.

124. Западная политика императора Николая I. По отношенію къ Западной Европѣ основнымъ принципомъ политики императора Николая I была борьба съ революціоннымъ направленіемъ. Онъ стремился «поддерживать власть вездѣ, гдѣ она существуетъ, подкрѣплять ее тамъ, гдѣ она слабѣетъ, и защищать ее тамъ, гдѣ открыто на нее нападаютъ». Когда во Франціи разразилась Іюльская революція, а вскорѣ за нею вспыхнула революція въ Бельгіи, Николай I имѣлъ въ виду послать свое войско въ Западную Европу для возстановленія въ ней нарушеннаго порядка. Этому намѣренію помѣшала, однако, польская революція. Но въ то же самое время императоръ Николай I вступилъ въ соглашеніе съ Австріей и Пруссіей для совмѣстнаго, въ случаѣ необходимости, противодѣйствія Франціи, какъ возможной нарушительницѣ установленнаго въ Европѣ порядка. Основанія соглашенія были изложены княземъ Меттернихомъ и сводились къ слѣдующему: «принять за общее основаніе нашего поведенія не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но и не допускать, съ другой стороны, чтобы французское правительство посягало на матеріальные интересы Европы въ томъ видѣ, какъ они установлены и гарантированы общими уговорами, а также на внутренній миръ европейскихъ государствъ». Правда, Николай I не сразу согласился на это, такъ какъ лично не любилъ Меттерниха и не вѣрилъ ему. Не сразу пошла на это и Пруссія. Но все же политика Меттерниха и его сторонника, нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, восторжествовала. Зная основные взгляды императора, ему не трудно было достигнуть того, что было выгодно только для Австріи.

Не лучше ли было Россіи углубиться въ самое себя, отдѣлиться отъ государствъ Запада, не искать съ ними союза? Такое рѣшеніе упростило бы задачу нашей дипломатіи. Намъ не приходилось бы согласовывать противоположные виды нашихъ союзниковъ, въ угоду имъ поступаться нашими собственными пользами. Мы были достаточно сильны, чтобы оградить себя отъ всякаго нападенія, и намъ не приходилось бы тратить силъ нашихъ на защиту интересовъ намъ чуждыхъ. Никакая близкая опасность не угрожала намъ ни извнѣ, ни извнутри. Да и плохая была надежда на сосѣдей, часто призывавшихъ насъ къ себѣ на помощь, но никогда еще не ополчавшихся ради нашей защиты. Нѣтъ сомнѣнія, что мысли эти возбуждались въ совѣтахъ императора Николая и подвергались въ нихъ обсужденію. Но представители нашей тогдашней дипломатіи не были въ состояніи раздѣлить ихъ и усвоить... Государю представили, что, уединясь отъ своихъ прежнихъ союзниковъ, онъ предастъ Германію въ жертву революціонному вліянію западныхъ державъ. „Оплотъ, образуемый Австріей и Пруссіей—говоритъ современный дипломатическій документъ—падетъ... Россія, какъ и въ 1812 году, будетъ вынуждена снова схватиться съ Франціей; но борьба эта, можно смѣло сказать,

будетъ опаснѣе, чѣмъ тогда. Придется не сражаться съ врагомъ въ открытомъ бою, а обороняться отъ болѣе страшнаго противника. Мы станемъ лицомъ къ лицу съ революціоннымъ духомъ, глухо подтачивающимъ державы самыя сильныя. Существенная польза Россіи требуетъ, чтобы мы держали его въ удаленіи отъ себя, посредствомъ странъ, отдѣляющихъ насъ отъ очага революціи. Поддерживать между нами и Франціей нравственную преграду, состоящую изъ дружественныхъ державъ и монархій, твердо основанныхъ на началахъ, сходныхъ съ нашими,— таковъ истинный и постоянный интересъ Россіи“ [1]).

Разъ принявъ эту систему, неоправдываемую интересами Россіи, императоръ Николай I слѣдовалъ ей до конца своей жизни съ замѣчательною твердостью и благородствомъ. Но эта система не только не приносила Россіи никакихъ существенныхъ выгодъ, но еще стоила ей немалыхъ жертвъ. Когда въ 1847 году началось конституціонное движеніе въ Италіи, императоръ Николай I отпустилъ заимообразно огромную сумму денегъ Австріи и обѣщалъ ей, въ случаѣ надобности, направить противъ Пьемонта и Франціи свои войска на защиту австрійскаго господства въ сѣверной Италіи. Высшей точки своего развитія эта политика Николая I достигла въ 1849 году.

Подъ вліяніемъ февральскихъ событій, происходившихъ во Франціи, венгры, увлекаемые Кошутомъ, подняли оружіе противъ Австріи, стремясь совершенно отдѣлиться отъ нея. Императоръ Фердинандъ отказался отъ престола, а его преемникъ, молодой Францъ-Іосифъ, обратился къ Николаю I съ просьбой о помощи. Императоръ Николай сразу отозвался на призывъ, и вскорѣ русская армія, подъ предводительствомъ Паскевича, вступила въ Венгрію черезъ Галицію. При этомъ нашъ императоръ принялъ на себя всѣ расходы по продовольствію и содержанію своихъ войскъ.

Венгерскій походъ былъ для нашихъ войскъ побѣдоноснымъ шествіемъ. Оно завершилось полнымъ пораженіемъ венгерской арміи. Венгерскій диктаторъ Гергей сдался русскому генералу Ридигеру. «Венгрія у ногъ Вашего Императорскаго Величества», доносилъ государю князь Паскевичъ. Наше вмѣшательство въ австровенгерскія отношенія произвело сильное впечатлѣніе на государства Западной Европы, но это впечатлѣніе имѣло для насъ тяжелыя послѣдствія. Россія стала казаться слишкомъ сильною и опасною для Европы. Противъ насъ стали Англія и Франція, а въ скоромъ времени и спасенная нами Австрія. Что касается Пруссіи — третьей изъ державъ, составившихъ между собою «соглашеніе», — она готова была измѣнить ему, такъ какъ видѣла передъ собою настоящую дорогу. Она готова была обратиться къ реальной политикѣ, имѣвшей

[1]) См. книгу Татищева „Внѣшняя политика императора Николая I“.

своею цѣлью созданіе изъ германскихъ государствъ единой Германіи съ Пруссіей во главѣ. Но событія 1848—49 годовъ оказались неблагопріятными для этой политики. И ея коснулась реакція, проявившаяся теперь съ новой силою. На основаніи новаго соглашенія, заключеннаго въ Ольмюцѣ, Пруссія снова признала порядокъ, установленный въ Германіи Вѣнскимъ конгрессомъ, признала первенство за Австріей и отказалась отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ измѣнить дѣло въ свою пользу. Но, если прусское правительство пошло

Рис. 88. Паскевичъ.

на Ольмюцкое соглашеніе, то общественное мнѣніе не только въ Пруссіи, но и во всей Германіи, оказалось безусловно враждебнымъ Россіи. Такъ Россія, жертвовавшая своими силами для удержанія порядка въ Западной Европѣ, постепенно вооружала ее противъ себя. Эту вражду ей суждено было испытать особенно сильно въ области своей восточной политики.

125. Восточная политика императора Николая I. Крымская или Восточная война. Императору Николаю I вскорѣ послѣ

вступленія на престолъ пришлось вести войну съ персіянами, которые вторгнулись въ принадлежавшее намъ Закавказье. Возникшая вслѣдствіе этого война (1826—1828) выдвинула знаменитаго полководца Паскевича. Освободивъ наши владѣнія отъ непріятелей, Паскевичъ повелъ противъ нихъ наступательную войну. Важнѣйшимъ дѣломъ этой войны было взятіе нашими войсками Эривани. Взятіе послѣдней открыло имъ путь въ самую Персію. Переправившись черезъ р. Араксъ, Паскевичъ двинулся къ Тавризу и взялъ его. Видя намѣреніе шаха выиграть время при посредствѣ затяжныхъ переговоровъ, Паскевичъ пошелъ на Тегеранъ, столицу Персіи. Это убѣдило хана въ невозможности дальнѣйшей борьбы противъ насъ. Въ деревнѣ Туркманчаѣ, расположенной на пути къ персидской столицѣ, былъ подписанъ мирный договоръ, по которому персидскій шахъ уступилъ Россіи два ханства — Эриванское и Нахичеванское — и уплатилъ большую контрибуцію. Будущій князь Варшавскій, Паскевичъ былъ возведенъ императоромъ въ графское достоинство съ прозвищемъ Эриванскаго.

Значительно сложнѣе были и имѣли болѣе важныя послѣдствія наши отношенія къ Турціи. Начались они съ несогласій, вызываемыхъ несоблюденіемъ со стороны Турціи заключенныхъ съ нами договоровъ. Въ то же время, въ первые годы царствованія императора Николая I, южная часть Балканскаго полуострова и весь Архипелагъ были охвачены греческимъ возстаніемъ. Въ теченіе долгаго времени предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, греки, видимо, изнурялись неравною борьбой. Имъ оставалось лишь два выхода: или снова надѣть на себя тяжелое ярмо неволи, или отдаться подъ покровительство Англіи, которая въ министерство Каннинга стала оказывать имъ нѣкоторое сочувствіе и поддержку, разумѣется, не безкорыстныя. Несмотря на большія помѣхи со стороны Меттерниха, императоръ Николай I заключилъ съ Англіей и Франціей договоръ, которымъ подписавшія его державы рѣшили принять на себя дѣло умиротворенія Востока. Этотъ договоръ извѣстенъ подъ именемъ Лондонскаго трактата.

На заявленія трехъ державъ, предлагавшихъ свое посредничество и перемиріе, Турція даже не отвѣчала. Вторичное обращеніе державъ къ Турціи испытало ту же участь. Тогда Россія, Англія и Франція отправили противъ Турціи свои флоты. Соединенныя эскадры союзныхъ державъ сожгли и уничтожили турецко-египетскій флотъ въ Наваринской битвѣ (1827). Эта мѣра вызвала ожесточеніе султана Махмуда. Онъ порвалъ дипломатическія сношенія съ тремя державами: ихъ послы были вынуждены выѣхать изъ предѣловъ Турціи. Вслѣдъ за этимъ во всѣхъ мечетяхъ Оттоманской имперіи было прочитанъ султанскій гатишерифъ (манифестъ) о по-

головномъ ополченіи за вѣру и отечество. Султанъ называлъ Россію вѣчнымъ, неукротимымъ врагомъ ислама, заявлялъ, что она замышляетъ уничтоженіе Турецкаго государства, что возстаніе грековъ было дѣломъ ея рукъ. Послѣ этого онъ сталъ проявлять по отношенію къ намъ такія враждебныя дѣйствія, что императоръ Николай I былъ наконецъ вынужденъ вступить съ нимъ въ войну.

Первая турецкая война началась весною 1828 и окончилась осенью 1829 года. Она происходила и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ азіатскихъ владѣніяхъ Турецкой имперіи. Переправившись черезъ Дунай въ личномъ присутствіи императора, наша главная армія взяла одну за другой рядъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей, такъ какъ турки избѣгали открытыхъ битвъ съ нами, но заперлись въ крѣпостяхъ. Изъ крѣпостей наиболѣе замѣчательными были Шумла и Варна; послѣдняя была взята при помощи Черноморскаго флота. Сперва главнокомандующимъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ въ Европѣ, былъ Витгенштейнъ. Особенно же удачной стала борьба съ турками съ того времени, какъ Витгенштейнъ былъ смѣненъ Дибичемъ.

Главнокомандующимъ на азіатскомъ театрѣ войны былъ графъ Паскевичъ. Здѣсь были взяты штурмомъ крѣпости — Карсъ, Ахалцыхъ, Эрзерумъ.

Въ то же время Дибичъ переправилъ войска черезъ Балканы и овладѣлъ второй столицей Турецкой имперіи, Адріанополемъ.

Война окончилась Адріанопольскимъ миромъ, по которому Греція пріобрѣла наконецъ независимость. Собственно намъ Турція уступила устье Дуная съ островами, образуемыми его рукавами, и все восточное побережье Чернаго моря [1]). Русскіе подданные получили право полной свободы торговли въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, а торговыя суда какъ Россіи, такъ и другихъ державъ, состоявшихъ въ мирѣ съ Турціей, свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Кромѣ того, Турція обязывалась выплатить Россіи въ условленный срокъ контрибуцію за военныя издержки и дать денежное удовлетвореніе русскимъ подданнымъ за тѣ убытки, которые были понесены ими по винѣ турокъ. Выговорены были также извѣстныя благопріятныя условія для Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Въ общемъ, условія мира были умѣренны. «Адріанопольскій миръ— писалъ императоръ Дибичу—самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы сумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны. Наша умѣренность зажметъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью».

[1]) Отъ устья р. Кубани до пристани Св. Николая, съ крѣпостями—Анапою, Поти, Ахалкалаки и Ахалцыхомъ.

Несмотря на умѣренность, проявленную Россіей, враждебное отношеніе къ ней на Западѣ не только не ослабло, но скорѣе усилилось. Послѣ войны съ турками за освобожденіе грековъ Россія пріобрѣла первенствующее положеніе на Востокѣ. Успѣхи Россіи встревожили Меттерниха, который пытался создать противъ нея коалицію изъ Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи, но коалиціи не состоялось въ виду рѣшительнаго отказа примкнуть къ ней со стороны Карла X и даже угрозы его стать на сторону Россіи. Тѣмъ не менѣе въ Англіи и Австріи осталась затаенная, глухая вражда къ ней. Но настроеніе правительства и общества во Франціи послѣ Іюльской революціи рѣзко измѣнилось не въ пользу Россіи.

Дальнѣйшія отношенія наши къ Турціи еще болѣе содѣйствовали развитію враждебнаго отношенія къ намъ со стороны западноевропейскихъ державъ.

Вскорѣ послѣ окончанія русско-турецкой войны турецкій султанъ Махмудъ очутился въ критическомъ положеніи. Египетскій паша Мехметъ-Али возсталъ противъ султана и даже угрожалъ его столицѣ. Императоръ Николай I отправилъ въ Александрію нарочнаго посла, который долженъ былъ объявить пашѣ, что, если онъ не покорится султану, то будетъ имѣть дѣло съ Россіей. Напрасно отправляемый императоромъ посолъ указывалъ государю на возможность оказать помощь султану инымъ способомъ, не жертвуя силами Россіи, а только направивъ на египетскаго пашу персіянъ. Императоръ Николай I отвѣчалъ: «у насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собою сосѣдей своихъ». Представленія, сдѣланныя нашимъ посломъ въ Александріи, оказались тщетными. Тогда императоръ отправилъ къ турецкимъ берегамъ эскадру съ дессантнымъ войскомъ для защиты верховныхъ правъ султана. Паша прекратилъ войну, и Турція была такимъ образомъ спасена отъ междоусобной войны и ея гибельныхъ для нея послѣдствій. Въ 1833 году въ султанскомъ дворцѣ Ункіаръ-Скелесси былъ заключенъ между Россіей и Турціей договоръ, устанавливавшій преобладающее вліяніе Россіи на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова. Такого исключительнаго положенія Россіи на Востокѣ не могла выносить долгое время Западная Европа, въ особенности же Англія, Франція и Австрія. Франція, гдѣ въ 1852 году овладѣлъ верховною властью императоръ Наполеонъ III, стала подстрекать султана къ нарушенію договоровъ, заключенныхъ съ Россіей, желая втянуть послѣднюю въ новую войну съ султаномъ и стать на сторону Турціи. Турція, поддаваясь внушеніямъ со стороны Франціи, сдѣлала въ Палестинѣ нѣкоторыя уступки въ пользу католиковъ; между прочимъ, отъ православнаго патріарха въ Іерусалимѣ были отняты хранившіеся у него до этого времени ключи отъ главныхъ вратъ Виолеем-

скаго храма и переданы католическому духовенству. Императоръ Николай I вступился за нарушенныя права православныхъ и потребовалъ ихъ возстановленія. Султанъ отказался исполнить требованіе, и фактъ этотъ послужилъ поводомъ ко второй турецкой войнѣ, называемой иначе Восточною или Крымскою (1853—1856).

Сначала мы воевали только съ турками. Турки первые начали враждебныя дѣйствія, но повсюду терпѣли пораженія. Особенно славною была побѣда, одержанная русскими надъ турецкимъ флотомъ при Синопѣ (на южномъ берегу Чернаго моря). Начальствовавшій надъ нашимъ флотомъ Нахимовъ напалъ на турецкій флотъ и совершенно истребилъ его менѣе чѣмъ въ полтора часа. Въ отвѣтъ на эту побѣду Англія и Франція послали въ Черное море на помощь Турціи свои флоты. Съ этого времени Россія должна была безъ всякихъ союзниковъ вести борьбу съ тремя державами. Вскорѣ къ нимъ присоединилась и быстро усиливавшаяся въ ту пору Сардинія. Англичане, не довольствуясь отправленіемъ своего флота въ Черное море, открыли непріязненныя дѣйствія противъ насъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ и даже въ Великомъ океанѣ — у береговъ Камчатки. Главнымъ же театромъ военныхъ дѣйствій былъ Крымскій полуостровъ. По высадкѣ на крымскій берегъ (у Евпаторіи) осенью 1854 года непріятели направились къ нашему главному военному порту на Черномъ морѣ — Севастополю, чтобы уничтожить запертый въ его гавани черноморскій флотъ и овладѣть самимъ городомъ. Главнокомандующій нашихъ силъ въ Крыму, Меншиковъ, вздумалъ воспрепятствовать движенію враговъ на Севастополь, но потерпѣлъ пораженіе на берегахъ рѣки Альмы. Послѣ этого, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи, онъ отступилъ къ сѣверу, сдавъ командованіе надъ сѣверною и южною частями Севастополя адмираламъ Корнилову и Нахимову. Чтобы заградить непріятелю доступъ къ Севастополю съ моря, Меншиковъ приказалъ загородить входъ въ севастопольскій рейдъ, затопивъ тамъ наши корабли, а экипажъ съ затопленныхъ судовъ употребить на усиленіе крѣпостного гарнизона. Геройская оборона Севастополя продолжалась цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ. Много содѣйствовалъ этой оборонѣ инженеръ Тотлебенъ своими работами, направленными къ укрѣпленію города. Упорная борьба, въ которой принимало участіе, кромѣ войска, и населеніе крѣпости, не ограничивалась поверхностью земли, но велась и подъ землею. Прошло около полугода, но Севастополь все еще не сдавался врагу. Не трудно, впрочемъ, было предвидѣть тяжелый для насъ исходъ этой войны. Въ это безотрадное время императоръ Николай I скончался. «Служи Россіи! говорилъ императоръ, лежа на смертномъ одрѣ,

своему наслѣднику. Мнѣ хотѣлось оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!» [1]).

Время императора Александра II.

126. Окончаніе Крымской войны и ея значеніе. Несмотря на свое личное миролюбіе и необходимость мира для внутренняго развитія Россіи, новый императоръ, Александръ II, рѣшилъ продолжать войну, начавшуюся при его отцѣ. Назначивъ главнокомандующимъ надъ крымской арміей князя Горчакова вмѣсто Меншикова, императоръ Александръ произвелъ новые рекрутскіе наборы и призвалъ государственное ополченіе. Но и силы непріятелей увеличились въ это время присоединеніемъ сардинской арміи. Огромнымъ преимуществомъ нашихъ враговъ было удобство сообщеній, благодаря которому они своевременно снабжались всѣмъ необходимымъ. Между тѣмъ, наша крымская армія была отрѣзана отъ родины дурными путями сообщенія и страдала какъ отъ этого, такъ и отъ недобросовѣстности людей, завѣдывавшихъ дѣломъ снабженія войска всѣмъ необходимымъ.

Наступилъ послѣдній, тяжелый періодъ севастопольской обороны. Предвѣстникомъ неизбѣжной катастрофы было взятіе непріятелями Малахова кургана, изъ котораго адмиралъ Истоминъ создалъ настоящую, отдѣльную крѣпость. Но уже Истомина не было въ живыхъ, вскорѣ погибъ и Нахимовъ, а раньше ихъ погибъ геройскою смертью Корниловъ. Съ занятіемъ Малахова кургана—главной высоты, господствующей надъ городомъ, оборона Севастополя стала невозможной. Тогда южная часть города, превращенная въ развалины, была покинута войсками, перебравшимися въ сѣверную часть. Въ приказѣ главнокомандующаго по поводу этого событія, между прочимъ, было сказано слѣдующее: «Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но... и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою подожженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внуки наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству»... Всего пало при оборонѣ Севастополя болѣе 200,000 человѣкъ. Ихъ прахъ покоится на общемъ громадномъ кладбищѣ, находящемся на сѣверной сторонѣ Севастополя и названномъ «Братскою могилой».

---

[1]) О царствованіи императора Николая I имѣется большое, къ сожалѣнію, неоконченное сочиненіе Н. К. Шильдера „Императоръ Николай I“.

Черезъ два мѣсяца съ половиной послѣ паденія Севастополя на азіатскомъ театрѣ войны произошло событіе, сдѣлавшее возможными переговоры о мирѣ. Главнокомандующій Муравьевъ взялъ неприступную турецкую крѣпость Карсъ со всѣмъ ея гарнизономъ, множествомъ пушекъ и большими складами оружія.

Рис. 89. Императоръ Александръ II, Царь-Освободитель.

Миръ былъ заключенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года въ Парижѣ. Согласно условіямъ Парижскаго мира завоеванія съ обѣихъ сторонъ были возвращены по принадлежности: Россія получила обратно Севастополь и другія мѣста, занятыя непріятельскими войсками, но зато вернула туркамъ крѣпость Карсъ и другія, занятыя нами, мѣстности. Сверхъ того, Россія отказалась отъ устья Дуная и части Бессарабіи. Утрата была небольшая, но дѣло заключалось не въ ней, а въ униженіи Россіи, къ чему такъ стремились наши враги. Самымъ тяже-

лымъ и вмѣстѣ оскорбительнымъ условіемъ для Россіи было принятое ею обязательство не заводить на Черномъ морѣ ни военнаго флота, ни укрѣпленій. Это условіе было отмѣнено только на Лондонской конференціи, происходившей нѣсколько лѣтъ спустя—въ 1871 году.

Несчастная для насъ Крымская война имѣла, однако, важное историческое значеніе. Она раскрыла всѣ наши недостатки и немощи и такимъ образомъ совершенно естественно наводила на мысль о необходимости серьезныхъ преобразованій.

Въ манифестѣ императора Александра II по поводу окончанія Крымской войны была какъ бы начертана цѣлая программа новаго царствованія. „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, говорилось въ этомъ манифестѣ—да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство: правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ".

127. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Величайшею изъ реформъ новаго царствованія было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Необходимость этой реформы назрѣла давно. Мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ еще лелѣяла Екатерина II. Императоръ Павелъ I своимъ манифестомъ о трехдневной крестьянской работѣ на помѣщиковъ какъ бы только отвѣчалъ настоятельной потребности раскрѣпощенія. Указы императоровъ Александра I и Николая I также были направлены въ эту сторону. Можно предполагать, что освободительная реформа совершилась бы въ царствованіе Николая I, если бы время этого царствованія не совпало съ революціоннымъ движеніемъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, съ тѣмъ духомъ реакціи въ правящихъ сферахъ, который господствовалъ надъ Европой. Императоръ Александръ II хорошо зналъ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находятся милліоны крѣпостныхъ крестьянъ. Съ положеніемъ ихъ онъ хорошо познакомился во время путешествія по Россіи, которое онъ совершилъ еще въ бытность свою наслѣдникомъ престола. Съ другой стороны, благотворное вліяніе оказалъ на него въ этомъ направленіи нашъ поэтъ В. А. Жуковскій, учившій его любить людей и уважать въ каждомъ изъ нихъ его человѣческое достоинство, его личныя и общественныя права, несмотря на его происхожденіе.

Въ январѣ 1857 года императоръ Александръ II учредилъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи особый комитетъ, которому было поручено заняться обсужденіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію крѣпостныхъ и устройству ихъ быта. Комитетъ этотъ вскорѣ получилъ оффиціальное названіе «Главнаго Комитета для разсмот-

рѣнія постановленій и предположеній о крестьянскомъ состояніи». Въ концѣ того же года отъ трехъ губерній Виленскаго генералъ-губернаторства поступило къ императору прошеніе о разрѣшеніи приступить немедленно-же къ освобожденію крестьянъ. Императоръ отвѣтилъ на это ходатайство знаменитымъ рескриптомъ на имя Виленскаго генералъ-губернатора Назимова. Въ этомъ рескриптѣ говорилось, что государь въ отвѣтъ на заявленныя дворянами благія намѣренія разрѣшаетъ имъ приступить къ составленію проекта преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ, для чего и должны быть образованы въ каждой изъ губерній генералъ-губернаторства по одному приготовительному комитету изъ членовъ частью выборныхъ отъ дворянства, частью по назначенію губернаторовъ, и одна общая для всѣхъ трехъ губерній коммиссія въ гор. Вильнѣ. Кромѣ того, въ своемъ рескриптѣ императоръ изложилъ главныя основанія предстоявшей реформы, а именно: безвозмездное личное освобожденіе, выкупъ усадебъ и отводъ полевого надѣла въ пользованіе за извѣстныя повинности. Рескриптъ императора вызвалъ просьбы отъ дворянъ другихъ губерній, подобныя просьбамъ отъ дворянства трехъ губерній Виленскаго генералъ-губернаторства. На эти просьбы государь отвѣчалъ рескриптами на имя генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ аналогичнаго содержанія съ рескриптомъ Назимову. Но, если среди дворянъ нашлись люди, сочувствовавшіе великой задачѣ, поставленной императоромъ Александромъ II, то были также и явные, и тайные противники ея, получившіе названіе «крѣпостниковъ». Лѣтомъ 1858 года императоръ предпринялъ путешествіе по Россіи и почти всюду обращался къ мѣстнымъ дворянамъ съ рѣчами, въ которыхъ говорилъ о необходимости освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ путешествія своего государь вынесъ, повидимому, убѣжденіе въ успѣшномъ разрѣшеніи задуманной реформы. «Мы съ вами—сказалъ онъ

Рис. 90. В. А. Жуковскій.

министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому—начали крестьянское дѣло и дойдемъ до конца, рука объ руку».

Между тѣмъ въ Петербургъ стали поступать работы губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Въ виду этого, въ началѣ 1859 года были учреждены въ столицѣ двѣ Редакціонныя коммиссіи, на обязанности которыхъ лежало разсмотрѣніе выработанныхъ губернскими комитетами проектовъ объ освобожденіи крестьянъ и устройствѣ ихъ новаго быта, а также и составленіе Общаго Положенія о крестьянахъ и другихъ законоположеній, имѣющихъ отношеніе къ освободительной реформѣ. Предсѣдателемъ обѣихъ коммиссій былъ генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Ближайшимъ помощникомъ его въ дѣлѣ крестьянской реформы былъ Милютинъ.

Редакціонныя коммиссіи трудились надъ данною имъ работою слишкомъ 1½ года. Ихъ труды поступили послѣ этого въ Главный Комитетъ. Предсѣдателемъ послѣдняго былъ братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, горячо сочувствовавшій великой реформѣ и много потрудившійся для ея осуществленія.

Наконецъ, всѣ законопроекты освободительной реформы были направлены Главнымъ Комитетомъ въ Государственный Совѣтъ. Открывая первое засѣданіе Государственнаго Совѣта, посвященное крестьянской реформѣ, государь произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, между прочимъ: «Прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ».

19 февраля 1861 года императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права на крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, и о дарованіи имъ правъ свободнаго сельскаго состоянія. Манифестъ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ освобожденному крестьянству: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ и Москвѣ лишь 5 марта, а во всѣхъ губернскихъ городахъ объявленъ нарочно командированными для этого свитскими генералами въ теченіе марта мѣсяца.

Одновременно съ манифестомъ было обнародовано «Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», т. е. законъ, опредѣлявшій устройство быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Крѣпостное право на личность крестьянъ и дворовыхъ людей отмѣнялось безусловно. Дворовые люди, какъ безземельные, получали полную свободу по прошествіи двухъ лѣтъ со дня изданія Общаго положенія. Крестьяне

же земледѣльцы надѣлялись усадебными участками и полевыми угодьями, нарѣзаемыми имъ изъ земли, принадлежавшей помѣщикамъ. Уступаемые надѣлы подлежали извѣстной оцѣнкѣ. Внеся

Рис. 91. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

всю причитающуюся сумму своему помѣщику, крестьянинъ-земледѣлецъ получалъ бы немедленно полную свободу и становился бы крестьяниномъ-собственникомъ. Но, такъ какъ подобныхъ лицъ среди крестьянъ не было, требуемая къ уплатѣ сумма разверсты-

валась на извѣстное количество лѣтъ и выплачивалась небольшими частями. На помощь крестьянству въ этомъ трудномъ дѣлѣ пришло правительство при посредствѣ такъ называемой выкупной операціи. Сущность ея заключалась въ слѣдующемъ. Правительство выплачивало помѣщику всю слѣдуемую ему сумму сполна и записывало эту сумму, какъ долгъ, лежащій на крестьянахъ, каковой они должны выкупить ежегодными взносами (въ продолженіе 49 лѣтъ со дня выдачи выкупной ссуды). Ежегодная сумма, уплачиваемая крестьянами правительству, слагалась изъ двухъ частей: одна часть шла на постепенное погашеніе долга, другая состояла изъ процентовъ по выданной правительствомъ ссудѣ. Независимо отъ выкупныхъ платежей крестьяне обязывались платить казенныя подати.

Размѣръ надѣла и условія, на которыхъ онъ давался, опредѣлялись по взаимному соглашенію сторонъ такъ называемыми уставными грамотами. Посредниками въ этомъ дѣлѣ, которое естественно вызывало различныя недоразумѣнія и споры, были особыя лица, назначавшіяся самимъ государемъ изъ среды дворянъ, заслужившихъ особенное довѣріе правительства и мѣстнаго населенія, и называвшіяся мировыми посредниками.

Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне составляли небольшія сельскія общества и получали право собственнаго суда и управленія, т. е. возстановлялись въ своихъ древнихъ правахъ, нарушенныхъ развитіемъ крѣпостного права. Крестьяне каждой деревни или села составляютъ, на основаніи Общаго положенія, общество или міръ. Члены общества получили право для рѣшенія своихъ общихъ дѣлъ собираться на сельскій сходъ. Первое мѣсто на сельскомъ сходѣ принадлежитъ старостѣ, выбранному обществомъ. На обязанности старосты лежитъ и исполненіе постановленія, сдѣланнаго сходомъ. Дѣла, обсуждаемыя на сходахъ, рѣшаются большинствомъ голосовъ. На старостѣ, кромѣ указанной обязанности, лежитъ еще другая—блюсти общественное спокойствіе и безопасность. Въ виду этого законъ предоставилъ ему право подвергать виновныхъ въ нарушеніи порядка денежному штрафу или аресту. Нѣсколько сельскихъ общинъ образуютъ волость. Всѣ хозяйственныя и общественныя дѣла, касающіяся цѣлой волости, обсуждаются на волостномъ сходѣ. Послѣдній состоитъ изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ также по выборамъ, и изъ крестьянъ, избираемыхъ въ качествѣ представителей отъ каждаго сельскаго общества, входящаго въ составъ данной волости. Во главѣ каждой волости стоитъ волостное правленіе. Первое мѣсто въ волостномъ правленіи, какъ и на волостномъ сходѣ, принадлежитъ волостному старшинѣ. Волостное правленіе

приводитъ въ исполненіе какъ дѣла, рѣшенныя на волостномъ сходѣ, такъ и требованія, предъявляемыя правительствомъ. При волостномъ правленіи находится волостной судъ, который рѣшаетъ тяжбы и ссоры между крестьянами и судитъ маловажные проступки, подвергая виновныхъ извѣстнымъ наказаніямъ.

128. Земская и городская реформы. 1 января 1864 года императоромъ Александромъ II было утверждено «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ», давшее Россіи другую крупную реформу—земскую. Указъ, сопровождавшій это положеніе, призывалъ «къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе». До реформы императора Александра II дѣла такого рода вѣдались комитетами земскихъ повинностей. Самое названіе ихъ показываетъ, что при ихъ учрежденіи имѣлись въ виду не столько общественныя нужды, сколько правильное несеніе государственныхъ повинностей. Комитеты земскихъ повинностей составлялись отчасти изъ чиновниковъ, отчасти изъ сословныхъ выборныхъ, предводителей дворянства, городскихъ головъ и т. под. Засѣдали комитеты разъ въ три года, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ. Мѣстное общество находилось въ приниженномъ положеніи по отношенію къ губернаторамъ, а земскія повинности падали лишь на крестьянъ и мѣщанъ, такъ что дворяне не были лично заинтересованы въ употребленіи земскихъ сборовъ. Собиралось послѣднихъ ежегодно свыше 20 милліоновъ рублей, большая часть которыхъ употреблялась на общія государственныя потребности, и лишь ничтожная доля шла на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Въ то же время разрѣшеніе хозяйственныхъ вопросовъ было дѣломъ сложнымъ и требовавшимъ большого времени, такъ какъ дѣлами общественнаго хозяйства завѣдывали высшія государственныя учрежденія. Съ ними приходилось сноситься по самымъ простымъ вопросамъ, которые при иномъ порядкѣ благопріятно разрѣшались бы на мѣстѣ въ самый короткій срокъ. Однимъ словомъ, завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ сосредоточивалось не въ тѣхъ рукахъ, въ какихъ ему слѣдовало быть. Императоръ Александръ II передалъ земское хозяйство въ руки самого мѣстнаго общества.

На основаніи «Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ» всякое лицо, живущее въ данной мѣстности, безъ отношенія къ его происхожденію, и обладающее имуществомъ [1]) въ размѣрѣ, указываемомъ закономъ, обязательно участвуетъ въ пла-

[1]) Подъ имуществомъ разумѣется земля или вообще недвижимая собственность, а также промышленное и торговое предпріятіе.

тежѣ земскаго сбора, что даетъ ему право участвовать въ управленіи земскимъ хозяйствомъ. Органами управленія земскимъ хозяйствомъ являются: 1) уѣздное земское собраніе, 2) уѣздная земская управа, 3) губернское земское собраніе и 4) губернская земская управа. Члены этихъ учрежденій называются гласными. Выборы гласныхъ производятся на избирательныхъ съѣздахъ. Уѣздныя земскія собранія происходятъ обыкновенно одинъ разъ въ годъ; это— такъ называемыя очередныя собранія, но, кромѣ очередныхъ, могутъ происходить, въ случаѣ необходимости, и чрезвычайныя собранія. Уѣздное земское собраніе подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы. Послѣдняя, въ противоположность уѣздному земскому собранію, является учрежденіемъ непрерывно дѣйствующимъ въ теченіе положеннаго срока. Уѣздное земское собраніе обладаетъ властью распорядительною; оно рѣшаетъ вопросы, относящіеся къ земскому хозяйству. Уѣздной земской управѣ принадлежитъ исполнительная власть; она приводитъ въ исполненіе постановленія собранія. Въ уѣздномъ земскомъ собраніи производятся выборы гласныхъ въ губернское земское собраніе, а послѣднее выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ губернской земской управы. Между губернскимъ собраніемъ и губернскою управой существуютъ тѣ же отношенія, въ какихъ находятся другъ къ другу уѣздныя собранія и управы. Надзоръ за дѣятельностью всѣхъ земскихъ учрежденій данной губерніи принадлежитъ ея губернатору. Случаи несогласія между губернаторами и земскими учрежденіями подлежатъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената.

Благодѣтельные результаты земской реформы уже успѣли выразиться въ цѣломъ рядѣ новыхъ учрежденій, о появленіи которыхъ при старомъ порядкѣ можно было только мечтать (сельскія школы, больницы и т. п.) [1]).

Въ 1870 году было утверждено «Городовое положеніе», заключающее въ себѣ основы городской реформы, аналогичной реформѣ земской. Городовое положеніе даровало городамъ право самоуправленія. Главными органами городского управленія являются: 1) городскія думы, обладающія распорядительною властью и состоящія изъ гласныхъ, избираемыхъ на четырехлѣтній срокъ, и 2) городскія управы — съ властью исполнительною. Какъ въ думахъ, такъ и въ управахъ предсѣдательствуютъ городскіе головы. Кругъ вѣдомства городскихъ учрежденій очень обширенъ. Кромѣ

[1]) Указанія о существѣ и порядкѣ дѣйствій земскихъ учрежденій изложены подробно въ уставахъ: земскихъ повинностей, путей сообщенія, строительномъ, пожарномъ, общественнаго призрѣнія, народнаго продовольствія и врачебномъ. Уже это перечисленіе характеризуетъ многообразную дѣятельность земскихъ учрежденій.

всѣхъ дѣлъ, касающихся собственно городского управленія и городскихъ суммъ, вѣдѣнію городскихъ учрежденій подлежатъ: внѣшнее благоустройство даннаго города, санитарное благополучіе его жителей, распространеніе просвѣщенія, благотворительность, пути сообщенія и многое другое.

129. Судебная реформа. Еще въ манифестѣ, изданномъ въ 1856 году по случаю окончанія Крымской войны, императоръ Александръ II выразилъ пожеланіе переустройства Россіи въ судебномъ отношеніи словами: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея». Въ 1864 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія Положеній о земскихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, были обнародованы «Судебные Уставы», устанавливавшіе у насъ судъ на совершенно новыхъ началахъ. Новый судъ былъ опредѣленъ въ указѣ государя, сопровождавшемъ появленіе Судебныхъ Уставовъ, какъ «судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ».

До-реформенный судъ уже отжилъ свое время. Этотъ старый судъ происходилъ втайнѣ, при закрытыхъ дверяхъ: за эти двери не могли проникнуть не только постороннія лица, но и лица, прикосновенныя къ тому или другому судебному дѣлу и непосредственно заинтересованныя въ немъ. Тайна судебнаго производства давала широкій просторъ для злоупотребленій всякаго рода. Эта тайна и была одною изъ главныхъ отрицательныхъ сторонъ до-реформеннаго судопроизводства. Другимъ существеннымъ недостаткомъ его было исключительно письменное дѣлопроизводство; словесныхъ объясненій на судѣ не допускалось. Естественнымъ результатомъ такого порядка была поразительная медленность въ области судопроизводства. Пустыя дѣла велись иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, требуя громадныхъ расходовъ отъ тяжущихся и постепенно разоряя ихъ. Бывали случаи, когда пострадавшія лица отказывались отъ возстановленія своихъ правъ, предпочитая такое лишеніе судебной волокитѣ. Старые суды, даже при наличности добросовѣстныхъ судей, отличались такими сторонами, которыя тормозили дѣла и прямо мѣшали выясненію истины. Въ рукахъ же судей недобросовѣстныхъ они превращались въ учрежденія, способныя вселять ужасъ и негодованіе. Въ цѣломъ рядѣ пословицъ русскій народъ мѣтко охарактеризовалъ ихъ: «съ богатымъ и сильнымъ не судись», «судъ прямой, да судья кривой», «то-то и законъ, какъ судья знакомъ», «въ судъ пойдешь, правды не найдешь» и т. под.

Характерными особенностями новыхъ судовъ являются: публичность судопроизводства, т. е. производство суда при открытыхъ для публики дверяхъ, и гласность судебныхъ процессовъ, т. е. оглашеніе ихъ въ печати; допущеніе письменнаго дѣлопроизводства въ

самыхъ минимальныхъ размѣрахъ—лишь постольку, поскольку это необходимо, и введеніе устнаго процесса; равноправность обѣихъ сторонъ, предстоящихъ передъ судьями, такъ что каждая изъ нихъ пользуется тѣми же правами, камими пользуется и другая. Всѣмъ этимъ устранялись старые недуги: подкупъ и пристрастіе судей, недостаточно внимательное разсмотрѣніе дѣла и медлительность въ ходѣ судебныхъ процессовъ вообще.

Всѣ правонарушенія, подлежащія судебной власти, распадаются на двѣ главныя группы: 1) гражданскихъ правонарушеній и 2) уголовныхъ правонарушѣній или преступленій. Разница между ними заключается и въ самомъ существѣ дѣла, и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя влекутъ за собою правонарушенія того и другого вида. Подъ гражданскими правонарушеніями разумѣются такія нарушенія принадлежащаго кому-либо права, которыя совершаются безъ злого умысла, а въ силу невозможности для даннаго лица исполнить свое обязательство или вслѣдствіе простого недоразумѣнія. Такъ, напр., нарушаетъ право другого лица тотъ, кто не выплачиваетъ въ условленное время занятыя у него деньги, не выполняетъ условій заключеннаго съ нимъ договора, вступаетъ въ наслѣдованіе имуществомъ, долженствующимъ принадлежать ему, не зная, что оно завѣщано другому, и т. под. Отсутствіе злого умысла устраняетъ всякую мысль о наказаніи правонарушителя. Единственною заботою суда въ данномъ случаѣ является возстановленіе нарушеннаго права. Иное дѣло—правонарушенія уголовныя. Касаясь не только имущественныхъ, но и другихъ правъ, они предполагаютъ наличность злого умысла, т. е. злой воли правонарушителя или, по меньшей мѣрѣ, недостатокъ надлежащей осторожности и наличность небрежнаго отношенія къ правамъ людей, къ обществу которыхъ принадлежитъ и онъ самъ. Такой правонарушитель представляется уже опаснымъ человѣкомъ. Вотъ почему при разсмотрѣніи уголовныхъ правонарушеній на первомъ планѣ стоитъ уже не вопросъ о возстановленіи нарушеннаго права (тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ случаяхъ его возстановить и невозможно), а вопросъ о наказаніи опаснаго для общественнаго спокойствія правонарушителя. Въ зависимости отъ существованія двухъ видовъ правонарушеній и судопроизводство распадается на два самостоятельныхъ вида — судопроизводство гражданское и судопроизводство уголовное.

Судебные Уставы 1864 года вызвали къ жизни рядъ судебныхъ инстанцій. Для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ меньшей важности были учреждены: 1) мировые судьи и 2) съѣзды мировыхъ судей. Лица, имѣющія извѣстныя основанія быть недовольными рѣшеніемъ мирового судьи, могутъ обращаться съ жалобами въ съѣздъ мировыхъ судей. Жалобы эти бываютъ двухъ родовъ—апелляціонныя

и кассаціонныя; первыя имѣютъ въ виду измѣненіе даннаго рѣшенія, объявляя его неправильнымъ по самому существу разбираемаго дѣла; вторыя же, основываясь на нарушеніи мировымъ судьей формъ и обрядовъ судопроизводства, установленнаго закономъ, обыкновенно имѣютъ въ виду кассацію даннаго рѣшенія или полную отмѣну его. Рѣшенія мировыхъ съѣздовъ по апелляціоннымъ жалобамъ могутъ быть разнообразныя; рѣшенія же по жалобамъ кассаціоннымъ бываютъ только двухъ родовъ: или мировой съѣздъ оставляетъ жалобу бозъ послѣдствій, или же кассируетъ данное рѣшеніе и передаетъ дѣло для новаго разбирательства мировому судьѣ другого участка. Рѣшеніе мировыхъ съѣздовъ по жалобамъ кассаціоннымъ не подлежатъ дальнѣйшему обжалованію и считаются окончательными. Рѣшенія же по апелляціоннымъ жалобамъ могутъ быть, при наличности основаній, обжалованы кассаціоннымъ порядкомъ въ Правительствующій Сенатъ. Если послѣдній находитъ основательнымъ мотивы жалобщика, то кассируетъ рѣшеніе даннаго мирового съѣзда и передаетъ дѣло въ другой мировой съѣздъ.

Для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ большей важности Судебными Уставами 1864 года созданы: 1) окружные суды и 2) судебныя палаты. На рѣшенія окружнаго суда по гражданскимъ дѣламъ тяжущіеся могутъ, при наличности основаній, приносить апелляціонныя жалобы въ судебную палату. Рѣшенія судебныхъ палатъ по жалобамъ апелляціоннымъ могутъ быть обжалываемы въ кассаціонномъ порядкѣ въ Правительствующій Сенатъ. Разбирательство въ окружныхъ судахъ уголовныхъ правонарушеній или преступленій совершается въ слѣдующемъ порядкѣ. Обвинителемъ, ищущимъ наказанія преступнаго лица, является прокуроръ, который и произноситъ послѣ устнаго судебнаго слѣдствія [1]) обвинительную рѣчь, направленную противъ преступника, присутствующаго здѣсь-же на судѣ и имѣющаго право давать свои показанія и защищать себя. Во всякомъ случаѣ, каждому обвиняемому дается защитникъ или присяжный повѣренный (адвокатъ), при чемъ предоставляется обвиняемому право пригласить своего собственнаго защитника. Порядокъ этотъ установленъ съ тою цѣлью, чтобы выяснить передъ судомъ, представителями общества и случайной публикой какъ дѣло, такъ и самую личность обвиняемаго, въ видахъ болѣе безпристрастнаго рѣшенія. По выслушаніи обѣихъ сторонъ—прокурора и защитника—рѣшеніе о виновности подсудимаго предоставляется судомъ выборнымъ представителямъ мѣстнаго общества, присяжнымъ засѣдателямъ. Послѣдніе, по совѣщаніи между собою, даютъ отвѣты такого рода: «да, виновенъ», «нѣтъ, не виновенъ» или «ви-

[1]) Обвинительная рѣчь основывается на данныхъ, установленныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ и выяснившихся или дополненныхъ на слѣдствіи судебномъ.

новенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». Въ случаѣ приговора, благопріятнаго для подсудимаго, послѣдній немедленно освобождается, какъ оправданный по суду. Въ случаѣ же признанія его виновности, судъ, послѣ совѣщанія, выноситъ основанный на законѣ приговоръ. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ, постановленные при участіи присяжныхъ засѣдателей, апелляціоннымъ жалобамъ не подлежатъ. Въ

Рис. 92. Зарудный.

случаѣ же нарушенія порядка самаго судопроизводства (несоблюденія установленныхъ для производства дѣлъ этого рода правилъ) эти рѣшенія могутъ быть обжалованы въ кассаціонномъ порядкѣ въ Правительствующій Сенатъ. Такимъ образомъ, Правительствующій Сенатъ является пятою судебною инстанціей, высшимъ кассаціоннымъ судилищемъ.

Судебными Уставами 1864 года предусмотрѣно, слѣдовательно, все, что можетъ содѣйствовать осуществленію пожеланія, высказаннаго императоромъ Александромъ II по отношенію къ Россіи въ завѣтныхъ словахъ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея».

Главнѣйшими дѣятелями по судебной реформѣ были: графъ Блудовъ, Зарудный, Ровинскій и др.

130. Всесословная воинская повинность. 1 января 1874 г. императоръ Александръ II издалъ манифестъ о всесословной воинской повинности.

Со временъ Петра Великаго наше войско пополнялось путемъ рекрутскихъ наборовъ, при чемъ вся тяжесть военной службы падала на крестьянъ и мѣщанъ. Хотя Петръ Великій привлекъ къ обязательной военной службѣ и дворянъ, но во второй половинѣ XVIII в. послѣдніе были совершенно освобождены отъ нея, могли служить или не служить, по своему собственному усмотрѣнію. Рекрутчина была очень тяжелою для народа повинностью. Проводы рекрута, покидавшаго родное село или родной городъ, были раздирающей душу сценой. Ему предстояла продолжительная, двадцатипятилѣтняя и притомъ тяжелая и даже жестокая служба. Солдатъ наказывали розгами и гоняли сквозь строй шпицрутенами или палками [1]). Правда, указомъ императора Александра II, изданнымъ въ 1863 году, наказанія такого рода были отмѣнены «въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ». Но перспектива двадцатипятилѣтней службы за сотни, а нерѣдко и за тысячи верстъ отъ родного села или города, совершенно естественно приводила въ отчаяніе какъ рекрута, такъ и близкихъ ему людей. Попавшій въ рекруты могъ избавиться отъ службы, нанявъ за себя охотника или даже купивъ такъ называемую зачетную рекрутскую квитанцію. Но этимъ удобнымъ выходомъ могли пользоваться, конечно, только люди болѣе или менѣе обезпеченные. Такимъ образомъ всею своею тяжестью рекрутчина падала на бѣднѣйшихъ людей. По прошествіи 25-ти лѣтъ солдатъ получалъ отставку. Когда-то бодрый, молодой человѣкъ, покидавшій своихъ близкихъ, возвращался въ родное мѣсто слабымъ, хилымъ старикомъ, ни къ какой работѣ неспособнымъ. За эти 25 лѣтъ онъ становился чужимъ и для родныхъ, а нерѣдко находилъ только могилы тѣхъ, кто былъ ему близокъ, и совершенно разоренное хозяйство. И нерѣдко такой бѣднякъ пробивался въ послѣдніе годы своей безотрадной жизни подаяньемъ добрыхъ людей.

---

[1]) Осужденнаго заставляли проходить мимо строя, состоявшаго изъ 100—300 солдатъ; каждый изъ солдатъ билъ проходившаго по спинѣ прутомъ или палкою. Самое названіе шпицрутеновъ указываетъ на мѣсто ихъ происхожденія.

Императоръ Александръ II съ самаго своего вступленія на престолъ обратилъ свое вниманіе на безотрадное положеніе солдатъ и ихъ дѣтей, записывавшихся съ девятилѣтняго возраста въ кантонисты, обучавшихся затѣмъ въ школѣ и становившихся, въ свою очередь, солдатами. Въ 1856 году, въ видѣ особой милости, онъ пріостановилъ рекрутскіе наборы до 1860 года. Въ томъ же 1856 году онъ повелѣлъ исключить солдатскихъ дѣтей изъ военнаго сословія и приписать ихъ къ свободнымъ податнымъ сословіямъ. Въ 1859 году срокъ службы съ 25-ти лѣтъ былъ сокращенъ до 15-ти. Но величайшимъ изъ актовъ въ этой области была реформа 1-го января 1874 года.

Крупною новизною въ реформѣ государя было то, что воинская повинность была распространена и на остальныя сословія. «Защита престола и отечества, говорится въ манифестѣ,—есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности». Результатомъ такого положенія явился фактъ совмѣстнаго служенія въ рядахъ войска неграмотнаго крестьянина и молодого дворянина, окончившаго высшій курсъ наукъ. Такое совмѣстное служеніе, удовлетворяя чувству справедливости, приподнимало положеніе солдата и оказывало на простыхъ людей, поступавшихъ въ ряды войска, благотворное, развивающее вліяніе. Основное положеніе манифеста уничтожало старый обычай выставлять за себя охотника или скрываться за рекрутской квитанціей.

Старые рекрутскіе наборы замѣнилъ слѣдующій порядокъ. Ежегодно призывается къ вынутію жребія населеніе мужского пола, достигшее установленнаго закономъ или такъ наз. призывного возраста (20—21 г.). Нумеръ вынутаго жребія опредѣляетъ, пойдетъ ли данное лицо на дѣйствительную солдатскую службу или, освобождаясь отъ нея, будетъ записано въ ратники ополченія. Послѣдніе освобождаются отъ военной службы въ мирное время и призываются на таковую лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Лица, выслужившія срокъ дѣйствительной службы, увольняются въ з а п а с ъ, призываемый на дѣйствительную службу лишь въ случаѣ необходимости привести войска въ полный составъ. Время дѣйствительной службы опредѣлено въ 6 лѣтъ, при чемъ военному министру предоставлено право давать увольненіе и до полнаго истеченія срока. По окончаніи срока солдатъ отчисляется въ запасъ, въ которомъ остается въ продолженіе 9-ти лѣтъ; затѣмъ становится ратникомъ ополченія и совершенно освобождается по достиженіи сорокалѣтняго возраста. Во флотѣ дѣйствительная служба опредѣляется въ 7 лѣтъ, окончившій же ее числится еще 3 года въ запасѣ. Такимъ образомъ, благодаря реформѣ императора Александра II, двадцати-

лѣтній парень, покидающій свое родное село, возвращается домой двадцатишестилѣтнимъ мужчиной, полнымъ энергіи и силъ.

Если отмѣнено замѣщеніе призываемаго на службу лица охотникомъ, если уничтожены рекрутскія квитанціи, зато правительство допустило отсрочки по отбыванію воинской повинности и установило различныя льготы, выражающіяся при извѣстныхъ обстоятельствахъ или въ полномъ освобожденіи отъ воинской повинности вообще, или въ освобожденіи отъ дѣйствительной службы въ мирное время, или въ сокращеніи служебныхъ сроковъ. Освобождены отъ воинской повинности: священнослужители всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, а также православные псаломщики (на извѣстныхъ условіяхъ); льготные по семейному положенію перваго разряда (единственный способный къ труду сынъ при отцѣ неспособномъ къ труду или при матери-вдовѣ и др.) освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ на 15 лѣтъ; сроки дѣйствительной службы значительно сокращаются въ виду образовательнаго ценза даннаго лица и т. под. Лицамъ, обладающимъ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, предоставляется отбывать воинскую повинность въ качествѣ вольноопредѣляющихся. Несомнѣнно, что различныя льготы, обусловливаемыя степенью образованія, много способствовали развитію послѣдняго.

131. Экономическое развитіе Россіи. Въ царствованіе императора Александра II были произведены нѣкоторыя измѣненія и улучшенія въ области финансоваго управленія. Въ 1860 году были отмѣнены винные откупа. При существованіи послѣднихъ, откупщики, платя сравнительно незначительную сумму правительству за право торговать виномъ и пуская въ продажу спиртные напитки не надлежащей доброкачественности, богатѣли за счетъ казны и народа. Прежняя откупная система была замѣнена акцизнымъ сборомъ за право приготовленія и продажи крѣпкихъ напитковъ, приносившимъ правительству значительно большій доходъ по сравненію съ откупной системой. Въ 1862 году былъ установленъ новый порядокъ производства государственныхъ расходовъ, подъ наблюденіемъ и при повѣркѣ ихъ вновь образованными въ то время учрежденіями Государственнаго Контроля. Всѣ казенныя суммы, отпускавшіяся прежде на расходы отдѣльно по каждому вѣдомству, въ ихъ полное распоряженіе, были сосредоточены теперь въ министерствѣ финансовъ, дѣйствующемъ при посредствѣ своихъ кассъ или казначействъ. Эта новая система установила у насъ единство кассы.

Царствованіе Александра II замѣчательно развитіемъ обрабатывающей промышленности и торговли. Въ это время возникло множество фабрикъ и заводовъ по всѣмъ родамъ промышленности, а прежде существовавшіе значительно расширились и развили свое

производство. Много заботъ приложило правительство къ развитію какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. Для воспособленія промышленности и торговлѣ былъ учрежденъ государственный банкъ, а впослѣдствіи разрѣшено открытіе многихъ частныхъ банковъ и конторъ. Для той же цѣли, а равно и для оживленія сношеній, правительство съ замѣчательной энергіей принялось за проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Само правительство, не обладая достаточными средствами для исполненія задуманнаго предпріятія, обратилось къ частной предпріимчивости. Организовалось общество изъ русскихъ и иностранныхъ капиталистовъ, съ придворнымъ банкиромъ барономъ Штиглицомъ во главѣ. Этому обществу, называвшемуся Главнымъ Обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и было разрѣшено построеніе первой желѣзнодорожной сѣти, которая должна была соединить Петербургъ, Москву и Варшаву, главныя судоходныя рѣки (Днѣпръ и Волгу) и два порта на Черномъ (Ѳеодосія) и Балтійскомъ (Либава) моряхъ; всего на протяженіи 4,000 верстъ. Но Общество не оправдало возлагавшихся на него надеждъ и провело вмѣсто четырехъ лишь двѣ линіи: С.-Петербургско-Варшавскую съ вѣтвью до прусской границы и Московско-Нижегородскую и то лишь благодаря большимъ ссудамъ и пособіямъ изъ русской казны. Несомнѣнно, что неуспѣхъ предпріятія былъ вызванъ, кромѣ различныхъ злоупотребленій, и широтою задачи, и новизной самаго дѣла въ Россіи. Тогда правительство рѣшило, для болѣе успѣшнаго привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ Россію, выдавать разрѣшенія и концессіи на построеніе не цѣлой системы или сѣти желѣзныхъ дорогъ, а отдѣльныхъ линій или даже отдѣльныхъ участковъ ихъ. Въ то же время концессіонерамъ (т. е. лицамъ или обществамъ, получившимъ концессію) предлагались самыя выгодныя условія. Срокъ концессіи назначался весьма продолжительный — около 100 лѣтъ, правительство оставляло за собою право выкупа (напр. Московско-Севастопольской) линіи лишь 36 лѣтъ спустя послѣ учрежденія общества, самая стоимость дороги опредѣлялась очень высоко и т. под. Несмотря на эти и другія выгодныя условія, предполагаемыя компаніи не составлялись. Только съ 1868 года дѣло, задуманное правительствомъ, стало развиваться въ широкихъ размѣрахъ. Въ концессіонерахъ уже не было недостатка. Въ роли ихъ выступали лица всѣхъ званій и состояній, отъ высшихъ государственныхъ сановниковъ до подрядчиковъ, а также нѣкоторыя земства. Число соискателей концессій выросло до такихъ размѣровъ, что правительство перестало выдавать свои гарантіи (ручательство) всѣмъ линіямъ, не признаннымъ самыми необходимыми. Къ концу царствованія императора Александра II желѣзнодорожная сѣть въ Россіи простиралась на протяженіи свыше 20,000 верстъ, тогда

какъ первая попытка Главнаго Общества, имѣвшаго своею задачею линію только въ 4,000 верстъ, окончилась неудачей.

Одновременно съ постройкою желѣзныхъ дорогъ развивались и пароходные пути сообщенія. Еще до начала постройки желѣзнодорожной сѣти, въ 1856 году, было учреждено Русское Общество пароходства и торговли, первоначальною цѣлью котораго было возобновленіе пароходныхъ сообщеній между портами Чернаго и Азовскаго морей и развитіе внѣшней торговли нашего южнаго края. Въ короткое время Общество это, при дѣятельной поддержкѣ правительства, расширило кругъ своей дѣятельности. Его пароходныя линіи соединили русскіе черноморскіе порты съ важнѣйшими портами Европейской и Азіатской Турціи и Египта. Мало-по-малу основались другія пароходныя общества на всѣхъ принадлежащихъ намъ моряхъ и судоходныхъ рѣкахъ. Пароходныя сообщенія установились и за Уральскими горами — по всѣмъ главнымъ рѣкамъ Средней Азіи и Сибири до Амура и Уссури включительно.

Въ связи съ развитіемъ паровыхъ сообщеній шло расширеніе и усовершенствованіе естественныхъ водныхъ путей, углубленіе и расчистка рѣчныхъ руслъ, поддержаніе старыхъ и прорытіе новыхъ каналовъ. Не были забыты и шоссейныя дороги.

Согласно съ общимъ экономическимъ ростомъ Россіи развивались почтовое и телеграфное сообщенія. Въ началѣ царствованія императора Александра II почта и телеграфъ подлежали вѣдѣнію отдѣльныхъ учрежденій. Въ 1864 году почта и телеграфъ были переданы одному управленію. По мѣрѣ того, какъ Россія покрывалась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, на линіи послѣднихъ открывались почтовыя станціи, и одинъ за другимъ закрывались старые почтовые тракты, совершавшіе перевозку писемъ и посылокъ на почтовыхъ лошадяхъ. Зато внѣ желѣзнодорожныхъ сообщеній открывались почтовые тракты и станціи на старый образецъ, благодаря чему къ послѣднимъ годамъ царствованія императора Александра II почта стала обслуживать и самыя отдаленныя мѣстности, не исключая Туркестана и Амурской области. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство стало заключать почтовыя конвенціи непосредственно съ тѣми государствами, съ которыми вступало въ почтовыя сношенія, между тѣмъ какъ въ первые годы этого же царствованія почтовыя сношенія съ Франціей, Италіей, Швейцаріей и др. производились черезъ посредство прусскаго почтоваго управленія. Съ 1875 года Россія вступила во Всемірный почтовый союзъ, благодаря чему появилась возможность установить однообразную плату за нашу корреспонденцію, обращающуюся какъ внутри самой Россіи, такъ и въ предѣлахъ Всемірнаго союза. Въ началѣ царствованія императора Александра II у насъ имѣлось всего три телеграфныхъ линіи, удовлетворявшія

исключительно казеннымъ потребностямъ. Въ 1880 году русская телеграфная сѣть заняла первое мѣсто въ ряду телеграфовъ другихъ государствъ.

132. Успѣхи въ области просвѣщенія. Съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія императоръ Александръ II обратилъ особенное вниманіе на усиленіе просвѣщенія въ Россіи. До Александра II почти исключительнымъ вниманіемъ правительства въ этомъ отношеніи пользовались дѣти дворянъ и чиновниковъ и—въ силу необходимости—духовенства. Какъ и въ другихъ реформахъ императора, такъ и въ учебныхъ реформахъ въ основаніе былъ положенъ принципъ всесословности. Правительство поставило своею цѣлью предоставить лицамъ всѣхъ сословій возможность давать своимъ дѣтямъ болѣе или менѣе основательное образованіе за незначительную плату. Въ этихъ видахъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ 1856 году былъ учрежденъ Ученый Комитетъ, на который было возложено разсмотрѣніе программъ и учебныхъ руководствъ, а также принятіе мѣръ къ улучшенію учебной и воспитательной части.

Замѣчательнѣйшими фактами въ дѣлѣ просвѣщенія въ царствованіе Александра II были слѣдующіе.

Подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній на Западѣ императоръ Николай I ограничилъ комплектъ каждаго университета (въ 1849 году) незначительнымъ количествомъ въ 300 человѣкъ. Его преемникъ отмѣнилъ эту мѣру и установилъ неограниченность комплекта слушателей. Число университетовъ было увеличено (Новороссійскій, Варшавскій, Томскій). Въ 1863 году введенъ новый университетскій уставъ, даровавшій университетамъ автономію или самоуправленіе. Управленіе каждымъ университетомъ ввѣрялось коллегіи профессоровъ. Изъ нихъ же составлялся судъ надъ нарушителями порядка изъ числа слушателей. Всѣ должности были объявлены выборными, министру же было предоставлено лишь утвержденіе избранныхъ совѣтомъ профессоровъ лицъ. Реформа университетовъ была связана съ значительнымъ увеличеніемъ ассигнуемыхъ на ихъ содержаніе средствъ. Новый уставъ былъ введенъ во всѣхъ университетахъ, за исключеніемъ Дерптскаго.

Существенная реформа среднихъ учебныхъ заведеній была произведена уставомъ 1864 года. Гимназіи были раздѣлены на классическія и реальныя. Въ учебный курсъ первыхъ вводились оба древніе языка — латинскій и греческій, въ реальныхъ же гимназіяхъ преподавались въ большемъ объемѣ математика, естественная исторія, новые языки, рисованіе и черченіе. Окончившіе курсъ въ классическихъ гимназіяхъ принимались въ университеты, не подвергаясь испытаніямъ; свидѣтельства же объ окончаніи курса въ реальныхъ гимназіяхъ лишь принимались во вниманіе при поступленіи въ

высшія спеціальныя училища на основаніи ихъ уставовъ. Учрежденіе классическихъ или реальныхъ гимназій и прогимназій предоставлялось усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, который долженъ былъ сообразоваться съ мѣстными потребностями и съ имѣющимися въ его распоряженіи средствами. Въ 1871 году, въ министерство графа Толстого, былъ созданъ новый уставъ, представлявшій значительное видоизмѣненіе перваго. Графъ Толстой, ревностный сторонникъ классическаго образованія, счелъ необходимымъ ввести его у насъ во всей полнотѣ, такъ какъ признавалъ таковое единственно возможнымъ общимъ образованіемъ, отвергалъ всякій дуализмъ въ дѣлѣ просвѣщенія и не допускалъ мысли о томъ, чтобы естественныя науки имѣли общеобразовательное значеніе. Реальныя гимназіи онъ обрекалъ на уничтоженіе и предлагалъ замѣнить ихъ реальными училищами съ общеобразовательными и спеціальными классами. Въ особомъ присутствіи, организованномъ по вопросу объ учебной реформѣ, а также и въ Государственномъ Совѣтѣ графъ Толстой встрѣтилъ сильную оппозицію своему проекту. Ссылаясь на примѣръ Западной Европы, оппозиція отказывалась признавать общеобразовательное значеніе лишь за одними древними языками. Возражала оппозиція и противъ высказаннаго Толстымъ мнѣнія о томъ, что преподаваніе естественныхъ наукъ будетъ развивать въ ученикахъ самомнѣніе и содѣйствовать возникновенію превратныхъ воззрѣній. Ссылаясь на то, что матеріалистическія воззрѣнія XVIII вѣка особенно рѣзко проявились во Франціи въ періодъ существованія единой классической школы, представители оппозиціи заявили, что увлеченія русской молодежи различными фантастическими теоріями выросли именно въ виду отсутствія настоящимъ образомъ, правильно устроенныхъ реальныхъ школъ. Коренною ошибкою обѣихъ сторонъ было мнѣніе, что тѣ или другія науки могутъ быть вредными въ воспитательномъ отношеніи. Питая неограниченное довѣріе къ графу Толстому, императоръ Александръ II согласился съ мнѣніемъ послѣдняго, хотя на сторонѣ его стояло меньшинство. Въ 1872 году былъ утвержденъ уставъ реальныхъ училищъ на основаніяхъ, высказанныхъ графомъ Толстымъ.

Дѣломъ, навсегда неразрывно связаннымъ съ именемъ императора Александра II, было расширеніе женскаго образованія въ Россіи. До этого времени образованіе это почти составляло привилегію для дворянства и чиновничества. Систематическое образованіе давали одни институты, доступъ въ которые былъ закрытъ для дѣвицъ другихъ сословій. Въ царствованіе императора Александра II появились женскія гимназіи, основанныя на томъ же принципѣ всесословности. Тогда же былъ открытъ женщинамъ доступъ и къ высшему образованію. Сильно подвинулось впередъ въ это царство-

ваніе и военное образованіе, благодаря дѣятельности военнаго министра Милютина, просвѣщеннѣйшаго и даровитѣйшаго изъ сотрудниковъ императора Александра.

Въ 1872 году были преобразованы уѣздныя училища (числомъ 402). Они были названы городскими, такъ какъ назначеніе ихъ заключалось въ доставленіи начальнаго образованія дѣтямъ горожанъ всѣхъ сословій и сообщать ученикамъ, по мѣрѣ возможности, такія прикладныя знанія, которыя соотвѣтствовали бы нуждамъ мѣстнаго городского населенія. Для приготовленія учителей городскихъ училищъ было основано семь учительскихъ институтовъ.

Наконецъ, въ царствованіе императора Александра II было положено прочное основаніе собственно народному образованію, находившемуся ранѣе въ печальномъ состояніи. Въ 1864 году было издано Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Земства, которымъ было поручено дѣло народнаго образованія, много посодѣйствовали его развитію путемъ учрежденія начальныхъ народныхъ училищъ и сельскихъ школъ. Къ концу царствованія императора Александра II въ Россіи, не считая Кавказа, Финляндіи и Прибалтійскихъ губерній, насчитывалось уже болѣе 25,000 однихъ только народныхъ училищъ, съ числомъ учащихся болѣе милліона.

133. Польское возстаніе. Еще манифестомъ по случаю своего восшествія на престолъ императоръ Александръ II дозволилъ всѣмъ польскимъ эмигрантамъ, покинувшимъ родину послѣ неудачной революціи, вернуться въ свое отечество. Многіе отправленные въ ссылку получили прощеніе и вернулись на родину. Кромѣ возвращенія вольныхъ и невольныхъ эмигрантовъ, императоръ принялъ рядъ другихъ мѣръ, которыя значительно облегчили положеніе польскаго народа и смягчили суровость, бывшую естественнымъ послѣдствіемъ событій 1830—1831 гг. На умѣренную часть польскаго народа милости императора произвели самое благопріятное впечатлѣніе. Но крайняя партія оказалась непримиримой. Вмѣсто того, чтобы сознать ошибку прошлаго и содѣйствовать правительству въ его мирной работѣ надъ благосостояніемъ края, возвращенные эмигранты стали втайнѣ подготовлять новое возстаніе. Они разсчитывали на то, что подготовлявшаяся императоромъ освободительная реформа вызоветъ по всей Россіи такое грандіозное волненіе, на подавленіе котораго уйдутъ всѣ вооруженныя силы правительства. Съ другой стороны, какъ и въ 1830 году, польскіе патріоты вѣрили во вмѣшательство Европы въ русско-польскія отношенія и ждали отъ нея даже существенной поддержки. Въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ ловкіе агенты изъ польскихъ магнатовъ усердно подготовляли это вмѣшательство, стараясь тѣсно слить свои интересы съ интересами иностранныхъ державъ. И, дѣйствительно, имъ были даны обѣщанія поддержки и вмѣшательства.

Обнадеженные этими обѣщаніями, непримиримые элементы польской націи перешли отъ дѣйствій тайныхъ къ явнымъ. Главнымъ руководителемъ новаго движенія противъ Россіи былъ графъ Замойскій, состоявшій предсѣдателемъ Земледѣльческаго общества, которое было основано съ разрѣшенія правительства съ цѣлью улучшенія въ Царствѣ Польскомъ земледѣлія и промышленности. На самомъ же дѣлѣ общество это обратилось къ противоправительственной пропагандѣ. Пользуясь большими денежными средствами, разсчитывая на дворянство и духовенство, оно распространяло свои идеи путемъ школьнаго обученія и пропаганды книжекъ соотвѣтствующаго содержанія. Особенно много способствовали революціонному настроенію ксендзы, дѣйствовавшіе посредствомъ исповѣди. Наибольшее вліяніе они оказывали на женщинъ. Польки стали носить одежды чернаго цвѣта, являвшагося эмблемой траура по ойчизнѣ (т. е. по отечеству). Постепенно распространилось множество патріотическихъ пѣсенъ и гимновъ. Изъ послѣднихъ пользовался наибольшей популярностью одинъ: «О, Боже правый, возврати намъ отечество!» Независимо отъ обычныхъ богослуженій въ каждомъ изъ варшавскихъ костеловъ совершалось ежедневно одно, а иногда и нѣсколько такъ называемыхъ богослуженій за благоденствіе отчизны, а также за свободу, цѣлость и независимость отчизны, отъ имени разныхъ цеховъ, обществъ, сословій и корпорацій, между прочимъ, и отъ имени чиновниковъ всѣхъ управленій царства. Все это указывало на неизбѣжность и близость мятежа.

Наше правительство считало, на основаніи увѣреній хитраго маркиза Велепольскаго, всѣ эти антиправительственныя демонстраціи дѣломъ лишь одной немногочисленной партіи, а потому всячески старалось избѣгать такихъ случаевъ, которые могли бы вызвать столкновенія между войскомъ и народомъ. Правительство шло впередъ по пути милостей и уступокъ. Всѣ дѣла въ Польшѣ, касающіяся вѣры, народнаго образованія и юстиціи, были переданы имъ въ руки маркиза Велепольскаго. Но всѣ эти уступки считались у поляковъ признаками слабости. На намѣстника, генерала Лидерса, было сдѣлано покушеніе. Императоръ назначилъ тогда намѣстникомъ своего брата, великаго князя Константина Николаевича. Одинъ изъ сторонниковъ революціи покушался на жизнь великаго князя. Преступникъ былъ подвергнутъ законной казни, но ксендзы провозгласили его мученикомъ и отслужили по немъ торжественныя панихиды. Тогда великій князь обратился къ полякамъ съ воззваніемъ, но и послѣднее не подѣйствовало: желаемаго успокоенія края не наступило. Напротивъ того, организовался тайный комитетъ такъ называемаго «жонда народоваго» (т. е. народнаго правительства), который собиралъ въ свою пользу деньги, воспрещалъ платить госу-

дарственныя подати, а не исполнявшихъ этихъ распоряженій подвергалъ смертной казни. Съ этой цѣлью образовался даже особый отрядъ вѣшателей, члены котораго выслѣживали указанную жертву и предавали ее мучительной казни.

Поводомъ къ возстанію послужило правительственное распоряженіе о рекрутскомъ наборѣ во всемъ Царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и на Волыни. Наборъ не затрогивалъ крестьянъ, но касался только фабричныхъ и мѣщанъ. Правительству было извѣстно, что эти классы населенія принимали дѣятельное участіе въ различныхъ безпорядкахъ, и оно думало посредствомъ рекрутскаго набора удалить изъ края большинство мятежниковъ.

По приказанію жонда въ январѣ мѣсяцѣ 1863 года жители многихъ мѣстъ Царства Польскаго и Литвы напали ночью на спящихъ русскихъ солдатъ, но успѣли убить и ранить лишь незначительное количество ихъ. На всѣхъ пунктахъ мятежники были отражены и потерпѣли значительный уронъ.

Императоръ и послѣ всего случившагося думалъ подѣйствовать мѣрою кротости и обѣщалъ полную амнистію тѣмъ мятежнымъ шайкамъ, скрывавшимся въ лѣсахъ и ведшимъ партизанскую войну, которыя къ извѣстному сроку положатъ оружіе. Мѣра не подѣйствовала. Тогда правительство прибѣгло, наконецъ, къ крутымъ мѣрамъ. Намѣстникомъ въ Варшаву былъ назначенъ графъ Бергъ, а генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края—генералъ-адъютантъ Муравьевъ.

Въ то время, когда совершалось подавленіе польскаго мятежа, Англія, Франція и Австрія прислали въ Петербургъ одинаковаго содержанія предложенія съ заступничествомъ за поляковъ, съ указаніемъ на то, что русское правительство даже послѣ возстанія 1830—1831 годовъ не имѣло права обращаться съ Польшею, какъ съ завоеванною страною, и требованіемъ уступокъ Польшѣ. Князь Горчаковъ отвѣтилъ на эти требованія энергическими депешами. Не менѣе рѣшительно онъ отклонилъ идею о созывѣ конференціи державъ для обсужденія вопросовъ, касающихся внутренняго состоянія польскихъ областей. Опубликованіе переговоровъ Россіи съ державами, задумавшими вмѣшаться въ наши внутреннія дѣла, вызвало въ Россіи давно небывалый энтузіазмъ. Со всѣхъ сторонъ направились въ Петербургъ патріотическіе адресы, въ которыхъ всѣ сословія русскаго народа изъявляли готовность скорѣе умереть, чѣмъ быть игрушкою иноземцевъ, хотя бы пришлось воевать съ цѣлою Европой. Заключительный отвѣтъ нашего правительства возымѣлъ свое дѣйствіе. Державы отступились отъ своего намѣренія.

Въ 1864 году польское возстаніе было усмирено. Послѣ этого императоръ издалъ рядъ указовъ, значительно улучшившихъ поло-

женіе польскихъ крестьянъ, непричастныхъ къ мятежу, созданному интеллигенціей. Польскіе крестьяне были надѣлены землею, получили мірское самоуправленіе, освобождены навсегда отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ и т. под. Бывшее Царство Польское было раздѣлено на 10 губерній, во всемъ уравнено съ остальными частями имперіи и стало съ тѣхъ поръ называться Привислинскимъ краемъ.

134. Покореніе Кавказа. Въ годъ усмиренія польскаго мятежа было окончательно совершено покореніе Кавказа.

Предкавказье или земли, расположенныя къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта, уже съ давнихъ поръ были заселены нашими казаками. На рубежѣ двухъ столѣтій — XVIII и XIX-го — одно изъ главныхъ государствъ Закавказья, Грузинское царство, было завѣщано русскому императору своимъ послѣднимъ царемъ, Георгіемъ XII. Вслѣдъ за Грузіей одно за другимъ присоединялись къ Россіи и другія, болѣе мелкія государства Закавказья, такъ что въ первые годы XIX вѣка Россія обладала уже большею частью Закавказья. Такимъ образомъ Кавказскій хребетъ и съ сѣвера, и съ юга былъ опоясанъ нашими владѣніями. Завоеваніе его стало вслѣдствіе этого крупною политическою задачею русскаго правительства, тѣмъ болѣе, что воинственные горцы, населявшіе Кавказскій хребетъ, непрерывно вторгались въ наши Закавказскія владѣнія и опустошали ихъ.

Дика, величественна и безконечно разнообразна природа Кавказа. Дико, воинственно и разнообразно его населеніе. Съ первыхъ же лѣтъ XIX столѣтія началась упорная борьба русской арміи съ кавказскими племенами. Борьба эта затруднялась самою природою Кавказа, представляющею на каждомъ шагу часто трудно одолимыя препятствія: непроходимые лѣса, глубокія пропасти и ущелья, уходящія въ облака горы и отвѣсные утесы. Эта трудность борьбы съ кавказскими горцами увеличилась съ конца двадцатыхъ годовъ благодаря возникновенію и быстрому распространенію магометанской секты, ученіе которой извѣстно подъ именемъ мюридизма. Это ученіе предписывало своимъ послѣдователямъ безпрекословное повиновеніе высшему духовному лицу—имаму и непрерывную борьбу съ христіанами. Проникнутые фанатизмомъ, горцы почти поголовно поднялись на борьбу съ нами. То была ужасная партизанская война, въ которой постояннымъ союзникомъ горцевъ была сама природа. Прекрасно знакомые съ мѣстностью, они пользовались этимъ преимуществомъ, появлялись неожиданно для русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ было мало, и убивали ихъ. Высшаго расцвѣта достигли и отвага горцевъ, и ихъ фанатизмъ въ ту пору, когда во главѣ ихъ сталъ имамъ Шамиль, человѣкъ въ высшей степени энер-

гичный и талантливый. Онъ не довольствовался фанатической отвагой своихъ подданныхъ и тѣми преимуществами, которыя доставлялись самою природой, но привлекъ на помощь себѣ и искусство: завелъ пороховые и литейные заводы, настроилъ множество укрѣпленій. Тогда и русскіе стали, не довольствуясь случайными походами, вести противъ горцевъ систематическую войну. Наше правительство содержало на Кавказѣ 250,000 войска, но дѣло борьбы подвигалось впередъ очень медленно. Кавказская война представлялась дѣломъ столь необычайной трудности, что намѣреніе самого государя покончить съ нею энергичными мѣрами вызвало сомнѣніе со стороны намѣстника края Муравьева. Зато необыкновенно горячо отнесся къ этому намѣренію князь Барятинскій. Императоръ и назначилъ его на должность Кавказскаго намѣстника.

Зрѣло обдуманный планъ Барятинскаго заключался въ рѣшительномъ наступленіи на Шамиля, преимущественно со стороны Чечни, и въ одновременномъ стѣсненіи вокругъ него блокадной линіи. Подготовительною мѣрою къ осуществленію этого плана была прорубка широкихъ просѣкъ въ вѣковыхъ лѣсахъ, преграждавшихъ доступъ въ дебри Дагестана. Важнѣйшимъ фактомъ въ послѣдующей исторіи этой войны было взятіе въ 1859 году аула Веденя, бывшаго главной резиденціей Шамиля и средоточіемъ его власти. Послѣ этого одна побѣда быстро слѣдовала за другою. Всюду разбиваемый русскими войсками, Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ, крайнюю восточную область Кавказа, расположенную на берегу Каспійскаго моря. Русскія войска послѣдовали за нимъ и заставили его укрыться въ аулѣ Гунибъ, расположенномъ на высотахъ неприступной горы. Съ нимъ было нѣсколько сотъ отчаянныхъ мюридовъ. Въ приказѣ, обращенномъ къ кавказской арміи, Барятинскій писалъ: «Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край я призвалъ васъ на стяжаніе великой славы государю нашему, и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до глубины сердецъ вашихъ». Всего три дня спустя новый приказъ главнокомандующаго гласилъ слѣдующее: «Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну; поздравляю кавказскую армію».

По повелѣнію императора, плѣнный Шамиль и его семейство были отправлены въ Россію, гдѣ ему было указано мѣстопребываніе въ г. Калугѣ. По дорогѣ въ Калугу, въ Харьковѣ, состоялось свиданіе императора съ Шамилемъ, при чемъ послѣдній былъ растроганъ до глубины души тѣмъ ласковымъ пріемомъ, который былъ оказанъ ему государемъ.

Вѣсть о паденіи Гуниба и взятіи въ плѣнъ Шамиля произвела потрясающее впечатлѣніе на горцевъ: вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

Неутомимый намѣстникъ принялся послѣ этого за водвореніе русской власти и въ западной половинѣ Кавказа, для чего отправилъ туда одного изъ своихъ дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ, графа Евдокимова. Покореніе западнаго Кавказа совершилось уже при новомъ намѣстникѣ, братѣ государя, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Только въ 1864 году завершилась геройская борьба русскихъ войскъ на Кавказѣ, за его обладаніе, продолжавшаяся слишкомъ 60 лѣтъ.

135. Среднеазіатскія пріобрѣтенія. Успѣхи на Дальнемъ Востокѣ. Въ годъ окончательнаго покоренія Кавказа возобновилось поступательное движеніе Россіи въ глубь Средней Азіи, которое привело къ утвержденію русскаго владычества на обширныхъ пространствахъ, расположенныхъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, вплоть до вершинъ Тянь-Шаня и до подножія Гималайскаго хребта.

Систематическое движеніе русскихъ войскъ въ Среднюю Азію началось въ царствованіе императора Николая I. Въ 1847 году были построены наши передовыя укрѣпленія на р. Сыръ-Дарьѣ и въ Семирѣченскомъ краѣ, а въ 1853 году генералъ Перовскій взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную нами въ Перовскъ. Работы по укрѣпленію пограничной Сыръ-Дарьинской линіи продолжались, и въ слѣдующемъ году было воздвигнуто нами за р. Или укрѣпленіе, названное Вѣрнымъ.

Но граница наша соприкасалась здѣсь съ племенами, не знавшими правильной осѣдлой жизни и занимавшимися преимущественно разбоями и грабежами. Иногда эти полудикія племена вторгались въ наши предѣлы, но большею частью мѣшали своими хищническими нападеніями торговымъ караванамъ, направлявшимъ наши товары въ Персію и другія азіатскія владѣнія. Эти постоянные набѣги затрудняли нашу торговлю и нарушали покой нашихъ пограничныхъ странъ.

Такимъ образомъ, конечными военными пунктами русскаго господства въ Средней Азіи были фортъ Перовскій и укрѣпленіе Вѣрное. Императоръ Александръ II, по вступленіи на престолъ, призналъ необходимымъ соединить ихъ новою пограничною линіей, которая обезпечивала бы наши владѣнія отъ вторженій дикихъ кочевниковъ и отъ нападеній со стороны среднеазіатскихъ ханствъ—Хивы, Бухары и Кокана. Съ этою цѣлью въ 1864 году выступили на соединеніе два небольшихъ отряда: одинъ подъ начальствомъ Черняева, изъ Вѣрнаго, другой—изъ форта Перовскій, подъ начальствомъ Веревкина. Черняевъ взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Ауліе-Ату, Верев-

кинъ—городъ Туркестанъ, послѣ чего оба отряда поступили подъ начальство Черняева, который двинулся къ Чемкенту и взялъ его приступомъ. Цѣль экспедиціи была достигнута. Новая пограничная линія, получившая названіе Ново-Коканской, связала конечные пункты нашихъ владѣній на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и въ Закаспійскомъ краю. Черняевъ былъ назначенъ ея начальникомъ, съ подчиненіемъ генералъ-губернатору Западной Сибири.

„Положеніе Россіи въ Средней Азіи — писалъ въ своемъ циркулярѣ къ западно-европейскимъ державамъ князь Горчаковъ — одинаково съ положеніемъ всѣхъ образованныхъ государствъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ народами полудикими, бродячими, безъ твердой общественной организаціи. Въ подобномъ случаѣ интересы безопасности границъ и торговыхъ сношеній всегда требуютъ, чтобы болѣе образованное государство имѣло извѣстную власть надъ сосѣдями, которыхъ дикіе и буйные нравы дѣлаютъ весьма неудобными. Оно начинаетъ прежде всего съ обузданія набѣговъ и грабительствъ. Дабы положить имъ предѣлъ, оно бываетъ вынуждено привести сосѣдніе народы къ болѣе или менѣе близкому подчиненію. По достиженіи этого результата, эти послѣдніе пріобрѣтаютъ болѣе спокойныя привычки, но, въ свою очередь, они подвергаются нападеніямъ болѣе отдаленныхъ племенъ. Государство обязано защищать ихъ отъ этихъ грабительствъ и наказывать тѣхъ, кто ихъ совершаетъ. Отсюда необходимость далекихъ, продолжительнѣйшихъ, періодическихъ экспедицій противъ врага, котораго общественное устройство дѣлаетъ неуловимымъ. Если государство ограничится наказаніемъ хищниковъ и потомъ удалится, то урокъ скоро забудется; удаленіе будетъ приписано слабости; азіатскіе народы, по преимуществу, уважаютъ только видимую и осязательную силу; нравственная сила ума и интересовъ образованія еще нисколько не дѣйствуетъ на нихъ. Поэтому, работа должна начинаться постоянно снова. Чтобы быстро прекратить эти безпрестанные безпорядки, устраиваютъ среди враждебнаго населенія нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ; надъ нимъ проявляютъ власть, которая мало-по-малу приводитъ его къ болѣе или менѣе насильственному подчиненію. Но за этою второю миссіею, другіе, еще болѣе отдаленные народы скоро начинаютъ представлять такія же опасности и вызывать тѣ же мѣры обузданія. Такимъ образомъ, государство должно рѣшиться на что-нибудь одно: или отказаться отъ этой непрерывной работы и обречь свои границы на постоянныя неурядицы, дѣлающія невозможнымъ здѣсь благосостояніе, безопасность и просвѣщеніе, или же все болѣе и болѣе подвигаться въ глубь дикихъ странъ, гдѣ разстоянія съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ увеличиваютъ затрудненія и тягости, которымъ оно подвергается. Такова была участь всѣхъ государствъ, поставленныхъ въ тѣ же условія. Соединенные Штаты въ Америкѣ, Франція въ Африкѣ, Голландія въ своихъ колоніяхъ, Англія въ Остъ-Индіи, всѣ неизбѣжно увлекались на путь движенія впередъ, въ которомъ менѣе честолюбія, чѣмъ крайней необходимости, и гдѣ величайшая трудность состоитъ въ умѣніи остановиться“. Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ закончилъ циркуляръ увѣреніемъ, что Россія не намѣрена переступать за Чемкентъ, противорѣча этимъ увѣреніемъ своимъ собственнымъ словамъ.

Военныя дѣйствія, какъ и слѣдовало ожидать, не прекратились съ установленіемъ Ново-Коканской линіи. Устанавливая ее, русскіе

заняли цѣлую область, принадлежавшую Кокану. Ссылаясь на сосредоточеніе въ городѣ Ташкентѣ значительнаго количества коканскихъ силъ, угрожавшихъ нашимъ пріобрѣтеніямъ, и указывая на необходимость предупредить ихъ нападеніе, Черняевъ двинулся къ Ташкенту, разбилъ подъ его стѣнами многочисленное коканское войско и овладѣлъ городомъ. Это пораженіе усмирило коканскаго хана.

Тогда сосѣднее съ Коканомъ Бухарское ханство начало, въ свою очередь, проявлять по отношенію къ намъ враждебныя намѣренія и даже дѣйствія. Русскій отрядъ (въ 3,000 человѣкъ), подъ предводительствомъ Романовскаго, атаковалъ войско бухарскаго эмира, въ десять разъ превышавшее наши силы, и разбилъ его на голову. Эмиръ и жалкіе остатки его войска обратились въ бѣгство. Однако, пораженіе это еще не покончило съ войною. Между тѣмъ, въ 1867 году изъ всѣхъ земель, занятыхъ нами съ 1847 года въ киргизскихъ степяхъ и въ Коканскомъ ханствѣ, было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, съ Ташкентомъ во главѣ, какъ военно-административнымъ центромъ. Въ слѣдующемъ же году генералъ-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа фонъ-Кауфманъ вступилъ въ долину р. Зарявшана, разбилъ и разсѣялъ бухарскія полчища и овладѣлъ священнымъ городомъ Самаркандомъ—съ гробницею Тамерлана. Только тогда эмиръ бухарскій смирился окончательно и подписалъ продиктованныя ему условія мира. Онъ уступилъ намъ завоеванныя мѣстности и города, уплатилъ контрибуцію, предоставилъ, какъ и коканскій ханъ, свободу торговли нашимъ купцамъ и, сверхъ того, уничтожилъ въ своихъ владѣніяхъ рабство [1]). Бухара и Коканъ подчинились русскому вліянію. Изъ всѣхъ среднеазіатскихъ ханствъ одна только Хива оставалась враждебной Россіи. Хивинскій ханъ разсчитывалъ на полную безнаказанность, такъ какъ хивинскій оазисъ со всѣхъ сторонъ окруженъ песчаными и безводными пустынями. Увѣщанія, съ которыми наше правительство обращалось къ хивинскому хану, не помогали. Постоянные разбои, чинимые хивинцами, подстрекательства къ возмущенію подвластныхъ Россіи кочевниковъ, обложеніе налогами признавшихъ нашу власть киргизовъ, наконецъ—захватъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ въ неволю, таковы были причины, побудившія императора смирить хана силою. Въ Англію, гдѣ безпокойно и ревниво слѣдили за нашими успѣхами въ Средней Азіи, было отправлено заявленіе въ томъ смыслѣ, «что императоръ не

[1]) Такимъ образомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ русскому владычеству въ Средней Азіи было положено прочное начало. Новообразованное Туркестанское генералъ-губернаторство раздѣлялось на 2 области — Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую, съ придачею къ нимъ Зарявшанскаго округа и съ военно-административнымъ центромъ въ Ташкентѣ, служившимъ мѣстопребываніемъ главному начальнику края.

только вовсе не желаетъ завладѣть Хивой, но и далъ положительное приказаніе, дабы предупредить возможность этого завладѣнія, и что Кауфману посланы инструкціи, предписывающія наложить на хана такія условія, чтобы занятіе Хивы ни въ коемъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ».

Походъ въ Хиву (въ 1873 году) вызвалъ непритворное изумленіе всѣхъ современниковъ, не исключая и самихъ англичанъ, которые совершенно справедливо сравнивали хивинскую экспедицію съ походами Александра Македонскаго. Главнымъ предводителемъ нашихъ войскъ былъ фонъ-Кауфманъ. Преодолѣвъ страшныя трудности, глубокіе и зыбучіе пески, 45°-ную жару и отсутствіе воды, наши войска добрались до Хивы и взяли ее.

Бѣжавшій, было, ханъ былъ возвращенъ и возстановленъ на своемъ престолѣ. Затѣмъ ему было предложено освободить всѣхъ рабовъ, томившихся въ неволѣ въ его владѣніяхъ. Это требованіе было исполнено. По окончательному договору съ Россіей, хивинскій ханъ обязался уплатить ей контрибуцію, уступилъ часть своихъ владѣній и предоставилъ русскимъ купцамъ безпошлинную торговлю въ своихъ земляхъ.

Вспыхнувшее въ 1875 году въ Коканскомъ ханствѣ возстаніе и нежеланіе новаго хана признать условія, подписанныя низвергнутымъ ханомъ, побудили фонъ-Кауфмана совершить новый походъ противъ Кокана. Дѣло окончилось присоединеніемъ всего ханства къ нашимъ владѣніямъ подъ именемъ Ферганской области.

На Дальнемъ Востокѣ въ царствованіе Александра II произошли слѣдующія событія. Въ 1858 году, по Айгунскому договору съ Китаемъ, былъ уступленъ намъ богатый Приамурскій край, отданный въ правленіе царевны Софіи по Нерчинскому договору. На основаніи новаго трактата, заключеннаго съ Китаемъ въ 1860 году, мы пріобрѣли край Уссурійскій. За половину Сахалина, принадлежавшую японцамъ, мы уступили имъ группу Курильскихъ острововъ; такимъ образомъ весь Сахалинъ сталъ нашимъ достояніемъ. Расширяя свои владѣнія въ Азіи, русское правительство продало Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ принадлежавшую намъ сѣверо-западную часть Америки (въ 1867 году).

136. Освободительная русско-турецкая война. По окончаніи Восточной войны турецкое правительство обязалось передъ Европой не угнетать подвластныхъ ему христіанъ и уравнять ихъ въ правахъ съ мусульманами. Но, несмотря на эти обѣщанія, положеніе христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ не измѣнилось въ лучшую сторону. Различнаго рода притѣсненія вызвали наконецъ въ 1875 г. возстаніе славянъ, населявшихъ двѣ турецкія области— Боснію и Герцеговину. Въ слѣдующемъ году къ возставшимъ при-

соединились Черногорія и Сербія, объявившія войну турецкому султану. Эта борьба за свободу вызвала большое сочувствіе въ русскомъ обществѣ. Массами стекались туда различнаго рода пожертвованія и добровольцы изъ Россіи. Во главѣ сербской арміи сталъ русскій генералъ Черняевъ, отличившійся въ Туркестанѣ. Англія всячески старалась поддержать Турцію, снабжая ее не только деньгами и оружіемъ, но и предводителями. Несмотря на геройскую борьбу, сербы не выдержали, и только вмѣшательство императора Александра II помѣшало турецкимъ полчищамъ произвести надъ ними жестокую расправу. Между Сербіей и Турціей было заключено перемиріе. Но и послѣ этого турки продолжали неистовствовать: потушивъ начинающееся возстаніе болгаръ, они стали производить тамъ массовыя избіенія несчастнаго населенія. Напрасно извѣстный англійскій политическій дѣятель и писатель Гладстонъ горячо нападалъ на политику перваго министра Биконсфильда и взывалъ къ чувству человѣколюбія въ своей брошюрѣ «Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ». Англійское правительство не измѣнило своего отношенія къ Турціи.

Стремясь, во что бы то ни стало, помочь славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, не желая, однако, обнажать оружія, императоръ Александръ II надѣялся, что все обойдется одними дипломатическими переговорами. По его почину состоялась въ Константинополѣ конференція подъ предсѣдательствомъ нашего посла Игнатьева. Конференція эта, состоявшая изъ представителей великихъ европейскихъ державъ, должна была выработать извѣстныя требованія по отношенію къ султану. Требованія дипломатовъ обязывали султана провести рядъ такихъ реформъ, которыя измѣнили бы къ лучшему отношенія между Турціей и подвластными ей славянами. Подстрекаемая Англіей, Турція отклонила предложенныя ей требованія, послѣ чего война Россіи съ Турціей сдѣлалась неизбѣжной.

Императоръ подписалъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи въ Кишиневѣ, гдѣ была расположена главная квартира нашей арміи, 12 апрѣля 1877 года. По его повелѣнію манифестъ былъ прочтенъ передъ фронтомъ войскъ однимъ изъ епископовъ. Въ манифестѣ излагался весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предпринятыхъ ради улучшенія участи православнаго населенія Балканскаго полуострова и встрѣтившихъ со стороны султана отказъ. «Исчерпавъ до конца миролюбіе наше,—такъ заканчивался манифестъ,—мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глу-

боко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступаетъ время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія [1]). Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ это нужнымъ, и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска наши, мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи».

Война, предпринятая Александромъ II во имя высокой цѣли, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ (1877 — 1878). По объявленіи войны русскія войска вступили одновременно въ предѣлы Балканскго полуострова и азіатскихъ владѣній Турціи.

Нашъ кавказскій корпусъ, подъ предводительствомъ кавказскаго намѣстника, великаго князя Михаила Николаевича, вступилъ въ предѣлы Азіатской Турціи въ самый день объявленія войны. Въ самомъ непродолжительномъ времени мы заняли здѣсь крѣпость Баязетъ, обложили знаменитый Карсъ и овладѣли штурмомъ крѣпостью Ардаганомъ.

Начало войны ознаменовалось и блестящими успѣхами нашего флота. Намѣреваясь помѣшать переправѣ нашей арміи черезъ Дунай, турки ввели въ него нѣсколько броненосцевъ. Намъ, не имѣвшимъ на Дунаѣ ни одного большого судна, приходилось считаться съ этимъ серьезнымъ препятствіемъ. Моряки достойно выполняли свою задачу. Особенно прославился подвигъ двухъ лейтенантовъ — Дубасова и Шестакова. Приблизившись на своихъ миноносныхъ лодкахъ къ одному изъ непріятельскихъ броненосцевъ, они взорвали его на воздухъ. Работа нашихъ моряковъ значительно облегчила намъ переправу черезъ Дунай.

Дунайская армія, предводимая братомъ государя, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, перебралась за Дунай, потерявъ всего около 1000 человѣкъ. Послѣ переправы началось, было, обычное въ нашихъ войскахъ съ турками явленіе: одинъ городъ за другими, одна крѣпость за другою стали переходить въ наши руки. Но скоро произошло нѣчто непредвидѣнное. Когда передовой отрядъ нашихъ войскъ, руководимый генераломъ Гурко, уже добрался до самыхъ Балканъ и овладѣлъ Шипкинскимъ переваломъ,

---

[1]) Слова, на которыя намекаетъ манифестъ, были сказаны императоромъ Александромъ II въ Кремлевскомъ дворцѣ 30 октября 1876 года при пріемѣ московскаго дворянства и купеческаго общества. Приводимъ слѣдующія строки изъ рѣчи, сказанной государемъ: „Я знаю, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и происхожденію, но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь“.

дальнѣйшее движеніе нашихъ остальныхъ войскъ было остановлено: талантливый турецкій полководецъ Османъ-паша завладѣлъ незначительнымъ болгарскимъ городкомъ Плевной и въ какихъ-нибудь нѣсколько дней превратилъ ее въ неприступную позицію. Другой большой турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, сосредоточился на южныхъ склонахъ Балканъ и предпринялъ рядъ штурмовъ, чтобы отнять у насъ Шипкинскій проходъ. Главныя же турецкія силы, предводительствуемыя Мегметомъ-Али, замкнулись въ знаменитомъ четыреугольникѣ крѣпостей — Рущука, Силистріи, Варны и Шумлы — и серьезно угрожали нашему лѣвому флангу. При такихъ условіяхъ приходилось отказаться отъ быстраго движенія впередъ и сосредоточить все свое вниманіе на взятіи Плевны. Три отчаянныхъ атаки, произведенныя нами на Плевну, были мужественно отбиты Османомъ-пашою, съ большими уронами для насъ. Наши неудачи подъ Плевной чувствовались еще сильнѣе при сознаніи той страшной опасности, которая грозила горсти храбрецовъ, завладѣвшихъ Шипкинскимъ переваломъ и отовсюду окруженныхъ храбрымъ врагами. Императоръ прибѣгнулъ къ рѣшительному средству. Изъ Петербурга и Варшавы были вызваны на подмогу полки гвардейскаго корпуса, былъ призванъ славный генералъ Тотлебенъ, герой Севастопольской обороны. Помогала намъ въ борьбѣ за Плевну и небольшая румынская армія, предводимая своимъ княземъ Карломъ Гогенцоллерномъ. Изъ нашихъ генераловъ, здѣсь дѣйствовавшихъ, проявилъ особенную отвагу и способности молодой генералъ Скобелевъ. Находясь постоянно впереди своихъ солдатъ, на бѣломъ конѣ и въ бѣломъ китель, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе и турокъ, прозвавшихъ его бѣлымъ генераломъ. Такъ какъ атаки Плевны обходились намъ въ слишкомъ дорогую цѣну, рѣшено было взять ее осадою. Осадными работами мастерски руководилъ Тотлебенъ. Между тѣмъ, наши гвардейцы, руководимые генераломъ Гурко, взяли рядъ турецкихъ укрѣпленій, сторожившихъ дорогу, по которой осажденные въ Плевнѣ турки получали для себя все необходимое (Горный Дубнякъ, Телишъ и друг.). Когда у осажденныхъ вышли всѣ съѣстные припасы, Османъ-паша отчаянно бросился на наши войска, чтобы сквозь нихъ пробить себѣ дорогу къ выходу. Но битва эта кончилась полнымъ пораженіемъ турокъ. Османъ-паша былъ вынужденъ сдаться въ плѣнъ со всею своею арміей.

Въ то же время и наша кавказская армія пережила періодъ неудачъ. Она была вынуждена снять осаду Карса. Въ виду угрожающихъ намѣреній Мухтара-паши, пришлось усилить подкрѣпленіями и кавказскую армію. Только послѣ этого наши войска перешли въ наступленіе. Отрадное впечатлѣніе произвело взятіе

Карса отрядомъ, предводимымъ Лорисъ-Меликовымъ. Паденіе Карса всегда знаменовало близость мира.

Наиболѣе геройскимъ дѣломъ на европейскомъ театрѣ войны послѣ паденія Плевны былъ переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканы, изумившій даже опытныхъ знатоковъ военнаго дѣла на Западѣ (напр. графа Мольтке).

Взятіе Карса и обложеніе Эрзерума на азіатскомъ театрѣ войны, занятіе Адріанополя, второй турецкой столицы, и неуклонное движеніе нашихъ войскъ къ самому Константинополю побудили султана Абдулъ-Гамида просить о мирѣ.

Спустя мѣсяцъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, въ достопамятный день 19 февраля въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано (всего въ 10 верстахъ отъ Константинополя), до котораго дошли наши побѣдоносныя войска, былъ заключенъ мирный договоръ. Никогда во время предшествующихъ войнъ съ турками наши войска не заходили такъ далеко. Казалось, возвращались времена Олега...

Европейскія державы, и болѣе всѣхъ Англія, испугались чрезмѣрнаго усиленія Россіи, считая условія Санъ-Стефанскаго договора слишкомъ выгодными для нея. Не рискуя вступать въ новую войну, въ которой намъ пришлось бы имѣть противъ себя не только Англію, но и Австрію, государь согласился передать предварительный Санъ-Стефанскій договоръ на разсмотрѣніе европейскихъ державъ. Онъ былъ разсмотрѣнъ и урѣзанъ на Берлинскомъ конгрессѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ князь Бисмаркъ. По Санъ-Стефанскому договору Турція признала полную независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи, при значительномъ увеличеніи двухъ первыхъ, дала свое согласіе на образованіе вассальнаго Болгарскаго княжества съ границами отъ Дуная до Архипелага, на реформы въ Босніи и Герцеговинѣ. Сверхъ того, она уступила Россіи ту часть Бессарабіи, которая была отторгнута отъ ея владѣній по Парижскому миру, закончившему Крымскую войну, отказалась въ нашу пользу отъ территоріи съ портомъ Батумомъ и крѣпостями Карсомъ и Баязетомъ, а также обязалась уплатить денежную контрибуцію. На Берлинскомъ конгрессѣ были сдѣланы слѣдующія измѣненія. Болгарія раздѣлена на вассальное Болгарское княжество (между Дунаемъ и Балканами) и Восточную Румелію, которая должна была оставаться провинціей Турецкой имперіи, но получала автономію и христіанскаго генералъ-губернатора. Границы Сербіи и Черногоріи были значительно сокращены, а Боснія съ Герцеговиной переданы во временную оккупацію Австро-Венгріи. Баязетъ былъ исключенъ изъ владѣній, уступленныхъ Россіи Турціей, а Батумъ превращался въ свободный, исключительно торговый портъ (портофранко). Султану было предложено, кромѣ того, усту-

нить Ѳессалію и часть Эпира Греческому королевству. Англія сдѣлала все, чтобы парализовать преобладаніе Россіи въ сферѣ Восточнаго вопроса.

137. Кончина императора Александра II. Подобно многимъ другимъ направленіямъ и ученіямъ, проникли къ намъ изъ Западной Европы и различныя антигосударственныя теоріи. Сторонники ихъ стали выдвигать въ качествѣ активныхъ дѣятелей рядъ фанатиковъ, готовыхъ пожертвовать собою ради такого дѣла, которое могло бы разстроить и уничтожить въ Россіи порядокъ, созданный ея историческимъ прошлымъ. Взрывъ, произведенный въ началѣ 1880 года въ Зимнемъ дворцѣ, разсчитанный на вѣрную гибель государя и его семьи, но не достигшій цѣли благодаря только счастливой случайности, побудилъ правительство поднять вопросъ о рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣрахъ для борьбы съ крамолою. Рѣшено было учредить «Верховную слѣдственную коммиссію» съ обширными полномочіями, которыя не ограничивались бы тою или иною мѣстностью, но распространялись бы на всю государственную территорію. Во главѣ ея былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Объявляя о новомъ учрежденіи и своемъ назначеніи жителямъ столицы, Лорисъ-Меликовъ обѣщалъ «приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы съ одной стороны не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой — успокоить и оградить интересы его здравомыслящей части». «На поддержку общества—говорилъ Лорисъ-Меликовъ — смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самаго общества». Въ связи съ дѣятельностью коммиссіи стояли нѣкоторыя перемѣны въ составѣ правящаго класса, а также производство ревизій въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Постепенно Лорисъ-Меликовъ пришелъ къ мысли, что полезнымъ и даже необходимымъ средствомъ для борьбы съ крамолою было бы призваніе общества къ участію въ разработкѣ правительственныхъ мѣропріятій. Но несмотря на это члены террористическихъ обществъ собрались въ Петербургѣ и стали готовить новое покушеніе на жизнь императора, открытое только благодаря счастливой случайности. Тѣмъ не менѣе въ скоромъ времени они достигли наконецъ своей преступной и безумной цѣли. Освободитель крѣпостныхъ крестьянъ, даровавшій Россіи рядъ благотворныхъ для ея развитія реформъ, погибъ отъ руки убійцы 1 марта 1881 года.

Утромъ этого рокового въ исторіи Россіи дня императоръ Александръ II былъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. Лица, взявшія на себя исполненіе

преступнаго плана, уже стояли по предполагаемому пути императора, но разочаровались въ своей надеждѣ, такъ какъ государь проѣхалъ въ манежъ другимъ путемъ. По окончаніи развода государь отправился въ Михайловскій дворецъ [1]), гдѣ посѣтилъ великую княгиню Екатерину Михаиловну. Сообразивъ, что государь вернется въ Зимній дворецъ той же дорогой, т. е. вдоль Екатерининскаго канала, преступники поджидали его возвращенія. Въ третьемъ часу дня императорская карета отъѣхала отъ Михайловскаго дворца и быстро покатила по набережной Екатерининскаго канала. Тогда первый изъ преступниковъ бросилъ бомбу, но въ тотъ моментъ, когда карета уже проѣхала мимо него. Послѣдовалъ страшный взрывъ. Упало нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ были одинъ изъ казаковъ конвоя и мастеровой мальчикъ, получившіе тяжелыя раны. Государь приказалъ кучеру остановить карету и, выйдя изъ нея, направился къ мѣсту взрыва. Здѣсь уже собралась толпа. Получивъ отъ преступника, схваченнаго ею, утвердительный отвѣтъ на вопросъ, онъ ли былъ виновникомъ взрыва, императоръ пошелъ къ своей каретѣ. Въ это время второй преступникъ бросилъ бомбу подъ самыя ноги государя. Когда разсѣялся дымъ отъ взрыва, взорамъ присутствовавшихъ представилась страшная картина. Императора, вскорѣ потерявшаго сознаніе, отвезли въ Зимній дворецъ, гдѣ онъ и скончался, въ присутствіи цесаревича, цесаревны и другихъ членовъ царской фамиліи.

Императора Александра II не стало въ то время, когда онъ окончательно остановился на мысли объ учрежденіи въ Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ коммиссій, работы которыхъ поступили бы на разсмотрѣніе собранія, гдѣ должны были принять участіе представители земствъ и нѣкоторыхъ большихъ городовъ [2]).

Общій обзоръ царствованія императора Александра III.

(1881—1894).

Великая реформа 19 февраля 1861 года не могла быть завершена полностью въ царствованіе императора Александра II. Она поставила такіе вопросы и имѣла такія послѣдствія, съ которыми поневолѣ приходилось считаться преемнику Александра II, его сыну, императору Александру III. Обѣ стороны, прикосновенныя къ ней— и дворяне, и крестьяне — нуждались въ извѣстныхъ облегченіяхъ и въ указаніяхъ пути къ выходу изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

---

[1]) Нынѣ — музей императора Александра III.

[2]) Обращаемъ вниманіе на обширный трудъ С. С. Татищева „Императоръ Александръ II“ и на сборники отдѣльныхъ очерковъ „Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“ и „Главные дѣятели судебной реформы“, иллюстрированные портретами главнѣйшихъ сотрудниковъ Царя-Освободителя.

Конечно, въ гораздо большихъ заботахъ со стороны правительства нуждалась сторона слабѣйшая, т. е. крестьяне, не имѣвшіе тѣхъ возможностей улучшить свое положеніе, какими обладали дворяне—помѣщики. Со времени подписанія манифеста 19 февраля до вступленія на престолъ Александра III прошло 20 лѣтъ. Между тѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, особенно не обладающихъ благопріятной для земледѣлія почвой, существовало не мало крестьянъ, которые еще продолжали отбывать различныя повинности въ пользу своихъ помѣщиковъ, еще не вышли изъ положенія временно-обязанныхъ. На основаніи закона, изданнаго въ концѣ 1881 года, во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ былъ произведенъ правительствомъ обязательный выкупъ. Въ виду того обстоятельства, что размѣръ выкупныхъ платежей не соотвѣтствовалъ доходности выкупаемыхъ надѣловъ, превышая стоимость послѣднихъ, правительство понизило размѣры выкупныхъ платежей. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе обращалъ на себя вниманіе правительства фактъ перехода крестьянскихъ надѣловъ въ другія руки, что, при дальнѣйшемъ развитіи, грозило обезземеленіемъ крестьянства. Правительство выступило на борьбу съ этимъ явленіемъ, стѣсняя права крестьянъ по распоряженію своими надѣлами, запрещая имъ закладывать свои надѣлы и допуская отчужденіе ихъ лишь въ пользу членовъ даннаго крестьянскаго общества. Такъ какъ крестьяне прибѣгали къ закладу и отчужденію своихъ надѣловъ, въ виду недостаточности послѣднихъ, подъ давленіемъ тяжелыхъ экономическихъ условій, правительство должно было способствовать пріобрѣтенію крестьянами новыхъ земельныхъ участковъ, для чего и учредило (въ 1882 году) Крестьянскій земельный банкъ. Этотъ банкъ открылъ крестьянамъ долгосрочный кредитъ для пріобрѣтенія новыхъ земельныхъ участковъ. Всѣ эти и другія, имъ подобныя законоположенія, въ сущности, только намѣчали пути, которыми должна была слѣдовать законодательная власть по отношенію къ крестьянамъ, и правительству попрежнему открывается въ будущемъ обширное поле дѣятельности въ этомъ направленіи, — въ дѣлѣ улучшенія экономическихъ и культурныхъ условій крестьянства.

Очень много сдѣлалъ императоръ Александръ III для улучшенія положенія дворянъ-помѣщиковъ. Въ дворянской сферѣ наблюдалось то же явленіе, что и въ средѣ крестьянъ: дворянскія земли быстро переходили въ другія руки. Думая остановить дальнѣйшее развитіе этого явленія, правительство учредило (въ 1885 году) Дворянскій банкъ и предоставило дворянамъ весьма выгодныя условія по его операціямъ. Въ теченіе только 3 — 4 лѣтъ со времени учрежденія Дворянскаго банка было выдано дворянамъ болѣе 1,500 ссудъ на сумму около 40.000,000 рублей. Кромѣ того,

правительство прибѣгло и къ другимъ мѣрамъ, долженствовавшимъ поднять благополучіе дворянства. Но послѣднему много вредила наслѣдственная привычка къ крѣпостному труду, плодами котораго оно пользовалось до реформы 19 февраля 1861 года. Эта реформа со своими серьезными послѣдствіями поставила весьма многихъ дворянъ лицомъ къ лицу съ жизнью, потребовала отъ нихъ извѣстной иниціативы и личнаго труда, къ которому далеко не всѣ были способны.

Отступленіе отъ политики предшествовавшаго царствованія выразилось въ ограниченіи правоспособности земскихъ и городскихъ установленій и въ учрежденіи института земскихъ участковыхъ начальниковъ (въ 1889 году), соединившихъ въ своихъ рукахъ власть судебную съ административной. Новый органъ власти былъ созданъ съ цѣлью возстановленія дисциплины среди крестьянства и предоставленія землевладѣльцамъ извѣстной защиты, дающей имъ возможность «спокойно жить въ своихъ деревняхъ».

Изъ другихъ явленій внутренней дѣятельности правительства въ царствованіе Александра III обращаетъ на себя вниманіе состояніе нашихъ финансовъ. Сильно потрясенные Восточной войною 1853 — 1856 годовъ, наши финансы приходили въ царствованіе Александра II все въ худшее и худшее состояніе. Крупные бюджетные дефициты сдѣлались постояннымъ, ежегоднымъ явленіемъ. Строгой экономіей въ расходахъ императору Александру III удалось возстановить бюджетное равновѣсіе, а затѣмъ добиться ежегодныхъ избытковъ доходовъ надъ расходами. Поднялся сильно упавшій курсъ рубля, повысился курсъ, съ большимъ успѣхомъ были проведены конверсіи процентныхъ бумагъ, а возстановленный кредитъ далъ возможность производить съ успѣхомъ новые займы на различныя государственныя потребности.

Изъ мѣропріятій, направленныхъ къ развитію финансово-экономическаго благосостоянія Россіи, обращаютъ на себя вниманіе дальнѣйшее развитіе желѣзнодорожной сѣти (наиболѣе замѣчательнымъ дѣломъ въ этомъ отношеніи было положеніе начала Великому Сибирскому желѣзнодорожному пути) и покровительство торгово-промышленной дѣятельности.

Въ общемъ, направленіе внутренней политики минувшаго царствованія было строго консервативнымъ и національнымъ.

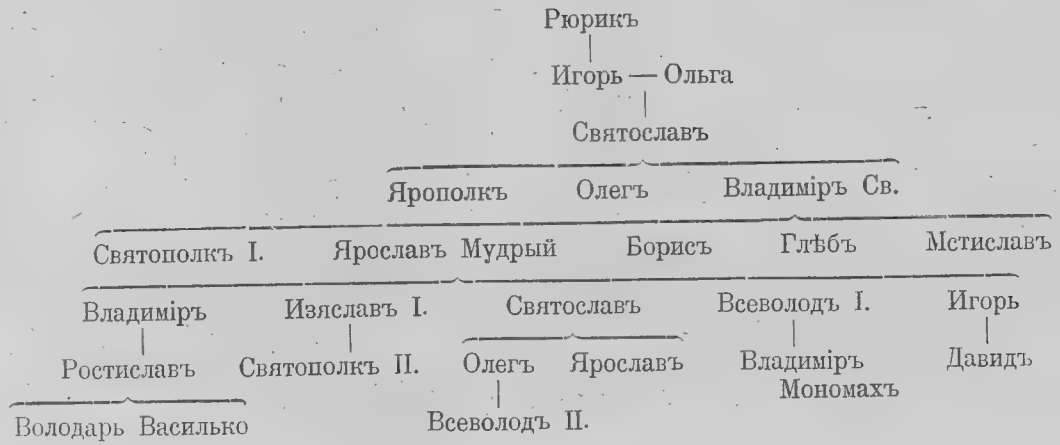
Замѣчательною твердостью и рѣдкимъ миролюбіемъ отличалась внѣшняя политика императора Александра III. Государь былъ искреннимъ сторонникомъ мира. Онъ не только охранилъ Россію отъ ужасовъ и печальныхъ послѣдствій войнъ, но спасалъ отъ войны и Европу. Европа впервые, благодаря императору Александру III, повѣрила русскому миролюбію. Лично не любя войны, не стремясь

къ пріобрѣтеніямъ, къ увеличенію и безъ того громадной территоріи своего государства, Александръ III, однако, значительно увеличилъ послѣднюю и притомъ безъ всякой войны, такъ какъ побѣда, одержанная генераломъ Комаровымъ надъ афганцами при р. Кушкѣ, была совершенно случайнымъ, совершенно непредвидѣннымъ столкновеніемъ. Эта блестящая побѣда вызвала мирное подчиненіе Россіи туркменъ Мерва и повліяла на дальнѣйшее расширеніе русскихъ среднеазіатскихъ владѣній до самаго Афганистана. Въ настоящее время пограничная линія со стороны Афганистана простирается между рѣками Аму-Дарьей и Мургабомъ. На громадномъ пространствѣ, присоединенномъ къ русскимъ владѣніямъ, проведена желѣзная дорога, соединяющая восточное побережье Каспійскаго моря съ центромъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, Самаркандомъ и рѣкою Аму-Дарьей.

По смерти императора Александра III вступилъ на престолъ нынѣ царствующій сынъ его, Государь Императоръ Николай II Александровичъ. Актомъ первостепеннаго значенія, совершившимся въ настоящее царствованіе, является учрежденіе Государственной Думы (на основаніи манифеста 17 октября 1905 г.). Послѣдняя статья манифеста, учреждающаго Думу, заключаетъ въ себѣ слѣдующія знаменательныя слова: «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей».

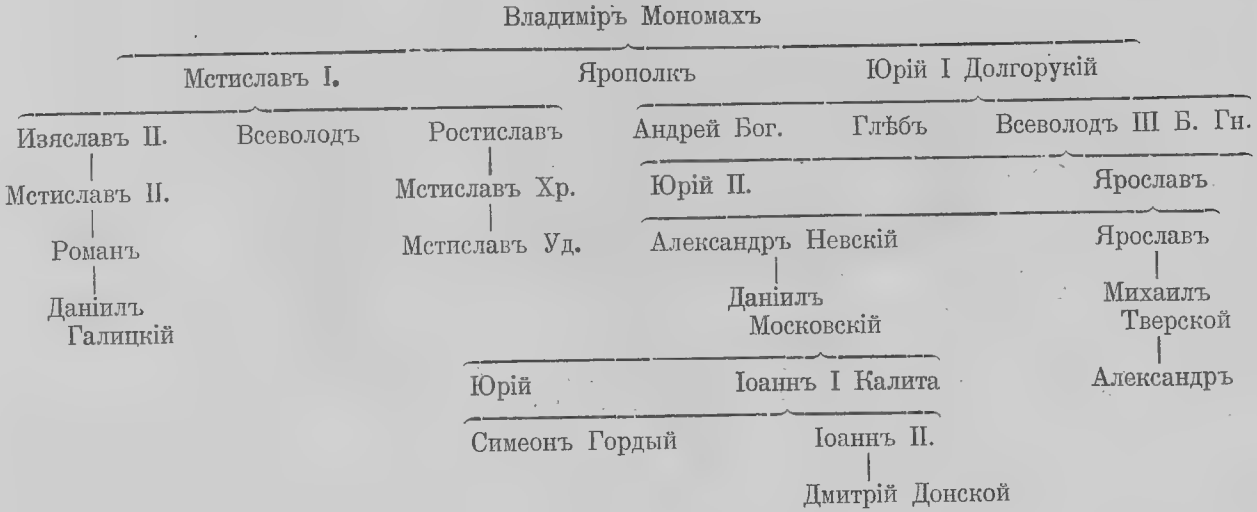
РОДОСЛОВНЫЯ ТАБЛИЦЫ.

Табл. № 1.

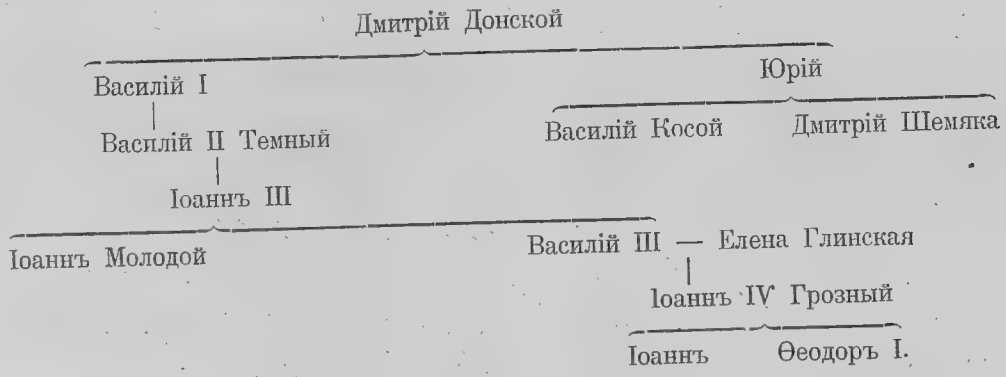


См. табл. № 2.

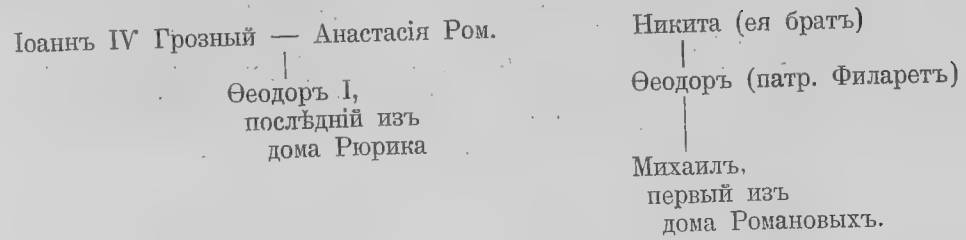
Табл. № 2.



См. табл. № 3.

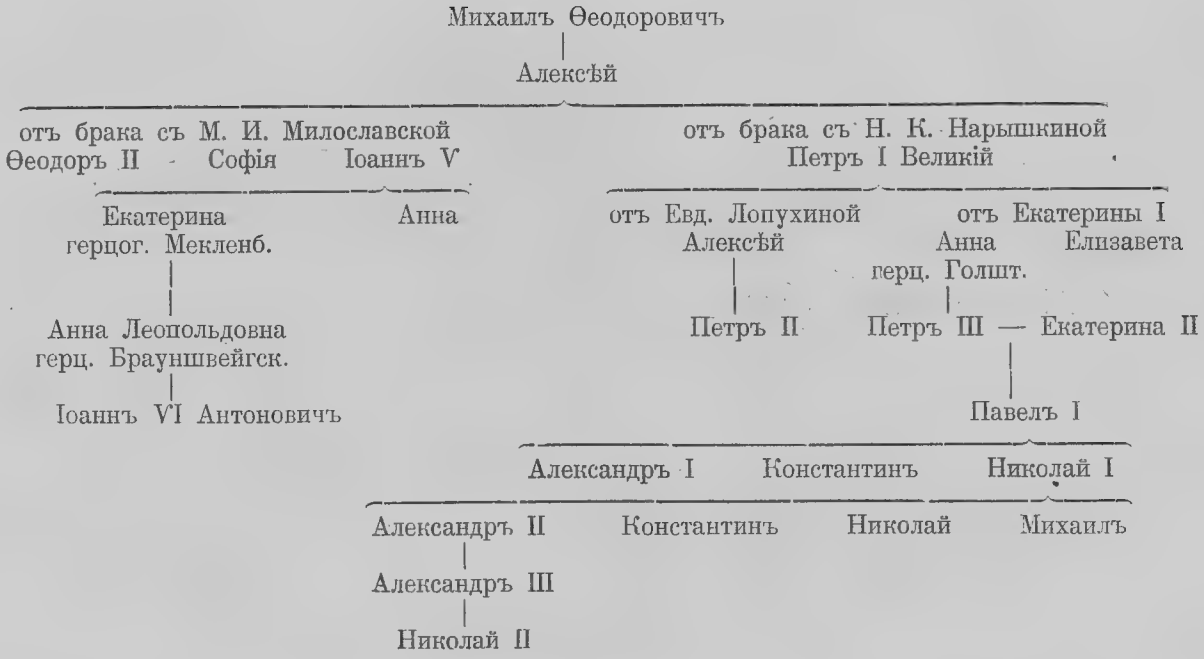


Примѣчаніе: связь между династіями Романовыхъ и Рюрика.



См. табл. № 4.

Табл. № 4.


Михаилъ Ѳеодоровичъ
Алексѣй
отъ брака съ М. И. Милославской
Ѳеодоръ II
Софія
Іоаннъ V
отъ брака съ Н. К. Нарышкиной
Петръ I Великій
Екатерина
герцог. Мекленб.
Анна
Анна Леопольдовна
герц. Брауншвейгск.
Іоаннъ VI Антоновичъ
отъ Евд. Лопухиной
Алексѣй
Петръ II
отъ Екатерины I
Анна
Елизавета
герц. Голшт.
Петръ III — Екатерина II
Павелъ I
Александръ I
Константинъ
Николай I
Александръ II
Константинъ
Николай
Михаилъ
Александръ III
Николай II

Хронологическая таблица.

862.	Призваніе князей.
912.	Договоръ Олега съ греками.
957.	Путешествіе св. Ольги въ Царьградъ.
988.	Крещеніе кіевлянъ.
1015.	Кончина св. Владиміра.
1019—1054.	Великое княженіе Ярослава Мудраго.
1051.	Основаніе Кіево-Печерской лавры.
1056—1057.	Остромирово Евангеліе.
1097.	Княжескій съѣздъ въ г. Любечѣ.
1100.	Княжескій съѣздъ въ Витичевѣ.
1113—1125.	Великое княженіе Владиміра Мономаха.
1169.	Взятіе и разграбленіе Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.
1174.	Убіеніе Андрея Боголюбскаго.
1176.	Упоминаніе о Москвѣ, какъ о городѣ, въ Ипатьевской лѣтописи.
1176—1212.	Великое княженіе Всеволода III.
1201.	Основаніе Риги ливонскими рыцарями.
1223.	Первое татарское нашествіе.
1237—1240.	Батыево разореніе.
1240.	Побѣда св. Александра Невскаго надъ шведами.
1242.	Побѣда св. Александра Невскаго надъ ливонскими рыцарями.
1252—1263.	Великое княженіе св. Александра Невскаго.
1264.	Кончина Даніила Романовича Галицкаго.
1316—1341.	Гедиминъ.
1328—1341.	Великое княженіе Іоанна I Калиты.
1341—1353.	Симеонъ Гордый.
1353—1359.	Іоаннъ II, „кроткій, тихій и милостивый“.
1377.	Смерть Ольгерда.
1363—1389.	Дмитрій Донской.
1378.	Побѣда надъ татарами на берегахъ р. Вожи.
1380.	Куликовская побѣда (8 сентября).
1386.	Первая унія Литвы и Западной Руси съ Польшей. Крещеніе Литвы.
1389—1425.	Василій I.
1399.	Побѣда Эдигея надъ Витовтомъ.
1410.	Пораженіе тевтонскихъ рыцарей при Танненбергѣ.
1430.	Кончина Витовта.
1425—1462.	Василій II Темный.
1462—1505.	Іоаннъ III.
1471.	Первый походъ Іоанна III на Новгородъ.
1478.	Окончательное паденіе Великаго Новгорода.
1480.	Прекращеніе ига.
1485.	Покореніе Тверского княжества.
1497.	Судебникъ Іоанна III.
1505—1533.	Василій III.
1510.	Паденіе Пскова.
1520.	Окончательное присоединеніе Рязанскаго княжества.
1533—1584.	Царствованіе Іоанна IV Грознаго.
1533—1538.	Правленіе Елены Глинской.
1547.	Вѣнчаніе Іоанна Грознаго на царство.
1550.	Судебникъ Іоанна Грознаго.
1551.	Стоглавый соборъ.
1552.	Покореніе Казанскаго царства.
1553.	Начало торговыхъ сношеній съ англичанами.
1558.	Начало Ливонской войны.
1560.	Кончина Анастасіи Романовны.
1563.	Открытіе типографіи въ Москвѣ.
1566.	Земскій соборъ по вопросу о Ливонской войнѣ.
1569.	Люблинская унія.
1572.	Пораженіе крымскаго хана на берегу р. Лопасни.

1582. Перемиріе съ Польшей близъ Запольскаго яма.
1583. Перемиріе со Швеціей на р. Плюсѣ. Покореніе Сибирскаго царства.
1584—1598. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича.
1589. Учрежденіе патріарщества.
1591. Смерть царевича Дмитрія въ Угличѣ.
1595. Церковная унія въ Западной Руси.
1598—1613. Смутное время.
1598—1605. Царствованіе Бориса Годунова.
1605—1606. Лжедмитрій I.
1606—1610. Василій Шуйскій.
1610—1613. Междуцарствіе или лихолѣтье.
1613—1645. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича Романова.
1617. Столбовскій миръ съ Густавомъ-Адольфомъ.
1618. Деулинское перемиріе съ Польшей.
1634. Поляновскій миръ съ Польшей.
1642. Земскій соборъ по вопросу объ Азовѣ.
1645—1676. Царствованіе Алексѣя Михайловича.
1648. Побѣды Богдана Хмельницкаго надъ поляками.
1649. Соборное Уложеніе.
1653. Земскій соборъ по вопросу о Малороссіи.
1654. Присяга Украйны на вѣрность царю.
1661. Миръ со шведами въ Кардисѣ.
1662. Денежный бунтъ въ Москвѣ.
1666. Низложеніе патріарха Никона.
1667. Андрусовское перемиріе съ Польшей.
1671. Казнь Разина.
1676—1682. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.
1681. Бахчисарайское перемиріе съ Турціей.
1682—1725. Царствованіе Петра I Великаго.
1682. Славяно-греко-латинская Академія въ Москвѣ. Стрѣлецкій бунтъ въ Москвѣ.
1682—1689. Правленіе царевны Софьи Алексѣевны.
1686. „Вѣчный миръ“ съ Польшей.
1687—1689. Два похода на Крымъ.
1695—1696. Два похода на Азовъ.
1697. Первое путешествіе Петра Великаго за границу.
1700—1721. Великая Сѣверная война.
1700. Пораженіе русскихъ подъ Нарвою.
1702. Взятіе Нотебурга или Орѣшка.
1703. Основаніе Петербурга.
1704. Взятіе русскими Дерпта (Юрьева) и Нарвы.
1709. Полтавская побѣда.
1710. Взятіе русскими Выборга, Ревеля и Риги.
1711. Прутскій походъ. Учрежденіе Сената.
1714. Морская побѣда русскихъ надъ шведами при мысѣ Гангудѣ Указъ объ единонаслѣдіи.
1718. Первая ревизія податного населенія. Подушная подать. Смерть царевича Алексѣя.
1719. Административное раздѣленіе Россіи на губерніи.
1721. Ништадтскій миръ. Принятіе Петромъ Великимъ императорскаго титула. Учрежденіе Святѣйшаго Сунода.
1722. Табель о рангахъ. Указъ о преемствѣ престола.
1723. Договоръ съ Персіей.
1725—1727. Екатерина I.
1725. Открытіе Академіи Наукъ.
1727—1730. Петръ II.
1730—1740. Анна Іоанновна.
1740—1741. Іоаннъ VI Антоновичъ.
1741—1761. Елизавета Петровна.
1743. Миръ со Швеціей въ г. Або.
1755. Учрежденіе Московскаго университета.
1756. Общественный театръ въ Петербургѣ.

1757. Учрежденіе Академіи Художествъ въ Петербургѣ.
1761—1762. Петръ III.
1762—1796. Екатерина II Великая.
1767. Коммиссія для сочиненія проекта новаго Уложенія.
1768—1774. Первая турецкая война.
1772. Первый раздѣлъ Польши.
1775. Учрежденіе для управленія губерній. Казнь Пугачева.
1780. Вооруженный нейтралитетъ.
1783. Присоединеніе Крыма. Закрѣпощеніе малороссійскихъ крестьянъ. Учрежденіе Россійской Академіи.
1785. Жалованныя грамоты дворянству и горожанамъ.
1787—1791. Вторая турецкая война.
1788—1790. Война со шведами.
1793. Второй раздѣлъ Польши.
1795. Третій раздѣлъ Польши.
1796—1801. Императоръ Павелъ I.
1797. Актъ о престолонаслѣдіи. Манифестъ о крестьянахъ.
1799. Походъ Суворова въ Италію.
1801. Присоединеніе Грузіи.
1801—1825. Императоръ Александръ I.
1802. Учрежденіе Государственнаго Совѣта и Министерствъ.
1803. Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ.
1805. Аустерлицкое пораженіе.
1807. Тильзитскій миръ.
1806—1812. Война съ Турціей.
1808—1809. Война со Швеціей.
1812. Отечественная война.
1813. Гюлистанскій договоръ съ Персіей.
1813—1814. Война за освобожденіе Европы.
1815. Священный союзъ.
1825—1855. Императоръ Николай I.
1825. Военный мятежъ въ Петербургѣ.
1826—1828. Персидская война.
1827. Наваринскій бой.
1828—1829. Война съ турками за освобожденіе грековъ.
1830. Польское возстаніе.
1833. Изданіе Свода законовъ. Договоръ въ Ункіаръ-Скелесси.
1837. Учрежденіе Министерства Государственныхъ Имуществъ.
1839. Возсоединеніе уніатовъ.
1842. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ.
1849. Венгерскій походъ.
1853—1856. Восточная или Крымская война.
1855—1881. Императоръ Александръ II, Царь-Освободитель.
1856. Парижскій миръ.
1857. Главный Комитетъ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крестьянскомъ состояніи.
1861. Манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права (19 февраля).
1862. Установленіе единства кассы.
1863. Польскій мятежъ.
1864. Судебные Уставы. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Покореніе Кавказа.
1867. Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства.
1870. Городовое положеніе.
1871. Лондонская конференція.
1873. Хивинскій походъ.
1877—1878. Освободительная война съ Турціей.
1881—1894. Императоръ Александръ III.
1882. Учрежденіе крестьянскаго земельнаго банка.
1885. Учрежденіе дворянскаго земельнаго банка.
1894. Восшествіе на престолъ Государя Императора Николая II Александровича (21 октября).
1905. Манифестъ объ учрежденіи Государственной Думы (17 октября).

Оглавленіе.

стр.

Объ источникахъ русской исторіи 3

Страна и ея древнѣйшіе обитатели.

Природа страны 9
Древнѣйшіе обитатели Европейской Россіи 12
Славянское племя: его разселеніе и древнѣйшій бытъ 18
Сосѣди восточныхъ славянъ 22

Преданіе о началѣ Русскаго государства и первые князья.

Лѣтописный разсказъ о началѣ Русскаго государства 25
Олегъ. Игорь 27
Св. Ольга. Святославъ. 30
Языческій бытъ нашихъ предковъ 36

Принятіе христіанства.

Принятіе христіанской вѣры при Владимірѣ Святомъ 39
Борьба Владиміра со степняками 44
Владиміръ-христіанинъ. 47
Слѣдствія принятія христіанской вѣры 49

Расцвѣтъ и упадокъ Кіевской Руси.

Кіевская Русь при Ярославѣ Мудромъ 52
Ближайшіе преемники Ярослава Мудраго 59
Владиміръ Мономахъ 64
Политическое устройство волостей. Составъ общества 68
Упадокъ Кіевской Руси въ исходѣ XII вѣка. 73

Суздальская Русь.

Суздальская земля. Юрій I Долгорукій и Андрей Боголюбскій 75
Суздальская земля послѣ Андрея Боголюбскаго. Установленіе удѣльнаго порядка 82

стр

Татарское нашествіе 87
Золотая или Кипчакская орда 91
Ярославъ Всеволодовичъ и Св. Александръ Невскій 93

Новгородская Русь.

Торговля Великаго Новгорода 98
Новгородская колонизація. 104
Государственное устройство Великаго Новгорода. Сословія 107
Псковъ 112

Юго-западная Русь и ея подчиненіе Литвѣ.

Юго-западная Русь послѣ татарскаго погрома 115
Литва и ея объединеніе 118
Унія Литовско-русскаго великаго княжества съ Польшей при Ягайлѣ . . 123
Витовтъ 125

Начало и развитіе Московской Руси.

Начало Москвы 129
Іоаннъ I Калита и сыновья его 133
Дмитрій Іоанновичъ Донской 137
Василій I 141
Василій II Темный 142

Образованіе Великорусскаго государства и его дальнѣйшее развитіе.

Общая характеристика великаго княженія Іоанна III 146
Покореніе Великаго Новгорода и его земель 148
Уничтоженіе удѣловъ при Іоаннѣ III и Василіи III 152
Литовскія отношенія при Іоаннѣ III и Василіи III 155
Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ 159
Сверженіе татарскаго ига 162
Мысль о главенствѣ Московскаго царства въ православномъ мірѣ . . . 165

Переходъ удѣльнаго быта въ государственный.

Боярство и его притязанія 167
Нижніе слои служилаго класса. Помѣстная система. Тяглые и холопы . . 170
Монастырскія и церковныя земли. Іосифъ Волоцкій. 174
Дѣтство Іоанна Грознаго 177
Вѣнчаніе на царство и женитьба Іоанна 179
Внутренняя дѣятельность Іоанна Грознаго 181
Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ 186
Опричнина и ея значеніе въ борьбѣ съ боярствомъ 190
Борьба за Ливонію 193
Крымскіе татары и оборона южной границы 197
Покореніе Сибири 199

стр.
Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ 204
Учрежденіе патріаршества 206
Указы о крестьянахъ 209
Смерть царевича Дмитрія 213

Смутное время.

Прекращеніе династіи, борьба за престолъ и земскій соборъ 1598 г. Царь Борисъ 215
Первый самозванецъ 222
Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Разрушеніе государственнаго порядка . 225
Междуцарствіе 231
Спасеніе государства 235

Возстановленіе порядка.

Внутренняя дѣятельность въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Патріархъ Филаретъ. 241
Внѣшняя дѣятельность въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича 247
Земскій соборъ 1642 года 252

Время царя Алексѣя Михайловича.

Соборное уложеніе 255
Финансовое затрудненіе и попытка выйти изъ него 259
Возвышеніе Никона 262
Дѣятельность патріарха Никона 264
Начало раскола и соборъ 1666—1667 гг. 267
Движеніе Разина 270
Новыя вѣянія. Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ и др. 272

Малороссійскій вопросъ.

Соединеніе Литвы и Юго-западной Руси съ Польшей. Люблинская унія . 276
Іезуиты. Церковная унія и ея слѣдствія 280
Казачество и Богданъ Хмельницкій 283
Войны за Малороссію между Москвою и Рѣчью-Посполитою 286

Эпоха преобразованій.

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича 291
Московская смута 1682 года 294
Правленіе царевны Софьи Алексѣевны 300
Воспитаніе Петра Великаго и сверженіе царевны Софьи 303
Азовскіе походы 307
Первое путешествіе Петра Великаго за границу 310
Начало Великой Сѣверной войны 315
Продолженіе Великой Сѣверной войны 319

стр.
Осложненія Великой Сѣверной войны 322
Окончаніе Великой Сѣверной войны и Ништадтскій миръ. Принятіе императорскаго титула 328

Реформы Петра Великаго.

Военныя реформы 331
Реформа центральнаго управленія 333
Реформа областного управленія 336
Реформы сословныя. Подушная подать 337
Реформа церковнаго управленія 340
Просвѣщеніе и школы. 343
Дѣло царевича Алексѣя 345
Историческое значеніе дѣятельности Петра Великаго 349

Преемники Петра Великаго.

Екатерина I и Петръ II 350
Верховный тайный совѣтъ и Анна Іоанновна. 353
Бироновщина 356
Воцареніе Елизаветы Петровны 360
Правленіе Елизаветы Петровны. 364
Очеркъ внѣшнихъ событій въ царствованіе Елизаветы 369
Царствованіе Петра III и переворотъ 1762 года 371

Время императрицы Екатерины II.

Наказъ и Коммиссія 1767—1768 гг. 376
Областная реформа. Жалованныя грамоты 381
Крѣпостное право 384
Просвѣщеніе въ царствованіе императрицы Екатерины II 386
Внѣшняя политика Екатерины II. Первая турецкая война 390
Пугачевщина 393
Присоединеніе Крыма. Греческій проектъ. Вторая турецкая война. Война со шведами 396
Возвращеніе западно-русскихъ областей и паденіе Польши 400
Характеристика царствованія Екатерины II 404

Императоръ Павелъ I.

Дѣла внутреннія 406
Внѣшняя политика 409

Время императора Александра I.

Воспитаніе Александра I и вступленіе его на престолъ 414
Интимный Комитетъ 416
Сперанскій 421
Внѣшняя политика Александра I до Отечественной войны 423

стр.
Отечественная война до Бородинскаго боя 426
Отечественная война съ Бородинскаго боя до окончанія 429
Война за освобожденіе Европы отъ Наполеона и Вѣнскій конгрессъ . . 432
Характеръ второй половины царствованія. Вопросъ о престолонаслѣдіи . 434

Императоръ Николай I.

14 декабря и декабристы 437
Внутренняя дѣятельность императора Николая I 440
Польское возстаніе. Возсоединеніе уніатовъ 445
Западная политика императора Николая I 448
Восточная политика императора Николая I. Крымская или Восточная война . 450

Время императора Александра II.

Окончаніе Крымской войны и ея значеніе 455
Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 457
Земская и городская реформы 462
Судебная реформа 464
Всесословная воинская повинность 468
Экономическое развитіе Россіи 470
Успѣхи въ области просвѣщенія 473
Польское возстаніе 475
Покореніе Кавказа 478
Среднеазіатскія пріобрѣтенія. Успѣхи на Дальнемъ Востокѣ 480
Освободительная русско-турецкая война 483
Кончина императора Александра II 488

Общій обзоръ царствованія императора Александра III 489

Родословныя таблицы 493

Хронологическая таблица 497

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
Н.В.Г[illegible]
Влади[illegible] 13.
(Уголъ [illegible])
въ С.-П[illegible]
Телеф. 11[illegible]

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„Петербургскій Учебный Магазинъ“

(СПБ., Петерб. ст., Большой пр., д. 10).

Магазинъ имѣетъ на складѣ слѣдующія книги:

Алексѣевъ М. В. Пособіе при изученіи русскаго языка въ начальныхъ училищахъ, со словаремъ, ц. 40 к.

Арсеньева С. Д. Разсказы изъ Литовской исторіи, ц. 50 к.

Бѣляевская О. А. Изъ жизни маленькихъ людей. Разсказы учит., ц. 30 к.

Ея-же. Изъ-подъ снѣга. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, ц. 50 к.

Варнеке Б. Театръ. Лекціи по исторіи театра. К. Боринскаго, ц. 1 р.

Великановъ. Къ вопросу о реформѣ русскаго правописанія, ц. 10 коп.

Vioche C. Cours de français. Французскій учебникъ, въ двухъ частяхъ, ц. каждой части 75 к. Обѣ части высыл. нал. пл. за 1 р. 65 к.

Вильсонъ. Приключенія Шерлока Хольмса (на англ. языкѣ), № 1, Союзъ рыжеволосыхъ, ц. 50 к. № 2. Синій карбункулъ, ц. въ папкѣ 65 к.

Волотовскій А. С. Садовникъ. Общедоступное руков. для желающихъ заняться веденіемъ плодоваго сада, со мн. рис., ц. 75 к., съ перес. нал. плат. 90 к.

Его же. Спутникъ экзаменатора. Матеріалъ и вопросы для испытанія дѣтей по Закону Божію, Чтенію, Письму и Ариѳметикѣ; вып. I, ц. 40 коп., вып. II, ц. 40 к.

Волховской И. П. Разсказы изъ современной жизни, ц. 50 к.

Воскресенскій М., св. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Священная исторія, заповѣди, молитвы и символъ вѣры, ц. 12 коп.

Его же. Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, ч. II, ц. 8 коп.

Гаушильдъ. Учебникъ французскаго языка, ц. 65 к.

Глазуновъ. Пять комич. пьесъ для дѣтскаго театра, съ рис., ц. 80 к.

Его же. Декламаціонная хрестоматія. Часть I, ц. 1 р. 20 к. Часть II, ц. 80 к.

Дмитріевъ С. Курсъ русскаго языка для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Часть I, Этимологія, ц. 45 коп. Часть II, Синтаксисъ, ц. 45 коп. Ч. III. Пособіе при изученіи русской словесности, ц. 1 р.

Ерминъ Н. Родныя Звѣзды. Избранное для юношества и народа чтеніе изъ произвед. лучш. нашихъ писателей, ц. въ папкѣ 1 р., а съ пер. нал. плат. 1 р. 15 к.

Запанковъ. Учитель народной школы, ц. 25 коп.

Клунный. Курсъ геометріи, ц. 25 к.

Корытинъ. Обзоръ литературы по ариѳ. и геометріи, ц. 1 руб.

Его же. Коммерческая ариѳметика (печат.).

Круковская С. К. Китай. Очерки жизни и правовъ Небесной Имперіи, ц. 50 коп.

Ея же. Приключенія до-историческаго мальчика, ц. 75 коп.

Круковскій М. А. Астраханскій край, со мн. рис., ц. 60 коп.

Его же. Олонецкій край, со мн. рис., ц. 60 к.

Его же. Жизнь въ природѣ. Біологическіе очерки по Брэму, Маршалю и др. для дѣтей стар. возраста, съ 150 рис., ц. 1 р. 50 к.

Ладыженскій и Ореликинъ. Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народной школѣ, ц. 75 коп.

Лешс. Учебникъ нѣмецк. языка, ч. I, ц. 1 р. Ч. II, ц. 75 к.

Ливановъ Н. Учебный курсъ теоріи словесности для средн. учеб. завед., 7-е изд., ц. 1 р.

Матвѣевъ М. Курсъ пѣнія въ низш. класс. сред. учеб. завед. Руководство для учен. въ трехъ тетр. Тетр. I—15 к., тетр. II — 25 к., тетр. III — 60 к.

Его-же. Хоры для всѣхъ. 1, 2, 3 и 4 выпуски партитуры по 50 к. 1, 1, 3 и 4 вып. голосовъ по 50 к. каждый комплектъ.

Минъ Н. Р. Первый подарокъ народнымъ чтеніямъ и увеселительнымъ вечерамъ. Болѣе 200 разсказовъ, сценъ, стиховъ и проч., ц. 75 к.

Михайловскій. Латинская грамматика для духов. уч. 8-е изд., ц. 80 к.

Его же. Латинская хрестоматія для духовн. учил. 7-е изд., ц. 80 к.

Его же. Начальное руководство къ изученію латинскаго языка. Этимологія и синтаксисъ. 9-е изд., ц. 1 р.

Его же. Приложеніе къ 8-му изданію «Начальн. руков.», ц. 20 к.

Его же. Самоучитель итальянскаго языка по методѣ Берлица, ц. 1 р.

Михайловскій и Варнеке. Избранныя метаморфозы Овидія, ц. 1 р.

Ихъ же. Постатейный словарь къ метаморфозамъ Овидія, ц. 50 к.

Мордвиновъ И. Какъ устраивать въ семьѣ и школѣ елки, праздники и юбилеи? Сборникъ практ. указаній и статей для ролевого исполненія, ц. 1 р., а съ перес. нал. пл. 1 р. 10 к.

Невскій, св. Уроки пространнаго христіанскаго катихизиса, ц. 1 р.

Никитинъ И. С. Школьный рождественскій праздникъ. Сборникъ для трехголоснаго однороднаго хора, ц. 50 коп.

Его-же. Музыкальная хрестоматія, 68 однор. хоровъ на 3 голоса, ц. 80 к.

Орелкинъ П. Ѳ. Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа, со мн. рис. 2-е изд., ц. 15 к.

Павловичъ М. Г. Учебникъ теоріи словесности. Теоретическія положенія, историческія свѣдѣнія и разборы образцовъ, ц. 85 к.

Его же. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Полный курсъ средн. учеб. заведеній, ц. 85 к.

Посредниковъ А. Руководство къ обученію чтенію и письму по азбукѣ Ермина и Некрасова, ц. 25 к.

Его же. Сборникъ ариѳм. примѣровъ и задачъ, въ 2-хъ вып. Вып. I, ц. 15 коп.

Его же. Курсъ начальнаго правописанія въ народной школѣ, вып. I (средн. отд.), ц. 10 к., вып. II (стар. отд.), ц. 15 к.

Его же. Курсъ правописанія въ млад. отд. нач. школы, ц. 7 коп.

Пуцилло. „Въ родномъ мірѣ". Хрестоматія, ц. 85 к.

Его же. Примѣчанія къ хрестоматіи «Въ родномъ мірѣ», ц. 10 к.

Раевскій В. А. Записки по исторіи философіи, 2-е изд., ц. 80 к.

Рудаковъ В. Е. Гай Юлій Цезарь. Записки о галльской войнѣ. Переводы—близкій къ подлиннику и литературный съ примѣчаніями. Кн. I, ц. 30 к. Кн. II—IV, ц. 40 к. Кн. V—VI, ц. 40 к. Всѣ кн. нал. плат. высылаются за 1 р. 25 к.

РУССКІЯ

во Франціи 30 к.
въ Германіи 30 к.
въ Италіи 30 к.
въ Англіи 30 к.
въ Испаніи 30 к.
въ Греціи 30 к.
въ Японіи 30 к.
въ Швеціи 30 к.
въ Норвегіи 30 к.
въ Турціи 30 к.

Новѣйшія и легчайшія руководства къ изученію безъ посторонней помощи иностр. языковъ съ точнымъ произношен. каждаго слова русскими буквами. Нал. пл. кажд. вып. выс. за 45 к., три любыхъ вып. за 1 р.

Свѣтловъ П. И. Учебникъ зоологіи, сост. по программѣ кадетскихъ корпусовъ и фельдшерскихъ школъ, ц. 60 к.

Его же. Учебникъ ботаники, сост. по прогр. кадетскихъ корпусовъ и фельдшерскихъ школъ, ц. 50 к.

Суровцевъ А. Г. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность, ц. 80 к., а съ перес. нал. пл. 95 к.

Туркинъ І. Св. Праздникъ Рождества Пресв. Богородицы, ц. 25 к.

Его же. Праздникъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, ц. 25 к.

Его же. Праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, ц. 40 к.

Его же. Срѣтеніе Господне, ц. 35 к.

Тюленевъ П. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для стилист. упраж. учащихся въ млад. кл. гимназій, ц. 75 к.

Чебышева-Дмитріева Е. Вопросы начальной школы и педагогич. очерки, ц. 1 р.

Эрдель. Новый учеб. нѣм. языка, ч. I, ц. 1 р.

Его-же. Разск. нѣм. писательницъ (на нѣм. яз.), ц. 60 к.

Его-же. Разск. нѣм. писателей (на нѣм. яз.), ц. 50 к.

Книжныя новости:

1. Ермининъ и Некрасовъ. ***Курсъ чистописанія*** (русскія прописи). Три выпуска *косого* письма: I мл. отд., II сред. отд., III стар. отд. Столько же выпусковъ *прямого* письма. Цѣна кажд. вып. 5 коп.

2. Некрасовъ и Ермининъ. ***Курсъ рисованія*** начальной школы, въ трехъ выпускахъ; цѣна каждому выпуску 5 коп.

3. Ермининъ и Волотовскій. ***Новая книга*** для класснаго чтенія въ народной школѣ. Часть I, сред. отд., ц. 30 к. Совершенно переработ. изданіе.

4. Ихъ же. ***Четвертый годъ*** обученія въ начальной школѣ. Книга для класснаго чтенія, ц. 60 к.

5. А. А. Николаевъ. ***Историческая хрестоматія***. Пособіе для начальныхъ школъ, ц. 1 р. 20 к.

6. И. Малышевъ. ***Руководство къ изученію всеобщей исторіи.*** Средніе и новые вѣка. Для учительск. семинарій и городск. училищъ, цѣна 80 к.

7. Н. И. Коробка. ***Опытъ обзора исторіи русской литературы*** для школъ и самообразованія. Часть III. Эпоха реалистич. романа, ц. 1 р. 20 к. Часть I, ц. 60 к.

8. Дорогинны. ***Первые шаги.*** Руководство для дѣтей при изученіи нѣмецкаго языка, съ рисунками, вып. I, ц. 25 коп.; вып. II, ц. 50 к.

9. А. А. Николаевъ. ***„Крестьянская библіотечка".*** Книжки по вопросамъ общественной жизни. Вышли изъ печати №№ 1—20, по 5 коп.

10. Глазунова и Разина. ***Первая ступенька къ письменному изложенію мыслей***, ц. 10 коп.